РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1899 г.

Журналъ «Русская Школа» за 1896 и 1897 гг. одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 12-го февраля 1899 г. С.-Петербургъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О срокѣ представленія въ Министерство Народнаго Просвѣщенія отчетовъ о состояніи и дѣятельности учебныхъ заведеній по учебнымъ округамъ (28-го ноября 1898 г., за № 28.929).

Составленіе всеподданнѣйшихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отчетовъ значительно задерживается несвоевременнымъ доставленіемъ въ центральное управленіе Министерства отчетовъ о состояніи и дѣятельности учебныхъ заведеній по учебнымъ округамъ. Такъ, въ настоящее время Министерство не можетъ приступить къ составленію отчета за 1896 годъ за неполученіемъ всего матеріала отъ окружныхъ управленій.

Въ виду сего управлявшій Министерствомъ г. Товарищъ Министра просилъ г. попечителя озаботиться зависящимъ распоряженіемъ о своевременномъ доставленіи въ Министерство Народнаго Просвѣщенія отчетовъ по учебнымъ заведеніямъ ввѣреннаго ему округа, съ такимъ расчетомъ, чтобы не позже 1-го октября каждаго года въ центральное управленіе поступали отчеты за предыдущій годъ (Циркуляръ по Виленскому учебн. окр. 1898 г., № 12).

О томъ, что въ составъ членовъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ уѣздныхъ отдѣленій могутъ быть назначаемы исключительно лица православнаго исповѣданія (23-го ноября 1898 г., за № 28.524).

Одинъ изъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ обратился въ училищный при Святѣйшемъ Синодѣ совѣтъ съ представленіемъ о разъясненіи, могутъ-ли состоять членами епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ отдѣленій чины Министерства Народнаго Просвѣщенія изъ лицъ инославнаго исповѣданія. Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ заключеніе по сему вопросу училищнаго совѣта и принимая во вниманіе, а) что главная цѣль, которой призвана служить церковная школа, есть утвержденіе въ народѣ православнаго ученія вѣры и воспитаніе подрастающихъ поколѣній въ духѣ и преданіяхъ православной церковности, б) что достиженіе сей цѣли возможно лишь при единодушномъ и согласномъ дѣйствованіи въ строго-

*

православномъ направлении какъ учителей церковныхъ школъ, такъ и лицъ и учрежденій, призванныхъ къ завѣдыванію и управленію оными, призналъ не только желательнымъ, но и необходимымъ, чтобы въ составъ членовъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ уѣздныхъ отдѣленій входили исключительно лица православнаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ симъ, опредѣленіемъ отъ 17—30 го іюля сего года, за № 2.651, Святѣйшій Синодъ предоставилъ г. оберъ-прокурору войти въ надлежащія сношенія съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по примѣненію объясненнаго начала къ назначеніямъ въ означенные совѣты представителей учебнаго вѣдомства.

Сообщая объ изложенномъ, статсъ-секретарь Побѣдоносцевъ просилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія о принятіи соотвѣтственныхъ мѣръ по вѣдомству сего Министерства.

Признавая таковое ходатайство заслуживающимъ полнаго уваженія, управлявшій Министерствомъ г. Товарищъ Министра увѣдомилъ объ этомъ попечителей уч. округовъ для руководства.

Къ этому г. Товарищъ Министра присовокупилъ, что вообще допущеніе лицъ инославныхъ исповѣданій какъ къ педагогической дѣятельности въ начальныхъ училищахъ, назначенныхъ для православнаго населенія, такъ и къ занятію должностей директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ учрежденныхъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ православнымъ населеніемъ, въ виду ст. 3469 уст. уч. завед. (т. XI, ч. 1 св. зак., изд. 1893 г.) представляется неудобнымъ (ib.).

По вопросу о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе начальнаго учителя лицамъ мужского пола, окончившимъ курсъ четырехъ классовъ гимназіи (20-го августа 1898 г., № 20.908).

Дворянинъ Дубскій, представивъ свидѣтельство о переходѣ въ V классъ гимназіи и удостовѣреніе объ удовлетворительномъ 6-ти-мѣсячномъ исполненіи практическихъ при начальномъ народномъ училищѣ занятій, обратился къ директору Бердянской гимназіи съ просьбой о выдачѣ ему свидѣтельства на званіе учителя начальнаго училища, безъ особаго сокращеннаго испытанія, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ для лицъ женскаго пола, имѣющихъ свидѣтельства, поименованныя въ примѣчаніи 2 къ § 9 правилъ о спеціальныхъ испытаніяхъ 20 го марта 1896 г.

Вслѣдствіе представленія директора названной гимназіи попечитель просилъ у Департамента Народнаго Просвѣщенія разъясненій по сему вопросу, присовокупивъ, что, по его мнѣнію, ходатайство г. Дубскаго, въ виду § 12 названныхъ правилъ, не можетъ быть удовлетворено, хотя представленное имъ свидѣтельство объ окончаніи курса 4-хъ классовъ гимназіи и превышаетъ по объему курсъ женской прогимназіи.

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, что, по докладу г. Управляющему Министерствомъ вышеприведеннаго представленія г. попечителя по поводу ходатайства дворянина Дубскаго, его высокопревосходительство изволилъ просьбу Дубскаго оставить безъ послѣдствій (ib.).

По вопросу о вознагражденіи преподавателей, занимающихся въ различныхъ отдѣленіяхъ соединенныхъ промышленныхъ училищъ разныхъ разрядовъ (2-го сентября 1898 г., № 21.844).

Отдѣленіе промышленныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по приказанію его превосходительства управлявшаго Министерствомъ г. Товарища Министра, въ разъясненіе возбужденнаго г. управлявшимъ Московскимъ учебнымъ округомъ вопроса о вознагражденіи преподавателей, занимающихся въ различныхъ отдѣленіяхъ соединенныхъ промышленныхъ училищъ разныхъ разрядовъ, увѣдомило, что предоставленіе лицу, состоящему штатнымъ преподавателемъ въ одномъ изъ соединенныхъ училищъ и пользующемуся всѣми правами, присвоенными сей должности, тѣхъ-же правъ и въ другомъ училищѣ является излишнимъ, а потому означенное лицо за уроки, которые могутъ быть ему предоставлены въ этомъ послѣднемъ училищѣ, должно получать плату поурочно (ib.).

Объ отмѣнѣ пункта 2-го правилъ 18-го іюля 1888 г. о пріемѣ въ Томскій университетъ воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій (30-го сентября 1897 года, № 24.547).

Управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, г. Товарищъ Министра, въ предложеніи отъ 30-го сентября 1898 г., за № 24 547, увѣдомилъ управляющаго Западно-Сибирскимъ учебнымъ округомъ, что свидѣтельства и аттестаты, выдаваемые учебными заведеніями, не могутъ терять своей силы, и потому пунктъ 2-й правилъ 18-го іюля 1888 года о сохраненіи права поступленія въ Томскій университетъ студентовъ семинаріи въ теченіе лишь двухъ лѣтъ со дня окончанія ими семинарскаго курса отмѣняется (ib.).

О разрѣшеніи лицамъ, имѣющимъ высшее спеціальное образованіе и занимающимъ должности надзирателя въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, совмѣщать эти обязанности съ обязанностями преподавателя въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ (28-го іюля 1898 г., № 18.948).

Вслѣдствіе представленія попечителя Кавказскаго учебнаго округа отъ 10-го іюля 1898 года, за № 7.963, г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 28-го іюля того-же года, за № 18.948, изволилъ увѣдомить, что онъ разрѣшаетъ лицамъ, имѣющимъ высшее спеціальное образованіе и занимающимъ должность надзирателя въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, совмѣщать эти обязанности съ обязанностями преподавателя въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы такимъ преподавателямъ было предоставляемо не болѣе 12 годовыхъ уроковъ (ib. № 11).

О замѣщеніи вакансій казенно-коштныхъ пансіонеровъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (1-го іюля 1898 года, № 16.450).

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, что опредѣленіе дѣтей въ пансіоны при гимназіяхъ на казенное содержаніе зависитъ отъ усмотрѣнія г. попечителя. При этомъ его высокопревосходительство находитъ желательнымъ, чтобы при замѣщеніи открывающихся вакансій казенно-коштныхъ пансіонеровъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преимущество было отдаваемо дѣтямъ лицъ, служащихъ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія (ib.).

О возрастѣ учащихся, допускаемыхъ къ экзамену на полученіе свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ (8-го октября 1898 г., за № 24.989).

Одно изъ учебно-окружныхъ начальствъ обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ опредѣленіи точнаго срока, къ коему долженъ исполниться одиннадцатилѣтній возрастъ учащихся, допускаемыхъ, на основаніи § 16 утвержденныхъ 16 го ноября 1885 г. правилъ для выдачи льготныхъ свидѣтельствъ по п. 4 (нынѣ 3) уст. о воин. повин., къ экзамену на полученіе свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ.

Вслѣдствіе сего г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія призналъ цѣлесообразнымъ установить, чтобы къ означеннымъ испытаніямъ допускаемы были тѣ мальчики, которые имѣютъ одиннадцатилѣтній возрастъ, или которымъ одиннадцать лѣтъ исполнится къ 1-му сентября того-же года, въ который они держатъ испытанія (Циркуляръ по Рижскому учебн. округу 1898 г., № 11).

По вопросу объ испытаніи лицъ домашняго образованія въ знаніи курса данныхъ классовъ гимназіи (27-го мая 1898 г., за № 12.984).

Въ ст. 6 циркулярнаго предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 29-го января 1897 г., за № 2.517, о порядкѣ испытаній для лицъ домашняго образованія, указанъ только наименьшій нормальный возрастъ, положенный для соотвѣтственныхъ классовъ.

Въ виду этого обстоятельства, а также дальнѣйшаго изложенія той-же статьи, гдѣ говорится, что «постороннія лица, выдержавшія испытаніе и подавшія затѣмъ прошенія о принятіи ихъ въ соотвѣтствующій классъ учебнаго заведенія, въ отношеніи возраста и прочихъ условій подчиняются установленнымъ для пріема воспитанниковъ правиламъ...», на практикѣ встрѣчаются весьма частые случаи, что о допущеніи къ экзаменамъ изъ курса того или другого изъ младшихъ классовъ подаютъ прошенія лица великовозрастныя, переросшія установленный для тѣхъ классовъ возрастъ на значительное число лѣтъ.

Вслѣдствіе сего попечитель Кіевскаго учебнаго округа просилъ Депар-

таментъ Народнаго Просвѣщенія не отказать въ разъясненіи: 1) какого приблизительно предѣльнаго возраста надлежитъ придерживаться при допущеніи постороннихъ лицъ къ экзаменамъ изъ курса каждаго класса въ отдѣльности вмѣстѣ съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній; 2) подлежатъ-ли обложенію гербовымъ сборомъ прошенія о допущеніи означенныхъ лицъ къ экзаменамъ и 3) такъ какъ существующій при управленіи учебнаго округа испытательный комитетъ производилъ испытанія лицамъ, желающимъ подвергнуться экзамену изъ курса 4-хъ классовъ гимназіи для пріобрѣтенія соотвѣтствующихъ этому курсу правъ, напр., званія аптекарскаго ученика, то не будетъ-ли признано цѣлесообразнымъ всѣхъ лицъ, желающихъ подвергнуться испытанію изъ курса 4-хъ классовъ гимназіи, экзаменовать въ означенномъ комитетѣ.

Въ разъясненіе возбужденныхъ вопросовъ, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія изъяснилъ, что 1) въ тѣхъ случаяхъ, когда на испытаніе въ среднія учебныя заведенія являются такія лица домашняго воспитанія, которыя достигли уже совершеннолѣтія или призывного возраста и даже превзошли его, слѣдовало-бы допускать сихъ лицъ въ установленные сроки къ испытаніямъ въ знаніи курса не ниже четырехъ низшихъ классовъ, имѣющихъ-же свидѣтельства о знаніи 4-хъ классовъ—изъ курса 5 и 6 классовъ гимназій и прогимназій—или 5 класса основного отдѣленія реальныхъ училищъ (§ 40 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій и § 33 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ); равнымъ образомъ, лица означеннаго возраста могутъ быть допускаемы къ испытаніямъ въ знаніи курса 7 и 8 класса (зрѣлости) гимназіи и выпускнымъ и окончательнымъ въ реальныхъ училищахъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда желающія экзаменоваться изъ курса того или другого класса средняго учебнаго заведенія лица домашняго воспитанія имѣютъ возрастъ нѣсколько болѣе установленнаго для даннаго класса, напримѣръ, на годъ или на два, представляется возможнымъ допускать такихъ лицъ къ испытанію на основаніяхъ, изложенныхъ въ циркулярномъ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 29-го января 1897 года, за № 2.517; если-же эти лица, по выдержаніи испытанія, заявятъ желаніе поступить въ число учениковъ средняго учебнаго заведенія, то надлежитъ руководствоваться параграфами упомянутыхъ правилъ. Засимъ 2) прошенія такихъ лицъ о допущеніи къ помянутымъ испытаніямъ не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ, на общемъ основаніи. Наконецъ, 3) испытанія эти должны производиться при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а не при испытательномъ комитетѣ округа (ib.).

О томъ, чтобы за свидѣтельства на званіе домашней наставницы взыскивалось 12 руб. (16-го іюля 1898 года, за № 18.002).

Вслѣдствіе возникшей переписки относительно размѣра пошлинъ, взимаемыхъ со свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставницъ по 15 руб., какъ и съ домашнихъ наставниковъ, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, что по закону 15 р. взыскивается лишь за свидѣтельства на званіе домашнихъ наставниковъ, такъ какъ размѣръ пенсіи симъ лицамъ установленъ въ 270 р. Подводить подъ эту категорію домашнихъ

наставницъ нѣтъ никакого законнаго основанія, ибо онѣ по пенсіи не пользуются правами домашнихъ наставниковъ, а сравнены съ домашними учителями и учительницами, съ коихъ взыскивается при выдачѣ свидѣтельствъ лишь по 12 р., а потому и за свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ надлежитъ взимать ту-же плату (ib. № 10).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «*Т. Рибо.* Эволюція общихъ идей. (L'évolution des idées générales). Переводъ съ французскаго *Н. Н. Спиридонова.* М. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Стр. XX + 338. Цѣна 80 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Систематическій сборникъ разсказовъ для пересказа и перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. I часть. *Ѳ. К. Андерсона.* Пятое исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1898. Стр. 131. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ классовъ гимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Латинская грамматика примѣнительно къ русской. Систематическій курсъ гимназій. Составилъ *Ив. Цвѣтковъ.* Харьковъ. 1898. Стр VI + 222. Цѣна 1 рубль»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: «Cours complet de langue française par *A. Challandes.* Полный курсъ французскаго языка составилъ *А. Шаллантъ*»: 1) «Cours préparatoire. Deuxième édition. Приготовительный курсъ. Изданіе второе. St.-Pétersbourg. 1899. Стр. 64. Цѣна 30 коп.»—2) «Première année. Sixième édition. Первый годъ. Изданіе шестое. St.-Pétersbourg. 1898. Стр. 80. Цѣна 35 коп.»—3) «Deuxième année. Cinquième édition. Второй годъ. Изданіе пятое. St.-Pétersbourg. 1899. Стр. 100. Цѣна 50 коп.»—4) «Troisième année. Quatrième édition. IV-e classe des gymnases de garçons. Третій годъ. Изданіе четвертое. IV классъ мужскихъ гимназій. St.-Pétersbourg. 1899. Стр. 122. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Grammaire française élémentaire à l'usage des classes inférieures et moyennes des établissements d'éducation par *A. Challandes.* Première partie. Septième édition. Французская элементарная грамматика для низшихъ и среднихъ классовъ учебныхъ заведеній составилъ *А. Шаллантъ.* Часть первая. Изданіе седьмое. St-Pétersbourg. 1898. Стр. 96. Цѣна 40 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «*И. Коростовецъ,* Китайцы и ихъ цивилизація. Съ приложеніемъ карты Китая, Японіи и Кореи. Изданіе второе. Спб. Изданіе книжнаго магазина Н. Аскарханова. 1898. Стр. VIII + 625 + III.

---

*) Журналъ Министерства Нар. Просв. 1899 г., январь.

Цѣна 3 руб. 75 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «Елена Іоанновна, великая княгиня Литовская, Русская, королева Польская. Біографическій очеркъ въ связи съ исторіей того времени. *Е. Церетели.* Въ пользу общества вспоможенія окончившимъ курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1898. Стр. II + 356. Цѣна 1 руб. 50 к.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и одобрить для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: «*Э. Кошвицъ.* Профессоръ университета въ Марбургѣ. Руководство къ изученію французской филологіи (для студентовъ, учителей и учительницъ). Переводъ по тексту, просмотрѣнному и дополненному авторомъ, *Н. Б. Струве*, подъ редакціей и съ предисловіемъ *Ѳ. Д. Батюшкова*, приватъ-доцента по французскому языку и литературѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, и съ приложеніемъ статьи «О лѣтнихъ вакаціонныхъ курсахъ въ Парижѣ и Марбургѣ» *В. Б. Струве*, инспектора классовъ С.-Петербургскаго Сиротскаго Института Императора Николая I. Спб. 1899. Стр. XVI + 174. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 рубль»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: «*Кв. Горацій Флаккъ.* Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями *П. Порфирова.* Спб. 1898. Стр. 61. Цѣна 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: «Cours de correspondance commerciale française à l'usage des Ecoles de Commerce et des classes commerciales des Ecoles Réales par *P. Ducommun*, Maître de langue française à l'Ecole Réale de Moscou et à l'Ecole de Commerce de Mr. Masing. Курсъ французской торговой корреспонденціи для коммерческихъ училищъ и для коммерческихъ классовъ реальныхъ училищъ. Составилъ *П. Дюкоммюнъ*, учитель французскаго языка въ Московскомъ реальномъ училищѣ и въ Коммерческомъ училищѣ К. К. Мазинга. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники Бр. Салаевыхъ». 1898. Стр. IV + 138 + 124. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Deutsches Lesebuch für mittlere und obere Klassen der mittleren Lehranstalten. Mit Anmerkungen und Wörterbuch von *I. Grosspietsch.* Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Съ примѣчаніями и словаремъ составилъ *І. Гроспичъ.* М. 1898. Стр. VII + 356. Цѣна 1 рубль 15 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: «Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею *А. Н. Чудинова.* Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей»: 1) «Выпускъ V. Поэма и избранные романсы о Сидѣ въ переводахъ рус-

скихъ писателей. Испанскій народный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.—Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. Спб. 1897. Стр. IV + 157. Цѣна 50 коп.»—2) Выпускъ XI. *Франческо Петрарка* (1304—1374). Избранные сонеты и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV сонетовъ.—I—III канцоны.—Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. Спб. 1898. Стр. VIII + 42. Цѣна 25 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «*Л. Г. Лопатинскій*. Краткая латинская грамматика Изданіе седьмое. Тифлисъ. 1898. Стр. VIII+118. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Рельефную карту Карпато-Балканскихъ странъ, составленную майоромъ румынской арміи *Боереску*—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ числѣ учебныхъ пособій, пріобрѣтаемыхъ на спеціальныя средства названныхъ заведеній.

— Книгу: «Пособіе при изученіи исторіи русской литературы. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Составилъ *Аркадій Сосницкій*. М. 1898. Стр. II+79. Цѣна 25 коп.»—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки, изданныя книжнымъ магазиномъ В. Думнова: 1) «Одиссея *Гомера*. Пѣснь XI. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. М. 1897. Стр. IV+66. Цѣна 40 коп.»—2) «Одиссея *Гомера*. Пѣснь XII. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. М. 1898. Стр. IV + 47. Цѣна 30 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книгу: «Свящ. *Вл. Ангельскій*. Разсказы изъ исторіи западнорусской церкви. Вильна. 1898. Стр. IV+152. Цѣна 60 к.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *И. Сигъ*. Часть I. Курсъ младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. 4-е изданіе. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. М. 1898. Стр. XXV+468. Цѣна 1 р. 40 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Grammaire française à l'usage des écoles russes. Школьная грамматика французскаго языка, составленная *Е. Конофъ*, преподавательницей французскаго языка 3-й Московской женской гимназіи. М. 1898. Изд. маг. «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣсской. Стр. XVIII+166+88. Цѣна 90 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для трехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Красноводскій отрядъ. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ Каспійскаго моря по 1873 г. включительно. Изд. 2-е, дополненное. Съ картою театра дѣйствій. *В. Маркозовъ*. Спб.

1898. Стр. 309. Цѣна не обозначена»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Первая помощь при внезапныхъ несчастныхъ случаяхъ. Составилъ д-ръ *В. М. Зыковъ*, ассистентъ госпитальной хирургической клиники, по сочиненію проф. *Мозетигъ-Мооргофа*, подъ редакціей проф. *Л. Л. Левшина*. Съ 30 рис. въ текстѣ. М. 1898. Стр. IV+144+VIII въ 16-ю долю листа. Цѣна 60 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ *Ѳ. Ѳ. Клау*, преподаватель физики и математики реальнаго отдѣленія училища св. Анны въ С.-Петербургѣ. Съ 34 политипажами въ текстѣ. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1898. VIII+111. Цѣна 70 коп.» — рекомендовать для пріобрѣтенія, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ ученическія библіотеки мужскихъ и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «*Н. А. Варпаховскій*. Опредѣлитель прѣсноводныхъ рыбъ Европейской Россіи. Съ 102 рисунками въ текстѣ. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1898. Стр. VIII+240. Цѣна не обозначена»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ преподается естествознаніе, а также и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: «*Платонъ*. Апологія Сократа и діалогъ Критонъ. Переводъ съ греческаго съ объяснительными примѣчаніями. *Дмитрія Лебедева*. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1898. Стр. 124. Цѣна 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: «Проф. д-ръ *Э. Бокъ*. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Переводъ съ шестнадцатаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра мед. *В. И. Рамма*. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. Изд. М. В. Попова. 1898. Стр. 1159+27+VII. Цѣна не обозначена»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки для выдачи взрослымъ читателямъ.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: «Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для классснаго и домашняго чтенія»: 1) «*Schiller*. Wilhelm Tell. Ein Schauspiel in fünf Aufzügen («Вильгельмъ Телль» *Шиллера*). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и двумя географическими картами. Объяснилъ *Г. Ю. Ирмеръ*, лекторъ нѣмецкаго языка при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Изданіе С. А. Манштейна (второе, исправленное и дополненное). Спб. 1898. Стр. 204+45. Цѣна со словаремъ 40 коп.»—2) *G. E. Lessing*. Emilia Galotti. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. (*Лессингъ*. «Эмилія Галотти»). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *Г. К. Корнъ*. Изданіе С. А. Манштейна (второе, заново переработанное). Спб. 1898. Стр. 142+21. Цѣна со словаремъ 40 коп.»—рекомендовать, какъ весьма

полезныя пособія при изученіи нѣмецкаго языка во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Опредѣленія Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Учебникъ: «*В. Н. Сатаровъ*. Систематическій диктантъ. Учебное пособіе для учениковъ народныхъ и церковно-приходскихъ школъ. М. Изд. К. И. Тихомирова. 1898. Стр. 117. Цѣна 30 коп.»—допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, въ начальныя народныя училища.

— Книжку: «*Цвѣткова-Катенкампъ*. Пѣвунья Паша. Разсказъ. Изданіе редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1896. Стр. 84. Цѣна 20 коп.»—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: «Солдатская библіотека. Изданіе В. А. Березовскаго. 8-й комплектъ»: 1) «№ 143. Св. Нина. Просвѣтительница Грузіи. Стр. 12. Цѣна 3 коп.»—2) «№ 144. Персидскій походъ Зубова. Стр. 16. Цѣна 4 коп.»—3) «№ 145. Князь Циціановъ. Стр. 17. Цѣна 5 коп.»—4) «№ 146. Взятіе крѣпости Ганжи. Стр. 22. Цѣна 6 коп.»—5) «№ 152. Покореніе Кабарды. Стр. 19. Цѣна 5 к.»—6) «№ 153. Крѣпости Чхери и Мухури. Стр. 12. Цѣна 3 коп.»—7) «№ 154. Генералъ Симановичъ. Стр. 22. Цѣна 6 коп.»—8) «№ 155. Котляревскій. Стр. 35. Цѣна 9 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: «Искусства и промыслы въ животномъ царствѣ. *А. Николаева* (по Houssay). Кіевъ. 1898. (Кіевское Общество Грамотности. № 5). Стр. 71. Цѣна 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе указанія Ученаго Комитета.

— Книги, составленныя *С. Граменицкимъ*: 1) «Первая книга для чтенія. Пособіе для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Ташкентъ. 1898. Стр. II + 30 + 48 + 12. Цѣна 30 коп.»—2) «Вторая книга для чтенія. Пособіе для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Ташкентъ. 1898. Стр. 78. Цѣна 30 коп.»—первую одобрить, а вторую допустить для класснаго употребленія въ инородческихъ начальныхъ народныхъ училищахъ Туркестанскаго края и вообще Восточной Россіи.

— Книжки изданія О. Н. Поповой: 1) «Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ Фритьофъ Нансенъ. *О. Н. Поповой*. Съ 38 рисунками. Спб. 1898. Стр. 178. Цѣна 50 коп.»—2) «Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. III. Великая пустыня. Описаніе Сахары. Составила *С. Круковская*. Съ 22 рисунками. Спб. 1899. Стр. 94. Цѣна 40 коп».—3) «Матросы корабля Надежда. Разсказъ *В. Сѣрошевскаго*. Съ 10 рисунками.

Спб. 1899. Стр. 80. Цѣна 35 коп.»—первую одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и безплатныхъ народныхъ читаленъ, вторую одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, для безплатныхъ читаленъ и народныхъ чтеній, а третью допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя-же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «*Г. Дьяченко* и *А. Преображенскій.* Доброе слово. Книга первая. Для класснаго чтенія въ сельскихъ народныхъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и въ церковно-приходскихъ школахъ. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное. Иллюстрировано. М. 1898. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. VIII + 174 + 1 табл. «Образцы рисованія по клѣткамъ». Цѣна 35 коп.—Книга вторая. Изданіе 5-е, дополненное. Стр. X + 229. Цѣна 45 коп.—Книга третья. Изданіе 4-е, исправленное. Стр. IX + 306. Цѣна 60 коп.» — одобрить для класснаго употребленія во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книжку: «*А. Погоскій.* Александръ Васильевичъ Суворовъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Его жизнь и побѣды. Составлено по исторіямъ: Н. А. Полевого и графа Д. А. Милютина. Изданіе 4-е. Спб. 1898. Стр. 79. Цѣна 25 коп.» — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: «Паломникъ во Святой Землѣ (подарокъ родинѣ). Сочиненіе *К. И. Конева.* Изданіе 3-е. Астрахань. 1898. Стр. 43. Цѣна 25 к.»— допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: «Чтенія о Святой Землѣ. Выпуски IX — XVI (Ветхій Завѣтъ (I—VIII) протоіерея *В. С. Соловьева*).—Выпуски XLI и XLV (Русскіе паломники Святой Земли. *В. Н. Хитрово*). Спб. 1898. Цѣна каждаго выпуска 15 коп.» — 2) «Палестинскій патерикъ. 2-е изданіе. Выпуски 2 и 3. Стр. 108 и 26. Цѣна 20 и 10 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ таковыя-же, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: 1) «Музыка и пѣніе. Ежемѣсячный музыкальный журналъ для пѣнія, одноголоснаго и хорового, фортепіано и другихъ инструментовъ. Спб. 4-й годъ изданія: 15-го ноября 1897 — 15-го октября 1898. №№ 1—12. Цѣна безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 руб.» — 2) «Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію. Составилъ *А. Н. Карасевъ.* (Приложеніе къ журналу «Музыка и пѣніе»). Спб. 1898. Стр. 157. Цѣна 1 руб.»—первое одобрить, а второе допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: «Къ рабочему человѣку. I. Бесѣда о трудѣ. *Ивана Л.* Москва. 1898. Стр. 16. Цѣна 3 коп.» (складъ изданія у книгопродавца Н. Н. Морева въ Спб.)—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Опредѣленія отдѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ господиномъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, постановлено:

— Двѣ брошюры доктора *Симонова*, подъ заглавіями: «первая—Домашнее отопленіе. Съ 80-ю рисунками, подъ редакціей профессора инженеръ-генералъ-лейтенанта Войницкаго. Спб. 1890. 132 стр. Цѣна 1 руб.; вторая—*Способы домашняго освѣщенія*. Съ 44-мя рисунками въ текстѣ, при содѣйствіи М. Алибегова, для освѣщенія разными маслами, Г. С. Ламанскаго—для газоваго освѣщенія и С. Чиколева — для электрическаго освѣщенія. Спб. 1889. 110 стр. Цѣна 1 р. 25 к.»—одобрить означенныя брошюры для промышленныхъ училищъ всѣхъ типовъ и для библіотекъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и городкихъ училищъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛЪ.

(*Окончаніе*).

3. Частная инициатива въ дѣлѣ распространенія воскресныхъ школъ.

Какъ и въ первый періодъ своего существованія (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ), воскресныя школы въ настоящее время обязаны своимъ распространеніемъ, главнымъ образомъ, частной инициативѣ. Дѣло воскресныхъ школъ вынесли на своихъ плечахъ. популяризовали его и распространили по всему лицу земли русской не кто иной, какъ именно ревнители народнаго просвѣщенія, подвигнутые на работу не своими оффиціальными обязанностями, а исключительно любовью къ дѣлу, сознаніемъ обязанности работать для просвѣщенія народной массы. Въ качествѣ мотива дѣйствій здѣсь, въ дѣлѣ распространенія воскресныхъ школъ за послѣднія 20 лѣтъ, съиграли главную роль сознаніе своей обязанности, нравственное просвѣтленіе. Этотъ маленькій, частный примѣръ особенно удобенъ для провѣрки разныхъ историческихъ теорій, видящихъ въ жизни человѣческихъ обществъ лишь слѣпую необходимость или, еще проще, чисто-матеріальные факторы и совершенно не замѣчающихъ главнаго фактора исторіи человѣческой личности съ ея нравственными качествами. Люди, распространившіе воскресную школу, работали всюду безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія, работали при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, встрѣчая нерѣдко подозрительное отношеніе къ себѣ и своей дѣятельности, всякаго рода препятствія, терпя нерѣдко изъ-за своего участія въ воскресныхъ школахъ матеріальныя потери и всякаго рода неудобства. И, однако, они все это преодолѣли, стали выше всего этого и сдѣлали свое дѣло, побуждаемые исключительно сознаніемъ своей обязанности, своего долга передъ народомъ, такъ нуждающемся въ помощи тѣхъ, кто успѣлъ выйти изъ тьмы невѣжества.

Но частная инициатива взялась за дѣло воскресныхъ школъ не сразу, а лишь медленно, постепенно подходила къ нему. Причинъ тому было много. Надо имѣть въ виду, что въ 70-е, а въ значи-

тельной мѣрѣ и въ 80-е годы наше общество далеко не придавало народному просвѣщенію такого первенствующаго, всеобъемлющаго значенія, какое ему стало придаваться въ 90-е годы. Для многихъ работа въ области народнаго просвѣщенія казалась даже совсѣмъ пустымъ дѣломъ, своего рода самообманомъ, закрываніемъ глазъ на «настоящее дѣло». Люди мечтали о томъ, какъ сразу перепрыгнуть въ золотой вѣкъ, безъ медленной, кропотливой культурной работы, которая должна вестись всюду и вездѣ, вплоть до послѣдняго захолустнаго уголка. Отголоски этого страннаго направленія можно услышать и теперь, но такія заявленія о незначительномъ значеніи культурной работы заставляютъ чаще смотрѣть на ихъ авторовъ, лишь какъ на людей невѣжественныхъ, тогда какъ двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ такое теченіе пользовалось значительнымъ престижемъ. Къ тому же участіе частной иниціативы въ области народнаго просвѣщенія встрѣчало въ то время крайне серьезныя препятствія, о которыхъ теперь даже странно читать и слышать. И если и теперь частная иниціатива въ области народнаго просвѣщенія все еще часто встрѣчаетъ разнообразнаго рода препятствія, то въ 70-ые годы эти стѣсненія и препятствія были въ сотни разъ сильнѣе. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы разскажемъ читателю, съ какими трудностями было сопряжено открытіе Харьковской женской воскресной школы Х. Д. Алчевской, и читатель на этомъ примѣрѣ увидитъ всю затруднительность для частной иниціативы проявить себя въ области народнаго просвѣщенія въ 70-е годы. Теперешнему поколѣнію добровольныхъ работниковъ на нивѣ народнаго образованія не лишне обращать иногда взоры на это прошлое, чтобы, съ одной стороны, съ благодарностью вспоминать о тѣхъ, кто своею настойчивостью освободилъ путь частной иниціативы отъ многихъ совершенно безцѣльныхъ препятствій, а съ другой, чтобы въ примѣрахъ борьбы съ этими препятствіями своихъ предшественниковъ находить поддержку для своей работы, которой также приходится наталкиваться на препятствія, хотя и значительно меньшаго размѣра и легче преодолимыя.

Въ частности по отношенію къ воскреснымъ школамъ была и еще одна причина, которая удерживала частную иниціативу отъ созданія этого типа народно-просвѣтительныхъ учрежденій. Запретъ, наложенный на воскресныя школы въ 1862 году, и павшая на нихъ тѣнь подозрѣнія, какъ мы теперь знаемъ, совершенно неосновательнаго, привели къ тому, что этотъ типъ народно-просвѣтительнаго учрежденія былъ совершенно забытъ. Выросло поколѣніе, которое ничего не знало о воскресныхъ школахъ. Примѣръ-же воскресныхъ школъ, которыя въ концѣ 60-хъ годовъ были открыты при духовныхъ

семинаріяхъ, всего менѣе былъ въ состояніи привлечь интересъ и симпатіи общества къ этимъ учрежденіямъ. Лишь мало-по-малу стали снова появляться въ печати извѣстія о воскресныхъ школахъ. Но эти извѣстія были и рѣдки, и появлялись лишь въ педагогическихъ изданіяхъ, имѣвшихъ свой особый и притомъ крайне немногочисленный кругъ читателей. Кажется, единственное исключеніе представляли двѣ-три замѣтки о воскресныхъ школахъ, помѣщенныя въ началѣ 70-хъ годовъ бар. Корфомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Но онѣ, очевидно, прошли незамѣченными и никого не заинтересовали. Большая работа г. Миропольскаго, посвященная Харьковской женской воскресной школѣ, появилась въ 1877 году въ журналѣ «Семья и Школа», но, очевидно, осталась также совершенно неизвѣстною большинству общества, не читающаго педагогическихъ журналовъ. Такимъ образомъ, почти до половины 80-хъ годовъ наше общество не имѣло и возможности ознакомиться съ воскресными школами.

Неудивительно, что послѣ открытія воскресныхъ школъ въ Харьковѣ (г-жей Алчевской) и въ Петербургѣ (г-жей Старынкевичъ) прошло цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ не было открыто ни одной воскресной школы по частной иниціативѣ. Только въ 1882 году частная иниціатива снова выступаетъ на сцену въ данной области. Въ этомъ году были открыты по частной иниціативѣ три воскресныя школы—одна въ Петербургѣ (такъ-называемая «Никольская») и двѣ въ Славянскѣ (Харьковской губерніи), при чемъ въ послѣднемъ городѣ воскресныя школы были открыты мѣстнымъ отдѣленіемъ или комитетомъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. Въ слѣдующемъ 1883 году были открыты двѣ мужскихъ воскресныхъ школы на Шлиссельбургскомъ трактѣ,—фабричной мѣстности подъ Петербургомъ; школы эти были открыты по иниціативѣ покойнаго Н. А. Варгунина мѣстнымъ Фарфоровскимъ приходскимъ попечительствомъ. Здѣсь-же въ 1884 году была открыта женская воскресная школа тѣмъ-же попечительствомъ, а въ слѣдующемъ 1885 году—вторая женская воскресная школа, преобразованная впослѣдствіи въ мужскую. Въ этомъ-же 1885 году открыта женская воскресная школа въ Тифлисѣ; основательницей ея явилась извѣстная дѣятельница въ области народнаго просвѣщенія О. В. Кайданова. Въ 1886 году открыта мужская воскресная школа въ Челябинскѣ двумя учителями мѣстнаго уѣзднаго училища. Въ 1887 году была открыта мужская воскресная школа въ Одессѣ по иниціативѣ кружка мѣстныхъ педагоговъ; школа эта, однако, просуществовала всего нѣсколько лѣтъ и затѣмъ закрылась отъ недостатка учащихъ. Въ томъ-же 1887 г. открыта женская воскресная школа въ Иркутскѣ. Къ этому перечню нужно присоединить еще

открытую въ 1884 году субботнюю школу для евреевъ; эта школа, также открытая по частной инициативѣ, по своимъ пріемамъ и задачамъ является совершенно аналогичною воскреснымъ школамъ. Впрочемъ, о субботнихъ школахъ мы будемъ говорить въ очеркѣ, посвященномъ современному положенію нашихъ воскресныхъ школъ.

Названными школами и исчерпывается перечень воскресныхъ школъ, открытыхъ по частной инициативѣ до 1888 года. Такимъ образомъ, не считая воскресныхъ школъ, открытыхъ въ селахъ, которыя до 1888 года даже не назывались воскресными школами, а носили наименованіе воскресныхъ или повторительныхъ классовъ и предназначались исключительно для прошедшихъ начальную школу, повторявшихъ въ этихъ классахъ пройденное въ школѣ, и воскресныхъ школъ, открытыхъ петербургскимъ и московскимъ городскимъ управленіемъ, которыя и по немногочисленному составу учащихъ и учащихся, и по существованію вознагражденія преподающихъ за занятія въ школахъ значительно отличались отъ воскресныхъ школъ, открытыхъ по частной инициативѣ и поддерживаемыхъ последнею,— школъ последняго рода въ Россіи къ 1888 году было всего 16: двѣ въ Петербургѣ (Владимірская и Никольская—обѣ женскія), 4 на Шлиссельбургскомъ трактѣ (двѣ мужскихъ и двѣ женскихъ), одна въ Харьковѣ (женская — Х. Д. Алчевской), одна въ Одессѣ (мужская), одна въ Тифлисѣ (женская—О. В. Кайдановой), одна въ Челябинскѣ (мужская), двѣ въ Славянскѣ (мужская и женская), двѣ въ Томскѣ (мужская и женская) и двѣ въ Иркутскѣ (мужская и женская). Кромѣ того, въ Одессѣ существовала субботняя школа для евреевъ.

Изъ перечисленныхъ школъ особенно выдѣлились школы на Шлиссельбургскомъ трактѣ и воскресная школа въ Тифлисѣ. Школы эти, по своей образцовой постановкѣ, заслуживаютъ нашего особаго вниманія. Къ тому-же онѣ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, нежели Харьковская школа, служили образцомъ, по которому создавались новыя воскресныя школы, школою для лицъ, желавшихъ ознакомиться съ постановкою дѣла въ этихъ школахъ и научиться пріемамъ преподаванія въ таковыхъ. Въ виду этого мы остановимся нѣсколько на названныхъ школахъ и познакомимся подробнѣе съ ихъ судьбами.

4. Воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта.

Школы эти обязаны своимъ возникновеніемъ покойному дѣятелю въ области народнаго просвѣщенія Николаю Александровичу Варгунину. Имя это должно сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ, кто умѣетъ цѣнить безкорыстный, самоотверженный трудъ на пользу ближнихъ. Происходя изъ богатой семьи извѣстныхъ фабрикантовъ Варгуни-

ныхъ, Николай Александровичъ всю свою жизнь посвятилъ работѣ на пользу просвѣщенія рабочихъ массъ. Онъ работалъ въ этомъ направленіи и въ Петербургскомъ земствѣ, и въ петербургскомъ городскомъ управленіи, но главнымъ образомъ работа его была сосредоточена на такъ-называемомъ Шлиссельбургскомъ трактѣ,—мѣстности, тянущейся отъ Александро-Невской лавры далеко вверхъ по Невѣ и составляющей главный фабрично-заводскій пригородъ Петербурга. Мѣстность эта составилась изъ нѣсколькихъ селъ, расположенныхъ на прежнемъ Шлиссельбургскомъ почтовомъ трактѣ и теперь совершенно слившихся какъ съ Петербургомъ, такъ и между собою. Эта длинная лента поселеній, состоящая изъ главной улицы и нѣсколькихъ боковыхъ, тянется на нѣсколько десятковъ верстъ и густо занята фабриками и заводами. Въ настоящее время здѣсь тысячъ 70—80 населенія, и бо̀льшая часть его живетъ работами на фабрикахъ и заводахъ. Работа покойнаго Н. А. Варгунина на пользу населенія Шлиссельбургскаго тракта была крайне разнообразна. Началась она подъ руководствомъ другого замѣчательнаго человѣка, Владиміра Павловича Варгунина, бывшаго директоромъ писчебумажной фабрики Варгунинымъ. Этотъ послѣдній также оставилъ большой слѣдъ въ жизни Шлиссельбургскаго тракта, создавъ здѣсь множество общеполезныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и просвѣтительныхъ. Оба Варгунина основали на Шлиссельбургскомъ трактѣ такъ-называемое Фарфоровское приходское попечительство въ вѣдѣніи котораго и состоитъ большинство созданныхъ ими учрежденій. Такихъ попечительствъ на Шлиссельбургскомъ трактѣ нѣсколько, и между ними Фарфоровское является наиболѣе дѣятельнымъ. Это попечительство выполняетъ одновременно и благотворительныя, и просвѣтительныя функціи, и ему многимъ обязанъ Шлиссельбургскій трактъ. Учрежденіе это заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ всему русскому обществу въ виду его разнообразной и благотворной дѣятельности, и нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ въ печати объ этомъ учрежденіи появлялись лишь отрывочныя свѣдѣнія. Вотъ при этомъ-то Фарфоровскомъ приходскомъ попечительствѣ и были открыты Н. А. Варгунинымъ воскресныя школы.

Мысль объ открытіи воскресныхъ школъ не была новостью для Шлиссельбургскаго тракта. Еще въ 1860 году здѣсь была устроена мѣстными фабрикантами большая воскресная школа, просуществовавшая до середины 1862 года, когда она была закрыта вмѣстѣ со всѣми другими воскресными школами имперіи. Во главѣ этой школы стоялъ П. И. Варгунинъ, дядя Н. А. Варгунина и отецъ В. П. Варгунина. Школа эта въ первый-же годъ своего существо-

ванія привлекла до 700 учащихся, малолѣтнихъ и взрослыхъ. Въ школѣ было соотвѣтствующее количество учащихъ, преимущественно изъ лицъ, жившихъ въ Петербургѣ и по воскресеньямъ пріѣзжавшихъ на трактъ для работы въ школѣ. Школа привлекла и значительныя средства. Именно, въ первый годъ въ пользу ея поступило 2453 рубля и во второй 2008 р. Бо́льшая часть средствъ поступила отъ мѣстныхъ фабрикантовъ; обращаютъ вниманіе въ числѣ доходныхъ статей 94 рубля, поступившія отъ рабочихъ на содержаніе школы. Израсходовано въ первый годъ 2451 рубль и во второй 1973 р. Главными статьями расхода являлись оплата проѣзда учащихъ изъ Петербурга на трактъ и наемъ помѣщенія подъ школу; любопытно также, что въ расходныхъ статьяхъ значатся деньги, выданныя «чиновнику Министерства Народнаго Просвѣщенія на проѣзды»: расходъ этотъ составилъ въ первомъ году 79 р. 48 коп. и во второй 41 р. 60 к.

Эта первая на Шлиссельбургскомъ трактѣ воскресная школа была, однако, совершенно забыта въ теченіе 20-ти слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со времени ея закрытія до возникновенія новыхъ воскресныхъ школъ въ этой мѣстности. Лица, принимавшія участіе въ первой воскресной школѣ, въ большинствѣ уже выбыли изъ данной мѣстности или даже перемерли, и иниціаторамъ дѣла пришлось создавать все вновь. Н. А. Варгунинъ, желая ознакомиться съ постановкою дѣла въ воскресной школѣ, отправился весною 1882 года въ Харьковъ и тамъ изучилъ Харьковскую частную женскую воскресную школу Х. Д. Алчевской. Вынесенныя имъ впечатлѣнія, переданныя нѣкоторымъ учителямъ и учительницамъ Шлиссельбургскаго тракта и сосѣднихъ мѣстностей, мало по-малу возбудили мысль объ устройствѣ воскресныхъ школъ на трактѣ. Такимъ образомъ, школы Шлиссельбургскаго тракта явились одними изъ первыхъ, возникшихъ подъ вліяніемъ примѣра и по образцу Харьковской женской воскресной школы. 31 августа 1883 года состоялось постановленіе Фарфоровскаго приходского попечительства объ открытіи воскресныхъ школъ, съ тѣмъ, чтобы расходъ на содержаніе ихъ не падалъ на общія средства попечительства, а производился изъ особыхъ на этотъ предметъ сборовъ. 15 октября 1883 г. было получено разрѣшеніе на открытіе воскресныхъ школъ, а 30 октября состоялось самое открытіе. Работающихъ въ обѣихъ школахъ было всего 13 чел. Можно было-бы привлечь съ начала-же большее число участниковъ, но, во-первыхъ, такъ какъ данное дѣло было совершенно новымъ для его участниковъ, то имѣлось въ виду привлекать къ участію въ дѣлѣ почти исключительно опытныхъ учащихъ, а во-вторыхъ, полагали, что школы привлекутъ не особенно много желающихъ учиться. Однако

сразу-же желающіе учиться явились въ громадномъ числѣ. Этотъ наплывъ желающихъ учиться заставилъ сдѣлать ограниченіе въ смыслѣ пріема только безграмотныхъ. Однако и среди грамотныхъ рабочихъ было столь сильное желаніе учиться, что многіе изъ нихъ являлись въ школу и выдавали себя за неграмотныхъ, и этотъ «обманъ» обнаруживался только впослѣдствіи. Такимъ образомъ, съ перваго-же года существованія школы, въ ней, какъ вездѣ, было образовано нѣсколько группъ учащихся, сообразно степени ихъ подготовки.

Первоначально имѣлось въ виду заниматься образованіемъ только мужской части населенія тракта, почему и было исходатайствовано открытіе лишь мужскихъ школъ. Однако и женская часть населенія постоянно заявляла въ теченіе перваго-же года существованія воскресныхъ школъ о своемъ желаніи получать образованіе. Въ виду этого, въ слѣдующемъ-же 1884 году, 7 октября была открыта первая женская воскресная школа въ селѣ Александровскомъ, а еще черезъ годъ вторая женская—въ селѣ Смоленскомъ. Послѣдняя школа, однако, привлекала сравнительно немного ученицъ, почему она была преобразована въ 1890 году въ третью мужскую.

Воскресныя школы на Шлиссельбургскомъ трактѣ были встрѣчены общимъ сочувствіемъ. Число учащихъ съ 13, работавшихъ въ первомъ году существованія школъ, мало-по-малу поднялось до сотни съ лишнимъ. Петербургское уѣздное земство, Александровскій механическій заводъ и Фарфоровское попечительство безвозмездно уступили подъ воскресныя школы помѣщенія содержимыхъ ими на трактѣ ежедневныхъ школъ. Позднѣе, при наплывѣ учащихся, пришлось нанимать особыя помѣщенія для школъ, такъ какъ въ классахъ ежедневныхъ школъ помѣщалась лишь небольшая часть учащихся воскресниковъ. Что-же касается самихъ тѣхъ, для которыхъ воскресныя школы были открыты, то отношеніе ихъ къ школамъ всего лучше выясняется изъ нижеслѣдующей таблицы, показывающей погодный ростъ учащихся:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Въ 1883—4 уч. г. было учащихся	240	—	240
» 1884—5 » » » »	309	165	474
» 1885—6 » » » »	459	335	794
» 1886—7 » » » »	508	316	824
» 1887—8 » » » »	500	274	774
» 1888—9 » » » »	498	298	796
» 1889—90 » » » »	490	277	767
» 1890—1 » » » »	708	256	964
» 1891—2 » » » »	811	190	1001
» 1892—3 » » » »	691	163	854
» 1897—8 » » » »	988	290	1183

Для полноты мы вышли здѣсь за предѣлы рамокъ, намѣченныхъ нами въ заглавіи настоящей работы, но думаемъ, что читатели за это въ претензіи на насъ не будутъ. Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, школы Шлиссельбургскаго тракта, съ первыхъ-же лѣтъ своего существованія представлявшія собой солидныя по числу учащихся учрежденія, затѣмъ, съ теченіемъ времени, постепенно расширяли свою дѣятельность и въ настоящее время даютъ образованіе болѣе чѣмъ тысячи учащихся.

За первыя десять лѣтъ существованія воскресныхъ школъ на Шлиссельбургскомъ трактѣ (1883—93) чрезъ воскресныя школы прошло 7293 учащихся. Цифра эта означаетъ собою итогъ погодныхъ цифръ учащихся. Если-же взять собственно лицъ, которыя побывали въ воскресныхъ школахъ, не считая дважды или болѣе разъ тѣхъ, которыя пробыли въ школѣ болѣе одного года, то окажется, что въ первыя десять лѣтъ существованія школъ—онѣ дали большее или меньшее образованіе 5.042 лицамъ. Къ настоящему времени число это нужно, по крайней мѣрѣ, удвоить.

Въ 1889 году организація воскресныхъ школъ была пополнена открытіемъ воскресно-вечернихъ классовъ техническаго общества. Но объ этомъ учрежденіи я буду говорить уже въ другомъ очеркѣ, посвященномъ судьбамъ воскресныхъ школъ за послѣдніе годы.

Воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта представляютъ собою совершенно исключительное явленіе по тѣмъ значительнымъ средствамъ, которыми онѣ до сихъ поръ располагали. Въ то время, какъ обыкновенно наши воскресныя школы имѣютъ въ своемъ распоряженіи крайне ограниченныя средства и производятъ расходы, въ среднемъ не превышающіе одного рубля въ годъ на учащагося, воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта израсходовали въ теченіе перваго десятилѣтія своего существованія 49.141 р. 40 к., т. е. въ среднемъ около 5 тыс. рублей въ годъ. Въ послѣдующіе годы этотъ расходъ, сообразно увеличенію числа учащихся, превысилъ и эту мѣру. Такой значительный расходъ воскресныхъ школъ Шлиссельбургскаго тракта обусловливался разными причинами и особенностями въ постановкѣ дѣла въ этихъ школахъ. Наиболѣе видною статьею является расходъ на наемъ помѣщеній, каковой расходъ совершенно отсутствуетъ въ бюджетахъ другихъ воскресныхъ школъ, пользующихся всюду даровымъ помѣщеніемъ въ ежедневныхъ школахъ или даже въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта также пользуются даровыми помѣщеніями въ рядѣ ежедневныхъ школъ, но, кромѣ того, онѣ нанимаютъ для своихъ нуждъ рядъ собственныхъ помѣщеній. Обусловливается это какъ тѣмъ, что въ воскресныхъ школахъ тракта

почти всегда каждая группа учащихся имѣетъ свое особое помѣщеніе, и здѣсь почти не встрѣчается помѣщеніе нѣсколькихъ группъ въ одной классной комнатѣ, такъ и тѣмъ, что въ этихъ школахъ широко практикуются вечернія занятія по буднимъ днямъ, почему и является надобность въ помѣщеніи не только по воскресеньямъ, когда такія помѣщенія могутъ быть уступлены ежедневными школами, но и въ другіе дни недѣли, когда помѣщенія ежедневныхъ школъ заняты для собственныхъ нуждъ. За первое десятилѣтіе воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта израсходовали на наемъ помѣщеній 14.473 р. 65 коп., т. е. почти третью часть всѣхъ своихъ расходовъ. Второю по величинѣ статьею расходовъ является проѣздъ учащихъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время, какъ и въ 1860—62 гг., школы Шлиссельбургскаго тракта, привлекая къ себѣ почти всѣ мѣстныя интеллигентныя силы, вынуждены, въ виду многочисленности учащихся, пополнять ряды учащихъ лицами, живущими въ Петербургѣ. Такихъ пріѣзжихъ преподавателей въ школахъ большинство. И такъ какъ проѣздъ изъ Петербурга на трактъ и обратно составляетъ довольно значительный расходъ (по паровому трамваю), а между преподающими большинство принадлежитъ къ числу людей малообезпеченныхъ, то воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта при самомъ своемъ возникновеніи приняли за обязательное правило возмѣщать учащимъ расходъ на проѣзды. По этой статьѣ въ теченіе перваго десятилѣтія израсходовано 6.154 р. 46 коп.

Далѣе, довольно значительный расходъ вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, при общемъ безплатномъ трудѣ работающихъ въ воскресныхъ школахъ тракта, нѣкоторые виды труда признаны школами подлежащими обязательному вознагражденію. Таковъ именно трудъ лицъ, завѣдующихъ вечерними занятіями по буднямъ (на этотъ предметъ израсходовано за десятилѣтіе 4.432 р. 50 к.), и трудъ лицъ, завѣдующихъ библіотеками школъ (2.495 р.), въ виду того, что оба эти вида труда отнимаютъ слишкомъ много времени, которымъ школы не сочли себя въ правѣ воспользоваться безъ вознагражденія. Оплачивается также трудъ законоучителей (3.087 р.). На учебныя пособія въ теченіе перваго десятилѣтія израсходовано 5.188 рублей, на библіотеки 2.695 рублей, на прислугу 3.618 рублей и т. д.

Эти значительныя средства, потребовавшіяся воскресными школами тракта, были доставлены почти исключительно частными лицами. Именно, изъ общей суммы 49.141 рубль 40 коп., израсходованныхъ школами въ теченіе перваго десятилѣтія, получено отъ спектаклей и концертовъ 1.589 рублей и разныхъ поступленій было

687 рублей. Вся остальная сумма была предоставлена школамъ Н. А. Варгунинымъ и фабрикантами Шлиссельбургскаго тракта. Н. А. Варгунинъ израсходовалъ на воскресныя школы тракта въ теченіе перваго десятилѣтія 24.307 рублей 98 коп., т. е. почти половину всѣхъ расходовъ, потребовавшихся на содержаніе школъ. Въ послѣдующіе годы траты Н. А. Варгунина не уменьшались и всего имъ израсходовано на нужды воскресныхъ школъ по день смерти (въ сентябрѣ 1897 года) до 40 тысячъ рублей. Кромѣ того, имъ израсходованы не малыя суммы на другія просвѣтительныя учрежденія тракта, а также на разныя благотворительныя учрежденія той-же мѣстности. Послѣ своей смерти Н. А. оставилъ бо̀льшую часть своего состоянія также на просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія тракта.

За первыя десять лѣтъ дѣятельности воскресныхъ школъ Шлиссельбургскаго тракта, въ составѣ ихъ преподавательскаго персонала перебывало 223 лица. Здѣсь мы видимъ лицъ обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ и положеній. Рядомъ съ молодою дѣвушкою, недавно сошедшею со школьной скамьи, мы видимъ престарѣлую даму; рядомъ съ новичками въ дѣлѣ преподаванія—опытныхъ педагоговъ, пользующихся извѣстностью на всю Россію; рядомъ съ молодымъ юношей, только что начинающимъ жить и занимающимъ скромное мѣсто въ обществѣ,—жену сенатора и т. д. Таковъ-же былъ составъ преподающихъ въ школахъ Шлиссельбургскаго тракта и въ послѣдующіе годы.

Какъ уже упомянуто выше, кромѣ занятій по воскресеньямъ, въ воскресныхъ школахъ Шлиссельбургскаго тракта ведутся еще вечернія занятія въ будніе дни (отъ 2 до 4 часовъ въ недѣлю—всего отъ 70 до 100 часовъ въ годъ). Объ этихъ занятіяхъ въ отчетѣ за первое десятилѣтіе воскресныхъ школъ тракта, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Цѣль этихъ занятій первоначально заключалась въ упражненіяхъ учениковъ въ пройденномъ; но впослѣдствіи учащіе группъ, пріѣзжавшіе по вечерамъ, продолжали курсъ со своими учениками. Кромѣ того, на этихъ-же вечернихъ занятіяхъ производились чтенія съ туманными картинами научныхъ и беллетристическихъ статей и бесѣды съ учениками по общеполезнымъ знаніямъ. Съ особаго разрѣшенія начальства, докторами Никольскимъ, Мендельсономъ и Ляховецкимъ произносились чтенія объ оспопрививаніи и о заразныхъ болѣзняхъ (особенно о холерѣ)».

Интересенъ вопросъ, кто именно пользуется воскресными школами Шлиссельбургскаго тракта. Въ отчетѣ за первое десятилѣтіе приведены подробныя свѣдѣнія объ учащихся по возрастамъ. Изъ этихъ данныхъ мы узнаемъ, что изъ общаго числа прошедшихъ за

10 лѣтъ воскресныя школы тракта было лицъ моложе 15 лѣтъ 891, въ возрастѣ отъ 15 до 19 лѣтъ—3369 человѣкъ, отъ 19 до 24—1306, отъ 25 до 29 лѣтъ—918 человѣкъ и 30 лѣтъ и старѣе—809 лицъ. Такимъ образомъ, воскресныя школы тракта имѣли въ своемъ составѣ весьма мало малолѣтнихъ учениковъ и весьма много людей въ зрѣломъ возрастѣ. Это и вполнѣ естественно, такъ какъ главный контингентъ лицъ, поставляющій учениковъ въ воскресныя школы тракта, составляютъ фабричнозаводскіе рабочіе, между которыми взрослые, конечно, значительно преобладаютъ. Учащимися въ воскресныхъ школахъ тракта и являются, преимущественно и даже почти исключительно, рабочіе и работницы мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ. Эти люди, работающіе цѣлую недѣлю, съ ранняго утра и до поздняго вечера, находятъ возможнымъ отдавать школьному ученію не только единственный свободный день въ недѣлю, но и тѣ вечерніе часы, которые они должны были-бы отдавать уже сну. Это показываетъ, насколько назрѣла потребность въ образованіи въ средѣ нашихъ фабричнозаводскихъ рабочихъ.

Значеніе воскресныхъ школъ для Шлиссельбургскаго тракта весьма велико. Помимо непосредственнаго вліянія на учащихся въ школахъ, онѣ оказываютъ воздѣйствіе и на все населеніе тракта, внося въ его обиходъ новыя понятія и воспитывая въ немъ уваженіе къ школѣ, наукѣ и людямъ, стремящимся къ знанію. Школы собираютъ въ своемъ составѣ лучшіе элементы рабочаго населенія, которые затѣмъ, естественно, оказываютъ вліяніе на окружающую ихъ среду. Школы пользуются величайшимъ уваженіемъ не только учащихся въ нихъ, но и всего населенія тракта, и такое-же уваженіе переносится затѣмъ и на лицъ, работающихъ въ школахъ. Мнѣ приходилось не разъ говорить съ представителями рабочаго населенія тракта о воскресныхъ школахъ, и я поражался тѣмъ почтительнымъ отношеніемъ, съ какимъ они говорили объ этихъ учрежденіяхъ, все равно, были-ли говорившіе сами въ составѣ учащихся въ воскресныхъ школахъ, или не были, а только слышали отъ другихъ о дѣятельности школъ. Дѣятели Фарфоровскаго попечительства, создавшіе воскресныя школы, пользуются также глубокимъ уваженіемъ населенія тракта. Я помню похороны В. П. и Н. А. Варгуниныхъ, на которыхъ присутствовало такая тьма рабочихъ тракта, выражавшихъ самое неприкрашенное горе, вызванное смертью названныхъ дѣятелей. Здѣсь будетъ не лишнее привести также адресъ, поднесенный учащимися въ воскресныхъ школахъ тракта Н. А. Варгунину въ день торжественнаго чествованія дня десятилѣтія существованія школъ. Это простое и безхитростное привѣтствіе лучше всего характеризуетъ отношеніе къ воскреснымъ

школамъ и ихъ дѣятелямъ тѣхъ, для кого эти школы устроены. Вотъ этотъ адресъ:

«Ваша десятилѣтняя любовь и попеченіе о просвѣщеніи рабочихъ пробуждаетъ въ сердцахъ нашихъ искреннюю благодарность, любовь и уваженіе къ Вамъ. Поэтому позвольте, Николай Александровичъ, поздравить и привѣтствовать Васъ со днемъ Вашего десятилѣтняго служенія столь дорогому для насъ дѣлу и отъ души пожелать Вамъ отъ Бога добраго здоровья и силы на многіе годы для продолженія этого дѣла, просвѣщающаго рабочихъ. А также поздравляемъ и привѣтствуемъ дорогихъ нашихъ учителей и учительницъ со днемъ ихъ десятилѣтняго служенія дѣлу, просвѣщающему рабочихъ, и отъ души искренне ихъ благодаримъ за ихъ добрый трудъ и сочувственное къ намъ, рабочимъ, вниманіе. Дай Богъ имъ также добраго здоровья и силы на многіе годы для продолженія этого добраго дѣла».

Но воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта имѣютъ значеніе не только для населенія тракта. Благодаря своей близости къ Петербургу, школы эти все время служили мѣстомъ, гдѣ многіе будущіе работники и работницы воскресныхъ школъ впервые знакомились съ этимъ типомъ народнопросвѣтительнаго учрежденія. У многихъ лицъ, впослѣдствіи открывшихъ воскресныя школы въ разныхъ городахъ Россіи, впервые именно здѣсь, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, зарождалась мысль о посвященіи своихъ силъ работѣ этого рода. Здѣсь-же, въ воскресныхъ школахъ Шлиссельбургскаго тракта, многіе знакомились съ постановкою воскресныхъ школъ и веденіемъ въ нихъ дѣла. Въ этомъ отношеніи воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта съиграли роль, которую въ болѣе обширныхъ размѣрахъ суждено играть въ исторіи воскресныхъ школъ Харьковской женской воскресной школѣ.

Вообще воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ созданій частной иниціативы въ области народнаго просвѣщенія и, безъ сомнѣнія, составляютъ одну изъ самыхъ интересныхъ достопримѣчательностей Петербурга. Лицамъ, посѣщающимъ Петербургъ для ознакомленія съ его общеполезными учрежденіями, нельзя не рекомендовать не упускать случая ознакомиться съ учрежденіемъ, являющимся представителемъ типа народнопросвѣтительныхъ учрежденій, получившихъ уже весьма значительное распространеніе въ нашемъ отечествѣ и имѣющимъ, безъ сомнѣнія, въ будущемъ получить еще большее распространеніе.

Будемъ надѣяться, что, не смотря на смерть иниціатора возникновенія школъ Шлиссельбургскаго тракта и главнаго жертвователя на ихъ содержаніе, Н. А. Варгунина, школы эти будутъ и въ бу-

дущемъ продолжать расти, развиваться и процвѣтать. Память о такомъ достойномъ человѣкѣ, какъ Н. А. Варгунинъ, должна воодушевлять лицъ, замѣнившихъ его на Шлиссельбургскомъ трактѣ и въ частности въ воскресныхъ школахъ, и побуждать ихъ продолжать дѣло, съ такимъ успѣхомъ начатое покойнымъ.

5. Первая Тифлисская женская воскресная школа.

Ту роль, какую съиграла по отношенію большинства существующихъ въ настоящее время воскресныхъ школъ Харьковская женская воскресная школа и которую играли по отношенію къ нѣкоторой части этихъ школъ воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта, по отношенію къ большинству кавказскихъ воскресныхъ школъ (на Кавказѣ воскресныхъ школъ довольно большое число) выпало играть первой частной женской воскресной школѣ въ Тифлисѣ. Эта школа, первая по времени открытія на Кавказѣ, знакомила кавказское общество съ даннымъ типомъ народнопросвѣтительнаго учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она подготовила и непосредственно нѣсколько учредителей воскресныхъ школъ, возникшихъ въ позднѣйшее время. Къ ней-же обращались для ознакомленія съ дѣломъ многія лица, желавшія работать въ воскресныхъ школахъ, возникавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края. Къ тому-же, будучи одною изъ первыхъ по времени возникновенія вообще въ Россіи (имѣемъ въ виду новый періодъ существованія воскресныхъ школъ послѣ ихъ возобновленія), Тифлисская школа собственными силами съумѣла поставить дѣло на рѣдкую высоту. Все это заставляетъ меня удѣлить этой школѣ особо нѣсколько страницъ, такъ-же, какъ я удѣлилъ особое мѣсто школамъ Шлиссельбургскаго тракта.

Возникновеніе мысли объ устройствѣ первой воскресной школы на Кавказѣ и осуществленіе этой мысли я изложу словами самихъ основательницъ этой школы. Вотъ что пишутъ онѣ въ отчетѣ школы за первыя одиннадцать лѣтъ ея существованія:

«Въ 1884 году въ Тифлисской женской гимназіи окончилъ курсъ кружокъ молодыхъ дѣвушекъ съ стремленіемъ къ саморазвитію и жаждой дѣятельности. Усиленныя чтенія, бесѣды приняли опредѣленный характеръ, благодаря встрѣчѣ съ А. П. Мичуринымъ, горячимъ сторонникомъ народнаго образованія, полагавшимъ все благо Россіи и ея всеобщей грамотности. Грамота и книга — вотъ рычаги прогресса, вотъ самыя дѣйствительныя, вѣрныя средства уничтожить ту рознь, которая существуетъ между интеллигенціей и народомъ, уничтожить суевѣрія, предразсудки и всю ту массу несчастій, которыя порождаетъ невѣжество.

«Мы, дѣти города, знали народъ лишь со страницъ Григоровича, Тургенева и другихъ нашихъ писателей. Книжка указывала намъ, что сознаніе народа и сумма его знаній гораздо ниже того, что необходимо для болѣе сносной жизни. А горячія рѣчи А. П. о томъ, что грамота и знаніе подымутъ это сознаніе, а слѣдовательно и улучшатъ жизнь народа, что каждый интеллигентный человѣкъ

обязанъ дать, что можетъ, народу—вдохновили насъ на работу. Нельзя оставаться равнодушнымъ созерцателемъ той тьмы, въ которой пребываетъ народъ и отъ которой онъ страдаетъ и матеріально, и нравственно; нельзя заставлять его страдать отъ своего-же невѣжества и оставлять въ томъ положеніи, при которомъ удовольствіе находится, а отчаяніе топится въ кабакѣ, и другихъ формъ духовной жизни не проявляется. Все это были огненныя слова, попавшія на взволнованныя души, и слова А. П. сдѣлали свое дѣло. Оставалось рѣшить вопросъ, какъ идти и помогать, работать. Задумываясь надъ формой дѣятельности, мы, случайно разбираясь въ старыхъ журналахъ, натолкнулись на статью Миропольскаго «Школа и Общество», посвященную Харьковской женской воскресной школѣ. Увлекательно написанная статья, картинно изображающая это симпатичное учрежденіе, произвела на насъ неотразимое впечатлѣніе: явилось желаніе осуществить нѣчто подобное на дѣлѣ. Кромѣ того, условія города, наша семейная обстановка, нѣкоторыя обязательства, наконецъ, наша малая подготовка—клонили къ тому, чтобы остановиться именно на этой формѣ дѣятельности. Итакъ, вопросъ былъ рѣшенъ,—мы открываемъ воскресную школу. А. П. благословилъ насъ на это дѣло. Подали прошеніе. Со стороны попечителя кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго мы встрѣтили полное сочувствіе, и разрѣшеніе на школу было получено нами очень скоро—черезъ 10 дней. Между тѣмъ какъ мы готовились къ открытію школы, насъ осаждалъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно этой будущей школы, насъ охватывало весьма понятное волненіе передъ началомъ дѣла, еще невѣдомаго для насъ самихъ. Никто изъ насъ не видѣлъ на дѣлѣ занятій въ воскресной школѣ, а потому она представлялась въ мечтахъ громадной аудиторіей изъ взрослыхъ, которые пришли получить недостающія имъ знанія, послушать книжку, взять ее домой и, между прочимъ, научиться грамотѣ. Мы представили себѣ ихъ быстрые успѣхи, разрушеніе ихъ суевѣрій подъ вліяніемъ школы, вліяніе школы на среду; однимъ словомъ—мечты самыя радужныя и смѣлыя. Дѣйствительность, какъ это всегда бываетъ, оказалась ниже этихъ мечтаній. Но сильная жажда работать не дала намъ разочароваться, и мы взялись за занятія въ той формѣ, какую представила дѣйствительность».

Школа была открыта 28 сентября 1885 года. Учредительницами школы были молодыя дѣвушки: Е. Е. Воробьева, Е. А. Грюзеръ, О. В. Кайданова, Н. С. Кирпичникова, О. Н. Свидерская, Е. А. Штейнъ. Школа была открыта въ частномъ домѣ, гдѣ подъ нее были уступлены одна комната во флигелѣ, одна комната въ домѣ и прачешная.

Сначала, вслѣдствіе неопытности учительницъ и слабаго пониманія ими задачъ школы, дѣло велось весьма хаотично. «За однимъ столомъ очутились ученицы различныхъ ступеней познанія; одна едва читала и при письмѣ ставила въ концѣ каждаго слова «ъ»; другая бойко читала, сносно писала и пришла за дальнѣйшими свѣдѣніями; третья только читала и совсѣмъ не умѣла писать и т. д. Насъ это, однако, мало смущало,—читаемъ въ отчетѣ школы; дѣло въ томъ, что мы не задавались цѣлью правильно вести обученье чтенію, письму, ариѳметикѣ; объ этомъ мы мало думали, такъ какъ горѣли желаніемъ дать имъ какъ можно больше знаній, разбить ихъ суевѣрія.

На урокахъ объяснительнаго чтенія, какъ это почти всегда бываетъ съ молодыми, начинающими учительницами, мы увлекались и въ своихъ разъясненіяхъ уходили далеко въ сторону».

Къ тому-же и обстановка была мало благопріятная для правильныхъ школьныхъ занятій. Комнаты въ частномъ домѣ были не приспособлены къ дѣлу преподаванія, а о прачешной, конечно, нечего и говорить. Мебель была самая разнообразная, какую только можно было достать. Учебныхъ пособій было мало и они были совершенно случайными.

Кончился учебный годъ, и былъ устроенъ экзаменъ. На экзаменъ учительницы пригласили А. П. Мичурина. Этотъ экзаменъ и явился исходною точкою, послужившею къ полному измѣненію веденія дѣла въ школѣ. А. П. Мичуринъ произвелъ экзаменъ и показалъ учительницамъ, что онѣ въ сущности ровно ничего не дали ученицамъ. Объ этомъ учительницы школы откровенно разсказываютъ въ своемъ отчетѣ за первыя одиннадцать лѣтъ существованія школы. Вотъ что читаемъ въ этомъ отчетѣ:

«Мы полагали нужнымъ провѣрить, насколько усвоены ученицами знанія, которыя сообщались имъ цѣлый годъ; А. П. смотрѣлъ на экзаменъ иначе: онъ полагалъ необходимымъ каждому грамотному «проложить путь къ книгѣ», т. е. достичь того, чтобы каждый грамотный могъ читать и понимать прочитанное. Исходя изъ этого, онъ открылъ книгу «Нашъ другъ» Корфа и первую попавшуюся статью предложилъ прочесть ученицамъ и передать своими словами. Эту статью «Новый Годъ» пыталось читать и разсказывать ученицъ 20, но ни одна изъ нихъ не могла передать того, о чемъ она прочла. Правда, статья написана тяжелымъ языкомъ, но, тѣмъ не менѣе, причина крылась еще въ томъ что мы своими «объясненіями», «дополненіями» совсѣмъ не развили въ нихъ умѣнья самостоятельно добираться до смысла читаемаго. Это было горько, но зато поучительно: каждая изъ насъ поняла, что нельзя въ центрѣ занятій ставить сообщеніе знаній, въ полный ущербъ механизму чтенія и пониманія прочитаннаго, что должно идти рука объ руку».

Исторія возникновенія Тифлисской воскресной школы и начала веденія въ ней дѣла удивительно типична. Именно такимъ-же образомъ возникло и большинство существующихъ воскресныхъ школъ. Мотивомъ являлось въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ беззавѣтное желаніе поработать на пользу массы населенія, сознаніе обязанности интеллигентнаго человѣка сдѣлать все, что онъ можетъ, для поднятія умственнаго состоянія окружающей его среды. Почти вездѣ первоначальная мысль объ открытіи воскресной школы возникаетъ въ душахъ молодыхъ людей, преимущественно при томъ женщинъ, и осуществляется, не смотря на цѣлый рядъ препятствій, поставляемыхъ средою, предразсудками, некультурностью окружающихъ этихъ піонеровъ. Обыкновенно и матеріальныя условія, при которыхъ открываются воскресныя школы, бываютъ также скромны,

какъ это было и при открытіи Тифлисской воскресной школы, и школа открывается въ неудобномъ помѣщеніи, при отсутствіи учебныхъ пособій, безъ всякихъ положительныхъ надеждъ на лучшее будущее. И затѣмъ только со временемъ, только благодаря усиленной работѣ участвующихъ въ дѣлѣ, удается мало-по-малу улучшить положеніе дѣла, найти лучшее помѣщеніе, привлечь матеріальныя средства, обогатить школу учебными пособіями. Точно также въ большинствѣ случаевъ начинаютъ работать въ воскресныхъ школахъ люди неопытные, но любовь къ дѣлу побѣждаетъ и этотъ недостатокъ и работающіе пріобрѣтаютъ опытъ и становятся прекрасными работниками учебнаго дѣла. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ въ открывающихся воскресныхъ школахъ имѣются и опытные учащіе, то дѣло не доходитъ обыкновенно до такихъ курьезовъ, какіе откровенно разсказаны тифлисскими учительницами, а болѣе или менѣе налаживается сносно съ самаго начала, и затѣмъ—вполнѣ становится на должную почву.

И Тифлисская школа быстро пережила періодъ своей неустроенности. Съ осени 1886 года, на второй-же годъ своего существованія, она перешла изъ частнаго дома въ помѣщеніе нѣмецко-лютеранской школы, а затѣмъ черезъ два года—въ городское училище при учительскомъ институтѣ. Школа стала привлекать матеріальныя средства и обогащаться пособіями. Учительницы пріобрѣтали опытъ. Къ тому-же многія изъ нихъ посвятили себя и вообще педагогической профессіи, давая частные уроки или работая въ женскихъ гимназіяхъ и начальныхъ школахъ. Дальнѣйшее пополненіе учительскаго персонала также шло преимущественно на счетъ лицъ, посвятившихъ себя педагогическому дѣлу. Нѣкоторыя изъ учредительницъ школы, а также изъ лицъ, присоединившихся къ нимъ впослѣдствіи, пріобрѣли затѣмъ значительную извѣстность въ качествѣ дѣятельницъ по народному просвѣщенію. Достаточно будетъ назвать О. В. Кайданову, извѣстную въ педагогической литературѣ, основавшую въ Тифлисѣ рядъ просвѣтительныхъ учрежденій и читающую въ мѣстной женской гимназіи ученицамъ старшаго класса лекціи по исторіи педагогики.

Всего за первыя одиннадцать лѣтъ существованія школы въ ней перебывало 92 учительницы; кромѣ того, занимались 25 ученицъ старшаго класса женскихъ гимназій, 4 законоучителя, 4 учителя пѣнія. Учащихся перебывало за эти 11 лѣтъ 1101.

Школа уже черезъ короткій промежутокъ времени была поставлена прекрасно, такъ уже въ 1887 году школа получила отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, лично посѣщавшаго школу, благодарность за «вполнѣ удовлетворительное веденіе дѣла». Позд-

нѣе школа на выставкахъ въ Москвѣ (1895—6 гг.) и въ Нижнемъ (1896 г.) получила высшія награды за образцовую постановку дѣла.

Дѣйствительно, тѣ, кто имѣлъ случай ознакомиться съ Тифлисской воскресной школой (мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось побывать въ этой школѣ, при всемъ моемъ желаніи ознакомиться съ нею лично), единогласно удостовѣряютъ, что эта школа принадлежитъ къ числу наилучше поставленныхъ воскресныхъ школъ въ Россіи. Неудивительно, если она своимъ примѣромъ вызвала существованіе новыхъ воскресныхъ школъ какъ въ Тифлисѣ (вторая женская и одна мужская), такъ и въ нѣсколькихъ городахъ Закавказья и Сѣвернаго Кавказа. Въ нее также нерѣдко направлялись для ознакомленія съ дѣломъ лица, желавшія устроить воскресную школу или поучиться преподаванію въ такихъ школахъ изъ мѣстностей, лежащихъ иногда сравнительно далеко отъ Тифлиса.

Сами работающіе въ Тифлисской воскресной школѣ даютъ очень скромную оцѣнку результатамъ своей дѣятельности. Отчетъ школы за первыя одиннадцать лѣтъ ея существованія, вообще составленный въ слишкомъ скромныхъ выраженіяхъ, съ благородною откровенностью повѣствующій о недостаткахъ школы и ошибкахъ работающихъ въ ней и умалчивающій о многихъ достоинствахъ и положительныхъ сторонахъ школы, заканчивается слѣдующимъ подведеніемъ итоговъ одиннадцати-лѣтней работы:

«Если считать идеаломъ такіе результаты, при которыхъ мы могли-бы насчитать рядъ ученицъ съ прочно усвоенными знаніями, съ сравнительно твердымъ и опредѣленнымъ направленіемъ, даннымъ школою, и съ развитымъ литературнымъ вкусомъ, то нужно сознаться съ горечью, что затраченныя силы учительницъ не дали такъ ясно выраженныхъ итоговъ и не дали намъ удовлетворенія; что-то гнетущее, грустное присоединяется къ нашимъ воспоминаніямъ о прожитыхъ школою годахъ; источникъ этой неудовлетворенности—частью недовольство собой, частью сознаніе тѣхъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыя волей-неволей укладывается дѣятельность и вліяніе школы. «Я недовольна,—пишетъ въ своемъ отчетѣ одна учительница, занимающаяся въ школѣ съ ея основанія,— тѣмъ, что знанія, сообщаемыя ученицамъ, не составляютъ прочной, цѣлой ассоціаціи, что эти знанія слабо ассимилируются со всею жизнью; кромѣ того, недостатокъ времени не даетъ мнѣ возможности дать самое необходимое—научить порядочно читать, писать грамотно, порядочно излагать свои мысли, говорить сносно». Вотъ грустные мотивы нашей дѣятельности. Но есть и другая сторона, которая выясняется мало-по-малу, только послѣ долгаго посѣщенія школы, но не на первыхъ урокахъ, когда наталкиваешься на шепотъ вмѣсто чтенія, на тетради, унизанныя невозможными ошибками, когда слышишь робкіе отвѣты или полное молчаніе. Если вспомнить ту сумму знаній, которая вкрѣплена въ кругозоръ болѣе 1.000 будущихъ матерей, если вспомнить, что въ обиходъ будничной, шаблонной, узкой жизни вводилась книжка, которая берется изъ библіотеки ученицами и послѣ выхода изъ школы, если вспомнить сумму часовъ, проведенныхъ ими не такъ, какъ они обыкновенно проводятся ими въ праздникъ—на улицѣ, съ сѣмячками и разговорами на житейскія темы, если

вспомнить, сколько разъ ихъ духовный міръ переносили въ художественныя сферы нашихъ и иностранныхъ классиковъ путемъ чтенія имъ этихъ произведеній или посѣщенія литературныхъ утръ, если вспомнить и то, хоть небольшое вліяніе, которое оказывали на учениць учительницы своимъ отношеніемъ къ нимъ, то все это и многое такое-же, хоть и мелкое, и мало-уловимое, составитъ то положительное, что даетъ школа и двигаетъ жизнь понемногу впередъ».

Этотъ отзывъ, дѣлающій честь скромности его автора, однако сильно грѣшитъ противъ дѣйствительности, какъ это видно изъ данныхъ, приводимыхъ въ самомъ отчетѣ школы за 11 лѣтъ ея существованія. Эти данныя даютъ право утверждать, что составители отчёта въ цитированныхъ словахъ сильно уменьшили благотворное вліяніе школы и очертили слишкомъ яркими красками недостаточность этого вліянія. Въ отчетѣ нарисованъ рядъ портретовъ учениць, и эти портреты даютъ право сказать, что школа внесла очень многое въ жизнь той среды, для которой она существуетъ. Конечно, нужно при оцѣнкѣ значенія воскресныхъ школъ не забывать, что мы имѣемъ дѣло съ учрежденіемъ, работающимъ всего 30—35 воскресеній въ году и имѣющимъ дѣло съ учащимися всего въ теченіе 3—4 часовъ въ каждое изъ этихъ воскресеній. *Сто часовъ въ годъ*— время слишкомъ короткое, чтобы въ теченіе его можно было перевоспитать человѣка или снабдить его огромными знаніями. И надо удивляться только тому, какъ воскресныя школы успѣваютъ въ столь короткій срокъ времени оказать столь сильное вліяніе на своихъ питомцевъ, конечно, главнымъ образомъ тѣхъ, которые посѣщаютъ школу болѣе одного года. И съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать Тифлисскую воскресную школу, какъ въ высшей степени полезное учрежденіе, знакомясь съ тѣми типами дѣвушекъ, которыя формировались подъ ея вліяніемъ. Эти дѣвушки вносятъ въ жизнь новое, культурное, облагораживающее начало. Онѣ не довольствуются жизнью, какую вели ихъ матери; онѣ отстаиваютъ свое личное достоинство, борятся съ предразсудками, не ограничиваются лишь одною домашнею жизнью, а начинаютъ играть роль общественныхъ дѣятельницъ, а главное, онѣ уже воспитываютъ своихъ дѣтей въ иныхъ условіяхъ, иными путями, нежели въ какихъ были воспитаны сами. Это вліяніе на новыя поколѣнія, какое оказываютъ питомицы воскресныхъ школъ, конечно, представляетъ самое цѣнное послѣдствіе дѣятельности воскресныхъ школъ, и одна эта польза, принесенная воскресными школами, сторицею окупаетъ всѣ затрачиваемые на нихъ добровольными работниками и работницами труды *).

---

*) Матеріалами для настоящаго очерка послужили:

1. «Полное собраніе законовъ Россійской имперіи».
2. «Годовые отчеты Петербургской городской училищной коммиссіи».

Въ послѣдующихъ очеркахъ я перейду къ исторіи воскресныхъ школъ за время, начиная съ 1888 года, когда началось цѣлое движеніе по устройству воскресныхъ школъ, живо напоминавшее движеніе 1859—1862 гг. Но такъ какъ въ этомъ движеніи главную роль играла Харьковская женская воскресная школа, то я остановлюсь предварительно на исторіи этого учрежденія.

Я. Абрамовъ.

---

3. «Годовые отчеты Фарфоровскаго приходскаго попечительства».
4. «Отчетъ о дѣятельности Тифлисской 1-й частной женской воскресной школы».
5. «Семья и Школа», 1877 г., № 9, ст. *Миропольскаго*: «Школа и Общество».
6. *Н. А. Корфъ*. «Наше школьное дѣло». Москва. 1873.
7. *С. Грушевскій*. «О воскресныхъ и вечернихъ школахъ для взрослыхъ». Кіевъ. 1876.
8. *В. П. Вахтеровъ*. «Внѣшкольное образованіе народа». Москва. 1896.
9. Разные рукописные матеріалы.

Сравнительные итоги современнаго положенія начальнаго народнаго образованія въ Западной Европѣ.

(Окончаніе).

3. Приступая къ разсмотрѣнію внутренней организаціи начальнаго народнаго образованія, посмотримъ прежде всего, въ чьихъ рукахъ находится это дѣло. Верховное управленіе во всѣхъ государствахъ Западной Европы находится въ настоящее время въ рукахъ правительства. Повсюду начальное образованіе уже вышло изъ положенія благотворительности со стороны духовенства и общества и сдѣлалось государственнымъ дѣломъ первой важности. Во Франціи, Италіи, Венгріи находимъ отдѣльныя министерства Народнаго Просвѣщенія; въ Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Австріи, Румыніи и Скандинавіи нѣтъ отдѣльныхъ органовъ, стоящихъ исключительно во главѣ образованія, а школы находятся въ вѣдѣніи министра исповѣданій и образованія; въ Голландіи, Бельгіи, Португаліи верховное управленіе народнымъ образованіемъ находится въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ, при которомъ имѣется особый совѣтъ народнаго просвѣщенія; въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи школы начальныя, до закона 1898-го года, не зависѣли отъ министерства, но находились въ вѣдѣніи особыхъ совѣтовъ образованія («Education department» въ Англіи, School education department въ Шотландіи и Board of education въ Ирландіи). Изъ всѣхъ государствъ Западной Европы Швейцарія относительно управленія школами представляетъ исключеніе: тамъ нѣтъ центральнаго органа, управляющаго школьнымъ дѣломъ всей страны, но каждый кантонъ имѣетъ свою особую школьную организацію.

Центральные органы опредѣляютъ программы, направляютъ жизнь школы и слѣдятъ за примѣненіемъ законовъ при помощи различныхъ вспомогательныхъ органовъ школьной администраціи, какъ по выбору, такъ и по назначенію. Правительство назначаетъ инспекторовъ, и мѣстныхъ, и центральныхъ, а кромѣ нихъ въ каждомъ округѣ,

въ каждой общинѣ находится непремѣнно какой-либо школьный органъ, состоящій изъ мѣстныхъ выборныхъ властей. Послѣднему принадлежитъ ближайшее и болѣе подробное наблюденіе за всѣми сторонами хозяйственной жизни школы, а также надзоръ за правильнымъ исполненіемъ закона объ обязательномъ посѣщеніи школы всѣми дѣтьми школьнаго возраста, кои не обучаются въ оныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ, область права мѣстныхъ выборныхъ органовъ не одинакова во всѣхъ государствахъ. Напримѣръ, въ Англіи она очень широка. Такъ-называемый School Board имѣетъ право учреждать школы, опредѣлять плату за ученіе, сдѣлать его даровымъ и т. п. Въ Швеціи мѣстный школьный совѣтъ опредѣляетъ начальный возрастъ обязательнаго посѣщенія школы. Во Франціи-же дѣятельность мѣстнаго школьнаго выборнаго органа сводится лишь къ хозяйственнымъ обязанностямъ и къ наблюденію за правильнымъ посѣщеніемъ школы.

Говоря объ администраціи народнаго начальнаго образованія, считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько на отношеніи духовнаго начальства къ народной школѣ. Въ средніе вѣка во всѣхъ христіанскихъ государствахъ школа возникла по почину католическаго духовенства; и въ новые вѣка протестантскіе пасторы немало поработали на этомъ поприщѣ. Поэтому неудивительно, что до 18-го вѣка включительно духовенство имѣло сильное вліяніе и очень близкое отношеніе къ школѣ. Въ концѣ XVIII-го столѣтія школа Песталоцци первая превозгласила принципъ независимости народной школы отъ духовнаго начальства, настаивая, что религіозное образованіе должно быть даваемо внѣ школы. Принципъ этотъ нашелъ подготовленную почву, и въ разныхъ государствахъ Европы стали проявляться попытки освободить школу отъ подчиненія духовенству. Послѣднее не хотѣло уступить, и отсюда возникла болѣе или менѣе сильная борьба Въ Германіи она продолжалась около полувѣка, во Франціи отъ Реставраціи до третьей республики. Въ настоящее время можно сказать, что идея свѣтскаго начала школы восторжествовала во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Въ Голландіи школа изъята изъ вѣдѣнія духовенства еще съ 1806 г.; въ Венгріи съ 1852, въ Австріи и Финляндіи съ 1869, въ Италіи съ 1877, въ Пруссіи съ 1872 г. въ Саксоніи съ 1873 г., во Франціи съ 1879 и т. п. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, во Франціи, духовныя лица не могутъ имѣть никакого отношенія къ начальной народной школѣ. Съ этой цѣлью законы 1882 и 1886 гг. изъяли изъ программы народной школы преподаваніе Закона Божія и постановили, что въ общественной школѣ преподавателемъ можетъ быть только свѣтское лицо. Другія государства хотя и изъяли школы изъ вѣдѣнія духовен-

ства, но все-таки оставили ему право нѣкотораго вмѣшательства въ жизнь школы. Напримѣръ, въ Испаніи, Пруссіи, Норвегіи духовенству поручено наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія; въ Гессенѣ, Баваріи, Швеціи, Даніи духовныя лица составляютъ непремѣнныхъ членовъ школьныхъ совѣтовъ, какъ предсѣдатели ихъ или члены.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается «начальное образованіе народа» въ Западной Европѣ», какія учрежденія входятъ въ составъ этого понятія? Учрежденія эти весьма разнообразны, въ зависимости отъ государства и народа, тѣмъ не менѣе ихъ можно подвести подъ 4 основныхъ типа: учрежденія для дѣтей до-школьнаго возраста, начальная народная школа или первая ступень народнаго образованія, вторая ступень—дополнительная народная школа и, наконецъ, высшая ступень—высшія народныя школы, народные университеты и т. п.

Учрежденія перваго типа преслѣдуютъ скорѣе воспитательныя, нежели образовательныя цѣли. Въ нихъ проявляется забота государства и общества о тѣхъ дѣтяхъ до-школьнаго возраста, которыя, въ силу матеріальныхъ и соціальныхъ условій жизни родителей, лишены дома необходимаго воспитательнаго надзора. Названія этихъ учрежденій самыя разнообразныя, каковы: écoles maternelles, salles d'asiles, écoles gardiennes, Kindergarten, т. е. материнскія школы, ясли дѣтскіе сады и т. п. Относительно этого типа первое и исключительное мѣсто въ Европѣ занимаетъ Венгрія. Тамъ возникъ первый дѣтскій садъ, устроенный извѣстной благотворительницей Терезой Брунсвиль въ Буда-Пештѣ; случилось это въ 1828 г., еще за 12 лѣтъ до появленія первой школы Фребеля. Идея привилась быстро и обнаружила настолько благотворные результаты, что въ 1891 г., въ періодъ министерства графа Чаки, правительство обязало каждую общину учредить и содержать по крайней мѣрѣ одну школу для дѣтей въ возрастѣ отъ 3—6 лѣтъ. Съ этого-же года посѣщеніе этихъ учрежденій сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ дѣтей, родители коихъ не могутъ представить достаточной гарантіи въ томъ, что дѣти ихъ дома пользуются надлежащимъ надзоромъ. Съ этого періода развитіе дѣтскихъ школъ въ Венгріи двинулось очень быстро впередъ, на что указываютъ слѣдующія данныя: въ 1869 г. учрежденій для дѣтей до-школьнаго возраста было въ Венгріи 255 съ 18.624 дѣтьми обоего пола, а въ 1895 г. — 1.972 учрежденія съ 154.622 посѣтителями, т.-е. за 16 лѣтъ число дѣтскихъ школъ и число дѣтей, ихъ посѣщающихъ, увеличилось почти въ 8 разъ. Въ другихъ государствахъ Европы школы эти не обязательны ни въ смыслѣ посѣщенія, ни въ смыслѣ учрежденія. Тѣмъ не менѣе онѣ

встрѣчаются почти повсюду и за послѣднее время все болѣе и болѣе привлекаютъ симпатіи общества и вниманіе правительства. Въ Австріи государство сильно протежируетъ дѣтскія школы; въ 1892 г. статистика насчитываетъ 1.051 школу и 115.114 дѣтей въ нихъ. Въ Англіи въ 1894 г. правительство ассигновало значительную субсидію дѣтскимъ школамъ, пропорціонально числу посѣщающихъ дѣтей, благодаря чему въ 1894 г. такихъ школъ было въ Англіи уже 13.059, а число посѣщающихъ ихъ дѣтей возросло до 1.318.478. Голландія въ 1893 г. насчитывала 1.005 дѣтскихъ школъ, Бельгія—1.347, не считая частныхъ, Италія—2.572 школы; во Франціи въ 1894—1895 г. было 5.608 материнскихъ школъ, въ Саксоніи въ 1890 г.—132 дѣтскихъ садовъ, въ Баваріи—475 и т. д.

Приведенныя данныя въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ ту отрадную истину, что идея о необходимости обезпечить за всѣми дѣтьми, помимо образованія, надлежащій воспитательный надзоръ проникла во всѣ культурныя государства Западной Европы, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣла уже пустить глубокіе корни. Что касается характера и программъ учрежденій для дѣтей до-школьнаго возраста, то можно сказать вообще, что обученіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова занимаетъ въ нихъ послѣднее мѣсто; всѣ-же игры и занятія преслѣдуютъ чисто воспитательныя цѣли, какъ-то: пріученіе къ порядку, развитіе ловкости, глаза, наблюдательности и т. п.

Второй типъ учрежденій, предназначенныхъ для просвѣщенія народа, есть начальная народная школа въ собственномъ смыслѣ этого слова. Обязательное посѣщеніе этой школы установлено закономъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы, за исключеніемъ Ирландіи, Португаліи, Голландіи и Бельгіи. Обязательное посѣщеніе школы — одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ первой половины нашего столѣтія. Къ концу его, въ результатѣ разныхъ споровъ и разногласій, у всѣхъ культурныхъ народовъ восторжествовало убѣжденіе, что обучать дѣтей такъ-же необходимо, какъ кормить и одѣвать ихъ, и что поэтому обязательство посѣщенія начальной школы нисколько не нарушаетъ свободы и правъ разумныхъ родителей: оно лишь обезпечиваетъ дѣтей отъ опасности лишаться необходимаго образованія по волѣ нерадивыхъ родителей. Доказательствомъ положенія, что обязательное посѣщеніе школы гармонируетъ со свободой, служитъ то обстоятельство, что оно укоренилось въ самыхъ свободныхъ странахъ, каковы Швеція, Швейцарія, Американскія республики и т. п. По мнѣнію г. Левассера, нельзя сомнѣваться въ благодѣтельности принципа обязательнаго обученія; тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, при введеніи такого обязательства надо всегда считаться съ нравами и развитіемъ даннаго народа. Не

всегда обязательное обученіе совпадаетъ съ высокой степенью грамотности. Напр., въ Испаніи, Греціи, Турціи, Сербіи, Болгаріи законъ давно уже предписалъ обязательное посѣщеніе начальной школы, а между тѣмъ грамотность въ этихъ государствахъ стоитъ очень низко; и напротивъ, въ Голландіи, Бельгіи нѣтъ строгаго обязательства посѣщенія начальной школы, а грамотныхъ, сравнительно съ предыдущими государствами, очень много. Намъ лично кажется, что обязательному посѣщенію должна предшествовать обязательная общедоступность школы, т.-е. принудительное учрежденіе начальныхъ школъ въ такомъ количествѣ, чтобы школа была доступна всѣмъ, желающимъ посѣщать ее. Такое принудительное учрежденіе школъ существуетъ въ Голландіи и Бельгіи и, намъ кажется, было-бы весьма полезной и какъ нельзя болѣе своевременной мѣрой для нашей столицы, гдѣ каждую осень начальныя школы, за неимѣніемъ мѣста, отказываютъ многимъ сотнямъ дѣтей, желающимъ учиться. Послѣ общедоступности школы уже не трудно перейти и къ обязательному ея посѣщенію. Срокъ обязательнаго посѣщенія начальной школы разнообразится, смотря по государствамъ. Въ Шотландіи дѣти обязаны посѣщать начальную школу въ возрастѣ отъ 5—13 лѣтъ; во Франціи, Баваріи, Вюртембергѣ, Венгріи—отъ 6—13; въ Пруссіи, Баденѣ, нѣмецкихъ герцогствахъ, Австріи—отъ 6—14; въ Саксоніи—отъ 7—15; въ Швейцаріи—отъ 6—15 или 16, смотря по кантону; въ Испаніи—отъ 6—9; въ Румыніи, Швеціи—отъ 7—14; въ Норвегіи—отъ 7—13 лѣтъ. Въ Англіи курсъ начальной школы обнимаетъ приблизительно 7 лѣтъ, не обязательны только 4 года отъ 6 или 7 до 11 лѣтъ, а затѣмъ школа не имѣетъ права задерживать дѣтей насильно. И въ Италіи курсъ обученія въ начальной школѣ распадается на два періода: обязательный, продолжающійся три года, и необязательный—2 года. Такимъ образомъ, для Италіи срокъ обязательнаго посѣщенія школы продолжается отъ 6 до 9 лѣтъ.

Програма начальныхъ народныхъ школъ тоже не одинакова во всѣхъ государствахъ. Въ первой половинѣ 19-го вѣка программа начальной школы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ протестантскихъ государствъ, ограничивается всюду чтеніемъ, письмомъ и счетомъ, задаваясь простой цѣлью—сдѣлать для каждаго доступнымъ чтеніе общедоступныхъ книгъ, возможность письменнаго сообщенія съ себѣ подобными и умѣніе сдѣлать простыя обиходныя вычисленія. Въ настоящее время цѣли, преслѣдуемыя школой, понимаются такъ: она должна приготовить полезнаго члена общества, вооруживъ своего питомца необходимымъ для современныхъ условій умственнымъ развитіемъ. Сообразно съ этимъ расширяется и программа—введеніемъ географіи, исторіи, естественныхъ наукъ, геометріи, рисованія и т. п.

Въ Англіи очень разнообразные предметы составляютъ програму начальной школы, но обязательны лишь чтеніе, письмо, ариѳметика, рисованіе для мальчиковъ и шитье для дѣвочекъ. Предметы необязательные — пѣніе, литература, географія, исторія, алгебра, иностранные языки, домоводство, поваренное искусство и др. Въ Шотландіи приблизительно такое-же распредѣленіе предметовъ, составляющихъ програму, на обязательные и необязательные. Во Франціи законы 1882 и 1886 гг. установили програму въ такомъ объемѣ: чтеніе, письмо, французскій языкъ, ариѳметика, исторія и географія, преимущественно Франція, предметные уроки съ цѣлью пріобрѣтенія основныхъ научныхъ понятій, рисованіе, пѣніе, ручной трудъ и гимнастика. Во Франціи, точно такъ-же, какъ и въ германскихъ государствахъ, програма строго одинакова для всѣхъ народныхъ школъ даннаго государства. По роду предметовъ програма нѣмецкихъ государствъ отличается отъ французской наличностью преподаванія Закона Божія и меньшимъ развитіемъ ручного труда. Очень, сравнительно, высока програма народной школы въ Вюртембергѣ, обнимающая: Законъ Божій, ученіе о нравственности, чтеніе, письмо, нѣмецкій языкъ, ариѳметику, исторію, географію, физику, естественныя науки, гимнастику, пѣніе, рисованіе и ручной трудъ. Въ Швейцаріи програма устанавливается для каждаго кантона отдѣльно. Въ австрійскихъ народныхъ школахъ преподаютъ, кромѣ Закона Божія и элементовъ знаній, геометрическое черченіе, исторію и элементарныя свѣдѣнія изъ области естественныхъ наукъ. Въ Италіи, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ преподаванія, въ програму необязательнаго курса начальной народной школы входятъ преподаваніе «правъ и обязанностей человѣка и гражданина». Преподаваніе Закона Божія необязательно въ итальянскихъ народныхъ школахъ, но можетъ быть введено по желанію родителей. Въ Скандинавскихъ государствахъ особенность програмы составляетъ гигіена и элементарное знакомство съ законодательствомъ и государственнымъ устройствомъ страны. Видное мѣсто занимаетъ ручной трудъ. Но не будемъ болѣе останавливаться на програмахъ начальныхъ народныхъ школъ, соглашаясь вполнѣ съ г. Левассеромъ, что перечисленіе предметовъ преподаванія даетъ лишь приблизительное понятіе о курсѣ, такъ какъ очень многое зависитъ, во-первыхъ, отъ объема предмета, а во-вторыхъ, отъ способа преподаванія. Цѣль наша — лишь указать, что въ настоящее время програма обязательной народной школы у всѣхъ культурныхъ народовъ вышла за предѣлы элементовъ знанія, т.-е. чтенія, письма и счета.

Относительно обучаемыхъ дѣтей начальныя школы распадаются на двѣ категоріи: отдѣльныя—для мальчиковъ и дѣвочекъ и смѣ-

шанныя—для дѣтей обоего пола. Въ Америкѣ, какъ извѣстно, принципъ полезности совмѣстнаго обученія дѣтей признается почти всѣми и установился очень прочно. Въ Европѣ это еще спорный вопросъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, каковы Венгрія, Австрія, Данія, Португалія, совсѣмъ нѣтъ смѣшанныхъ школъ; Гессенъ, Голландія, Саксонія и нѣкоторые кантоны Швейцаріи, очевидно, согласны съ этимъ принципомъ, потому что въ нихъ замѣчается огромное преобладаніе смѣшанной школы, а въ Гессенѣ отдѣльныхъ школъ даже нѣтъ. Большинство-же государствъ Западной Европы,—Франція, Румынія, Бельгія, Испанія, Италія и др.,—совмѣщаютъ обѣ категоріи школъ, примиряясь со смѣшанной школой въ виду матеріальной необходимости. Во Франціи, въ 1891 г. изъ 57.000 школъ 19.087 было смѣшанныхъ; въ Бельгіи изъ 6.209 начальныхъ школъ въ 1894 г. смѣшанныхъ было 2.261 школа и т. п.

Кромѣ постоянной народной школы, на сѣверѣ Европы, въ Швеціи и Финляндіи сохранился еще типъ подвижной школы, т. е. учитель переѣзжаетъ изъ деревни въ деревню, оставаясь въ каждой отъ 2—4 мѣсяцевъ. Школъ этихъ въ Швеціи и особенно Финляндіи много, но за послѣднее время отношеніе мѣняется въ сторону увеличенія числа постоянныхъ школъ. Такъ, въ Швеціи въ 1880 г. постоянныя школы составляли 63% всего числа школъ, подвижныя—37%, а въ 1893 г. это отношеніе измѣнилось въ 73% и 27%; въ Финляндіи въ 1891 г. подвижныхъ было больше, чѣмъ постоянныхъ, а именно послѣднія составляли 41,3%, а первыя—58,7%; а черезъ два года, въ 1893 г., число постоянныхъ возросло до 56,8%, а число подвижныхъ понизилось до 43,2% всего количества начальныхъ народныхъ школъ.

Обязательное посѣщеніе начальной народной школы тѣсно связано съ принципомъ дарового обученія. Даровое обученіе для всѣхъ дѣтей безъ исключенія установлено закономъ во Франціи, Швейцаріи, Португаліи, Италіи, Румыніи, Саксоніи, Шотландіи, Сербіи, Норвегіи. Въ Англіи нѣтъ закона о даровомъ обученіи, но государство предоставляетъ школьнымъ совѣтамъ право вводить даровое обученіе во ввѣренномъ имъ округѣ. Благодаря закону 1891 г., установившему субсидіи школамъ съ даровымъ обученіемъ, послѣднее распространяется очень быстро. Такъ, напримѣръ, въ 1894 г. изъ 19.700 школъ—16.289 были безплатными. Точно такъ-же въ Голландіи и Пруссіи общинамъ предоставляется право вводить даровое обученіе. Въ Пруссіи въ настоящее время почти всѣ общины отказались отъ платы. Тамъ, гдѣ плата существуетъ, взимается она различно, но вездѣ въ очень незначительныхъ размѣрахъ, а, кромѣ того, бѣдные совсѣмъ освобождаются отъ платы. Въ Англіи она не

должна превышать 90 сантимовъ (34 к.) въ недѣлю, въ Вюртембергѣ—2 фр. 40 с. (около 1 р.) въ годъ, въ Швеціи не больше 69 сент. (26 к.) въ годъ и т. п. Въ Бельгіи, Испаніи плата за ученіе устанавливается каждой общиной отдѣльно. Въ Баваріи установлена не плата за ученіе, а какъ-бы школьный налогъ на всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, потому что взносы дѣлаются и тѣми дѣтьми, которыя обучаются въ частныхъ школахъ.

Перейдемъ теперь къ третьему типу учрежденій, призванныхъ просвѣщать народъ. Типъ этотъ носитъ весьма разнообразныя названія и имѣетъ весьма различную организацію; тѣмъ не менѣе, всѣ учрежденія этого рода можно назвать общимъ именемъ «дополнительной школы», такъ какъ всѣ они преслѣдуютъ одну общую цѣль — дополнить образованіе тѣхъ слоевъ народонаселенія, для которой, въ силу матеріальныхъ условій, недоступно среднее и высшее образованіе въ школахъ, гимназіяхъ, университетахъ и т. п. Учрежденія третьяго типа можно разбить на двѣ группы. Къ первой относятся правильно организованныя школы, съ опредѣленной вполнѣ программой, представляющія непосредственное продолженіе начальной школы. Онѣ предназначены для тѣхъ дѣтей, которыя имѣютъ матеріальную возможность продолжить свое образованіе за предѣлы начальной школы, не выступая на поприще практической дѣятельности. Это—дневныя школы, требующія со стороны учащихся значительной затраты времени. Таковы: высшая народная школа во Франціи (école primaire Superieure), средняя народная школа въ Пруссіи (Mittelschule), Bürgerschule въ Австріи, высшая народная школа въ Венгріи, Швеціи и т. п. Посѣщеніе этихъ школъ не обязательно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ государство дѣлаетъ принудительнымъ ихъ учрежденіе. Напримѣръ, въ Венгріи каждая община, имѣющая не менѣе 5.000 жителей, обязана учредить и содержать высшую народную школу съ 3-хъ-лѣтнимъ курсомъ для мальчиковъ и 2-хъ-лѣтнимъ для дѣвочекъ. Кромѣ того, обезпеченные матеріально города обязаны содержать высшую народную школу съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ для мальчиковъ и 4-хъ-лѣтнимъ для дѣвочекъ. Программы этихъ высшихъ школъ приноровлены такъ, что даютъ возможность поступленія во второй (quinta) классъ гимназіи (съ дополнительнымъ экзаменомъ по латинскому), или въ среднія коммерческія и профессіональныя школы. Въ Австріи учрежденіе Bürgerschule предоставляется усмотрѣнію мѣстной школьной администраціи.

Ко второй группѣ учрежденій третьяго типа,—группѣ, несравненно болѣе многочисленной, относятся учрежденія, предназначенныя для тѣхъ слоевъ населенія, которая непосредственно изъ стѣнъ начальной школы выходитъ въ сферу практической дѣятельности.

Это—школы для рабочихъ, ремесленныхъ учениковъ, прислуги, однимъ словомъ—людей, не могущихъ въ силу своихъ занятій отдавать много времени ученію. Поэтому и организація подобныхъ просвѣтительныхъ учрежденій отличается приноровленностью къ рабочей, занятой жизни. Уроки въ подобныхъ школахъ происходятъ по воскресеньямъ и вечеромъ и требуютъ не болѣе 6, 8, 10 ч. въ недѣлю. Сюда можно отнести воскресныя, вечернія, повторительныя и дополнительныя школы, а также курсы для взрослыхъ. Относительно этой категоріи просвѣтительныхъ учрежденій для народа, впереди всѣхъ государствъ Европы стоятъ Германія и Швейцарія, гдѣ такъ-называемыя «Fortbildungsschulen», т.-е. дополнительныя школы, завоевали себѣ почти такое-же прочное положеніе, какъ и начальныя школы. Въ этихъ государствахъ и общество, и правительство пришли къ твердому убѣжденію, что во имя справедливости и во имя прогресса и благополучія націи необходимо продолжить образованіе народа за предѣлы начальной школы. Поэтому большинство германскихъ государствъ и большинство швейцарскихъ кантоновъ путемъ закона установили у себя обязательное посѣщеніе дополнительной школы по окончаніи курса начальной. Въ Саксоніи всѣ мальчики обязаны посѣщать дополнительную школу въ возрастѣ отъ 14—17 лѣтъ, а дѣвочки до 16-ти; въ Гессенѣ дополнительная школа обязательна для того-же возраста, при чемъ курсъ продолжается 4—5 зимнихъ мѣсяцевъ, по 4—6 часовъ въ недѣлю. Въ Вюртембергѣ обязательство существуетъ только для мальчиковъ: они обязаны посѣщать два года вечернюю или 3 года воскресную школу; курсъ обнимаетъ не менѣе 80 учебныхъ часовъ въ годъ. Въ Венгріи дѣти остаются въ дневной обязательной школѣ до 12-ти лѣтъ, а затѣмъ тѣ изъ нихъ, которыя принимаются за какую-либо практическую дѣятельность, обязаны еще три года посѣщать вечернюю дополнительную школу. Въ другихъ государствахъ Западной Европы воскресныя, вечернія школы, а также курсы для взрослыхъ не обязательны, но почти всюду за послѣднее время они съ каждымъ годомъ прогрессируютъ очень быстро, какъ въ смыслѣ количества, такъ и въ смыслѣ расширенія и улучшенія программъ. Особенно грандіозное развитіе ихъ замѣчается въ настоящее время въ Англіи и во Франціи, гдѣ въ пользу этихъ благихъ учрежденій, съ достойнымъ глубокаго уваженія усердіемъ, работаютъ рука объ руку и общества, и правительства. Въ Англіи, напримѣръ, въ промежутокъ времени отъ 1891—1894 г., т.-е. всего за 4 года, число курсовъ для взрослыхъ возросло съ 1.838 до 3.742, а число посѣтителей съ 51.974 до 115.530 человѣкъ; субсидія государства на эти курсы измѣнилась за то-же время съ 28.384 ф. стерл. на 91.540 ф. (864.051 р.). Во Франціи въ 1894—1895 г. насчитывалось всего 8.288 курсовъ для взрослыхъ, а въ слѣдующемъ

1895—1896 г. уже 15.538 курсовъ съ 270.500 посѣтителей, не считая Парижа. Кромѣ того, въ томъ-же году было устроено не менѣе 60.000 народныхъ чтеній.

Относительно характера образовательныхъ учрежденій III типа необходимо замѣтить, что по своей организаціи онѣ довольно рѣзко отличается отъ начальной народной школы. Послѣдняя преслѣдуетъ и должна преслѣдовать чисто образовательныя цѣли; она даетъ тотъ необходимый минимумъ общаго развитія, безъ котораго немыслимъ прогрессъ націи. Поэтому программа и организація школы можетъ быть неодинакова для всей страны, независимо отъ мѣстныхъ условій. Совсѣмъ иначе организуется дополнительная школа. Она имѣетъ уже дѣло не съ дѣтьми, а съ людьми полувзрослыми, которые подвизаются уже на аренѣ борьбы и работы и потому имѣютъ уже свой собственный жизненный опытъ и свои запросы. Отсюда основной принципъ всѣхъ дополнительно-образовательныхъ учрежденій для народа—отвѣтить на эти запросы, дать взрослому человѣку такія знанія, которыя-бы помогли ему оріентироваться въ сферѣ его общественной и профессіональной жизни. Изъ этого основного принципа вытекаютъ два отличительныхъ свойства дополнительно-образовательныхъ учрежденій. Во-первыхъ, почти всѣ они носятъ болѣе или менѣе профессіональный оттѣнокъ, но не въ смыслѣ обученія какой-либо профессіи, какъ это ведется въ промышленныхъ школахъ, а лишь въ смыслѣ сообщенія навыковъ и знаній, облегчающихъ профессію и вызывающихъ болѣе сознательное къ ней отношеніе. Отсюда въ программу дополнительной школы входятъ: прикладная механика, промышленная химія, товаровѣдѣніе, технологія, счетоводство, коммерческая корреспонденція, техническое черченіе и рисованіе, фабричное законодательство и т. п. Другая черта заключается въ томъ, что дополнительная школа всегда считается съ промышленными условіями мѣстной жизни. Напримѣръ, если данная мѣстность характеризуется какой-нибудь отраслью промышленности, то въ программу ея дополнительныхъ школъ войдутъ непремѣнно тѣ отрасли наукъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ данной промышленности. Тамъ, гдѣ процвѣтаютъ металлическія издѣлія, будетъ введено подробное ознакомленіе съ металлами и ихъ обработкой; въ мануфактурной мѣстности войдетъ въ программу технологія волокнистыхъ растеній; въ сельско-хозяйственной мѣстности—подробное изученіе объектовъ и продуктовъ сельскаго хозяйства и скотоводства и т. п. Такимъ образомъ, программа дополнительно-образовательныхъ учрежденій не имѣетъ постояннаго опредѣленнаго характера. Надо еще замѣтить, что нигдѣ она не носитъ узко-утилитарнаго характера, но повсюду вполнѣ достаточное время удѣлено и общеобразовательнымъ предметамъ, какъ необходимой

основѣ какихъ-бы то ни было знаній. Только характеръ этихъ общеобразовательныхъ предметовъ примѣненъ къ потребностямъ взрослаго человѣка. Напримѣръ, на урокахъ исторіи выдѣляются и освѣщаются лишь тѣ событія, которыя имѣютъ несомнѣнное значеніе для современной жизни націи, даютъ возможность изучить современное состояніе родины и понять историческія задачи нашего времени; уроки географіи знакомятъ ученика съ экономическимъ состояніемъ и политическимъ устройствомъ страны и т. п. У г. Левассера нѣтъ сколько-нибудь болѣе подробныхъ свѣдѣній относительно организаціи и программъ этихъ весьма интересныхъ, съ нашей точки зрѣнія, дополнительно-образовательныхъ учрежденій. Поэтому для иллюстрацій вышесказаннаго мы заимствуемъ нѣкоторыя данныя изъ книги г. Пахе «Das deutsche Fortbildungswesen der Gegenwart» и изъ доклада французскаго профессора Эдуарда Птее министру народнаго просвѣщенія за 1895—1896 гг.

Въ Баваріи всякая дополнительная школа состоитъ изъ двухъ отдѣленій—элементарнаго и профессіональнаго. Первое преслѣдуетъ общеобразовательныя цѣли, и потому программа его для всѣхъ школъ въ Баваріи одинакова. Второе посвящено изученію предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ разнымъ профессіямъ, вслѣдствіе чего и программа этого отдѣленія варіируется въ зависимости отъ характера условій экономической жизни данной мѣстности. Въ элементарномъ отдѣленіи всѣ предметы обязательны, въ профессіональномъ—ученикамъ предоставляется свободный выборъ предметовъ. Въ программу элементарнаго отдѣленія входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, ариѳметика и рисованіе; программа профессіональнаго — техническое рисованіе, лѣпка, моделлированіе, ариѳметика въ примѣненіи къ задачамъ промышленной жизни, прикладная геометрія, естественная исторія, химія, знакомство съ сырыми матеріалами производства, промышленная бухгалтерія. Выборъ, а также объемъ такихъ предметовъ всецѣло зависитъ отъ мѣстныхъ условій промышленной жизни. А вотъ программа курсовъ для взрослыхъ, имѣющихъ мѣсто въ 1895—1896 учебномъ году во французскомъ городѣ Eruée: практическія свѣдѣнія изъ теоріи проекцій и ихъ примѣненія; знакомство съ простыми машинами; обработка дерева, металла и кожи; знакомство съ напитками, получаемыми въ результатѣ броженія, и спиртъ съ точки зрѣнія гигіены; гигіена жизни; чтеніе историческихъ и литературныхъ отрывковъ, взятыхъ изъ сочиненій классическихъ и современныхъ писателей *).

---

*) Желающимъ ближе познакомиться съ дополнительно-образовательными учрежденіями для народа въ Германіи и Франціи отсылаемъ къ нашимъ статьямъ «Послѣ начальной школы», помѣщеннымъ въ журналѣ «Техническое Образованіе» (октябрь 1896 г. и ноябрь, декабрь 1897 г.).

Остается еще разсмотрѣть четвертый типъ учрежденій, призванныхъ вносить просвѣщеніе въ среду народа. Это будетъ высшая ступень начальнаго народнаго образованія, наиболѣе высокая степень заботы общества и правительства объ образованіи народа, и, кромѣ того, это созданіе почти нашихъ дней. Мы говоримъ о высшемъ образованіи рабочаго люда, о такъ-называемыхъ народныхъ университетахъ. Опять таки у г. Левассера мало данныхъ относительно учрежденій этого рода, вѣроятно, потому, что они не имѣютъ еще за собой продолжительной исторіи и обширнаго статистическаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что для полноты картины нельзя умолчать о такомъ движеніи нашихъ дней, и потому мы позволимъ себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ книги г. Вахтерова «Внѣшкольное образованіе народа». «Вѣнцомъ вечерне-воскресной школы,—пишетъ г. Вахтеровъ,—являются университетскіе курсы, крестьянскіе и народные университеты. Въ Англіи и Америкѣ за послѣднее время развивается широкое распространеніе университетскаго знанія среди простого рабочаго населенія. Наибольшей извѣстностью пользуются тамъ три системы распространенія высшаго образованія: «university extention» (внѣуниверситетскія лекціи и занятія по высшимъ наукамъ), американская система распространенія знанія посредствомъ домашняго чтенія по указаніямъ программы; издаваемой особымъ бюро, и, наконецъ, система университетскихъ поселеній. Благодаря каждой изъ этихъ системъ, высшее образованіе, бывшее до сихъ поръ только удѣломъ немногихъ, распространяется все шире и шире, проникая въ самые низшіе слои населенія; учебныя занятія, считавшіяся до сихъ поръ приличными только для опредѣленнаго возраста, становятся дѣломъ цѣлой жизни; свѣдѣнія, пріобрѣтавшіяся образованными классами для профессіональныхъ цѣлей, получаютъ общеобразовательный характеръ; науки, считавшіяся роскошью для непрофессіональныхъ ученыхъ, признаются необходимыми для всѣхъ. Происходитъ, или, вѣрнѣе сказать, начинается міровой процессъ, о которомъ едва-ли мечтали наши предки. Сущность этого движенія состоитъ въ томъ, что такъ какъ занятые добываніемъ куска хлѣба люди не могутъ придти въ университетъ, то люди науки сами идутъ къ ищущимъ знанія»... «Слушателей такихъ университетскихъ курсовъ въ 1892—1893 г. въ одномъ Оксфордѣ было 23 тысячи, а въ Лондонѣ 13 тысячъ»... «Движеніе это разрастается такъ быстро, что если возрастающая прогрессія числа слушателей въ теченіе еще двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ будетъ имѣть тотъ-же знаменатель, то недалеко время, когда большинство рабочаго населенія Англіи и Соединенныхъ Штатовъ будетъ пріобщено къ высшимъ источникамъ знанія»... Далѣе читаемъ: «Между

высшими образовательными учрежденіями для народной массы не менѣе замѣчательны такъ-называемые крестьянскіе университеты въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, откуда они перешли и въ Финляндію»... «Въ Германіи тѣ-же цѣли преслѣдуются, между прочимъ, Обществомъ распространенія народнаго образованія, поставившимъ своимъ девизомъ: «просвѣщать умъ и согрѣвать сердце людей». Этимъ Обществомъ устраиваются бесѣды по астрономіи, исторіи, отечественной литературѣ. Число слушателей такъ велико, что на 4-хъ такихъ бесѣдахъ, устроенныхъ въ теченіе одной недѣли въ Дюссельдорфѣ, присутствовало болѣе 7.000 человѣкъ»... «Недавно газеты сообщили объ открытіи народнаго университета въ Бельгіи». Наконецъ, въ ноябрьской книжкѣ журнала «Après l'école» за 1896 г. находимъ свѣдѣнія, что и во Франціи основалось «Общество распространенія высшаго образованія въ народной массѣ». Общество уже успѣло организовать въ Парижѣ курсы по разнымъ предметамъ, открытіе которыхъ состоялось 3-го ноября 1896 г. Приведенныхъ фактовъ, конечно, недостаточно, чтобы нарисовать полную картину того, что дѣлается въ Европѣ для высшаго образованія народныхъ массъ, тѣмъ не менѣе, думаемъ, изъ нихъ можно вывести безошибочное заключеніе о томъ, что идея о необходимости пріобщить къ благамъ высшаго просвѣщенія и народную массу въ достаточной мѣрѣ успѣла уже укорениться въ культурныхъ странахъ Западной Европы.

4. Что касается внѣшней обстановки народной школы, то вообще можно сказать, что за послѣднія 50 лѣтъ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень много, болѣе чѣмъ за всѣ предыдущіе вѣка, вмѣстѣ взятые. Все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что внѣшняя обстановка школы, помимо гигіеническихъ требованій, имѣетъ большое воспитательное значеніе, внушая уваженіе къ школѣ и развивая въ дѣтяхъ любовь къ порядку и чистотѣ. Во многихъ государствахъ Западной Европы правительство законодательнымъ порядкомъ заставляетъ общины строить школьные дома по особому плану, выработанному свѣдущими людьми согласно правиламъ гигіены и педагогики. Для поощренія и ускоренія дѣла правительства выдаютъ болѣе и менѣе крупныя субсидіи на это дѣло. Особенно много затрачивается заботъ на школьныя постройки въ Швейцаріи, Венгріи и въ большихъ городахъ другихъ государствъ, гдѣ очень часто зданія народныхъ школъ обращаютъ на себя вниманіе роскошной и выдающейся архитектурой. Тамъ-же много сдѣлано за послѣднія 50 лѣтъ и относительно школьной обстановки, т.-е. ме,бели наглядныхъ пособій и т. п. Впереди всѣхъ государствъ въ этомъ отношеніи стоятъ Германія, Франція и Швейцарія. Ежегодно по-

является бездна дешевыхъ и очень хорошихъ изданій естественно-историческихъ атласовъ, стѣнныхъ таблицъ, географическихъ картъ, книгъ для класснаго чтенія и всевозможныхъ учебниковъ. Что касается послѣднихъ, то во всѣхъ почти государствахъ Западной Европы въ народныхъ школахъ выборъ учебниковъ подлежитъ особой спеціальной регламентаціи. Во Франціи, напримѣръ, мѣстные школьные совѣты учителей и учительницъ составляютъ списокъ желательныхъ для народной школы изданій, который поступаетъ затѣмъ къ инспектору нар. училищъ и на окончательное утвержденіе въ департаментъ народнаго образованія. Въ Саксоніи выборъ книгъ предоставляется мѣстному школьному совѣту, затѣмъ утверждается правительственнымъ инспекторомъ и окончательно министромъ. Въ Баваріи и Австріи правительство само издаетъ почти всѣ учебники для народныхъ школъ. Въ Австріи выборъ учебниковъ предоставляется мѣстной правительственной инспекціи изъ списка, составленнаго мѣстными школьными совѣтами. Англійское правительство предоставляетъ въ этомъ отношеніи полную свободу мѣстнымъ выборнымъ школьнымъ совѣтамъ.

5. Теперь перейдемъ къ весьма важному вопросу, тѣсно связанному съ судьбой народнаго образованія, а именно къ персоналу, обучающему въ народной школѣ. Вопросъ этотъ мы постараемся разсмотрѣть съ трехъ сторонъ: со стороны подготовки, служебной зависимости и матеріальной обезпеченности лицъ, посвятившихъ себя профессіи народнаго учителя и народной учительницы.

По мѣрѣ того какъ росли качественно и количественно народныя школы, естественно возникалъ вопросъ о подготовкѣ учительскаго персонала. Отсюда возникли учительскія семинаріи или нормальныя школы (écoles normales) и т. п. учрежденія, спеціально для этого предназначенныя. Въ Германіи первая учительская семинарія ведетъ свое начало еще съ 1698 г.; къ концу 18-го столѣтія ихъ было въ Германіи 30, въ Австріи — 15. Въ другихъ государствахъ Европы онѣ появляются съ 19-го вѣка и въ настоящее время встрѣчаются повсюду, какъ главные разсадники учителей и учительницъ народныхъ школъ,—главные, но нигдѣ не единственные, потому что во всѣхъ государствахъ Западной Европы, на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, существуютъ экзамены на право преподаванія въ народныхъ школахъ. Впрочемъ, вездѣ отдается предпочтеніе тѣмъ, кто прошелъ курсъ учительской семинаріи. Въ очень немногихъ государствахъ существуютъ еще высшія семинаріи, подготовляющія преподавателей для обыкновенныхъ учит. семинарій. Франція имѣетъ два такихъ учрежденія: одно для мужчинъ, другое для женщинъ. Организація нормальныхъ школъ или учительскихъ семинарій весьма разно-

образна; славятся своимъ устройствомъ семинаріи Саксоніи и Гессена. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, въ Гессенѣ, Вюртембергѣ, по окончаніи курса семинаріи молодые люди сдаютъ экзамены лишь на помощника учителя, а затѣмъ, послѣ двухлѣтней работы въ школѣ, уже на учителя, при чемъ въ Гессенѣ для послѣдняго требуется возрастъ не менѣе 24 лѣтъ. Во Франціи званіе учителя выдается также лишь послѣ двухлѣтней работы въ школѣ въ качествѣ помощника учителя. Продолжительность курса въ учительскихъ семинаріяхъ различная—отъ 2 до 5 лѣтъ. Въ Румыніи 5 лѣтъ, въ Швеціи—4 г.; въ Италіи—2 для учителя элементарныхъ школъ и 3 для высшихъ; въ другихъ государствахъ чаще всего 2—3 года. Вообще можно сказать, что во всѣхъ государствахъ Западной Европы въ настоящее время затрачивается не мало вниманія на подготовку достойнаго учительскаго персонала для народныхъ школъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заботы государства зашли такъ далеко, что обученіе въ учительскихъ семинаріяхъ даровое. Въ Италіи и Румыніи, напримѣръ, всѣ экстерны не платятъ ничего; кромѣ того, существуетъ много стипендій отъ государства, общинъ, различныхъ благотворительныхъ обществъ, которыя выдаются по результатамъ конкурсныхъ экзаменовъ. А въ Вюртембергѣ всѣ учащіеся въ учительскихъ семинаріяхъ, кромѣ дарового обученія, имѣютъ еще даровое помѣщеніе и стипендію отъ государства въ размѣрѣ отъ 120 до 180 марокъ въ годъ. Слѣдующая таблица показываетъ число учительскихъ семинарій въ различныхъ государствахъ Западной Европы:

Италія	150	Баварія	18
Пруссія	113	Вюртембергъ	15
Франція	90	Румынія	9
Испанія	81	Шотландія	7
Венгрія	70	Голландія	7
Австрія	69	Финляндія	6
Бельгія	51	Ирландія	4
Англія	44	Гессенъ	4
Саксонія	19		

Цифры эти относятся къ 1887—1888 г.

Назначеніе народныхъ учителей и учительницъ зависитъ частью отъ мѣстныхъ школьныхъ совѣтовъ, отъ мѣстной школьной администраціи, частью-же отъ центральныхъ органовъ управленія.

Во Франціи помощники учителей допускаются къ преподаванію инспекторомъ народныхъ школъ; учителя и учительницы утверждаются префектомъ, а преподаватели высшихъ народныхъ школъ—министромъ. Въ Голландіи учительскій персоналъ школъ, содержимыхъ на счетъ государства, назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ;

если-же школы содержатся на общественный счетъ, то назначеніе зависитъ отъ муниципальныхъ властей. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ—по конкурсу. Въ Англіи, Бельгіи, Италіи, Австріи, Финляндіи учителя и учительницы утверждаются мѣстными школьными совѣтами и мѣстной администраціей. Въ швейцарскихъ кантонахъ учитель или избирается мѣстными жителями, или назначается школьнымъ совѣтомъ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, а также въ Пруссіи учителя несмѣняемы, т.-е. могутъ быть уволены лишь по суду. Въ Бельгіи назначающій учителя школьный совѣтъ можетъ отставить его отъ должности не иначе, какъ съ согласія правительственнаго школьнаго органа, и, кромѣ того, отрѣшенный отъ должности учитель имѣетъ право жаловаться королю. Въ Италіи учитель становится несмѣняемымъ лишь послѣ шести лѣтъ удовлетворительной службы.

Матеріальное обезпеченіе народнаго учителя представляетъ довольно большое разнообразіе. Остановимся прежде всего на тѣхъ государствахъ Западной Европы, гдѣ, помимо жалованья, будущность народныхъ учителя и учительницы обезпечена еще пожизненной пенсіей

Въ Саксоніи жалованье зависитъ отъ населенности общины и продолжительности службы учителя. Для младшаго, т.-е. помощника учителя, минимумъ опредѣляется въ 700—800 марокъ, 325—370 р. въ годъ, а въ общинахъ съ числомъ жителей болѣе 10.000 въ 900—1.000 м., 447——463 р. въ годъ. Наименьшее жалованье старшаго учителя — 900 м., т.-е. 417 р. въ годъ, въ меньшихъ общинахъ и 1.200 м., т.-е. 556 р., въ большихъ. Черезъ каждыя 5 лѣтъ службы полагается прибавка, благодаря чему жалованье достигаетъ 1.600 м., т.-е. 741 руб. въ годъ. Сверхъ того, каждому учителю полагается квартира или замѣняющія ее квартирныя деньги. Пенсія опредѣляется такимъ образомъ: за 10 лѣтъ службы полагается 40% жалованья, а затѣмъ каждый годъ прибавляетъ еще 1½%, такъ что 50 лѣтъ службы обезпечиваетъ за учителемъ все его жалованье. Кромѣ того, существуетъ еще касса вспомоществованія для вдовъ и сиротъ учителей, при чемъ каждый, утвержденный на службѣ учитель обязанъ быть членомъ этой кассы.

Въ Вюртембергѣ размѣръ жалованья также зависитъ отъ населенности общины. Въ наименьшихъ общинахъ, съ населеніемъ не болѣе 400 человѣкъ, минимумъ жалованья опредѣленъ въ 945 марокъ или 438 руб. въ годъ; по мѣрѣ увеличенія населенія возрастаетъ и минимумъ жалованья, достигая 1.385 м. или 642 р. въ общинахъ съ числомъ жителей болѣе 6.000; къ этому прибавляется квартира или квартирныя деньги. Сверхъ-же этого жалованья государство прибавляетъ ежегодно каждому учителю отъ 150 до 500 м. или

отъ 70—230 рублей, смотря по числу лѣтъ службы. Пенсія выдается за 10 лѣтъ службы въ размѣрѣ 40%, включая и прибавку отъ государства, а затѣмъ каждый годъ прибавляетъ еще $1^3/_4$%, до тѣхъ поръ, пока пенсія не достигнетъ $92^1/_2$% жалованья, но не выше 2.400 марокъ, т.-е. 1.112 рублей въ годъ. Вдовы и сироты учителей также получаютъ пенсію. Въ Пруссіи жалованье измѣняется въ зависимости отъ провинціи и общины, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ниже 810 м. или 375 р. въ годъ, не считая квартиры и отопленія. Средній размѣръ жалованья въ селахъ—1.280 м. или 593 р., а въ городахъ—1.600 м., т.-е. 741 р. въ годъ. Въ Берлинѣ жалованье старшихъ учителей народныхъ школъ достигаетъ 3.600 м. или 1.668 р. въ годъ. По мѣрѣ увеличенія срока службы увеличивается и жалованье, а старость обезпечена пенсіей. Вообще можно сказать, что германскія государства очень хорошо обезпечиваютъ народныхъ учителей и учительницъ, и, вѣроятно, въ этомъ заключается одна изъ причинъ успѣшнаго хода начальнаго народнаго образованія въ Германіи.

Въ Австріи размѣръ жалованья учителямъ и учительницамъ опредѣляется мѣстными школьными властями и сильно разнообразится въ зависимости отъ провинціи. Напримѣръ, въ собственно Австріи минимумъ — 600 фл. или 562 р.; въ Штиріи, 550 фл., т.-е. 515 р.; въ Зальцбургѣ, Богеміи, Каринтіи, Моравіи—400 фл. или 375 р.; въ Галиціи, Силезіи, Форальбергѣ—300 фл., т.-е. 218 р., и т. д. Учителя обезпечены пенсіей, при чемъ одну изъ статей образованія пенсіоннаго фонда составляютъ ежегодные вычеты по 2% съ жалованья и единовременные—10% съ прибавки къ жалованью. Въ Венгріи размѣръ жалованья народныхъ учителей опредѣляется также мѣстными совѣтами, но не можетъ быть ниже 700 фл. или 281 р. въ сельскихъ и 700 фл., т.-е. 656 р., въ городскихъ общинахъ; черезъ каждыя 5 лѣтъ полагается прибавка. 2% жалованья вычитаются ежегодно въ пенсіонную кассу, а послѣ 40 лѣтъ службы выдается ежегодная пенсія въ размѣрѣ суммы всѣхъ взносовъ за это время. Изъ этой-же кассы выдаются пособія вдовамъ и сиротамъ учителей.

Въ Финляндіи наименьшее жалованье 800 м. или 300 р. для учителя и 600 м. или 225 р. для учительницы. Сверхъ того, полагается квартира, по крайней мѣрѣ 2 комнаты и кухня, отопленіе, 1 или $1^1/_2$ гектара обработаннаго поля, а также пастбище и кормъ для одной коровы. Черезъ 10 лѣтъ службы жалованье увеличивается на 20%, а затѣмъ черезъ каждыя 5 лѣтъ на 10%; такимъ образомъ, черезъ 25 лѣтъ учитель получаетъ минимумъ 1.200 м. или 450 р., а учительница—900 м. или 337 р. Послѣ 30-ней службы государство выдаетъ пожизненную ежегодную пенсію въ размѣрѣ первоначальнаго

жалованья, т.-е. 300—225 р. въ годъ. Въ Швеціи учитель высшихъ народныхъ школъ получаетъ около 1.500 кр., т.-е. 780 р. въ годъ, не считая квартиры съ отопленіемъ. Минимальное жалованье учителя и учительницы начальныхъ народныхъ школъ опредѣляется въ 600 кронъ или 312 р. первоначально и 700 кр. или 364 р. послѣ 5 лѣтъ службы. Кромѣ того, имъ полагается квартира, отопленіе, огородъ, пастбище и кормъ для одной коровы. Во многихъ мѣстностяхъ жалованье много выше этого минимума, а въ большихъ городахъ достигаетъ до 3.600 кр. или 1.870 р. въ годъ. Послѣ 30-ти лѣтъ службы выдается пенсія въ размѣрѣ отъ 450—750 кр. или 234—390 руб. въ годъ.

Въ Норвегіи и Даніи приблизительно такое-же обезпеченіе народныхъ учителей и учительницъ. Въ Даніи учительницы получаютъ 2/3 жалованья учителей. Пенсія выдается за 10 лѣтъ службы; отъ 10—29 лѣтъ—въ размѣрѣ половины жалованья, послѣ 29 лѣтъ—въ размѣрѣ 2/3 жалованья. Вдовы получаютъ пенсію въ размѣрѣ 1/8 жалованья покойнаго учителя. Кромѣ того, государство обязываетъ народныхъ учителей страховать свою жизнь въ пользу семействъ въ особой устроенной для этого государствомъ кассѣ. Прекрасно обставлены учителя и учительницы народныхъ школъ въ Копенгагенѣ. Инспекторъ школы получаетъ, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія, первоначально 2.600 кр. или 1.355 р., и, благодаря прибавкамъ черезъ каждые три года, жалованье его достигаетъ 3.800 кр., т.-е. 1.980 р.; учитель получаетъ отъ 1.400—2.500 кр. или отъ 729 до 1.300 р., а учительница отъ 1.100—1.600 кр., т.-е. отъ 573—834 руб. въ годъ. За 15 лѣтъ службы полагается пенсія.

Въ Италіи въ городскихъ народныхъ школахъ жалованье варіируется отъ 900—1.320 лиръ или отъ 337—495 рублей для учителя и отъ 720—1.056 лиръ или отъ 270—396 рублей для учительницы; въ сельскихъ народныхъ школахъ учитель получаетъ отъ 700—900 лиръ, т.-е. отъ 263—337 рублей, а учительница отъ 560—720 лиръ, т.-е. отъ 210—270 рублей. Черезъ каждыя 6 лѣтъ, и это можетъ повторяться только 4 раза, жалованье увеличивается на 10% первоначальнаго оклада. Учителя, учительницы, а также вдовы и сироты учителей обезпечены пенсіей, при чемъ въ пенсіонную кассу общины вносятъ ежегодно 5% уплачиваемаго ими учителямъ и учительницамъ жалованья, а послѣдніе—4% получаемаго ими жалованья

Въ другихъ государствахъ Западной Европы пенсія, очевидно, не существуетъ, по крайней мѣрѣ у г. Левассера на это нѣтъ никакихъ указаній.

Въ Англіи нѣтъ опредѣленнаго размѣра жалованья,—оно устанавливается отдѣльно каждымъ школьнымъ совѣтомъ. Для старшихъ

*

учителей и учительницъ средній уровень жалованья 100—150 ф. стерлинговъ или 945—1.418 рублей въ годъ; но при этомъ есть учителя и учительницы, получающіе менѣе 50 ф., т.-е. 473 р. въ годъ, а въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ жалованье народнаго учителя достигаетъ 300—400 ф. или 2.837—3.783 рубля въ годъ. Въ Шотландіи положеніе приблизительно такое-же, въ Ирландіи нѣсколько хуже. Въ Голландіи минимумъ жалованья старшему—700 флориновъ, младшему учителю 400—600 флориновъ въ годъ т. е. 546 р. и 312—468 рублей въ годъ. Кромѣ того, старшему полагается еще квартира и, по возможности, садъ. Государство прибавляетъ всегда къ этому минимальному жалованью, такъ что въ общемъ средній размѣръ жалованья достигаетъ 700—1.000 фл. или 546—780 руб. въ годъ, для учителя и 600—700 фл., т.-е. 468—546 руб. въ годъ, для учительницы.

Въ Бельгіи размѣръ жалованья опредѣляется каждой общиной, но не можетъ быть меньше 1.000 фр. или 375 руб. для младшаго и 1.200 фр. или 450 руб. для старшаго учителя въ годъ, а сверхъ того—квартира и отопленіе. Черезъ каждые 4 года полагается прибавка въ размѣрѣ 100 фр. до 600 фр. сверхъ первоначальнаго жалованья.

Во Франціи народные учителя получаютъ отъ 1.000 до 2.000 фр. или отъ 375—750 руб. въ годъ, а учительницы отъ 1.000—1.600 фр. или отъ 375—600 руб. въ годъ, смотря по числу лѣтъ службы. Кромѣ того, полагается квартира или квартирныя деньги въ размѣрѣ отъ 100 до 2.000 фр., въ зависимости отъ мѣста жительства. Жалованье помощниковъ обоего пола—900 фр., т.-е. 337 руб., и квартирныя деньги. Выдаваемая, какъ награда, медаль увеличиваетъ жалованье на 100 фр. въ годъ. Въ Саксоніи жалованье народныхъ учителей не можетъ быть меньше 1.000 марокъ или 463 руб. въ годъ, не считая квартиры и отопленія, а въ среднемъ оно достигаетъ 1.500 мар. или 695 руб. Помощники получаютъ 720 мар. или 334 руб. въ годъ, квартиру и отопленіе. Черезъ каждыя 5 лѣтъ полагается прибавка въ размѣрѣ отъ 75—150 марокъ, смотря по количеству учениковъ; такимъ образомъ, послѣ 30 лѣтъ службы минимумъ жалованья достигаетъ 1.800 мар. или 834 руб. въ годъ. Въ Баваріи минимумъ жалованья сельскаго народнаго учителя 600 марокъ или 278 руб. въ годъ; въ городахъ съ числомъ жителей болѣе 2.500 этотъ минимумъ опредѣляется въ 771,5 мар., т.-е. 338 руб. На 5, 10, 13, 15-мъ годахъ службы, а затѣмъ черезъ каждыя 5 лѣтъ прибавляется по 90 мар. въ годъ, такъ что послѣ 30 лѣтъ жалованье народнаго учителя достигаетъ 1.500 мар. или 695 руб. въ годъ. Кромѣ того, государство всегда прибавляетъ къ этому минимальному размѣру жалованья *).

*) Переводъ иностранныхъ денегъ на русскія мы дѣлали по нынѣ установленному курсу—15 рублей имперіалъ.

Считаемъ излишнимъ останавливаться на матеріальномъ обезпеченіи народнаго учителя въ другихъ государствахъ Западной Европы; думаемъ, приведенные примѣры въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ, что въ культурныхъ странахъ Европы заботы о народной школѣ тѣсно связаны съ заботами объ ея учителѣ.

Что касается количественнаго отношенія между числомъ учителей и учительницъ въ народныхъ школахъ, то до сихъ поръ еще замѣчается сильное преобладаніе на сторонѣ первыхъ. Исключеніе представляютъ лишь Франція, Испанія, Италія и Швеція, гдѣ восторжествовала народная учительница. Въ Бельгіи, Португаліи, Румыніи число тѣхъ и другихъ стремится къ равенству, хотя все-таки еще перевѣсъ на сторонѣ мужчинъ. Огромное-же преобладаніе мужского персонала надъ женскимъ замѣчается во всѣхъ германскихъ государствахъ, а также въ Австріи и Венгріи. Въ Пруссіи число учительницъ составляетъ приблизительно $^1/_8$ числа учителей; въ Гессенѣ на 2.517 учителей приходится всего 337 учительницъ и т. п. Если взять это отношеніе за нѣсколько лѣтъ, то можно замѣтить, что въ германскихъ государствахъ оно почти не измѣняется, а въ другихъ прогрессируетъ въ пользу учительницъ. Напримѣръ, въ Венгріи въ 1869 г. на 17.108 учителей приходилось только 686 учительницъ, а въ 1594 г. число учительницъ составляло приблизительно $^1/_5$ числа учителей; въ Австріи въ 1880 г. учителя составляли 81%, а учительницы—19% всѣхъ учащихъ въ народныхъ школахъ; въ 1892 г. это отношеніе измѣнилось въ 77,5% и 22,5%.

6. Въ заключеніе нашей работы посмотримъ, какъ велики затраты различныхъ государствъ на начальное образованіе народа и какъ онѣ распредѣляются между различными органами въ государствѣ Во всѣхъ странахъ Западной Европы тяжесть расходовъ по начальному образованію народа распредѣляется между государствомъ и общиной; разница лишь въ отношеніи между этими частями. Во Франціи, Англіи, Ирландіи, Румыніи бо̀льшая часть расходовъ приходится на сторону государства. Во Франціи, напр., изъ $186^1/_2$ мил. франковъ, истраченныхъ въ 1892 г. на начальное образованіе, на долю государства приходится—126 мил.; въ Румыніи изъ $10^1/_2$ мил. фран. $7^1/_2$ мил. тратится правительствомъ и т. д. Во всѣхъ остальныхъ государствахъ Европы, напротивъ, бо̀льшая часть расходовъ падаетъ на долю общественныхъ средствъ, при чемъ доля государства, выраженная въ процентахъ, варіируется отъ 10% въ Италіи и до 37% въ Бельгіи. Если взять отношеніе за нѣсколько лѣтъ, то станетъ очевиднымъ, что оно измѣняется въ смыслѣ роста государственныхъ затратъ. Въ Англіи въ 1871 г. доля государства составляла 33%, въ 1882 г.—40%, а въ 1894 г.—67%; въ Голландіи въ 1874 г. государство принимало на

себя лишь около 10%, въ 1888 г.—34%; въ Венгріи въ 1880 г.— 6%, а въ 1895 г.—14%; въ Италіи въ 1876 г. 4⅓%, въ 1889 г.— 10% и т. п.

Чтобы показать относительную величину затратъ на начальное образованіе, мы позволимъ себѣ привести слѣдующую таблицу, указывающую отношеніе между количествомъ народонаселенія и суммой затратъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы:

	Время.	Число жителей въ тысячахъ.	Суммы затратъ въ тысячахъ.	Сколько на 1 жит.
Шотландія........	1894 г.	4.150 т.	1.376 т. ф. стер.	0,33 ф. = 3 р. 12 к.
Англія............	1894 »	30.400 »	9.836 » » »	0,32 ф. = 3 » 03 »
Саксонія..........	1893 »	3.800 »	23.387 » марокъ.	6,1 м. = 2 » 82 »
Голландія........	1893 »	4.800 »	14.919 » флор.	3,1 фл. = 2 » 42 »
Ирландія.........	1894 »	4.750 »	1.140 » ф. стер.	0,24 ф. = 2 » 27 »
Франція...........	1892 »	38.230 »	186.306 » франк.	4,9 ф. = 1 » 83 »
Бельгія...........	1893 »	6.350 »	30.264 » »	4,26 ф. = 1 » 60 »
Швеція...........	1893 »	4.880 »	14.758 » кронъ.	3 кр. = 1 » 56 »
Венгрія...........	1895 »	18.160 »	18.843 » флор.	ок. 1 фл. = — » 94 »
Италія............	1895 »	31.000 »	61.769 » франк.	2 фр. = — » 75 »
Румынія..........	1893 »	5.550 »	10.726 » »	2 фр. = — » 75 »

Мы окончили наше обозрѣніе современнаго положенія образованія народа въ Европѣ въ томъ видѣ, какъ оно рисуется по даннымъ книги г. Левассера. Въ этой книгѣ находятся также данныя и относительно Россіи, но мы умышленно нигдѣ не касались этихъ данныхъ, чтобы лишній разъ не подчеркивать и такъ уже хорошо всѣмъ извѣстный печальный фактъ, что наше отечество относительно народнаго образованія не выдерживаетъ сравненія даже не съ передовыми государствами Западной Европы. Будемъ надѣяться, что благой примѣръ сосѣдей не останется безъ вліянія и что скоро настанетъ время, когда и у насъ обратятъ серьезное вниманіе на общедоступное народное образованіе, если не во имя справедливости, то во имя опасенія остаться позади всѣхъ на аренѣ международныхѣ столкновеній. Вѣдь недаромъ говорятъ, что нѣмецкій народный учитель побѣдилъ Францію, а еще недавно и Англія увидѣла, что тотъ-же нѣмецкій народный учитель побѣдилъ ее въ области промышленной жизни.

Итакъ, будемъ надѣяться, что и у насъ скоро настанетъ время, когда свѣтлый лучъ общедоступнаго просвѣщенія разсѣетъ тяжелый мракъ народнаго невѣжества.

Обозрѣніе начальнаго народнаго образованія во внѣ-европейскихъ государствахъ будетъ предметомъ слѣдующей статьи.

М. Страхова.

КЪ ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКѢ УЧИТЕЛЕЙ *).

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Я учился въ 1-й Московской гимназіи отъ 1854 г. до 1861 г. Большинство нашихъ учителей были воспитанники Московскаго Университета, не получившіе никакой особой педагогической подготовки; они представляли большое разнообразіе какъ со стороны знаній и усердія къ дѣлу, такъ и со стороны умѣнья держать классъ и дѣлать свой предметъ понятнымъ и занимательнымъ. Были между ними и такіе, передъ которыми мы благоговѣли и на урокахъ которыхъ «не за страхъ, а за любовь» вели себя съ идеальнымъ благочиніемъ; таковъ былъ учитель исторіи въ старшихъ классахъ Сопчаковъ, ученикъ Грановскаго, плѣнявшій насъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и живымъ изложеніемъ; у него хорошіе ученики работали съ наслажденіемъ, да и лѣнтяи совѣстились совсѣмъ не учиться, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень настойчивъ въ спрашиваніи не только даннаго, но и предыдущихъ уроковъ; таковъ былъ и учитель словесности С*, ученикъ Буслаева; въ старшихъ классахъ онъ уроковъ у насъ почти не спрашивалъ, но усердно развивалъ насъ разнообразнымъ чтеніемъ и бесѣдами, и развивалъ именно въ литературномъ смыслѣ. У него можно было почти совсѣмъ не заниматься (только

---

*) Читая предлагаемыя здѣсь вниманію читателей «Русской Школы» личныя воспоминанія почтеннаго профессора, относящіяся къ вопросу о педагогической подготовкѣ преподавателей, на первый взглядъ выносишь такое впечатлѣніе, будто почтенный авторъ этихъ воспоминаній не придаетъ почти никакого значенія такой подготовкѣ преподавателей, а все дѣло сводитъ лишь къ серьезному усвоенію университетскаго курса. Но, принимая во вниманіе конечные выводы автора, сдѣланные имъ изъ его наблюденій, убѣждаешься, что и почтенный профессоръ не отрицаетъ важнаго значенія педагогической подготовки для будущихъ преподавателей, особенно практической, и притомъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ и maximum въ теченіе одного года. Мы-же, съ своей стороны, думаемъ, что одного года для такой подготовки недостаточно и что въ дѣйствительности для теоретической и практической подготовки требуется не менѣе двухъ лѣтъ. *Ред.*

обязательно было подать 5—6 сочиненій въ годъ), но немногіе пользовались этою возможностью. Были и такіе, какъ учитель математики Н*, котораго мы терпѣть не могли за его грубыя насмѣшки, но боялись, какъ огня, и у котораго мы всѣ занимались съ пользою, не только изъ страха, но и благодаря его остроумной методѣ преподаванія: онъ самъ никогда не объяснялъ урока дальше, а заставлялъ это дѣлать учениковъ, и даже не лучшихъ, а среднихъ, наводя ихъ вопросами. Были и такіе учителя, которыхъ мы въ грошъ не ставили изъ-за ихъ слабодушія и лѣни. Но въ общемъ учителя *предметовъ*, университетскіе воспитанники, стояли въ нашихъ глазахъ, да и на самомъ дѣлѣ были несравненно выше, нежели учителя «художествъ» и новыхъ языковъ. Между послѣдними встрѣчались просто невозможные субъекты, торговавшіе въ классѣ и своими пятерками, и фуляровыми платками и развращавшіе насъ сальными анекдотами.

Между лучшими нашими учителями двое получили высшее образованіе не въ университетѣ, а въ спеціальномъ заведеніи: Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ. Одинъ былъ въ то время уже старикомъ; это—превосходный знатокъ классическихъ языковъ, оставившій крупное имя въ нашей учебной литературѣ, человѣкъ идеальной доброты и прямо *святой жизни*—Яковъ Васильевичъ Смирновъ; другой былъ совсѣмъ юноша, одного изъ послѣднихъ выпусковъ—естествоиспытатель Г*, тоже прекрасный знатокъ своего предмета (что̀ онъ позднѣе и доказалъ своими учебно-учеными работами), тоже очень добрый и симпатичный человѣкъ, хотя въ то время и далеко не святой жизни. По странной случайности, оба эти воспитанника спеціально-педагогическаго заведенія были лучшими учителями въ смыслѣ научной подготовки, а въ смыслѣ педагогическаго искусства они уступали большинству изъ университетскихъ. Я. В. Смирнову я лично обязанъ безконечно многимъ: онъ мнѣ и уроки доставлялъ, и совѣты давалъ, и книги дарилъ, и заниматься со мною безвозмездно готовъ былъ цѣлыми вечерами; его сѣдая голова, его лучистые, кроткіе голубые глаза, его двѣ казенныя комнатки: одна, вся заваленная книгами, другая съ множествомъ иконъ—одно изъ самыхъ лучшихъ и чистыхъ воспоминаній моей юности. Безъ сомнѣнія, такъ добръ онъ былъ не къ одному мнѣ, но и ко всѣмъ другимъ сколько-нибудь прилежнымъ ученикамъ своихъ многихъ поколѣній. Да и въ классѣ онъ работалъ превосходно: всякій урокъ у него былъ обдуманъ и велся съ такой живостью, что почти 60-ти-лѣтній наставникъ нашъ рѣдко присядетъ бывало на двѣ минуты. Тѣмъ не менѣе я не могу не сказать, что у Я. В., какъ преподавателя, былъ одинъ недостатокъ, тѣсно связанный съ его баснословной добротой и лю-

бовью къ намъ: онъ не могъ держать классъ въ порядкѣ и не могъ заставлять лѣнивыхъ проявлять хоть каплю усердія. Кто самъ хотѣлъ учиться, для того Я. В. былъ учитель безцѣнный; но кто, изъ лѣни или изъ моды, не раскрывалъ латинской книги, все-же могъ смѣло разсчитывать на круглую тройку, если не на четвертку: подсказыванiй, громкихъ до безсовѣстности, считыванiй съ книги или тетрадки, самыхъ беззастѣнчивыхъ, наглаго исправленія экстемпоралій, написанныхъ не только однимъ лицомъ, но даже одной рукою, Я. В. совсѣмъ не замѣчалъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ замѣчать; а такъ какъ къ нему относились съ глубокимъ уваженіемъ и товарищи, и начальство, то и на экзаменѣ благополучно проходили его троечники, иногда путавшіе число склоненій и спряженій.

Нашъ естествоиспытатель Г*, сколько знаю, потомъ сдѣлался очень хорошимъ педагогомъ, но въ первые годы онъ тоже совсѣмъ не умѣлъ «держать классъ»; обыкновенно, человѣкъ 8—10 окружали его каѳедру и толковали съ нимъ, о чемъ хотѣли; иногда онъ разгонялъ ихъ и начиналъ спрашивать, чтобъ выставить побольше отмѣтокъ.

— Г. N! Извольте мнѣ разсказать о грызунахъ, — говоритъ учитель.

— Нѣтъ, NN, позвольте я вамъ лучше о четырерукихъ разскажу, а грызуновъ вотъ такой-то разскажетъ.

Если учитель настаивалъ на своемъ, весь классъ начиналъ орать:

— NN! миленькій, добренькій! спросите его о четырерукихъ!

Учитель улыбнется, махнетъ рукой, и спрошенный получаетъ 5 за четырерукихъ, которыя почему-то ему понравились, и успокаивается на мѣсяцъ.

Такое педагогическое неумѣнье у двухъ отличныхъ воспитанниковъ Педагогическаго института, конечно, было чистой случайностью (кажется, въ томъ-же институтѣ воспитывался нашъ учитель исторіи и географіи въ младшихъ классахъ З*, который превосходно держалъ классъ и мастерски выучивалъ насъ хронологіи и основамъ географіи, но, повидимому, самъ былъ недалекъ въ наукѣ); тѣмъ не менѣе, и эта случайность не лишена своего значенія.

Въ 1860—1861 г., когда мы были въ VII классѣ (тогда выпускномъ), въ гимназіи появились какіе-то молодые люди въ черныхъ сюртукахъ, по одному или попарно ходившіе по классамъ, преимущественно за Я. В. Смирновымъ. Пришли двое и къ намъ и просидѣли цѣлый часъ. Мы струсили и не знали, какъ будемъ подсказывать и мошенничать. Къ счастью, Я. В., желая, конечно, не себя, а насъ «показать лицомъ», спрашивалъ преимущественно хорошихъ учениковъ. Кончился классъ; молодые люди ушли, а Я. В. мы задержали.

— Яковъ Васильевичъ! Кто это? зачѣмъ они къ намъ?

— Это — *кандидаты*, прекрасные молодые люди (для него не прекрасныхъ людей не было); они кончили курсъ въ университетѣ, и теперь начальство прислало ихъ присматриваться къ учительскому дѣлу. Вотъ я ужъ старъ становлюсь; можетъ быть, одинъ изъ нихъ меня и замѣнитъ.

Мы завопили, какъ стадо чертей:

— Не хотимъ, не хотимъ вашихъ кандидатовъ! Мы ихъ прогонимъ! взбунтуемся! А вамъ грѣхъ будетъ насъ покинуть, Яковъ Васильевичъ! Грѣхъ и говорить-то объ этомъ!

У нѣкоторыхъ, болѣе легковѣрныхъ и нервныхъ, слезы на глазахъ показались; десятки рукъ схватились за полы форменнаго сюртука Я. В. Онъ самъ испугался дѣйствія своихъ словъ, сталъ насъ успокаивать и торжественно обѣщалъ нашъ классъ до университета довести; а кандидатовъ просилъ не бояться и любить ихъ. Послѣдняго мы, конечно, не исполнили, но бояться ихъ, дѣйствительно, перестали и при нихъ держали себя, какъ и безъ нихъ.

Скоро мы узнали, что ихъ посылаютъ «на выучку» только къ лучшимъ учителямъ во всей Москвѣ, и стали гордиться за нашего обожаемаго Якова Васильевича.

Разъ одинъ изъ кандидатовъ явился *вмѣсто* Я. В. въ сопровожденіи инспектора, который объявилъ намъ, что Я. В. не совсѣмъ здоровъ и поручилъ дать за него урокъ г. N.

У насъ сердце упало; никто, конечно, не думалъ, что Я. В. не сдержитъ своего обѣщанія: не такой онъ человѣкъ. Но вдругъ болѣзнь серьезная?

Пока сидѣлъ инспекторъ, и мы кое-какъ отвѣчали г. кандидату, который видимо конфузился и инспектора, и насъ. Но только что начальство покинуло насъ, мы вскочили, какъ одинъ человѣкъ.

— Что съ Я. В.? Когда онъ заболѣлъ? Придетъ-ли въ слѣдующій разъ? и пр. Кандидатъ старался успокоить насъ и хотѣлъ продолжать урокъ; но это оказалось не такъ-то легко. Узнавъ, что г. N—калифъ на часъ и, очевидно, человѣкъ добрый, да и балловъ въ чужомъ спискѣ ставить не будетъ, мы вышли изъ всякаго повиновенія: безпорядковъ особыхъ не производили,—все-же передъ нами былъ университетскій человѣкъ, — но каждый изъ насъ занялся своимъ собственнымъ дѣломъ. А бѣдный кандидатъ, выбравъ кого-то посмирнѣе, проговорилъ съ нимъ цѣлый часъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы покинули гимназію; слышали отъ младшихъ товарищей, что кандидаты появлялись и въ слѣдующемъ году, но гораздо рѣже. Прошло 5 лѣтъ; я самъ былъ учителемъ въ той же гимназіи; *кандидаты* въ ней исчезли безслѣдно. Какъ-то,

разговорившись съ однимъ нѣсколько старшимъ и очень уважаемымъ мною товарищемъ,—онъ былъ и хорошимъ учителемъ и, какъ человѣкъ, отличался рѣдкой прямотой и правдивостью,—я узналъ, что и онъ, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, состоялъ два года въ *кандидатахъ* по русскому языку и словесности.

— Разскажите, пожалуйста, Е. В.,—обратился я къ нему,—что́ такое это кандидатство и какую пользу вы, напр., отъ него получили?

Подумавъ, по своему обыкновенію, онъ отвѣчалъ:

— Не знаю, что хорошаго извлекли изъ этого кандидатства другіе, а я—только по-французски выучился свободно читать; зато чуть-чуть было не лишился всякой охоты и способности къ педагогической дѣятельности. Вотъ вкратцѣ моя исторія. Я еще студентомъ давалъ уроки съ охотою и, кажется, съ успѣхомъ; читалъ съ большимъ интересомъ педагогическія статьи и даже началъ составлять себѣ курсъ. По окончаніи курса въ университетѣ мнѣ предложили уроки въ корпусѣ по найму; я принялъ ихъ, усердно готовился и если, по молодости лѣтъ и по духу времени,—тогда была мода на «статарное чтеніе», при которомъ въ разборъ «Птички» Пушкина входила и исторія книгопечатанія, и разсужденія о вредѣ рабства, и все, что угодно,—и занимался иногда пустяками, то все-же воодушевлялъ моихъ учениковъ и способствовалъ ихъ литературному развитію. Но чтобы сдѣлаться въ корпусѣ штатнымъ преподавателемъ, нужно было ѣхать въ Петербургъ и подвергнуться какому-то особому экзамену, а мнѣ экзамены и въ университетѣ надоѣли. Къ тому-же мнѣ казалось интереснѣе учить будущихъ студентовъ, чѣмъ будущихъ прапорщиковъ, и я сталъ искать мѣста въ гимназіи, хотя-бы и внѣ Москвы. Но въ канцеляріи попечителя мнѣ сказали, что, по послѣднимъ распоряженіямъ, это совершенно невозможно; а неугодно-ли мнѣ подать прошеніе о зачисленіи меня въ кандидаты съ прикомандированіемъ къ одной изъ гимназій? При этомъ мнѣ разъяснили, что если счастье будетъ мнѣ благопріятствовать и я попаду въ кандидаты штатные, то я буду получать 2 года по 600 рублей, буду имѣть досугъ для домашнихъ занятій, а по истеченіи срока и исполненіи условій, навѣрно получу мѣсто старшаго учителя. Мнѣ искренно хотѣлось получше подготовиться къ преподаванію, и я написалъ заявленіе, а черезъ мѣсяцъ узналъ, что мнѣ назначена стипендія и что я прикомандированъ къ IV-ой гимназіи, гдѣ, по слухамъ, былъ хорошій и опытный учитель. Я подалъ въ отставку изъ корпуса и переѣхалъ въ дешевые номера, чтобы свести свои расходы на 50 рублей въ мѣсяцъ. Въ концѣ августа я приступилъ къ исполненію своихъ «обязанностей», которыя оказались легки до крайности. Мой руководитель, дѣйствительно, былъ преподавателемъ талантливымъ и при-

томъ человѣкомъ очень любезнымъ; но то, что я могъ перенять отъ него: пріемы обученія грамматикѣ въ младшихъ классахъ и пріемы развитія темы для сочиненій въ старшихъ, легко было понять и до нѣкоторой степени усвоить послѣ 5—6 уроковъ. Въ исторіи литературы и объяснительномъ чтеніи онъ и самъ себя признавалъ порядочно отсталымъ и, поговоривъ со мною, заявилъ, что мнѣ у него учиться нечему. Было у него великое достоинство, но оно не поддавалось подражанію: онъ былъ всегда бодръ, веселъ и благодушно остроуменъ, даже «на четвертыхъ часахъ», когда у меня, напр., почти притуплялось вниманіе и ученики на всякомъ другомъ урокѣ были-бы вялы и сонны. Я какъ-то замѣтилъ это.

— Чему-жъ вы тутъ, батенька, удивляетесь? Во-первыхъ, я на вакаціи жиру нагулялъ, а во-вторыхъ, вѣдь это вы меня подбадриваете: хоть вы и не ревизоръ, а все-же при васъ я себя не совсѣмъ естественно держу: въ иныхъ отношеніяхъ хуже, а въ другихъ лучше; во всякомъ случаѣ, напрягаюсь и силъ трачу я больше. А придетъ зима, да вы ходить перестанете, и я буду дремать на урокахъ, какъ и всѣ мы грѣшные,—благо, на учениковъ спасительный страхъ единицы дѣйствуетъ.

Я, дѣйствительно, скоро пересталъ ходить, такъ какъ не видалъ проку торчать безъ дѣла въ чужомъ классѣ и такъ какъ, слава Богу, никто этого отъ меня не требовалъ. Я засѣлъ дома и, въ виду того, что до полугодового отчета оставалось еще 3 мѣсяца, занялся французскимъ языкомъ, котораго не зналъ прежде. Къ новому году я подалъ отчетъ, написанный въ 4—5 дней. По слухамъ, онъ оказался не изъ худшихъ; обратно я его не получилъ и ни къ какому коллоквіуму по поводу его меня не вызывали; во 2-мъ полугодіи никто съ насъ отчетовъ не спрашивалъ, а мы съ ними не навязывались. Раза три меня вызывали дать урокъ вмѣсто моего руководителя. Вотъ и всѣ мои обязанности за 1-ый годъ; за второй онѣ еще сократились. Руководитель далъ обо мнѣ отзывъ хорошій; по-французски я выучился и мѣсто старшаго учителя получилъ безъ хлопотъ. Но вотъ бѣда: какъ сталъ я къ первымъ урокамъ готовиться, вижу, что за эти 2 года я ужасно много позабылъ, и мозгъ мой какъ-будто корой какой-то обросъ. Чтобъ быть хоть немного въ уровень съ своей задачей, пришлось мнѣ по ночамъ сидѣть надъ такими вещами, которыя прежде я зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Насилу-насилу подогналъ я себя; но энергіи юныхъ лѣтъ, кажется, никогда уже не воротить мнѣ. Плохое средство—двухъ-лѣтнее бездѣльничество!

Теперь я позволю себѣ разсказать, какъ *мы* дѣлались учителями въ 1865—1866 годахъ, когда «кандидатство» уже вышло изъ моды.

Я давалъ уроки съ 14 лѣтъ, и въ университетѣ у меня ихъ было

такъ много, что я могъ содержать ими и себя, и мать; конечно, это были уроки не классные, а репетиторство или подготовка къ экзамену одного, рѣдко двоихъ вмѣстѣ. Въ маѣ я окончилъ курсъ, а въ концѣ іюля уже получилъ приглашеніе отъ большого нѣмецкаго пансіона К* (впослѣдствіи частная гимназія) взять на себя русскій языкъ въ I и II классахъ на выгодныхъ по тогдашнему условіяхъ. Съ 1-го августа начинались уроки. Содержатель пансіона ввелъ меня въ классъ, гдѣ было 25—30 мальчиковъ отъ 10—13 лѣтъ, назвалъ мое имя и отчество и самъ ушелъ. Я задумалъ сперва познакомиться съ познаніями своихъ учениковъ, но, увы, не съумѣлъ этого исполнить: не болѣе полуминуты моя длинная фигура внушала мальчикамъ нѣкоторое уваженіе, а потомъ поднялся неистовый шумъ, визгъ, приставанье ко мнѣ съ глупостями, которыя возбуждали хохотъ класса. Я имѣлъ неосторожность взбѣситься, но не съумѣлъ сдѣлать свой гнѣвъ сколько-нибудь страшнымъ для учениковъ, и—навсегда погубилъ себя въ ихъ мнѣніи. Велю я достать тетради для диктанта, кричатъ: нѣтъ тетрадей! Велю достать книги для чтенія,—книгъ нѣтъ! (все вздоръ, конечно). Зову ученика къ доскѣ,—онъ мнѣ гримасу дѣлаетъ; спрашиваю фамилію, чтобы записать его,—классъ кричитъ десять выдуманныхъ фамилій; выгоняю его изъ класса,—онъ отвѣчаетъ мнѣ, что за него деньги заплачены, чтобы онъ въ классѣ сидѣлъ... Кое-какъ удалось мнѣ заинтересовать десятокъ учениковъ разборомъ, но остальные мѣшали намъ всѣми мѣрами. Это былъ второй классъ. Въ первомъ, гдѣ были болѣе кроткіе новички, дѣло пошло-было лучше. Но черезъ день, по распоряженію К*, туда перевели обратно изъ 2-го нѣсколькихъ плохихъ учениковъ, уже знавшихъ мою слабость. Они безъ труда въ пять минутъ взбѣсили меня, и я потерялъ почву подъ ногами и сталъ метаться, какъ угорѣлый. Короче сказать, дѣло у меня не пошло: я такъ утомлялся этими 2-мя уроками, что мнѣ послѣ нихъ буквально кусокъ въ горло не шелъ; да и К* нашелъ меня настолько плохимъ учителемъ, что черезъ мѣсяцъ счелъ нужнымъ отказать мнѣ. Такая очевидная неудача въ началѣ поприща могла-бы привести меня въ полное отчаяніе, но, къ счастью, я имѣлъ уже въ это время казенное мѣсто въ гимназіи, гдѣ дѣло шло, повидимому, недурно. Я получилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ.

Въ то время, какъ я сказалъ, «кандидатство» уже вышло изъ употребленія, но зато были учреждены конкурсы на соисканіе всякаго учительскаго мѣста, по крайней мѣрѣ—въ московскихъ гимназіяхъ. Я зналъ, что въ 1 и 5 гимназіяхъ, тогда соединенныхъ въ одномъ зданіи и подъ властью одного директора, М. А. Малиновскаго, открылись мѣста учителя русскаго языка въ младшихъ классахъ и учителя исторіи,

и въ началѣ августа былъ назначенъ конкурсъ. Но такъ какъ я лѣтомъ къ нему не готовился и не считалъ возможнымъ соперничать съ опытными учителями, которые, какъ я воображалъ, наѣдутъ изъ провинціи, то и не дерзнулъ заявлять о себѣ. Въ срединѣ августа я повелъ въ 1-ю гимназію на вступительный экзаменъ 2-хъ знакомыхъ мальчиковъ. Въ пріемной увидалъ меня директоръ, который зналъ меня еще по университету (онъ былъ инспекторомъ студентовъ и иногда доставлялъ мнѣ уроки).

— А! г. Кирпичниковъ! Вы благополучно окончили курсъ? Что думаете дѣлать?

Я отвѣтилъ, что уже началъ учительствовать, но довольно неудачно.

— Отчего-же вы не являлись на конкурсъ?

Я объяснилъ, что не хотѣлъ срамиться, такъ какъ не считалъ себя достаточно подготовленнымъ и опытнымъ.

— Напрасно! Подготовились-бы съ недѣльку, да и шли-бы, благословясь. Конкуренты были не очень сильные, въ особенности по русскому языку; а васъ и я знаю, да и ваши бывшіе наставники были-бы за васъ. Не хотите-ли теперь подать заявленіе? У насъ въ параллельныхъ классахъ, III, IV и V, осталось 6 свободныхъ уроковъ по исторіи.

Я, конечно, выразилъ полнѣйшее согласіе, но спросилъ, какъ-же быть на счетъ конкурса?

— Я и не объявлялъ объ этомъ, такъ что соперниковъ у васъ не будетъ. Но формальность надо будетъ соблюсти, и вы дадите нѣчто въ родѣ 2-хъ пробныхъ уроковъ, только не въ классѣ: я, признаться, не люблю нарушать порядокъ преподаванія, а въ совѣтѣ.

У меня вытянулась физіономія.

— Что? боитесь? Ну, я вамъ *ручаюсь*, что вы испытаніе выдержите. Повѣрите вы мнѣ? Къ тому я самъ былъ учителемъ исторіи, и первый голосъ будетъ принадлежать мнѣ.

Я подалъ заявленіе и черезъ два дня «формальность» была соблюдена: въ экстренномъ и крайне не полномъ засѣданіи совѣта послѣ уроковъ я подвергся очень нетрудному испытанію: минутъ десять я, по собственному выбору, разсказывалъ объ Иванѣ Грозномъ, а потомъ, по назначенію (тема была мнѣ указана за день), я съ четверть часа проговорилъ о Периклѣ. На слѣдующій день директоръ ввелъ меня въ V классъ, представилъ ученикамъ и попросилъ проэкзаменовать ихъ изъ древней исторіи. Классъ былъ немногочисленный и прекрасно выдержанный: онъ и по удаленіи директора велъ себя такъ-же серьезно и прилично, какъ и при немъ. III и IV классы были гораздо многочисленнѣе, но также хорошо дисципли-

нированы; я старательно готовился къ каждому уроку, съумѣлъ заинтересовать учениковъ разсказомъ, а при спрашиванiи, съ котораго начинался урокъ, я держался методы моего учителя: главные факты и года изъ всего пройденнаго переспрашивалъ каждый разъ. Если отвѣты были бойкiе и классъ велъ себя хорошо, я спрашивалъ нѣсколько меньше получаса, а разсказывалъ больше; замѣтивъ это, ученики старались поскорѣй покончить болѣе скучную часть урока, что мнѣ было на руку. Единицъ въ спискѣ у меня не было, жалобъ ни отъ меня, ни на меня—тоже, а быстрые и вѣрные отвѣты учениковъ по всему пройденному производили и на директора, и на другихъ посѣтителей очень благопрiятное впечатлѣнiе, такъ что хорошее мнѣнiе, скоро установившееся обо мнѣ въ гимназiи, вполнѣ вознаградило меня за неудачу въ пансiонѣ. Въ слѣдующемъ году директоръ предложилъ мнѣ штатное мѣсто—15 уроковъ русскаго и латинскаго языковъ въ низшихъ классахъ V-ой гимназiи, и хотя тамъ классы были гораздо многочисленнѣе и хуже дисциплинированы, и я былъ лишенъ одного изъ своихъ главныхъ орудiй — разсказа, я уже оказался не ниже своей задачи: наблюденiя, постоянные разговоры съ старшими товарищами и главное—привычка къ классу, т.-е. умѣнье слѣдить одновременно за полусотнею мальчиковъ, не упуская изъ вниманiя главной задачи—ученья, сдѣлали меня въ годъ преподавателемъ не хуже другихъ. Вотъ тѣ педагогическiе курсы, которые проходили всѣ мои сверстники. Часто у насъ не хватало знанiя того, что нужно было передавать ученикамъ; не всегда было ясное представленiе о томъ, какiе методы преподаванiя и почему лучше ведутъ къ цѣли; но привычка работать, развитая въ университетѣ, давала намъ возможность въ короткое время усваивать и учебники, и методики, и черезъ два-три года, подбодряемые частнымъ учительскимъ кружкомъ, мы уже безбоязненно выступали въ публику съ собственными педагогическими и дидактическими статьями.

Я забылъ сказать, что нѣкоторые изъ насъ могли-бы имѣть и кое-какую теоретическую подготовку. Когда мы были на 3-мъ курсѣ, профессоръ философiи П. Д. Юркевичъ объявилъ для филологовъ и математиковъ старшихъ курсовъ вечернiя лекцiи по педагогикѣ, и мы начали-было посѣщать ихъ. Математики, вѣроятно, могли тамъ услышать нѣчто новое; но мы немедленно узнали только что сданныя нами на экзаменѣ со II курса лекцiи психологiи (по Бенеке) и перестали ходить. Старшiе товарищи разсказывали, что къ концу года преподавалась даже методика обученiя грамотѣ, для чего призывались въ аудиторiю какiя-то дѣти служителей. Но такъ какъ самъ почтенный профессоръ зналъ дѣло только теоретически, то, кажется

изъ этого ничего путнаго не вышло, и въ слѣдующемъ году педагогика уже не читалась.

Черезъ четыре года по окончаніи курса, я поѣхалъ лѣтомъ за границу, въ Германію, между прочимъ, съ намѣреніемъ ознакомиться съ ходомъ педагогическаго дѣла. Я поселился въ Кельнѣ и, явившись къ директору одной изъ кельнскихъ гимназій, попросилъ его прежде всего указать мнѣ молодого учителя, у котораго я могъ-бы брать уроки нѣмецкаго языка, практически мнѣ почти незнакомаго. Въ часъ дѣло было приведено къ вожделѣнному концу, и уже на слѣдующій день я бралъ первый урокъ (талеръ за два часа) у одного молодого, но уже штатнаго учителя древнихъ языковъ. Мы скоро съ нимъ сошлись по-пріятельски, и я прежде всего сталъ упражняться въ разговорахъ на интересныя для меня темы. Оказалось, что d-r Sahn учительствуетъ уже 6-ой годъ и получаетъ до 900 талеровъ. Какъ одинокій человѣкъ, онъ могъ-бы прекрасно жить на эти деньги и не брать частныхъ уроковъ; но, во-1-хъ, у него еще послѣ университета остались долги, а во-2-хъ, онъ откладывалъ кое-что для поѣздки въ Италію и въ надеждѣ на будущую приватъ-доцентуру, когда онъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ десятковъ талеровъ гонорара, получать не будетъ.

— Какъ вы попали въ учителя?—спросилъ я его.

— Выдержавъ государственный экзаменъ (степень я получилъ еще раньше), я былъ прикомандированъ къ одной изъ кельнскихъ гимназій въ качествѣ *кандидата*. Это было трудное время. Получалъ я 100 талеровъ въ годъ (а бываютъ кандидаты и съ меньшимъ вознагражденіемъ, и даже безъ всякаго). Все утро я проводилъ въ гимназіи то на чужихъ урокахъ, то замѣняя учителя, которому хотѣлось отдохнуть, то исправляя тетрадки, то прислушиваясь къ совѣщаніямъ учителей, гдѣ я-же велъ протоколы, а вечеромъ я долженъ былъ готовиться и давать частные уроки по 10 зильбергрошей, или за столъ и квартиру. Къ счастію, это продолжалось всего годъ съ небольшимъ, и я скоро получилъ сперва 1 классъ за 300 талеровъ, а теперь ихъ у меня уже три. Больше 3-хъ уроковъ въ день я дать не въ состояніи (а это былъ здоровый прусакъ лѣтъ 28, кровь съ молокомъ): очень измучаешься.

Побывавъ потомъ въ гимназіи, я убѣдился, что *настоящихъ* уроковъ, т.-е. постоянно поддерживающихъ вниманіе и рабочую энергію всего класса безъ балловъ и др. угрозъ, больше 3-хъ дать дѣйствительно невозможно.

— А случается-ли когда-нибудь, что кандидаты не достигаютъ учительскаго званія?

— Очень часто: у иного совсѣмъ не оказывается способностей

къ преподаванію, а иному педагогическая дѣятельность, при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, представляется скучною. Такіе уходятъ въ конторы, въ магазины, въ управляющіе. У меня есть пріятель филологъ, который теперь въ полотняномъ магазинѣ получаетъ уже 1.200 талеровъ; а для учительства онъ оказался непригоднымъ: былъ слишкомъ вялъ и ненаходчивъ.

— А вы никогда не слушали педагогики? исторіи педагогики? не проходили методики обученія древнимъ языкамъ?

Докторъ Янъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Какая-же можетъ быть особая методика древнихъ языковъ? Какъ меня учили, такъ и я учу; и я, какъ мои учителя, стараюсь, чтобы классъ больше работалъ головой, чѣмъ памятью; конечно, я больше даю реальныхъ объясненій и пользуюсь другими, лучшими изданіями, чѣмъ 15 лѣтъ назадъ. Конечно, всякій учитель вноситъ свою личность, ставитъ *свои* вопросы, дѣлаетъ *свои* выводы, да и отъ состава класса зависитъ многое. Но въ общемъ методъ остается тотъже; а нововведенія, въ родѣ изученія этимологіи на текстахъ и пр., удаются развѣ только ихъ изобрѣтателямъ. Иное дѣло методика обученія грамотѣ или начальной ариѳметикѣ: такъ много новаго и хорошаго выдумано за послѣднее время. А въ гимназическомъ курсѣ дѣло въ природной способности, живости и ловкости, а прежде всего, конечно, въ солидномъ знаніи. Что касается до педагогики, мы сдавали маленькій курсъ ея на государственномъ экзаменѣ; онъ былъ полезенъ для нашего общаго развитія, но едва-ли кому изъ насъ понадобился на практикѣ.

Много разъ послѣ этого бывалъ я въ Германіи, и въ сѣверной, и въ южной, и посѣщалъ учебныя заведенія разнообразныхъ типовъ; со многими десятками, если не сотнями педагоговъ встрѣчался я и въ дѣлѣ, и въ частной бесѣдѣ и въ общемъ пришелъ вотъ къ какому заключенію: молодые гимназическіе учителя Германіи никакъ не выше, а скорѣй ниже нашихъ по развитію и, если мнѣ позволено употребить очень старомодное выраженіе, по «благородству чувствъ» и по любви къ дѣлу; но старшіе учителя, въ значительномъ большинствѣ, а въ особенности такъ-называемые *профессора гимназіи*, представляютъ нѣчто несравненно высшее, нежели девять десятыхъ нашихъ педагоговъ солиднаго возраста. Причина понятна до осязательности: они тамъ поставлены въ такія условія, что могутъ и должны развиваться, идти впередъ и въ научномъ отношеніи, и въ нравственномъ; а у насъ, по обстоятельствамъ, изъ нихъ зачастую вывѣтриваются и знанія, и энергія.

Въ заключеніе я изложу съ возможной точностью мнѣніе одного

вполнѣ безпристрастнаго наблюдателя о сравнительномъ достоинствѣ учителей университетской и институтской подготовки.

18 лѣтъ назадъ я былъ командированъ отъ попечителя Харьковскаго округа на экзамены зрѣлости въ провинціальный городъ К., гдѣ директоромъ гимназіи состоялъ (а можетъ быть, и теперь состоитъ) очень опытный и энергичный служака, человѣкъ идеальной честности и усердія, но едва-ли мягкаго сердца, самъ воспитанникъ стараго Педагогическаго института. Я попросилъ у него позволенія въ свободное отъ экзаменовъ зрѣлости время посѣщать уроки и экзамены въ низшихъ и среднихъ классахъ. Сперва ему это какъ будто не понравилось, но потомъ, усмотрѣвъ, что я дѣлаю это не для начальства, а для себя лично, онъ примирился съ фактомъ и сталъ даже руководить мною, при чемъ поражалъ меня мѣткостью своихъ характеристикъ и наблюденій. Учителя оказались, конечно, всякіе: и хорошіе, и плохіе, но видно было, что и послѣднихъ директоръ умѣлъ, какъ говорится, подтягивать. Приблизительно половина преподавателей оказалась изъ университетовъ, а половина изъ филологическихъ институтовъ; «славянскихъ стипендіатовъ», т.-е. учителей австрійскаго воспитанія, къ моему удивленію, почти не было. Въ откровенную минуту я спросилъ директора, какъ объяснить эту случайность.

— Это не случайность,—отвѣтилъ онъ,—а дѣло рукъ моихъ. Я, надо вамъ сказать, самъ былъ недурной классикъ, твердо вѣрую въ педагогическое значеніе древнихъ языковъ и очень обрадовался реформѣ. Но призваніе новыхъ варяговъ мнѣ не по душѣ. Я не квасной патріотъ и стараюсь всякой націи отдавать должное. Но я не люблю *русскихъ нѣмцевъ* или *русскихъ чеховъ*, въ особенности въ качествѣ воспитателей нашихъ дѣтей. Я такъ заявилъ и г. попечителю, и онъ, во вниманіе къ моей усердной службѣ, рѣшилъ меня не неволить, если я съумѣю всѣ вакансіи преподавателей филологическихъ предметовъ замѣщать русскими. Это оказалось вовсе не трудно: благодаря параллельнымъ классамъ и женской гимназіи, находящейся въ моемъ-же вѣдѣніи, я комбинирую уроки такъ, что для филолога у меня нѣтъ мѣста меньше, какъ на 1.200 рублей, а на эту сумму идутъ и лучшіе изъ молодыхъ кандидатовъ университета и филологическаго института.

— А скажите, пожалуйста,—спросилъ я,—въ общемъ какіе учителя лучше: университетскіе или институтскіе?

Директоръ задумался.

— Этотъ вопросъ,—сказалъ онъ,—я самъ себѣ не разъ задавалъ и сперва былъ всецѣло на сторонѣ институтскихъ; но теперь мое мнѣніе нѣсколько видоизмѣнилось, хотя и не совсѣмъ, въ пользу

вашихъ, университетскихъ. Вотъ въ чемъ разница. Пріѣдетъ университетскій, даже и расхваленный профессорами: никуда не годится, ступить не умѣетъ. Предметъ-то онъ и знаетъ, или подготовляется усердно, но путается, конфузится, ни объяснять, ни спрашивать не умѣетъ; не вѣдаетъ даже такой азбучной вещи, что надо заниматься съ классомъ, а не съ отдѣльнымъ ученикомъ, что надо прежде поставить вопросъ, а потомъ назвать фамилію, а не наоборотъ и пр. Просто стыдно у него въ классѣ сидѣть, а не сидѣть нельзя, въ особенности въ младшихъ классахъ: мальчишки на головахъ ходить будутъ. Но если онъ человѣкъ разумный и совѣты слушаетъ съ интересомъ, глядишь, къ концу года изъ этой безобразной куколки и начинаетъ вырабатываться нѣчто сносное. А если онъ любитъ дѣло и не увлечется картами или чѣмъ другимъ, черезъ 2—3 года изъ него можетъ выйти прекрасный учитель, какъ И* или В*. Но зато не дай Богъ, если онъ проникнутъ самомнѣніемъ или вообразитъ, что онъ долженъ преподавать въ III-мъ классѣ послѣднее слово науки; онъ навсегда останется чудакомъ-учителемъ, съ которымъ только возможенъ одинъ способъ дѣйствія: сплавить его въ другую гимназію или въ инспектора училищъ. Институтскій на первыхъ урокахъ производитъ впечатлѣніе несравненно лучшее: онъ сразу является хозяиномъ и класса, и своего предмета, болѣе или менѣе талантливымъ и энергичнымъ, но во всякомъ случаѣ достаточно умѣлымъ. Зато проходитъ два и три года, онъ впередъ не двигается, а лѣтъ черезъ пять иногда начинаетъ двигаться назадъ, такъ какъ вмѣстѣ съ молодостью уходитъ зачастую и энергія, и интересъ къ дѣлу. Конечно, есть исключенія и въ той, и въ другой половинѣ, но въ общемъ я долженъ сказать, что институты даютъ больше посредственныхъ учителей, а университеты худшихъ и лучшихъ.

И въ городѣ К* и, позднѣе, во многихъ учебныхъ заведеніяхъ другого учебнаго округа я имѣлъ случай провѣрить наблюденіе опытнаго директора, и оно подтверждалось въ 4-хъ случаяхъ изъ 5-ти. Мнѣ случалось встрѣчать превосходныхъ и даже усердно занимающихся наукой учителей изъ институтовъ; случалось изъ нихъ-же встрѣчать и преподавателей никуда негодныхъ: тупыхъ и вялыхъ до того, что весь классъ спалъ даже и при постороннемъ посѣтителѣ; но и то, и другое—исключенія, столь-же рѣдкія, какъ и учителя университетскіе, сразу, точно по наитію оказывающіеся умѣлыми и въ себѣ увѣренными. Видалъ я не одинъ разъ еще одно любопытное явленіе (и разсказы учителей подтверждали мое наблюденіе): какъ ученики, даже наиболѣе шаловливаго возраста (II—IV кл.), по какому-то инстинкту *берегли* начинающихъ университетскихъ пре-

подавателей, если чувствовали въ нихъ любовь и интересъ къ дѣлу, хотя-бы и при полномъ неумѣньѣ вести его правильно; конечно, это возможно только въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ господствуетъ духъ порядочности и гуманности; къ счастію, такія заведенія есть и въ глухой провинціи.

Вотъ всѣ наблюденія, которыя я имѣлъ случай сдѣлать по этому вопросу, если не считать многократнаго присутствія въ качествѣ депутата отъ факультета на пробныхъ урокахъ бывшихъ нашихъ студентовъ, гдѣ, вполнѣ естественно, испытуемый проявлялъ только бо́льшую или меньшую степень конфузливости и кажущейся неспособности вести дѣло, что́ не мѣшало ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ превращаться зачастую въ очень порядочнаго учителя. Изъ этихъ наблюденій я позволяю себѣ сдѣлать слѣдующіе выводы.

Главная подготовка будущаго учителя средней школы—хорошее прохожденіе университетскаго курса съ серьезной работой въ семинаріяхъ, на практическихъ занятіяхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ университетскихъ рефератахъ и, по возможности, широкій кругозоръ научнаго развитія. Изученіе педагогики, ея исторіи и методики полезно именно какъ расширеніе этого кругозора въ направленіи очень желательномъ; но одно это изученіе безъ практики такъ-же мало можетъ сдѣлать изъ усерднаго студента хорошаго учителя, какъ одно чтеніе трактатовъ по гимнастикѣ—хорошаго гимнаста и силача; а отнимать у студента драгоцѣнное его время на эту практику значило-бы нанести ущербъ его занятіямъ. Классный учитель вырабатывается только на дѣлѣ, самостоятельно руководя классомъ, и при условіи хорошей научной подготовки и усердія; для этого нужно очень, очень немного времени. Но такъ какъ переходъ отъ студенческой скамьи къ учительской каѳедрѣ слишкомъ рѣзокъ, а дѣтямъ вредны даже и нѣсколько совсѣмъ плохихъ и неумѣлыхъ уроковъ, то было-бы желательно, чтобы вновь поступающій учитель въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, полугода или, самое бо́льшее, года подготовлялся къ преподаванію, слушая уроки опытныхъ учителей, участвуя въ ихъ конференціяхъ и давая хорошо подготовленные пробные уроки.

Самая-же трудная задача нашей средней школы въ настоящее время, я полагаю, въ томъ, чтобы учителя, уже болѣе или менѣе опытные, наилучшимъ образомъ исполняли свои обязанности; а для этого необходимъ рядъ реформъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ я считалъ-бы слѣдующія три.

1. Трудъ учителей долженъ быть вознаграждаемъ въ такой степени, чтобы три казенныхъ урока въ день давали возможность существовать безбѣдно не только одинокому, но и семейному человѣку.

2. Учителя должны быть поставлены въ болѣе свободное отношеніе къ предмету, т. е. программа проходимаго въ извѣстномъ классѣ не должна быть опредѣлена однажды навсегда для всѣхъ учебныхъ заведеній одного типа, а должна ежегодно вырабатываться учительской коллегіей каждаго учебнаго заведенія, какъ это всегда дѣлалось и дѣлается въ Германіи.

3. Нельзя предоставлять начальству округа права переводить учителей съ мѣста на мѣсто *безъ объясненія причинъ*, такъ какъ это равняется праву жизни и смерти (голодной, если семейнаго учителя переводятъ изъ большого города съ 20-ти уроковъ въ маленькій на 8), и при такомъ порядкѣ вещей учитель поневолѣ сосредоточиваетъ всю энергію не на томъ, чтобы лучше вести дѣло, а на томъ, чтобы угодить директору, глазами котораго большею частью смотритъ высшая власть, и ревизорамъ. Допустимъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ взглядъ директора, ревизоровъ и начальства обусловливается именно тѣмъ, какъ учитель ведетъ свое дѣло; но самый размѣръ власти, данной одному человѣку надъ другимъ, и притомъ надъ такимъ, къ которому мѣстное общество должно-бы, для успѣха его дѣла, относиться съ полнымъ уваженіемъ, лишаетъ учителя бодрости духа и вѣры въ себя.

А. Кирпичниковъ.

Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ.

(Этологическій этюдъ).

(*Окончаніе*).

IV.

Классификація Рибо.

Рибо начинаетъ съ опредѣленія характера вообще. При этомъ нельзя не замѣтить, что это опредѣленіе нѣсколько страдаетъ своимъ стремленіемъ приблизиться къ вульгарному пониманію слова «характеръ». То-есть, для Рибо характеръ не есть совокупность отличительныхъ свойствъ или признаковъ даннаго типа или индивидуума, *каковы-бы* ни были эти признаки, хотя-бы, напр., они состояли въ томъ, что на вульгарномъ языкѣ называется *безхарактерностью* (въ научномъ смыслѣ и это «характеръ» sui generis). Рибо-же считаетъ необходимымъ условіемъ образованія характера *единство* и *устойчивость*.

Подъ единствомъ онъ понимаетъ «способъ дѣйствовать и реагировать всегда постоянный или вѣрный самому себя» (toujours constante avec elle même). «Въ настоящемъ индивидуумѣ стремленія сходятся къ одному центру или, по меньшей мѣрѣ, между ними есть одно, которому служатъ другія»... «Такимъ образомъ, у человѣка, разсматриваемаго, какъ цѣлое, совокупность инстинктовъ, потребностей и желаній образуетъ связный узелъ, дѣйствующій въ одномъ направленіи».

Устойчивость-же есть единство, продолжающееся *во времени*, т.-е. «эта связность желаній, если она не продолжительна, не имѣетъ никакой цѣнности для опредѣленія характера. Нужно, чтобы она поддерживалась и повторялась всегда одинаково при одинаковыхъ и сходныхъ обстоятельствахъ. Признакъ, свойственный истинному характеру, это—проявленіе его съ самаго дѣтства въ теченіе всей жизни и т. д.».

Хотя самъ Рибо находитъ, что это опредѣленіе характера черезчуръ идеально и что въ дѣйствительности мы находимъ множество противорѣчій и отступленій въ каждой личности, однако онъ исходитъ изъ этого опредѣленія, создавая изъ отступленій отъ него двѣ категоріи: *нестойкихъ* и *аморфныхъ* (безформенныхъ) типовъ. Этихъ аморфныхъ, по мнѣнію самого Рибо, *легіонъ*. «У нихъ нѣтъ формы, которыя были-бы ихъ собственными, это—пріобрѣтенные характеры. Въ нихъ ничто не говоритъ о призваніи, о врожденности внутренной; природа сдѣлала ихъ эластичными до крайности. Они—*не голосъ, а эхо*—продуктъ людей и условій. Случай опредѣляетъ ихъ спеціальности, ихъ браки и т. д. Они—постоянныя копіи кого-нибудь или всѣхъ другихъ».

Стараясь объяснить этотъ типъ, составляющій полную противоположность идеальному понятію о характерѣ, Тардъ припоминаетъ существующее мнѣніе, что подобная «безформенность» есть результатъ культуры и цивилизаціи нашей эпохи, стремящейся уравнять всѣхъ. Однако мы находимъ это мнѣніе справедливымъ лишь на половину. Въ первобытныя и дикія времена обычай и общественное мнѣніе еще болѣе подавляли оригинальность. Расцвѣтъ индивидуальности замѣчается исторически въ эпохи полуцивилизованныя, какъ, напр., первые вѣка римской республики, или въ средніе вѣка, или, наконецъ, въ эпохи волненій, какъ, напр., итальянское возрожденіе, а также вообще во времена революцій.

Что касается *неустойчивыхъ* характеровъ, которые, какъ помнитъ читатель, представляютъ отсутствіе единства во времени, то, по моему мнѣнію, они весьма мало отличаются въ опредѣленіи Рибо отъ аморфныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже a priori можно сказать, что характеры, лишенные единства вообще, будутъ лишены его и во времени, такъ какъ всякое единство, всякій характеръ проявляются только во времени. Нельзя замѣтить аморфности характера въ одно единственное мгновеніе; оно можетъ сказаться только при сравниваніи нѣсколькихъ мгновеній. т.-е., значитъ, *во времени*. Однимъ словомъ, это подраздѣленіе для меня является мало понятнымъ и кажется плодомъ нѣкотораго недоразумѣнія, т.-е. стремленія различить и классифицировать въ двѣ группы одну, при чемъ различіе недостаточно выяснилось для автора, и онъ выбралъ такіе его признаки, которые уже сами собою охватываются и первымъ опредѣленіемъ, напр.: «эти характеры капризны, измѣнчивы *отъ одной минуты къ другой* (какъ будто-бы можетъ быть иная измѣнчивость?!), то инертны, то взрывчаты...» etc.

Чувствуя слабость своего раздѣленія, онъ вводитъ и еще при-

знакъ: аморфные являются продуктомъ своей среды, а неустойчивые суть лишь безсвязная куча почти безличныхъ импульсовъ.

Но эти признаки совершенно не различимы другъ отъ друга не только практически, но даже и теоретически.

Послѣ этого Рибо возвращается снова къ характерамъ, «которые существуютъ сами по себѣ», и вотъ ихъ-то классификаціей онъ болѣе всего озабоченъ.

Онъ желаетъ дать классификацію въ полномъ смыслѣ это слова, т.-е. намѣтить сперва черты *рода* (genus), а въ нихъ—черты *вида* и т. д.

Наиболѣе общія и основныя проявленія мы имѣемъ въ двухъ способностяхъ: *чувствованіи* и *дѣйствіи*.

Отсюда два основныхъ типа: *чувствительные* и *дѣятельные*.

Чувствительные, «которыхъ можно-бы было назвать также аффективными, эмоціональными, представляютъ преобладаніе чувствительности», крайнюю впечатлительность. Физіологическія основы этого типа «трудно опредѣлимы», но можно допустить, что главнымъ источникомъ аффективной жизни являются ощущенія внутреннія, органическія, т.-е. вызываемыя въ насъ изнутри растительной жизнью, тогда какъ внѣшнія ощущенія являются источникомъ жизни интеллектуальной. У чувствительныхъ необходимо предположить преобладаніе чувствительности перваго рода (т.-е. растительно-органической, внутренней); ихъ нервная система особенно воспріимчива къ *пріятнымъ* и *непріятнымъ* впечатлѣніямъ.

Въ частныхъ признакахъ, предлагаемыхъ Рибо, мы снова встрѣчаемся съ нѣкоторыми противорѣчіями только что сказанному: такъ, рядомъ съ боязливостью, безпокойствомъ, застѣнчивостью—Рибо упоминаетъ и такія свойства чувствительнаго типа, какъ созерцательность, способность къ размышленію. Правда, эти двѣ способности, характеризующія скорѣе типъ интеллектуальный, очевидно, ставятся имъ въ зависимость отъ недостатка внѣшнихъ впечатлѣній, что и заставляетъ ихъ сосредоточиваться мыслью на своемъ внутреннемъ мірѣ. Однако здѣсь гораздо ближе къ дѣйствительности Пере, который справедливо замѣчаетъ, что эмоціональность развиваетъ и сильную внѣшнюю впечатлительность, и болѣе глубокую память на всѣ впечатлѣнія. Такъ оно и должно быть, если оставить въ сторонѣ крайнюю степень эмоціональности, которая можетъ парализовать ясность внѣшней впечатлительности. У Пере созерцательный типъ гораздо правильнѣе относится къ типу медлительному, мало эмоціональному.

Что касается *дѣятельнаго* типа, то Рибо характеризуетъ его вложеннымъ отъ природы и постоянно возрождающимся стремленіемъ

къ дѣятельности. Физіологическая основа этого типа есть избытокъ запаса энергіи и жизни, весьма различный отъ прерывающихся и взрывчатыхъ реакцій у неустойчиваго типа. Въ общей суммѣ, дѣятельный типъ можетъ быть сведенъ, по мнѣнію Рибо, къ хорошему состоянію *питанія* въ широкомъ смыслѣ этого слова. Неожиданнымъ и нѣсколько курьезнымъ обобщеніемъ является мысль Рибо, что чувствительный типъ даетъ преимущественно пессимистовъ (такъ какъ излишняя чувствительность къ пріятнымъ и непріятнымъ впечатлѣніямъ даетъ будто-бы всегда перевѣсъ въ общей суммѣ ощущеніямъ непріятнымъ), тогда какъ *дѣятельный* типъ даетъ преимущественно оптимистовъ, т.-е. оптимизмъ и пессимизмъ сводятся здѣсь до извѣстной степени на состояніе питанія, что, конечно, можетъ быть отчасти и вѣрно (т.-е. плохое состояніе питанія можетъ вести къ пессимизму), но едва-ли возможно какъ общее положеніе.

Любопытно также сопоставленіе этихъ двухъ основныхъ типовъ съ извѣстнымъ дѣленіемъ Шнейдера, который пытался свести всѣ спеціальныя движенія высшихъ животныхъ на двѣ группы—первичное *сокращеніе* и первичное *расширеніе*: чувствительный типъ—это представитель первичнаго сокращенія, дѣятельный типъ—первичнаго расширенія, экспансивности.

Находя, что этихъ двухъ типовъ не достаточно, Рибо вводитъ еще 3-й, *апатическій* (соотвѣтствующій *лимфатическому* въ физіологіи). У него способность дѣйствовать и чувствовать стоитъ ниже средняго уровня. Если два первыхъ типа можно считать положительными, то этотъ является отрицательнымъ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ аморфнымъ характеромъ, который отличается тѣмъ, какъ мы видѣли, что онъ не врожденный, а пріобрѣтенный характеръ. Апатичный типъ не пластиченъ (т.-е. не способенъ ассимилировать все), какъ и аморфный, онъ инертенъ. Онъ ни пессимистиченъ, ни оптимистиченъ, а безразличенъ, лѣнивъ, сонливъ, беззаботенъ.

Его физіологическое объясненіе заключается въ пониженіи нервнаго *тонуса* (мнѣніе Генле), въ усиленіи лимфатической циркуляціи у однихъ и въ ослабленіи кровообращенія у другихъ.

Замѣчательно, что Рибо, взявъ исходнымъ пунктомъ характеръ въ смыслѣ идеальномъ, въ концѣ второй главы своего этюда, говоря о возможности еще четвертаго типа, *умѣреннаго*, представляющаго равновѣсіе всѣхъ основныхъ элементовъ (чувствительности, дѣятельности, мысли), находитъ, что этотъ четвертый типъ не нуженъ, потому что онъ—смѣшанный, а «всякій характеръ есть или гипертрофія, или атрофія» (одного изъ элементовъ) Такимъ образомъ, здѣсь уже вкрадывается иное опредѣленіе характера, ближе подходящее къ понятію типа. Иными словами, основы классификаціи характеровъ

у Рибо мало выработаны и недостаточно опредѣленны. Послѣ опредѣленія родовыхъ типовъ, Рибо переходитъ къ опредѣленію «видовыхъ». При этомъ онъ вводитъ новый факторъ—умственный или интеллектуальный.

Но какъ-же вводить въ видовую классификацію то, чего вовсе не было въ родовой?

Рибо старается оправдать это тѣмъ, что жизнь чувствованія распадается на двѣ группы — *аффективную* и группу *представленій*. Аффективная группа, имѣющая источникомъ растительную жизнь, предшествуетъ группѣ представительной и составляетъ, строго говоря, сущность характера, или основы характера: это—инстинкты, тенденціи (стремленія), импульсы, желанія, чувства. Основа каждаго животнаго—это «аппетитъ» въ смыслѣ Спинозы, или «воля» въ смыслѣ Шопенгауера, т.-е. способности чувствовать и дѣйствовать, но не мыслить. Кромѣ того, интеллектъ въ своемъ поступательномъ процессѣ эволюціи отъ простыхъ ощущеній къ воспріятіямъ, затѣмъ къ сложнымъ образамъ и понятіямъ (концепціямъ) стремится все больше и больше стать *безличнымъ*, т.-е. приблизиться къ объективности, къ истинѣ, одинаковой для всѣхъ.

Все это совершенно справедливо, но когда дѣло идетъ о характерѣ личности, едва-ли можно сказать, что развитіе интеллекта не оказываетъ само по себѣ никакого вліянія на его поступки и ихъ *постоянныя* особенности, а слѣдовательно, и не измѣняетъ основнымъ образомъ типа характера. Правда, люди съ высокимъ развитіемъ интеллекта могутъ принадлежать, по классификаціи Рибо, и къ чувствительному типу, и дѣятельному, а потому у него есть нѣкоторое основаніе ввести интеллектъ въ число второстепенныхъ или видовыхъ признаковъ *). Съ этими оговорками, разсмотримъ вторичные типы.

Прежде, чѣмъ приступить къ этому, Рибо совершенно правильно старается опредѣлить съ большей точностью отношеніе интеллекта къ основнымъ свойствамъ характера и приходитъ къ выводу, что умъ имѣетъ значеніе *простого освѣщенія*, свѣта. Напримѣръ, какой-нибудь естественный инстинктъ, положимъ, голодъ, доходя до сознанія, до ума, и освѣщаясь этимъ, можемъ привести или къ труду, или, напр., къ убійству. Вообще-же отношеніе ума къ волѣ напоминаетъ

*) Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что умъ часто находится въ разладѣ съ характеромъ: можно имѣть покойный, любящій характеръ—и мечтать о всемірномъ разрушеніи. Наконецъ, преобладаніе интеллекта часто атрофируетъ характеръ (NB. Опять здѣсь слово «характеръ» взято въ первоначальномъ смыслѣ). Шопенгауеръ сказалъ: у нормальнаго человѣка 2/3 воли и 1/3 ума, у генія-же— 2/3 ума и 1/3 воли.

отношеніе тѣлесныхъ движеній къ эмоціямъ: извѣстно, что не только эмоціи вызываютъ извѣстныя движенія, но и обратно, извѣстныя движенія (или положенія тѣла) вызываютъ ассоціированныя съ ними эмоціи. Но при этомъ эмоціи необходимо вызываютъ извѣстныя движенія, а движенія не всегда и не необходимо вызываютъ эмоціи. Тоже и съ умомъ: волевыя состоянія организма всегда вызываютъ соотвѣтственную работу ума, но какая нибудь специфическая работа ума далеко не всегда возбуждаетъ соотвѣтственные инстинкты, стремленія и эмоціи. Дѣйствіе *снизу вверхъ* прочно, упорно, энергично, вліятельно; оно *сила* само по себѣ, оно имѣетъ свой источникъ въ безсознательной почвѣ, т.-е. въ организаціи. Достигая-же сознанія, оно только освѣщается.

Напротивъ, дѣйствіе *сверху внизъ* неустойчиво, измѣнчиво, слабо, его успѣшность сомнительна.

Отсюда-то и возникаетъ психологическая (а часто и педагогическая) задача—возбуждать умственныя состоянія, идеи-образы для того, чтобы путемъ отраженія вызывать соотвѣтствующія чувства, гдѣ это возможно.

Родъ 1-й, *чувствительные*, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе виды:

a) *слабые* или *смиренные*. Крайняя чувствительность, ограниченный или посредственный умъ, энергіи—никакой. Они стыдливы, робки и обладаютъ способностью чувствовать до того, что чувствованія могутъ какъ-бы парализировать ихъ. Они боятся за себя самихъ, за свою семью, за маленькое мѣстечко, которое имѣютъ, за свое небольшое дѣльце или предпріятіе, за настоящее и за будущее. Ихъ безпокоитъ мнѣніе свѣта и даже тѣхъ неизвѣстныхъ, кого они видятъ мимоходомъ. Самая маленькая неудача глубоко ихъ потрясаетъ, такъ какъ они сознаютъ свою слабость, отсутствіе побужденія къ дѣйствію и духа инициативы.

Крайность этого типа, дошедшая до болѣзни, является въ такъназываемыхъ ипохондрикахъ.

b) Слѣдующій видъ—*созерцательный* (или размышляющій). Онъ отличается отъ предыдущаго высокой интеллектуальностью: чувствительность очень сильна; умъ острый и проницательный, дѣятельности—никакой.

Одну изъ разновидностей этого вида, которую можно назвать *нерѣшительной*, даетъ Гамлетъ: онъ много думаетъ, много чувствуетъ и не можетъ перейти къ дѣйствію.

Другая разновидность—*мистики*, не тѣ великіе мистики, которые дѣйствовали и съ которыми мы встрѣтимся ниже, а искренніе адепты внутренней жизни, какихъ мы находимъ вездѣ и во всѣ

эпохи. Они погружены въ блаженное созерцаніе, ничего не пишутъ и не основываютъ, слѣдя только за своими грезами.

Третья разновидность — *аналитики*, въ чисто субъективномъ смыслѣ, т.-е. вѣчно разбирающіе себя самихъ до мелочей. Часто они ведутъ дневники, отмѣчая въ нихъ малѣйшія измѣненія въ своей внутренней жизни, въ своемъ настроеніи, даже подъ вліяніемъ атмосферическихъ измѣненій (Мэнъ-де-Биранъ, Альфіери).

c) Третій видъ (чувствительнаго рода)—это характеры *эмоціональные*, не въ смыслѣ Бэна, дѣлавшаго изъ нихъ особый классъ (см. выше). Въ нихъ *чувствительный* видъ достигаетъ своего апогея: къ крайней чувствительности и тонкости ума у нихъ прибавляется способность дѣйствовать. Но ихъ дѣятельность имѣетъ свои особенности: она носитъ перемежающійся, иногда спазмотическій характеръ, такъ какъ возникаетъ не изъ устойчивыхъ фондовъ энергіи, а изъ сильныхъ эмоцій. Они дѣйствуютъ лишь подъ моментальнымъ вліяніемъ сильныхъ мотивовъ, а затѣмъ впадаютъ въ бездѣйствіе, составляющее сущность ихъ природы (множество знаменитыхъ артистовъ, поэтовъ, музыкантовъ, живописцевъ: Моцартъ, Руссо).

2) *Родъ дѣятельныхъ* раздѣляется на два вида, соотвѣтственно посредственности или мощи интеллекта.

а) *Посредственно дѣятельные*, образчикомъ которыхъ можно взять небольшихъ тружениковъ всякаго рода. Мелкій купецъ, не особенно умный, вѣчно суетящійся безъ конца и отдыха, вотъ иллюстрація. Поставьте на его мѣсто *чувствительнаго*, и тотъ будетъ дѣлать лишь то, что или крайне необходимо, или вызываетъ его интересъ.

Къ этому-же виду надо отнести лицъ, обладающихъ богатымъ запасомъ энергіи и потребностью расходовать ее. Таковы, напр., *спортсмэны*, многіе путешественники, безцѣльные авантюристы и т. п.

Слѣдующую ступень представляетъ разновидность, которую Рибо называетъ *кондоттьери*,— типы физической энергіи и дѣятельности, не освѣщенной разумомъ. Представьте себѣ на этомъ фонѣ могучій умъ, безъ совѣсти, и банальный «кондоттьери» дѣлается Цезаремъ Борджіа. Черезъ него мы переходимъ къ 3-й, самой высокой формѣ *дѣятельнаго* типа—къ *великимъ дѣятелямъ*, каковы: Юлій Цезарь, Кортецъ, Пизарро.

3-й родъ, *апатичныхъ*, вмѣщаетъ въ себѣ типы съ ослабленной чувствительностью, что не мѣшаетъ лицамъ, входящимъ въ этотъ типъ, обладать высоко развитымъ интеллектомъ.

Вотъ виды этого рода:

а) *чистый апатическій*: онъ обладаетъ малой чувствительностью, малой дѣятельностью и малой интеллигентностью (см. ранѣе).

b) Въ соединеніи *съ сильной интеллигентностью* апатичный типъ даетъ двѣ разновидности—умозрительную и практическую. Пропуская первую разновидность, обратимъ вниманіе на вторую такъ какъ она представляетъ очень спеціальную форму характера,—именно ту, которая является результатомъ дѣйствія *сверху внизъ*, т.-е. вліянія идей на чувствованія и движенія. Это—люди разсужденія и разсчета. Они являются больше результатомъ искусственнаго созданія, чѣмъ природы. Бенжамэнъ Франклинъ, думавшій о «моральной алгебрѣ или способѣ разрѣшать само собою сомнительные вопросы», представляетъ образецъ этого типа.

Я не буду останавливаться на третичной формаціи типовъ, представляющихъ смѣшанныя формы: 1) *чувствительно-дѣятельную*, 2) *апатично-дѣятельную* (господствующій элементъ такой формы—это идея, дающая характеру непоколебимую стойкость, при чемъ эта идея подчиняетъ себѣ ихъ чувствительность, обыкновенно довольно слабую. Это—по преимуществу *темпераментъ моральный*). 3) *Апатично-чувствительные*. (Есть люди съ лимфатическимъ темпераментомъ, проводящіе свои дни въ бездѣйствіи, покоѣ, но которыхъ внезапное обстоятельство бросаетъ въ дѣятельность, при чемъ они также лихорадочно растрачиваютъ свои силы, какъ и чувствительный типъ).

Пропускаю типъ *умѣренный* (представляющій равновѣсіе чувства, мысли и дѣйствія), которымъ Рибо кончаетъ свою классификацію, и замѣчу въ заключеніе, что, несмотря на вышеуказанные недостатки ея, она представляется наиболѣе полной и систематичной изъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ мнѣ. Типы или виды расположены въ ней по степени ихъ совершенства въ предѣлахъ каждаго рода. Основой раздѣленія характеровъ взяты отчасти тѣ же факторы, какъ у Пере (активный у Рибо—это *живой* у Пере; апатичный у Рибо напоминаетъ медлительный у Пере). Но у Рибо классификація приближается больше къ требованіямъ практики вообще и педагогики въ частности, такъ какъ онъ вводитъ элементы психофизіологическіе, воздѣйствіе на которые обычнѣе и возможнѣе, нежели воздѣйствіе (au fond) на тотъ или иной родъ способности къ движенію, какъ у Пере.

Но къ общимъ выводамъ мы еще возвратимся въ концѣ, а теперь дополнимъ приведенныя классификаціи еще двумя, предлагаемыми Ф. Поланомъ, а именно: классификаціей *нравственныхъ типовъ* и классификаціей *умственныхъ типовъ*.

V.

Классификація типовъ ума (Ф. Полана).

Ф. Поланъ (Paulhan) опредѣляетъ характеръ такъ: «Характеромъ личности мы называемъ то, что *характеризуетъ* ее, что дѣлаетъ ее самой собою, а не другой. Это есть особая природа ея души, частная форма ея душевной дѣятельности. Характеръ, личность, индивидуальность—эти три слова означаютъ, приблизительно, одну и ту-же вещь, только разсматриваемую нѣсколько иначе».

«Такимъ образомъ, изучить формы характера — значитъ отыскать и классифицировать различные способы существованія индивидуума, сдѣлать анализъ и синтезъ его личности, указать элементы и комбинаціи. изъ которыхъ она образована, и все это связать съ законами психологіи».

Этому опредѣленію нельзя отказать въ точности и научности.

Разсмотрѣвъ нѣсколько основныхъ способовъ разсматривать характеры и изучать ихъ, Поланъ сводитъ эти способы сперва къ четыремъ, а затѣмъ къ двумъ классамъ качествъ: во-1-хъ, классъ такихъ качествъ, которыя связаны *со способомъ существованія* различныхъ наклонностей (tendences), т.-е. съ общимъ характеромъ взаимнаго отношенія этихъ качествъ въ одномъ и томъ-же индивидуумѣ (ихъ связность, послѣдовательность, контрастность, живость, устойчивость, etc.). 2-ой классъ качествъ образуется *самыми этими наклонностями*, взятыми сами по себѣ, наприм., про одного мы говоримъ, что онъ чувствителенъ, про другого, что онъ лакомка, про третьяго, что онъ уменъ и т. д.

Въ этомъ соображеніи лежитъ уже весьма важная поправка къ классификаціи Пере и отчасти Рибо. Тамъ слиты во-едино и преобладающія свойства типовъ, и характеръ этихъ свойствъ самихъ по себѣ (напримѣръ, быстрота, медленность, устойчивость, взрывчатость и т. п.). У Пере даже одно сводится на другое. Такимъ образомъ, въ одну и ту-же рубрику могутъ попасть совершенно различные характеры. Припомнимъ примѣръ, приведенный нами à propos въ началѣ статьи, когда, даже судя по совершенно *одинаковой* дѣятельности (напримѣръ, благотворительности, исполнительности и послушанія), можно ошибочно свести въ одну рубрику самые противоположные характеры. Но насколько-же ошибка можетъ быть больше, если мы возьмемъ даже не самую дѣятельность, а, напримѣръ, быстроту или медленность ея выполненія, что составляетъ въ сущности одинъ изъ вторичныхъ признаковъ характера.

Послѣ вышеприведенныхъ замѣчаній Поланъ переходитъ довольно неожиданно къ упоминанію изобрѣтенныхъ имъ ранѣе «основныхъ психологическихъ законовъ или принциповъ»: во-1-хъ, это законъ *систематической ассоціаціи*, выражающій способность каждаго психическаго элемента (желанія, идеи или образа) возбуждать другіе элементы, которые могутъ соединяться съ нимъ для общей цѣли; этотъ-же законъ указываетъ также, что каждый элементъ есть сложное явленіе, объединяющее другіе элементы низшаго порядка, при чемъ образуются элементы высшаго и т. д.

Этотъ законъ пополняется закономъ *систематической задержки*, т.-е. того препятствія или остановки, какія каждый психическій элементъ стремится оказать на каждый другой элементъ, не могущій ассоціироваться съ ними гармонически.

Изъ сочетанія этихъ основныхъ законовъ происходитъ «*законъ контраста*, образующій третій великій законъ душевной жизни, и, наконецъ, законъ ассоціаціи по сложности и сходству,—законъ менѣе важный, чѣмъ предполагали нѣкоторые».

«Такимъ образомъ (?),—продолжаетъ Поланъ,—изученіе формъ характера сводится на отыскиваніе главныхъ психическихъ элементовъ, составляющихъ личность, т.-е. господствующихъ склонностей, постоянныхъ идей, преобладающихъ желаній, отношеній между ними, то помогающихъ другъ другу, то мѣшающихъ, смотря по тому, преобладаютъ-ли въ душевной жизни—систематическая ассоціація, задержка, контрастъ, ассоціація по сложности и сходству и различные способы ихъ бытія и дѣйствія».

Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе этого плана, можно замѣтить, что онъ крайне громоздокъ, сложенъ, связанъ съ частной психологической теоріей, примѣнять которую практически весьма не легко. Однимъ словомъ, въ проектѣ Полана для насъ, быть можетъ, всего важнѣе основная мысль объ отдѣленіи основныхъ свойствъ характера отъ способовъ ихъ дѣйствія и отношеній другъ къ другу.

Большой интересъ представляетъ классификація *умственныхъ* (интеллектуальныхъ) *типовъ*, предложенная тѣмъ-же Поланомъ, какъ попытка провести извѣстную систему и различеніе въ область самой умственной жизни.

Эта классификація значительно дополняетъ предыдущія.

1-й типъ (если идти отъ простого къ сложному) можно назвать *недифференцированной интеллигентностью.* Она существуетъ у тѣхъ людей, для которыхъ умственная работа не составляетъ, такъ сказать, настоящей жизни: поглощенные всецѣло требованіями своего ремесла или тысячами мелкихъ житейскихъ заботъ, они никогда

не пользуются свободно своей умственной дѣятельностью, не упражняютъ ея ради ея самой.

Но существуетъ множество причинъ, направляющихъ умственную дѣятельность къ относительно большей или меньшей свободѣ, сравнительно съ этой зависимостью.

Среди этихъ причинъ необходимо выдѣлить и поставить на первый планъ образованіе, которое именно стремится приспособить умъ къ дѣятельности самостоятельной, пригодной во всевозможныхъ случаяхъ жизни.

Такимъ образомъ, умственная дѣятельность дифференцируется, и ступени этой эволюціи представляютъ всевозможные типы. Сперва умственный элементъ хотя и получаетъ преобладающую роль, но еще не отдѣлился вполнѣ отъ аффективнаго элемента (элемента чувствованій, желаній, etc.). Затѣмъ, онъ освобождается отъ аффективнаго элемента, ведя борьбу съ нимъ. Наконецъ, умственныя явленія совершенно освобождаются отъ страстей: душа становится чуждой страстямъ и сводится почти къ чистой интеллектуальности; эмоціи сглаживаются и подчиняются уму.

Но это еще въ сущности не типы, а только ступени развитія отъ полной зависимости къ совершенной независимости ума, насколько таковая возможна.

Къ типическимъ признакамъ различнаго сорта умовъ слѣдуетъ отнести скорѣе ихъ *способность систематизаціи*. Съ этой точки зрѣнія умы можно распредѣлить въ два основные класса:

1) *Умы логическіе*, въ которыхъ идеи образуютъ связную и гармоническую систему, и 2) *умы заблуждающіеся* (faux), въ которыхъ преобладаетъ безпорядокъ, разноголосица.

Между этими крайностями существуетъ безконечная цѣпь переходовъ. Разсмотримъ важнѣйшіе изъ нихъ.

Наиболѣе высокій типъ—это *уравновѣшенные*, въ которыхъ все гармонично между собою,—работа и жизнь, идеи и образы. Этотъ типъ представляетъ преобладаніе *систематической* ассоціаціи. Слѣдующій типъ—*логики*, гдѣ равновѣсіе является предметомъ желанія, поддерживается принципомъ. Далѣе идутъ типы *извнѣшніе* (outraneiers), обладающіе своеобразнымъ равновѣсіемъ, центръ котораго помѣщается не въ нихъ самихъ, а въ нѣсколькихъ умахъ изъ ихъ среды. Наконецъ, мы находимъ умы *специализированные*: эти не стремятся уже къ систематизаціи ума въ его цѣломъ (какъ стремятся даже *внѣшніе* умы). Они ищутъ и осуществляютъ частныя систематизаціи въ какой-нибудь наукѣ, искусствѣ и т. п.

Отдѣльно слѣдуетъ поставить умы съ *преобладаніемъ борьбы и задержки* (умы рефлектирующіе, сомнѣвающіеся, скептическіе). Въ

(Къ стр. 84).

Сводка важнѣйшихъ системъ классификаціи характеровъ.

ДРЕВНЯЯ СИСТЕМА.	А. Бэна:	Пере (Perez):	Т. Рибо (Ribot):		П О Л А Н А.			
По темпераментамъ.	По основнымъ способностямъ души.	По степени развитія движенія.	По единству и устойчивости. Р О Д Ы.	По основнымъ свойствамъ характера. В И Д Ы.	Моральные типы. По качеству.	Моральные типы. По отношеніямъ.	Умственные типы. По степени дифференцированія ума.	Умственные типы. По способу работы ума.
1. *Сангвиники.* (Поверхностные, легко приспособляющіеся, подвижны.	1. *Эмоціональные* (преобладающій элементъ: душевныя волненія, аффекты, чувствованія).	1. *Живой типъ.*	a) Отрицательные: 1. *Аморфный* (безъ опредѣляющихъ началъ).			связный.	1. *Интеллектъ, не выдѣлившійся* изъ эмоціональныхъ и аффективныхъ элементовъ (*не дифференцировавшійся*).	1. *Умы ложные:* a) Легкомысленные. b) Иллогическіе. c) Раздробленные. d) Специалисты (т.-е. систематизирующіе только какой-нибудь единственный рядъ явленій или элементовъ).
		2. *Живой, пылкій* (отличается отъ 3-го преобладаніемъ живости надъ энергіей, а отъ 5-го отсутствіемъ медлительности и меньшей энергіей).	2. *Неустойчивый* (во времени).	1. *Сла*[illegible] *или смирный* (сильная [illegible]твительность, слабый интел[illegible]тъ и энергія). 2. *Со*[illegible]*ательный* (сильный интел[illegible]тъ, отсутствіе энергіи). Разновидности 2-го: нерѣшительные, мистики, аналитики.	*Воспріимчивый.*	не связный. живой.	2. Дифференцирующійся.	
2. *Меланхолики.* (Глубокіе, замкнутые въ себѣ, колеблющіеся въ выборѣ).		3. *Пылкій* (съ преобладаніемъ энергіи).	b) Положительные: 1. *Чувствительный* (аффективный, эмоціональный).	3. *Эмо*[illegible]*нальный* (Апогей чувствите[illegible]сти, въ соединеніи съ сильны[illegible] интеллектомъ и способност[illegible] къ дѣйствію, но прерывчато[illegible]).		медленный.		
3. *Холерики.* (Сильное воображеніе, страсти, трудное приспособленіе, упорство).	2. *Волевые* (съ преобладаніемъ воли).	4. *Уравновѣшенный* (преобладаніе движеній и гармонія).	2. *Дѣятельный.*	1. *Пос*[illegible]*ственный* (труженики по [illegible]енію, спортсмены, безцѣльные [illegible]утешественники). 2. *Ко*[illegible]*тѣери* (подвижность пер[illegible]ъ съ отрицательными сво[illegible]ами. Иногда сильные умы). 3. *Вели*[illegible] *дѣятели.*		связный.		2. *Умы логическіе:* a) *Внѣшніе* (центръ систематизаціи лежитъ въ чужихъ умахъ). b) *Оппозиціонные* (съ преобладаніемъ ассоціацій по контрасту).
4. *Флегматики или лимфатики.* (Медленные, холодные, съ тусклымъ воображеніемъ).	3. *Интеллектуальные* (съ преобладаніемъ интеллекта).	5. *Медлительно-пылкій* (соединеніе медлительности съ энергіей). 6) *Медлительный.*	3. *Апатичный* (слабость нервнаго тонуса, преобладаніе лимфы, ослабленное кровообращеніе).	1. *Чис*[illegible]*-апатичный* (чувствительно[illegible] интеллектъ и дѣйствіе—сла[illegible]). 2. *Ап*[illegible]*о-интеллектуальный* (си[illegible]ое развитіе интеллекта). Разновидности 2-го: теоретическіе мыслители, практическіе мыслители.	*Гурманъ.*	не связный. живой. медленный.	3. Дифференцированный (освобожденный интеллектъ).	c) *Логики* (стремленіе къ общей системѣ по принципу). d) *Уравновѣшенные* (осуществляющіе систематическую ассоціацію всѣхъ элементовъ).

[illegible] характеровъ.

П	О	Л	А	Н	А
[illegible]		[illegible]			
[illegible]	[illegible]	По способу дифференцированія [illegible]	По способу работы [illegible]		
[illegible]		1. [illegible]	1) [illegible]		
			a) [illegible]		
			b) [illegible]		
			c) [illegible]		
		[illegible]	d) [illegible]		
			2. [illegible]		
			a) [illegible]		
			b) [illegible]		
		[illegible]	c) [illegible]		
			d) [illegible]		

нихъ развитъ духъ противорѣчія, полемики и преобладаетъ ассоціація по контрасту, т.-е. слыша или продумавъ какую-либо идею, они тотчасъ вспоминаютъ ея противоположность или контрастъ, и ихъ умственная работа является затѣмъ плодомъ этой борьбы крайностей.

Поланъ оказываетъ предпочтеніе этому умственному типу среди всѣхъ другихъ, такъ какъ въ немъ онъ видитъ элементъ творчества или открытій. Во всякомъ случаѣ онъ считаетъ его выше тѣхъ умовъ, въ которыхъ преобладаютъ ассоціаціи по смежности и сходству. Эти послѣдніе функціонируютъ по *частнымъ* сходствамъ элементовъ мышленія, тогда какъ умы *контрастивные* стремятся къ всеобщности выводовъ.

Даже умы вполнѣ *уравновѣшенные* (см. выше) не должны признаваться непремѣнно высшими сравнительно съ умами контрастивными, хотя первые и выше послѣднихъ въ смыслѣ гармоніи; нѣкоторый иллогизмъ есть условіе умственнаго прогресса. Очень уравновѣшенный умственный типъ менѣе подвиженъ, менѣе дѣятеленъ, менѣе способенъ къ совершенствованію и часто болѣе вульгаренъ. Въ силу условій нашей общественной жизни, прогрессъ можетъ быть достигнутъ почти только благодаря умамъ безпокойнымъ, ищущимъ, волнуемымъ несогласіями внутри себя или съ внѣшней средой.

Въ *иллогическомъ* типѣ есть нѣсколько ступеней, но въ общемъ этотъ типъ отличается черезчуръ значительнымъ безпорядкомъ своихъ идей, а потому не можетъ быть полезнымъ.

Намѣтимъ слѣдующія ступени или разновидности его: *ложные умы*; у нихъ нѣтъ правильнаго, т.-е. сколько-нибудь послѣдовательнаго мышленія. Иногда они дѣлаютъ и вѣрныя заключенія, но столь-же часто и ошибочныя, и не увѣрены ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Далѣе, *умы раздробленные*, въ которыхъ живетъ одновременно нѣсколько идейныхъ системъ, не объединяясь логически. Наконецъ, умы *легкомысленные*, въ которыхъ несвязность и иллогичность выражена еще сильнѣе и не представляетъ почти никакого приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ. Ничтожнѣйшее явленіе (полетъ мухи, ворвавшійся лучъ солнца, услышанное слово) можетъ мѣнять ихъ точки зрѣнія, вызывать ряды идей безъ всякаго логическаго отношенія какъ къ предшествовавшимъ, такъ и къ послѣдующимъ идеямъ.

VI.

Выводы. Общая таблица вышеприведенныхъ классификацій. Мой планъ классификаціи.

Лучшій способъ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы изъ представленныхъ выше классификацій—это, по моему мнѣнію, изобра-

зить ихъ въ видѣ одной объединенной таблицы, гдѣ-бы всѣ онѣ являлись болѣе наглядно передъ читателемъ, каждая со своей точкой зрѣнія.

Вѣдь, въ сущности, ни одной изъ этихъ точекъ зрѣнія нельзя отказать въ нѣкоторомъ значеніи. Разница между ними та, что одна точка зрѣнія дѣлала предметомъ своего вниманія преимущественно одну сторону человѣческой личности, другая—другую. Но, въ концѣ концовъ, каждая вносила въ задачу нѣкоторый своеобразный свѣтъ.

Общій-же ихъ признакъ тотъ, что всѣ онѣ въ отдѣльности стремятся видѣть въ своей точкѣ зрѣнія—*все*, т.-е. цѣлое, не замѣчая значительной степени односторонности или частичности своихъ классификацій.

Этимъ я вовсе не хочу сказать, что таблица, въ которой я думаю сопоставить ихъ, даетъ намъ ихъ синтезъ или объединеніе въ болѣе стройной и высокой синтетической системѣ.

Нѣтъ. Почти всегда высшее объединеніе или синтезъ требуютъ введенія новыхъ добавочныхъ элементовъ и, кромѣ того, полной перетасовки сызнова всего собраннаго матеріала.

Таково положеніе дѣлъ и въ данномъ случаѣ.

Но исполнить такую сложную задачу въ этой статьѣ я не имѣлъ намѣренія. Предлагаемая мною таблица имѣетъ въ виду нѣсколько упорядочить данный матеріалъ, а затѣмъ его синтетическая обработка, дополненіе его новыми элементами и предложеніе болѣе полной, цѣльной, многосторонней и удобной для практики классификацій явится предметомъ моей послѣдующей статьи. Здѣсь я намѣчу только планъ моей классификаціи. Но сперва скажу два слова о предлагаемой здѣсь таблицѣ.

Какъ легко замѣтить читатель, я расположилъ различныя классификаціи рядомъ другъ съ другомъ такъ, что если читать въ вертикальномъ направленіи сверху внизъ, мы будемъ имѣть наглядную характеристику каждой классификаціи; если читать въ горизонтальномъ направленіи, то мы въ состояніи будемъ уловить, кромѣ того, совпаденія или общности отдѣльныхъ классификацій. Но для этого пришлось размѣстить различныя свойства характеровъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они даны авторами, а въ порядкѣ, приспособленномъ къ вышеупомянутой цѣли.

Правда, это не всегда было достижимо. Напр., «живой типъ» (по Пере) больше относится къ сангвиникамъ старой классификаціи (по темпераментамъ), чѣмъ къ холерикамъ. Такимъ образомъ, читатель не долженъ ожидать, что моя таблица вездѣ и безусловно сопоставляетъ въ горизонтальномъ направленіи явленія однородныя. Въ силу различныхъ точекъ зрѣнія, проводимыхъ въ каждой клас-

сификаціи, эта цѣль достигнута лишь приблизительно, при чемъ до извѣстной степени становится ясной связь всѣхъ этихъ классификацій со старой системой темпераментовъ. А это важно въ томъ отношеніи, что темпераменты все-же болѣе всѣхъ другихъ признаковъ обоснованы научно-физіологически.

Второе замѣчаніе, которое я принужденъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что ни отдѣльныя классификаціи, ни ихъ сводка не предусматриваютъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, имѣющихъ особенное значеніе для педагогики общественной, семейной и для самовоспитанія.

Такъ, напр., ни одна изъ классификацій, разсмотрѣнныхъ нами, не задавалась цѣлью отдѣлить свойства врожденныя или наслѣдственныя, анатомо-физіологическія и анатомо-патологическія, отъ тѣхъ свойствъ, которыя созданы вліяніями среды, т.-е. какъ строемъ и отношеніями общества въ его цѣломъ, такъ и воспитаніемъ въ семьѣ или школѣ и, наконецъ, въ особенности—исключительными условіями (хотя и типичными), выпавшими на долю той или другой личности. Между тѣмъ это различіе особенно важно въ дѣлѣ воспитанія. Наслѣдственные, анатомо-физіологическіе и патологическіе, элементы не могутъ быть измѣнены безъ помощи врача-спеціалиста,—конечно, въ союзѣ съ педагогомъ-психологомъ; наоборотъ, остальныя свойства педагогъ-психологъ можетъ взять въ свое полное вѣдѣніе. Во-2-хъ, къ какой группѣ вы отнесете типы съ преступными наклонностями, напр., къ воровству (если это не есть патологическая клептоманія), или съ половыми извращеніями и т. п.? А между тѣмъ эти особенности являются чуть-ли не самыми могучими факторами въ образованіи нѣкоторыхъ несчастныхъ характеровъ. По Рибо, напр., ихъ пришлось-бы отнести къ почтенному типу—*устойчивыхъ!*

Въ виду этихъ и многихъ другихъ соображеній, въ намѣченномъ мною проектѣ классификаціи я прежде всего отдѣляю другъ отъ друга два особыхъ класса свойствъ: 1) свойства, лежащія въ особенностяхъ организаціи, 2) свойства, развившіяся подъ вліяніемъ среды (общества въ его цѣломъ, воспитанія въ спеціальномъ смыслѣ и, наконецъ, особыхъ условій жизни).

Во-2-хъ, я стремлюсь классифицировать не столько *типы* характеровъ, сколько *элементы* характеровъ, т.-е. тѣ свойства, изъ которыхъ складываются самые разнообразные типы, подобно тому, какъ въ химіи простые элементы создаютъ своими сочетаніями безконечное множество сложныхъ тѣлъ.

Въ-3-хъ, эти свойства я располагаю по степени ихъ связи съ какими-либо такими болѣе основными свойствами психики (напр., степенью интеллектуальнаго развитія, степенью выработки задержи-

вающихъ центровъ мозга, степенью эмоціональности, вниманія, терпѣнія и т. п.), которыя сразу указываютъ на способы педагогическаго воздѣйствія.

Наконецъ, въ-4-хъ, я стараюсь указать полезное или вредное значеніе отдѣльныхъ свойствъ, при образованіи изъ нихъ характеровъ, при чемъ одни и тѣ-же ствойства могутъ быть вредны или полезны въ разныхъ сочетаніяхъ. Опредѣлить эту *химію характера*, хотя-бы приблизительно, необходимо, такъ какъ преслѣдованіе или поощреніе какого-либо свойства (вреднаго въ одномъ сочетаніи, но полезнаго—въ другомъ) можетъ являться крайне опаснымъ и нежелательнымъ. Это уже—элементъ этики и соціологіи въ этологіи.

Л. Е. Оболенскій.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

(*Продолженіе*).

Глава VII.

Ежедневныя занятія учителя съ учениками. Постановка учителемъ вопросовъ и качество ученическихъ отвѣтовъ, одиночныхъ и хоровыхъ. Самодѣятельность учащихся. Домашнія работы, устныя и письменныя.

1. Ежедневныя занятія учителя съ учениками въ школѣ имѣютъ цѣлью какъ постепенное сообщеніе имъ прочныхъ знаній по извѣстному учебному предмету, полезныхъ въ жизни, такъ и возбужденіе, а также развитіе въ нихъ душевной дѣятельности при помощи сихъ знаній и способа ихъ усвоенія, безъ вреда тѣлесному и духовному здоровью. Ученики могутъ усваивать только такія знанія, которыя имъ понятны, а потому учитель, прежде сообщенія ученикамъ тѣхъ или другихъ научныхъ свѣдѣній, долженъ убѣдиться въ томъ, что такія свѣдѣнія будутъ совершенно доступны ихъ пониманію; въ противномъ случаѣ онъ обязанъ довести ихъ до такого пониманія помощью бесѣдъ, основанныхъ на матеріалѣ, уже прежде усвоенномъ ими, а иногда при помощи наглядныхъ пособій. Онъ долженъ изучить степень умственнаго развитія учениковъ, способность ихъ воспринимать научныя преподаваемыя имъ истины и, при изложеніи своего предмета, снизойти, такъ сказать, до степени пониманія и усвоенія ими излагаемыхъ истинъ; только при такомъ способѣ занятій учитель въ состояніи будетъ возбудить въ своихъ ученикахъ дѣятельность и мысли и чувства, и воображенія и памяти. Научныя знанія, усвояемыя учениками, будутъ только тогда цѣнны для примѣненія ихъ въ жизни и для ихъ духовнаго развитія, когда будутъ основательны и прочны настолько, чтобы ученикъ былъ въ состояніи обнаружить ихъ безъ такъ-называемаго приготовленія посредствомъ повторенія; для этого всякое новое знаніе по учебному предмету, взятое отдѣльно, должно быть не только усвояемо созна-

тельно, но оно, какъ я и выше уже говорилъ, должно быть, когда потребуется, связываемо съ соотвѣтственными знаніями по изучаемому предмету, а также, при случаѣ, и по другимъ предметамъ. Поэтому учитель въ своемъ преподаваніи не долженъ идти впередъ, пока не убѣдится въ вѣрномъ пониманіи и полномъ усвоеніи учениками предыдущаго, служащаго основаніемъ послѣдующему. Вообще, только знанія ученика по какому-нибудь предмету, находящіяся въ тѣсной органической связи ихъ между собою, слѣдуетъ считать основательными и производительными какъ для ума, такъ и для сердца. Одно-же стремленіе учителя выполнить прежде всего требованія положенной программы, безъ постоянныхъ его заботъ объ основательности преподаваемыхъ имъ знаній почти всѣми учащимися, служитъ несомнѣннымъ признакомъ непригодности его къ дѣлу, за которое онъ взялся. Занятія свои учитель обязанъ вести не съ отдѣльными учениками, спрашивая одного за другимъ, чтобы убѣдиться въ приготовленномъ ими урокѣ, но съ цѣлымъ классомъ, возбуждая дѣятельность всѣхъ учащихся. Ученики, при усвоеніи, съ помощью учителя, новаго урока, равно какъ и при отвѣтахъ, касающихся прежнихъ уроковъ, должны усваивать и укрѣплять свои знанія не пассивно, съ помощью одной памяти, но активно, съ помощью ума, соображенія, сравненія и пр. Подъ руководствомъ учителя они должны учиться—какъ и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ сосредоточивать свое вниманіе на изучаемомъ предметѣ, какъ наблюдать характерныя его особенности и какъ сохранить въ умѣ и памяти касающіяся его знанія. Учитель во время классныхъ занятій не долженъ ограничивать своей дѣятельности сперва спрашиваніемъ приготовленнаго учащимися дома послѣдняго урока, а потомъ—устнымъ изложеніемъ дальнѣйшей части предмета, иногда даже въ видѣ лекціи, но онъ обязанъ довести всѣхъ своихъ учениковъ до полнаго усвоенія будущаго урока и до совершеннаго его пониманія. При такого рода занятіяхъ учителя для домашнихъ занятій ученика останется только углубленіе его въ сущность преподаннаго въ классѣ и укрѣпленіе усвоенныхъ знаній въ умѣ и памяти посредствомъ письменныхъ работъ, если это окажется нужнымъ. При такомъ характерѣ занятій не можетъ быть мѣста и ученическимъ шалостямъ во время уроковъ.

2. Вопросы, которые предлагаетъ учитель своимъ ученикамъ, должны отличаться ясностью, точностью и опредѣленностью. Сверхъ того, они должны быть такого рода, чтобы, если не всѣ учащіеся, то значительное большинство ихъ были въ состояніи отвѣчать на нихъ. Неумѣніе-же учениковъ отвѣчать на предложенные учителемъ вопросы служитъ признакомъ или неопытности, или неспособности его къ педагогическому дѣлу. Умный, опытный и знающій своихъ уче-

никовъ учитель всегда можетъ имѣть и вѣрное понятіе о степени ихъ знаній по своему предмету; а потому онъ не можетъ и не долженъ предлагать ученикамъ вопросовъ, не соотвѣтствующихъ ихъ знаніямъ. Нерѣдко плохіе учителя требуютъ отъ учениковъ отвѣтовъ прежде усвоенія ими предложеннаго вопроса, между тѣмъ какъ поставленные вопросы должны быть поняты и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже повторены отдѣльными или всѣми учениками хоромъ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можно ожидать отъ нихъ правильныхъ отвѣтовъ.

Ученики изъ туземцевъ (грузинъ, армянъ и пр.) очень часто даютъ отвѣты, составленные изъ словъ и фразъ, неправильно произносимыхъ и съ невѣрными окончаніями въ словахъ. Въ такихъ случаяхъ, въ особенности, учитель долженъ прибѣгать къ требованію хоровыхъ отвѣтовъ, состоящихъ въ повтореніи хоромъ словъ и фразъ, правильно произнесенныхъ лучшими учениками.

Вообще-же учитель обязанъ доводить учениковъ до отвѣтовъ ясныхъ, внятныхъ и логически вѣрныхъ. Эти отвѣты отдѣльныхъ учениковъ должны, особенно въ низшихъ классахъ, какъ можно чаще чередоваться съ отвѣтами ученическихъ группъ, по отдѣльнымъ скамьямъ, находящимся въ различныхъ отдѣленіяхъ и въ цѣлыхъ классахъ.

3. Такъ какъ хоровыя произнесенія словъ, предложеній и даже цѣлыхъ статей въ особенности необходимы въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, для большинства учащихся въ которыхъ русскій языкъ не есть родной, то поэтому я считаю не лишнимъ войти въ подробное разсмотрѣніе не только пользы, но даже необходимости хоровыхъ отвѣтовъ, а также хорового чтенія и произнесенія хоромъ выученныхъ наизусть статей.

а. Упражненіе учащихся въ умѣніи устно выражать свои мысли должно составлять главнѣйшую заботу школы; но при значительномъ числѣ учащихся въ классѣ, напр., при 40 ученикахъ, частыя упражненія ихъ въ устной передачѣ мыслей и словъ, каждымъ ученикомъ отдѣльно, не возможны, а такая невозможность ведетъ въ низшихъ классахъ къ не вполнѣ удовлетворительнымъ, а иногда даже и ограниченнымъ результатамъ, особенно *по языкамъ*, вновь изучаемымъ учащимися. Поэтому, для устраненія упомянутаго неудобства, или, по крайней мѣрѣ, для ослабленія вліянія его, не только полезно, но даже необходимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при правильномъ веденіи преподаванія различныхъ предметовъ и особенно вновь изучаемыхъ языковъ, а для туземцевъ—и русскаго, прибѣгать къ хоровому чтенію и произнесенію наизусть словъ, отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ статей.

Никто не станетъ спорить, что въ нашей памяти тѣмъ сильнѣе запечатлѣваются слова, отдѣльныя предложенія и выражаемыя ими понятія, чѣмъ сильнѣе они дѣйствуютъ на наши нервы посредствомъ органа слуха, котораго дѣятельность, въ свою очередь, находится въ прямой зависимости отъ источника звука. Поэтому, естественно, и въ памяти ученика незнакомыя ему слова, фразы и связанныя съ ними понятія запечатлѣваются *яснѣе*, *отчетливѣе и тверже тогда*, когда онъ будетъ слышать ихъ произносимыми хоромъ нѣсколькихъ человѣкъ, и притомъ произносимыми ясно и отчетливо, *нежели тогда*, когда онъ слышитъ ихъ произнесенными однимъ ученикомъ, или даже и учителемъ, нерѣдко отдѣленными отъ него значительнымъ разстояніемъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ многіе оттѣнки звуковъ незнакомыхъ словъ нерѣдко для большинства учениковъ теряются, отчего они и не въ состояніи выговаривать эти слова надлежащимъ образомъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить и то неправильное произношеніе, замѣчаемое у нашихъ учениковъ, отъ котораго они не могутъ отрѣшиться въ теченіе всего гимназическаго курса, несмотря на ихъ собственныя усилія и усилія учителей. Если рѣчь, произносимая на родномъ языкѣ слушателей, производитъ сильное на нихъ впечатлѣніе тогда, когда она произносится громко и отчетливо, то соблюденіе сего послѣдняго условія еще болѣе необходимо для запечатлѣнія въ памяти дѣтей словъ и фразъ чуждаго имъ языка, съ звуками котораго они не освоились. Вотъ почему хоровое произнесеніе словъ и фразъ, неизвѣстныхъ ученику и особенно относящихся къ языку иностранному, не только полезно, но даже *необходимо для усвоенія этого языка.* Но если хоровое произнесеніе словъ и фразъ необходимо для усвоенія отдѣльными учениками надлежащаго ихъ выговора, то оно еще болѣе необходимо для укрѣпленія въ памяти полученныхъ учащимися впечатлѣній. Усвоеніе незнакомыхъ словъ, фразъ и изреченій, равно какъ и правильное произношеніе ихъ, особенно при начальномъ изученіи языка, возможно только при частомъ громкомъ и отчетливомъ произнесеніи ихъ, а это, при значительномъ числѣ учащихся, возможно при произнесеніи ихъ *хоромъ*, и только иногда отдѣльными учениками. Въ домашнемъ быту дѣти скоро изучаютъ иностранный языкъ потому, что пріобрѣтаютъ отъ учителя или учительницы впечатлѣнія иностранныхъ звуковъ, имѣя полную возможность отчетливо слышать ихъ, и укрѣпляютъ эти впечатлѣнія посредствомъ частаго повторенія слышаннаго. Подобнымъ-же естественнымъ способомъ могутъ быть достигнуты результаты лучшаго усвоенія знанія нѣкоторыхъ предметовъ, и особенно новыхъ языковъ, при правильныхъ хоровыхъ упражненіяхъ учащихся въ школѣ при изученіи ими незнакомыхъ для нихъ

словъ, фразъ и цѣлыхъ статей. Такой способъ изученія, особенно неизвѣстнаго учащимся языка, можно назвать естественнымъ, въ противоположность нынѣ существующему, при которомъ ученикъ получаетъ отъ учителя неясныя звуковыя впечатлѣнія, находясь отъ него нерѣдко на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, и укрѣпляетъ эти впечатлѣнія, употребляя среднимъ числомъ ежедневно на произнесеніе иностранныхъ словъ и фразъ менѣе *одной минуты въ сутки*. При такомъ способѣ нельзя удивляться тѣмъ обыкновеннымъ явленіямъ въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ, что ученикъ, оканчивающій курсъ, не только выходитъ изъ училища съ слабыми познаніями по языкамъ, которые онъ изучалъ въ теченіе семи-восьми лѣтъ, и особенно съ полнымъ неумѣніемъ выражать свои мысли устно, но нерѣдко забываетъ и тотъ иностранный разговорный языкъ, съ знаніемъ котораго онъ поступилъ въ заведеніе. Это явленіе до такой степени обыкновенно въ нашихъ заведеніяхъ, что между русскими педагогами даже укоренилось убѣжденіе, что наши гимназіи должны отказаться отъ мысли научить своихъ, даже выпускныхъ, учениковъ выражать свои мысли письменно и устно на новыхъ языкахъ. Такое убѣжденіе есть не что иное, какъ педагогическій предразсудокъ, укоренившійся въ насъ *вслѣдствіе несостоятельности нашихъ способовъ преподаванія новыхъ языковъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если признается необходимымъ по требованію учебныхъ плановъ, изданныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а слѣдовательно и возможнымъ, чтобы оканчивающіе въ мужскихъ гимназіяхъ курсъ ученики выносили *полное знаніе этимологіи и синтаксиса, отчетливое пониманіе довольно трудныхъ авторовъ и умѣніе* довольно правильно переводить съ русскаго языка на изучаемый (все это требуется учебными планами), то возможно-ли, чтобы тѣ-же самые ученики не въ состояніи были выражать устно и письменно свои мысли—болѣе простые, чѣмъ у «довольно трудныхъ авторовъ»? Развѣ такое выраженіе не будетъ переводомъ съ русскаго языка на иностранный? Развѣ текстъ, выражающій простую, большею частью, мысль ученика, будетъ труднѣе текста какого-либо изъ нашихъ писателей, напр., Гоголя, Пушкина, Карамзина и другихъ, отрывки сочиненій которыхъ обыкновенно назначаются для перевода ученикамъ? Нѣтъ, нужно допустить одно изъ двухъ: или что ученики, оканчивающіе курсъ, въ состояніи дѣйствительно довольно правильно переводить съ русскаго языка на иностранный легкія статьи историческаго и повѣствовательнаго содержанія, написанныя извѣстными авторами,—въ такомъ случаѣ они должны быть въ состояніи устно и письменно выражать и свои мысли еще болѣе легкаго содержанія (вѣдь ученики, оканчивающіе курсъ гимназіи, не говорятъ ученымъ, философскимъ языкомъ), т.-е. должны,

хотя-бы и медленно, говорить, а слѣдовательно и писать на языкахъ, которые были ими изучаемы въ теченіе 7—8 лѣтъ; или-же слѣдуетъ допустить, что грамматическія познанія учениковъ, пониманіе ими не только трудныхъ, но и легкихъ авторовъ и умѣніе довольно правильно переводить съ русскаго языка на изучаемый иностранный, а также лексическій матеріалъ, пріобрѣтенный ими въ теченіе столь продолжительнаго времени, такъ ничтожны, что они не въ состояніи выразить устно и письменно на изучаемомъ языкѣ и своихъ простыхъ мыслей. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ сознаться, что въ большей части нашихъ среднихъ заведеній такъ и бываетъ: наши ученики въ самостоятельныхъ письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на иностранный обнаруживаютъ незнаніе грамматики и самое слабое обладаніе лексическимъ матеріаломъ, а потому, весьма естественно, они не въ состояніи выражать и своихъ простыхъ мыслей—не только устно, но и письменно. По убѣжденію нашихъ преподавателей новыхъ языковъ, умѣніе ученика выражать свои *простыя мысли* устно или письменно должно составлять, такъ сказать, вѣнецъ теоретическаго изученія имъ языка, т.-е. грамматики, тогда какъ, по естественному ходу развитія рѣчи у дѣтей и юношей, такое умѣніе должно служить основаніемъ языкоученія: *мысли дѣтей, находящихся въ низшихъ классахъ, такъ просты*, а слѣдовательно, нуждаются для выраженія ихъ на изучаемомъ языкѣ въ такомъ незначительномъ запасѣ словъ и формъ, что, при раціональномъ веденіи преподаванія, онѣ могутъ быть выражаемы учениками по истеченіи одного, а много двухъ лѣтъ правильнаго изученія ими языка. Только при такой постановкѣ преподаванія новыхъ языковъ будетъ достигнуто и требуемое умѣніе довольно *правильно переводить съ русскаго языка на изучаемый языкъ, отчетливое пониманіе довольно трудныхъ авторовъ и полное знаніе этимологіи и синтаксиса*; и только такимъ образомъ время, назначенное на изученіе учениками новыхъ языковъ, не будетъ временемъ, почти напрасно потраченнымъ, какъ это нерѣдко бываетъ теперь, во вредъ не только пріобрѣтенію необходимыхъ знаній по языкамъ, но и въ ущербъ достиженію цѣли воспитанія и развитія духовныхъ силъ ученика. Обыкновенно преподаватели новыхъ языковъ объясняютъ недостаточное знаніе учениками преподаваемыхъ ими языковъ незначительнымъ числомъ уроковъ, назначенныхъ на эти предметы. Но это объясненіе нельзя признать заслуживающимъ уваженія, во-первыхъ, потому что и въ реальныхъ училищахъ, въ которыхъ назначено гораздо больше уроковъ на новые языки, результаты получаются почти въ такой-же мѣрѣ неудовлетворительные, какъ и въ гимназіяхъ, и во-вторыхъ, въ гимназіяхъ преподаются древніе языки, правильное изученіе ко-

торыхъ, особенно латинскаго языка, можетъ имѣть вліяніе на усвоеніе учениками новыхъ языковъ, особенно французскаго. Успѣхи учениковъ по новымъ языкамъ могутъ подняться не посредствомъ увеличенія числа уроковъ, а посредствомъ улучшенія способовъ преподаванія, которое должно быть *болѣе естественнымъ, правильнымъ и соотвѣтствующимъ развитію духовныхъ силъ учащихся.*

Изъ вышеизложеннаго видно, что, a) такъ какъ первымъ шагомъ при изученіи учащимися новаго языка должно служить, главнымъ образомъ, изученіе ими живой рѣчи и пріученіе ихъ къ умѣнію выражать на изучаемомъ языкѣ не только чужія мысли, ими усвояемыя, но и свои, то на такое изученіе и должно быть обращено особое вниманіе и, главнымъ образомъ, въ первые годы обученія языку; b) такъ какъ для запечатлѣнія въ памяти иностранныхъ словъ и отдѣльныхъ мыслей, выраженныхъ словесно, необходимо громкое, ясное и отчетливое произнесеніе ихъ, то посему въ классахъ, особенно многолюдныхъ, необходимо должны быть примѣняемы *хоровое чтеніе* и *хоровое произношеніе словъ, фразъ и отдѣльныхъ статей*; c) такъ какъ укрѣпленіе полученныхъ звуковыхъ впечатлѣній въ памяти и умѣніе ясно и свободно выговаривать усвоенныя иностранныя слова, фразы и отдѣльныя статьи достигаются учениками посредствомъ частаго и громкаго повторенія правильно усвоенныхъ звуковъ и соединенныхъ съ ними понятій, то возможно частое хоровое чтеніе предварительно понятыхъ статей и хоровое произнесеніе отдѣльныхъ словъ и фразъ и цѣлыхъ, сознательно усвоенныхъ статей должно составлять неотъемлемую принадлежность раціональнаго преподаванія новыхъ языковъ и особенно при занятіяхъ ими въ низшихъ классахъ.

Все вышеизложенное опредѣляетъ цѣль хоровыхъ упражненій. Независимо сего, такія упражненія весьма полезны и для быстраго контроля за тѣмъ, насколько хорошо ученики многолюднаго класса приготовляютъ статьи, назначенныя имъ для выучиванія наизусть, или-же для чтенія. Опытный учитель, и притомъ умѣющій правильно вести хоровыя упражненія, при произнесеніи статьи учениками хоромъ, легко замѣтитъ, подобно хорошему капельмейстеру, кто изъ нихъ не принимаетъ дѣятельнаго участія въ произнесеніи статьи, или-же принимаетъ таковое неумѣло, и такимъ образомъ въ самое короткое время онъ узнаетъ, кто изъ нихъ не приготовилъ ея надлежащимъ образомъ. Для болѣе точнаго убѣжденія въ усвоеніи учениками знаній, онъ можетъ требовать чтенія или произнесенія статей наизусть группами учащихся, сидящихъ на одной или нѣсколькихъ скамьяхъ. Произнесеніе или чтеніе отдѣльными учениками можетъ быть также допускаемо для окончательной по-

вѣрки, или же для исправленія ошибокъ, сдѣланныхъ тѣми или другими изъ нихъ.

б. О томъ, что должно служить предметомъ хоровыхъ упражненій, и о способѣ ихъ веденія.

Такъ какъ хоровыя упражненія суть такія упражненія, которыя выполняются совмѣстно и одновременно нѣсколькими или даже всѣми учащимися цѣлаго класса, то отсюда видно, что предметомъ хоровыхъ упражненій могутъ служить: чтеніе хоромъ статьи или частей ея, правильное произнесеніе хоромъ отдѣльныхъ словъ или фразъ, для запечатлѣнія ихъ въ памяти учащихся, и произнесеніе наизусть такихъ статей, которыя учениками выучены. Поэтому хоровыя упражненія должны быть допускаемы не только по языкамъ, но иногда и по *другимъ предметамъ*, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая ошибочно произнесенная фраза должна быть усвоена въ произнесеніи ея правильно.

Хоровыя упражненія будутъ полезны только тогда, когда *будутъ ведены правильно*, т. е. когда чтеніе или произнесеніе наизусть будетъ производиться совмѣстно большею или меньшею группою учащихся и притомъ совершенно одновременно. Сверхъ того, хоровое чтеніе или произнесеніе наизусть выученной статьи должно удовлетворять требованіямъ не только правильнаго выговора и произнесенія отдѣльныхъ словъ, но и требованіямъ правильной интонаціи, необходимой для достиженія выразительности въ чтеніи: всѣ логическія ударенія, при хоровомъ чтеніи, должны быть *соблюдаемы съ пониманіемъ такихъ ударeній*, а также должны быть соблюдаемы остановки и ускоренія въ чтеніи, требуемыя знаками препинанія и соотвѣтствующія смыслу и чувствамъ, выраженнымъ въ статьѣ. Для оцѣнки результатовъ хороваго чтенія, учитель долженъ измѣнять составъ группъ по числу и качеству учащихся, а также прибѣгать по временамъ и къ чтенію или произнесенію наизусть отдѣльными учениками, особенно слабѣйшими.

в. Съ учениками какихъ классовъ слѣдуетъ вести хоровыя упражненія?

Изъ самаго назначенія и цѣли хоровыхъ упражненій можно видѣть, къ какимъ ученикамъ и въ какихъ классахъ можно примѣнять хоровыя упражненія. Такъ какъ назначеніе этихъ упражненій заключается въ развитіи среди учениковъ правильнаго произношенія и вообще возможнаго умѣнія пользоваться живою рѣчью изучаемаго языка, то поэтому такія упражненія не могутъ быть ограничиваемы тѣмъ или другимъ классомъ, но ими слѣдуетъ пользоваться болѣе или менѣе сообразно со степенью меньшаго или большаго усвоенія рѣчи изучаемаго языка.

Если учитель исполняетъ свою обязанность не формально, а стремится къ тому, чтобы его работа не осталась безслѣдною для цѣлаго класса, тогда онъ каждую исправленную фразу, произнесенную ошибочно какимъ-нибудь ученикомъ, обязанъ заставить повторить всѣмъ классомъ, будетъ-ли этотъ классъ низшій или высшій; тогда совершенно незамѣтно количество познаній всѣхъ учащихся по языку будетъ постепенно увеличиваться, не говоря уже о томъ, что ученики при такомъ веденіи занятій усвоятъ убѣжденіе въ необходимости имъ всѣмъ быть внимательными, и что учитель, спрашивая какого-нибудь одного ученика, не занимается съ нимъ однимъ, а ведетъ занятія съ цѣлымъ классомъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что хоровыя упражненія необходимы для развитія въ учащихся умѣнія правильно выражать свои мысли на какомъ-бы то ни было языкѣ, и особенно на чужомъ, ими изучаемомъ. Такія упражненія на семъ послѣднемъ съ пользою замѣнятъ практику говора на этомъ языкѣ, если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, отчасти. При частомъ употребленіи хоровыхъ упражненій на урокахъ языковъ, пассивная дѣятельность учащихся и бездѣйствіе ихъ, нерѣдко замѣчаемыя теперь, замѣнятся активною дѣятельностью, которая будетъ способствовать къ возбужденію въ нихъ охоты къ занятіямъ языками и сознанія въ усвоеніи ихъ, такъ какъ при правильныхъ хоровыхъ упражненіяхъ неуспѣхъ учениковъ по языкамъ можно считать такъ-же невозможнымъ, какъ невозможно недостиженіе дѣтьми умѣнія говорить на языкѣ, на которомъ говорятъ ихъ окружающіе.

Если хоровыя упражненія необходимы вообще, то они въ особенности необходимы въ кавказскихъ заведеніяхъ, въ которыхъ много туземцевъ, изучающихъ не только языкъ русскій, какъ иностранный, но еще и нѣсколько другихъ языковъ.

г. Мнѣнія нѣкоторыхъ педагоговъ о хоровыхъ отвѣтахъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ, въ подтвержденіе важности хоровыхъ упражненій при классныхъ занятіяхъ, привести мнѣнія объ этомъ пріемѣ преподаванія нѣкоторыхъ извѣстныхъ педагоговъ.

Особенно любопытно мнѣніе о хоровыхъ отвѣтахъ знаменитаго Гербарта, вынесенное имъ изъ посѣщенія одной швейцарской школы, въ которой преподаваніе ведено было такимъ-же, какъ и онъ, знаменитымъ педагогомъ—Песталоцци. По желанію Гербарта, располагавшаго весьма краткимъ временемъ для осмотра помянутой школы, ученики созваны были въ неурочное время, вечеромъ. Гербартъ опасался, что опытъ, который онъ явился наблюдать, не удастся. Приближаясь къ школѣ, онъ услышалъ «шумъ отъ общаго чтенія цѣлаго класса», но скоро онъ нашелъ, что то былъ «не шумъ, а ак-

корды словъ, весьма явственные, какъ пѣніе стройнаго хора, и столь-же сильные, столь-же твердо сочетающіеся и опредѣленно останавливающіеся на томъ, что разучивалось», такъ что Гербартъ, войдя въ классъ, самъ едва не сдѣлался однимъ изъ участниковъ въ чтеніи. Онъ обошелъ классъ кругомъ, чтобы послушать, не молчитъ-ли кто-либо изъ учениковъ, или-же не произноситъ-ли небрежно, но не нашелъ ничего подобнаго. Школа была швейцарская, и ученики въ семьяхъ не могли пріобрѣсти чистаго произношенія, притомъ-же и самъ Песталоцци произносилъ нѣкоторые звуки невнятно; тѣмъ удивительнѣе было то, что услышалъ Гербартъ. Успѣхъ этихъ занятій объясненъ Гербартомъ такимъ образомъ: «хоровое чтеніе въ тактъ само собою обусловливаетъ чистое произношеніе, потому что ни одинъ слогъ не можетъ быть поглощенъ, каждая буква произносится въ свое время, и такимъ образомъ самъ собою формируется выговоръ ребенка, постоянно говорящаго громко, соотвѣтственно силѣ его голоса». Гербартъ не оставилъ также безъ объясненія причину, почему ученики Песталоцци занимались въ классѣ съ напряженнымъ и неослабнымъ вниманіемъ, а именно: онъ нашелъ, «что у каждаго ученика были заняты и ротъ, и руки; бездѣйствіе и молчаніе не налагались извнѣ ни на кого. Поводъ къ разсѣянности такимъ образомъ былъ уничтоженъ; естественное вниманіе не могло уклоняться въ сторону, потому что этого не дозволялъ общій ходъ хоровыхъ отвѣтовъ».

Б. Шмидтъ говоритъ (см. Encyclopädie, т. IV, стр. 171), что хоровые отвѣты составляютъ превосходнѣйшее средство въ языкоученіи. Классъ занимается при хоровомъ обученіи живѣйшимъ образомъ. Содержаніе для хоровыхъ отвѣтовъ должно быть учителемъ надлежащимъ образомъ подготовлено заранѣе и, по возможности, написано *ученикамъ на доскѣ или показано въ книгѣ*. При обученіи произношенію, въ особенности слѣдуетъ прибѣгать къ хоровымъ отвѣтамъ, при чемъ учитель долженъ сначала говорить самъ, а ученики за нимъ повторять до тѣхъ поръ, пока ученики не выучатся произносить безошибочно. Къ сожалѣнію, многіе учителя заставляютъ учениковъ читать сначала самихъ, затѣмъ поправляютъ ихъ и, наконецъ, уже заставляютъ повторять по поправленному. Это служитъ не только къ потерѣ времени и труда, но и значительно затрудняетъ обученіе, потому что ученикъ, ошибочно произнося выраженіе и въ то-же время ошибочно воспринимая его посредствомъ слуха, укореняетъ ошибку въ памяти. Несравненно *полезнѣе предупреждать ошибки, нежели поправлять.*

Правда, что дѣланіе ошибокъ имѣетъ и нѣкоторую хорошую сторону въ педагогическомъ и въ дидактическомъ отношеніяхъ; но вѣдь и при самомъ ревностномъ желаніи предупреждать ошибки, послѣд-

нія все-таки будутъ встрѣчаться въ немаломъ количествѣ. Нѣкоторые учителя однако-жъ отвергаютъ хоровые отвѣты и пренебрегаютъ обращаться къ нимъ, и въ оправданіе свое приводятъ слѣдующее: 1) «Хоровые отвѣты поглощаютъ много времени». Это невѣрно, если принять въ соображеніе, что каждый ученикъ долженъ каждое слово произнести самъ; такъ какъ одно смотрѣніе въ книгу или на доску и слушаніе произносимыхъ словъ при изученіи языка недостаточно, то скорѣе *способъ хоровыхъ отвѣтовъ долженъ быть признанъ содѣйствующимъ къ сбереженію времени.* 2) «Легко скрадываются при хоровыхъ отвѣтахъ ошибки; притомъ-же нѣкоторые ученики произносятъ слова совершенно механически, ничего не думая». Учитель долженъ заставлять учениковъ всякій разъ, какъ понадобится, смотрѣть ему въ ротъ; напр., чтобы заставить учениковъ правильно произнести слово «la lampe», учитель не только пишетъ на доскѣ am—an и указываетъ ученикамъ на написанное, но еще прибавляетъ: «Смотрите на меня! Откройте ротъ такъ, какъ я». Равнымъ образомъ, внимательный учитель легко замѣтитъ послѣ перваго-же упражненія, всѣ-ли ученики произносятъ правильно: ни одна ошибка, сдѣланная на среднихъ или заднихъ скамьяхъ, не ускользнетъ отъ его вниманія. Впрочемъ, само собою разумѣется, что ученики должны быть спрашиваемы и въ одиночку; учитель можетъ заставлять повторять того или другого ученика (всякій разъ, какъ окажется нужнымъ)—для полнаго удостовѣренія, что всѣ ученики произносятъ читаемое правильно. Механическое, безсознательное, сонливое повтореніе,—говоритъ Шмидтъ,—при хоровыхъ занятіяхъ я замѣчалъ рѣдко. Общее занятіе учениковъ цѣлаго класса имѣетъ нѣчто столь *оживляющее*, *ободряющее*, что учителю скорѣе приходится сдерживать слишкомъ бойкихъ учениковъ, нежели расшевеливать сонливыхъ. 3) «Продолжительное произнесеніе громкимъ голосомъ тяжело для учителя». Это замѣчаніе частью справедливо въ отношеніи къ тѣмъ учителямъ, которые владѣютъ слабымъ голосомъ и которымъ приходится давать урока по четыре сряду въ низшихъ классахъ. Но при хоровыхъ упражненіяхъ, учителю нѣтъ надобности говорить слишкомъ громко; онъ даже сдѣлаетъ лучше, если будетъ говорить негромко, чтобы заставить учениковъ слушать внимательнѣе, навострить уши. Наконецъ, если и есть какіе-нибудь недостатки при хоровыхъ упражненіяхъ, заключаетъ Шмидтъ, все таки достоинства этого способа столь велики, что заставляютъ позабыть о недостаткахъ, въ виду того, что при этомъ способѣ работаетъ весь классъ, какъ одинъ человѣкъ.

4. Для основательнаго усвоенія учащимися знаній лучшимъ средствомъ служитъ для нихъ такъ-называемая самодѣятельность, съ помощью которой, кромѣ пріобрѣтенія основательныхъ знаній, пра-

вильно развиваются умственныя силы учащихся, охота къ научнымъ занятіямъ, любовь къ наукѣ, а также сила воли и твердость убѣжденій. Все это пріобрѣтается или, точнѣе, должно пріобрѣтаться въ правильно организованной школѣ посредствомъ активной дѣятельности или самодѣятельности, въ противоположность дѣятельности пассивной, къ сожалѣнію, господствующей въ школѣ вообще и въ особенности въ нашей русской, какъ низшей и средней, такъ и высшей. Что касается пассивной дѣятельности учащихся, то она вызывается многопредметностью и производитъ переутомленіе—результатъ 5—6 часовыхъ непрерывныхъ пассивныхъ занятій въ школѣ и поверхностныхъ домашнихъ занятій, продолжающихся нерѣдко столько-же времени. Эта-то пассивная дѣятельность, ведущая къ поверхностному образованію, и готовитъ обществу тѣхъ недовольныхъ общественнымъ порядкомъ недоучекъ, проникнутыхъ самомнѣніемъ, которые, благодаря своей безхарактерности, часто попадаютъ въ ряды враговъ общественнаго порядка.

Итакъ, развитіе правильной осмысленной самодѣятельности учащихся должно служить главнымъ качествомъ хорошаго учебнаго заведенія. Само собою разумѣется, что безсознательное выучиваніе уроковъ, по назначенію учителей, какъ то бывало прежде, да нерѣдко случается и теперь, будетъ тоже самодѣятельностью, но только самодѣятельностью неосмысленною, притупляющею умственныя способности. Вотъ почему руководство учащихся со стороны разумныхъ учителей педагоговъ для пріученія ихъ къ правильной самодѣятельности такъ необходимо, особенно въ среднихъ заведеніяхъ. Вотъ почему такъ необходимо и приготовленіе учителей—дѣйствительныхъ педагоговъ, которые рѣдки вообще, а у насъ въ особенности. Но такъ какъ приготовленіе учениками домашнихъ работъ—или въ видѣ устнаго приготовленія уроковъ, или въ видѣ письменныхъ работъ, какъ-то: переводовъ съ иностранныхъ языковъ, рѣшенія задачъ, сочиненій и пр., составляетъ одно изъ главныхъ проявленій самодѣятельности учащихся, то посему всякая разумная и честная педагогическая коллегія каждаго благоустроеннаго учебнаго заведенія должна обращать особенное вниманіе на такое проявленіе и давать ему надлежащее направленіе.

5. Домашнія работы, приготовляемыя въ видѣ усвоенія прочитаннаго или въ видѣ заучиванія для устнаго изложенія, равно какъ и письменныя работы, только тогда будутъ полезны для учениковъ, когда будутъ ими исполнены сознательно, тщательно, аккуратно и безъ грубыхъ ошибокъ въ отношеніяхъ грамматическомъ, логическомъ и каллиграфическомъ. Такого качества работъ ученики могутъ достигнуть при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: во-1-хъ, когда работы, назначаемыя для домашняго приготовленія, будутъ посильны для

нихъ, достаточно обдуманы и, если нужно, предварительно разобраны подъ руководствомъ учителя, и во-2-хъ, когда число домашнихъ работъ, назначенныхъ на одинъ вечеръ, будетъ незначительно, не болѣе 3-хъ, какъ это практикуется въ Кавказскомъ учебномъ округѣ. Это необходимо для того, чтобы ученикъ имѣлъ полную возможность сосредоточить свое вниманіе на небольшомъ числѣ работъ и исполнить ихъ наилучшимъ образомъ, не разстраивая здоровья. Очевидно, что это послѣднее условіе недостижимо при назначеніи всѣми учителями домашнихъ работъ устныхъ, а иногда и письменныхъ: при такомъ назначеніи всегда качество работъ будетъ приноситься въ жертву количеству, со всѣми послѣдствіями, вредными для воспитанія.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, начиная съ 1879 года, примѣняется правило, требующее для домашнихъ занятій не болѣе 3-хъ работъ, устныхъ и письменныхъ вмѣстѣ, какъ объ этомъ уже было упомянуто. Чтобы опредѣлить, по какимъ предметамъ и въ какіе дни должны быть назначаемы домашнія работы, для этого составляется распредѣленіе уроковъ въ классныхъ коммиссіяхъ и въ этомъ распредѣленіи дѣлается обозначеніе предметовъ, по которымъ ученики должны готовить домашнія работы. Продолжительный опытъ подтвердилъ цѣлесообразность такого правила. Вслѣдствіе примѣненія онаго, округъ достигъ, по успѣшности въ ученіи и воспитанности своихъ учениковъ, такого уровня, который, во всякомъ случаѣ, стоитъ не ниже подобнаго уровня въ среднихъ заведеніяхъ другихъ округовъ, несмотря на то, что Кавказскій округъ поставленъ, сравнительно съ другими округами, въ болѣе неблагопріятное положеніе по составу учащихся, по причинѣ ихъ разноплеменности, разноязычія и иновѣрія.

6. *Письменныя* работы, особенно домашнія, имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія юношества въ учебныхъ заведеніяхъ; поэтому я считаю нужнымъ указать на тѣ педагогическіе принципы, которыми должны руководствоваться педагогическіе совѣты и начальства заведеній, при назначеніи ученикамъ письменныхъ работъ.

1) Во всякомъ преподаваніи,—говоритъ Дейнгардъ въ «Педагогической энциклопедіи» Шмидта (т. I, стр. 313),—наблюдаются двѣ стороны, изъ которыхъ одна заключается въ сообщеніи учащимся свѣдѣній, а другая—въ пріученіи ихъ къ переработкѣ этихъ свѣдѣній до полнаго знанія о предметѣ. Сообщаемыя преподавателемъ свѣдѣнія воспринимаются учащимися посредствомъ дѣятельности ума и памяти. Переработка-же этихъ свѣдѣній въ полное знаніе и умѣніе пользоваться ими для рѣшенія разныхъ задачъ производится, при помощи сужденія, посредствомъ практическихъ упражненій. При обученіи, напр., латин-

скому языку, ученикъ долженъ усвоить законы языка не только посредствомъ примѣровъ, но онъ долженъ пріобрѣсть еще навыкъ, посредствомъ соотвѣтствующихъ переводовъ, къ практическому примѣненію этихъ законовъ; при обученіи геометріи, недостаточно знаніе теоремъ и умѣніе доказывать ихъ, но необходимо еще умѣніе примѣнять эти теоремы къ рѣшенію соотвѣтствующихъ задачъ. Такимъ образомъ, при преподаваніи должно быть сообщаемо учащимся не только знаніе, но и умѣніе, при чемъ знаніе становится только тогда живымъ и дѣйствительнымъ, если оно пріобрѣтается посредствомъ многостороннихъ практическихъ упражненій, равно какъ, съ другой стороны, и умѣніе тогда лишь становится научнымъ и отличается отъ обыкновеннаго ремесла, когда основано на прочномъ знаніи.

Практическія упражненія, посредствомъ которыхъ знаніе перерабатывается въ умѣнье, бываютъ устныя и письменныя. Письменныя, требуя на свое исполненіе значительно болѣе времени, чѣмъ устныя, содѣйствуютъ сосредоточенію мышленія на предметѣ и углубленію въ сущность его, а также къ пріученію излагать мысли въ послѣдовательномъ порядкѣ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по ходу преподаванія требуется остановить вниманіе учащихся на предметѣ, съ цѣлью прочнаго запечатлѣнія его въ сознаніи учащагося, эта цѣль лучше всего достигается посредствомъ письменныхъ упражненій. Сверхъ сего, письменныя работы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., при рѣшеніи разнаго рода задачъ и при разработкѣ темъ, служатъ лучшимъ средствомъ *къ развитію самодѣятельности учащихся.* Такимъ образомъ, письменныя работы, какъ классныя, такъ и домашнія, должны составлять необходимѣйшую часть преподаванія, оставленіе коей безъ должнаго вниманія, не говоря уже о пренебреженіи ею, не можетъ не отозваться вредомъ на успѣхахъ всего преподаванія.

2) Письменныя работы, какъ классныя, такъ и домашнія, составляя могущественное средство для укрѣпленія познаній, сообщаемыхъ учащимся, и для развитія въ нихъ самодѣятельности, должны относиться, въ большей или меньшей мѣрѣ, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ заведеній, ко всѣмъ предметамъ учебнаго курса, и притомъ, по возможности, ко всѣмъ классамъ.

3) Онѣ должны отличаться возможно лучшимъ исполненіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, а для этого должны соотвѣтствовать силамъ учащихся, какъ физическимъ, такъ и умственнымъ, и поэтому должны быть основаны на усвоенныхъ учениками знаніяхъ, т. е. каждая письменная работа должна быть исполняема учениками только тогда, когда учитель доведетъ ихъ до умѣнія исполнить ее. Такимъ образомъ, къ *диктовкѣ* какой-нибудь статьи учитель обязанъ приступить только тогда, когда онъ убѣдится, что ученики

понимаютъ эту статью, умѣютъ ее разсказать, укажутъ отдѣльныя въ ней мысли и скажутъ, какъ слѣдуетъ писать тѣ или другія труднѣйшія слова. Подобнымъ-же образомъ, упражненіямъ въ экстемпораліяхъ по языкамъ должно предшествовать пониманіе учениками русскаго текста, взаимныхъ отношеній разныхъ предложеній и отдѣльныхъ словъ и примѣненіе тѣхъ или другихъ грамматическихъ правилъ. Рѣшенію математической задачи должно предшествовать ясное пониманіе ея условій и умѣніе выразить эти условія математическими формулами и уравненіями. Вообще, всякой письменной работѣ должны предшествовать вопросы учителя и отвѣты учениковъ, касающіеся этой работы, и притомъ отвѣты ихъ, показывающіе, что они доведены до умѣнія исполнять ее какъ слѣдуетъ. Только при такой постановкѣ письменныхъ упражненій эти послѣднія не будутъ служить пыткою для учащихся, безъ всякой для нихъ пользы; при такой обстановкѣ они не будутъ переполнены множествомъ ошибокъ, которыя служатъ признакомъ неумѣнія учителя руководить этими работами, и только при такой постановкѣ письменныя упражненія будутъ служить къ укрѣпленію познаній, усвоенныхъ учащимися. По мнѣнію Шрадера, вредное психическое вліяніе всегда замѣчается въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ въ низшихъ и среднихъ классахъ задаютъ ученикамъ приготовить самостоятельно, безъ предварительнаго наведенія, большіе уроки, или когда требуютъ исполненія безполезныхъ письменныхъ переводовъ, запутанныхъ математическихъ задачъ и пр. Вообще, *непосильныя работы утомляютъ умъ и энергію въ ученикѣ.*

Что касается работъ, задаваемыхъ учителемъ безъ предварительной къ нимъ подготовки, то и онѣ могутъ быть назначаемы, но только въ томъ случаѣ, когда учитель желаетъ узнать по письменнымъ работамъ, до какой степени познаній достигли его ученики по преподаваемому имъ предмету; значитъ, послѣдняго рода работы будутъ имѣть характеръ болѣе экзаменаціонный, тогда какъ работы съ предварительною устною подготовкою будутъ письменными учебными работами, съ цѣлью болѣе основательнаго усвоенія учениками свѣдѣній, преподанныхъ учителемъ. Уже самое различіе въ характерѣ письменныхъ работъ 1-го и 2-го рода указываетъ и на разницу въ количествѣ тѣхъ и другихъ. Работы съ *предварительною* къ нимъ подготовкою должны быть сколько возможно частыми, даже онѣ могутъ быть исполняемы во время каждаго урока, если это окажется возможнымъ; тогда какъ *экзаменаціонныя* должны быть назначаемы какъ можно рѣже, напр., по одному разу въ два мѣсяца, и ни въ какомъ случаѣ не чаще одного раза въ мѣсяцъ.

4) Письменныя работы могутъ быть классными и домашними

Первыя, какъ вспомогательныя въ большинствѣ случаевъ, должны быть исполняемы сколько возможно чаще и назначеніе ихъ предоставляется усмотрѣнію преподавателей. Вторыя-же, для тщательнаго ихъ исполненія, должны быть назначаемы гораздо рѣже, и, во всякомъ случаѣ, ученикамъ не слѣдуетъ назначать болѣе одной письменной работы на одинъ вечеръ, при двухъ урокахъ, заданныхъ для устнаго приготовленія. Какъ объ этомъ мы уже говорили, письменныя работы, требующія ознакомленія съ нѣкоторыми сочиненіями, напр., письменное изложеніе содержанія какого-нибудь большого сочиненія, русскаго или иностраннаго, и вообще такія работы, которыя требуютъ болѣе продолжительнаго, неспѣшнаго и притомъ внимательнаго труда учащихся, должны быть назначаемы на болѣе продолжительный срокъ— на время отъ 1-го до 2-хъ мѣсяцевъ по одной работѣ. Но и домашнимъ письменнымъ работамъ должна предшествовать подготовка къ нимъ учениковъ, такъ чтобы они ясно понимали, въ чемъ должны состоять эти работы и какъ они ихъ могутъ исполнить. Иногда случается требовать отъ учениковъ *устно* изложить въ классѣ задуманное ими сочиненіе на извѣстную тему и потомъ требовать отъ нихъ изложенія онаго письменно. Распредѣленіе домашнихъ работъ по ихъ количеству, по учебнымъ предметамъ, размѣру и днямъ каждой недѣли предоставляется класснымъ коммиссіямъ, которыя обязаны составлять такія распредѣленія за мѣсяцъ или за два мѣсяца впередъ, начиная съ начала учебнаго года. Недоразумѣнія, если-бы такія возникли въ классныхъ коммиссіяхъ при составленіи распредѣленія, разрѣшаются въ общемъ собраніи педагогическаго совѣта.

5) Всѣ письменныя работы учащихся, какъ классныя, такъ и домашнія, должны обладать возможно лучшими качествами во всѣхъ отношеніяхъ.

Съ этой цѣлью рекомендуютъ слѣдующія правила: a) просмотръ классными наставниками всѣхъ работъ въ своихъ классахъ. Эта мѣра была-бы весьма полезна, если-бы она постоянно примѣнялась, хотя-бы даже въ длинные премежутки времени, напр., въ 1 или 2 мѣсяца по одному разу. Въ осмотрѣ классными наставниками тетрадей учениковъ низшихъ классовъ долженъ принимать участіе и учитель чистописанія, который, руководствуясь замѣченными имъ каллиграфическими недостатками, обязанъ вести свои уроки въ классахъ, въ которыхъ преподается чистописаніе, такимъ образомъ, чтобы эти недостатки были устраняемы; b) введеніе хорошихъ готовыхъ тетрадей, съ раздачею ихъ бѣднымъ ученикамъ даромъ, на томъ основаніи, что на хорошихъ тетрадяхъ ученикъ всегда пишетъ старательнѣе и больше заботится объ ихъ сбереженіи; c) употребленіе въ классахъ чернильницъ отъ заведеній, вдѣланныхъ въ ученическіе столы; d) единство требованій хорошаго качества работъ

со стороны всѣхъ преподавателей безъ исключенія и принятія всѣми ими необходимыхъ мѣръ къ достиженію такого качества. Наконецъ, е) такъ какъ способности и подготовка къ исполненію вообще всѣхъ домашнихъ работъ, а письменныхъ въ частности, не одинаковы у различныхъ учениковъ, поэтому не слѣдуетъ назначать ихъ всѣмъ ученикамъ одинаковаго размѣра и числа, но назначать ихъ, соображаясь съ тѣлесными и умственными силами каждаго, заботясь лишь постоянно о томъ, чтобы каждая работа, какъ-бы она мала ни была, отличалась вполнѣ хорошими качествами.

6) Что касается переписки письменныхъ работъ на̀бѣло, особенно исполненныхъ неудовлетворительно въ какомъ-либо отношеніи, то такую переписку вообще слѣдуетъ считать не только не полезною, а часто даже вредною: ученики должны быть пріучены исполнять свои работы разборчиво и красиво, а тетради содержать опрятно и бережно.

Съ своей стороны, я находилъ-бы нужнымъ избѣгать переписки, исключая совершенно небрежно написанныхъ работъ, а вмѣсто переписки цѣлыхъ письменныхъ работъ, исправленныхъ или учителемъ, или учениками подъ руководствомъ учителя, ограничить ее перепискою, *въ исправленномъ видѣ, буквъ (съ каллиграфическою цѣлью), словъ, предложеній, а иногда и цѣлыхъ періодовъ.* Такая переписка возбуждаетъ больше вниманія въ учащемся къ его ошибкамъ, нежели переписка цѣлыхъ статей, а еще хуже—цѣлыхъ тетрадей.

7) Какіе-бы способы ни были приняты для исправленія ученическихъ работъ тѣми или другими заведеніями, на что̀ должно послѣдовать постановленіе педагогическихъ совѣтовъ, желательно, чтобы исправленіе работъ было, по возможности, производительнымъ для дѣла. Съ этою цѣлью необходимо достиженіе пониманія учениками сдѣланныхъ ими ошибокъ и стремленія къ устраненію таковыхъ: для этого желательно, чтобы учителя въ послѣдующія упражненія, назначаемыя ученикамъ, вводили такія слова и выраженія, которыя были написаны ошибочно въ предъидущихъ упражненіяхъ. При такой связи между письменными работами, ученики будутъ относиться внимательнѣе къ исправленію своихъ ошибокъ и будутъ постепенно исполнять задаваемыя имъ работы все лучше и лучше.

Наконецъ, всѣ преподаватели безъ исключенія обязаны наблюдать за правильностью работъ во всѣхъ отношеніяхъ, не оставляя безъ вниманія ошибокъ, относящихся не только къ учебнымъ предметамъ ихъ преподаванія, но и къ другимъ учебнымъ предметамъ.

К. П. Яновскій.

(*Продолженіе будетъ*).

НОВОЕ ВОСПИТАНІЕ.

E. Demolins, «A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons». **J. Vines**, «The french Parent at Home: How he fails in Training his Children». **«Новая Школа»**, изданіе К. П. Побѣдоносцева.

Недавно во Франціи появилась книга подъ заглавіемъ «A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons» (На чемъ зиждется превосходство англо-саксонскаго племени), написанная Эдмундомъ Демоленомъ. Книга эта, отзывъ о которой на стр. «Русской Школы» былъ данъ д-ромъ А. С. Виреніусомъ («Русск. Шк.» 1898 г., ноябрь, стр. 246), выдержала уже нѣсколько изданій, переведена на многіе европейскіе языки, а въ томъ числѣ и на русскій. Изданіе послѣдняго перевода или, лучше сказать, изложеніе нѣкоторыхъ главъ этой книги, съ добавленіемъ выдержекъ изъ статей того-же Демолена въ издаваемомъ имъ журналѣ «Science Sociale», только-что появившемся *), принадлежитъ К. П. Побѣдоносцеву и издана имъ подъ заглавіемъ «Новая Школа».

Демоленъ—пламенный и убѣжденный сторонникъ англійской системы воспитанія. Онъ не ограничивается теоретической пропагандой, но собирается провести систему англійскаго воспитанія на дѣлѣ, въ устраиваемомъ имъ по образцу англійскихъ колледжей общеобразовательномъ учебномъ заведеніи, Ecole des Roches (France, Verneuil sur Avre, Eure). Книга его представляетъ особенный интересъ для русскихъ читателей, въ то время, когда, говоря словами предисловія къ книгѣ, изданной К. П. Побѣдоносцевымъ, «къ этому представляются особенныя основанія въ возрастающей важности школьнаго вопроса во всѣхъ государствахъ, особливо-же у насъ въ Россіи. Изъ опыта страны, лучше нашего поставившей дѣло воспитанія, авторъ извлекаетъ старыя истины, которыя мы забыли или о коихъ перестали думать, именно, что всякое *ученіе* безплодно и мертво, если оно не есть вмѣстѣ съ тѣмъ *воспитаніе* ума, съ воз-

*) Собраніе этихъ статей издано авторомъ въ концѣ прошлаго года книгой подъ заглавіемъ «Education nouvelle».

бужденіемъ живого интереса къ предмету труда, и воспитаніе воли къ труду добросовѣстному; наконецъ, что знаніе нераздѣльно съ умѣніемъ и что знаніе тогда только прочно и дѣйствительно, когда оно на умѣніи зиждется и возбуждается умѣньемъ» *).

Эдмундъ Демоленъ пораженъ вездѣсущностью англо-саксовъ. Дѣйствительно, куда-бы мы ни заглянули, мы всюду видимъ признаки повсемѣстнаго распространенія этой расы. Они господствуютъ въ Америкѣ посредствомъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ, а теперь и въ Африкѣ—посредствомъ Египта, Капской Земли и Судана; въ Азіи—посредствомъ Индіи, Бирмы и долины Янцицяна; въ Океаніи—посредствомъ Австраліи и Новой Зеландіи; въ Европѣ и во всемъ свѣтѣ посредствомъ своей торговли, промышленности и политики.

Но, удивляясь вездѣсущію англичанъ,—говоритъ Демоленъ,—мы въ то-же время какъ будто презираемъ ихъ за то, что они не являются въ ту или другую страну, подобно нѣмцамъ, съ многочисленными батальонами и превосходно вооруженной арміей; мы презираемъ англичанина за то, что онъ обыкновенно является одинъ со своимъ плугомъ. Но мы забываемъ при этомъ, какова цѣнность этого плуга и каковы качества самого англичанина.

Послѣ долгихъ наблюденій (авторъ жилъ въ Англіи болѣе четырехъ лѣтъ) онъ пришелъ къ убѣжденію, что причину превосходства англійской націи слѣдуетъ искать въ ея способѣ воспитанія дѣтей. Плоды этого воспитанія потому такого высокаго качества, что сѣмена, ихъ произведшія, были тщательно взрощены. Первая забота отца-француза,—говоритъ Демоленъ,—а мы добавимъ: и русскаго,—состоитъ въ томъ, чтобы выдвинуть своихъ дѣтей на жизненномъ поприщѣ и накопить имъ, если можно такъ выразиться, приданое и протекцію. Онъ воспитываетъ сына съ надеждой, что тотъ займетъ какую-нибудь государственную должность. Послѣдствіемъ подобныхъ разсчетовъ является то, что эти мѣста всѣ переполнены. Сотни людей стучатся въ двери министерствъ и разныхъ канцелярій и находятъ ихъ закрытыми передъ собою. Что-же тогда они дѣлаютъ? Что они въ состояніи дѣлать? Наконецъ, на что они пригодны, къ чему приготовило ихъ воспитаніе и образованіе, которое они получили дома, въ школѣ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ такихъ молодыхъ людей ждутъ одни несчастія: они переполняютъ собою административныя прихожія, домогаются рекомендательныхъ писемъ, падаютъ духомъ и приходятъ, наконецъ, въ полнѣйшее отчаяніе. Единственно, чего они не дѣлаютъ: они не ищутъ новаго дѣла, не ищутъ другой живой

*) Добавимъ еще, что своему изданію К. П. Побѣдоносцевъ предпослалъ эпиграфъ: «Mutato nomine, de te fabula narratur», что значитъ: «съ измѣненіемъ имени, басня разсказывается о тебѣ», т.-е. о русской средней школѣ.

работы, которая, по всей вѣроятности, дала-бы имъ гораздо большій заработокъ, при которомъ они, навѣрное, были-бы гораздо болѣе самостоятельны, а слѣдовательно, и гораздо счастливѣе и достойнѣе уваженія.

Что за причина такого безумія? Какъ дошло дѣло до этого?

По справедливому мнѣнію Демолена, все это происходитъ, благодаря неправильному воспитанію. Онъ указываетъ сначала на зло, которое считаетъ весьма серьезнымъ, затѣмъ устанавливаетъ причину этого зла и, наконецъ, указываетъ средства къ устраненію коренныхъ пороковъ современнаго воспитанія.

Попробуйте спросить молодыхъ французовъ, оканчивающихъ курсъ средняго образованія,—говоритъ Демоленъ,—къ какой дѣятельности они предназначаютъ себя. Три четверти отвѣтятъ, что они готовятся занять должности въ государственной службѣ: въ арміи, въ судебномъ вѣдомствѣ, въ министерствахъ, въ администраціи и пр. И только тѣ, кому не удалось пристроиться какимъ-либо образомъ къ «казенному пирогу», ищутъ себѣ занятій внѣ государственной службы. И въ такомъ явленіи рѣшительно нѣтъ ничего неожиданнаго и удивительнаго, такъ какъ именно въ этой идеѣ молодое поколѣніе воспитывается съ самаго ранняго дѣтства вплоть до самостоятельнаго вступленія въ жизнь. И эти тенденціи преобладаютъ не только въ семьяхъ буржуазныхъ, но и простого народа, отъ дворца до сельской хижины. Въ результатѣ—по двѣ тысячи кандидатовъ на одну и ту-же должность, и это по оффиціальнымъ даннымъ.

Само собою разумѣется, что государство не можетъ пристроить всѣхъ этихъ кандидатовъ и принуждено дѣлать между ними выборъ. Основанія для этого выбора различны: происхожденіе, протекція и, наконецъ, экзаменъ. Послѣдній является дверью, которая всюду открываетъ дорогу молодымъ людямъ, поэтому выдержать этотъ экзаменъ становится главною заботою въ жизни и для молодого человѣка, и для всѣхъ, кому дорога его будущность; въ интересахъ достиженія этой конечной цѣли, родители обыкновенно очень рано вынуждены отказываться отъ воспитанія своихъ дѣтей и возлагать вполнѣ это важное дѣло на школу. Отсюда и значеніе школы, какъ орудія общественной классификаціи. Въ свою очередь, и эта послѣдняя, въ виду такого положенія вещей, должна устраиваться въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для успѣха экзаменовъ. Она должна стремиться изобрѣсть наиболѣе вѣрное средство, при помощи котораго въ наименѣе продолжительный срокъ можно было-бы приготовить наиболѣе успѣшно къ экзамену. И это средство изобрѣтено,— его можно назвать «выгонкой», «натаскиваніемъ» (chauffage). Способъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы въ наиболѣе короткій срокъ

сообщить ученику наибольшее количество свѣдѣній, требуемыхъ различными программами для полученія всевозможныхъ свидѣтельствъ, аттестатовъ и т. п. Само собою разумѣется, что такое обученіе неизбѣжно должно быть поверхностно и непрочно; оно не воспринимается умомъ сознательно и разсчитано исключительно лишь на память; притомъ обученіе это производится по программамъ несоразмѣрно обширнымъ, составленнымъ съ цѣлью увеличить затрудненіе для кандидатовъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Очевидное дѣло, что такое обученіе не имѣетъ ничего общаго ни съ знаніемъ, ни съ наукой, ни съ правильнымъ развитіемъ ума.

Эта-же неправильная задача школы породила еще и другое печальное явленіе въ современной ея жизни. Дѣло въ томъ, что такое приготовленіе къ экзаменамъ возможно только при посредствѣ извѣстныхъ методовъ и искусственныхъ пріемовъ, которые или вовсе неизвѣстны родителямъ, или недоступны имъ. Успѣшное примѣненіе этихъ методовъ и пріемовъ возможно только при условіяхъ, создаваемыхъ «общимъ интернатомъ».

Что-же такое этотъ общій интернатъ?

Интернатъ устраивается по казарменному типу: учащіеся встаютъ по барабану или по звонку, идутъ въ строгомъ порядкѣ отъ одного упражненія къ другому. Короткія рекреаціи происходятъ большею частью на внутреннемъ дворѣ, окруженномъ высокими стѣнами или зданіями; во время этихъ рекреацій молодые люди не столько играютъ, сколько прогуливаются группами. Въ опредѣленные часы и дни допускаются короткія свиданія съ родственниками и изрѣдка воспитанники выпускаются на волю.

Очевидное дѣло, что въ результатѣ такого трогательнаго единства, съ одной стороны, формъ школьной жизни, сглаживающихъ въ человѣкѣ его личность, притупляющихъ иниціативу, прививающихъ привычку къ безсознательному повиновенію, навязывающихъ единообразіе чувствъ и идей, и съ другой—наскоро, кое-какъ, безъ разсужденія воспринятое ученіе; въ результатѣ всего этого—полное подавленіе въ человѣкѣ всякой привычки къ самодѣятельности и характера и образованіе изъ человѣка орудія, готовое слѣдовать, согласно чужой волѣ, въ любомъ направленіи.

Такимъ образомъ, нынѣ существующая школа не только не воспитываетъ человѣка, способнаго одной своей силой устроить свое положеніе, но она еще подавляетъ подобныя качества, между прочимъ, и тѣмъ, что пріучаетъ умъ видѣть передъ собою перспективу готовыхъ положеній и движеній, отъ низшаго къ высшему, съ помощью лишь терпѣливаго выжиданія.

Попавъ послѣ испытаній въ извѣстное оффиціальное положеніе,

человѣкъ впередъ знаетъ всю свою жизнь: черезъ столько-то лѣтъ онъ будетъ, положимъ, столоначальникомъ, черезъ столько-то начальникомъ отдѣленія и т. д.—вплоть до отставки съ мундиромъ и пенсіей; единственно, что остается неопредѣленнымъ и что пренебрегается, такъ это—годъ смерти. Скажите, пожалуйста, можно-ли еще болѣе съузить жизненный путь!

Зло отъ существующей школьной системы идетъ еще далѣе. Ибо такая система, поддерживаемая и традиціями семьи, прививаетъ вѣру въ превосходство общественныхъ должностей сравнительно съ свободнымъ промышленнымъ трудомъ и даже внушаетъ къ послѣднему отвращеніе *).

Отцы семействъ, общественное положеніе которыхъ основывается на земледѣліи, промышленности и торговлѣ, скорбно недоумѣваютъ, когда ихъ сыновья, по выходѣ изъ коллегій, заявляютъ, что они не желаютъ продолжать дѣло своихъ отцовъ: и страна въ промышленномъ отношеніи падаетъ и съ каждымъ годомъ теряетъ все новыя и новыя позиціи на міровомъ рынкѣ.

Указавъ на зло и на причины, его породившія, Демоленъ переходитъ къ средствамъ, которыя способны исправить его. Прежде всего онъ обращается къ воспитанію и настаиваетъ на необходимости отказаться отъ нынѣшнихъ устарѣлыхъ методовъ его; онъ говоритъ, что необходимо вести воспитаніе такъ, чтобы оно не стремилось прилаживаться къ извѣстнымъ рамкамъ, не опиралось исключительно на поддержку семьи и окружающей обстановки, на временныя и преходящія условія, каковы, напримѣръ, карьера, ограниченная административной сферой, которая не требуетъ ни усилій, ни иниціативы, но которой вы можете вдругъ лишиться. Необходимо, чтобы воспитаніе привило способность опираться на самого себя, умѣнье обходиться собственными силами, самостоятельно справляться со всѣми затрудненіями.

Чтобы избѣжать неудачныхъ ошибокъ и промаховъ, слѣдуетъ руководиться опытомъ. И такъ какъ такого опыта мы не встрѣчаемъ у насъ, во Франціи, гдѣ воспитаніе основывается на старыхъ устояхъ, то необходимо его поискать на сторонѣ. Французамъ надо взять примѣръ съ народа, который разрѣшилъ эту трудную задачу воспитанія: это—ихъ заламанскіе сосѣди,—«нація, которая воспитываетъ дѣтей такъ, чтобы они были способны пробивать дорогу сами, внѣ махинаціи, состоящей изъ родителей, родственниковъ, друзей, протекціи и т. п. Это—народъ, завладѣвшій міромъ, колонизующій его

*) См. рѣчь Лависа въ Сорбоннѣ въ октябрѣ 1898 г. «Русскія Вѣдомости», № 283, 1898 г.

народъ, который повсюду устраняетъ сторонниковъ старыхъ общественныхъ порядковъ и который выполняетъ свою великую творческую работу единственно при посредствѣ личной иниціативы торжествующаго, могучаго человѣка, предоставленнаго самому себѣ. Если вы хотите видѣть на примѣрѣ неизмѣримую разницу между людьми, образованными новой системой воспитанія и старой, которая, къ сожалѣнію, является пока и нашей, сравните то, что сдѣлали первые въ Сѣверной Америкѣ и что вторые сдѣлали въ Южной. Это день и ночь! Это, съ одной стороны, народъ, двигающійся по пути величайшаго развитія въ области земледѣлія, промышленности и торговли; съ другой стороны—это народъ, погрязшій въ старинѣ, опутанный праздной городской жизнью, бюрократіей и политическими революціями. На сѣверѣ—это возникающее будущее, на югѣ—это умирающее прошлое».

Для большей наглядности Демоленъ сравниваетъ англійское и французское воспитаніе въ слѣдующихъ девяти пунктахъ:

1) Отецъ-англичанинъ не думаетъ, что его дѣти даны ему лишь для того, чтобы, такъ сказать, служить чѣмъ-то въ родѣ продолженія его собственной личности и быть его вторымъ изданіемъ. Напротивъ, онъ считаетъ ихъ существами, которыя въ скоромъ времени станутъ совершенно независимы отъ него. Его главная задача состоитъ въ томъ, чтобы ускорить это необходимое разъединеніе и устроить такъ, чтобы оно совершилось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для дѣтей. Вотъ какова его главная цѣль и вотъ какимъ, съ нашей точки зрѣнія, страннымъ способомъ выказываетъ онъ дѣтямъ свою любовь. Его заботы о нихъ не заключаются въ томъ, чтобы «поглотить ихъ» и ассимилировать собственною формою жизни. «Я видѣлъ не разъ, да и всѣ мы это видѣли,—говоритъ Демоленъ,—что у насъ даже нѣкоторыя свадьбы расходятся только потому, что молодые должны бываютъ уѣхать, я не скажу за-границу, а только въ другой городъ. А почему? Да потому, что мы сильно любимъ своихъ дѣтей и не можемъ съ ними разстаться. Прекрасно! но тутъ невольно является вопросъ: любимъ-ли мы нашихъ дѣтей ради ихъ самихъ, или-же только ради насъ?»

2) Отецъ-англичанинъ уже съ самаго ранняго возраста своихъ дѣтей обращается съ ними какъ со взрослыми, какъ съ *отдѣльными личностями*. Въ результатѣ такого поведенія они дѣйствительно и становятся очень скоро таковыми. Между тѣмъ, «у насъ родители нерѣдко продолжаютъ обращаться со своими и взрослыми дѣтьми, какъ съ малыми ребятами. А почему? Да потому, что они никакъ не могутъ отказаться отъ мысли, что ихъ дѣти все еще *дѣти*, только потому, что они ихъ родители!»

3) Родители-англичане воспитывают дѣтей, сообразуясь съ новыми условіями жизни, а не съ тѣми, при которыхъ жило старое поколѣніе и они сами; они не навязываютъ безусловно своимъ дѣтямъ тѣхъ образцовъ поведенія и дѣйствій, какимъ они слѣдовали сами. Тогда какъ у насъ родители дѣйствуютъ такъ, какъ жили и дѣйствовали люди ихъ поколѣнія, стремясь сохранить традиціи предшествовавшаго имъ поколѣнія, а это послѣднее, въ свою очередь, отодвигало своихъ дѣтей еще на порядочное разстояніе назадъ, въ «доброе старое время», втолковывая понятіе стараго вѣка, полнаго величія и матеріальнаго благосостоянія, отъ которыхъ, увы, теперь остались только одни воспоминанія.

Нужно-ли говорить о томъ, что сохраненіе такихъ мишурныхъ традицій приноситъ современнымъ поколѣніямъ не пользу, а вредъ!

4) Здоровье дѣтей англичанъ никогда не приносится въ жертву слишкомъ усиленнымъ умственнымъ занятіямъ, экзаменамъ и т. п., какъ это мы видимъ во Франціи, да и вообще на континентѣ. Англичане главнымъ образомъ заботятся о силѣ и о елико возможно полномъ развитіи тѣла и физической энергіи. Но они не прибѣгаютъ для этого ко всевозможнымъ гимнастическимъ упражненіямъ, которыя ведутъ не къ развитію организма, а къ его разслабленію *).

5) Англичане-родители рано посвящаютъ своихъ дѣтей въ практическіе предметы жизни. Такъ, напр., они не боятся позволять имъ, еще въ очень юномъ возрастѣ, уходить изъ дому и приходить совершенно однимъ. Они возлагаютъ на нихъ исполненіе порученій иногда далеко отъ дома. Жители континента Европы, пріѣзжающіе въ Англію или въ Соединенные Штаты, удивляются тому, что они тамъ видятъ въ этомъ отношеніи. Въ свою очередь, англичане и американцы изумляются удивленію иностранцевъ въ этомъ случаѣ,— такъ имъ кажется это просто и естественно.

6) Англичане-родители обыкновенно учатъ своихъ дѣтей какому-нибудь ремеслу. Они не питаютъ того презрѣнія къ ручному труду (понимая здѣсь подъ этимъ именемъ физическій трудъ въ широкомъ смыслѣ слова), какое мы встрѣчаемъ на материкѣ. Они уже давно освободились отъ этой печальной ошибки, наслѣдія древности, которая принесла французамъ болѣе несчастій, чѣмъ сотни проигран-

*) «Современные нѣмецкіе педагоги доказываютъ, что физическія упражненія и игры въ промежуткахъ между умственными занятіями вредны, потому что каждому организму данъ извѣстный запасъ энергіи, и если часть этого запаса, назначенная на умственный трудъ, ушла на физическія упражненія, то умственная работа не только будетъ ослаблена, но приведетъ еще къ дальнѣйшему истощенію организма. Л. Г. Оболенскій: «Новая система образованія» («Воспитаніе и обученіе», № 12, 1898 г.)».

ныхъ сраженій на полѣ битвы. Англичане не вѣрятъ въ существованіе благородныхъ и не благородныхъ профессій и раздѣляютъ людей только на способныхъ и не способныхъ, работниковъ и лѣнтяевъ. У нихъ человѣкъ не отрѣшается отъ своей касты, если онъ займется какимъ-нибудь практическимъ дѣломъ, напр., торговлей, и примѣры такого соединенія занятій, даже среди людей выдающагося положенія, въ этой странѣ заурядны. Если-же у нихъ и есть какая-нибудь профессія, на которую они смотрятъ, какъ на болѣе низшую, такъ это именно профессія чиновничья, и вотъ почему: прежде всего профессія чиновника вообще плохо оплачивается, за исключеніемъ небольшой части высшихъ мѣстъ іерархіи, а во-вторыхъ, и это главное, должность чиновника лишаетъ людей ихъ самостоятельности: чиновникъ вѣдь цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ безличнѣе онъ въ своей дѣятельности и талантливѣе исполняетъ чужую волю.

7) Англичане-родители не стараются особенно выказывать свою формальную власть надъ дѣтьми, а приберегаютъ ее лишь для особенныхъ случаевъ. Мы только что сказали, что они смотрятъ на своихъ дѣтей, какъ на маленькихъ людей. Дѣйствительно, вы не можете образовать истиннаго человѣка, воспитывая его въ постоянномъ рабскомъ страхѣ. Англичане полагаютъ, что настоящее воспитаніе невозможно при постоянномъ стѣсненіи и ограниченіи, а дается путемъ упражненій и опыта. Вотъ почему они обращаются болѣе къ указаніямъ и совѣтамъ, но не къ приказаніямъ; при этомъ они стараются выказать себя, по возможности, менѣе заинтересованными, не носятся съ своею авторитетностью и предоставляютъ ребенку думать и дѣйствовать самому.

8) Англичане-родители отличаются большею подготовленностью къ трудному дѣлу воспитанія своихъ дѣтей, чѣмъ родители любой страны на континентѣ. Такъ, напр., они всегда знаютъ лучше своихъ дѣтей содержаніе всѣхъ послѣднихъ полезныхъ для нихъ книгъ и потому могутъ руководить при выборѣ сознательно и безошибочно. Да и можетъ-ли быть иначе у народа, умъ котораго направленъ болѣе къ будущему, нежели къ прошлому, болѣе къ разнаго рода практической дѣятельности и торговлѣ, которыя всегда находятся въ стадіи развитія,—нежели къ бюрократической карьерѣ, которая необходимо должна быть консервативна; можетъ-ли дѣло обстоять иначе у народа, отдѣльныя особи котораго успѣваютъ въ жизни почти исключительно благодаря своей личной иниціативѣ и своимъ личнымъ достоинствамъ, а не чужой помощи и протекціи.

9) Но самое важное различіе въ методахъ воспитанія англичанъ

и французовъ несомнѣнно заключается въ ихъ способѣ выпускать своихъ дѣтей въ жизни.

«Что вы намѣрены сдѣлать съ своимъ сыномъ?» вотъ вопросъ, съ которымъ очень часто у насъ обращаются къ родителямъ. И на такой вопросъ, обыкновенно, слѣдуетъ отвѣтъ: «Мы думаемъ опредѣлить его въ чиновники, въ судьи, сдѣлать изъ него адвоката» и т. п. И что особенно странно, если у насъ родители не опредѣлятъ заранѣе, какова должна быть будущность ихъ сына, то они будутъ думать, что не выполнили въ отношеніи его своихъ обязанностей. Они считаютъ также своимъ долгомъ откладывать дѣтямъ часть своего капитала или заработка въ видѣ *приданаго*. Такимъ-то образомъ во Франціи каждое поколѣніе весьма рутинно устраиваетъ жизнь слѣдующаго за нимъ. Само собою разумѣется, и это вытекаетъ изъ вышеизложеннаго, что подобнаго рода устройства судьбы дѣтей въ Англіи—явленіе сравнительно рѣдкое. Подобныя явленія,—какъ замѣчаетъ одинъ англійскій критикъ книги Демолена,—наблюдаются въ семьяхъ средняго класса населенія, которому еще до сихъ поръ не чуждъ взглядъ, что способности и вкусы старшаго сына весьма схожи (если не по степени, то по роду) со способностями и вкусами отца. Дѣйствительно, въ теоріи нѣтъ ничего прекраснѣе, если старшій сынъ продолжаетъ дѣло отца, постепенно принимая на себя его обязанности, по мѣрѣ того, какъ онѣ становятся для послѣдняго все болѣе и болѣе тяжелыми. А между тѣмъ нерѣдко такого рода методъ оказывается роковымъ. Молодой человѣкъ, созданный природою морякомъ, становится священникомъ, врачъ—адвокатомъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ жизнь человѣка не достигаетъ своихъ цѣлей, ибо дѣятельность его не соотвѣтствуетъ тому труду, къ которому его способности дѣлаютъ его наиболѣе пригоднымъ. Вотъ почему необходимо внимательно наблюдать за склонностями дѣтей, изучать ихъ характеръ и, если только возможно, стараться предоставить каждому изъ нихъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ желалъ-бы быть...

Въ соотвѣтствіи съ такого рода измѣненіями въ области воспитанія, и современная школа должна измѣнить самый духъ свой и основной характеръ. Она должна стать въ такія условія, при которыхъ, выражаясь словами Лависа, сказанными имъ недавно въ Сорбоннѣ, она соотвѣтствовала-бы общественнымъ и философскимъ взглядамъ и запросамъ нашего времени.

Если-бы можно свести къ одной формулѣ весь соціальной вопросъ, то можно было-бы сказать, что это прежде всего—вопросъ воспитанія. Въ сущности дѣло заключается въ томъ, чтобы приладиться къ новымъ условіямъ міровой жизни, требующимъ отъ каждаго изъ

насъ способности обходиться собственными силами. Въ этомъ отношеніи англійская система воспитанія чрезвычайно выгодно выдѣляется среди системъ воспитанія континентальныхъ народовъ Европы. Она дѣйствительно въ избыткѣ даетъ именно то, чего всего больше недостаетъ системѣ воспитанія послѣднихъ: практическій характеръ, настойчивость въ стремленіи образовать людей цѣльныхъ, развить въ нихъ до высшей степени всѣ ихъ способности и всю мощь ихъ энергіи и личнаго почина. Вотъ почему Демоленъ въ началѣ горячо совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ посылать дѣтей учиться въ Англію, затѣмъ предпринялъ энергичную пропаганду за реорганизацію французскихъ школъ по типу англійскихъ, и въ книгахъ, и въ издаваемомъ имъ журналѣ «Science Sociale», и, наконецъ, съ будущаго года выступаетъ на практическую почву, устраивая недалеко отъ Парижа школу, которая будетъ организована по типу англійскихъ колледжей, и особенно двухъ изъ нихъ—Абутсгольмскаго и Будалезскаго, изученныхъ Демоленомъ особенно подробно на мѣстѣ.

Каковы-же тѣ принципы, которые составляютъ отличительныя качества англійскихъ коллэджей и послужатъ основаніемъ для устраиваемаго Демоленомъ учебнаго заведенія?

Цѣлью новой школы,—говоритъ онъ,—должно быть гармоническое развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей. Ребенокъ долженъ сдѣлаться цѣльнымъ человѣкомъ, чтобы быть въ силахъ достигнуть всѣхъ цѣлей жизни. Для этого нужно, чтобы школа не была искусственной средой, въ которой соприкосновеніе съ жизнью происходитъ только черезъ книги. Школа должна быть маленькимъ реальнымъ міромъ, практическимъ, какъ можно ближе знакомящимъ людей съ дѣйствительной сущностью вещей. Нужно изучать не только теорію явленій, но и ихъ практику, и эти два элемента въ школѣ должны быть слиты столь-же тѣсно, какъ и въ жизни, для того, чтобы молодой человѣкъ, оставляя школу, не очутился въ мірѣ невѣдомомъ, къ которому онъ не былъ подготовленъ и въ которомъ онъ не можетъ отыскать пути.

Школа должна быть устроена за городомъ, въ сельской мѣстности, на берегу рѣки или моря, и располагать достаточно обширнымъ участкомъ земли; она должна представлять полное хозяйство, съ образцами всѣхъ способовъ земледѣлія и земледѣльческихъ производствъ—ферма, молочная, птичій дворъ, мастерскія: плотничную, кузнечную, машиннаго производства, экипажную, столярную, сѣдельную и др. Для религіозныхъ потребностей должна быть вблизи церковь.

Въ учебномъ планѣ школы первое мѣсто должно быть отведено практическимъ занятіямъ; классныя-же имѣютъ цѣлью теоретическое объясненіе практическихъ работъ. Воспитанники сами исполняютъ

всѣ необходимыя въ хозяйствѣ работы и изучаютъ всякое мастерство, нужное для потребностей жизни и хозяйства. Сверхъ того, воспитанники учатся плавать, грести, управлять судномъ, строить плотъ, наводить плавучій мостъ, наконецъ, каждый ученикъ долженъ учиться подавать первую врачебную помощь.

Новое воспитаніе должно возбудить ученика къ умственной дѣятельности; должно оставить ему, во всемъ нравственномъ его поведеніи, извѣстную долю свободы, которая должна постепенно возрастать.

Въ новой школѣ нѣтъ двухъ отдѣльныхъ званій, преподавателя и надзирателя; они соединены и слиты въ одномъ лицѣ—въ лицѣ воспитателя. Онъ живетъ постоянно съ воспитанниками въ школѣ,—здѣсь вмѣстѣ съ ними и обѣдаетъ; если онъ женатъ, то жена его тоже или учитъ, напр., музыкѣ, рисованію, или надзираетъ за хозяйствомъ. Онъ живетъ въ школѣ не для надзора, а для воспитанія. Онъ принимаетъ участіе во всѣхъ упражненіяхъ воспитанниковъ, какъ въ классахъ, такъ и во время рекреацій, въ играхъ и т. п. Онъ одѣвается такъ-же, какъ и воспитанники. Это непрерывное общеніе воспитателя съ питомцами школы неизбѣжно устанавливаетъ между ними близкія, почти отеческія отношенія.

Что касается до учебной работы, то вся она происходитъ въ классѣ, съ участіемъ учителя. Это та единственно плодотворная метода, при которой, по выраженію Монтеня, идетъ у учителя съ учениками общая мозговая работа. При такой методѣ въ классѣ происходитъ живое ученье, при которомъ ученикъ постоянно на сторожѣ, постоянно въ возбужденіи, воспитывающемъ и развивающемъ умѣнье примѣнять быстро и въ мѣру надобности всѣ его способности. Послѣдствія такой методы простираются далеко за предѣлы школы,—на цѣлую жизнь.

Въ новой школѣ бо̀льшая часть времени должна быть посвящена играмъ и физическимъ упражненіямъ. Школа открыта со всѣхъ сторонъ, оставляя дѣтямъ гораздо болѣе свободы, и ставитъ ихъ гораздо болѣе въ общеніе съ природой. Это даетъ возможность воспитанникамъ больше нынѣшняго знакомиться съ животнымъ и растительнымъ міромъ, который ихъ окружаетъ, съ почвою и различными явленіями природы.

Чтобы вести воспитаніе и образованіе въ указанномъ направленіи, учитель новой школы долженъ быть «добрымъ представителемъ человѣческой природы, въ разныхъ ея проявленіяхъ». Чтобы лучше представить себѣ черты этого новаго типа учителя, Демоленъ приводитъ записку, полученную имъ отъ директора одной англійской школы съ просьбой прислать для него учителя-француза, который

отвѣчалъ-бы означеннымъ въ запискѣ условіямъ. Вотъ эта записка. «Требуется учитель, возрастомъ отъ 25 до 30 лѣтъ, жить въ школѣ на всемъ готовомъ. Онъ долженъ обладать слѣдующими качествами: 1) въ *нравственномъ отношеніи*—долженъ быть христіанинъ, любить трудъ, быть добросовѣстнымъ въ работѣ, аккуратнымъ и джентльменомъ. Подъ словомъ *христіанинъ* мы разумѣемъ, что онъ долженъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ словахъ и въ убѣжденіяхъ держаться нравственныхъ началъ, завѣщанныхъ Спасителемъ и великими мыслителями. Подъ словомъ джентльменъ мы разумѣемъ, что онъ долженъ, имѣть возвышенную цѣль въ жизни, держать себя съ достоинствомъ оберегать свою честь отъ всякаго пятна, умѣть заслужить уваженіе постороннихъ и любовь его окружающихъ, чтобы онъ былъ терпѣливъ въ несчастіи и скроменъ и чтобъ во всемъ держался правды.

2) Въ *умственномъ отношеніи*—онъ долженъ знать вполнѣ предметъ своей спеціальности.

3) Въ *отношеніи физическомъ*—долженъ быть крѣпкаго сложенія, здоровый, энергичный, безъ недостатковъ зрѣнія, слуха, голоса и пр.

4) Въ *педагогическомъ отношеніи*—долженъ имѣть опытъ совмѣстной жизни въ школѣ или университетѣ. Кандидатъ долженъ имѣть твердое намѣреніе избрать учебное и воспитательное дѣло дѣломъ своей жизни и посвятить себя школѣ. Если нѣтъ у него такого расположенія, то нечего ему и предлагать себя.

Необходимо требуются предметы обученія:

1. Французскій языкъ, въ письменной и въ живой рѣчи, при хорошемъ произношеніи; знаніе фонетики; французская географія, исторія и литература; практическое знаніе самого французскаго быта.

2. Математика. Ариѳметика вполнѣ, элементарная алгебра, геометрія практическая и теоретическая; элементарная тригонометрія, физика теоретическая и практическая; практическое землемѣріе; умѣнье рисовать въ примѣненіи ко всѣмъ этимъ предметамъ.

Желательные предметы обученія: элементарное знаніе латыни, географія и исторія Англіи.

Предметы полезные: пѣніе; умѣнье хорошо играть въ крокетъ; стенографія.

Жалованье учителю полагается размѣромъ выше того, что получаетъ во Франціи ординарный профессоръ университета».

Наконецъ, чтобы новая школа представляла картину жизни дѣйствительно цѣльной, устроители ея обезпечили школу присутствіемъ женщины, въ лицѣ женъ директора и учителей, которыя, какъ мы уже говорили, могутъ исполнять разнообразныя обязанности въ ея сложной организаціи. Присутствіе женщинъ побуждаетъ молодыхъ людей внимательнѣе смотрѣть за собою, пріучаетъ ихъ къ свободной

общительности, поддерживаетъ обычаи семейнаго быта и, что особенно важно, даетъ молодому человѣку возможность, выходя въ жизнь, вступить естественно и просто въ отношеніи къ женскому обществу.

Въ заключеніе нѣсколько словъ относительно программы уроковъ въ новой школѣ.

Считаясь съ существующими условіями и желая для воспитанниковъ новой школы обезпечить возможность держать экзаменъ въ коммиссіяхъ для полученія свидѣтельствъ, устроители новой школы рѣшили допустить въ ней и древніе языки, хотя они не признаютъ за ними какого-либо спеціальнаго воспитательнаго значенія даже для французовъ *).

Программа новой школы является равнозначущей общепринятымъ классическимъ и реальнымъ учебнымъ заведеніямъ, съ технокоммерческимъ и сельско-хозяйственнымъ отдѣленіями. Весь школьный періодъ распадается на два отдѣла: *общеобразовательный*, продолжающійся три первые года, и *спеціальный*, обнимающій столько-же лѣтъ. Общеобразовательный курсъ содержитъ въ себѣ науки, дающія познанія, необходимыя всякому человѣку, какая-бы ни предстояла ему дѣятельность; съ четвертаго-же года начинается раздѣленіе на отдѣлы: классическое (lettres), реальное (science), сельско-хозяйственное (agriculture et colonisation) и техно-химическое (industrie et commerce). Такое раздѣленіе отвѣчаетъ потребностямъ самой природы человѣка, которой, къ сожалѣнію, наша современная школа не признаетъ. Дѣйствительно, только въ возрастѣ 15—16 лѣтъ, соотвѣтствующемъ окончанію курса общеобразовательнаго отдѣла новой школы, можно бываетъ болѣе или менѣе безошибочно опредѣлить способности и склонности дѣтей, а слѣдовательно, сознательно и разумно сдѣлать выборъ характера дальнѣйшаго школьнаго образованія. Въ этой сторонѣ организаціи новой школы заключается большое ея преимущество сравнительно съ существующими типами учебныхъ заведеній.

Соотвѣтственно своему назначенію, въ программу первыхъ трехъ классовъ въ утреннія занятія входятъ: родной и иностранные языки (11 уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ), географія и исторія (по 2 урока въ каждомъ классѣ), математика (въ первыхъ двухъ классахъ по два урока, въ третьемъ—три), геологія (во 2-мъ и въ 3-мъ классахъ по одному уроку), ботаника, зоологія, физика и химія (по одному уроку въ недѣлю въ каждомъ классѣ), рисованіе (по 2

---

*) См. рѣчь акад. Ж. Леметра, произнесенную имъ лѣтомъ 1898 года въ Сорбоннѣ («Новости», 1898, № 320).

урока въ каждомъ классѣ) и счетоводство (1 урокъ въ недѣлю въ 3-мъ классѣ).

Послѣобѣденное время, съ 2-хъ до 5-ти часовъ, идетъ на практическія работы: по садоводству (по 6 часовъ въ недѣлю въ каждомъ изъ трехъ классовъ), столярныя и слесарныя (по 5 часовъ въ недѣлю). Затѣмъ идетъ посѣщеніе фермъ, фабрикъ, заводовъ, гербаризація, собираніе минераловъ и животныхъ, землемѣріе, съемка плановъ и нѣкоторое другое, на что полагается по 4 часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ.

Въ промежуткахъ между уроками воспитанники занимаются гимнастикой и играми. Если принять во вниманіе, что продолжительность этихъ рекреацій значительно больше нынѣ существующихъ въ школахъ, то станетъ понятнымъ различіе значенія занятій во время этихъ рекреацій гимнастикой и играми.

Въ спеціальномъ отдѣленіи, какъ мы уже сказали, вводится раздѣленіе въ предметахъ обученія, въ числѣ которыхъ является, между прочимъ, латинскій и греческій языки. Допуская послѣдніе предметы, какъ временное неизбѣжное, съ ихъ точки зрѣнія, зло, устроители позаботились о томъ, чтобы усвоеніе ихъ потребовало наименьшей затраты силъ. Для этой цѣли въ новой школѣ введена старая система изученія латинскаго языка—путемъ разговора на немъ, при чемъ первоначально грамматика вовсе исключается. Ученики читаютъ и переводятъ авторовъ при помощи хорошихъ подстрочныхъ переводовъ, до усвоенія и перевода читаемаго безъ этого пособія. Такимъ путемъ ученики пріобрѣтаютъ постепенно большой запасъ словъ, знакомство съ формами и оборотами языковъ и, наконецъ, съ грамматикой ихъ, которая такимъ образомъ является логическимъ выводомъ изъ предшествовавшихъ упражненій.

Если мы добавимъ, что въ программѣ новой школы удѣлено значительное мѣсто и время искусствамъ: музыкѣ, скульптурѣ, лѣпкѣ и т. п., а вечера проводятся воспитанниками въ кругу семействъ директора и учителей—въ чтеніяхъ, концертахъ и лекціяхъ съ туманными картинами: то мы будемъ имѣть довольно полное понятіе о томъ, что̀ такое должна представить собою эта такъ-называемая «новая школа» и что̀ она дастъ будущимъ своимъ питомцамъ.

«Воспитанники новой школы,—говоритъ въ заключеніе Демоленъ,—по выходѣ изъ нея, явятся вполнѣ подготовленными къ жизни. За ними будетъ здоровье—то сокровище, которое столь преступно растрачивается нашею школою, энергія, выносливость и самообладаніе, способность понимать, направлять и побѣждать въ области вещественной; они будутъ, сверхъ того, способны управлять людьми,

потому что будутъ научены управлять собою и сами достойны называться людьми».

«Новая школа» Демолена, будучи интересной сама по себѣ, особенно важна, какъ знаменіе времени, какъ новый краснорѣчивый протестъ противъ господствующей нынѣ системы образованія, какъ доказательство того, какъ въ обществѣ одна потребность замѣняется другою, которая болѣе соотвѣтствовала-бы требованіямъ времени и запросамъ и симпатіямъ общества.

Н. Арепьевъ.

Сельско-хозяйственное образованіе для женщинъ.

I.

Министерствомъ Земледѣлія изданъ недавно «Сборникъ свѣдѣній» по сельско-хозяйственному образованію для женщинъ *). Къ составленію подобнаго сборника Министерство побудило ясно сознанная теперь необходимость сдѣлать для русской женщины болѣе доступнымъ какъ общее агрономическое образованіе, такъ и пріобрѣтеніе знаній по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. «Опытъ дѣятельности женскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, учрежденныхъ въ послѣднее 10-лѣтіе въ Россіи, привелъ,—говоритъ авторъ «Введенія» къ сборнику, И. И. Мещерскій,—Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ къ признанію пользы этихъ заведеній и необходимости оказать содѣйствіе развитію женскаго сельско-хозяйственнаго образованія вообще». Вмѣстѣ съ тѣмъ «Департаментъ Земледѣлія, пересмотрѣвъ имѣвшіяся въ его распоряженіи свѣдѣнія о положеніи дѣла, а также поступившія въ послѣдніе годы въ Министерство ходатайства, нашелъ возможнымъ остановиться на нѣкоторыхъ общихъ предположеніяхъ по вопросу о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи, чтобы затѣмъ подвергнуть этотъ вопросъ дальнѣйшей разработкѣ при участіи хотя-бы и другихъ свѣдущихъ лицъ».

Надо сказать, что вообще организація у насъ сельско-хозяйственнаго образованія далеко еще не представляетъ собою чего-либо твердо установившагося. Она скорѣе находится еще въ фазисѣ опыта и теоретической разработки отдѣльныхъ вопросовъ, съ успѣшнымъ разрѣшеніемъ которыхъ тѣсно связано установленіе возможнаго полнаго соотвѣтствія между организаціей сельско-хозяйственнаго образованія и предъявляемыми къ нему со стороны практической жизни требованіями. Эта задача только съ учрежденіемъ Министерства Земледѣлія начала постепенно достигаться какъ въ

*) «Сборникъ свѣдѣній по сельско-хозяйственному образованію». Вып. I. «Женское образованіе». Спб. 1898 г.

отношеніи отысканія ими болѣе подходящихъ типовъ школъ, такъ и содержанія самаго преподаванія. До сихъ поръ питомцы нашихъ земледѣльческихъ школъ «учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Успѣшное достиженіе указанной задачи затрудняется также какъ значительнымъ разнообразіемъ мѣстныхъ усилій на обширной территоріи нашего отечества, мало еще обслѣдованныхъ, такъ и существующими недостатками въ постановкѣ у насъ общаго образованія. Такимъ образомъ, въ качественномъ отношеніи постановка у насъ сельско-хозяйственнаго образованія представлялась до сихъ поръ еще болѣе неудовлетворительной, чѣмъ въ количественномъ. Это обстоятельство имѣло не малое вліяніе и на медленное развитіе у насъ сельско-хозяйственнаго образованія, такъ какъ неудовлетвореніе качественной его постановки способствовало распространенію въ населеніи мнѣнія, что это образованіе къ жизни мало примѣнимо и чуть-ли даже не совершенно безполезно. Подобное предубѣжденіе сложилось, къ сожалѣнію, повидимому, довольно прочно.

Если такъ дѣло обстоитъ въ отношеніи организаціи сельско-хозяйственнаго образованія для мужчинъ, то еще съ большими затрудненіями связано успѣшное разрѣшеніе этого вопроса въ примѣненіи къ женщинамъ. Въ первомъ случаѣ мы можемъ хотя отчасти руководствоваться опытомъ другихъ странъ, тогда какъ сельско-хозяйственное образованіе для женщинъ нигдѣ до сихъ поръ не получило сколько-нибудь широкой и законченной организаціи. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ, пожалуй, наша Финляндія, въ которой имѣется цѣлая сѣть сельско-хозяйственныхъ школъ и другихъ учебныхъ учрежденій, предназначенныхъ для женщинъ. Но составители «Сборника», освѣдомившіеся о положеніи даннаго вопроса даже въ Канадѣ, по непонятнымъ причинамъ не сочли нужнымъ заглянуть въ такой своеобразный уголокъ нашего отечества, какимъ является Финляндія *).

Указанныя затрудненія, съ которыми соединяется практическое разрѣшеніе вопроса объ организаціи сельско-хозяйственнаго образованія для женщинъ, должны насъ примирить и съ тѣми не совсѣмъ удачными результатами, которые до сихъ поръ давали произведенныя въ этой области попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что для вполнѣ правильной и успѣшной постановки этого дѣла потребуется не мало еще времени и болѣе или менѣе неудачныхъ опытовъ.

**) Напомнимъ, что около двухъ лѣтъ тому назадъ финляндскимъ сенатомъ издано весьма цѣнное изслѣдованіе о положеніи сельскаго хозяйства въ Финляндіи, а въ томъ числѣ и о постановкѣ здѣсь сельско-хозяйственнаго образованія.

II.

Если въ настоящее время вопросъ о наиболѣе пригодныхъ для женщинъ типахъ сельско-хозяйственныхъ школъ и постановки преподаванія въ нихъ является еще весьма мало разработаннымъ, то тѣ общія требованія, которыя къ нимъ предъявляетъ практическая жизнь, уже въ значительной мѣрѣ выяснены. Подобныя требованія довольно разнообразны, съ чѣмъ, конечно, не можетъ не считаться и организація сельско-хозяйственнаго образованія для женщинъ.

Несомнѣнно, что намъ прежде всего нужна женщина съ общей агрономической подготовкой, при которой сельское хозяйство не представляло-бы для нея terram incognitam, какъ это сплошь и рядомъ наблюдается теперь. Обладающей такой подготовкой женщинѣ, въ случаѣ надобности, уже гораздо легче пріобрѣсти практическій навыкъ или спеціальныя познанія въ какой-либо отрасли хозяйства. Между тѣмъ въ Россіи, гдѣ земледѣліе представляется главнымъ промысломъ населенія, надобность въ этомъ можетъ встрѣтиться сплошь и рядомъ. Достаточно напомнить, что огромному большинству русскихъ женщинъ приходится имѣть своими мужьями сельскихъ хозяевъ. Г. Колоплянскій даетъ намъ яркую картину почти трагическаго положенія интеллигентнаго сельскаго хозяина, связавшаго свою судьбу съ судьбой дѣвушки, совершенно неподготовленной къ тому, чтобы войти въ кругъ его повседневныхъ интересовъ. «Такой мужъ,—говоритъ г. Колоплянскій,—ясно пойметъ, что его жена будетъ скучать жизнью въ деревнѣ, и, если будетъ въ ней жить, не портя его существованія, не давая ему понять, что она приноситъ себя въ жертву его наклонностямъ, то только изъ любви къ нему или считая это необходимымъ вслѣдствіе матеріальныхъ препятствій къ жизни въ городѣ». И вотъ, «человѣкъ, привыкшій уважать личность другого и поставленный передъ такой дилеммой, зачастую рѣшаетъ вопросъ о своей дѣятельности не такъ, какъ-бы онъ его рѣшилъ, если-бы въ женѣ своей имѣлъ подготовленную въ деревнѣ естественную свою помощницу. Имѣніе отдается въ лучшемъ случаѣ приказчику, въ худшемъ—арендатору, а интеллигентный сельскій хозяинъ дѣлается чиновникомъ поневолѣ» *). Дѣйствительно, жалобу на то, что «жена очень соскучилась», чаще всего можно услышать отъ помѣщика, бросившаго деревню для города.

Еще чаще, какъ указываетъ покойный А. А. Армфельдъ, женщина въ силу обстоятельствъ вынуждена принимать участіе въ веденіи хозяйства или даже взять такое веденіе исключительно на

*) Записка В. Г. Колоплянскаго «О необходимости сельско-хозяйственнаго образованія женщинъ въ Россіи».

себя. Таковы случаи, когда имѣніе принадлежитъ незамужней женщинѣ, а извлекать изъ него достаточный доходъ можно только при жизни въ деревнѣ и личномъ веденіи хозяйства. Затѣмъ, въ настоящее время многіе помѣщики, для усиленія бюджета или въ силу другихъ побужденій, сплошь и рядомъ вынуждены бываютъ принять на себя какую-либо службу: члена земской управы, мирового судьи, земскаго начальника и т. д. При этомъ очень часто вся тягота по веденію хозяйства лежитъ на женщинѣ, какъ то бываетъ и у крестьянъ, вынужденныхъ прибѣгать къ помощи отхожихъ промысловъ. Положеніе такой женщины весьма печально, особенно въ первые годы. «Образованіе,—говоритъ А. А. Армфельдъ,—она получила въ институтѣ или гимназіи, хозяйственныхъ знаній и умѣній никакихъ, всему надо учиться, все узнавать, да скорѣе—время не ждетъ. И много лѣтъ бѣдная женщина бьется, какъ бѣлка въ колесѣ, много мученій, нерѣдко и слезъ, причиняетъ ея собственное незнаніе и неумѣніе, извѣрится она въ самое себя, лучшіе годы жизни убьетъ, пока наладится и начнетъ справляться съ хозяйствомъ, а разъ оно наладилось—смотрите, какъ она заботливо его ведетъ: каждый новый теленокъ, каждый лишній колосъ урожая, каждый лишній рубль дохода радуютъ ее до глубины души. Всей душой она входитъ въ свое хозяйство, живетъ его интересами и на ней-то болѣе, чѣмъ на комъ-либо, проявляется во всей своей силѣ та «власть земли, которую такъ вѣрно и поэтично отмѣтилъ и выразилъ Глѣбъ Успенскій». И такихъ хозяекъ въ разныхъ уголкахъ Россіи имѣется весьма не мало. «Объѣзжая внутреннія губерніи,—заключаетъ А. А. Армфельдъ,—мнѣ приходилось встрѣчать этотъ типъ безпрестанно: нѣтъ уѣзда, волости, гдѣ-бы такихъ хозяекъ не было. Интересно было-бы, конечно, имѣть цифровыя данныя относительно численности такихъ хозяекъ, а добыть ихъ при современномъ развитіи земской статистики очень-бы возможно».

Наконецъ, даже внѣ такихъ особыхъ условій, когда мужъ отвлеченъ отъ веденія хозяйства посторонними занятіями, женщинѣ какъ въ помѣщичьей, такъ и въ крестьянской средѣ приходится завѣдывать отдѣльными отраслями его, пріобрѣтающими въ бюджетѣ сельскаго хозяйства все болѣе и болѣе важное значеніе; таковы—скотный дворъ, огородъ, птичникъ и пр. Въ доброе старое время завѣдываніе всѣми этими отраслями хозяйства не требовало особой предварительной подготовки. Достаточно было тѣхъ свѣдѣній, которыя доставались каждой хозяйкѣ по традиціи. Совсѣмъ не то наблюдается теперь. Зерновое хозяйство, прежде служившее главнымъ источникомъ дохода, отходитъ на задній планъ, вслѣдствіе значительнаго упадка цѣнъ на хлѣбъ. Вмѣстѣ-же съ тѣмъ разви-

тіе городской жизни и обрабатывающей промышленности усилило спросъ на продукты животноводства, цѣны на которые, въ противоположность хлѣбу, постоянно возрастаютъ. Теперь доходъ благоустроенныхъ хозяйствъ создается изъ весьма значительнаго числа мелкихъ статей—продажи молока, изготовленія масла и сыра изъ него, поставки на рынокъ мясного скота, птицы и т. п. Въ животноводство-же выгоднѣе помѣщать теперь и зерновые продукты, откармливая имъ разную живность, предназначенную для продажи. Съ другой стороны, при настоящихъ требованіяхъ рынка, продукты животноводства могутъ находить себѣ выгодный сбытъ только при болѣе или менѣе совершенной постановкѣ ихъ изготовленія. «Тутъ уже,—справедливо замѣчаетъ А. А. Армфельдъ относительно молочнаго хозяйства,—одною толковостью ничего не сдѣлаешь, тутъ уже необходимы спеціальныя молочно-хозяйственныя знанія и умѣнья... Тоже можно сказать и о другой поручаемой женщинѣ обыкновенно отрасли скотоводства—свиноводствѣ. Пока кормъ былъ дешевъ, сало дорого и свинина сбывалась на ближайшемъ рынкѣ, дѣло это было гораздо проще и далеко не требовало тѣхъ знаній и умѣній, которыхъ оно требуетъ теперь, когда приходится уже думать о сбытѣ свинины на отдаленные иностранные рынки. Затѣмъ, огородничество, плодоводство, ягодоводство, птицеводство составляютъ отрасли, чрезвычайно сподручныя для женщины, но успѣшность и этихъ отраслей, главнымъ образомъ, обусловливается знаніемъ и умѣніемъ у распорядительницы» *).

Техническую отсталость нашего земледѣльческаго промысла проф. И. А. Стебутъ съ полнымъ основаніемъ относитъ въ весьма значительной мѣрѣ насчетъ отсутствія сельско-хозяйственной подготовки у русской женщины. Обладая подобной подготовкой, онѣ могли-бы «сократить расходный бюджетъ хозяйства, принявъ на себя какія-либо обязанности по хозяйству: завѣдываніе садомъ и огородомъ, молочнымъ хозяйствомъ, скотнымъ дворомъ и др., или ведя контору и счетоводство. Онѣ могутъ, наконецъ, даже увеличить доходный бюджетъ семьи, совершенно замѣнивъ въ хозяйствѣ мужей, которые найдутъ себѣ въ такомъ случаѣ заработокъ на сторонѣ. Таково значеніе сельско-хозяйственнаго образованія и воспитанія для жены сельскаго хозяина, будетъ-ли онъ землевладѣлецъ, арендаторъ, управляющій или надѣленные землей священникъ, лѣсничій и пр. Но оно получаетъ еще большее значеніе для вдовы, оставшейся съ хозяйствомъ, для женщины, нуждающейся въ заработкѣ, а между тѣмъ не имѣющей способности или призванія къ другимъ

*) «Замѣтка о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи» А. А. Армфельда, изъ статьи въ «Сѣв. Вѣст.» 1886 г., № 12.

видамъ женскаго труда, предложеніе которыхъ къ тому-же, надобно замѣтить, нерѣдко уже превышаетъ спросъ на нихъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому замѣчанію И. А. Стебута, сельско-хозяйственныя свѣдѣнія могутъ быть полезны для каждой женщины, живущей въ деревнѣ; они даютъ ей возможность жить общими интересами съ большинствомъ окружающаго населенія и быть полезнымъ ему хотя-бы разъясненіями. Въ особенности-же могутъ пригодиться подобныя свѣдѣнія учительницамъ народныхъ школъ—не для преподаванія, конечно, сельскаго хозяйства своимъ ученикамъ, а для пользованія ими при обученіи грамотѣ, при занятіяхъ на школьномъ участкѣ земли *). Съ другой стороны, и практика свидѣтельствуетъ, что у насъ существуетъ довольно значительный спросъ на трудъ женщинъ съ сельско-хозяйственною подготовкою. Такъ, М. Н. Маріуца (урожденная Гринева, учредительница Зозулинской сельско-хозяйственной школы для женщинъ въ Бердичевскомъ уѣздѣ, Кіевской губ.) прислала въ Департаментъ Земледѣлія около 150 писемъ, полученныхъ ею въ послѣднее время изъ разныхъ концовъ Россіи съ просьбами рекомендовать экономокъ или деревенскихъ хозяекъ. Многіе изъ обращавшихся имѣли случай сами наблюдать дѣятельность бывшихъ питомицъ Зозулинской школы или слышать о нихъ хорошіе отзывы. Судя по этимъ просьбамъ, требованія, предъявляемыя въ этомъ отношеніи, довольно разнообразны. Большинство, повидимому, желаетъ имѣть не дорогихъ экономокъ-ключницъ, на жалованье отъ 5 до 12 р. въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи. Другіе ищутъ лицъ, способныхъ завѣдывать отдѣльными отраслями хозяйства — скотнымъ дворомъ, птичникомъ, огородомъ и т. п. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуются лица, подготовленныя къ преподаванію домоводства въ школахъ или пріютахъ. Для лицъ послѣдней категоріи предлагаемое вознагражденіе достигаетъ 26 — 30 руб. въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи. Въ частности требованія, которыя предъявляются къ «экономкамъ», въ имѣніяхъ весьма удачно очерчены въ письмѣ одной помѣщицы Рязанской губ. «На ея обязанности,—пишетъ помѣщица,—должно лежать все домашнее хозяйство, какъ-то: погреба и кладовая, присмотръ за птицей, за скопомъ молока и битьемъ масла, выдача и сбереженіе всякой провизіи. Она должна смотрѣть за чистотой и порядкомъ, за прислугой, умѣть сдѣлать соленье, варенье и всякія другія заготовки, понимать въ изготовленіи кушаній и домашнихъ печеній, быть опрятной и любить порядокъ, имѣть хорошее здоровье и вставать рано, не бояться воздуха и движенія, не разыгрывать

*) Изъ доклада И. А. Стебута 2-му Съѣзду дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

изъ себя важную барыню и не скучать деревенскою жизнью». Однородныя требованія можетъ предъявить, пожалуй, средней руки помѣщикъ своей женѣ. Къ сожалѣнію, дѣвушки, удовлетворяющія подобнымъ требованіямъ, составляютъ у насъ рѣдкость—за отсутствіемъ школъ, которыя давали-бы имъ соотвѣтствующую подготовку.

III.

Въ другихъ государствахъ сельско-хозяйственное образованіе получило болѣе широкую и цѣлесообразную постановку. Въ Германіи такой постановкой оно обязано главнымъ образомъ общественной и частной инициативѣ, находившей себѣ матеріальную поддержку со стороны правительства. Въ этомъ отношеніи наибольшаго вниманія заслуживаютъ германскія школы домоводства. Въ общемъ, онѣ бываютъ двухъ типовъ, изъ которыхъ одна предназначена для городскихъ дѣвушекъ (Haushaltungsschulen), а другія для деревенскихъ (Landwirtschaftliche Haushaltungsschulen). Точно также однѣ изъ этихъ школъ предназначаются для дѣвушекъ болѣе состоятельныхъ классовъ, другія—для крестьянъ. Помимо школъ домоводства, существуютъ и спеціальныя школы для обученія отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства—молочнаго дѣла, птицеводства, садоводства и т. д. Той-же цѣли служатъ постоянные и временные курсы, устраиваемые при различныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ.

Старѣйшими школами домоводства являются пять школъ этого рода въ Вюртембергѣ, существующихъ здѣсь съ 1878 г. Согласно уставамъ, онѣ имѣютъ въ виду «дать возможность дѣвушкамъ крестьянскаго и средняго классовъ пріобрѣсти познанія и усвоить практическіе пріемы, необходимые для успѣшнаго веденія простого домашняго хозяйства, пріучить ихъ къ чистотѣ, пунктуальности и порядку, содѣйствовать поднятію ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ и, наконецъ, дать имъ первоначальныя свѣдѣнія по гигіенѣ и уходу за больными». Всѣ эти школы учреждены обществами и союзами сельскихъ хозяевъ, при чемъ три изъ нихъ пользуются субсидіями отъ правительства. Кромѣ разныхъ видовъ домоводства—кулинарнаго искусства, стирки, рукодѣлій, знакомства съ матеріалами для изготовленія бѣлья и платья и т. п.—въ школахъ изучается молочное хозяйство, уходъ за домашними животными и птицеводство. Изъ общихъ предметовъ преподаются—ариѳметика, грамматика, первоначальная бухгалтерія и пѣніе. Учебный курсъ продолжается около 6 мѣсяцевъ, но большинство остается въ школѣ въ теченіе нѣсколькихъ курсовъ. Плата за ученье взимается въ раз-

мѣрѣ отъ 25 до 30 марокъ за курсъ; плата за полный пансіонъ—около 1 марки въ сутки. Самое содержаніе такой школы обходится около 5.500 марокъ въ годъ, при чемъ 1.500 марокъ получается отъ платы за ученіе, а остальныя изъ другихъ источниковъ. Приблизительно на тѣхъ-же началахъ устраиваются школы домоводства и въ другихъ провинціяхъ Германіи. Многія изъ нихъ существуютъ при монастыряхъ и другихъ общинахъ; таковъ, напримѣръ, женскій сельско-хозяйственный институтъ, учрежденный въ Гельдернѣ настоятельницей монастыря «Unserer Lieben Frau». Въ институтѣ постоянно обучается до 60 дѣвушекъ. Курсъ ученія продолжается годъ, а для желающихъ полтора года.

Слѣдующее мѣсто по ихъ распространенію принадлежитъ въ Германіи школамъ-фермамъ. Возникаютъ онѣ чаще всего также по инціативѣ сельско-хозяйственныхъ обществъ, выбирающихъ отдѣльныя хозяйства, при которыхъ является возможно устроить подобныя школы. Преимущества ихъ заключаются въ отсутствіи необходимости затрачивать болѣе или менѣе значительныя средства на оборудованіе школъ хозяйствомъ. Въ остальномъ онѣ мало чѣмъ отличаются отъ школъ перваго типа. Затѣмъ, при частныхъ-же хозяйствахъ устраиваются и спеціальныя школы молочнаго дѣла. Первая школа садоводства для женщинъ учреждена въ Германіи въ 1894 г. въ Фриденау, близъ Берлина. Учредительница ея, г-жа Кастнеръ, задалась цѣлью: 1) подготовлять женщинъ состоятельнаго класса, получившихъ хорошее первоначальное образованіе, къ веденію промышленнаго садоводства; 2) показать, что садовыя работы доступны женщинамъ состоятельныхъ классовъ; 3) путемъ работъ на открытомъ воздухѣ укрѣпить здоровье своихъ питомицъ. Курсъ ученья два года, при чемъ бо̀льшая часть времени посвящается практическимъ занятіямъ. О результатахъ, достигаемыхъ этой школой, пока еще трудно судить. Наконецъ, очень важнымъ средствомъ для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній среди населенія и женщинъ въ частности служитъ въ Германіи устройство курсовъ и чтеній. Предметомъ ихъ служатъ отдѣльныя отрасли сельскаго хозяйства или домоводства, какъ-то: молочное дѣло, уходъ за скотомъ, птицеводство, огородничество и т. п., а съ другой стороны—приготовленіе консервовъ, кулинарное искусство, рукодѣлья и т. д. Такіе курсы устраиваются десятками въ каждой провинціи. Для преподаванія на такихъ курсахъ имѣется особый персоналъ странствующихъ учителей и учительницъ. Огромное большинство курсовъ посвящено обученію дѣвушекъ поваренному искусству. Въ послѣднее время курсы по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства начали устраиваться при мужскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ.

Къ этому нужно прибавить, что на ряду съ элементарными школами въ Германіи получаютъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе такъ-называемыя Fortbilgundsschulen, т.-е. дополнительныя школы. Онѣ представляютъ собою какъ-бы переходную ступень къ профессіональному образованію, при чемъ въ женскихъ школахъ этого рода преподаются преимущественно основныя начала домоводства и нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства. Существованіе такихъ школъ значительно облегчаетъ успѣшное выполненіе задачъ, преслѣдуемыхъ профессіональными школами и отдѣльными курсами. Не удивительно, что спеціальныя знанія и практическій навыкъ пріобрѣтаются здѣсь въ такіе сроки, которые при другихъ условіяхъ оказываются очень краткими и недостаточными. Для подготовки контингента преподавательницъ домоводства въ Германіи, въ свою очередь, учреждаются особыя семинаріи и курсы. Наиболѣе извѣстная и старѣйшая изъ такихъ семинарій находится въ Карльсруэ. Учредителемъ ея явилось Баденское женское общество (Badicher Frauenverein).

Постановка женскаго профессіональнаго образованія въ Германіи послужила образцомъ и для Австро-Венгріи, гдѣ съ начала 80-хъ годовъ число школъ домоводства съ преподаваніемъ отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства быстро возрастаетъ. Во Франціи имѣется всего три женскихъ сельско-хозяйственныя школы, изъ которыхъ двѣ посвящены изученію молочнаго хозяйства, преимущественно сыроваренія, и одна—птицеводства. Изъ скандинавскихъ государствъ наиболѣе широко поставлено женское сельско-хозяйственное образованіе въ Норвегіи. Женщины изучаютъ здѣсь различныя отрасли сельскаго хозяйства, въ большинствѣ случаевъ при посредствѣ курсовъ, устраиваемыхъ въ образцовыхъ имѣніяхъ. На ряду съ практическими занятіями на курсахъ читаются естественная исторія, физика, химія, физіологія и ботаника. Въ Голландіи имѣются двѣ школы молочнаго хозяйства для подготовки мейеристокъ-учительницъ и завѣдующихъ крупными фермами, число-же практическихъ курсовъ по этой отрасли хозяйства весьма значительно, чему и обязана Голландія ея цвѣтущимъ состояніемъ. Заслуживаетъ вниманія женскій институтъ сельскаго хозяйства въ Румыніи. Въ пользу его завѣщанъ капиталъ, дающій до 150 т. фр. ежегоднаго дохода. Цѣль института—дать странѣ «хорошихъ женъ и матерей безъ роскоши и претензій». Курсъ ученья—пять лѣтъ, при чемъ на каждый курсъ принимается 15 ученицъ. При институтѣ имѣется обширный садъ, огородъ, молочная ферма, скотный дворъ, пасѣка и шелководня. По всѣмъ этимъ отраслямъ хозяйства ведутся съ ученицами какъ практическія, такъ и теоретическія занятія.

Ученицы V (выпускного класса) исполняютъ уже всѣ работы сами, безъ всякой помощи прислуги. На преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ удѣляется въ младшихъ классахъ ежедневно три часа и въ старшихъ—два. Общее образованіе восполняется, кромѣ того, путемъ вечернихъ чтеній. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ сельско-хозяйственныя учебныя заведенія доступны женщинамъ наравнѣ съ мужчинами, чѣмъ онѣ и пользуются въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Всего въ штатахъ существуетъ свыше 60 сельско-хозяйственныхъ колледжей.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить возникшаго въ послѣднее время движенія въ пользу учрежденія сельско-хозяйственныхъ школъ съ цѣлями, такъ сказать, воспитательно гигіеническими. Съ особенною энергіей это движеніе проявляется въ Бельгіи. Весьма дѣятельнымъ пропагандистомъ расширенія сельско-хозяйственнаго образованія для женщинъ выступилъ, между прочимъ, проф. Простъ (A. Proost). Въ своей брошюрѣ «L'éducation de la femme devant la science» Простъ останавливается на печальныхъ результатахъ изслѣдованій, произведенныхъ медиками въ женскихъ пансіонахъ и учительскихъ семинаріяхъ. Въ этихъ школахъ существуетъ самая благопріятная почва для развитія зачатковъ такихъ болѣзней, какъ мономанія, истерія, анемія, чахотка и т. д. Съ педагогической точки зрѣнія, въ свою очередь, весьма вреднымъ является нагроможденіе преподаваемаго матеріала, который, въ большинствѣ случаевъ, не усваивается, а берется памятью и скоро изъ нея улетучивается. При воспитаніи ума,—говоритъ проф. Простъ,—гораздо важнѣе развивать наблюдательность и способность составлять правильныя сужденія, вообще—мыслить, нежели обременять мозгъ сверхъ мѣры знаніями въ видѣ словъ, цифровыхъ данныхъ, формулъ и т. д. Въ общемъ, «по мѣрѣ того какъ открытія въ біологіи выясняютъ намъ строеніе и отправленія различныхъ частей организма и устанавливаютъ законы, управляющіе параллельными или послѣдовательными способностями и связью между умственнымъ, нравственнымъ и физическимъ развитіемъ, новые горизонты открываются передъ тѣми педагогами, которые не держатся упорно рутины и не ослѣплены предвзятыми школьными принципами». Въ дѣлѣ-же постановки образованія дѣвушекъ, по мнѣнію проф. Проста, въ особенности важно подчинить культъ формы, фразы изученію природы и въ частности различныхъ отраслей земледѣлія, такъ какъ въ этомъ подчиненіи заключается одно изъ средствъ ослабить развитіе грубыхъ эгоистическихъ стремленій и сдѣлать вліяніе матери на дѣтей болѣе благотворнымъ. Подъ вліяніемъ подобной пропаганды, въ Бельгіи съ 90-хъ годовъ начало быстро возрастать число сельско-хозяйственныхъ школъ, предназначенныхъ для

дѣвушекъ среднихъ классовъ. Въ настоящее время тамъ имѣется десять такихъ школъ. Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы «дать дочерямъ землевладѣльцевъ теоретическія и практическія свѣдѣнія, необходимыя для веденія хозяйства на фермѣ. Окончившія курсъ въ этихъ школахъ дѣвушки должны знать гигіену жилищъ, домоводство, умѣть разнообразить столъ, знать огородныя и плодовыя культуры, раціональное содержаніе и разведеніе домашняго скота, умѣть содержать птичникъ, пчельникъ, вести счетоводство, приготовлять масло и различные сыры». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Бельгіи получило весьма широкое примѣненіе и устройство для женщинъ курсовъ—въ цѣляхъ изученія отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

IV.

Такимъ образомъ, за границей организація сельско-хозяйственнаго образованія среди женщинъ опирается, во-первыхъ, на частную или общественную инициативу, затѣмъ—на возможность для родителей оплачивать значительную часть издержекъ по обученію ихъ дочерей и, наконецъ, на сравнительно весьма хорошую подготовку ихъ, полученную какъ въ элементарной, такъ и дополнительной школѣ. Въ Россіи,—говоритъ И. И. Мещерскій,—дѣло женскаго сельско-хозяйственнаго образованія стоитъ нѣсколько иначе. Хотя у насъ и пробудилось къ нему общественное вниманіе, но оно имѣетъ почти совершенно платоническій характеръ. Незначительное число существующихъ у насъ сельско-хозяйственныхъ школъ обязано своимъ возникновеніемъ отдѣльнымъ лицамъ, при значительной матеріальной поддержкѣ со стороны правительства. При этомъ матеріальная сторона дѣла осложняется бѣдностію сельскаго населенія, а постановка учебнаго дѣла — слабымъ развитіемъ начальнаго образованія. Въ результатѣ, учредителямъ школъ приходится изыскивать средства для дарового содержанія ученицъ и пополнять курсъ преподаваніемъ общеобразовательныхъ предметовъ. Вслѣдствіе этого сдѣланныя у насъ попытки устройства сельско-хозяйственныхъ школъ, разсчитанныхъ на такой-же срокъ обученія, какой установленъ въ Германіи, потерпѣли неудачу. Въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ имѣется всего четыре школы домоводства и сельскаго хозяйства: три сельско-хозяйственныя, предназначенныя исключительно для женщинъ, и одна школа молочнаго хозяйства, въ которую принимаются одинаково мужчины и женщины.

Старѣйшей изъ школъ, открывшихъ женщинѣ доступъ къ изученію сельскаго хозяйства, является Едимоновская школа, учрежденная Н. В. Верещагинымъ. Она находится близъ села Едимонова,

Корчевскаго уѣзда, Тверской губ., и пользуется пособіемъ отъ правительства въ размѣрѣ 11 тыс. руб. Школа имѣетъ цѣлію обученіе скотоводству, маслодѣлію и приготовленію сыровъ. Принимаются въ нее лица обоего пола, достигшія 17-лѣтняго возраста. Опредѣленной продолжительности курса не установлено и удостовѣреніе выдается послѣ того, какъ учащійся пріобрѣлъ достаточно свѣдѣній и навыка. Обыкновенно на это требуется около $1^1/_2$ года. За обученіе платы не полагается, а для бѣднѣйшихъ установлено еще 20 казенныхъ стипендій, по 100 руб. каждая. Съ 1871 г. курсъ школы окончили 360 женщинъ, изъ которыхъ 106, по имѣющимся свѣдѣніямъ, занимаютъ мѣста мастерицъ и маслодѣлокъ въ чужихъ имѣніяхъ, или-же ведутъ собственное молочное хозяйство. Въ настоящее время въ школѣ обучается ежегодно до 60 лицъ, изъ которыхъ около половины женщины.

Зозулинская школа сельскаго хозяйства и домоводства учреждена Марьей Николаевной Гриневой въ Бердичевскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. По первоначальному предположенію, курсъ ученья въ школѣ устанавливался въ восемь мѣсяцевъ, съ программою, соотвѣтствующей германскимъ школамъ домоводства. Но впослѣдствіи время обученія увеличено до двухъ лѣтъ, при чемъ нѣкоторыя изъ ученицъ могутъ быть оставляемы для практическихъ занятій и на болѣе продолжительное время. Въ школѣ преподаются по сельскому хозяйству— огородничество съ садоводствами и цвѣтоводствомъ, птицеводство, свиноводство и рыбоводство, молочное дѣло; по домашнему хозяйству—поваренное искусство, машинное и паровое мытье и глаженье, домоводство (кройка, шитье, пряжа и т. п.). Въ общемъ-же Зозулинская школа отличается чрезвычайнымъ изобиліемъ преподаваемыхъ предметовъ, въ число которыхъ входятъ: приготовленіе издѣлій изъ жести, матрацовъ, ковровъ, корзинъ, щетокъ, переплетное мастерство, счетоводство, пчеловодство и т. д. Кромѣ того, преподаются и нѣкоторые общеобразовательные предметы. Изученіе большинства этихъ предметовъ имѣетъ для ученицъ обязательный характеръ. Не удивительно, что для основательнаго усвоенія курса оказалось недостаточно и трехъ лѣтъ. Въ 1896 г. въ Зозулинской школѣ обучалось 50 ученицъ, желающихъ-же поступить записалось до 300. Но большинство не въ состояніи содержать себя на свой счетъ, тогда какъ казна отпускаетъ средства на содержаніе лишь 20 пансіонерокъ. Всего школа получаетъ въ пособіе отъ казны 3.000 руб. Насколько можно судить по отчетамъ, ученицы пріучаются здѣсь къ личному выполненію большинства работъ. Поэтому наиболѣе успѣшно проходили курсъ «интеллигентныя крестьянки и мѣщанки изъ маленькихъ городовъ, дочери экономовъ, приказчиковъ, фельд-

шеровъ, псаломщиковъ и т. п.» Наименѣе-же способными оказались «дворянки и разныя интеллигентныя дѣвицы». Въ общемъ-же школа, какъ свидѣтельствуетъ учредительница, «приносила пользу всѣмъ сословіямъ: крестьянкамъ и мѣщанкамъ, такъ какъ ихъ дочери могли научиться болѣе усовершенствованному веденію хозяйства и имѣть впослѣдствіи хорошіе заработки на службѣ въ большихъ хозяйствахъ, помѣщикамъ, потому что они могли имѣть лицъ, пріученыхъ къ дѣлу, честныхъ, вѣжливыхъ, не требовательныхъ. Болѣе состоятельнымъ барышнямъ школа принесла ту пользу, что онѣ могли заняться лично своимъ хозяйствомъ, получать болѣе дохода, чѣмъ прежде, и приносить болѣе пользы своей семьѣ по выходѣ въ замужество».

Слѣдующею по времени учрежденія является Понемуньская школа домоводства и сельскаго хозяйства. Учреждена она баронессой А. І. Будбергъ въ ея имѣніи Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губ. Согласно уставу, въ школѣ изучаются общеобразовательные предметы—Законъ Божій, ариѳметика и русскій языкъ въ размѣрахъ, установленныхъ для народныхъ школъ. Изъ спеціальныхъ предметовъ проходятся: 1) свѣдѣнія по гигіенѣ, 2) домашнее хозяйство, 3) рукодѣлья, 4) животноводство, 5) молочное хозяйство, 6) основныя понятія о садоводствѣ и огородничествѣ, 7) пчеловодство, 8) счетоводство. Полный курсъ ученья—два года. Срокъ этотъ можетъ быть уменьшенъ для лицъ, желающихъ изучить одну какую-либо отрасль хозяйства. Занятія ведутся преимущественно практически. Съ учениць учредительница имѣетъ право взимать ежегодную плату въ размѣрѣ отъ 150 до 200 р. Отъ казны школа получаетъ пособія по 2.000 р. въ годъ, при чемъ половина этой суммы предназначается на содержаніе десяти казенныхъ стипендіатокъ, а другая половина—на вознагражденія преподавателей. Съ 1890 по 1896 г. въ школѣ обучалось 194 ученицы и окончило курсъ 103. Изъ послѣдняго числа 83 поступили на разныя мѣста.

Преображенская сельско-хозяйственная школа для женщинъ учреждена въ 1891 г. землевладѣльцемъ Глуховского уѣзда, Черниговской губ., Н. Н. Неплюевымъ. Школа эта существуетъ на основаніи нормальнаго положенія о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, съ пособіемъ отъ казны по 2.000 р. въ годъ. Преображенская школа, какъ говорится въ ея уставѣ, «имѣетъ цѣлію воспитывать молодыхъ дѣвушекъ въ сознательной вѣрѣ и сообщать имъ, преимущественно путемъ практическихъ занятій, наиболѣе полезныя для жены и матери земледѣльца познанія по сельскому хозяйству вообще и въ частности по молочному хозяйству, садоводству, огородничеству и домоводству (приготовленіе кушаній, соленій, стирка бѣлья и т. п.), а также кройкѣ и шитью». Курсъ ученья установленъ въ три года,

съ однолѣтнимъ, сверхъ этого, приготовительнымъ классомъ. Принимаются въ школу дѣвушки около 14 лѣтъ. Кромѣ повторенія общеобразовательныхъ предметовъ въ предѣлахъ начальныхъ народныхъ училищъ, въ школѣ преподаются: 1) объясненіе важнѣйшихъ для земледѣльца явленій природы, 2) ученіе о полезныхъ и вредныхъ для хозяйства растеніяхъ и животныхъ, 3) основныя понятія о способахъ воздѣлыванія земли, ухода за растеніями и животными, садоводство, огородничество, птицеводство и молочное хозяйство, 4) свѣдѣнія по гигіенѣ и уходу за больными, 5) церковное пѣніе, 6) гимнастика.

Относительно обученія школа придерживается того правила, чтобы научить всѣхъ по возможности всѣмъ работамъ, встрѣчающимся въ сельско-хозяйственной практикѣ. Ежедневно ученицы назначаются на работы по наряду, составляемому управляющимъ школою. При составленіи наряда принимается прежде всего во вниманіе польза ученицъ; на работу наряжаются тѣ изъ нихъ, для которыхъ это наиболѣе необходимо. Въ началѣ каждой работы ученицамъ прежде всего объясняется значеніе ея въ хозяйствѣ, наилучшій способъ выполненія и результаты, которыхъ ей слѣдуетъ достигнуть. Ученицы старшаго класса назначаются по очереди для наблюденія за работами, что пріучаетъ ихъ къ административной дѣятельности. Каждая ученица ведетъ свой «рабочій дневникъ», въ которомъ ежедневно записывается, на какой работѣ она была, гдѣ производилась работа, какимъ орудіемъ и пр. Дневники ежедневно просматриваются управляющимъ.

Къ началу 1896 г. въ школѣ было 46 ученицъ, изъ которыхъ въ приготовительномъ классѣ—20, въ I-мъ—13, во II-мъ—9 и въ III-мъ—4 ученицы. Переведено въ слѣдующіе классы 25 ученицъ, оставлено на второй годъ—7 и выбыло—11 ученицъ, окончило курсъ—3 ученицы. Изъ этихъ данныхъ видно, что обученіе въ школѣ поставлено не особенно удовлетворительно.

Министерствомъ Земледѣлія собраны вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя данныя о результатахъ, достигаемыхъ женскими сельско-хозяйственными школами, и о тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявляются къ нимъ со стороны представителей практики. Въ 1897 г. бывшимъ ученицамъ этихъ школъ были разосланы особые вопросные листы съ предложеніемъ сообщить различныя свѣдѣнія, касающіяся школъ, въ которыхъ онѣ обучались, и о настоящей ихъ дѣятельности. Къ сожалѣнію, на запросъ откликнулись только питомицы Едимоновской и Понемуньской школъ.

Изъ полученныхъ указаннымъ путемъ отзывовъ видно, что огромное большинство питомицъ сельско-хозяйственныхъ школъ получило

предварительное образованіе въ народныхъ и городскихъ школахъ. Въ специальныхъ школахъ онѣ обучались отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до 5 и болѣе лѣтъ, большинство-же 1—2 года. Послѣдующая дѣятельность учениць опредѣлялась въ зависимости отъ того, изучили-ли онѣ одну какую-либо отрасть хозяйства, или-же прошли полный курсъ, а также отъ болѣе или менѣе удовлетворительной постановки обученія отдѣльнымъ отраслямъ въ различныхъ школахъ. Такъ, большинство пробывшихъ въ школѣ короткій срокъ служатъ маслодѣлками. Окончившія-же полный курсъ поступали на должности эконома, завѣдующихъ скотными дворами и т. д. Хотя въ Понемуньскую школу идутъ преимущественно уроженки Остзейскихъ губерній, но на службу онѣ поступаютъ главнымъ образомъ во внутреннія губерніи. Размѣръ ихъ вознагражденія колеблется отъ 8 до 25 р. въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи. Что касается питомицъ Едимоновской школы, то значительное большинство ихъ занимаютъ должности по молочному хозяйству.

Не менѣе значительный интересъ представляютъ собою и отзывы хозяйствъ, имѣвшихъ дѣло съ питомицами сельско-хозяйственныхъ школъ или желавшихъ пользоваться ихъ услугами. Они прежде всего подтверждаютъ справедливость приведенныхъ нами выше взглядовъ на весьма крупное значеніе, которое можетъ получить въ современномъ хозяйствѣ трудъ женщины, получившей надлежащую подготовку. «Сельское хозяйство,—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ,—не можетъ при настоящихъ условіяхъ ограничиться только производствомъ и сбытомъ зерновыхъ продуктовъ, но должно изыскивать болѣе прибыльныя статьи дохода въ побочныхъ своихъ производствахъ». Изъ такихъ побочныхъ отраслей хозяйства самымъ прибыльнымъ является молочное дѣло. Но, какъ замѣчаетъ другой корреспондентъ,«чтобы издѣлія нашего хозяйства—сыръ и масло—могли найти себѣ покупателей на европейскихъ рынкахъ, они должны отличаться прочностію, хорошимъ вкусомъ и постоянствомъ присущихъ имъ качествъ, а для этого намъ необходимы хозяйки-маслодѣлки, имѣющія специальную подготовку». Но въ этомъ отношеніи наши хозяева единодушно требуютъ, чтобы школа имъ доставляла вполнѣ практически подготовленныхъ хозяекъ, не разсчитывая на то, что практическіе навыки могутъ быть получены въ самыхъ хозяйствахъ. Хозяйствъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ могли-бы служить и практическою школою для учениковъ или учениць сельско-хозяйственныхъ школъ, у насъ очень немного. Само собою разумѣется, что при нашихъ условіяхъ задача, лежащая на нашихъ школахъ, представляется гораздо болѣе трудною, чѣмъ это наблю-

*

дается за границей, гдѣ школа даетъ лишь подготовку, необходимую для практическаго изученія предмета въ самомъ хозяйствѣ.

Попытки устроить при нѣкоторыхъ изъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ курсы для образованныхъ женщинъ для изученія отдѣльныхъ отраслей хозяйства, по словамъ И. И. Мещерскаго, не имѣли пока успѣха. Точно такъ-же потерпѣли неудачу и попытки устройства классныхъ отдѣленій при общихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, исключая Едимоновской школы. Сравнительно лучше идутъ смѣшанные курсы по садоводству и огородничеству для народныхъ учителей и учительницъ, но и здѣсь встрѣчались затрудненія при организаціи практическихъ занятій въ виду различія рабочихъ способностей мужчинъ и женщинъ.

V.

Что касается желательной постановки сельско-хозяйственнаго образованія для женщинъ, то она намѣчена И. А. Стебутомъ въ его «Программѣ вопросовъ по сельско-хозяйственному женскому образованію и краткихъ отвѣтахъ на нихъ» *). По мнѣнію автора этой программы, школы должны подраздѣляться на два главнѣйшихъ типа: однѣ спеціальныя—по различнымъ отраслямъ хозяйства (молочному хозяйству, огородничеству и пр.), предназначенныя преимущественно для женщинъ съ низшей элементарной подготовкой, и другія, сообщающія болѣе широкія, научно-обставленныя знанія по сельскому хозяйству, которыя давали-бы возможность самостоятельно управлять небольшими хозяйствами или отдѣльными ихъ отраслями. Послѣдняго рода школы должны предназначаться для женщинъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, институтахъ и другихъ равныхъ имъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти высшія сельско-хозяйственныя заведенія могутъ служить и для подготовки персонала учительницъ въ низшія спеціальныя школы. Чтобы сократить продолжительность курса въ нихъ и уменьшить необходимыя издержки на содержаніе, И. А. Стебутъ признаетъ желательнымъ устроить при образовательныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣчто въ родѣ дополнительныхъ классовъ (на подобіе существующихъ педагогическихъ классовъ), въ которыхъ преподавались-бы естественныя науки и основныя начала политической экономіи въ размѣрахъ, необходимыхъ для усвоенія спеціальныхъ предметовъ. Роль такихъ подготовительныхъ школъ могли-бы выполнить есте-

*) Записка, представленная И. А. Стебутомъ министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

ственно-математическія отдѣленія при высшихъ женскихъ курсахъ или специально организованныя лекціи.

Болѣе детально та-же программа постановки женскаго сельско-хозяйственнаго образованія разработана И. И. Мещерскимъ въ составленномъ имъ введеніи къ «Сборнику». Какъ полагаетъ И. И. Мещерскій, существующему запросу на услуги женщины съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ отвѣчали-бы школы слѣдующихъ типовъ: 1) практическія школы домоводства—для подготовки экономокъ въ мелкія и среднія хозяйства; 2) практическія-же школы по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства—молочному хозяйству вообще, скотоводству, маслодѣлію и т. п.; 3) низшія училища съ повышеннымъ курсомъ—для подготовки болѣе развитыхъ руководительницъ по сельскому хозяйству; 4) среднія школы и особые институты—для подготовки образованныхъ хозяекъ, а также преподавательницъ въ низшія школы.

Изъ школъ указанныхъ типовъ, по мнѣнію И. И. Мещерскаго, на первую очередь слѣдуетъ поставить учрежденіе школъ для изученія отдѣльныхъ, наиболѣе важныхъ отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то: по маслодѣлію, скотоводству, огородничеству и пр. Такія школы могли-бы въ сравнительно короткіе сроки, въ 1—2 года, подготовлять умѣлыхъ мастерицъ изъ грамотныхъ женщинъ. Для наиболѣе усиленной постановки обученія необходимо, чтобы оно велось въ условіяхъ по возможности тожественныхъ съ условіями, въ которыхъ мастерицамъ придется впослѣдствіи работать въ частныхъ хозяйствахъ. Руководителями занятій должны явиться опытные мастера или мастерицы, способные вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить значеніе различныхъ техническихъ пріемовъ. Въ дополненіе, съ практическими занятіями необходимо вести теоретическія бесѣды и даже пополнять элементарное образованіе учащихся. Сюда-же можно отнести и практическіе курсы для изученія одной какой-либо специальности съ болѣе краткимъ курсомъ.

Гораздо болѣе сложнымъ дѣломъ является подготовка экономокъ въ школахъ домоводства. Произведенные въ этой области опыты не дали пока вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Здѣсь, кромѣ сообщенія извѣстныхъ познаній и навыковъ, имѣетъ весьма важное значеніе и воспитательная сторона подготовки. Чтобы достигнуть желательныхъ результатовъ въ послѣднемъ отношеніи, учредительница Зозулинской школы считаетъ необходимымъ удлинить курсъ до 5—6 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы принимать въ школу дѣвушекъ 14—15 лѣтъ. Такой возрастъ, въ связи съ продолжительнымъ срокомъ пребыванія въ школѣ, какъ думаетъ г-жа Гринева, дастъ ей возможность воспитать своихъ ученицъ въ извѣстномъ направленіи и вы-

работать въ нихъ требуемыя для послѣдующей дѣятельности качества—трудолюбіе, честность, непритязательность, распорядительность и т. д. Рядомъ съ этимъ могутъ существовать и сокращенные курсы, отъ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ, для дѣвушекъ, желающихъ изучить лишь извѣстныя отрасли хозяйства. Съ своей стороны, И. И. Мещерскій высказывается противъ такого удлиненія курса, такъ какъ при немъ подготовка хозяекъ обойдется черезчуръ дорого.

Какъ на типъ низшаго училища съ повышеннымъ курсомъ, можно указать на женскую Преображенскую школу сельскаго хозяйства, учрежденную г. Неплюевымъ. Изъ мужскихъ школъ къ этому типу принадлежитъ Пензенское училище садоводства и нѣкоторыя низшія сельско-хозяйственныя школы 1-го разряда, лучше обставленныя въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Въ женскихъ школахъ такого типа главное вниманіе должно быть обращено, конечно, на женскія отрасли хозяйства.

Что касается среднихъ учебныхъ заведеній, то учрежденіе ихъ затрудняется отсутствіемъ указаній опыта. Въ этомъ отношеніи И. И. Мещерскій не вполнѣ соглашается съ приведенными выше соображеніями И. А. Стебута, такъ какъ при осуществленіи ихъ въ точности встрѣтились съ нѣкоторыми затрудненіями. Главнѣйшее изъ нихъ заключается въ томъ, что между гимназіями двухъ вѣдомствъ, институтами и епархіальными училищами имѣются существенныя различія не только въ программахъ преподаваемыхъ предметовъ, но и въ постановкѣ воспитанія. Такимъ образомъ, въ проектируемыя учебныя сельско-хозяйственныя заведенія будутъ поступать женщины съ довольно разнообразною предварительною подготовкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе 2—3-хъ лѣтъ едва-ли можно достигнуть не только ознакомленія слушательницъ съ разными сторонами сельско-хозяйственнаго дѣла, но и подготовить ихъ къ непосредственной и самостоятельной дѣятельности въ деревнѣ. Обученіе-же въ дополнительныхъ классахъ, надстроенныхъ надъ гимназическимъ образованіемъ, потребуетъ отъ учащихся новой затраты времени и средствъ, отдаляя для нихъ конечную цѣль на нѣсколько лѣтъ противъ обычнаго курса среднихъ учебныхъ заведеній. Поэтому, не отрицая полезности устройства школъ, предназначенныхъ для женщинъ, получившихъ уже среднее общее образованіе, И. И. Мещерскій высказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и за желательность учрежденія такихъ школъ, въ которыхъ-бы общее образованіе соединялось съ спеціально сельско-хозяйственнымъ. Такимъ образомъ, для удовлетворенія нуждъ въ среднемъ образованіи могутъ быть предложены два типа школъ: а) школы съ курсомъ въ 5—8 лѣтъ и съ преподаваніемъ общихъ и спеціальныхъ предметовъ въ сельско-хозяйственной

обстановкѣ; б) сельско-хозяйственные курсы съ болѣе или менѣе широкой програмой для лицъ, предварительно прошедшихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Напомнимъ, что и въ Западной Европѣ въ послѣднее время проявляется стремленіе создать для дѣвушекъ земледѣльческихъ классовъ среднія учебныя заведенія, соединяющія въ себѣ общеобразовательную школу съ спеціальной сельско-хозяйственной.

Что касается школъ второго типа, то, по справедливому замѣчанію И. И. Мещерскаго, проектируемые курсы легко могутъ быть преобразованы въ высшія учебныя заведенія, если имъ даны будутъ соотвѣтствующія средства, а къ слушательницамъ и учебному персоналу будутъ предъявляться требованія, установленныя для мужскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Проектъ устройства высшаго сельско-хозяйственнаго института для женщинъ составленъ, между прочимъ, группою 23-хъ лицъ и внесенъ на усмотрѣніе Министерства Земледѣлія. Въ проектируемый институтъ предполагается принимать лицъ, получившихъ высшее или среднее образованіе. Курсъ ученія устанавливается въ 4 года. При институтѣ организуются практическіе курсы по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства. Стоимость содержанія такого учебнаго заведенія исчислена въ 80.000 руб. ежегодно. На ряду съ учебными заведеніями различныхъ типовъ, большое значеніе въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній среди женщинъ могутъ пріобрѣсти и временные курсы по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, лекціи, бесѣды и т. п. При удачной организаціи подобныя учрежденія могутъ оказать крупную услугу женщинамъ, не имѣющимъ возможности получить систематическаго сельско-хозяйственнаго образованія.

Въ заключеніе остановимся на предположеніяхъ И. И. Мещерскаго относительно матеріальной стороны дѣла въ вопросѣ объ организаціи сельско-хозяйственнаго образованія женщинъ. По мнѣнію его, предметомъ непосредственныхъ заботъ правительства могло-бы явиться лишь учрежденіе школъ для подготовки учительницъ, руководительницъ и надзирательницъ въ практическія школы, при чемъ и въ этомъ случаѣ «правительство должно опираться на иниціативу и средства общественныя». Затѣмъ, устройство и содержаніе низшихъ практическихъ школъ слѣдовало-бы отнести на средства земства, сельско-хозяйственныхъ обществъ и частныхъ лицъ, при содѣйствіи казны, какъ-то установлено нормальнымъ положеніемъ 27 декабря 1883 г., т.-е. съ отводомъ участковъ земли и льготнымъ отпускомъ лѣса для постройки школъ, а также съ назначеніемъ пособій на содержаніе учебнаго персонала. Что касается, наконецъ, среднихъ и высшихъ школъ, то, по мнѣнію И. И. Мещер-

скаго, «едва-ли въ этомъ новомъ дѣлѣ слѣдуетъ разсчитывать на значительное ассигнованіе казенныхъ суммъ». Это заключеніе мотивируется тѣмъ соображеніемъ, что высшія и среднія учебныя заведенія, «являясь по преимуществу средствами для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній среди интересующихся ими женщинъ, должны-бы и содержаться на частныя или спеціальныя средства». Напомнимъ, однако, что въ планѣ постановки общаго сельско-хозяйственнаго образованія, одобренномъ и сельско-хозяйственнымъ Совѣтомъ послѣдней сессіи, Министерство Земледѣлія пришло какъ разъ къ обратному заключенію, согласно которому высшія и среднія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія должны содержаться преимущественно на счетъ казны, исключительно-же на мѣстныя средства имѣетъ быть отнесено только устройство и содержаніе низшихъ школъ. Между тѣмъ нѣсколько раньше И. И. Мещерскій говоритъ, что «въ дѣлѣ устройства женскаго сельско-хозяйственнаго образованія не можетъ быть существенныхъ различій отъ такого-же образованія для мужского пола». Исходя изъ такого положенія, едва-ли послѣдовательно устанавливать столь «существенныя различія» въ отношеніи источниковъ, на которые должны учреждаться, а также содержаться тѣ и другія школы. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать успѣха новому начинанію Министерства Земледѣлія.

Вл. Бирюковичъ.

Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ *).

Въ послѣдніе годы временные педагогическіе курсы для начальныхъ учителей начали устраиваться очень многими губернскими и уѣздными земствами. Нельзя не порадоваться такому оживленію педагогической дѣятельности въ области нашей народной школы. Конечно, краткосрочные педагогическіе курсы ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить собою правильно организованныхъ учительскихъ семинарій. Только учительскія семинаріи, мужскія и женскія, если онѣ открыты будутъ въ каждой губерніи, могутъ надлежащимъ образомъ удовлетворить съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе возрастающую потребность въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ и учительницахъ для народныхъ школъ. Но, не имѣя въ достаточномъ количествѣ учительскихъ семинарій, нынѣ по необходимости приходится довольствоваться суррогатами ихъ, т. е. краткосрочными педагогическими курсами. При этомъ весьма естественно желаніе, чтобы педагогическіе курсы приносили нашей народной школѣ по крайней мѣрѣ возможно бо́льшую пользу. Къ сожалѣнію, большинство педагогическихъ курсовъ, по неудовлетворительности своей организаціи, далеко не приносятъ народнымъ школамъ той пользы, какую они могли-бы и должны-бы приносить имъ. Въ чемъ-же состоятъ недостатки въ организаціи краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ?

Первый и самый существенный недостатокъ въ организаціи педагогическихъ курсовъ заключается въ томъ, что являющіеся на

---

*) Статья составлена на основаніи личнаго, непосредственнаго участія моего въ занятіяхъ на педагогическихъ курсахъ, бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтомъ 1898 года (на курсахъ этихъ я былъ руководителемъ по русскому языку), знакомства моего съ нѣкоторыми курсами въ качествѣ частнаго лица, чтенія отчетовъ о нѣсколькихъ курсахъ и отзывовъ о курсахъ, слышанныхъ мною отъ тѣхъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, которымъ приходилось быть на курсахъ то по служебнымъ обязанностямъ, то вслѣдствіе желанія ознакомиться съ ходомъ учебныхъ занятій на нихъ и съ содержаніемъ бесѣдъ руководителей съ курсистами.

курсы учителя и учительницы должны давать пробные уроки въ образцовой школѣ, устраиваемой на курсахъ. Такъ какъ каждый практикантъ ведетъ дѣло преподаванія на такихъ урокахъ болѣе или менѣе по-своему, какъ онъ привыкъ вести его въ своей школѣ, то уже благодаря этому одному обстоятельству занятія дѣтей въ школѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ идти вполнѣ успѣшно и правильно. Дѣти, въ виду разнообразія требованій отъ нихъ со стороны практикантовъ, по необходимости теряются, туго воспринимаютъ то, что сообщается имъ, и даже нерѣдко прямо сбиваются съ толка. Если къ разнообразію требованій отъ дѣтей со стороны практикантовъ присоединить еще смущеніе послѣднихъ, а иногда даже полную растерянность, то, очевидно, недостатки въ правильномъ ходѣ учебныхъ занятій во временной школѣ на курсахъ должны еще больше увеличиваться. А робкихъ и плохо владѣющихъ собою практикантовъ, надобно сказать, на курсахъ обыкновенно бываетъ немало. Да и какъ не волноваться скромному сельскому педагогу, когда въ первый разъ въ жизни приходится ему давать уроки въ присутствіи неизвѣстныхъ для него руководителей, нѣсколькихъ начальствующихъ лицъ, многочисленнаго собранія другихъ учителей и учительницъ и, наконецъ, иногда г. начальника губерніи, г. предводителя дворянства и членовъ земской управы!.. Ясно, что надобно имѣть очень много самообладанія, увѣренности въ себѣ и педагогической опытности, чтобы не растеряться передъ такой большой и внушительной публикой. Смущеніе, робость и растерянность практикантовъ и практикантокъ въ частности увеличиваются вслѣдствіе того, что учителя и учительницы, не исключая наблюдателей и руководителей, обыкновенно записываютъ всѣ ихъ слова, фразы, замѣчанія, пріемы, дѣйствія и проч., съ тѣмъ, чтобы послѣ на разборѣ данныхъ уроковъ указать имъ замѣченные ими недостатки. Болѣе-же всего правильность въ занятіяхъ съ дѣтьми въ образцовой школѣ страдаетъ вслѣдствіе того обстоятельства, что нѣкоторые практиканты и практикантки ведутъ дѣло преподаванія неумѣло, ошибочно. Правда, всѣ они заранѣе вмѣстѣ съ руководителемъ составляютъ подробную программу предстоящихъ уроковъ. Но такъ какъ требованія руководителей не всегда совпадаютъ съ тѣмъ, какъ практиканты привыкли преподавать извѣстный предметъ въ своей школѣ, то ими по необходимости съ большимъ трудомъ усваиваются новые методическіе способы и пріемы въ дѣлѣ веденія даваемыхъ ими пробныхъ уроковъ. Не усвоивъ, какъ слѣдуетъ, новыхъ методическихъ способовъ и пріемовъ преподаванія того или другого учебнаго предмета, они легко и даже незамѣтно для самихъ себя производятъ иногда полную путаницу въ объясненіяхъ

тѣхъ понятій и мыслей, которыя приходится имъ сообщать на уроках. Спрашивается: что поучительнаго для курсистовъ и курсистокъ въ теченіе всѣхъ курсовъ на многихъ урокахъ видѣть, вмѣсто вполнѣ правильнаго хода учебныхъ занятій, большею частію неумѣлое, ошибочное, невѣрное веденіе учебнаго дѣла? Созерцаніе цѣлаго ряда такихъ уроковъ, по нашему мнѣнію, вмѣсто пользы должно принести учителямъ и учительницамъ одинъ лишь вредъ въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ. Для нихъ на урокахъ педагогическихъ курсовъ важно и поучительно видѣть образцовое, вполнѣ правильное преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ, а не промахи и ошибки своихъ растерянныхъ коллегъ. Для каждаго учителя весьма полезно наглядно убѣдиться, что можно сдѣлать опытному и знающему педагогу съ тремя отдѣленіями школы хотя-бы въ теченіе четырехъ, пяти, шести недѣль по каждому учебному предмету, а между тѣмъ на курсахъ онъ видитъ, какъ мало дѣлается въ каждомъ отдѣленіи по каждому предмету въ теченіе указанныхъ періодовъ времени. Ясно, что всѣ хорошіе курсисты въ правѣ сказать, что они въ своей школѣ гораздо больше дѣлаютъ, чѣмъ сколько дѣлается на курсахъ, въ одинъ и тотъ-же періодъ времени. Что касается уроковъ руководителей курсовъ, то большею частію они даются ими далеко не въ такомъ количествѣ, чтобы учителя и учительницы могли извлечь изъ нихъ надлежащую для себя пользу. Въ самомъ дѣлѣ, когда, напр., руководителемъ русскаго языка дается два-три урока по звуковой методѣ, три-четыре урока по объяснительному чтенію въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ, одинъ-два урока по славянскому чтенію и грамматикѣ и т. д.; могутъ-ли курсисты и курсистки вынести изъ нихъ ясное и болѣе или менѣе полное и отчетливое понятіе о томъ, какъ должны въ правильномъ видѣ идти занятія въ школѣ по этимъ предметамъ? Нѣтъ, на основаніи такого ограниченнаго количества уроковъ, даваемыхъ руководителемъ на курсахъ, учителя и учительницы, находящіеся на нихъ, могутъ составить лишь смутное, неопредѣленное представленіе о лучшихъ, болѣе раціональныхъ способахъ и пріемахъ преподаванія учебныхъ предметовъ начальной школы. Впрочемъ, когда руководители даютъ на курсахъ по нѣсколько уроковъ по каждому предмету, слушатели курсовъ все-таки могутъ получить на курсахъ то или другое понятіе о томъ, какъ даются уроки лучшими педагогами-практиками. Но что сказать о тѣхъ курсахъ, гдѣ руководители или совсѣмъ не даютъ образцовыхъ уроковъ, или даютъ ихъ въ количествѣ двухъ-трехъ, или, наконецъ, данные ими уроки не представляютъ въ дѣлѣ преподаванія ничего образцоваго и поучительнаго для курсистовъ? А между тѣмъ бываютъ и такого

рода печальныя явленія на курсахъ. Въ этомъ случаѣ учителямъ и учительницамъ, пріѣзжающимъ на педагогическіе курсы, очевидно, приходится видѣть на нихъ лишь рядъ большею частію самыхъ заурядныхъ, а то и прямо неудовлетворительныхъ пробныхъ уроковъ своихъ товарищей. Стоитъ-ли для этого тратить на курсы болѣе или менѣе значительныя денежныя суммы изъ тощей земской кассы? Педагогическіе курсы безъ образцовыхъ уроковъ въ школѣ совершенно не къ чему и устраивать.

Другой, не менѣе важный недостатокъ въ организаціи курсовъ заключается въ томъ, что уроки курсистовъ, согласно требованію § 23 правилъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ, подвергаются тщательному разбору послѣ того, какъ они даны въ школѣ. Мѣра эта, повидимому, какъ нельзя болѣе разумна и полезна. Вѣдь если вполнѣ обстоятельно, безпристрастно и умѣло указаны будутъ и достоинства, и недостатки даннаго урока, то кажется, что отсюда должны извлечь для себя большія выгоды не только сами практиканты, дающіе уроки, но и учителя и учительницы, присутствующіе на урокахъ. Но разборы практическихъ уроковъ имѣютъ и другую обратную сторону медали, которая и портитъ все дѣло. Практиканты—не ученики въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ, а нерѣдко люди уже семейные, пожилые, иногда даже убѣленные сѣдинами. Каково-же должно быть у нихъ на душѣ при разборѣ не совсѣмъ удачно даннымъ ими уроковъ? Не слѣдуетъ забывать, что каждый педагогъ имѣетъ извѣстное самолюбіе, каждый дорожитъ хорошимъ мнѣніемъ о себѣ другихъ людей. А тутъ, на курсахъ, вдругъ приходится подвергаться публичной критикѣ тѣхъ промаховъ, которые при другой обстановкѣ практикантъ, быть можетъ, никогда и не сдѣлалъ бы. Горечь практиканта нерѣдко увеличивается еще тѣмъ, что иные товарищи его не прочь даже поглумиться надъ допущенными имъ промахами. Вѣдь ничего нѣтъ легче, какъ видѣть недостатки въ другихъ людяхъ. Если практикантъ человѣкъ мнительный и не особенно владѣющій собою, то онъ можетъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ отзывовъ объ его урокѣ совсѣмъ даже упасть духомъ, разстроиться и, пожалуй, заболѣть. Для такихъ учителей и учительницъ педагогическіе курсы съ ихъ пробными уроками и разборами данныхъ практикантами уроковъ могутъ сдѣлаться просто ненавистными и противными. Конечно, на наблюдателяхъ и руководителяхъ лежитъ прямая обязанность строго слѣдить за тѣмъ, чтобы на разборахъ уроковъ соблюдаема была полная деликатность относительно практикантовъ, дающихъ уроки, и чтобы ничего оскорбительнаго не было высказываемо по адресу ихъ, но

горькая пилюля, хотя-бы и подслащенная, едва-ли какому паціенту можетъ нравиться.

Далѣе, на педагогическихъ курсахъ неблагопріятно отражаются слѣдующіе недостатки въ организаціи ихъ: неудовлетворительность вечернихъ бесѣдъ руководителей со стороны какъ содержанія ихъ, такъ и изложенія, небрежная формировка состава учениковъ для временной при курсахъ школы, недостаточное количество книгъ педагогическаго содержанія для курсистовъ и учебныхъ пособій для болѣе успѣшнаго хода занятій въ школѣ, большая разница въ умственномъ развитіи, познаніяхъ и въ спеціально-педагогической подготовкѣ учителей и учительницъ, приглашаемыхъ на курсы, равнодушное отношеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ своевременному печатанію возможно-полныхъ отчетовъ о курсахъ со стороны устроителей ихъ и наблюдателей и руководителей и т. д. Находя излишнимъ входить въ какія-либо подробности относительно раскрытія этихъ недостатковъ, прямо приступимъ теперь къ разсмотрѣнію того, какъ наилучшимъ образомъ могутъ быть организованы педагогическіе курсы, для того, чтобы они приносили возможно бо̀льшую пользу дѣлу народнаго образованія.

1) Пробныхъ уроковъ не должно быть на курсахъ. Всѣ уроки во временной при курсахъ школѣ должны давать приглашаемые на курсы руководители. Только при такомъ условіи учителя и учительницы увидятъ, какъ правильно ведется дѣло преподаванія въ школѣ опытными и знающими педагогами,—увидятъ и тѣ результаты, какихъ можно достигнуть хотя-бы и въ весьма короткое время, назначенное на курсы. Такъ какъ по каждому предмету въ этомъ случаѣ можетъ быть дано руководителями достаточное число уроковъ, то курсисты хорошо ознакомятся со способами и пріемами правильнаго преподаванія не того или другого лишь предмета, а всѣхъ предметовъ, входящихъ въ курсъ начальныхъ школъ. Вообще курсистамъ гораздо поучительнѣе и практически полезнѣе видѣть въ теченіе нѣсколькихъ недѣль рядъ образцовыхъ уроковъ, нежели быть слушателями многихъ уроковъ, неудачно или лишь заурядно даваемыхъ ихъ коллегами. Само собою разумѣется, что руководители курсовъ должны обладать большимъ педагогическимъ искусствомъ во всѣхъ школьныхъ занятіяхъ съ дѣтьми. Если они не владѣютъ этимъ искусствомъ, то напрасно и браться имъ за такое дѣло. Курсисты, присутствуя на образцовыхъ урокахъ руководителей, должны возможно подробнѣе записывать весь ходъ ихъ, всѣ выдающіеся своими достоинствами пріемы ихъ, вопросы, задаваемые ими, и т. д. Неопытные курсисты могутъ затрудняться въ записяхъ хода уроковъ руководителей, могутъ обращать вниманіе на частныя

и мелкія черты этихъ уроковъ, опуская главныя, характерныя стороны ихъ и т. д. На руководителяхъ лежитъ обязанность помочь имъ, какъ болѣе толково и содержательно вести записи уроковъ, что можетъ быть сдѣлано и устно, и письменно на классной доскѣ. Когда записи образцовыхъ уроковъ будутъ составляемы курсистами по хорошо составленному плану, то они послужатъ для нихъ прекраснымъ пособіемъ для лучшей постановки преподавательнаго дѣла въ ихъ школахъ. Записи-же уроковъ, производимыя какъ попало, безпорядочно, безъ всякаго заранѣе составленнаго плана, никакой пользы не могутъ принести курсистамъ. § 25 правилъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ требуетъ, чтобы записи содержанія и хода уроковъ въ школѣ даже просматриваемы были наблюдателями и руководителями курсовъ. Но намъ кажется, что такое просматриваніе записей курсистовъ едва-ли осуществимо на практикѣ и можетъ только обременять какъ курсистовъ, такъ и руководителей грудою излишней работы. Вѣдь просматривать записи можно не въ томъ черновомъ видѣ, какъ онѣ составляются курсистами во время присутствованія ихъ на урокахъ, а только въ болѣе или менѣе передѣланномъ и, слѣдовательно, вновь переписанномъ видѣ. А такая работа развѣ легкое дѣло? Да на нее одну у курсистовъ должно уходить все свободное время. Когда же имъ отдохнуть, обмѣняться мыслями и впечатлѣніями, прочитать тѣ или другія лучшія педагогическія сочиненія и т. д.? На все это, очевидно, у нихъ совсѣмъ не будетъ времени. Равнымъ образомъ, руководителямъ развѣ легко хотя-бы бѣгло пробѣжать цѣлые десятки записей курсистовъ? Когда-же имъ отдохнуть отъ напряженныхъ непрерывныхъ умственныхъ трудовъ? Когда имъ войти въ свободное общеніе съ курсистами? Когда подготовляться къ вечернимъ бесѣдамъ и т. д.? Просмотромъ записей курсистовъ предполагается привлечь ихъ къ болѣе внимательному наблюденію за ходомъ учебныхъ занятій въ школѣ. Цѣль вполнѣ хорошая; только она гораздо скорѣе и лучше можетъ быть достигнута другими путями, именно: возможно лучшей постановкой всѣхъ учебныхъ занятій въ школѣ со стороны руководителей. Если руководители даютъ вполнѣ образцовые уроки, то курсисты безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій постараются сами возможно полнѣе записать ихъ для себя. Истинно-образцовые уроки всегда дѣйствуютъ болѣе или менѣе неотразимо на курсистовъ.

Если руководители курсовъ будутъ принимать на себя всѣ уроки въ школѣ и будутъ давать ихъ вполнѣ образцово, то, какъ мы сказали уже, такая организація курсовъ принесетъ народнымъ учителямъ весьма большую пользу. Но вотъ въ чемъ вопросъ: гдѣ взять въ

требуемомъ количествѣ такихъ руководителей и что дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, если устроителямъ педагогическихъ курсовъ не представляется никакой возможности найти ихъ для курсовъ? По нашему мнѣнію, въ такихъ обстоятельствахъ можно-бы разрѣшать устроителямъ курсовъ прибѣгать къ слѣдующей мѣрѣ: въ помощь къ руководителямъ приглашать для занятій въ школѣ лучшихъ практиковъ изъ среды учителей начальныхъ школъ, съ тѣмъ, чтобы учителя эти давали уроки въ школѣ по тѣмъ методамъ и съ тѣми пріемами, какіе признаютъ лучшими руководители. Конечно, руководители и практики-учителя должны при этомъ постоянно сообща заранѣе составлять болѣе или менѣе подробныя программы уроковъ, даваемыхъ послѣдними въ школѣ. Лучше всего руководителямъ имѣть практиковъ-учителей своихъ, лично имъ хорошо извѣстныхъ съ преподавательской стороны, но въ случаѣ невозможности для руководителей имѣть таковыхъ учителей-практиковъ у себя подъ руками, директора и инспектора народныхъ училищъ той губерніи, гдѣ происходятъ курсы, всегда могутъ найти вполнѣ подходящихъ для этого дѣла лицъ изъ числа учителей данной губерніи, особенно изъ числа тѣхъ изъ нихъ, которые окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Если на курсахъ будутъ выступать въ такой поучительной роли лучшіе изъ учителей народныхъ школъ, то это непремѣнно должно благотворно отозваться на болѣе или менѣе значительномъ подъемѣ сознанія важности педагогическаго искусства не только въ корпораціи самихъ народныхъ учителей и учительницъ, но и въ глазахъ всего общества. Лучшіе, болѣе даровитые учителя, имѣя въ перспективѣ такую роль, могутъ усиленнѣе заняться преподавательскимъ дѣломъ, поболѣе посвятить времени на чтеніе и изученіе педагогическихъ сочиненій и вообще съ надлежащей энергіей позаботиться объ усовершенствованіи себя въ умственномъ и педагогическомъ отношеніи. Будетъ имѣть здѣсь, конечно, немаловажное значеніе и тотъ гонораръ, который станутъ получать за свои труды на курсахъ учителя-практики.

2) Предъ уроками или по окончаніи уроковъ въ школѣ руководители курсовъ должны ясно и опредѣленно указывать курсистамъ прежде всего на тему каждаго урока и планъ его, а затѣмъ на тѣ методы и пріемы, какіе употреблены на урокахъ, съ объясненіемъ даже того, почему ими избраны тѣ, а не другіе пріемы. Чѣмъ лучше и обстоятельнѣе такія указанія будутъ дѣлаемы, тѣмъ благотворнѣе будутъ дѣйствовать на курсистовъ образцовые уроки руководителей и учителей-практиковъ. Если у учителей возникнутъ при этомъ тѣ или другія недоразумѣнія относительно методовъ и пріемовъ преподаванія въ школѣ при курсахъ, то руководители обязаны такого рода недоразумѣнія разъяснять. Но разборы уроковъ руководителей

и ихъ помощниковъ курсистами со стороны достоинствъ и недостатковъ ихъ не могутъ быть допускаемы, потому что такіе разборы весьма легко на практикѣ обращаются въ рѣзкую, обидную и вообще нежелательную форму критики. Въ средѣ многочисленнаго собранія курсистовъ всегда могутъ найтись такія личности, которыя съ удовольствіемъ готовы будутъ посмѣяться надъ тѣми или другими случайными промахами и недосмотрами руководителей и помощниковъ ихъ.

3) Одной изъ главнѣйшихъ заботъ руководителей должны быть разъясненія курсистамъ на вечернихъ занятіяхъ прежде всего методовъ и пріемовъ, признаваемыхъ лучшими въ данное время въ педагогической литературѣ, а потомъ тѣхъ понятій изъ области педагогики и дидактики, въ частности-же изъ психологіи, логики и гигіены, которыя находятся въ существенной связи съ раціональными методами ученія и воспитанія. Въ виду, съ одной стороны, краткости времени курсовъ, съ другой—обширности областей педагогики, дидактики, психологіи, логики и гигіены можно свѣдѣнія изъ этихъ наукъ пріурочивать къ разъясненіямъ методовъ и пріемовъ преподаванія и воспитанія въ такомъ видѣ, чтобы болѣе или менѣе ясно видны были тѣ основанія, на которыхъ покоятся, какъ на прочномъ фундаментѣ, всѣ рекомендуемые способы и пріемы ученія и воспитанія. Иначе, какъ-бы ни были эти способы и пріемы разумны и полезны, тѣмъ не менѣе они вполнѣ сознательно не могутъ быть восприняты курсистами. Это такая истина, противъ которой едва-ли кто въ настоящее время станетъ возражать. Разъясненія разсматриваемыхъ понятій должны отличаться систематичностью, чтобы, несмотря на свою краткость, они давали курсистамъ не разрозненныя, а связныя и такъ или иначе логически объединенныя свѣдѣнія. Цѣлесообразнѣе всего указанныя свѣдѣнія предлагать не въ видѣ чтеній, а путемъ живой, устной бесѣды, допуская во время этихъ бесѣдъ остановки, съ цѣлью вызова въ слушателяхъ тѣхъ или иныхъ мнѣній, вопросовъ и проч. Полезно при этомъ также нѣкоторыя понятія и мысли писать, для наглядности, на классной доскѣ, показывать нѣкоторыя упоминаемыя въ бесѣдѣ учебныя пособія и т. д. Чѣмъ проще, живѣе, интереснѣе будутъ такія бесѣды руководителей, тѣмъ онѣ полезнѣе будутъ для курсистовъ. Передача разсматриваемыхъ свѣдѣній въ видѣ чтенія лекцій совершенно не должна быть допускаема. Такого рода чтеніе ничѣмъ не отличается отъ чтенія книгъ. А читать книги каждый учитель можетъ и у себя въ домѣ; для этого никакой нѣтъ нужды ѣхать въ городъ на курсы. Живая бесѣда—дѣло другое; она не можетъ быть замѣнена никакой книгой. Желательно также, чтобы содержаніе каждой бесѣды вносилось кур-

систами въ ихъ записныя книжки. Если руководители курсовъ къ концу каждой бесѣды будутъ кратко выражать сущность предложенной бесѣды, то это значительно облегчитъ курсистамъ возможность усвоить всѣ существенныя, основныя мысли, сообщенныя на бесѣдахъ. Хорошо также тему и планъ бесѣды записывать заранѣе на классной доскѣ или вывѣшивать на особыхъ листахъ бумаги. Въ такомъ случаѣ курсистамъ будетъ гораздо легче слѣдить за нитью бесѣды и развиваемыми въ ней понятіями и мыслями. А то вѣдь очень легко, особенно недостаточно развитымъ въ умственномъ отношеніи курсистамъ, растеряться въ грудѣ сообщеннаго матеріала, уловить понятія и мысли лишь второстепенныя и проч. Если у курсистовъ, по заявленіямъ инспекціи, имѣются значительные пробѣлы въ области грамматики, особенно славянской, исторіи, географіи и естествовѣдѣнія, то на вечернихъ бесѣдахъ необходимо часть времени удѣлять на пополненіе и расширеніе свѣдѣній по этимъ предметамъ. Въ противномъ случаѣ, обученіе правописанію, славянскому чтенію и объяснительному чтенію статей историко-географическихъ и естественно-научныхъ неизбѣжно будетъ происходить въ школѣ курсистовъ неудовлетворительно и даже прямо безуспѣшно. При недостаткѣ необходимыхъ научныхъ свѣдѣній, самое наилучшее знаніе преподавателемъ методики преподаванія предметовъ, входящихъ въ курсъ начальной школы, нисколько не поможетъ ему вести дѣло обученія успѣшно.

4) При формировкѣ состава учениковъ школы при курсахъ, должно быть обращаемо тщательное вниманіе на то, чтобы они въ каждомъ отдѣленіи и по каждому предмету подготовлены были болѣе или менѣе одинаково. Иначе руководителямъ не только трудно, но иногда прямо невозможно съ надлежащимъ успѣхомъ заниматься съ ними. Положимъ, половина учениковъ того или другого отдѣленія имѣетъ довольно удовлетворительные познанія и навыки по грамматикѣ и правописанію, а другая крайне слаба въ этомъ отношеніи. Что тутъ дѣлать руководителю съ такъ неравномѣрно подготовленными дѣтьми? Очевидно, приходится начинать съ ними изученіе того и другого предмета почти-что съ начала. То-же самое надо сказать относительно славянскаго чтенія, разбора читанныхъ статей со стороны плана и основной мысли, самостоятельныхъ письменныхъ работъ и т. д. Для избѣжанія указанныхъ недостатковъ, лучше всего брать дѣтей для школы на курсахъ изъ какого-нибудь одного училища, съ извѣстною степенью умственнаго развитія и съ извѣстною суммою познаній по каждому предмету. Что касается, въ частности, новичковъ, то должно позаботиться, съ одной стороны, о томъ, чтобы они дѣйствительно всѣ были совсѣмъ незнакомы съ грамотою, съ другой,

чтобы въ числѣ ихъ не было слишкомъ тупыхъ и вообще физически и умственно не подготовленныхъ къ школьному ученію. Во временной школѣ при курсахъ такимъ дѣтямъ совершенно неумѣстно быть. Надобно, чтобы руководитель при обученіи дѣтей начальной грамотѣ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, потому что ему приходится работать лишь въ теченіе 4, 5, 6 недѣль, не больше.

5) На курсахъ всегда должна имѣться хорошая педагогическая библіотека. Въ ней должны находиться не только лучшія книги и брошюры по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ курсъ начальной школы, но и всѣ лучшіе педагогическіе журналы. Лучшія педагогическія сочиненія необходимо имѣть не въ одномъ экземплярѣ, а въ нѣсколькихъ, такъ чтобы одно сочиненіе приходилось не больше, какъ человѣкъ на 5. Дѣло руководителей—познакомить курсистовъ со всѣми лучшими книгами, брошюрами и статьями, относящимися къ обученію и воспитанію дѣтей въ народныхъ школахъ,—познакомить не съ названіями только ихъ (это дѣло не трудное), а по возможности съ самымъ содержаніемъ ихъ. Если руководитель возбудитъ живой интересъ въ учителяхъ и учительницахъ къ педагогической литературѣ, то онъ окажетъ этимъ весьма большую услугу народному образованію. За отсутствіемъ въ глухомъ селѣ другихъ благотворныхъ культурныхъ вліяній на жизнь и педагогическую дѣятельность учителя, хорошая педагогическая книга едва-ли не больше, чѣмъ что-либо другое, можетъ поддерживать и возбуждать его умственную и нравственную энергію, а равно и доставлять ему удовольствіе въ часы досуга и свободы отъ учебныхъ занятій. Лучшія педагогическія сочиненія, хотя-бы въ отрывкахъ, слѣдуетъ прочитывать въ присутствіи всѣхъ курсистовъ, при дѣятельномъ, живомъ участіи руководителей, которые при этомъ могутъ указывать характерныя, выдающіяся особенности ихъ, присоединяя къ этому и свои критическія замѣчанія и наблюденія. Совмѣстно съ хорошей педагогической библіотекой на курсахъ при школѣ должно находиться собраніе возможно большаго количества пособій для нагляднаго объясненія дѣтямъ тѣхъ понятій, которыя безъ пособій не могутъ быть восприняты и усвоены ими какъ слѣдуетъ. Чѣмъ болѣе и лучше школа будетъ обставлена учебными пособіями, тѣмъ успѣшнѣе пойдутъ въ ней учебныя занятія дѣтей. Это разъ. Съ другой стороны, очень важно для собравшихся на курсы учителей и учительницъ видѣть и непосредственно ознакомиться съ возможно бо̀льшимъ количествомъ школьныхъ учебныхъ пособій, особенно на дѣлѣ, во время хода самихъ учебныхъ занятій. Курсисты, ознакомясь съ хорошими пособіями на курсахъ, по всей вѣроятности, постараются, насколько

возможно, пріобрѣсть ихъ и для своихъ сельскихъ школъ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя доступны по цѣнѣ, или легко могутъ быть сдѣланы мѣстными мастерами въ селѣ и даже ими самими и учениками школы. Мало ли, напримѣръ, пособій по естествовѣдѣнію можетъ быть составляемо самими учителями и школьниками? Коллекціи многихъ минераловъ, растеній и насѣкомыхъ, очевидно, всегда могутъ и должны-бы постоянно составляться самою школою. Если въ школѣ при курсахъ нерѣдко отсутствуютъ самыя необходимыя учебныя пособія, напр., картины, глобусы, карты мѣстной губерніи и т. д., то это составляетъ большой недосмотръ со стороны мѣстной дирекціи, инспекціи и руководителей.

6) На большинствѣ курсовъ отъ учителей и учительницъ, вызываемыхъ на курсы, требуется, чтобы они дома или по пріѣздѣ на курсы представляли наблюдателю и руководителямъ курсовъ болѣе или менѣе подробныя записи о томъ, по какой методѣ и съ употребленіемъ какихъ пріемовъ преподается ими каждый предметъ въ школѣ. Требованіе это, по нашему мнѣнію, совершенно излишне и безполезно. Если это дѣлается для того, чтобы руководитель могъ знать о способахъ и пріемахъ преподаванія, практикуемыхъ каждымъ курсистомъ въ его школѣ, то ему лучше и скорѣе всего можно узнать объ этомъ отъ инспекторовъ училищъ, въ районѣ которыхъ находятся курсисты и курсистки. Иные учителя въ своихъ записяхъ могутъ изложить методы и пріемы совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они пользуются ими въ своей школьной практикѣ, а въ болѣе или менѣе измѣненной (намѣренно или ненамѣреннно, это, конечно, трудно опредѣлить). Во всякомъ случаѣ, каждому учителю желательно явиться въ составленной имъ записи способовъ и пріемовъ преподаванія, принятыхъ имъ въ школѣ, не въ худшемъ, а въ лучшемъ, по всей вѣроятности, даже нѣсколько подкрашенномъ видѣ. А въ такомъ случаѣ какую-же цѣнность должны имѣть такія записи? Очевидно, самую ничтожную. Впрочемъ, на практикѣ большая часть записей методовъ и пріемовъ преподаванія обыкновенно отличается такою краткостью и неопредѣленностью, что на основаніи ихъ оказывается совершенно дѣломъ невозможнымъ составить хотя сколько-нибудь ясное представленіе о достоинствахъ и недостаткахъ преподаванія курсистовъ. Да иначе и быть не можетъ. Развѣ возможное дѣло, чтобы каждый курсистъ или, по крайней мѣрѣ, большинство учителей и учительницъ изложили въ своихъ записяхъ съ достаточною полнотою всѣ употребляемые ими методы и пріемы ученія? Для этого имъ пришлось-бы чуть не цѣлыя книги составить, если принять во вниманіе ту кучу вопросовъ, какіе имъ предлагаются по каждому предмету. Для примѣра приводимъ здѣсь перечень вопросовъ лишь по одному какому-

либо предмету, напр., по изученію алфавита,—вопросовъ, разосланныхъ учителямъ и учительницамъ, приглашеннымъ на нижегородскіе педагогическіе курсы, бывшіе лѣтомъ 1898 года, съ тѣмъ, чтобы они свои отвѣты на нихъ изложили письменно: «1) По какому методу ведетъ учитель обученіе грамотѣ? Откуда заимствованъ учителемъ принятый методъ и какія его преимущества предъ другими методами? Не внесъ-ли учитель какихъ-либо измѣненій въ принятый методъ? 2) Ведутся-ли учителемъ до обученія грамотѣ бесѣды, и о чемъ? Сколько времени онѣ продолжаются? 3) Предпосылаются-ли обученію буквъ звуковыя и письменныя упражненія? Въ чемъ они состоятъ? Въ какой послѣдовательности ведутся? Сколько времени продолжаются? 4) Какъ учитель знакомитъ учениковъ со звуками? Какія трудности при этомъ встрѣчаются? Какъ устраняются недостатки дѣтскаго выговора? Особенности мѣстнаго говора? 5) Какъ происходитъ ознакомленіе съ буквами? Какія средства употребляются для лучшаго запоминанія учениками буквъ? 6) Въ какомъ порядкѣ изучаются звуки и буквы? Не измѣняетъ-ли учитель порядка, принятаго букваремъ, и почему? Какія желательны измѣненія? Не соблюдаетъ-ли учитель какого-либо порядка въ прохожденіи слоговъ? 7) Какъ учитель научаетъ учениковъ въ первый разъ слить два звука въ слогъ? Какіе пріемы употребляются имъ при обученіи слiянію въ дальнѣйшихъ занятіяхъ? Въ чемъ бываютъ затрудненія при обученіи слiянію? 8) Употребляются-ли подвижныя буквы, какъ и съ какою цѣлью? Какъ подбираетъ учитель слова и слоги для чтенія при обученіи слiянію? Пользуются-ли ученики и учитель указкой при слiяніи, и для какой цѣли? 9) Не употребляются-ли особые пріемы при обученіи слiянію согласныхъ мгновенныхъ *к*, *п*, *т* и т. д. съ гласными? Двухъ-трехъ и нѣсколькихъ согласныхъ съ гласными *ста*, *стра*, *встрѣ*? Мягкихъ согласныхъ съ гласными *ли*, *ля*, *лю* и т. д.? При происхожденіи слоговъ неслитныхъ *лью*, *съѣ*? 10) Не образуются-ли у дѣтей дурные навыки чтенія, напр., предварительное прочтеніе слова про себя, повтореніе слоговъ и слова, искаженіе начала или конца слова, разрываніе словъ на слоги или растягиваніе послѣднихъ? Считаетъ-ли учитель возможнымъ ихъ предотвратить? Какъ эти недостатки исправляются? 11) Когда начинаются первоначальныя упражненія въ письмѣ? Когда учитель знакомитъ учениковъ съ названіями письменныхъ буквъ—одновременно съ печатными или сперва проходятъ однѣ, а потомъ другія? 12) Совмѣстно (на одномъ урокѣ) или раздѣльно ведется обученіе чтенію и письму? При совмѣстномъ обученіи въ чемъ состоятъ занятія по письму (изложить ходъ урока)? 13) Какія выгоды и удобства совмѣстнаго обученія и какія неудобства и затрудненія? То-же самое при раздѣльномъ обученіи? 14) Какъ долго

продолжаются упражненія въ разложеніи рѣчи на слова, словъ на слоги и слоговъ на звуки и для какой цѣли? Когда начинаются упражненія въ чтеніи по букварю? 15) Какія самостоятельныя занятія даются ученикамъ при прохожденіи букваря? 16) Дается-ли ученикамъ букварь на домъ? Задается-ли чтеніе по букварю на домъ въ видѣ урока? 17) Въ какой срокъ проходится азбука? 18) Какъ относятся къ принятому методу обученія грамотѣ родители учениковъ? 19) Какъ справляется учитель съ затрудненіями, происходящими отъ неодновременнаго поступленія дѣтей въ училище? Не поступаютъ-ли въ училище малограмотные и какъ обучаетъ ихъ учитель въ первое время? 20) Нѣтъ-ли въ училищѣ инородцевъ и какъ обучаетъ ихъ учитель на первой ступени? 21) Какое руководство употребляется при обученіи грамотѣ? Достоинства и недостатки его по личному опыту? Какія отступленія дѣлаетъ учитель отъ принятаго руководства и почему?» По другимъ предметамъ предложено вопросовъ еще больше. Да и сами наблюдатели и руководители курсовъ требуемыми записями ставятся въ крайне затруднительное положеніе, особенно если записи эти будутъ велики по объему и наполнены многими подробностями. Чтобы перечитать ихъ и сдѣлать имъ правильную оцѣнку, потребуется весьма много времени, а между тѣмъ, какіе результаты могутъ быть отъ такого чтенія и оцѣнки ихъ? Вообще трудно даже придумать, какую существенную пользу разсматриваемыя записи могутъ принести кому-либо какъ изъ курсистовъ, такъ и изъ руководителей. Читая извлеченія изъ подобныхъ записей даже въ лучшихъ и подробныхъ отчетахъ о курсахъ весьма авторитетнаго педагога Д. И. Тихомирова, мы видимъ, что эти записи существуютъ на курсахъ рѣшительно какъ-бы только для очищенія совѣсти—не больше; никакой цѣнности онѣ не имѣютъ ни въ глазахъ курсистовъ, ни для руководителей, которые большею частью отзываются о нихъ въ своихъ отчетахъ неодобрительно: изложеніе-де методовъ и пріемовъ преподаванія слишкомъ обще, невѣрно, непрактично, противорѣчитъ основнымъ требованіямъ дидактики и т. д. Если отъ учителей и учительницъ, командируемыхъ на курсы, признается необходимымъ требовать какія-либо записи, то единственно полезными записями могутъ быть только такія, въ которыхъ излагались-бы ихъ личныя мнѣнія и наблюденія объ отношеніяхъ мѣстнаго общества къ школѣ и учителю, о вліяніи, производимомъ школою на мѣстное населеніе въ религіозномъ, нравственномъ, общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ, о средствахъ и способахъ устройства при школахъ садовъ, огородовъ, воскресныхъ чтеній, библіотекъ и т. д. Обстоятельныя и правдивыя свѣдѣнія обо всемъ этомъ дѣйствительно могутъ дать и устроителямъ курсовъ, и

инспекціи, и руководителямъ весьма много самыхъ цѣнныхъ и полезныхъ фактовъ, указаній, мнѣній и соображеній. А изложеніе въ разсматриваемыхъ записяхъ разныхъ методовъ и пріемовъ преподаванія давно-бы пора совсѣмъ изгнать изъ работъ курсистовъ. И безъ того всѣ эти методы и пріемы изложены въ безчисленномъ множествѣ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей. Дѣло другое—ознакомиться съ ними на образцовыхъ урокахъ руководителей и ихъ помощниковъ, а равно на живомъ, устномъ, умѣломъ изложеніи ихъ во время вечернихъ бесѣдъ. Это, конечно, весьма полезно для собранныхъ на курсы учителей и учительницъ. Что касается доставленій курсистами свѣдѣній (согласно § 18 правилъ о курсахъ) о воспитаніи ихъ, времени поступленія на должность и получаемомъ ими содержаніи, то эти свѣдѣнія, во-1-хъ, всегда имѣются у каждаго инспектора училищъ, во-2-хъ, еще безполезнѣе для руководителей, нежели свѣдѣнія о методахъ преподаванія.

7) Едва-ли не на всѣхъ педагогическихъ курсахъ принято допускать къ чтенію тѣ или другіе рефераты, составляемые курсистами. Если читаемые рефераты вполнѣ содержательны, хорошо продуманы и тщательно составлены, то, конечно, чтеніе ихъ нельзя не признать полезнымъ для курсистовъ, и даже слѣдуетъ располагать послѣднихъ къ этому. Но, къ сожалѣнію, нерѣдко допускаются на курсахъ къ чтенію рефераты, слабо и небрежно составленные. Къ чему такъ снисходительно относиться къ составителямъ рефератовъ? Заставлять учителей и учительницъ слушать безсодержательные рефераты ихъ коллегъ—значитъ пріучать ихъ только къ пустой болтовнѣ. Гораздо полезнѣе вмѣсто слабыхъ рефератовъ прочесть нѣсколько отрывковъ изъ образцовыхъ педагогическихъ сочиненій, о чемъ только-что говорено было нами нѣсколько выше.

8) На курсахъ, по нашему мнѣнію, всегда обязательно должны-бы присутствовать тѣ инспектора народныхъ училищъ, въ районѣ которыхъ служатъ курсисты. Если они не будутъ находиться на курсахъ, то какъ-же имъ можно будетъ знать, что̀ сообщено курсистамъ и что̀ инспекція должна требовать отъ нихъ послѣ курсовъ при ревизіи ихъ училищъ. Между тѣмъ нерѣдко инспектора училищъ отсутствуютъ на педагогическихъ курсахъ, устраиваемыхъ спеціально для подвѣдомственныхъ имъ учителей и учительницъ.

9) Сельскіе учителя и учительницы относительно педагогической подготовки приблизительно могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одну группу составляютъ тѣ изъ нихъ, которые пріобрѣли право на званіе начальнаго учителя на основаніи спеціальныхъ испытаній на это званіе и которые поэтому, въ большинствѣ случаевъ, обладаютъ не только скудною педагогическою подготовкою, но и недо-

статочнымъ запасомъ свѣдѣній по предметамъ общаго образованія. Другіе окончили курсъ въ учительскихъ и духовныхъ семинаріяхъ и въ женскихъ гимназіяхъ и епархіальныхъ училищахъ, благодаря чему имѣютъ болѣе или менѣе удовлетворительныя познанія по педагогикѣ, дидактикѣ и методикамъ начальнаго образованія, а равно достаточныя свѣдѣнія по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Очевидно, цѣлесообразнѣе всего устраивать педагогическіе курсы не совмѣстно для всѣхъ учителей и учительницъ, независимо отъ степени ихъ общаго образованія и спеціальной подготовки къ педагогической дѣятельности, а отдѣльно для той и другой группы. Иначе руководителямъ едва-ли возможно своими разъясненіями методовъ преподаванія и изложеніемъ свѣдѣній по педагогикѣ, дидактикѣ, психологіи, исторіи и проч. удовлетворить тѣхъ и другихъ учителей и учительницъ. Что для однихъ будетъ представлять большой интересъ, въ другихъ можетъ вызывать только скуку и недовольство. Для учителей и учительницъ, напр., первой группы очень важно получить отъ руководителя ясное и отчетливое изложеніе способа и пріемовъ изученія алфавита по методѣ письма-чтенія; напротивъ, учителя и учительницы второй группы будутъ лишь скучать на бесѣдахъ руководителя при объясненіи имъ методы письма-чтенія, потому что ими эта метода хорошо изучена въ семинаріи и гимназіи. Поэтому программа занятій руководителей съ учителями и учительницами обѣихъ указанныхъ группъ непремѣнно должна быть различная, болѣе или менѣе приноровленная къ степени ихъ умственнаго развитія, къ ихъ познаніямъ, а болѣе всего къ подготовкѣ ихъ въ педагогическомъ отношеніи.

10) Ознакомляя курсистовъ съ лучшими методами и пріемами преподаванія, руководители курсовъ не менѣе тщательное вниманіе должны обращать и на разъясненіе имъ воспитательной стороны школы. Съ благотворнымъ, непрерывнымъ воспитательнымъ воздѣйствіемъ школы на дѣтей курсисты должны живо и наглядно ознакомиться и на примѣрныхъ урокахъ руководителей, и на вечернихъ теоретическихъ бесѣдахъ ихъ, и на чтеніи отрывковъ изъ лучшихъ педагогическихъ сочиненій, и на рефератахъ самихъ учителей и учительницъ, и на отношеніяхъ руководителей къ ученикамъ образцовой школы до уроковъ, во время перемѣнъ, между уроками и по окончаніи уроковъ и т. д. Желательно, чтобы учителя и учительницы возможно глубже прониклись той идеей, что ученіе и воспитаніе должны составлять въ школѣ одно неразрывное цѣлое. Ясное сознаніе воспитательныхъ задачъ школы такъ мало проникло въ нашу педагогическую корпорацію, что со стороны руководителей требуются самыя энергическія усилія, чтобы внѣдрить это сознаніе

въ умъ и сердца народныхъ учителей и учительницъ, собирающихся на курсы.

11) Въ интересахъ болѣе глубокаго и прочнаго вліянія педагогическихъ курсовъ на собирающихся на нихъ учителей и учительницъ желательно, чтобы наблюдатели, руководители, директоръ и инспектора народныхъ училищъ и даже учредители курсовъ входили въ возможно большее общеніе съ курсистами. Общеніе это можетъ выражаться въ разнообразныхъ формахъ. Устройство нѣсколькихъ учебныхъ экскурсій и прогулокъ за городъ вмѣстѣ съ дѣтьми образцовой школы, осмотръ тѣхъ или другихъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, а равно фабрикъ и заводовъ, дѣтскія игры на открытомъ воздухѣ, вокально-музыкальные вечера, художественное чтеніе поэтическихъ произведеній, особенно изъ области дѣтской литературы, составленіе коллекцій по ботаникѣ, минералогіи и энтомологіи и т. п.—все это можетъ соединить руководителей и курсистовъ въ одну дружную корпорацію, сблизить, объединить ихъ въ одно цѣлое. А для этого необходимо, чтобы у курсистовъ не все время поглощено было обязательными утренними и вечерними учебными занятіями, а оставался досугъ и на указанное общеніе ихъ съ наблюдателемъ, руководителями и инспекціей. Чѣмъ искреннѣе и глубже будетъ общеніе курсистовъ съ начальствующими лицами и съ руководителями, тѣмъ съ большимъ подъемомъ духа и съ большею охотою и любовью примутся они за свою нелегкую работу по возвращеніи въ свои школы. Свѣтлыя, отрадныя впечатлѣнія, вынесенныя съ курсовъ, надолго могутъ наполнить ихъ сердца пріятными воспоминаніями о времени, проведенномъ на курсахъ вмѣстѣ съ другими, болѣе опытными и свѣдущими педагогами.

12) Педагогическіе курсы въ настоящее время почти исключительно устраиваются въ іюнѣ и іюлѣ, т.-е. въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Курсы весьма много проигрываютъ вслѣдствіе этого обстоятельства, особенно если наступаютъ продолжительныя, удушающія жары. Не только дѣти образцовой школы, подъ вліяніемъ большихъ жаровъ, впадаютъ въ полное изнеможеніе и иногда становятся совсѣмъ неспособными къ умственнымъ занятіямъ, но и руководители, и курсисты испытываютъ то-же самое. Поэтому весьма желательно-бы время открытія курсовъ съ іюня и іюля перенести на какіе-либо другіе мѣсяцы. Въ маѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе обыкновенно происходящихъ въ это время вездѣ экзаменовъ, едва-ли возможно инспекторамъ, руководителямъ и народнымъ учителямъ употреблять по нѣсколько недѣль на курсы. Наиболѣе удобными мѣсяцами для устройства курсовъ слѣдуетъ считать августъ и сентябрь—не только потому, что въ это время прекращаются уже удушающія лѣтнія жары, но и

потому, что съ половины августа наступаетъ обычное учебное время. Одно неудобство при этомъ можетъ быть: на время курсовъ по необходимости должны прекращаться учебныя занятія въ тѣхъ школахъ, гдѣ состоятъ преподавателями курсисты и гдѣ должна быть устроена временная образцовая школа. Но лучше подвергнуться этимъ временнымъ неудобствамъ, нежели лишать курсистовъ, наблюдателей, руководителей и дѣтей образцовой школы необходимой для нихъ свѣжести и энергіи силъ, вслѣдствіе жаровъ, господствующихъ въ первые лѣтніе мѣсяцы. Впрочемъ, не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида того обстоятельства, что въ большинствѣ сельскихъ школъ ученіе начинается довольно поздно, иногда даже съ половины сентября или съ октября. Въ такихъ школахъ, очевидно, никакой потери для дѣтей не будетъ въ учебномъ отношеніи въ случаѣ устройства курсовъ въ августѣ и сентябрѣ.

13) Отчеты о курсахъ должны составляться и печататься не черезъ два-три года послѣ окончанія ихъ, какъ это иногда бываетъ, а черезъ два-три мѣсяца, при чемъ слѣдуетъ разсылать по экземпляру ихъ каждому курсисту. Само собою разумѣется, что чѣмъ подробнѣе они будутъ составляемы, тѣмъ больше пользы принесутъ курсистамъ. Въ особенно подробномъ видѣ въ нихъ должны излагаться если не всѣ образцовые уроки руководителей, то большинство ихъ. Такое изложеніе образцовыхъ уроковъ принесетъ курсистамъ весьма существенную пользу, потому что оно будетъ живо напоминать имъ самые уроки, прослушанные ими на курсахъ. Бесѣды руководителей тоже должны-бы быть помѣщаемы въ отчетахъ въ томъ видѣ, какъ онѣ предложены были курсистамъ. Рефераты курсистовъ и даже извлеченія изъ лучшихъ педагогическихъ сочиненій, читаемыя на курсахъ, должны быть печатаемы цѣликомъ. Школы чрезвычайно бѣдны педагогическими сочиненіями и поэтому извлеченія изъ образцовыхъ педагогическихъ произведеній могли-бы хотя отчасти восполнить скудность школьныхъ библіотекъ.

В. Зимницкій.

Вопросы народнаго образованія на губернскихъ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года.

Черниговское, Харьковское, Курское, Самарское, Нижегородское и *Владимірское* земства.

Намъ не разъ уже приходилось отмѣчать, что съ той поры, какъ губернское земство выступило въ активной роли въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, послѣднее быстро двинулось въ ширь и въ глубь. Такой громадный успѣхъ, несомнѣнно, повлечетъ за собою еще большее примѣненіе силъ губернскаго земства къ просвѣщенію народа. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія проектъ коммиссіи по народному образованію *Черниговскаго* губернскаго земства. Она предлагаетъ, чтобы *школьный бюджетъ для всѣхъ уѣздовъ былъ сосредоточенъ въ губернскомъ земствѣ*, которое собираетъ средства для устройства и содержанія школъ на основаніяхъ раскладки губернскаго земскаго сбора. Суть этого проекта заключается въ томъ, что губернскій сборъ взимается съ суммы облагаемой доходности въ уѣздахъ, а эта доходность далеко не одинакова. Такъ, для Черниговской губерніи, по произведеннымъ изслѣдованіямъ, оказалось, что изъ 329.802 руб., поступающихъ въ кассу губернскаго земства, Суражскій уѣздъ вноситъ 16.203 руб., Сосницкій 24.798 руб., а Конотопскій 33.636 руб. Слѣдовательно, когда осуществится мысль коммиссіи, то, при равномѣрномъ распредѣленіи школъ въ губерніи, расходы на ихъ устройство и содержаніе, производимые изъ общей губернской кассы, будутъ въ большей мѣрѣ оплачиваться болѣе богатыми уѣздами. Названный проектъ имѣетъ также въ виду предоставить губернскому земству установленіе типовъ школьныхъ зданій, нормировку учительскаго вознагражденія и другихъ расходовъ на школы, а также ежегодное распредѣленіе по уѣздамъ устройства новыхъ школъ. Коммиссія основательно, по нашему мнѣнію, полагаетъ, что такого рода реформа устраняла-бы ту рознь въ постановкѣ школьнаго дѣла, какая замѣчается теперь въ отдѣльныхъ уѣздахъ. Ближайшее-же завѣдываніе школами на мѣстахъ, конечно,

предполагается всецѣло предоставить уѣзднымъ земствамъ. Что касается вопроса *о всеобщемъ обученіи*, то коммиссія выяснила, что, помимо 600 существующихъ земскихъ школъ, для Черниговской губерніи потребуется открыть еще 1.565 училищъ, постройка которыхъ, считая полное оборудованіе, т.-е. снабженіе мебелью и учебными пособіями, обойдется до 6.000.000 руб., а содержаніе будетъ стоить 1.200.000 руб. Въ виду такихъ расходовъ, коммиссія предложила собранію 1/4 всѣхъ расходовъ взять на себя земству губернскому, 1/4—уѣзднымъ, а о 1/2 расходовъ ходатайствовать, чтобы правительство взяло ихъ на себя *).

Благодаря участію губернскаго земства, народное образованіе въ *Харьковской* губерніи имѣетъ прочное будущее. Къ началу 1897 года, т.-е. когда губернское земство рѣшило принять на себя активную роль въ школьномъ дѣлѣ, въ Харьковской губерніи было всего на всего 475 земскихъ школъ **). Если принять въ разсчетъ даже всѣ школы нормальнаго типа, то одно начальное училище приходилось на 36 кв. вер. и на 1.700 жителей. Такого рода данныя и побудили губернское земство принять предложеніе своего гласнаго Н. Н. Ковалевскаго относительно *ежегоднаго* ассигнованія изъ суммъ губернскаго земства 200.000 руб., о чемъ своевременно мною сообщалось уже въ «*Русской Школѣ*».

Тогда-же избрана была коммиссія, которая въ 1898 г. представила губернскому собранію свои проекты. Прежде всего, коммиссія предложила позволить 200.000 руб. признать спеціальнымъ капиталомъ, предназначеннымъ исключительно на нужды начальнаго народнаго образованія, при чемъ неизрасходованныя уѣздомъ суммы въ данномъ году зачисляются въ счетъ того уѣзда и расходуются въ будущемъ году. По мнѣнію коммиссіи, на средства, ассигнуемыя губ

*) Здѣсь къ слову скажемъ, что Черниговское губернское собраніе еще въ 1894 году ходатайствовало объ увеличеніи числа членовъ училищнаго совѣта и инспекторовъ народныхъ училищъ. Относительно первой просьбы былъ полученъ отказъ; что-же касается инспекторовъ, то признано было возможнымъ ходатайство удовлетворить, но цѣликомъ за счетъ земствъ, при чемъ назначеніе инспекторовъ возлагалось на губернскій училищный совѣтъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ уѣздными предводителями дворянства, безъ всякаго контроля со стороны земства и безъ права прекратить выдачу содержанія, если-бы земство даже убѣдилось въ безполезности инспекторовъ. Ни собраніе 1894 г., ни 1895 г. не согласились съ такою постановкою вопроса. Между тѣмъ подобное-же ходатайство было возбуждено елисаветградскимъ, Херсонской губерніи, земствомъ, и этому послѣднему земству предоставлено и назначеніе, и увольненіе инспекторовъ.

**) Кромѣ того: 555 школъ церковно-приходскихъ, 195 школъ грамоты и около 30 спеціальныхъ. Всего школъ М. Н. Пр.—573.

земствомъ, въ теченіе 7—8 лѣтъ возможно будетъ открыть до 500 новыхъ школъ, а далѣе эти суммы будутъ расходоваться на содержаніе школъ. Но и при открытіи этого количества школъ всеобщее обученіе осуществиться не можетъ, такъ какъ всего дѣтей школьнаго возраста въ Харьковской губ. числится 126.000, а теперь, въ существующихъ школахъ, учится 68.000; если въ 500 новыхъ школахъ въ каждой изъ нихъ будетъ по 80 учащихся, что очень много, то и тогда будемъ имѣть еще лишь 40.000, а вмѣстѣ съ нынѣ учащимися 68.000=108.000, т.-е. 18.000 останутся внѣ школы, и для нихъ, даже предполагая, что приростъ дѣтей школьнаго возраста будетъ получать первоначальное образованіе въ школахъ церковно-приходскихъ, потребуется отъ 225 училищъ (при 80 учащихся въ каждомъ) до 300 (при 60 учащихъ), на что потребуется сумма еще въ размѣрѣ до 120.000 руб. Въ виду невозможности дальнѣйшаго увеличенія ассигновокъ на нужды начальнаго народнаго образованія со стороны губернскаго земства, коммиссія предложила ходатайствовать о ежегодномъ отпускѣ таковой суммы правительствомъ. Собраніе согласилось со всѣми проектами коммиссіи, но постановило ходатайствовать о правительственной субсидіи въ размѣрѣ 200.000 руб. ежегодно. Кромѣ того, харьковское губернское земское собраніе постановило: ассигновать 11.500 руб. Харьковскому комитету грамотности *); ходатайствовать о разрѣшеніи всѣмъ членамъ управы по службѣ считаться членами училищнаго совѣта и о правѣ губернскому и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ избирать въ число училищныхъ совѣтовъ отъ земствъ отъ двухъ до шести лицъ. Въ 1898 году въ Харьковскую губернскую земскую управу поступило около 120 ходатайствъ сельскихъ обществъ о содѣйствіи на сооруженіе новыхъ школъ.

Не первый годъ намъ приходится отмѣчать достойную вниманія дѣятельность *курскаго* губернскаго земства по народному образованію. На послѣднемъ собраніи 1898 г. *всѣ доклады* коммиссіи курскаго губернскаго земства по народному образованію *приняты единогласно*, несмотря на обновившійся составъ гласныхъ, при чемъ въ коммиссіи на слѣдующее трехлѣтіе избраны тѣ-же лица, которыя вотъ уже почти два трехлѣтія, работая, какъ говорится, не покладая рукъ, достигли очень существенныхъ результатовъ, за что, въ лицѣ предсѣдателя коммиссіи, кн. П. Д. Долгорукова, собраніе единогласно выразило коммиссіи искреннюю благодарность. Судя по та-

*) Именно, 8.750 руб. на открытіе 50 новыхъ библіотекъ и 2.750 руб. на пополненіе существующихъ. Въ 1898 г. Харьковскій комитетъ устроилъ 33 новыхъ библіотеки въ селахъ, на сумму 6.000 руб., нѣсколько библіотекъ при ремесленныхъ уч[и]лищахъ, на сумму 1.000 руб., и на пополненіе существующихъ библіотекъ 3.150 [ру]б.

кому отношенію собранія къ коммиссіи и ея докладамъ, несомнѣнно, что курскимъ губернскимъ земствомъ совершенно ясно сознаются потребности народнаго образованія, и дѣло это, повидимому, стоитъ теперь въ Курской губерніи совершенно прочно.

Почти три дня очередное курское губернское земское собраніе разсматривало доклады по народному образованію и сдѣлало, согласно предложенію коммиссіи, нижеслѣдующія постановленія: ходатайствовать о субсидіи со стороны Министерства Нар. Просв. на содержаніе ежегодно открываемыхъ (не менѣе 3-хъ въ каждомъ уѣздѣ) школъ въ половинномъ размѣрѣ стоимости содержанія, т.-е по 200 руб. на каждую школу; вносить ежегодно въ смѣту губернскаго земства по 45.000 руб. на постройку новыхъ школъ, помимо имѣющихся на это такъ-называемыхъ «Коронаціоннаго фонда», по 18.000 руб. въ годъ *), и «Ждановскаго капитала» **); къ будущимъ очереднымъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ уѣздными управами и коммиссіею выработать планъ *осуществленія всеобщаго обученія* и, съ заключеніемъ уѣздныхъ земскихъ собраній, внести его на разсмотрѣніе очередного курскаго губернскаго земскаго собранія; ходатайствовать объ урегулированіи безплатнаго отпуска лѣса на постройку школъ; устроить педагогическіе курсы въ 1899 году, пригласивъ руководителями Ѳ. И. Егорова и В. П. Вахтерова; возбудить ходатайство, чтобы учителя на курсы выбирались не единолично инспекторомъ, а училищнымъ совѣтомъ; ходатайствовать: о включеніи предсѣдателей управы по должности въ составъ училищныхъ совѣтовъ, о предоставленіи земству правъ избирать въ совѣты по одному числу на каждыя 15 школъ и о приглашеніи въ постоянные члены училищныхъ совѣтовъ одного врача по выбору земскаго собранія. Съ большимъ вниманіемъ земское собраніе отнеслось ко всѣмъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ г. Курска, основательно полагая, что эти учрежденія помогаютъ земству въ дѣлѣ культуры. На этомъ основаніи соотвѣтствующія ассигновки сдѣланы въ пользу: обществъ содѣйствія начальному народному образованію въ Курской губерніи, Семеновской публичной библіотеки и воскресной школы. Ходатайство представителя духовнаго вѣдомства о пособіи церковно-приходскимъ школамъ было отклонено большинствомъ противъ двухъ голосовъ. Большимъ тормозомъ губернскому земству въ дѣлѣ просвѣщенія является невозможность хорошей постановки книжнаго склада. Послѣдній былъ открытъ еще въ 1896

*) По 18.000 руб. въ годъ на постройку школъ губернское земство будетъ давать до 1905 года.

**) Въ размѣрѣ болѣе 100.000 руб. Изъ него выдаются безпроцентныя ссуды на постройку школъ.

году, но до сихъ поръ складу не разрѣшена торговля книгами на общихъ основаніяхъ, т.-е., другими словами, земство не имѣетъ возможности снабжать населеніе хорошими книгами, безъ которыхъ значеніе школы сильно умаляется. Земское собраніе, въ виду сказаннаго, постановило вновь ходатайствовать о разрѣшеніи открыть книжный складъ съ продажею всѣхъ разрѣшенныхъ общею цензурою книгъ. Извѣстно, что такого рода книжные склады дѣйствуютъ во многихъ земствахъ, курскому-же земству это почему-то до сихъ поръ не разрѣшено *).

Въ 1898 году къ числу губернскихъ земствъ, выступившихъ въ активной роли въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, присоединилось и земство *самарское,* при чемъ губернскою управою произведено изслѣдованіе о состояніи народнаго образованія въ Самарской губерніи. Извлеченіе изъ этого труда прочитано было на засѣданіи экономическаго совѣта самарскаго губернскаго земства, который пришелъ къ единогласному заключенію о необходимости, по примѣру другихъ земствъ, учрежденія школьной коммиссіи и объ организаціи школьной статистики. На обязанность коммиссіи проектируется возложить выработку нормальной школьной сѣти въ видахъ *всеобщаго обученія.* Затѣмъ, она-же должна впослѣдствіи обратить надлежащее вниманіе на внѣшкольное образованіе, какъ-то: народныя чтенія, библіотеки, читальни, курсы и т. д. Есть также мысль произвести изслѣдованіе о степени прочности усвоенія народомъ грамотности и о вліяніи образованія на различныя стороны жизни сельскаго населенія. Когда осуществится коммиссія, предполагается внести въ смѣту расходовъ 2.800 руб., изъ которыхъ 1.200 руб. завѣдующему статистикою, 600 руб.—двумъ счетчикамъ, 500 руб. на печатаніе работъ по народному образованію и 500 руб. на разъѣзды членамъ коммиссіи. Затѣмъ, имѣется въ виду особая ассигновка на библіотеку по народному образованію, въ которой должны быть сосредоточены книги по постановкѣ этого дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Печальное исключеніе изъ губернскихъ земствъ представляетъ *нижегородское* губернское земство, до сихъ поръ не только, если не ошибаемся, ничего не предпринявшее въ смыслѣ разработки вопроса

---

*) Гласнымъ курскаго губернскаго земскаго собранія, между прочимъ, розданы были I и II выпуски текущей школьной статистики, которая организована была послѣ основного изслѣдованія. Такимъ образомъ, земство будетъ имѣть возможность ежегодно знать о состояніи начальнаго народнаго образованія, безъ чего, конечно, почти немыслимо успѣшное веденіе дѣла. Текущая статистика поручена справочно-педагогическому бюро, задуманному на широкихъ основаніяхъ.

о лучшей постановкѣ въ губерніи дѣла начальнаго народнаго образованія, но, судя по послѣднему очередному собранію, тамъ дѣло это, повидимому, и наладится еще нескоро. Именно, на собраніи обсуждалось ходатайство балахнинскаго земства о принятіи на счетъ правительства половины расходовъ по постройкѣ и содержанію 34 школъ, необходимыхъ для осуществленія въ названномъ уѣздѣ всеобщаго обученія. Повидимому, кромѣ сочувствія, ходатайство балахнинскаго земства ничего другого не должно было вызвать. Между тѣмъ поднялись горячіе споры, при чемъ нѣкоторые указывали на необоснованность доклада, другіе говорили, что для всеобщаго обученія не найдется достаточнаго количества учителей, а когда предсѣдатель губернской управы выразилъ желаніе выработки общей сѣти, для введенія всеобщаго обученія во всей губерніи, то тутъ возникли самые несуразные споры. Несуразными мы ихъ называемъ потому, что протестовавшіе гласные выказали полное незнакомство съ постановкою дѣла въ другихъ земствахъ, съ довольно богатою уже земскою литературою, слѣдствіемъ чего и явилось возраженіе предложенію предсѣдателя управы въ томъ смыслѣ, что будто-бы активная роль губернскаго земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія губитъ самостоятельность и иниціативу уѣздныхъ земствъ! Но, во-первыхъ, въ чемъ особенномъ проявились въ Нижегородской губерніи «самостоятельность» и «иниціатива» уѣздныхъ земствъ; во-вторыхъ, были-ли примѣры гибели ихъ, и въ-третьихъ, наконецъ, почему-же не замѣчается этого въ большинствѣ другихъ губерній, гдѣ губернскія земства уже давно работаютъ на поприщѣ начальнаго народнаго образованія? Напротивъ, есть много фактовъ, прямо указывающихъ, что именно вездѣ школьное дѣло двинулось значительно впередъ, гдѣ активное участіе принимаютъ губернскія земства. Гласный Зененко пошелъ еще дальше: онъ доказывалъ, что «насаждать насильственно народное образованіе вредно» (?!) и нужно ожидать сознанія народа. Но г. Зененку, повидимому, совершенно неизвѣстно, что теперь всѣ школы переполнены повсемѣстно, что *уже* предложеніе не соотвѣтствуетъ спросу, да если-бы и этого не было, то *ждать* этого сознанія, какъ проявленія какого-то чуда, находящагося внѣ зависимости отъ внѣшнихъ условій, значитъ отложить вопросъ всеобщаго нар. образованія на долгое время; да и какъ уловить это сознаніе, когда школъ нѣтъ, а экономическія условія сельскаго населенія не даютъ ему возможности строить школы на свои мѣстныя средства? Однако большинство не согласилось съ доводами ораторовъ и постановило поддержать ходатайство балахнинскаго земства. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній, что-же сдѣлано собраніемъ по предложенію предсѣдателя губернскихъ управъ?

Сосѣднее съ нижегородскимъ, *владимірское* губернское земство въ 1898 году послѣдовало примѣру другихъ губернскихъ земствъ. Именно, по предложенію гласнаго А. И. Куроѣдова, поддержанному другимъ гласнымъ, В. А. Гвоздевымъ, собраніе постановило *занять изъ суммы страхового капитала 200.000 руб. для постройки въ губерніи требуемаго количества школъ.* Заемъ дѣлается на 20 лѣтъ, съ погашеніемъ ежегодными взносами, включаемыми въ раскладку губернскаго земства. По предложенію гласныхъ Н. П. Муратова и П. В. Катонина, собраніе ассигновало 13.000 руб. на устройство въ губерніи 55 новыхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, при чемъ рѣшено—какъ поставить это дѣло. Именно, раньше выдавали ссуды только вновь возникающимъ библіотекамъ, а теперь всѣ онѣ учреждаются за счетъ губернскаго земства. Губернская управа пріобрѣтаетъ книгъ на 125 рублей и выдаетъ ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ по 75 руб. на содержаніе каждой библіотеки, послѣ каковогo времени онѣ должны уже содержаться на мѣстныя средства, въ противномъ случаѣ—губернской управѣ предоставлено право перевести библіотеку въ другое селеніе. Далѣе, собраніе поручило управѣ разработать вопросъ объ организаціи въ уѣздахъ народныхъ чтеній, продажи народныхъ книгъ и произвести изслѣдованіе по офенскому промыслу, весьма распространенному въ губерніи, съ точки зрѣнія привлеченія офеней къ дѣлу распространенія полезныхъ книгъ среди сельскаго населенія, разработать вопросъ объ учрежденіи при каждой школѣ особыхъ школьныхъ попечительствъ и объ организаціи съѣздовъ народныхъ учителей. Постановлено, наконецъ, собраніемъ возбудить ходатайство о возможномъ упрощеніи порядка открытія народныхъ библіотекъ, читаленъ, организаціи въ уѣздахъ народныхъ чтеній, а также и популярныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ знанія, и ассигновано 2.000 руб. на разработку собранныхъ управою статистическихъ данныхъ о народныхъ школахъ. Кромѣ того, владимірское губ. земство приступаетъ къ организаціи передвижныхъ учительскихъ библіотекъ, по одной на уѣздъ, т.-е. всего 13. Каждая такая библіотека будетъ состоять изъ 10 отдѣленій, которыя распредѣляются по уѣзду съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣ учителя даннаго района могли воспользоваться книгами библіотеки. Каждое изъ отдѣленій, по выработанному плану, будетъ перемѣщаться изъ одного пункта въ другой два раза въ годъ, въ срокъ 15—20 декабря и весною по окончаніи экзаменовъ. Нельзя также не отмѣтить и того, что владимірская губ. управа представила очередному земскому собранію проектъ относительно участія въ дѣлѣ народнаго образованія частныхъ лицъ и средствъ. Принимая во вниманіе замѣтное просвѣтительное стремленіе среди интел-

лигентной части общества, она считаетъ своевременнымъ организовать и утилизировать эти силы, съ каковою цѣлью полагаетъ необходимымъ образовать общество для содѣйствія народному образованію и распространенію прикладныхъ знаній въ губерніи. Управа представила и проектъ устава, а также, въ случаѣ осуществленія общества, просило назначить ежегодную ассигновку, приблизительно, рублей 500 въ годъ. Собраніе утвердило эти доклады.

Все, сдѣланное владимірскимъ губ. земствомъ въ 1898 году, заслуживаетъ, конечно, серьезнаго вниманія, но, къ сожалѣнію, одно обстоятельство совершенно скомпрометировало владимірское губ. земское собраніе, какъ нѣкогда это было съ полтавскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Именно, въ засѣданіи 16 декабря 1898 года 25 *голосами* противъ 15 владимірскимъ губ. земскимъ собраніемъ было отклонено предложеніе гороховецкаго уѣзднаго собранія ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній крестьянъ по приговорамъ волостныхъ судовъ. Ходатайство это было поддержано владимірскою губ. земскою управою, но даже не было прочтено, а прямо поставлено на баллотировку и, повторяемъ, не уважено.

И. Бѣлоконскій.

(*Продолженіе будетъ*).

Въ общежитіи для фабрично-заводскихъ учениковъ.

...Дайте-жь мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей грудью вздохнуть,
Чтобы послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть...

I.

Среди различныхъ степеней, на которыя распадается участіе рабочихъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ, существуетъ одна, занимаемая если не всегда, то за весьма рѣдкими исключеніями или дѣтьми въ возрастѣ между 12—15 годами, или подростками съ 15 по 18 лѣтъ. Эта категорія рабочихъ числится подготовляющейся къ участію въ производствѣ, изучающей послѣднее, а отсюда каждый изъ входящихъ въ указанную категорію получаетъ названіе *фабрично-заводскаго ученика*. Часть фабричныхъ учениковъ комплектуется изъ дѣтей фабричныхъ рабочихъ, часть изъ не имѣвшихъ до того времени никакого отношенія къ фабрикѣ или заводу подростковъ, очень часто оторванныхъ прямо отъ сохи. Первые, т.-е. дѣти рабочихъ данной фабрики, живутъ у родителей и пользуются извѣстной заработной платой; вторые заработной платы не получаютъ, но пользуются полнымъ содержаніемъ отъ завода или фабрики, т.-е. живутъ въ фабричномъ помѣщеніи, получаютъ пищу и одежду, иногда и первоначальное обученіе, если при фабрикѣ имѣется школа. Бытъ, распорядокъ и будничный обиходъ общежитія настолько своеобразенъ, что я считаю интереснымъ и своевременнымъ познакомить читателей съ нѣкоторыми сторонами жизни фабричнаго общежитія тѣмъ болѣе, что многое является типичнымъ для большинства русскихъ фабричныхъ рабочихъ ученическихъ помѣщеній.

Общежитіе, которое мнѣ пришлось наблюдать, представляло комнату, помѣщавшуюся во второмъ этажѣ фабричнаго корпуса, надъ кухней, и примыкавшую одной стороной—глухой—къ мастерскимъ, другою, въ которой находилась входная дверь, къ двумъ отхожимъ

мѣстамъ. Комната была длинная, темная, довольно высокая. Вся обстановка общежитія заключалась въ плотно примыкавшихъ другъ къ другу нарахъ, поставленныхъ въ четыре ряда, притомъ такъ, что изголовья каждыхъ двухъ рядовъ соприкасались другъ съ другомъ. Каждая нара была снабжена соломенной подстилкой, соломенной подушкой и байковымъ одѣяломъ, отъ грязи и пятенъ совершенно утратившимъ свой первоначальный цвѣтъ. Нары заполняли собой почти всю комнату, оставляя три узкихъ прохода. Ни столовъ, ни скамей, ни полокъ въ общежитіи не было, и обитателямъ его приходилось все время проводить или лежа на нарѣ, или стоя въ проходахъ, или-же, наконецъ, сидя на ней въ изогнутомъ положеніи, съ поджатыми подъ себя ногами. Занявъ одно изъ такихъ положеній, приходилось и пить чай, и книгу читать, и заниматься разными играми. Вечерами, едва только начинало садиться солнце, общежитіе тонуло въ полумракѣ: комната освѣщалась двумя керосиновыми лампочками съ фитилемъ въ восемь-десять линій. Для того, чтобы составить себѣ полное представленіе о внѣшности общежитія, достаточно знать, что при 100—125 ученикахъ, помѣщавшихся въ немъ, оно мелось лишь разъ въ сутки,—рано утромъ. Ко времени спанья полъ покрывался всевозможными съѣстными отбросами—шелухой отъ лука, головами воблы, селедочной чешуей и т. п. Близость отхожихъ мѣстъ и прямо-таки отчаянное содержаніе ихъ имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что экскременты переносились на ногахъ въ общежитіе. По мѣрѣ того какъ возвращались съ работы ученики, комната становилась вонючѣе и удушливѣе. Часамъ къ десяти вечера воздухъ отъ людскихъ испареній становился влажнымъ; задняя стѣна общежитія застилалась ѣдкимъ туманомъ; вонь отъ растоптанныхъ экскрементовъ, запахъ перегорѣлой водки и кислой капусты, клубы махорочнаго дыма становились невыносимѣе. А впереди еще цѣлая ночь, по крайней мѣрѣ до пяти часовъ утра!..

Таковъ внѣшній видъ общежитія учениковъ описываемаго мною завода. Онъ является лишь фономъ въ общей картинѣ тѣхъ санитарно-гигіеническихъ условій, среди которыхъ жило до 125 фабричныхъ учениковъ въ возрастѣ отъ 11 до 20 лѣтъ.

Будничная одежда учениковъ состояла изъ красной кумачевой рубахи, холщевыхъ портовъ и сапоговъ, надѣтыхъ на босую ногу. По буднямъ, даже въ наиболѣе морозные зимніе дни, верхняго платья—въ видѣ пальто и шапки—ученикамъ не выдавалось. Такой порядокъ объяснялся тѣмъ, что, имѣя пальто и шапку, ученики отлынивають отъ работъ, скрываясь на дворѣ за ящиками, и даже убѣгаютъ изъ завода. Но какъ-бы ни были убѣдительны эти доводы, они, увы, были не въ состояніи замѣнить собой ту предохранительную отъ простуды

силу, которою обладаетъ даже жиденькое, еле-еле простеганное ватой пальто фабричнаго ученика. Такъ какъ отъ ближайшаго фабричнаго корпуса до общежитія было по крайней мѣрѣ саженъ 40—50, которыя приходилось пробѣгать безъ одежды, послѣ пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ часовъ у раскаленнаго зѣва доменной печи, то съ наступленіемъ первыхъ-же холодныхъ осеннихъ дней простуда внѣдрялась въ общежитіи. Рубаха и порты выдавались на двѣ недѣли; въ двѣ недѣли разъ ученики ходили въ баню. Конечно, этого было не достаточно, если принять во вниманіе, съ одной стороны, страшную грязь заводскихъ мастерскихъ и ученическаго общежитія, съ другой—высокую температуру, при которой происходили на заводѣ работы, вызывавшую постоянную испарину. Не удивительно, что, при совокупности описанныхъ условій, общежитіе кишмя-кишѣло блохами, ученики вшивѣли и покрывались сыпью; экзема и чесотка были обычными явленіями. Ученики настолько сживались съ этой грязью, настолько привыкали къ ней, что уже сами переставали жаловаться.

II.

Въ первый разъ я посѣтилъ ученическое общежитіе вечеромъ, и, помню, развернувшаяся передъ моими глазами картина долго оставалась въ моей памяти. Было семь часовъ вечера. Заводскіе ученики уже совсѣмъ покончили съ дневной работой и успѣли поужинать. Человѣкъ пять уже спали, но всѣ остальные еще и не помышляли о снѣ. Группами распредѣлились они по нарамъ, коегдѣ тусклымъ подслѣповатымъ огонькомъ мелькала свѣчка, пріобрѣтенная сообща, на артельныхъ началахъ, нѣсколькими подростками. Кое-кто пьетъ «собственный» чай («казенный» давался только разъ въ сутки, именно утромъ), кое-гдѣ идетъ карточная игра на «жмыхи» (колотушки по лбу), козны и деньги; въ серединѣ распиваютъ полученный съ кого-то штрафной штофъ. Здѣсь собрались «питаки», среди которыхъ преобладаетъ взрослое населеніе общежитія—ученики лѣтъ 16, 18 и 20-ти, но наряду съ ними тянетъ изъ артельной «баночки» двѣнадцатилѣтній мальчуганъ, ученикъ школы, стараясь какъ можно молодцоватѣе сплюнуть послѣ пропущенной «порціи». Подъ самой лампой, почти въ конецъ обезсилѣвшей въ борьбѣ съ мракомъ, нѣсколько «паръ» сосредоточенно, въ глубокомъ молчаніи, занялись «самоочищеніемъ», что на жаргонѣ общежитія обозначало поперемѣнную другъ у друга охоту за головными паразитами. Въ углу, окруживъ разсказчика плотнымъ кольцомъ, слушаютъ невѣроятно скабрезный анекдотъ «про попову дочку»; здѣсь

уже положительнѣйшая смѣсь возрастовъ: слушаетъ, улыбаясь, и одиннадцатилѣтній мальчуганъ, съ трудомъ соображая всю «соль» разсказа; слушаетъ и пятнадцатилѣтній подростокъ, быть можетъ, впервые ощущая при этомъ, какъ какая-то, дотолѣ неизвѣстная, струя начинаетъ пробѣгать по жиламъ и сладостно биться подъ сердцемъ; слушаетъ, наконецъ, и здоровенный двадцатилѣтній парень, хохоча во всѣ свои легкія... Кто-то затянулъ пѣсню; образовался импровизованный хоръ; отыскался плясунъ-подростокъ, получившій первоначальное образованіе въ одномъ изъ тѣхъ хоровъ, которые обыкновенно перекочевываютъ изъ балагана въ ярморочный трактиръ, съ трактирныхъ подмостковъ снова въ балаганъ и обратно... Гиканье... свистъ... нецензурный припѣвъ, поражающій непривычное ухо постольку-же своей скабрезностью, поскольку и положительной безсмыслицей... Издали доносится смачная брань одного изъ несчастныхъ игроковъ, доведеннаго до отчаянія количествомъ полученныхъ «жмыховъ»... И подъ аккомпаниментъ этихъ звуковъ нѣсколько всклоченныхъ головъ сосредоточенно склонились надъ книгой, освѣщенной огаркомъ, пріобрѣтеннымъ на собственные гроши.

Вотъ обычная картина вечерняго времяпрепровожденія заводскихъ учениковъ. Надъ поведеніемъ ихъ, надъ способомъ пользованія свободнымъ временемъ, надъ взаимными отношеніями контроля не существовало; общежитіе было предоставлено самому себѣ. Само собой оно жило, само собой оно управлялось, само собой, неизвѣстно когда, выработало рядъ традицій для своего будничнаго обихода, само собой вгоняло каждаго вновь пребывающаго члена въ рамки этого обихода.

Безконтрольность общежитія была скорѣе фактическая, нежели юридическая: юридически за образомъ жизни учениковъ должны были наблюдать и въ извѣстныхъ случаяхъ регулировать ее двое дядекъ. Такъ было когда-то установлено; но дѣйствительность разошлась съ этимъ установленіемъ, и контроль весьма скоро обратился въ фикцію. Дѣйствительность сказалась не въ томъ, что контроль былъ непріятенъ обитателямъ общежитія,—нѣтъ, контроль исчезъ, вѣроятно, въ силу болѣе важныхъ причинъ. Не особенно много пріятнаго для учениковъ влекъ за собой и контроль, незыблимо существовавшій въ заводскихъ мастерскихъ; но онъ не исчезалъ, наоборотъ, былъ въ силахъ благополучно достичь даже такихъ формъ, какъ требованіе отъ учениковъ хожденія въ зимнюю пору безъ шапокъ и пальто. Дѣйствительность сказалась въ томъ, что въ контролѣ за поведеніемъ учениковъ во время ихъ работъ въ мастерскихъ фабричная администрація была непосредственно заин-

тересована; къ контролю за проведенiемъ тѣми-же учениками свободнаго времени администрацiя завода особаго интереса не проявляла, и самый контроль устанавливался ею, какъ извѣстное noblesse oblige, какъ необходимая форма или декорумъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не какъ потребность, подсказанная сознанiемъ собственныхъ выгодъ и интереса. Интересы завода безспорно пострадали-бы отъ плохого контроля за учениками въ мастерскихъ, и заводская администрацiя съумѣла организовать такой контроль, при существованiи котораго талантамъ надсмотрщиковъ могли-бы позавидовать даже плутоновскiе церберы, но та-же самая администрацiя создала для общежитiя такой контроль, который съ первыхъ-же дней своего существованiя подорвалъ всякую вѣру въ его цѣлесообразность.

Въ самомъ дѣлѣ,—что, собственно говоря, представляли изъ себя тѣ двое дядекъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались «бразды правленiя» надъ общежитiемъ, регулирующее начало, долженствующее направлять нравственность да и вообще весь укладъ ученической жизни по стези добродѣтели? Оба были отставными солдатами, для обоихъ занятое амплуа воспитателей и руководителей 125 несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 11 до 20 лѣтъ было столь-же случайно и неожиданно, какъ неожиданно и случайно было-бы для нихъ амплуа первыхъ любовниковъ, героевъ или драматическихъ резонеровъ. Малограмотные, любившiе при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выпить, а потому охотно присоединявшiеся къ выпивающей компанiи учениковъ общежитiя, они говорили языкомъ этихъ-же учениковъ, ругались на ихъ жаргонѣ, первые смѣялись скабрезному разсказу или пѣснѣ. Такъ какъ къ воспитательнымъ обязанностямъ дядекъ присоединялись нѣкоторыя другiя, напримѣръ, приведенiе въ надлежащiй видъ отхожихъ мѣстъ общежитiя, кухни, лѣстницы, выдача одежды ученикамъ, колка дровъ для общежитiя и т. п., и такъ какъ душевная чистота и порядокъ не такъ рѣзко бросаются въ глаза, какъ чистота кухни или ретирада, то естественно, что дядьки лишь номинально считались наблюдателями и воспитателями, являясь въ дѣйствительности не чѣмъ инымъ, какъ сторожами общежитiя.

III.

Такъ, предоставленная самой себѣ и естественному ходу вещей, протекала жизнь общежитiя, вырабатывая порой чудовищно-гнусныя формы, которыя, въ свою очередь, вырабатывали уже изъ самихъ обитателей если не окончательно сбившихся съ пути людей, то, во

всякомъ случаѣ, съ избыткомъ снабженныхъ всѣми къ тому данными, снабженныхъ притомъ въ столь раннемъ возрастѣ, какъ 15—16 лѣтъ. Запертые въ одну комнату безъ всякаго различія возрастовъ, дѣти и подростки быстро становились *взрослыми* въ смыслѣ познанія порока, въ смыслѣ скорой утраты невинности сердца и чистоты помысловъ, въ смыслѣ, наконецъ, полнаго растлѣнія духа. А это растлѣніе доходило до поразительныхъ размѣровъ и бросалось въ глаза при первомъ уже знакомствѣ съ общежитіемъ и его нравами. Не говоря уже про скабрезныя пѣсни и нецензурные анекдоты, въ общежитіи ходили по рукамъ тѣ, неизвѣстно гдѣ фабрикуемыя, фотографіи, на которыхъ изощряютъ свое сладострастіе многіе изъ юношества. Трудно опредѣлить, кто пріобрѣталъ эти фотографіи—двадцати-лилѣтніе ученики, шестнадцати-ли-лѣтніе подростки, двѣнадцати-лилѣтняя дѣтвора. Мнѣ извѣстно только то, что этими фотографіями удовлетворяли свою любознательность представители всѣхъ возрастовъ общежитія. Мало этого,— въ книгахъ подчеркивались мѣста, заключавшія въ себѣ хотя-бы отдаленные намеки. Въ общежитіи я встрѣтилъ «Приключенія англійскаго милорда Георга» Всѣ мѣста, въ которыхъ описывались искушенія вѣрнаго милорда коронованными и некоронованными особами женскаго пола, были нѣсколько разъ подчеркнуты, на поляхъ встрѣчались нецензурныя изображенія или просто одно изъ словъ заборнаго лексикона. И это мнѣ пришлось встрѣтить не въ какомъ-либо захолустномъ учебномъ заведеніи, а среди такихъ подростковъ, большинство которыхъ года два-три, много-много четыре тому назадъ прибыло непосредственно изъ деревень и, быть можетъ, поразило самихъ обитателей общежитія моральнымъ и физическимъ здоровьемъ. Площадная брань среди учениковъ была доведена до виртуозности, при чемъ эта брань уже не являлась той поговоркой или bon-mot, которой въ деревнѣ можетъ сопровождаться даже любовное объясненіе: здѣсь слово, представляющее соль ругани, подчеркивалось, выдѣлялось, словно произносившій смаковалъ его. Тотъ цинизмъ, который проникъ въ общежитіе, обосновался тамъ и развился до поразительныхъ размѣровъ, обусловливался не одной только скученностью людей, подростковъ и юношей безъ всякаго различія для ихъ возраста,—онъ имѣлъ и другое, не менѣе сильное и могущественное основаніе. Искусственно соединивъ различные возрасты, общежитіе въ то-же самое время сплотило во-едино дѣтей и подростковъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ группъ, включивъ сюда-же и ту, которая состоитъ изъ «отбросовъ» или «подонковъ» современнаго общества. Наряду съ дѣтьми крестьянъ или городскихъ ремесленниковъ и домашней прислуги въ общежитіи можно было встрѣтить и сыновей

проститутокъ, и сыновей нищихъ, и ту, наконецъ, бродячую дѣтвору, которая жила, воспитывалась, добывала себѣ пропитаніе, а пожалуй, и рождена была «на улицѣ». Каждый вносилъ сюда привычки и нравы своей группы, каждый дѣлился своимъ опытомъ и «знаніемъ жизни», а кто какъ не дѣти улицы могли болѣе другихъ похвалиться такого рода познаніями и, слѣдовательно, занять вакантныя мѣста «свѣдущихъ людей»?.. Они и сообщали общежитію особое направленіе, которое успѣшно прививалось и обращалось въ традицію, встрѣтивъ себѣ благопріятную почву и въ безконтрольности общежитія, и въ покладистости возраста ея обитателей и, наконецъ, въ ихъ уровнѣ развитія; даже внѣшняя по отношенію къ общежитію среда—среда безсемейной фабричной молодежи—могла сообщить элементъ, только благопріятный для развитія цинизма и духовнаго растлѣнія. Между тѣмъ по своему возрасту обитатели общежитія переживали именно тотъ опасный періодъ, когда моральное растлѣніе и словесный цинизмъ получаютъ весьма легко конкретное выраженіе въ видѣ физическаго растлѣнія и цинизма дѣйствіями. И въ общежитіи были распространены не однѣ только фотографіи или нецензурныя пѣсни, но наряду съ ними процвѣталъ и онанизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить и раннія половыя сношенія учениковъ общежитія, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ два случая зараженія черезъ половое сношеніе сифилисомъ, которые были совершенно случайно открыты заводской администраціей. Одному заразившемуся было 17 лѣтъ, другому—18. Къ счастію, больные не успѣли заразить никого изъ своихъ сожителей, хотя для распространенія сифилиса общежитіе обладало всѣми данными: фабричные ученики ѣли изъ общихъ чашекъ (одна чашка давалась на шесть человѣкъ), мылись по-двое по-трое изъ шайки и по возвращеніи въ понедѣльникъ изъ отпуска, да и вообще въ другое время, не подвергались медицинскому осмотру, не смотря на то, что среди такихъ учениковъ были и двадцатилѣтніе парни.

IV

День въ общежитіи начинался въ пять часовъ утра, когда ученики, вставъ, бѣжали неумытые въ кухню, гдѣ получали по кружкѣ мутной, желтевато-сѣраго цвѣта жидкости, долженствующей изображать собой чай: жидкость эта, вѣроятно, вслѣдствіе отдаленнаго сходства съ чаемъ, въ насмѣшку называлась учениками «фабричнымъ кофіемъ». Около шести часовъ ученики должны были находиться въ заводѣ, въ восемь часовъ они получали кусокъ чернаго хлѣба и двѣ вареныхъ картофелины или огурецъ; въ двѣнадцать часовъ давалось три четверти часа на обѣдъ. Обѣдъ состоялъ изъ щей

съ микроскопической порціей мяса и каши. Около часа ученики отправлялись снова на работу, которая безъ перерыва продолжалась часовъ до 6—7 вечера. Въ 7 часовъ давался ужинъ, состоявшій изъ каши. Вечерняго чая ученикамъ вовсе не полагалось, но каждый изъ нихъ пилъ послѣ ужина чай, покупая его на собственныя деньги. Бѣлый хлѣбъ давался только по праздникамъ. Въ общемъ, питаніе учениковъ было скверное, и они положительно голодали-бы, еслибы имъ не отпускали чернаго хлѣба столько, сколько они спросятъ; съ другой стороны, пища приготовлялась изъ плохой провизіи, и ученики временами совершенно отказывались отъ нея, замѣняя горячее чернымъ хлѣбомъ, такъ что вовсе не будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что ученики питались и были «живы единымъ хлѣбомъ».

При изнурительной работѣ, продолжавшейся отъ 9-ти до 12—13 часовъ въ сутки, ученики были урѣзаны въ удовлетвореніи самой необходимой потребности. Чай имъ давался разъ въ сутки, бѣлый хлѣбъ разъ въ недѣлю, горячая пища была такая, что даже неприхотливый желудокъ добровольно жертвовалъ ею въ пользу нѣсколькихъ ломтей чернаго хлѣба, который, по весьма остроумному измышленію заводской администраціи, давался безъ какихъ-бы то ни было ограниченій. Для большинства обитателей фабричнаго общежитія такое продовольствіе было ниже того минимума, къ которому оно привыкло; мало этого—большинство хорошо знало условія жизни тѣхъ изъ фабричныхъ учениковъ, которые жили не въ общежитіи, а у родныхъ или родственниковъ. Это обстоятельство увеличивало и чувство недовольства, и чувство ощущенія голода, что, въ свою очередь, побуждало несчастную дѣтвору измышлять различнаго рода способы, при помощи которыхъ могли-бы быть хоть отчасти восполнены остающіяся безъ удовлетворенія потребности. Каковы-же могли быть эти способы у учениковъ общежитія? Заработной платой они не пользовались, получать пособіе изъ родительскаго дома большинство изъ нихъ не могло, исключая ничтожныхъ грошей, высылавшихся къ Рождеству и Пасхѣ. Правда, почти каждый изъ нихъ имѣлъ въ резервѣ двадцать-тридцать копеекъ въ видѣ мѣсячной награды отъ мастера, но эта сумма была совершенно ничтожна, чтобы одною ею можно было восполнить недостатки заводской кухни и заводскаго продовольствія, о которыхъ желудокъ настойчиво и упорно спѣшитъ заявить при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Оставался одинъ только выходъ—кража. Правда, это одинъ изъ нелегальныхъ способовъ удовлетворенія своихъ потребностей, но голодные и полуголодные люди плохіе классификаторы, особенно въ отвлеченной области моральныхъ понятій; еще болѣе плохими классификаторами является въ такихъ случаяхъ изголодавшаяся дѣт-

вора и полуголодная толпа подростковъ. И воровство было самымъ обычнымъ явленіемъ въ повседневномъ обиходѣ фабрично-заводскаго общежитія. Тащили и въ первый-же праздникъ, воспользовавшись отпускомъ, обращали въ деньги все, что плохо лежало. Тащили замокъ, кусокъ чугуна, приготовленную вещь, развѣшанное бѣлье, словомъ—все, что, по своимъ размѣрамъ и вѣсу, было удобно для уносу; тащили не только предметы, принадлежавшіе заводу или обитателямъ двора, на которомъ помѣщалось общежитіе, но обкрадывали собственнаго брата, такого-же полуголоднаго и оборваннаго ученика. Это было, такъ сказать, *внутреннее* воровство. Наряду съ нимъ также успѣшно процвѣтало и *внѣшнее*. Въ базарный день таскали съ лотковъ и возовъ; въ лѣтнее время аккуратно производили экскурсіи въ сосѣдніе огороды. Кражи производились въ одиночку и организованной кучкой. Въ одиночку воровали случайно попадавшіеся предметы, неосторожно оставленные въ заводскихъ мастерскихъ или на дворѣ безъ надлежащаго присмотра; въ одиночку обшаривали другъ у друга сундуки или укладки. Сообща производились кражи, требовавшія нѣкоторыхъ приготовленій. Такъ, сообща похищались сработанныя издѣлія завода, сообща-же посѣщали и огороды. На базарѣ всегда дѣйствовали сплоченной группой. Человѣка два-три торговались и покупали булку или лакомства, а остальные какъ-бы случайно подходили къ лотку или возу и воровали. Конечно, и противъ «внутренняго», и противъ «внѣшняго» воровства предпринимались разнообразныя охранительно-предупредительныя мѣры, но какъ ни многочисленны были эти мѣры и какъ ни изобрѣтательна была заводская администрація и базарныя торговки, верхъ все-таки одерживала изощренная изобрѣтательность голоднаго желудка, и кражи не переводились. А изголодавшійся желудокъ проявлялъ такой обильный источникъ предусмотрительности, хитрости и ловкости, что даже взрослые рабочіе въ трудныя минуты своей жизни обращались къ содѣйствію фабричныхъ учениковъ.

Воровство въ глазахъ обитателей общежитія не представляло ничего преступнаго, грѣшнаго или плохого. Плохимъ считалось, если ученикъ неумѣло совершалъ кражу и подводилъ своихъ сообщниковъ или вызывалъ повальный обыскъ у всѣхъ фабрично-заводскихъ учениковъ. Наоборотъ, всякая ловко задуманная и удачно выполненная кража вызывала со стороны всѣхъ обитателей общежитія похвалу, одобренія и самый искренній восторгъ. Ученики, принимавшіе въ ней участіе, становились если и не вполнѣ героями, то во всякомъ случаѣ людьми съ извѣстными способностями и дарованіями, заслуживающими уваженія и право быть авторитетными. Ловко произведенная кража доставляла нѣчто въ родѣ «безсмертія».

Общежитіе имѣло свою исторію, составленную изъ разсказовъ о минувшихъ событіяхъ, оставившихъ особое впечатлѣніе въ умахъ предшествовавшихъ поколѣній фабрично-заводскихъ учениковъ. События эти передавались однимъ поколѣніемъ общежитія другому. Наряду съ разсказами о событіяхъ въ общежитіи циркулировали разсказы о выдающихся предшественникахъ.

Среди этихъ лицъ, оставившихъ по себѣ «добрую память», значительное большинство снискало себѣ ее не чѣмъ инымъ, какъ рядомъ ловкихъ кражъ, передъ которыми меркла слава всѣхъ заводскихъ сторожей, часть которыхъ, въ свою очередь, тоже входила въ число историческихъ лицъ общежитія, фигурируя, впрочемъ, тамъ уже не въ роли героевъ, но въ качествѣ отъявленныхъ злодѣевъ, надѣленныхъ особенной бдительностью и коварствомъ. Нечего и говорить о томъ, что въ разсказахъ какъ добродѣтельная ловкость и рѣшительность героевъ, такъ и неусыпная бдительность и коварство злодѣевъ доходили до миѳическихъ размѣровъ. Передавались эти разсказы съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ: глаза разсказчика оживлялись и блестѣли, на блѣдныхъ испитыхъ щекахъ вспыхивалъ румянецъ; съ нескрываемымъ сочувствіемъ слушали и сожители, воодушевлялись и часто, не выдержавъ, перебивали повѣствованіе восклицаніями: «вотъ это такъ ловкачъ!.. цѣлую сотню рюмокъ утянулъ». Нѣкоторые при этомъ пытались сравнивать нынѣшнее время, и, конечно, результатъ получался далеко не въ пользу его и современныхъ героевъ общежитія: «Нынче что?.. стащатъ пары двѣ пивныхъ кружекъ и думаютъ не знай что... Вонъ раньше по десятку графиновъ царской грани черезъ заборъ сплавлять удавалось»... Затѣмъ слѣдовало продолженіе разсказа. Водворялось глубокое молчаніе. И какъ знать, быть можетъ, каждый изъ слушателей именно въ эту самую минуту усиленно напрягалъ свои неокрѣпшіе мозги, стараясь обдумать «въ совершенствѣ» новый, неизвѣстный еще «бдительнымъ злодѣямъ» способъ кражи, который надолго гарантировалъ-бы и цѣлость боковъ, и ощущеніе пріятной тяжести въ желудкѣ.

Нельзя сказать, что бы эта миѳологія фабрично-заводскаго общежитія была лишена интереса, но въ общемъ она могла произвести лишь удручающее впечатлѣніе. Преклоненіе передъ воровствомъ, возведеніе въ культъ ловкихъ воришекъ наводили на грустныя думы, горечь которыхъ могла лишь усиливаться при мысли, что поклонниками здѣсь являлись дѣти и подростки, едва начавшіе жизнь и успѣвшіе увидать лишь самый незначительный клочекъ ея.

Конечно, вполнѣ понятно и вполнѣ нормально стремленіе изголодавшагося существа добиться тѣми или иными способами удовлетворенія основныхъ потребностей своего организма; но каково должно

быть будущее этихъ маленькихъ «двигателей россійской промышленности», сроднившихся уже въ столь юномъ возрастѣ съ воровствомъ?

V.

Тяжелый, порой положительно непосильный для подростка трудъ, жизнь впроголодь и всевозможныя лишенія съ одной стороны, съ другой—созерцаніе иной жизни, которая поражала всевозможными прихотями и излишествами и которая проносилась бокъ-о-бокъ съ заводскимъ общежитіемъ, голыя, ободранныя стѣны спальни, нары съ соломенной подстилкой—и роскошныя палаты, огромные магазины, гдѣ сквозь саженныя окна блестѣло золото, переливались радужными огнями брильянты или пестрѣли разнообразнѣйшія дорогія ткани,—все это, взятое въ совокупности, производило сильное впечатлѣніе на подростковъ, обитавшихъ въ общежитіи. Созерцаніе этихъ контрастовъ, при постоянномъ ощущеніи мучительной пустоты въ собственномъ желудкѣ, порождало въ юныхъ сердцахъ страстную жажду къ наживѣ, которая такъ сильно господствовала надъ всѣми помыслами учениковъ, что въ концѣ концовъ приводила ихъ къ фанатическому преклоненію передъ болѣе или менѣе состоятельнымъ человѣкомъ. Богатый, какъ-бы безнравствененъ онъ ни былъ, какъ-бы ни давилъ рабочихъ и сколько-бы ни выжималъ изъ нихъ крови, являлся въ глазахъ всего общежитія, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, человѣкомъ дѣльнымъ, «башкой». Каждый въ душѣ симпатизировалъ ему, каждый въ отдѣльныхъ случаяхъ самымъ тщательнымъ образомъ старался найти у богача, про котораго заходила рѣчь, нѣсколько похвальныхъ, по понятіямъ общежитія, качествъ. Наоборотъ, бѣдный являлся въ глазахъ фабрично-заводскихъ учениковъ обязательно глупымъ, не понимающимъ собственной пользы, или, по крайней мѣрѣ, «пьяной голтепой». Бѣднаго не за что уважать; бѣдный въ родѣ блаженненькаго,—пожалуй, можно еще пожалѣть его, но брать примѣръ съ него, а тѣмъ болѣе подражать ему—нѣтъ никакого смысла. Интереснѣе всего отмѣтить, что такое отношеніе къ бѣднотѣ создавала жажда къ наживѣ среди подростковъ, представляющихъ собой именно эту самую бѣдноту.

Въ повседневномъ обиходѣ эта жажда выражалась въ карточной игрѣ, охватывавшей почти поголовно все общежитіе. Играли въ три листика, и обязательно на деньги. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ игра производилась на козны или «жмыхи». Но и здѣсь отъ «жмыховъ» можно было откупиться деньгами и козны перевести на тѣ-же деньги. Картежничество процвѣтало вовсе не какъ средство «убить время»,—нѣтъ, въ общежитіи каждый садился играть съ единственной цѣлью

добыть этимъ занятіемъ пятакъ или хоть семишникъ. Утомленные, съ лихорадочно-возбужденными глазами, сидѣли ученики за картами, зорко слѣдя за сдатчикомъ и всякій разъ громкимъ вздохомъ сопровождая исчезавшія въ карманѣ товарища копѣйки. У многихъ казалось даже слипались глаза, но бряцанье мѣдяковъ заставляло дѣлать всевозможныя усилія, чтобы переломить сонъ.

На ряду съ картами распространились лоттереи и простая продажа. Каждая вещь, имѣющая хоть какую-нибудь цѣнность, разыгрывалась, продавалась, перепродавалась и вновь шла въ лоттерею. Дѣло доходило до того, что по временамъ продавалось право на полученіе воскресной булки. При этомъ похвалу и одобреніе заслуживалъ тотъ, кто дороже и выгоднѣе для себя сбывалъ негодную или ничего нестоющую вещь. Послѣдняя «конверсія» на жаргонѣ общежитія носила своеобразное названіе «втереть дуракамъ очки».

Наиболѣе гнусной формой, въ которую выливалась жажда наживы, было ростовщичество. Въ общежитіи всегда можно было добыть въ долгъ и гривенникъ, и щепотку чая, и нѣсколько кусковъ сахару, но при этомъ приходилось платить извѣстные проценты. За заварку чая требовали черезъ недѣлю двѣ заварки, за три куска сахару—пять; взявшій на мѣсяцъ гривенникъ долженъ былъ возвратить уже пятиалтынный и т. д. Но особенно высокъ былъ процентъ, когда деньги занимались во время игры; здѣсь за каждую взятую копѣйку должникъ обязывался заплатить послѣ игры или послѣ ближайшаго праздника—двѣ, а иногда и три копейки. Среди учениковъ общежитія можно было встрѣтить уже форменныхъ ростовщиковъ. Урѣзавъ свои потребности до конечнаго минимума, они путемъ добровольныхъ лишеній всегда имѣли въ запасѣ нѣсколько гривенниковъ, которые пускали въ оборотъ не только среди своихъ сожителей, но даже порой снабжали взрослыхъ рабочихъ, когда у послѣднихъ слишкомъ «сильно сосало подъ сердцемъ». Гривенники въ опытныхъ рукахъ такихъ подростковъ быстро обращались въ полтинники, но болѣе или менѣе крупной суммы никому изъ юныхъ «ростовщиковъ» скопить не удавалось: всякій разъ, когда въ его рукахъ скапливалось рубля два-три, они шли на покупку «спинжака» или яркаго шарфа, или цвѣтной жилетки, однако копѣекъ сорокъ-пятьдесятъ оставлялись для «оборотнаго фонда». Отвращенія къ ростовщикамъ общежитіе не проявляло. Послѣднее относилось къ нимъ скорѣе съ чувствомъ зависти, такъ какъ они осуществляли идеалъ фабрично-заводскаго ученика—щеголяли въ шарфѣ и пиджакѣ.

VI.

Тѣснаго единенія, близкой дружбы между учениками общежитія не было. Общежитіе не представляло въ этомъ отношеніи одной цѣлой, нераздѣльной единицы, одного существа, съ однимъ общимъ сердцемъ. Наоборотъ, общежитіе раскалывалось на нѣсколько группъ. Дружили не всѣ между собой,—дружили, образовывая товарищескій кружокъ, человѣкъ восемь-десять, преимущественно земляки, если и не изъ одного уѣзда, то изъ одной губерніи. Вслѣдствіе такого расчлененія на кружки, порождались двоякаго рода отношенія между учениками: къ членамъ своего кружка относились такъ, къ ученикамъ, не входящимъ въ свой кружокъ, иначе. Съ товарища считалось неловкимъ брать большіе проценты: чаще всего ему давалось въ долгъ безъ всякихъ процентовъ, но, какъ уже было сказано выше, ничего позорнаго не находили во взиманіи самыхъ безбожныхъ процентовъ съ остальныхъ сожителей, не входящихъ въ кружокъ. Товарищу во всемъ и вездѣ помогали, охраняли его имущество и не обворовывали его. Во всѣхъ случаяхъ, когда совершалась какая-нибудь шалость или преступленіе, вызывавшія допросъ или разслѣдованіе, кружокъ отстаивалъ своего члена и самымъ настойчивымъ образомъ устанавливалъ его alibi. Точно такъ-же защищали слабыхъ, малыхъ, новичковъ, но опять-таки каждый кружокъ своихъ. Однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что каждая группа жила совершенно изолированно: изолированное существованіе заключенныхъ въ одну комнату трудно и допустить. Общеніе было и между учениками различныхъ группъ, было и сознаніе чувства товарищества, но задушевность и полная искренность проявлялись лишь по отношенію къ «своимъ», т.-е къ членамъ своей группы.

Вражды или нетерпимости между отдѣльными группами не существовало,—наоборотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ группы соединялись и смѣшивались. Въ болѣе важные моменты всѣ группы дѣйствовали сообща. Такъ, напримѣръ, когда дядька напивался и начиналъ бить безъ разбора, все общежитіе устремлялось на него, общими силами валили «воспитателя» на полъ, мяли ему бока и осторожно относили его въ его каморку. Точно такъ-же, когда заводская администрація заставила учениковъ работать по воскреснымъ днямъ, на третье воскресенье все общежитіе не пошло на работу, пока не было выдано каждому по пятаку за работу не въ урочный день.

Всѣ группы одинаково ненавидѣли «шпіоновъ» и «наушниковъ», однако подростки, жившіе болѣе продолжительное время, какъ-то примирялись съ этимъ явленіемъ и активно ничѣмъ не проявляли этой ненависти.

Изъ совокупности описанныхъ отношеній и складывалась трудовая будничная жизнь обитателей фабрично-заводскаго общежитія. Для полноты картины жизни этихъ учениковъ необходимо познакомиться съ праздничнымъ времяпрепровожденіемъ.

Праздникъ, конечно, совершенно измѣнялъ обычный распорядокъ дня. Еще въ субботу вечеромъ ученики, просидѣвшіе цѣлую недѣлю взаперти въ заводской мастерской и общежитіи, получали верхнее платье, шапки и проходные нумера. Меньшинство въ шесть часовъ вечера уходило «въ городъ»—къ роднымъ или родственникамъ. Большинство родственниковъ въ городѣ не имѣло, а потому «въ городъ» не шло, но гурьбами устремлялось въ примыкавшую къ заводу слободу. Здѣсь обитатели общежитія устремлялись прежде всего въ трактиръ, гдѣ имъ позволялось «безданно и безпошлинно» толкаться и созерцать разнообразныя трактирно-кабацкія сцены. Такая льгота дѣлалась трактирщикомъ, конечно, не даромъ: на обязанности учениковъ лежали сообщенія домашнимъ о томъ, что тотъ или другой взрослый напился, не можетъ идти, а потому необходимо, чтобы за нимъ пришли. Польза отъ пребыванія учениковъ въ трактирѣ выражалась еще въ слѣдующемъ: въ тотъ-же трактиръ устремлялись послѣ недѣльной работы заводскіе рабочіе. Ученики зорко слѣдили за ними и, замѣтивъ кого-либо уже пришедшимъ въ благодушное состояніе, обступали его, просили угостить или просто выставить имъ на всю артель бутылку или меньше, сообразуясь въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, съ настроеніемъ подвыпившаго рабочаго, съ другой—съ численностью артели. Получивъ желанную порцію, ученики уже на собственные гроши заказывали чай и благодушествовали до поздняго времени. Въ воскресенье они бродили по слободѣ, ища развлеченій въ эпизодахъ уличной жизни, а въ случаѣ полнаго отсутствія таковыхъ, создавая ихъ путемъ переругиванія съ пьяными или приставаніемъ къ прохожимъ. Въ воскресенье-же сбывалось, частью въ слободѣ, частью «въ городѣ», все то, что тайкомъ удалось вынести съ завода. Съ приближеніемъ вечера ученики снова собирались въ «казенномъ» трактирѣ.

Такимъ образомъ, всѣ впечатлѣнія, полученныя учениками фабрично-заводскаго общежитія, распадались на двѣ группы: первую составляли впечатлѣнія будничной жизни, протекавшей между четырьмя стѣнами завода или общежитія, вторую—впечатлѣнія, получаемыя извнѣ—толченіемъ по улицѣ и изученіемъ трактира и его нравовъ. Изъ совокупности этихъ впечатлѣній въ концѣ концовъ получился тотъ жизненный опытъ, изъ котораго и черпались руководящія начала въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, на основаніи котораго незамѣтно, словно сами собой, возникали обычаи, нравы и весь,

наконецъ, укладъ семейной жизни фабрично-заводскаго рабочаго. Что дастъ улица, трактиръ и общежитіе, то и используетъ въ недалекомъ будущемъ фабрично-заводскій ученикъ.

Какъ съумѣетъ разобраться онъ во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ— это до извѣстной степени уже обрисовывается изъ всего сказаннаго о нравахъ и обычаяхъ, создавшихся непосредственно въ самомъ общежитіи, но поставленный нами вопросъ выяснится гораздо полнѣе и получитъ болѣе яркое освѣщеніе, если мы остановимся на выясненіи степени умственнаго развитія обитателей спальни.

VII.

Степень ихъ умственнаго развитія меня сильно интересовала, и я нѣсколько разъ производилъ различнаго рода испытанія, съ цѣлью выяснить самому себѣ общій умственный обликъ заводскаго ученика. Въ результатѣ у меня получилось впечатлѣніе чего-то крайне пестраго и хаотичнаго. Часть двѣнадцати и тринадцатилѣтнихъ подростковъ не могла, напримѣръ, объяснить, какъ дѣлаютъ простой хлѣбъ, и совершенно не понимала, что такое плугъ, соха и борона; многіе считали рѣку, прудъ и озеро совершенно равнозначущими понятіями; нѣкоторымъ приходилось выяснять, что ягненокъ, овца и баранъ вовсе не различныя животныя, хотя въ то же самое время громадное большинство этихъ-же самыхъ подростковъ въ совершенствѣ могло разъяснить, чѣмъ отличаются другъ отъ друга трактиръ, пивная и винный погребъ; почти всѣ знали, что такое паровая машина, но многіе при этомъ смѣшивали локомотивъ съ вагонами, и въ то-же самое время никто не зналъ, откуда берется нефть, хотя ею отапливался весь заводъ. Всѣ знанія были въ видѣ обрывковъ и клочковъ, когда-то мимоходомъ, совершенно неожиданно и случайно подобранныхъ. Вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ, чертей и прочую прелесть, вѣра въ колдовство, въ значеніе чиселъ и дней, особенно счастливыхъ или, наоборотъ, особенно несчастливыхъ,—словомъ, народное суевѣріе прочно сидѣло въ головахъ обитателей общежитія, въ значительной степени парализуя всякое стремленіе или попытку уяснить себѣ то или другое непонятное явленіе. Зато религіозность, даже въ видѣ соблюденія казенной формально-обрядовой стороны, развита была весьма и весьма слабо. Богъ со всѣми Его святыми и ангелами былъ гдѣ-то очень далеко и почти совершенно не останавливалъ на себѣ вниманія учениковъ. Отвѣтственность послѣ смерти, адъ, мученія, огонь неугасаемый, раскаленныя сковороды, можетъ быть, пассивно и признавались обитателями общежитія, но все это было такъ отдѣльно, что при основной характерной чертѣ фабрично-

заводскаго подростка жить настоящимъ, не пытаясь заглядывать въ будущее, совершенно оставалось въ сторонѣ и, насколько мнѣ извѣстно, не входило въ кругъ тѣхъ темъ, которыя служили-бы предметомъ обычныхъ вечернихъ бесѣдъ.

Довольно значительное количество фабрично заводскихъ учениковъ посѣщало устроенную тутъ-же при заводѣ школу, но школа, при неаккуратности и кратковременномъ посѣщеніи учащихся и при современныхъ оффиціальныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ ней, давала очень немного знаній и, слѣдовательно, оказывала весьма слабое вліяніе. Кромѣ того, въ фабрично-заводской школѣ довольно часто встрѣчается типъ ученика, ничѣмъ не интересующагося и относящагося ко всему равнодушно. Типъ этотъ, къ сожалѣнію, распространенъ болѣе, чѣмъ можно было-бы предполагать. Но эти индифферентные ко всему ученики совершенно безобидныя существа: сидятъ они смирно, дѣлаютъ, правда, сонливо, медленно и неохотно, но безропотно, все, что ихъ заставляютъ. Индифферентизмъ ихъ весьма понятенъ. Такихъ учениковъ надломилъ заводъ: ихъ слабый, не окрѣпшій организмъ надорвался и отъ убійственныхъ санитарныхъ условій, и отъ продолжительной, значительно превышающей законныя нормы работы, часто отъ онанизма, алкоголя, вѣчнаго недосыпанья, скевернаго питанья и рано начатой казарменной жизни. Все это, обрушившись на не успѣвшій сформироваться организмъ подростка, не расплющило окончательно его, но своею совокупностью исковеркало, изломало, изжевало и, словно въ насмѣшку, выплюнуло. И подростокъ словно-бы и живетъ: онъ отвѣчаетъ на вопросы, двигаетъ всѣми своими членами, совершаетъ, и, пожалуй, нормально, всѣ физіологическія отправленія, но нѣтъ въ немъ основного признака жизни.—не горитъ въ немъ жизненный огонекъ, словно кровь перестала двигаться въ его венахъ, а сердце разучилось биться.

Результатомъ утомленія и усталости учащихся были такія явленія, какъ стремленіе воспользоваться школой, какъ мѣстомъ отдыха. Войдя въ школу до прихода учителя, ученики забирались подъ парты и, вмѣсто игръ и шалостей, преспокойно лежали, а нѣкоторые прямо-таки засыпали. Но ни тяжесть заводской работы, ни разрушительныя условія казарменной жизни въ общежитіи, ни самая, наконецъ, схоластика современной народной школы все-же не могли заглушить у нѣкоторыхъ любознательности и любви къ чтенію, и среди обитателей общежитія находились такіе поклонники книги, что сообща, на жалкіе гроши, путемъ урѣзыванія себя въ сахарѣ или бѣломъ хлѣбѣ, покупали артельную свѣчу и при ея трепетномъ мерцаніи, поздними вечерами, когда стихалъ шумъ и гамъ общежитія, поглощали книгу за книгой. А когда, въ рѣдкіе часы досуга, мнѣ удава-

лось прочесть вслухъ статью или разсказъ, съ какимъ глубокимъ интересомъ и вниманіемъ слушали эти несчастные жертвы «процвѣтанія и преуспѣянія россійской промышленности». Ихъ трогала несчастная судьба купца Калашникова, ихъ глубоко интересовали «*Приключенія двухъ кораблей*» и до слезъ смѣшили сказки о «*Дикомъ помѣщикѣ или о мужикѣ, прокормившемъ двухъ генераловъ*». Драгоцѣнныя свойства человѣческой природы пробивались сквозь всю толщу ранней испорченности и исковерканности,—пробивались быть можетъ для того, чтобы лишній разъ дать знать о себѣ, о живучести души человѣческой и подтвердить старую истину о томъ, какъ много величайшихъ драгоцѣнностей совершенно зря исчезаетъ, рушится у неразсчетливаго хозяина.

Н. Скворцовъ.

Преподаваніе древнихъ языковъ прежде и теперь въ русскихъ гимназіяхъ *).

I.

Послѣ введенія въ гимназіяхъ «устава 30-го іюля 1871 г.» учебные планы проходимыхъ въ гимназіяхъ предметовъ были изданы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія впервые 31-го іюля 1872 г., когда еще не было отдѣльнаго VIII класса, а былъ VII классъ съ двухгодовымъ курсомъ. Съ устройствомъ отдѣльно VIII класса въ гимназіяхъ и вслѣдствіе выяснившейся на практикѣ необходимости нѣкоторыхъ улучшеній, учебные планы были пересмотрѣны и вновь утверждены 8-го іюля 1877 г. Издавая исправленные планы, Министерство Народнаго Просвѣщенія заявляло, что вновь утвержденные планы будутъ **) «имѣть силу на время, сколь можно болѣе продолжительное», и что «дальнѣйшія въ нихъ улучшенія будутъ обусловлены лишь успѣхами самихъ наукъ, а отчасти также нашей учебной литературы и учебной практики, и болѣе высокимъ научнымъ и дидактическимъ уровнемъ самихъ преподавателей». Отсюда слѣдуетъ, что учебные планы 1877 года были приноровлены къ тогдашнему научному и педагогическому уровню преподавателей и соотвѣтствовали развитію нашей учебной литературы и педагогической практики; но вмѣстѣ съ тѣмъ, уже при самомъ изданіи учебныхъ плановъ намѣчена была возможность перемѣны въ нихъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—въ зависимости отъ развитія педагогики, учебной практики и литературы и отъ улучшенія состава

*) Вполнѣ раздѣляя взглядъ автора этой статьи на недостатки прежней постановки преподаванія древнихъ языковъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ оптимистическимъ воззрѣніемъ автора на современную постановку преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Мы вполнѣ убѣждены, что и настоящая постановка преподаванія этихъ языковъ страдаетъ существенно недостатками и нуждается въ коренной реформѣ. *Ред.*

**) Цир. предл. М. Н. Пр. 8-го іюня 1877 г. Исаенковъ, Сб. пост. и расп. по гимн. и прогимн., изд. 1889 г., стр. 222.

педагогическаго персонала. Новые планы не отказывали учителямъ въ свободной и благотворной дѣятельности, которая должна была сосредоточиться на достиженіи возможно лучшихъ результатовъ въ смыслѣ большей основательности преподаванія и возможно большаго разумѣнія *) учениками того, что проходилось. Размѣръ проходимаго, способъ преподаванія и цѣль, которую должны были преслѣдовать преподаватели въ своей педагогической дѣятельности, довольно опредѣленно указаны въ планахъ и, главнымъ образомъ, въ объяснительныхъ запискахъ, которыя находятся при планѣ каждаго предмета. Не касаясь другихъ предметовъ, остановимся на учебно-воспитательной цѣли и способѣ преподаванія древнихъ языковъ, составляющихъ краеугольный камень нашего гимназическаго образованія.

Намѣченныя объяснительными записками цѣли преподаванія древнихъ языковъ были слѣдующія: твердое усвоеніе учениками элементарной грамматики обоихъ языковъ и, какъ слѣдствіе усвоенія, умѣнье самостоятельно *примѣнять грамматическія правила при переводѣ на русскій языкъ и объясненіи писателей*, а также при переводахъ съ русскаго на древніе языки; второю цѣлью преподаванія языковъ было знакомство учащихся съ важнѣйшими литературными произведеніями древнихъ грековъ и римлянъ и съ бытомъ этихъ народовъ; конечнымъ результатомъ усерднаго и разумнаго преслѣдованія той и другой цѣли должна была оказаться въ учащихся «способность понимать какъ красоту древняго стиля, такъ и изящество рѣчи вообще». Признавая за основательнымъ знаніемъ грамматики существенное значеніе, учебные планы распредѣляютъ прохожденіе латинской грамматики по всѣмъ классамъ: для первыхъ трехъ классовъ предлагается «методическій курсъ грамматики», чтобы начинающій могъ пользоваться сообщаемымъ ему матеріаломъ для выраженія мыслей, хотя-бы въ элементарной ихъ формѣ»; въ IV и V классахъ назначался болѣе подробный курсъ синтаксиса въ строгой системѣ, въ VI—повтореніе синтаксиса съ дополненіями, въ VII и VIII классахъ латинская стилистика. Всѣ грамматическія отступленія, «необходимыя для познанія языка въ объемѣ гимназическаго курса», ученики должны были основательно усвоить посредствомъ неоднократнаго повторенія въ низшихъ и среднихъ классахъ гимназіи; при чтеніи автора или статей по хрестоматіи преподаватель долженъ былъ постоянно обращать вниманіе учащихся на отступленія отъ правилъ и на исключенія и вообще заботиться о томъ, чтобъ глубже запечатлѣть послѣднія въ памяти учащихся, а «при толкованіи авторовъ сообщать ученикамъ и такія правила, до которыхъ они еще не дошли

---

*) Исаенковъ, стр. 227.

въ курсѣ синтаксиса». Кромѣ достаточнаго выбора примѣровъ изъ лучшихъ авторовъ на данное правило, нужно было присоединять и практическія упражненія, чтобы закрѣпить въ памяти и сознаніи учениковъ пройденное. Практическія упражненія должны были состоять въ устномъ и письменномъ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Конечная цѣль такихъ переводовъ заключалась въ подготовкѣ учениковъ къ тому, чтобы они въ высшихъ классахъ могли писать прямо подъ диктовку латинскій переводъ съ русскаго текста и даже составлять въ VIII классѣ сочиненія на латинскомъ языкѣ. Кромѣ того, преподаватель греческаго языка долженъ былъ при прохожденіи греческаго синтаксиса обращать вниманіе учащихся на «*особенности греческаго синтаксиса сравнительно съ латинскимъ*». Требованія по греческой грамматикѣ направлены были преимущественно на твердое усвоеніе греческой этимологіи со всевозможными исключеніями. Изучать синтаксисъ греческаго языка хотя и полагалось по планамъ довольно подробно и съ заучиваніемъ наизусть примѣровъ, подтверждающихъ правило, но главное значеніе все-таки имѣла этимологія; поэтому и переводы съ русскаго языка на греческій назначались, главнымъ образомъ, для того, чтобы учащіеся тверже закрѣпили въ памяти этимологическія формы и только важнѣйшія правила синтаксиса. Дополненіемъ къ грамматическимъ свѣдѣніямъ по древнимъ языкамъ являлось ученіе о стихосложеніи въ обоихъ древнихъ языкахъ и правила просодіи по латинскому языку. Для достиженія знакомства учениковъ съ важнѣйшими литературными произведеніями преподаватели должны были 1) предпосылать чтенію краткую біографію новаго автора и самыя необходимыя свѣдѣнія о родѣ произведеній, къ которому относится избранное для чтенія сочиненіе, 2) требовать отъ учащихся твердаго знанія словъ заданнаго къ уроку отрывка, точнаго ихъ значенія, и указывать, по возможности, на происхожденіе словъ; затѣмъ, «*тщательно разъяснять синтаксическія соотношенія* и дѣлать требуемыя содержаніемъ объясненія изъ исторіи, географіи, словесности и древностей». Грамматическіе вопросы должны были служить лишь къ тому, чтобы разъяснить мысль автора или чтобы удостовѣриться, понято-ли данное объясненіе, но при спрашиваніи вокабулъ преподавателю «не воспрещалось» провѣрять познанія учениковъ по части склоненій и спряженій. Переводить текстъ автора слѣдовало сначала дословно, а потомъ литературнымъ языкомъ. При чтеніи прозаиковъ рекомендовалось «*упражнять учениковъ въ обратномъ переводѣ*», также требовать отъ ученика разсказывать по-русски содержаніе прочитаннаго отдѣла и задавать письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій, съ тѣмъ, чтобы воспроизвести не только мысль переводимаго мѣста

изъ автора, но и всѣ оттѣнки ея чистымъ и литературнымъ русскимъ языкомъ. Учебные планы 1877 г. довольно подробно опредѣляютъ, сколько слѣдуетъ прочитать въ каждомъ классѣ гимназіи изъ того или другого автора.

Кромѣ классныхъ уроковъ, полагалось еще домашнее чтеніе изъ древнихъ авторовъ и назначались *) работы на лѣтнее вакаціонное время, которыя состояли, во-первыхъ, въ письменномъ переводѣ съ русскаго на древніе языки отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ мѣстъ, составленныхъ соотвѣтственно пройденному по программѣ и назначавшихся для *«упражненія во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ пройденнаго»*, во-вторыхъ, въ прочтеніи нечитанныхъ и представляющихъ нѣчто цѣльное отрывковъ изъ проходимыхъ въ соотвѣтственныхъ классахъ древнихъ авторовъ. Что каникулярнымъ занятіямъ учебное вѣдомство придавало серьезное значеніе, видно изъ того, что циркуляры предписывали принимать въ соображеніе отмѣтки за каникулярныя работы при оцѣнкѣ успѣховъ и прилежанія учениковъ за 1-ую четверть слѣдующаго учебнаго года, а равно при рѣшеніи вопроса о допущеніи къ испытанію зрѣлости.

II.

Основательное знаніе грамматики по каждому языку, какъ видно изъ изложеннаго, хотя и выдвигалось въ планахъ на первое мѣсто, но отнюдь не исключало осмысленнаго чтенія текста авторовъ въ связи съ соотвѣтствующими разъясненіями изъ древней исторіи, древней географіи, миѳологіи и древностей. На практикѣ преподаваніе древнихъ языковъ приняло иное направленіе, крайне вредно подѣйствовавшее на отношеніе общества къ гимназіи и къ ея дѣятелямъ: преподаватели не только на урокахъ грамматики, но и при чтеніи авторовъ занимались исключительно грамматическими **) вопросами, видѣли въ текстѣ только предлогъ «къ пространнымъ и не имѣющимъ къ авторамъ непосредственнаго отношенія грамматическимъ разъясненіямъ», смотрѣли на текстъ, какъ на складъ фразеологическихъ оборотовъ, усвоить которые слѣдовало ученикамъ ради удачнаго письменнаго перевода съ русскаго языка на древніе.

На первый планъ выдвинуто было формальное развитіе умственныхъ способностей ученика при помощи грамматики и устныхъ и письменныхъ упражненій на грамматическія правила. Разъясненіе основныхъ правилъ и дробленіе ихъ на различныя отдѣльныя под-

*) Цирк. М. Н. Пр. отъ 7-го янв. 1873. Исаенковъ, стр. 201.

**) Исаенковъ, Сборн. пост. и расп. по гимн. и прогимн. М. Уч. Окр., изд. 1889 г., стр. 191.

раздѣленія съ каждымъ годомъ принимали все бо́льшіе размѣры, а соотвѣтственно этому усиливалась темнота выраженія мыслей въ грамматикахъ, исчезала сжатость и опредѣленность въ слогѣ грамматикъ, столь необходимыя въ средней школѣ. Обиліе подраздѣленій основного правила не столько содѣйствовало основательности познанія учащихся и ихъ углубленію въ тонкости языка, сколько неумѣнью ученика ставить выше всего основное правило и имъ руководиться. Чтобы наше мнѣніе о грамматикахъ не казалось голословнымъ, приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ грамматики Эллендта-Зейфферта, прежде весьма распространенной въ гимназіяхъ моск. учебн. округа: «если *) придаточное предложеніе съ союзомъ *cum* означаетъ совпаденіе по содержанію (тожество) дѣйствій, выраженныхъ придаточнымъ и главнымъ предложеніемъ, то въ немъ ставится Indicat. того-же времени, которое стоитъ въ главномъ предложеніи (*cum coincidens*). По-русски въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе выражается дѣепричастіемъ. *Cum tacent*, *clamant* (храня молчаніе, они заявляютъ). Если-же прид. предложеніе не только означаетъ совпаденіе дѣйствія главнаго предложенія съ дѣйствіемъ придаточнаго, но и ближе опредѣляетъ или распространяетъ содержаніе главнаго, то *cum* ставится съ imperf coniunct. Munacius quotidie meam potentiam criminabatur, cum diceret senatum, quod ego vellem, decernere». Можно-ли признать приведенное правило яснымъ и точнымъ, и могъ-ли ученикъ, на основаніи такого правила, опредѣлить, почему авторъ поставилъ то или другое наклоненіе въ извѣстномъ мѣстѣ? Возьмемъ другое правило **): «послѣ выраженій est, fuit, erit tempus *cum*, обозначающихъ не самое время, но свойство времени, ставится сослагательное наклоненіе». Сколько времени нужно потратить ученику, чтобы понять смыслъ такихъ правилъ и усвоить ихъ? Что, напримѣръ, значитъ «не самое время, но свойство времени»? Кромѣ излишняго дробленія главныхъ правилъ, туманности мысли и вытекающей отсюда неясности изложенія, даже иныя существенныя правила излагались въ грамматикахъ или неправильно, или безъ достаточной точности и опредѣленности; такъ, напр., «описательное спряженіе ***) страдательнаго залога,—говорится въ той-же грамматикѣ,—образуется чрезъ соединеніе Part. Fut. Pass. (gerundivum) съ гл. sum» и притомъ: «личное *чрезъ соединеніе gerundivum* отъ переходныхъ глаголовъ съ гл. *sum*» и «безличное чрезъ соединеніе средняго рода ед. ч. gerundivi отъ

*) Гр. Зейфферта-Эллендта въ переводѣ Пѣвницкаго и Зубкова, изд. 6-ое, стр. 193, § 266.

**) Гр. Элл.-Зейфф., § 94, стр. 51, сравн. § 339.

***) Тамъ-же.

непереходныхъ глаголовъ съ 3 лиц. ед. числа отъ гл. sum». Въ синтаксисѣ герундивъ, по той-же грамматикѣ, отожествляется съ описат. спряженіемъ. Но если герундивъ и описательное спряженіе стр. зал. грамматически тожественны, то для чего-же понадобилось вводить особое правило объ опис. спряженіи стр. залога? Если-же они не тожественны, то слѣдовало-бы изложить правила о томъ и другомъ такъ, чтобы учащійся сразу ясно видѣлъ различіе между герундивомъ и описат. спряженіемъ стр. зал.—какъ этимологическое, такъ и синтаксическое. Не признавалъ этого правила удовлетворительнымъ и самъ составитель грамматики, такъ какъ счелъ нужнымъ добавить къ правилу слѣдующее примѣчаніе: «это спряженіе (безличное) образуется также отъ переходныхъ глаголовъ, если при нихъ нѣтъ объекта». Грамматическое направленіе преподаванія сопровождалось появленіемъ пространныхъ и краткихъ руководствъ по грамматикѣ. Но, увлекаясь составленіемъ или передѣлкой нѣмецкихъ грамматикъ по древнимъ языкамъ для русскаго юношества, преподаватели не особенно заботились о научной сторонѣ своихъ грамматикъ; такъ, въ лат. грамматикѣ Сидорова и Кесслера *) встрѣчаются такія несообразности: «превосходная степень прилагательныхъ образуется посредствомъ прибавленія къ темѣ окончанія *issimus*. Но прилагательныя на *er* образуютъ превосходную степень на *er-rimus*». Что-же, слѣдовательно, и къ чему должно быть присоединено въ послѣднемъ случаѣ? Не вытекаетъ-ли изъ такого правила заключеніе, что *er-rimus* присоединяется къ «темѣ» вм. issimus, что отъ *acer* будетъ превосходная степень *acr-errimus*?. При изданіи для русскаго юношества латинскихъ и греческихъ грамматикъ, составители ихъ, упуская изъ вида правила русской грамматики, помѣщали такія правила и опредѣленія, которыя вызывали недоумѣніе и замѣчанія со стороны учениковъ; такъ, напримѣръ, въ той-же грамматикѣ Сидорова и Кесслера сказано: «латинскій глаголъ имѣетъ *три наклоненія:* изъявительное, сослагательное и повелительное; пять отглагольныхъ именъ (существительныхъ и прилагательныхъ): 1) infinitivus (неопредѣленная форма), 2) gerundium (косв. пад. неопр. формы)» и т. д. Любознательные ученики, прочитавъ такое правило, обыкновенно спрашивали: «отчего въ латинскомъ языкѣ только три наклоненія, а въ русскомъ четыре?» «Отчего infinitivus (неопр. форма) причисляется къ отглагольнымъ именамъ?» Составители грамматики могутъ возразить на это, что для того и существуетъ учитель, чтобы вычеркивать лишнее и измѣнять несообразности въ учебникѣ; но вѣдь было-бы гораздо полезнѣе для дѣла

*) Краткая латин. гр., 9-е изд., стр. 21, § 45.

помѣщать поменьше въ учебникѣ такихъ замѣтокъ, которыя было-бы лучше вычеркивать или измѣнять.

Для наилучшаго закрѣпленія грамматическихъ правилъ въ памяти учащихся, для провѣрки степени усвоенія учениками пройденныхъ правилъ и для подготовки учениковъ къ письменнымъ экзаменамъ, назначались устные переводы съ русскаго на древніе языки, частыя домашнія письменныя работы и extemporalia. По письменнымъ переводамъ преимущественно опредѣлялись какъ успѣхи учениковъ въ древнихъ языкахъ, такъ и преподавательская дѣятельность учителей. Поэтому учителя, съ своей стороны, обращали особенное вниманіе на письменныя работы учениковъ и на пріобрѣтеніе учениками навыка въ письменныхъ переводахъ. Пособіями для нихъ служили сборники и хрестоматіи, составленные, правда, въ системѣ, снабженные объяснительными примѣчаніями и фразеологическими оборотами рѣчи, но часто изложенные по-русски неправильно и изобиловавшіе варваризмами, нѣмецкими и латинскими. Естественно, что ученики, занимаясь по такимъ пособіямъ, сами усваивали варваризмы и употребляли ихъ и въ русскихъ письменныхъ работахъ, и при устномъ изложеніи своихъ мыслей.

Въ письменномъ-же переводѣ на испытаніи зрѣлости съ русскаго языка на древніе, особенно на языкъ латинскій, ученикъ долженъ былъ обнаружить не только достаточное знаніе словъ и извѣстныхъ оборотовъ рѣчи, но даже солидный запасъ свѣдѣній по латинской фразеологіи, для доставленія котораго преподаватели отмѣчали на урокахъ изъ автора особенные обороты латинской рѣчи, требуя отъ ученика записывать ихъ въ отдѣльную тетрадь и заучивать; къ встрѣчавшемуся обороту преподаватели присоединяли еще и другіе, изъ той-же области, какъ и встрѣтившійся оборотъ. Не довольствуясь этимъ, болѣе ревностные преподаватели издавали краткія латинскія фразеологіи, заимствуя матеріалъ для нихъ преимущественно изъ нѣмецкихъ такихъ-же фразеологій; но нѣмцы въ своихъ фразеологіяхъ болѣе обращали вниманія на возможное сочетаніе словъ въ латинскомъ языкѣ, а не на то, «какимъ образомъ *) тѣ или другіе нѣмецкіе обороты рѣчи могутъ быть переведены на латинскій языкъ»; русскіе же составители фразеологій пошли дальше: они имѣли въ виду «дать **) насущный запасъ оборотовъ, которые могутъ встрѣтиться при переводѣ съ отечественнаго языка на латинскій». Насколько удаченъ въ этихъ фразеологіяхъ русскій переводъ латинскихъ выраженій, можно судить отчасти по слѣдующимъ

*) Meissner, «Lateinische Phraseologie f. d. oberen Gymnasialclassen», p. IV.
**) Семеновичъ, «Краткая латинская фразеологія», стр. IV.

примѣрамъ: «in eadem consuetudine amicitiae permanere» — Семеновичъ [1]) переводитъ: «поддерживать съ кѣмъ-нибудь дружественныя отношенія»; Бѣлицкій [2]) то-же выраженіе переводитъ. «продолжать дружеское обхожденіе»; «mortem deprecari» у Бѣлицкаго [3]) переведено: «просить о милости»; «animum alicuius religione levare, solvere»— Семеновичъ [4]) переводитъ: «освободить кого-нибудь отъ суевѣрнаго страха». Ученикъ, выучивъ такой переводъ, встрѣчаетъ, напримѣръ, слѣдующую фразу: «pontifices [5]) solvendum religione populum censebant»; руководясь переводомъ Семеновича, онъ долженъ эту фразу передать такъ по-русски: «понтифики признавали необходимымъ освободить народъ отъ суевѣрнаго страха», и въ переводѣ получится нелѣпость. Преподаватели гимназій требовали отъ учениковъ, чтобы послѣдніе писали extemporalia на выпускномъ экзаменѣ чисто латинскими оборотами и чтобы они обнаружили основательное знаніе латинскаго языка, тогда какъ, по мнѣнію выдающагося филолога Фр. Авг. Вольфа, «только [6]) тѣ могутъ широко разѣвать ротъ для такого требованія, которые сами не въ состояніи восполнить его». Такимъ образомъ, на урокѣ автора время тратилось на спрашиванье и отвѣты «оборотовъ и выраженій изъ той-же области», на повтореніе подходящихъ синтаксическихъ и отчасти стилистическихъ правилъ по поводу встрѣтившагося въ урокѣ какого-нибудь выраженія, которое напомнило или объ извѣстныхъ правилахъ синтаксиса, или о заученныхъ раньше стилистическихъ и фразеологическихъ оборотахъ. Кромѣ того, съ особеннымъ увлеченіемъ иные преподаватели вооружались противъ установившихся еще съ XVIII-го вѣка собственныхъ классическихъ именъ въ русской литературѣ, находя существовавшее произношеніе и письмо ихъ неправильнымъ. Для такихъ преподавателей не имѣло никакого значенія, что наши лучшіе переводчики «Иліады» и «Одиссеи» упрочили въ русскомъ языкѣ иныя формы собственныхъ именъ и дали имъ, такъ сказать, право на существованіе въ русскомъ языкѣ; имъ хотѣлось непремѣнно показать передъ школьниками свое научное образованіе хотя бы на томъ, что передавать собственныя имена слѣдуетъ на основаніи этимологіи словъ иначе, чѣмъ было принято; такимъ образомъ появились сначала на урокахъ, а потомъ и въ печати взамѣнъ Аякса,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 22.

[2]) Бѣлицкій. «Лат. фразеол.», стр. 110.

[3]) Тамъ-же, стр. 83.

[4]) Семеновичъ, «Краткая латинская фразеологія», стр. 41.

[5]) Liv. 5, 23, 8.

[6]) Раумеръ, К. «Исторія воспитанія и обученія», въ русск. пер. Часть I, стр. 415.

Калхаса, Ахиллеса, Медузы, Анакреона, Өетиды, Хариты слѣдующія собственныя имена: Эантъ (и Эасъ), Калхантъ, Ахиллей (и Ахиллъ), Медуса, Анакреонтъ, Өетидь, Хариса (и Харить) и т. д. Вводимая преподавателями древнихъ языковъ перемѣна въ номенклатурѣ была тѣмъ болѣе странна, что на урокахъ исторіи, географіи и русской словесности ученики и сами употребляли, и отъ преподавателей слышали прежнія формы; неудобны такія новшества и потому, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ безъ древнихъ языковъ и на сценѣ оставались и остаются въ употребленіи только прежнія формы; многія греческія собственныя имена перешли въ русскій языкъ не непосредственно изъ греческаго, но изъ латинскаго или даже изъ новыхъ языковъ; произношеніе и письмо «иныхъ именъ освящено *) у насъ даже святцами»; во всѣхъ языкахъ вошедшія въ употребленіе собственныя иностранныя имена, хотя-бы и въ неправильной формѣ, сохраняются безъ перемѣны, установившіяся формы такихъ словъ равно обязательны какъ для выдающихся ученыхъ, такъ и для ординарныхъ тружениковъ науки и школы, тогда какъ у насъ преподаватели, особенно изъ тѣхъ, которые переселились въ Россію для учебной дѣятельности, принялись съ остервененіемъ критиковать и отвергать уже установившія формы собственныхъ иностранныхъ именъ; поэтому введеніе новшествъ въ номенклатурѣ не столько свидѣтельствуетъ объ основательности и научности воззрѣній нововводителей, сколько о невниманіи послѣднихъ къ русскому языку и литературѣ.

III.

Уклоненіе преподавателей отъ главной цѣли преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, которая указана была Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и увлеченіе ихъ грамматикой настолько, что текстъ древнихъ авторовъ былъ для нихъ поводомъ къ пространнымъ и не имѣющимъ къ авторамъ непосредственнаго отношенія грамматическимъ объясненіямъ **), зависѣли въ значительной степени отъ состава преподавателей и трудности пріискать достойныхъ начальниковъ и учителей ***) для быстро увеличивавшагося числа гимназій и прогимназій. При объясненіи текста древнихъ авторовъ, они не дозволяли даже ученикамъ имѣть на урокахъ текстъ древняго автора съ объясненіями на русскомъ или иностран-

*) Гнѣдичъ, Иліада Гомера, изд. Суворина, стр. XVIII.

**) Исаенковъ, Сборн. постан. и распоряж. по гимн. и прогимн. Московск. учебн. округа, изд. 89 г., стр. 191.

***) Кн. Н. Мещерскій: «Воспоминанія о М. Н. Катковѣ» въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*». 1897 г., авг., стр. 26.

номъ языкѣ; «вина въ этомъ падаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, на тѣхъ изъ начальниковъ и преподавателей нашихъ гимназій и прогимназій, которые *по непониманію истинныхъ задачъ классическаго образованія или вслѣдствіе ошибочнаго толкованія извѣстнаго министерскаго циркуляра отъ 12-го августа 1893 г., требовали»* *), по заявленію гг. Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна, «чтобы ученики пріобрѣтали себѣ непремѣнно одинъ лишь текстъ древнихъ авторовъ въ заграничномъ изданіи Тейбнера, и черезъ это лишали нашу школу такого необходимаго пособія при чтеніи греческихъ и римскихъ классиковъ, какъ комментированныя изданія. Между тѣмъ означеннымъ циркуляромъ министерство имѣло въ виду лишь облегчить учебнымъ заведеніямъ пріобрѣтеніе исправныхъ текстовъ классическихъ писателей, а отнюдь не исключало пользованія комментаріями, что лучше всего доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изданія съ комментаріями были имъ (министерствомъ) даже рекомендованы». Такой далеко не лестный отзывъ Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна о начальникахъ и учителяхъ нашихъ гимназій и прогимназій въ недавно минувшее время не составляетъ исключенія: къ упомянутымъ въ отзывѣ недостаткамъ руководителей юношества, скудоумію и неразвитости, профессоръ Ю. А. Кулаковскій причисляетъ, съ своей стороны, и неумѣнье преподавателей вести правильно дѣло обученія: «У насъ учитель древнихъ языковъ, который по праву носитъ имя учителя, есть довольно рѣдкое исключеніе. Огромному большинству лицъ, исполняющихъ эти обязанности, имя *учитель* усвоивается лишь по традиціи, и было-бы большимъ недоразумѣніемъ предполагать о нихъ, что ихъ роль въ классѣ соотвѣтствуетъ термину «учитель»... Учитель у насъ есть вѣчный экзаменаторъ. Его обязанность—задать урокъ и поставить отмѣтку. *Чѣмъ больше отмѣтокъ заноситъ онъ въ классный журналъ, тѣмъ онъ, значитъ, рачительнѣе ведетъ свое дѣло*».

Если можно представить уважительныя оправданія въ томъ, что преподаватели запрещали ученикамъ пользоваться текстомъ, «снабженнымъ объясненіями», если способъ задаванія и спрашиванія уроковъ, а равно и выставку отмѣтокъ, можно извинить внѣшними причинами, устранить которыя не зависѣло отъ доброй воли учи-

*) См. статью Ю. А. Кулаковскаго: «По поводу предполагаемаго русскаго учебнаго изданія классическихъ авторовъ» въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1890 г., за февраль мѣсяцъ; въ этой статьѣ авторъ, критикуя объявленіе Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна «объ изданіи илл. собр. греч. римск. классиковъ съ объяснит. примѣчан.», вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ свои мысли о состояніи преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ и о преподавателяхъ этихъ предметовъ.

теля, то легкомысленное отношеніе нѣкоторыхъ учителей къ преподаваемымъ ими предметамъ, пренебреженіе ихъ основными задачами воспитанія свидѣтельствуютъ объ ихъ совершенной непригодности для школы; а такихъ именно учителей Ѳ. М. Достоевскій кратко, но ярко изобразилъ въ лицѣ преподавателя латинскаго языка Колбасникова *), объясняющаго ученикамъ 3-го класса гимназіи, что древніе языки существуютъ въ гимназіи, какъ полицейская мѣра и для отупленія способностей: «Опять эти классическіе теперь у насъ языки—одно сумасшествіе и ничего больше...

«Классическіе языки, если хотите все мое о нихъ мнѣніе,—это полицейская мѣра, вотъ для чего единственно они заведены,—мало-по-малу началъ вдругъ опять задыхаться Коля Красоткинъ,—они заведены, потому что скучны и потому что отупляютъ способности. Было скучно, такъ вотъ какъ сдѣлать, чтобъ еще больше было скуки? Было безтолково, такъ какъ сдѣлать, чтобы стало еще безтолковѣе? Вотъ и выдумали классическіе языки. Вотъ мое полное о нихъ мнѣніе, и надѣюсь, что я никогда не измѣню его,—рѣзко закончилъ Коля. На обѣихъ щекахъ его показалось по красной точкѣ румянца...—Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обѣщался матери кончить курсъ, а по-моему, за что взялся, то ужъ дѣлать хорошо, но въ душѣ глубоко презираю классицизмъ и всю эту подлость... Не соглашаетесь Карамазовъ?

— Ну, зачѣмъ-же «подлость?»—усмѣхнулся опять Алеша (Карамазовъ).

— Да помилуйте, вѣдь классики всѣ переведены на всѣ языки, стало быть, вовсе не для изученія классиковъ понадобилась имъ латынь, а единственно для полицейскихъ мѣръ и для отупленія способностей. Какъ-же послѣ того не подлость?

— Ну, кто васъ этому всему научилъ?—воскликнулъ удивленный, наконецъ, Алеша.

— Во-первыхъ, я и самъ могу понимать, безъ наученія, а во-вторыхъ, знайте, вотъ это-же самое, что я вамъ сейчасъ толковалъ про переведенныхъ классиковъ, *говорилъ вслухъ всему третьему классу самъ преподаватель Колбасниковъ*...»

IV.

Сосредоточеніе вниманія исключительно на грамматической сторонѣ текста древнихъ авторовъ и пренебреженіе особенностями рус-

---

*) Достоевскій, «Братья Карамазовы», кн. 10, гл. 5—«Бесѣда Коли Красоткина съ Алешей Карамазовымъ».

ской рѣчи сопровождались печальными послѣдствіями: неумѣлостью *) учениковъ разобрать и перевести новый, не читанный отрывокъ изъ древнихъ авторовъ, неумѣньемъ подыскать подходящее значеніе слова, даже при знаніи основного значенія слова, усвоеніемъ оборотовъ рѣчи, совсѣмъ не свойственныхъ русскому языку, и вообще слабыми успѣхами въ русскомъ языкѣ. Указанные недостатки были замѣчены въ свое время Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и вызвали рядъ мѣръ **), имѣвшихъ цѣлью поднять значеніе переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать успѣшному ходу преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а именно: всѣ учителя должны были требовать отъ учениковъ отвѣтовъ, выраженныхъ полными предложеніями, точно и правильно, во всякихъ письменныхъ работахъ учениковъ внимательно исправлять грамматическія и стилистическія ошибки, обращать большее, чѣмъ прежде, вниманіе на переводы съ древнихъ языковъ на русскій, назначать письменные переводы и письменное изложеніе содержанія прочитаннаго на урокахъ древнихъ языковъ въ качествѣ классныхъ упражненій, назначать, между прочимъ, темы для русскихъ сочиненій изъ того, что проходилось на урокахъ древнихъ языковъ, отдѣлить одинъ урокъ въ недѣлю на чтеніе отрывковъ изъ древнихъ авторовъ à livre ouvert, требовать отъ учениковъ перевода древнихъ текстовъ не только близкаго и точнаго, но и правильнаго, и ясно изложеннаго, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій и особенностей русской рѣчи, и вообще стараться о томъ, чтобы учащіеся понимали и форму, и содержаніе читаемаго, при чемъ, для полнаго уразумѣнія учениками содержанія, учитель долженъ, соблюдая мѣру, давать необходимыя культурно-историческія объясненія.

Но всѣ эти мѣры были только предвѣстниками дальнѣйшихъ измѣненій въ планахъ и программахъ древнихъ языковъ,—измѣненій, направленныхъ къ тому, чтобы выдвинуть впередъ реальное изученіе древнихъ языковъ, поднять уровень успѣшности учениковъ въ русскомъ языкѣ и примирить общество съ классической системой; перемѣны были введены съ изданіемъ 20-го іюля 1890 г. новыхъ учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

---

*) Исаенковъ, Сб. постан. и распор. по гимн. и пр., изд. 1889 г., стр. 189.
**) Тамъ-же, стр. 105.

V.

Система была вѣрна, но опытъ могъ вызвать при ея примѣненіи то или иное измѣненіе въ частностяхъ, дополненіе, улучшеніе («*Р. Вѣстникъ*» 1897 г., авг., стр. 23, кн. Нкл. Мещерскій, б. попеч. Московск. учебн. округа).

Сохраняя классическую систему въ цѣлости, новые учебные планы, сравнительно съ прежними, совершенно измѣняютъ цѣль изученія древнихъ языковъ: обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ должно быть главнѣйше направлено къ тому, чтобы «*пріучить учениковъ къ осмысленному чтенію авторовъ и точному переводу ихъ на вполнѣ правильный и литературный русскій языкъ*». Первымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли планы признаютъ основательное усвоеніе грамматики, знаніе которой считаютъ необходимой ступенью къ разумному чтенію, а слѣдовательно, и къ пониманію текста древняго автора; поэтому въ планахъ неоднократно указывается на то, чтобы ученики, усвоивая грамматическія правила, могли безъ затрудненія распознавать построеніе и составъ предложеній, простыхъ и сложныхъ, находить зависимость одного предложенія отъ другого и на основаніи выученныхъ предварительно правилъ переводить на русскій языкъ, согласно съ особенностями и свойствами русской рѣчи, латинскіе и греческіе тексты.

Новыми планами устраняется «углубленіе» во всевозможныя этимологическія и синтактическія исключенія, которыми переполнены грамматическія руководства, исключено ученіе о склоненіи греческихъ именъ въ латинскомъ языкѣ, а изъ глаголовъ, уклоняющихся въ perfectum и supinum, предложено пройти самые употребительные, и притомъ не въ видѣ особаго курса, но по мѣрѣ того какъ они будутъ встрѣчаться при чтеніи латинскихъ текстовъ. Греческіе глаголы должны быть пройдены лишь въ томъ объемѣ, «въ которомъ они дѣйствительно необходимы при чтеніи авторовъ». Вообще, сокращая значительно грамматическія требованія, составители новыхъ плановъ особенно настаиваютъ на твердости, сознательности и точности усвоенія учениками существеннаго грамматическаго матеріала, на твердомъ заучиваніи словъ, изреченій и, если возможно, цѣлыхъ статеекъ, предварительно разобранныхъ грамматически и переведенныхъ правильно и точно на русскій языкъ. Насколько прежними планами рекомендовались усиленныя классныя и письменныя работы для усовершенствованія въ знаніи латинскаго языка и въ греческой этимологіи со всякими исключеніями, настолько-же настойчиво реко-

мендуется въ новыхъ планахъ прибѣгать къ классными письменнымъ работамъ только для упроченія грамматическихъ знаній, а также и для провѣрки учителемъ результата своихъ трудовъ. Въ старшихъ классахъ, VII и VIII, введены письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій для того, чтобы въ ученикахъ развить навыкъ къ сознательному, осмысленному переводу текстовъ древнихъ на русскій языкъ, умѣнье точно и, по возможности, изящно выражать по-русски мысли древнихъ авторовъ, подыскивать въ русскомъ языкѣ соотвѣтственныя выраженія и соблюдать на письмѣ правила русской грамматики. При чтеніи авторовъ рекомендуется новыми планами давать, во-первыхъ, культурно-историческія и литературныя объясненія настолько, чтобы они содѣйствовали точному пониманію смысла даннаго мѣста, во-вторыхъ, грамматическія объясненія для уясненія смысла читаемаго только въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются построенія или формы, не пройденныя учениками, или-же тогда, «когда примѣненіе въ данномъ случаѣ извѣстнаго ученикамъ правила съ перваго взгляда ясно не обнаруживается, или-же, наконецъ, когда и пройденное уже правило изгладилось изъ памяти учащихся». Послѣднее условіе опасно въ томъ отношеніи, что можетъ дать иному преподавателю поводъ къ тому, чтобы текстомъ древняго автора пользоваться для повторенія грамматики и извратить основную мысль новыхъ плановъ. По разъясненіи текста, должно переходить «къ переводу, точно выражающему мысль подлинника, и составленному согласно съ особенностями и свойствами русской рѣчи». Такимъ образомъ, это требованіе ясно указываетъ, что преподаватель долженъ настаивать не на «*дословности*», которая часто противорѣчитъ русскому языку или слогу, но на точности мысли, выраженной въ подлинникѣ; точность перевода вовсе не означаетъ дословности,—напротивъ того, при точности часто немыслима дословность перевода, потому что русскій языкъ по способу выраженія мысли, по словорасположенію, по строенію и объему періодовъ, по сочетанію предложеній значительно отличается отъ древнихъ языковъ, особенно-же отъ латинскаго. Само собой разумѣется, что для точнаго перевода на русскій языкъ отъ ученика требуется знать, кромѣ основного значенія словъ, также подходящее значеніе къ данному мѣсту текста, на основаніи естественнаго смысла текста и связи рѣчи. Прежде чѣмъ приступать къ переводу текста, учитель долженъ провѣрять, насколько ученики усвоили слова даннаго урока; при случаѣ указать ученикамъ корень и составъ слова и производныя отъ того-же корня слова. Задавая урокъ изъ автора, учитель самъ долженъ поработать дома надъ текстомъ, чтобы выяснить себѣ, что̀ слѣдуетъ предоставить собственнымъ

силамъ ученика и что самому указать для облегченія ученической работы: синтактическія и стиллистическія особенности даннаго мѣста и наиболѣе удачное значеніе словъ для перевода болѣе трудныхъ выраженій, долженъ намекнуть ученикамъ, какъ раздѣлить сложный періодъ на части, чтобы удовлетворить требованіямъ русскаго языка въ грамматическомъ и стиллистическомъ отношеніяхъ и не исказить смысла подлинника. Пріучая учениковъ къ точному и правильному переводу, учитель вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ въ ученикахъ навыкъ къ обдуманному и осмотрительному употребленію словъ и оборотовъ рѣчи и заставляетъ учащихся умѣло пользоваться богатствомъ русскаго языка при передачѣ мысли подлинника. Если къ этому прибавить, что нельзя вѣрно передать мысль подлинника, не зная ни тѣхъ условій, ни тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ древнему автору приходилось писать свой трудъ или произносить рѣчь, и что преподаватель долженъ познакомиться съ этой стороной и сообщить ученикамъ, насколько это необходимо для яснаго пониманія древняго текста, то мы поймемъ серьезность труда, возложеннаго новыми планами на преподавателей древнихъ языковъ. Не могу не указать кстати, что въ планахъ русскій языкъ неоднократно называется отечественнымъ, вѣроятно, потому, что составители плановъ имѣли въ виду исключительно тѣ гимназіи, гдѣ учащіеся причисляютъ себя къ русскимъ по происхожденію; но у насъ существуетъ не мало гимназій на окраинахъ, съ инородческимъ населеніемъ, которое не считало и не считаетъ *) русскій языкъ отечественнымъ и прежде не хотѣло даже знать русскаго языка; для инородческихъ окраинъ русскій языкъ только государственный, а твердому усвоенію инородцами государственнаго языка должны содѣйствовать преподаватели древнихъ языковъ такъ-же, какъ и спеціальные преподаватели русскаго языка.

VI.

Чтобы облегчить ученикамъ пониманіе текста древнихъ авторовъ, за-границей давно существуютъ школьныя изданія съ объясненіями, весьма распространенныя среди учащихся; въ русскихъ-же учебныхъ

*) Такъ, когда въ 40-хъ годахъ Министерство Народнаго Просвѣщенія предложило обращать въ учебныхъ заведеніяхъ особенное вниманіе на отечественный языкъ, то въ прежнемъ Дерптскомъ округѣ преподаватели требовали на Совѣтахъ увеличить число уроковъ нѣмецкаго языка и вообще возможно строже относиться къ познаніямъ учениковъ въ нѣмецкомъ языкѣ, потому что нѣмецкій языкъ для Прибалтійскаго края, по мнѣнію тогдашнихъ педагоговъ, языкъ отечественный.

заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ гимназіяхъ, пользованіе подобными изданіями запрещалось до конца восьмидесятыхъ годовъ, и надзиравшія за преподаваніемъ лица слѣдили за тѣмъ, чтобы ученики не приносили въ классъ комментированныхъ изданій. О существованіи такихъ изданій на русскомъ или иностранныхъ языкахъ гимназистамъ удавалось узнать только случайно, потому что преподаватели предлагали ученикамъ пріобрѣтать исключительно стереотипныя изданія. Только украдкой, скрывая отъ учителя, ученики пользовались комментированными изданіями. При крайне слабомъ спросѣ на эти изданія, весьма мало было охотниковъ посвящать свой досугъ на составленіе на русскомъ языкѣ объясненій къ текстамъ древнихъ авторовъ, читавшимся въ гимназіяхъ,—тѣмъ болѣе, что приходилось издавать ихъ на свой счетъ, руководясь болѣе сознаніемъ полезности для школы своего труда, нежели надеждой на выгоды матеріальныя. Съ примѣненіемъ новыхъ учебныхъ плановъ—спросъ на школьныя изданія съ объясненіями быстро сталъ увеличиваться, потому что въ объяснительной запискѣ къ планамъ древнихъ языковъ рекомендуется изучать авторовъ по комментированнымъ изданіямъ «изъ числа одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ»: такія изданія признаны въ объяснительной запискѣ полезными потому, что облегчатъ ученикамъ домашнее приготовленіе уроковъ и будутъ «содѣйствовать болѣе успѣшному и обильному чтенію» въ классѣ, которое не будетъ прерываться частыми разъясненіями. Насколько обширны должны быть примѣчанія, на какія стороны должны быть, главнымъ образомъ, направлены объясненія и гдѣ цѣлесообразнѣе помѣщать ихъ, подъ текстомъ или отдѣльно отъ текста, объ этомъ и преподаватели, и сами составители школьныхъ изданій различно судятъ; даже въ «Иллюстрированномъ собраніи греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна», не существуетъ строгой послѣдовательности относительно объема и содержанія примѣчаній: одни выпуски отличаются краткостію, сжатостію и ясностію примѣчаній, другіе страдаютъ обиліемъ примѣчаній, направленныхъ на риторическую сторону текста, на выясненіе разныхъ не имѣющихъ значенія фигуръ и троповъ, на указаніе особенностей стиля, съ прибавленіемъ личнаго восторга текстомъ со стороны составителя. Всякое излишество въ объясненіяхъ, по нашему мнѣнію, скорѣе вредитъ успѣшности чтенія, отвлекаетъ постоянно вниманіе читающаго отъ уразумѣнія смысла читаемаго на разныя мелочи, вовсе не нужныя для средней школы и непонятныя для учениковъ; такъ, въ объясненіяхъ профес. Ѳ. Зѣлинскаго къ «Рѣчи Цицерона противъ Верреса о казняхъ» встрѣчается не мало такихъ строкъ, въ которыхъ выражается восхищеніе профессора мастерскимъ обо-

ротомъ рѣчи или риторической фигурой, но для учениковъ гимназіи, даже образцовыхъ, не могутъ быть понятны субъективныя ощущенія профессора. Что, напр., можетъ быть поучительнаго и полезнаго для выясненія смысла цицероновской рѣчи въ такомъ замѣчаніи *): «Слѣдующія два предложенія содержатъ амплификацію (*per congeriem*) послѣдняго lœus; во второмъ предложеніи congeries подчеркнута анафорой, послѣдній членъ которой содержитъ эффектную антитезу». Авторъ примѣчаній желаетъ, очевидно, возможно обстоятельнѣе выяснить риторическую сторону рѣчи Цицерона, указать въ ней всевозможные фигуры и обороты рѣчи; но вѣдь такой способъ объясненія скорѣе относится къ обстоятельному изученію произведенія со стороны языка и болѣе пригоденъ для лицъ, посвящающихъ себя спеціально филологіи, а не для гимназиста, для котораго достаточно выяснить мысль автора; а для этой цѣли ученика нужно познакомить съ тѣми обстоятельствами и фактами, которые связаны съ даннымъ произведеніемъ, объяснить трудные для пониманія грамматическія построенія и риторическіе обороты, пожалуй, съ прибавленіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перевода на русскій языкъ идіомовъ и отдѣльныхъ искусственныхъ оборотовъ рѣчи, наконецъ, указать планъ и построеніе рѣчи, хотя желательно, чтобы сами ученики подъ руководствомъ учителя умѣли составить планъ и построеніе, послѣдовательно изложить содержаніе произведенія, а также *дѣлать необходимые культурно-историческіе выводы изъ самаго произведенія, особенно при чтеніи поэтовъ и историковъ*, а не повторять безотчетно фразы учителя. Составителямъ примѣчаній не слѣдуетъ упускать изъ вида и времени, которымъ располагаетъ ученикъ старшихъ классовъ гимназіи для приготовленія пяти уроковъ ежедневно**): чѣмъ обширнѣе примѣчанія, тѣмъ менѣе надежды на то, что значительное большинство учениковъ прочтетъ ихъ; поэтому желательно, чтобы преподаватель, прежде чѣмъ назначить урокъ изъ автора, всегда просматривалъ находящіяся въ комментированномъ изданіи объясненія къ уроку, указывалъ ученикамъ только необходимыя изъ нихъ, пропускалъ лишнія или замѣнялъ ихъ своими сообразно съ развитіемъ учениковъ. Но, помимо краткости и сжатости, примѣчанія должны отличаться ясностію и правильностію выраженій, чтобы ученики могли безъ затрудненія запомнить ихъ и правильно передать по-русски; наконецъ, желательно, чтобы объясненія давались на основаніи научныхъ изысканій, а не субъективныхъ увлеченій состави-

*) Примѣчаніе къ § 58, стр. 77, «комментарія» Ѳ. Зелинскаго.

**) Въ младшихъ классахъ, при умѣломъ составленіи росписанія уроковъ, ученикамъ приходится готовить ежедневно три урока и только къ 2-мъ днямъ четыре.

теля *). Чтобы ученикъ могъ точно передать мысль автора, учитель скорѣе, чѣмъ комментарій, долженъ также направлять вниманіе учениковъ на языкъ произведенія, т. е. на грамматическое построеніе, на сочетаніе и расположеніе словъ въ періодѣ, на соотношеніе и связь періодовъ, не прибѣгая при этомъ къ разнымъ техническимъ выраженіямъ, долженъ, наконецъ, пріучать учениковъ къ подысканію значенія слова въ связи рѣчи даннаго произведенія; основное-же значеніе слова ученикъ долженъ усвоить дома, готовясь къ уроку. Что касается обычнаго въ русскихъ школьныхъ изданіяхъ помѣщенія объясненій въ особомъ отдѣлѣ (а не подъ текстомъ)—для того, чтобы побудить ученика прочитывать ихъ дома, а не во время отвѣта урока, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ избавить ученика отъ подозрѣнія со стороны учителя въ недобросовѣстности, то, кромѣ хорошаго, есть и худое въ данномъ обычаѣ: ученику постоянно приходится перевертывать книгу, чтобы найти объясненіе, или-же переплетать примѣчанія отдѣльно, что въ практическомъ отношеніи также неудобно. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что на испытаніи зрѣлости ученики должны переводить по стереотипнымъ изданіямъ и безъ всякихъ пособій такія мѣста «изъ поэтовъ и прозаическихъ писателей», которыя **) не были раньше переводимы или объясняемы ученикамъ въ классѣ и которыя также не были заданы для приготовленія предъ экзаменомъ. Пользуясь въ учебное время только комментированными изданіями и познакомившись только съ 2—3 книгами «Энеиды» Вергилія или нѣсколькими пѣснями «Иліады» и «Одиссеи» Гомера, ученикъ вдругъ получаетъ на испытаніи зрѣлости стереотипное изданіе Гомера или Вергилія, безъ всякаго комментарія, и долженъ «обнаружить ***) довольно легкое вообще пониманіе, безъ предварительнаго домашняго или класснаго приготовленія и безъ какихъ-либо пособій», даннаго для перевода отрывка: въ самую критическую минуту, когда ученикъ особенно нуждается въ поддержкѣ, ему дается для перевода незнакомое мѣсто, безъ всякихъ объясненій, и требуется еще отъ него самого дать къ данному мѣсту соотвѣтствующія культурно-историческія и грамматическія объясненія; не

*) Въ этомъ отношеніи даже рекомендованное Ученымъ Комитетомъ собраніе Л. Георгіевскаго и С. Манштейна не лишено иногда погрѣшностей; такъ, выраженіе *cavae aedes* въ 487 ст. II-ой книги Энеиды, съ объясненіемъ профессора Нагуевскаго, переведено: *обширные покои* (вмѣсто *дворъ*); въ 490 ст. слово *postes* переведено: *колонны*, тогда какъ postes есть не болѣе, какъ фигура pars pro toto (синекдоха), а къ колоннѣ *postis* не имѣетъ никакого отношенія; въ ст. 188 *antiqua sub religione* переведено по-русски: *въ случаѣ возобновленія стараго культа*, что такъ-же не ясно, какъ и по-латыни

**) § 69 прав. объ испытаніяхъ.

***) § 75 прав. объ испытаніяхъ.

напоминаетъ-ли онъ путника, котораго ведутъ подъ руку по гладкой, безопасной дорогѣ, но оставляютъ совершенно безъ поддержки надъ обрывомъ; поэтому, благоразумно было-бы пріучать ученика къ курсорному чтенію стиховъ изъ Гомера и Вергилія по изданіямъ безъ примѣчаній, чтобы на экзаменѣ онъ не особенно робѣлъ, получивъ въ руки совсѣмъ незнакомую книгу.

Въ заключеніе укажу на слѣдующій ошибочный взглядъ иныхъ учителей на реальное изученіе древнихъ авторовъ: пользуясь реальными лексиконами, пособіями по древностямъ и по миѳологіи, они, по поводу того или другого мѣста автора, сообщаютъ ученикамъ гораздо болѣе свѣдѣній, нежели это необходимо для яснаго пониманія даннаго текста, превращая урокъ изъ автора въ лекцію культурно-историческую и уклоняясь такимъ ѳбразомъ отъ основной задачи реальнаго изученія автора. Реально изучать произведенія автора— значитъ сосредоточить особенно вниманіе на идеѣ и содержаніи произведенія, на выясненіи воззрѣній автора и современниковъ и вообще обстоятельствъ, имѣвшихъ отношеніе къ данному произведенію, на сколько это необходимо, чтобы вѣрно понимать общій смыслъ произведенія; поэтому тѣ учителя, которые пользуются текстомъ автора какъ предлогомъ къ лекціямъ, мнѣ кажется, грѣшатъ въ преподаваніи такъ-же, какъ прежде грѣшили тѣ, которые видѣли въ текстѣ средство къ повторенію грамматики и къ усвоенію фразеологическихъ оборотовъ; какъ чтеніе классиковъ ради языка относится болѣе къ филологу по профессіи, нежели къ гимназисту, такъ и подробное, разностороннее разъясненіе вопросовъ культурно-историческихъ скорѣе умѣстно въ университетѣ, чѣмъ въ гимназіи, назначеніе которой прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы развить въ учащихся нравственныя и умственныя силы, пріучить ученика къ умственному труду, къ сосредоточенію вниманія на данномъ предметѣ, къ последовательному изложенію мыслей, возбудить, наконецъ, эстетическія чувства въ учащихся.

Николай Кипріановичъ.

Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени обученія.

(*Продолженіе*).

II.

Вышеизложенныя нами упражненія принадлежатъ къ числу наиболѣе легкихъ. Дѣти освоиваются съ разложеніемъ фразы на слова и слова на слоги уже на первомъ или на второмъ урокѣ, и учитель имѣетъ полную возможность перейти затѣмъ къ разложенію словъ на звуки, но, конечно, долго еще на каждомъ урокѣ будетъ возвращаться къ разложенію словъ на слоги, въ видахъ облегченія звукового разложенія словъ.

Разложеніе словъ на звуки и сліяніе звуковъ представляютъ болѣе значительныя трудности. Затрудненія здѣсь начинаются съ того, что природа звуковъ нашей рѣчи еще и до сихъ поръ не вполнѣ разработана въ наукѣ. а многимъ учителямъ, повидимому, неизвѣстны даже тѣ безспорные выводы, къ какимъ въ послѣднее время пришли ученые. И мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить наиболѣе важныя открытія, сдѣланныя въ настоящее время въ этой области и имѣющія ближайшее отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Благодаря изслѣдованіямъ Гельмгольца, Кенига, Лара и другихъ, мы знаемъ, что сущность гласныхъ звуковъ сводится къ гармоническимъ музыкальнымъ тонамъ, которыми богатъ человѣческій голосъ, и къ вліянію на нихъ полости рта, который при этомъ играетъ роль резонатора и, измѣняя свою форму, опредѣляетъ качество музыкальнаго звука. Въ нашей гортани находится пара вибрирующихъ перепонокъ, называемыхъ голосовыми связками. И вотъ музыкальное дѣйствіе этихъ связокъ усиливается и видоизмѣняется резонаторомъ, полостью нашего рта.

Гельмгольцъ пришелъ къ этому выводу при помощи цѣлаго ряда камертоновъ, которые онъ попеременно подносилъ къ отверстію рта, подготовленнаго къ произнесенію того или другого гласнаго звука. Если взять варганъ,—музыкальный инструментъ, употребительный, между прочимъ, и у насъ въ Поволжьѣ, — то можно заставить его

издавать любые гласные звуки: а, о, у, и, е, просто лишь придавая рту форму, необходимую для произнесенія того или другого звука. Здѣсь музыкантъ не издаетъ никакого звука; но вибрирующій язычекъ инструмента исполняетъ роль голосовыхъ связокъ, а ротъ музыканта, при каждой перемѣнѣ формы, измѣняетъ звукъ инструмента то въ одну, то въ другую гласную. При этомъ нашъ ротъ играетъ роль надставной трубы. То онъ принимаетъ видъ широкой трубы, и тогда получается *а*, то узкой въ губахъ, и тогда получается *у*, то узкой въ нёбѣ, и тогда получается *и*. Звукъ *о* будетъ уже среднимъ между *а* и *у*; звукъ *е* — средній между *а* и *и*; звукъ *ы* получится, когда мы приготовимъ губы для *и*, а языкъ для *у* и т. д.

Что-же касается до согласныхъ звуковъ, то это не гармоническіе, не музыкальные звуки: это просто шумы, сопровождающіе гласные звуки. Для музыканта, для пѣвчаго такіе шумы докучливы и ихъ стараются избѣгать и скрадывать и въ музыкѣ, и въ пѣніи; въ человѣческой-же рѣчи они существенно важны для выраженія мыслей. Насколько въ наше время подвинулось изученіе природы звуковъ, видно изъ того, что Чарльзу Чистону удалось устроить даже говорящую машину. Въ ней всѣ гласные воспроизводятся вибрирующими языками и приставленными къ нимъ трубками. Для воспроизведенія-же сопровождающихъ ихъ шумовъ, т.-е. согласныхъ звуковъ, онъ устроилъ различныя приспособленія. Звукъ *м* онъ воспроизводилъ отверстіями, подобными ноздрямъ. И каждый на себѣ можетъ провѣрить, что носъ принимаетъ участіе въ произношеніи этого звука. Звукъ *п* онъ воспроизводилъ тѣмъ, что быстро отнималъ руку, приложенную къ закрытымъ губамъ фигуры. И дѣйствительно, когда людей, не умѣющихъ произносить эти звуки, учатъ ихъ произношенію, то начинаютъ съ того, что совѣтуютъ имъ закрыть ротъ. Когда индѣйцевъ племени Могаукъ, которые совсѣмъ не знаютъ этихъ звуковъ, учили ихъ произносить, дикари отвѣчали: «смѣшно заставлять людей закрывать ротъ для того, чтобы они говорили». Тѣмъ же путемъ онъ получалъ и *б*, но только при этомъ ротъ фигуры закрывался несовершенно. Звуки *с* и *ш* воспроизводились прохожденіемъ воздуха чрезъ тонкія трубки. Любопытно, что плавные звуки *р* и *л* онъ воспроизводилъ тѣмъ-же способомъ, какъ и гласные, т.-е. вибрирующими язычками.

Не здѣсь-ли надо искать объясненія, почему въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ эти звуки образуютъ слоги, какъ у насъ гласные. Такъ, въ сербскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ слогъ прст, а въ чешскомъ влк.

Для нашей цѣли важно различать длительные согласные звуки (с, ш, р, л, м, н и другіе) отъ мгновенныхъ (п, д, т, к и другіе)

При произношеніи первыхъ, мы образуемъ изъ частей нашего рта (языка, губъ и нёба) трубочку или щель, черезъ которую пропускаемъ воздухъ. Такъ, напримѣръ, пропуская воздухъ черезъ щель, образуемую языкомъ и нёбомъ, мы получаемъ то *ш*, то *с*. При произношеніи *м* и *н* принимаетъ участіе носъ. Мгновенные звуки происходятъ оттого, что мы подъ напоромъ воздуха мгновенно открываемъ плотно закрытыя части нашего рта. Такъ, моментально открывая плотно прижатый конецъ языка, мы получаемъ *т*. Есть въ русскомъ языкѣ буква, которая соотвѣтствуетъ то длительному звуку, то мгновенному—это *г*. Она произносится то какъ греческое γ (въ словахъ: Господь, Богъ), и тогда получается длительный звукъ, то мгновенно, какъ, напримѣръ, великороссы произносятъ въ словахъ: городъ, голова и т. д.

Для насъ важно также помнить, что большинство согласныхъ мы выговариваемъ то твердо: *мъ*, *лъ*, *съ* и т. д., то мягко: *мь*, *ль*, *сь* и т. д., а также и то, что мягкія гласныя: *я*, *ю*, *е* представляютъ собою іотированныя твердыя: *а*, *у*, *э*, *о*, при чемъ *я* разлагается на *йа*, *ю* на *йу*, *е* на *йэ*, *ё* на *йо*. Когда мягкіе гласные сливаются съ согласными, то *й* идетъ на смягченіе предыдущей согласной. Напримѣръ, *мя—мьа*, гдѣ *я* (*йа*) показываетъ, что предыдущую согласную надо произнести мягко (не *м*ъ, а *м*ь), и на это смягченіе ушелъ звукъ *й*, а оставшійся отъ *я* (*й а*) звукъ *а* сливается съ *м*. Въ самомъ дѣлѣ, если *м* произнести мягко (*м*ь) и слить съ *а*, то получится *мя*.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній намъ легче будетъ разобраться въ пріемахъ учителя при звуковыхъ упражненіяхъ. Какъ извѣстно, на самыхъ первыхъ порахъ учителя справедливо считаютъ необходимымъ ознакомить дѣтей съ понятіемъ о звукѣ. Это не значитъ, конечно, чтобы отъ дѣтей можно было требовать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые учителя, опредѣленій: что такое звукъ? Это значитъ только, что ученикамъ должно быть сообщено нѣсколько примѣровъ звуковъ.

Въ нашихъ школахъ и на урокахъ, и на экзаменахъ такъ часто употребляются вопросы: что такое звукъ? что такое слогъ? и т. д., что весьма важно нѣсколько подробнѣе остановиться здѣсь на этихъ пріемахъ. «Всякое опредѣленіе опасно»—говорили еще римляне. Дать опредѣленіе самымъ обычнымъ понятіямъ дѣло очень трудное. Возьмемъ самыя общераспространенныя опредѣленія, и почти въ каждомъ мы найдемъ либо неточность, либо другіе недостатки. Возьмемъ, напримѣръ, грамматическія опредѣленія: «глаголъ есть часть рѣчи, выражающая дѣйствіе или состояніе предмета». Эти опредѣленія даютъ учителя и ученики, тѣ-же опредѣленія мы найдемъ и

въ распространенныхъ грамматикахъ. И однако ихъ неточность и сбивчивость бросаются въ глаза съ перваго раза. Слова: молотьба, дѣйствіе, дѣло, косьба, плачъ, горе, радость и множество другихъ несомнѣнно выражаютъ либо дѣйствіе, либо состояніе предмета—и однако же это не глаголы, а имена существительныя. На эту близость между существительнымъ, а также прилагательнымъ и глаголомъ указываетъ и происхожденіе глагола. Филологи говорятъ, что глаголъ возникъ въ индо-европейскую эпоху путемъ сліянія въ одно слово цѣлыхъ предложеній, гдѣ форма слова служила сказуемымъ, а личное мѣстоименіе подлежащимъ. И теперь нѣтъ существенной разницы въ фразахъ: «онъ царь»; «онъ царствуетъ». Можно запомнить опредѣленіе союза, и не отличать его отъ предлога, опредѣленіе прилагательнаго—и не отличать его отъ существительнаго. Если опредѣленіе не даетъ всего взрослому и развитому человѣку, то оно обыкновенно ничего не даетъ ребенку. Онъ усвоиваетъ всѣ опредѣленія памятью, онъ повторяетъ ихъ и въ классѣ, и на экзаменѣ, но это опредѣленіе ничего не говоритъ его уму. И если ребенокъ умѣетъ отличить глаголъ отъ имени существительнаго, то это не благодаря опредѣленію, а вопреки ему.

Нѣтъ, для того, чтобы помочь дѣтямъ въ образованіи понятій, важны не опредѣленія. Учителю надо имѣть хоть нѣкоторыя самыя элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи. Процессъ, который происходитъ въ головѣ ребенка при образованіи его неопредѣленныхъ и еще смутныхъ общихъ понятій, люди науки, напримѣръ, Гексли, очень остроумно сравниваютъ съ тѣмъ, что происходитъ въ сложныхъ фотографіяхъ, когда, напримѣръ, изображенія шести физіономій воспринимаются одною и тою-же чувствительною пластинкою въ теченіе $^1/_6$ того времени, какое требуется для снятія одного портрета. Въ результатѣ—черты, общія всѣмъ лицамъ, получаются ясно выраженными, въ то время какъ отличія остаются смутными. Наука-же даетъ намъ указанія, что дѣлать учителю, чтобы дать дѣтямъ какое-либо общее понятіе. Надо предлагать одинъ за другимъ примѣры, но такимъ образомъ, чтобы въ умѣ учениковъ стушевались всѣ случайныя свойства предметовъ, а остались только существенные признаки, составляющіе общее понятіе. Вы хотите дать понятіе о числѣ 5; вы указываете на 5 большихъ какихъ-либо предметовъ и на 5 малыхъ, на 5 одушевленныхъ и на 5 неодушевленныхъ и продолжаете примѣры до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ всѣ случайные признаки: размѣры предметовъ, ихъ назначеніе, ихъ тяжесть, ихъ форма, ихъ цвѣтъ и проч. Примѣровъ не должно быть мало; но ихъ не должно быть и слишкомъ много, потому что примѣры тожественные только затемняютъ дѣло. Тѣмъ-же правиломъ

мы должны пользоваться, чтобы дать начинающимъ ученикамъ и понятіе о звукѣ.

Не опредѣленій: что такое звукъ? должны мы требовать отъ дѣтей, а дать имъ достаточное число примѣровъ, цѣлесообразно подобранныхъ.

Въ методикѣ обыкновенно рекомендуется то постучать по доскѣ, по стеклу, сказавъ, что это звукъ, то обратить вниманіе на звукъ колокола, сказавъ, что это звукъ, и т. д. Намъ кажется только, что здѣсь дѣло идетъ о звукѣ не какъ о физическомъ явленіи вообще, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и потому будетъ удобнѣе указать на примѣры, болѣе близкіе къ членораздѣльнымъ звукамъ человѣческаго голоса. Если указать, напримѣръ, на звуки, издаваемые дудочкой, хорошо знакомой дѣтямъ,—этотъ образъ будетъ ближе къ природѣ главныхъ и длительныхъ согласныхъ звуковъ: и тамъ, и тутъ звуки происходятъ отъ того, что воздухъ проходитъ черезъ щель, образуемую въ первомъ случаѣ стѣнками дудочки, а во второмъ—нашимъ ртомъ. Если вы скажете затѣмъ дѣтямъ, что мы изъ нашего рта дѣлаемъ тоже дудочку и издаемъ тоже звуки, то они лучше поймутъ васъ. Вѣдь ребенокъ мыслитъ аналогіями. Звукъ хлопушки, тоже знакомой школьникамъ, даетъ болѣе точную идею о мгновенныхъ (разрывныхъ) согласныхъ, чѣмъ, напримѣръ, ударъ колокола. И дѣти легко поймутъ васъ, если вы затѣмъ скажете, что мы изо рта дѣлаемъ что-то похожее на хлопушку, когда произносимъ звукъ *п*. Если вы затѣмъ заставите дѣтей самихъ произнести какой-нибудь подражательный звукъ, они сдѣлаютъ это. Они скажутъ, какой звукъ издаетъ самоваръ, когда онъ шипитъ, жукъ, когда онъ жужжитъ, и т. д.

Нѣсколько труднѣе дается дѣтямъ разложеніе словъ на звуки, и въ виду этого учителя прибѣгаютъ къ разнаго рода пріемамъ, облегчающимъ этотъ процессъ. И потому ученикамъ легко будетъ разложить слово, если каждый изъ его звуковъ они выдѣляли изъ словъ и находили его въ другихъ словахъ. Сначала это будетъ простое выдѣленіе одного новаго звука и нахожденіе его въ началѣ, въ концѣ и въ срединѣ словъ, и затѣмъ уже разложеніе слова съ новымъ звукомъ при всѣхъ извѣстныхъ прочихъ звукахъ. Въ началѣ выдѣляютъ гласные твердые: *а*, *у*, *о*, какъ наиболѣе звучные, легкіе и пѣвучіе и притомъ не измѣняющіе предыдущаго согласнаго звука, какъ это дѣлаютъ мягкіе: *я*, *е* и т. д., и затѣмъ длительные согласные *с*, *ш*, *р* и проч., какъ звуки, которые ребенокъ можетъ легко и долго тянуть.

На такъ-называемыхъ подготовительныхъ упражненіяхъ, когда ученики рисуютъ по клѣткамъ или знакомятся съ элементами буквъ,

что продолжается около недѣли, обыкновенно выдѣляется звуковъ немного,—всего, напримѣръ, около 10. Когда учитель впервые приступаетъ къ выдѣленію гласныхъ звуковъ, онъ выбираетъ коротенькія слова, состоящія изъ двухъ звуковъ, и притомъ такъ, чтобы выдѣляемый звукъ стоялъ въ началѣ: *ау* (когда выдѣляется *а*). Если онъ выдѣляетъ согласный звукъ, онъ тоже подбираетъ коротенькія слова, но съ выдѣляемымъ звукомъ на этотъ разъ уже въ концѣ, а не въ началѣ, и притомъ послѣ гласнаго звука: сор (когда выдѣляется *р*). Только въ случаяхъ, когда выдѣляются согласные въ родѣ «*в*», не ясно слышимые на концѣ, нѣкоторые учителя предпочитаютъ выдѣлять ихъ изъ словъ, гдѣ изучаемый звукъ находится не въ концѣ, а въ началѣ.

Но, вѣдь, совсѣмъ не трудно заставить дѣтей произнести слова: ровъ или угловъ такъ, чтобы звукъ *в* звучалъ, какъ *в*, а не какъ *ф*; а при этомъ условіи падаетъ то единственное соображеніе, которымъ можно обосновать отступленіе отъ общаго правила.

Въ этихъ случаяхъ ученики легко узнаютъ, какой звукъ стоитъ въ началѣ (гласный) и какой въ концѣ (согласный), такъ какъ въ такихъ сочетаніяхъ эти звуки, не слитые въ прямые слоги, ясно и опредѣленно воспринимаются ухомъ. Когда звукъ выдѣленъ, ученики будутъ отыскивать его въ словахъ, произносимыхъ учителемъ, будутъ указывать его мѣсто въ словѣ (въ началѣ, въ срединѣ, въ концѣ), будутъ сами подыскивать слова съ выдѣленнымъ звукомъ. Когда ученики выдѣляютъ два - три звука, составляющіе какое-нибудь цѣлое слово, они будутъ въ состояніи разложить все слово, состоящее изъ знакомыхъ имъ звуковъ. Это будетъ разложеніемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Въ самомъ началѣ, когда всего больше встрѣчается затрудненій при разложеніи короткихъ словъ на звуки, съ успѣхомъ употребляютъ слѣдующій пріемъ: напримѣръ, я скажу: *умъ*; я сказалъ все слово; а какой первый звукъ? *ууу*... Мы сказали: *ууу*, а надо сказать *ум*; чего не достаетъ до всего слова *умъ*?.. И рядомъ, въ непосредственной связи, съ этимъ упражненіемъ учитель станетъ упражнять дѣтей въ сліяніи звуковъ. Положимъ, что ученики уже выдѣлили звуки: *о*, *с* и *а*. Они разложатъ тогда слово «*оса*», т. е. скажутъ, какой здѣсь первый звукъ, какой второй, какой третій. Учитель заставляетъ произнести эти звуки вмѣстѣ въ томъ-же порядкѣ. Выходитъ цѣлое слово,—то самое, какое дѣти только-что разложили.

Одинъ изъ пріемовъ на этой ступени заключается въ томъ, что учитель произноситъ отдѣльно одинъ за другимъ звуки какого-нибудь другого слова, а дѣти сливаютъ ихъ въ цѣлое слово. Принято ду-

мать, что это самый трудный моментъ въ дѣлѣ обученія чтенію. Но мы не думаемъ, чтобы это упражненіе само по себѣ представляло какія-нибудь особыя затрудненія. Вотъ, напримѣръ, разсказъ объ одномъ мальчикѣ, сообщенный авторомъ психологіи перваго дѣтства Трэси изъ наблюденій, произведенныхъ и записанныхъ Сарою Вохтсе. «*Двухлѣтній* мальчикъ хорошо зналъ названіе употребляемой имъ пищи, и когда мать въ его присутствіи произносила слово «молоко» (milk), онъ сейчасъ-же начиналъ просить, чтобы ему дали молока. Поэтому, когда мать желала избѣжать этого, она не говорила слово «молоко», а произносила рядъ звуковъ, изъ которыхъ состоитъ это слово. Скоро, однако, мальчикъ сталъ узнавать слово и въ такомъ видѣ и однажды, когда мать спросила м-о-л-о-к-а (m-i-l-k), мальчикъ сталъ громко радоваться, произнося по-своему слово «молоко» (мики)». Работа, оказавшаяся посильною для двухлѣтняго ребенка, не можетъ быть трудною для восьмилѣтнихъ дѣтей.

Обыкновенно на этой ступени не показываютъ дѣтямъ буквъ; но я не вижу причины, почему-бы даже на первыхъ урокахъ, когда ученикъ въ состояніи разложить и слить слово изъ извѣстныхъ двухъ-трехъ звуковъ, не показать ему печатныхъ буквъ, изображающихъ знакомые ему звуки. Я понимаю, почему на этой подготовительной ступени еще невозможно приступить къ письму. Ученикамъ надо еще научиться на предварительныхъ упражненіяхъ—какъ сидѣть, какъ держать перо, какъ писать палочки съ крючками и безъ нихъ и т. д. Но что мѣшаетъ учителю теперь-же показать буквы выдѣленныхъ звуковъ?

Выше мы уже говорили о томъ, насколько выигрываютъ образы, если они соединены между собою по законамъ ассоціаціи. Одно дѣло, когда ребенокъ изучаетъ звукъ, не связывая его ни съ какимъ зрительнымъ образомъ, и совсѣмъ другое дѣло, когда тотъ-же звукъ онъ свяжетъ съ зрительными образами, возбуждаемыми въ немъ соотвѣтствующею буквою. Въ послѣднемъ случаѣ и тотъ, и другой образъ память удержитъ несравненно дольше и точнѣе. Любопытный въ этомъ отношеніи опытъ описываетъ проф. Балдвинъ. Ребенку было 6½ мѣсяцевъ. Его няня была въ отсутствіи три недѣли. Когда она вернулась и подошла къ ребенку молча, онъ не узналъ ее. Когда затѣмъ она скрылась за перегородку и оттуда стала говорить, ребенокъ тоже не узналъ ее по голосу. Но когда она подошла къ ребенку и запѣла знакомую дѣтскую пѣсенку, ребенокъ тотчасъ узналъ ее и громко выражалъ свою радость. Здѣсь мы видимъ яркій примѣръ того, какъ отдѣльные зрительные или слуховые образы, слабые сами по себѣ, усиливаютъ другъ друга, если они связаны вмѣстѣ.

Въ связи съ этимъ опытомъ я-бы поставилъ слѣдующее наблюденіе. И на своихъ урокахъ, и на урокахъ учителей на руководимыхъ мною курсахъ всѣмъ намъ бросалось въ глаза, какъ оживлялись дѣти, когда мы отъ чисто-звуковыхъ упражненій переходили къ упражненіямъ буквенно-звуковымъ. Если такимъ образомъ ассоціація слуховыхъ образовъ, возбуждаемыхъ звукомъ, съ зрительными образами, возбуждаемыми буквою, помогаетъ оживленію и тѣхъ, и другихъ, оставляетъ при совмѣстномъ дѣйствіи болѣе прочные слѣды, вноситъ въ классную работу оживленіе, то казалось-бы, что нѣтъ причинъ не показать ученику соотвѣтствующей буквы, когда онъ усвоитъ извѣстный звукъ.

Когда мы учимъ дѣтей говорить, мы начинаемъ не съ безсмысленныхъ, ничего не выражающихъ, не связанныхъ ни съ какими предметами звуковъ, мы не заставляемъ ихъ повторять, какъ это совѣтовалъ одинъ изъ педагоговъ, слова въ родѣ: калды, балды и т. д. Мы, напротивъ, показываемъ предметъ и съ зрительнымъ образомъ этого предмета связываемъ слуховой образъ — имя этого предмета. Мама, баба, папа—эти слова ребенокъ воспринимаетъ въ связи съ представленіями объ извѣстныхъ ему лицахъ. Если въ этомъ случаѣ связь слуховыхъ образовъ съ зрительными вноситъ сознательность, интересъ и содѣйствуетъ лучшему запоминанію самаго слова, то мы не можемъ сомнѣваться и въ томъ, что аналогичный пріемъ имѣетъ аналогичныя слѣдствія при изученіи звуковъ. Намъ кажется, что если-бы для облегченія запоминанія звуковъ не существовало зрительныхъ образовъ, то намъ надо было-бы ихъ выдумать. Но необходимые зрительные образы уже есть, они соотвѣтствуютъ буквамъ, и мы должны ими только во-время воспользоваться.

Ученику трудно понять, зачѣмъ его заставляютъ выдѣлять какіе-то звуки: «*акать* и *окать*», когда онъ пришелъ учиться читать. Работа становится, съ его точки зрѣнія, безцѣльной, а стало быть и мало интересной. Для воспитателя должно быть важнымъ не только то, чтобы работа была цѣлесообразна сама по себѣ, но еще и то, чтобы она была цѣлесообразною въ глазахъ воспитанника. Но вотъ ученику показали, какъ пишется въ книгахъ выдѣленный имъ одинъ и другой звукъ, онъ можетъ прочитать и этотъ звукъ, и рядомъ съ нимъ стоящій и получить понятное ему слово. Правда, онъ еще не пишетъ, но зато самъ изъ буквъ разрѣзной азбуки составляетъ это-же коротенькое слово, т.-е., въ сущности, воспроизводитъ подлинный процессъ письма. Вся работа получаетъ для него совершенно опредѣленный смыслъ, вполнѣ ясную для него цѣль и огромный интересъ. Радость, испытываемая ребенкомъ, когда онъ сознаетъ, что

начинаетъ проникать въ секретъ чтенія, самъ народъ сравниваетъ съ радостью слѣпца, когда тотъ чувствуетъ, что начинаетъ прозрѣвать. И очень важно, чтобы эту радость дѣти испытали въ первые же дни посѣщенія школы. Первыя впечатлѣнія обыкновенно самыя яркія и часто остаются на всю жизнь. Это одно изъ лучшихъ средствъ привить дѣтямъ любовь и привязанность къ школѣ. Я не знаю болѣе вреднаго заблужденія, чѣмъ старое правило, будто корень ученія долженъ быть горекъ.

Что такое значитъ для народа научиться поскорѣе читать,—это всего яснѣе видно въ школахъ для взрослыхъ. Вотъ что говорится въ «Частномъ Починѣ», изданномъ Московскимъ Комитетомъ Грамотности: «Взрослые учащіеся, поступая въ школу неграмотными, спѣшатъ пройти алфавитъ какъ можно скорѣе и въ это время почти ничѣмъ болѣе не интересуются. Такъ, въ одной воскресной школѣ въ началѣ дѣлались опыты бесѣдъ съ группами неграмотныхъ, но ученицы отнеслись къ нимъ безъ интереса и пожелали лучше употребить это время на усовершенствованіе въ чтеніи и въ письмѣ. Въ московскихъ школахъ нерѣдко приходится наблюдать, что неграмотные учащіеся во время чтенія имъ какого-либо интереснаго и вполнѣ доступнаго ихъ пониманію произведенія вынимаютъ свои буквари и всецѣло погружаются въ чтеніе, а если и слушаютъ общее чтеніе, то относятся къ нему вполнѣ безучастно и на всѣ вопросы отвѣчаютъ односложно и неохотно. Интересъ къ бесѣдамъ и чтенію пробуждается въ нихъ по окончаніи алфавита, когда они видятъ, что достигли своей цѣли и «разбираютъ» написанное въ книгѣ. «Главная задача въ это время,—пишетъ по этому поводу одна изъ учредительницъ мужской воскресной школы,—достигнуть пока еще внѣшней грамотности, которая будетъ служить средствомъ для дальнѣйшаго развитія».

Между прочимъ замѣтьте, что и сами ученики такъ полны этой жаждой поскорѣе овладѣть грамотой, что пока они не научились читать, они равнодушны ко всему, особенно взрослые. Они и въ перемѣну сидятъ за столомъ и шепчутъ слова, всѣ погружены въ это занятіе,—это горячка, и въ это время волей-неволей ихъ надо оставить въ покоѣ. Всякое чтеніе имъ они считаютъ потерей времени, всякое объясненіе слушаютъ въ полъ-уха и готовы все бросить сейчасъ и идти складывать какую-нибудь со-ло-му; зато, едва пройдутъ букварь, преображается лицо, мѣняется вкусъ: все влечетъ, все вызываетъ на разговоръ...»

По наблюденіямъ одной изъ учительницъ-слушательницъ руководимыхъ мною курсовъ въ г. Суражѣ, Черниговской губерніи, крестьяне-отцы чрезвычайно интересуются успѣхами въ чтеніи звуко-

виковъ. Родители нерѣдко приходили къ учительницѣ и говорили: «что-же, скоро-ли ребята читать начнутъ? скоро-ли ты имъ книжки давать начнешь? Ужъ вторая недѣля идетъ, а все ничего прочесть не могутъ!» Когда-же ученикамъ были показаны первыя буквы и учительница пригласила нѣсколькихъ отцовъ присутствовать на урокѣ, гдѣ дѣти начинали уже сливать первыя слова, то это доставило отцамъ большое удовольствіе. Отрицательно относились они и къ писанію элементовъ, палочекъ, говоря: «на что слѣпому дорожки писать?»

При нашемъ пріемѣ ученикъ съ первыхъ-же уроковъ читаетъ слова; онъ пойметъ, что ему стоитъ только научиться писать эти буквы, и онъ самъ напишетъ данное слово. Придя домой, онъ скажетъ, что онъ не шипѣлъ и не свисталъ только въ классѣ, но и прочелъ такое-то и такое-то слово.

Выписываніе первыхъ элементовъ ученики проходятъ очень быстро; такъ-же скоро они выписываютъ и первыя буквы изученныхъ звуковъ, а потому спустя нѣсколько дней ученики въ письмѣ догоняютъ чтеніе. Здѣсь на помощь учителю придутъ самостоятельныя работы, которыя приходится давать въ трехъ отдѣленіяхъ школы при одномъ учителѣ. Когда ученикъ черезъ нѣсколько дней въ состояніи будетъ приступить къ письму буквъ, онъ сравниваетъ письменную букву съ печатной, онъ пишетъ тѣ-же самыя слова, какія онъ читалъ, онъ, не переставая упражняться въ сліяніи знакомыхъ звуковъ и въ чтеніи, наверстываетъ потерянное въ письмѣ; письмо на время становится главнымъ дѣломъ на урокахъ письма-чтенія: онъ пишетъ и читаетъ, что написалъ. Трудности, вызываемыя тѣмъ, что ученику приходится сразу знакомиться и съ печатнымъ шрифтомъ, и письменною буквою, на первыхъ порахъ будутъ раздѣлены, а затѣмъ это перестанетъ быть труднымъ дѣломъ. Наиболѣе легкое (печатный шрифтъ) будетъ предшествовать болѣе трудному (письменной буквѣ), а это, особенно на первой ступени, имѣетъ большое значеніе. Приступая затѣмъ къ письму знакомыхъ 4—5 буквъ, учитель имѣетъ возможность расположить ихъ по степени трудности въ письмѣ (*ш*, *р*, *у*, *с*, *о*, *а*), тогда какъ раньше онъ располагалъ ихъ по степени трудности въ произношеніи (*а*, *у*, *о*, *с*, *ш*, *р*). Не надо доказывать, насколько это важно для успѣшности въ томъ и другомъ процессѣ. Затѣмъ, когда ученикъ умѣетъ писать тѣ 5 — 6 буквъ, съ печатнымъ начертаніемъ которыхъ онъ познакомился раньше, не будетъ болѣе никакихъ неудобствъ вести обученіе вполнѣ согласно съ требованіями письма-чтенія: уроки письма и чтенія пойдутъ совмѣстно вплоть до конца азбуки.

Намъ возразятъ, что продолжительныя предварительныя звуковыя упражненія необходимы уже потому, что это—тотъ самый путь, ко-

торымъ шелъ изобрѣтатель алфавита. Онъ вслушивался сначала въ слова и раздѣлялъ эти слова на простые звуки, сравнивалъ эти звуки въ различныхъ словахъ и нашелъ, что ихъ немного, что они повторяются. И только затѣмъ уже онъ изобрѣлъ особые знаки для этихъ звуковъ, и это было самымъ не труднымъ его дѣломъ. Стало быть, скажутъ намъ, и учащійся долженъ начинать съ того, чтобы выдѣлить звуки изъ словъ, разложить слова на звуки, скажутъ, что это единственный правильный путь, потому что законы мышленія всеобщи, потому что никакимъ другимъ путемъ нельзя дойти до какого-бы то ни было культурнаго пріобрѣтенія, какъ только тѣмъ путемъ, которымъ дошелъ до него первый изобрѣтатель. Допустимъ, что это вѣрно. Но развѣ можно утверждать, что первый изобрѣтатель алфавита дошелъ до своего открытія случайно, не руководясь въ своей работѣ опредѣленною идеею? Выдѣляя изъ словъ звуки и считая ихъ, онъ дѣлалъ это навѣрное не безцѣльно, какъ заставляютъ дѣтей продѣлывать эту работу наши горячіе защитники продолжительныхъ предварительныхъ упражненій. Въ его умѣ должны были встрѣтиться сначала двѣ идеи: возможность изображенія каждаго звука особымъ знакомъ и возможность разложенія каждаго слова на небольшое число звуковъ. Только эта идея давала смыслъ всей его работѣ, служила достаточнымъ побужденіемъ и оправданіемъ ея. Если до него и были сдѣланы случайныя наблюденія, то нельзя-же отрицать, что и у ребенка есть наблюденія до-школьнаго періода. Чтобы учащійся шелъ по тому-же пути, по какому шелъ изобрѣтатель алфавита, надо, чтобы его работою руководила та же самая мысль, иначе его обученіе будетъ лишено въ его глазахъ самаго главнаго, самаго цѣннаго въ каждомъ дѣлѣ—смысла и цѣли.

Изобрѣтатель алфавита ясно представлялъ себѣ, зачѣмъ ему надо было разлагать слова на отдѣльные звуки, а ребенокъ у нашихъ горячихъ защитниковъ продолжительныхъ предварительныхъ упражненій этого не знаетъ. Педагоги, которыхъ мы имѣемъ въ виду, взяли у изобрѣтателя алфавита его внѣшніе пріемы, но не усмотрѣли, что было главнаго въ его трудѣ, не замѣтили встрѣчи двухъ плодотворныхъ идей въ его умѣ. Рекомендуемый нами способъ имѣетъ въ виду устранить эту ненормальную постановку дѣла. Мы такъ-же во главу дѣла ставимъ звуковыя упражненія, разложеніе словъ на звуки и сліяніе послѣднихъ. Но, давая съ первыхъ-же уроковъ изображеніе звуковъ, мы доводимъ ученика до пониманія того, зачѣмъ онъ дѣлаетъ всю эту работу. Съ первыхъ-же уроковъ ученикъ знаетъ не только то, что можно разложить слово на звуки и слить эти звуки въ цѣлое слово, но онъ видитъ, что можно изобразить звукъ буквою, что можно изобразить буквами цѣлое слово и прочи-

тать это слово. До этого вывода онъ доходитъ не путемъ отвлеченныхъ разсужденій, а путемъ личнаго, нагляднаго опыта, убѣдительнаго, понятнаго и яснаго для него.

Мы понимаемъ соображенія, которыми руководятся защитники продолжительныхъ предварительныхъ исключительно звуковыхъ упражненій.

Трудности слiянія обусловливаются еще тѣмъ, что дѣтямъ при сліяніи звуковъ, изображенныхъ въ букварѣ или на планкѣ доски буквами, приходится въ одно и то-же время дѣлать двѣ очень трудныхъ для нихъ работы: во-1-хъ, припомнить звуки, выражаемые данными буквами, и во-2-хъ, слить эти звуки. Если эти затрудненія раздѣлить, то все вниманіе ученика будетъ сосредоточено на одной только трудности, и онъ справится съ нею скорѣе и легче. Именно въ виду этого соображенія предварительныя звуковыя упражненія многіе педагоги и относятъ къ началу учебнаго года. Но трудности могутъ быть раздѣлены и на каждомъ отдѣльномъ урокѣ, какъ это рекомендуемъ мы. Поэтому очень важно въ началѣ, при изученіи каждаго новаго звука и прежде его изображенія, употребить нѣсколько минутъ на каждомъ урокѣ на то, чтобы поупражнять дѣтей на разложеніи и сліяніи этого звука съ прежде пройденными гласными, конечно въ словахъ, имѣющихъ смыслъ.

Я сказалъ: «умъ». Сколько здѣсь звуковъ? Два. Скажите ихъ отдѣльно, сначала первый, потомъ второй. Скажите теперь эти звуки вмѣстѣ. Еще отдѣльно. Еще вмѣстѣ. Я сказалъ слово «шумъ». Сколько здѣсь звуковъ? Скажите эти звуки отдѣльно. А теперь вмѣстѣ. Еще разъ отдѣльно. Еще разъ вмѣстѣ и т. д. Я скажу три звука отдѣльно: о—с—а. А вы скажите ихъ вмѣстѣ, чтобы вышло цѣлое слово. Если сейчасъ-же затѣмъ учитель перейдетъ къ чтенію тѣхъ-же самыхъ словъ на разрѣзныхъ буквахъ или по букварю, то для учениковъ уже облегченъ процессъ сліянія и они могутъ отдать больше вниманія на запоминаніе буквъ и ихъ значенія. Въ этихъ-же видахъ полезно прежде, нежели поставить разрѣзныя буквы даннаго слова на планкѣ, повторить ихъ, но, конечно, не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они будутъ поставлены на доскѣ.

Итакъ, всѣ звуковыя упражненія, относимыя нашими методиками къ предварительнымъ, онъ обязательно продѣлываетъ на каждомъ урокѣ, но они уже не имѣютъ для него характера безцѣльныхъ механическихъ упражненій, неизвѣстно для чего навязываемыхъ ему, а даютъ результатъ въ высокой степени цѣнный, вполнѣ для ребенка понятный, ясный и опредѣленный. Мы понимаемъ процессъ разсужденія, которое привело педагоговъ къ продолжительнымъ, предварительнымъ упражненіямъ. Отъ дореформен-

ной средневѣковой схоластической школы у насъ еще осталась привычка выводить всѣ пріемы и методы преподаванія только изъ анализа предмета обученія. Слова состоятъ изъ звуковъ, а звуки изображаются буквами, изъ которыхъ составляются слова и рѣчи, думаютъ они. Стало быть, прежде буквъ надо дать звуки, а прежде звуковъ—слова. Что можетъ быть логичнѣе этого разсужденія съ точки зрѣнія анализа предмета? Но тутъ забыто самое главное—психологія ученика. А ея не слѣдовало-бы забывать даже тѣмъ, кто задается не воспитаніемъ, а дрессировкою учащихся, не слѣдовало-бы забывать даже въ интересахъ успѣховъ въ механизмѣ чтенія. То, что согласно съ природою ребенка, что интересуетъ его, то онъ усвоитъ гораздо скорѣе и легче, чѣмъ то, что возбуждаетъ въ немъ скуку. Скуку-же возбуждаетъ въ немъ все нецѣлесообразное съ его точки зрѣнія, всѣ занятія, въ которыхъ онъ не видитъ опредѣленной цѣли. Зачѣмъ?—вотъ вопросъ, который ставитъ себѣ ученикъ, когда его заставляютъ мычать и шипѣть, свистать, акать, ухать и окать

Зачѣмъ это разложеніе словъ на звуки? Дѣйствительно-ли нужны эти упражненія, и для чего они нужны?—спрашиваетъ ученикъ себя. Что здѣсь важно, и на что нужно обращать особенное вниманіе? и что не важно и можно пропустить мимо ушей? Я не выдумалъ этого; одна изъ учительницъ сообщаетъ, что ей дѣти прямо ставили этотъ вопросъ: «Зачѣмъ мы такъ дѣлаемъ? такъ, вѣдь, никто не говоритъ».

Но вотъ вы, разложивъ коротенькое слово на звуки, изобразили эти звуки буквами. Ученикъ прочелъ только-что составленное имъ слово, и онъ уже понимаетъ, почему и зачѣмъ нужно разлагать слова на звуки. Работа становится для него полною смысла, интереса и значенія. Передъ нимъ блеснулъ яркій свѣтъ истины, его физіономія озаряется осмысленной человѣческой жизнью. Онъ уже проникъ въ тотъ процессъ, который пережилъ изобрѣтатель алфавита, онъ испытываетъ радость, какую испытываютъ люди, открывая что-либо новое, имъ до тѣхъ поръ неизвѣстное. Онъ понимаетъ, чего добивается отъ него учитель, выдѣляя изъ слова звукъ и раздѣляя слово на звуки, и, что самое важное, знаетъ, зачѣмъ это дѣлается. Онъ самъ хочетъ того-же самаго и для той-же понятной ему цѣли. Отнынѣ его усилія принимаютъ сознательно опредѣленное направленіе, подъ вліяніемъ живого интереса, сознательной цѣлесообразной работы, въ виду въ высшей степени цѣннаго и опредѣленнаго для него результата, къ которому эта работа приводитъ: силы его возрастаютъ, вниманіе удвоивается, успѣхъ увеличивается.

Интересъ преподаванія мы считаемъ краеугольнымъ камнемъ народной школы. Но намъ возражали на это, что интересъ разсчитываетъ только на пассивное вниманіе ребенка, что онъ не имѣетъ въ виду выработать активнаго вниманія, которое именно и нужно для жизни и играетъ въ ней, равно какъ и въ обученіи, огромную рѣшающую роль. Они говорятъ, что жизнь ставитъ предъ нами много скучнаго, нимало не интереснаго дѣла, а школа должна готовить для жизни.

Намъ кажется однако, что подобное возраженіе свидѣтельствуетъ о недостаточномъ вниманіи къ психологіи вообще и къ психологіи ребенка въ частности. Это правда, что роль вниманія въ жизни и въ обученіи громадна. Можно, вмѣстѣ съ Гельвеціусомъ, утверждать, что всѣ интеллектуальныя различія между людьми зависятъ отъ вниманія. Такъ, для персонажа, выведеннаго Гоголемъ въ Сорочинской ярмаркѣ, магическимъ словомъ, приковывавшемъ все его вниманіе, служила пшеница. Для одного моего знакомаго такою-же магическою силою обладали сообщенія о производствахъ въ чины и о почетныхъ наградахъ, а вниманіе хорошаго учителя непреодолимо приковываетъ къ себѣ всякое извѣстіе изъ области народнаго образованія.

Появленіе въ данной мѣстности новаго вида бабочки возбуждаетъ особую любознательность энтомолога, а профанъ не обратитъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Само призваніе поэта, астронома, математика и т. д. можно разсматривать, какъ простое вниманіе, извѣстнымъ образомъ направленное въ теченіе всей жизни. Но, вѣдь, всѣ эти факты и тысячи другихъ подобныхъ и хорошо всѣмъ извѣстныхъ свидѣтельствуютъ о силѣ вниманія непроизвольнаго, естественнаго, пассивнаго, а не активнаго. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ вниманіе пробуждается само собою, безъ всякихъ усилій, самопроизвольно, свободно и естественно привлекательною силою самого предмета, насъ интересующаго. Ребенокъ остановился предъ поразившимъ его зрѣлищемъ. Его глаза расширились, ротъ полуоткрытъ, онъ весь застылъ, всѣ его движенія пріостановились, всѣ его внѣшнія чувства сосредоточены на предметѣ вниманія; вся его энергія направлена къ одному пункту; но это вниманіе пассивное. Ребенокъ не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобы сосредоточиться на предметѣ наблюденія: онъ не утомляется; а между тѣмъ онъ можетъ очень долго сосредоточиться на объектѣ вниманія, разсмотритъ его со всѣхъ сторонъ, зрѣлище оставитъ въ ребенкѣ самые прочные слѣды; онъ узнаетъ его настолько полно, насколько позволяютъ его маленькія силы. Заставьте того-же ребенка наблюдать предметъ, который его не интересуетъ. Онъ будетъ дѣлать усилія

надъ собою: это будетъ тѣмъ труднѣе для него, чѣмъ дальше вы будете поддерживать его вниманіе на предметѣ изученія; а между тѣмъ ребенокъ то и дѣло будетъ отвлекаться въ сторону отъ предмета, его вниманіе будетъ въ постоянномъ колебаніи, перерывы становятся все дольше и дольше и очень быстро наступаетъ такое утомленіе, что вы уже не въ состояніи заставить ребенка быть внимательнымъ. Представленіе объ изучаемомъ предметѣ будетъ и недостаточно полно, и недостаточно ярко; его слѣды недостаточно глубоки; въ результатѣ получается знаніе поверхностное, быстро изглаживающееся въ памяти, мало помогающее умственному развитію. Не ясно-ли, что для ребенка только непроизвольное пассивное вниманіе, основанное на интересѣ, устойчиво, естественно и дѣйствительно, не производитъ быстраго утомленія, не требуетъ усилій. Не ясно-ли, что, наоборотъ, произвольное, активное вниманіе, не возбуждаемое интересомъ ощущенія, бываетъ всегда неустойчиво, прерывисто, непрочно, подвержено значительнымъ и постояннымъ колебаніямъ и готово исчезнуть каждую минуту. Эта мысль превосходно выражена Рибо словами: «Непроизвольное вниманіе производитъ максимумъ дѣйствія при минимумѣ усилія, тогда какъ волевое вниманіе производитъ минимумъ дѣйствія при максимумѣ усилія, и это различіе выражено тѣмъ сильнѣе, чѣмъ первое непроизвольнѣе, а второе произвольнѣе». «Если-бы—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—возможно было взять человѣчество вообще за опредѣленный періодъ времени и сравнить сумму дѣйствій, совершенныхъ имъ при помощи произвольнаго вниманія, съ суммою дѣйствій, совершенныхъ помимо его, то у насъ получилось-бы отношеніе, почти равное отношенію нуля къ безконечности».

Если таково вліяніе интереса на пробужденіе творческой дѣятельности и мысли, и воображенія у взрослаго человѣка, то во сколько-же разъ оно должно быть сильнѣе у ребенка, обладающаго только пассивнымъ вниманіемъ? Ребенокъ думаетъ только о томъ, что его занимаетъ, онъ внимательно смотритъ и слушаетъ только то, что его интересуетъ, онъ хорошо помнитъ только то, что возбудило его любопытство; его умственная дѣятельность становится напряженною лишь тогда, когда предметъ этой дѣятельности самъ по себѣ привлекаетъ его вниманіе. Ребенокъ еще не доросъ до активнаго вниманія; ему трудно направить свою мысль на неинтересующій его предметъ или отвлечь его отъ занимательнаго, полнаго для него живого интереса явленія. Ребенокъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, напоминаетъ намъ дикаря. Дикарь съ увлеченіемъ предается игрѣ, охотѣ, войнѣ: онъ ищетъ неожиданностей, приключеній, но онъ ненавидитъ усидчивый и планомѣрный трудъ,

требующій произвольнаго вниманія. Когда Дарвинъ спросилъ у гаучей, преданныхъ воровству, игрѣ и пьянству, почему они не работаютъ, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «дни слишкомъ длинны». Точно такъ-же и ребенку, который играетъ и бѣгаетъ безъ устали цѣлый день, руководясь только интересомъ, принимаясь только за то, что само приковываетъ его вниманіе, дни показались-бы нестерпимо скучными и длинными, если-бы его заставили дѣлать неинтересующую его работу.

Въ настоящее время въ психологіи борятся два взгляда на произвольное вниманіе. Но если даже мы согласимся съ школою Вундта, который признаетъ произвольное вниманіе, какъ нѣчто отличающееся отъ вниманія пассивнаго (другая школа между обоими видами вниманія не признаетъ никакой разницы по существу), даже тогда мы все-же въ дѣтскомъ возрастѣ должны будемъ отдать всѣ преимущества вниманію пассивному. Произвольное вниманіе, если только оно чѣмъ-нибудь отличается отъ пассивнаго, приходитъ поздно: это уже высшая ступень развитія. Но мало и этого. Произвольное вниманіе не можетъ образоваться изъ ничего. Оно представляетъ собою преобразованное непроизвольное вниманіе. Обыкновенно мы искусственно дѣлаемъ интереснымъ то, что само по себѣ не интересно. Ребенокъ любитъ сказки. Мы читаемъ ему ихъ и говоримъ, что, когда онъ выучится читать, онъ найдетъ въ книгахъ много занимательныхъ сказокъ. Ребенокъ съ интересомъ разсматриваетъ въ книжкѣ картинки; но онъ не знаетъ, что изображаютъ онѣ. И мы говоримъ ему, что, когда онъ выучится читать, онъ самъ прочтетъ въ книжкѣ, что именно тутъ нарисовано. Въ обоихъ названныхъ случаяхъ мы искусственно переносимъ уже существующій у ребенка интересъ къ сказкамъ и картинкамъ на процессъ чтенія. Мы ищемъ въ душѣ ребенка двигатель, т.-е. интересъ, и опираемся на него. Если этого двигателя нѣтъ или мы не умѣли его найти, наше дѣло проиграно. Только сдѣлавъ непривлекательную работу привлекательной, мы можемъ заставить ребенка быть внимательнымъ. Затѣмъ ребенокъ мало-по-малу втянется въ работу. Она станетъ для него привычнымъ дѣломъ. Мы, взрослые люди, дѣлаемъ скучную работу въ родѣ исправленія тетрадокъ тоже по привычкѣ, которая стала нашею второю природою. Но и мы достигли этой привычки, облегчающей процессъ вниманія, не вдругъ и не безъ усилій. Пройдутъ года, и ребенокъ, какъ и мы, по привычкѣ будетъ внимательно исполнять работу, которая теперь кажется ему скучной. Но первые шаги можно сдѣлать, лишь опираясь на интересъ непосредственный, когда самъ предметъ изученія приковываетъ къ себѣ вниманіе ребенка, или посредственный, заимствованный интересъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ вышеприведен-

ныхъ нами двухъ примѣрахъ и во множествѣ другихъ, какъ, напримѣръ, когда ребенокъ работаетъ, чтобы доставить удовольствіе отцу, матери, любимому учителю. Точкой опоры и точкой отправленія для активнаго вниманія служитъ вниманіе пассивное, основанное на привлекательности и интересѣ, какой представляетъ самообученіе.

Можно было-бы привести множество примѣровъ изъ біографій знаменитыхъ людей въ доказательство того, что интересъ къ предмету ихъ дѣятельности былъ и отправною точкою, и постояннымъ двигателемъ всей ихъ жизни. Фурье до 13 лѣтъ отличался необузданно-рѣзвымъ характеромъ и лѣнью, но сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, когда познакомился съ началами математики, которая его заинтересовала. Мальбранша случайное знакомство съ однимъ изъ сочиненій Декарта превратило въ ревностнаго картезіанца.

Чувства любознательности и удовольствія, пробуждаемыя начатками математики въ первомъ случаѣ и мыслями Декарта во второмъ,—вотъ что составляло причину возбужденнаго страстнаго вниманія въ обоихъ случаяхъ. Представьте, что эти чувства не были-бы возбуждены, и все осталось-бы попрежнему.

Начало вниманія лежитъ въ возбужденномъ предметами изученія интересѣ. Кто-то очень остроумно уподобилъ органъ нашей сознательной дѣятельности—корковое вещество головного мозга—газовой люстрѣ со множествомъ рожковъ, изъ коихъ каждый изображаетъ какой-нибудь одинъ образъ или идею. Одни изъ этихъ рожковъ горятъ ярко и сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе, другіе—тускло и остаются едва замѣтными. Образъ, согрѣтый чувствомъ (будетъ-ли это чувство любознательности, удовольствія, ненависти, любви—все равно), отличается яркостью и силой и подчиняетъ себѣ и наше сознаніе, и наше вниманіе. Онъ силенъ и ярокъ не потому, что мы направили на него наше вниманіе, а наоборотъ, наше вниманіе приковано къ нему только потому, что онъ силенъ и ярокъ. Чтобы возбудить вниманіе, надо усилить яркость образа, сообщить ему интересъ, и въ этомъ весь секретъ вниманія.

Насколько интересъ отражается на творческой дѣятельности не только ребенка, но даже взрослаго человѣка, даже цѣлыхъ народовъ, показываетъ, между прочимъ, и филологія. «У народовъ,—по словамъ Ренана,—обыкновенно много словъ для обозначенія того, что ихъ больше всего интересуетъ. Въ еврейскомъ языкѣ существуетъ 25 синонимовъ для соблюденія закона, 14—для унованія на Бога, 11—для дождя и т. д. По-арабски левъ имѣетъ 500 именъ, змѣя 200, медъ больше 80, верблюдъ 5.744, мечъ 1.000, какъ и подобаетъ воинственной расѣ. Лапландецъ, при всей бѣдности его языка, имѣетъ 30 словъ для обозначенія оленя, — животнаго, необходимаго для его жизни.

Каждый изъ этихъ кажущихся синонимовъ выражаетъ одинъ какой-нибудь видъ даннаго предмета; ихъ многочисленность свидѣтельствуетъ о многочисленности первобытныхъ абстракцій». Сопоставьте это количество именъ съ числомъ словъ, какими располагаютъ названные народы, и вы поймете, какая усиленная дѣятельность ума и воображенія вызывалась интересомъ первобытнаго человѣка къ тому или другому предмету, привлекавшему его вниманіе. И въ то-же время у этихъ народовъ не находятъ ни единаго слова для выраженія самыхъ обыденныхъ абстракцій образованнаго европейца. Бѣдность языка особенно рельефно выражается, когда приходится переводить на языкъ недостаточно культурныхъ народовъ иностранныя книги. Даже у насъ насчитываютъ до 200 тысячъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе, и это, главнымъ образомъ, потому, что для понятій, выраженныхъ этими словами, большею частію нѣтъ русскихъ словъ.

Высказанныя нами соображенія въ пользу того, что начальное обученіе должно основываться на интересѣ, одинаково приложимо и къ семьѣ, и къ средней и къ привиллегированной школѣ. Но есть соображенія, которыя значительно усиливаютъ эту безусловную необходимость интереса въ обученіи именно по отношенію къ нашей народной школѣ. Курсъ этой школы до отчаянія коротокъ. Дѣти, посѣщающія эту школу, находятся въ томъ возрастѣ, когда еще у нихъ не успѣло сложиться стройное міросозерцаніе, которое обыкновенно образуется гораздо позже. При такихъ условіяхъ нечего и думать въ теченіе 18-ти учебныхъ мѣсяцевъ (при 6-ти мѣсяцахъ въ учебномъ году) снабдить 11-ти-лѣтняго ребенка всѣми знаніями, необходимыми въ предстоящемъ ему длинномъ жизненномъ пути. Но вполнѣ возможно за это время заинтересовать его необходимыми ему областями знанія, толкнуть его на путь самообразованія, вооруживъ его не только умѣньемъ читать и понимать читаемое, но еще любовью къ знанію, стремленіемъ къ нему. А для этого скука схоластической школы плохая помощница. Она только отобьетъ естественную, самою природою вложенную въ насъ охоту къ знанію. Она отвратитъ отъ книги и ученья, а не привлечетъ къ ней. Единственное средство заставить ребенка полюбить ученье и книгу—это заинтересовать его тѣмъ и другимъ, пробудить его любознательность, познакомить его съ удовольствіемъ, какое доставляетъ намъ цѣлесообразный умственный трудъ. И иного средства мы не знаемъ. Пусть предъ каждымъ урокомъ учитель думаетъ не о томъ, чтобы возможно больше дать свѣдѣній ребенку, а о томъ, чтобы вызвать въ немъ наибольшій интересъ и къ этимъ свѣдѣніямъ, и къ процессу ихъ усвоенія. Пусть учитель соображается не столько съ анализомъ

предмета, на чемъ настаиваетъ большинство нашихъ методикъ, а съ анализомъ природы ученика, его интересовъ, его потребностей. Если народная школа успѣетъ развить въ дѣтяхъ любовь къ книгѣ и къ знанію и вкусъ къ хорошей книгѣ, вложить въ нихъ потребность къ хорошему чтенію, наблюденіямъ и размышленію—этого будетъ достаточно. Тогда ученика и по выходѣ изъ школы будетъ тянуть къ хорошей книгѣ. Все остальное сдѣлаетъ библіотека и другія народообразовательныя учрежденія для взрослыхъ.

Мы намѣренно остановились такъ долго на значеніи интереса въ преподаваніи. Поставить дѣло преподаванія такъ, чтобы оно основано было на интересѣ ребенка—это завѣты, переданные намъ величайшими педагогами: Коменскимъ и Песталоцци,—это выводъ, который мы обязаны сдѣлать изъ современной психологіи; къ этому выводу приводитъ современныхъ изслѣдователей изученіе дѣтской души; къ этому-же выводу приходятъ всѣ отличающіеся наблюдательностью учителя. Если задача школы состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить автомата, безсмысленно продѣлывающаго всѣ упражненія, навязываемыя ему учителемъ, а разумное существо, отдающее себѣ отчетъ въ своихъ занятіяхъ, ясно представляющее себѣ цѣль каждой своей работы, то учитель больше всего долженъ избѣгать такихъ упражненій, гдѣ ученикъ не понимаетъ ни ихъ цѣли, ни смысла.

В. Вахтеровъ.

(*Продолженіе будетъ*).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Проф. A. Proust и проф. Ballet. Гигіена нейрастеника. Перев. Г. Львовича. 1899 г. 264 стр. Цѣна 1 руб.

Было время, когда педагога интересовали только тѣ болѣзни, которыя неизбѣжно нарушали ученіе и борьба съ которыми оказывалась для него прямо непосильной. Это болѣзни—по преимуществу заразныя или воспалительныя, или хирургическія; объ остальныхъ-же болѣзняхъ обыкновенно въ учебныхъ заведеніяхъ не считали нужнымъ и думать, въ особенности-же о болѣзняхъ нервныхъ, считавшихся не только пустяками, но даже просто притворными, свойственными развѣ слабымъ, избалованнымъ дѣвочкамъ и удобными для того, чтобъ отдѣлываться отъ уроковъ или вызывать снисхожденіе къ ихъ лѣности и невниманію. Такого взгляда держалась, впрочемъ, и публика. Въ послѣднее время дѣло нѣсколько измѣнилось. Нервныя заболѣванія начали обращать на себя вниманіе какъ въ обществѣ, такъ и въ школѣ; школьные-же врачи стали указывать на несомнѣнное развитіе всевозможныхъ нервныхъ заболѣваній у учащихся и констатировали множество случаевъ усиливающейся нервности въ школахъ. Оно и понятно. Съ одной стороны, пониженіе уровня тѣлеснаго здоровья дѣтей въ силу множества неблагопріятныхъ условій родительскаго дома и школы, съ другой-же—постепенное повышеніе количества учебнаго матеріала привели къ тому, что современные учащіеся оказываются и тѣлесно, и душевно надорванными, ослабленными и потому далеко не способными къ перенесенію тѣхъ тягостей, которыя налагаетъ на нихъ школа.

Обыкновенный взрослый мужчина не въ состояніи вынести столько часовъ умственныхъ занятій, сколько требуетъ отъ юнаго учащагося дѣйствующая программа. 9, 10, даже 12 часовъ занятій въ сутки не обходятся, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, безъ ущерба для здоровья, да и безъ ущерба производительности труда и нормальному взрослому человѣку, а между тѣмъ такое число часовъ являются прямо обязательными для школьника. Если къ этому при-

нять въ соображеніе обычную повсюду плохую обстановку школъ, неправильное питаніе учащихся, крайне недостаточное движеніе, хроническое недосыпаніе и подавленное нравственное ихъ состояніе, то станетъ, конечно, понятнымъ, что отрокъ или юноша въ школѣ не можетъ сохраниться цѣлымъ и невредимымъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности-же въ отношеніи нервной системы, такъ чувствительно отзывающейся на всѣ антисанитарныя условія окружающей среды. Все это наблюдаетъ на учащихся и понимаетъ врачъ, имѣющій къ нимъ близкое отношеніе и внимательно слѣдящій за ними во всѣхъ подробностяхъ ихъ жизни; зато не понимаетъ этого большею частью педагогъ и даже иной родитель, который относится поверхностно къ здоровью и поведенію ребенка и который судитъ о немъ на основаніи тѣхъ или другихъ предвзятыхъ мнѣній, чаще всего на основаніи сравненія натуры ребенка съ натурою человѣка взрослаго. Мало того,—многіе врачи, наблюдающіе учащихся дѣтей въ амбулаторіи или на визитаціи въ случаѣ заболѣванія, часто не усвоиваютъ истиннаго положенія этихъ дѣтей въ условіяхъ школы и ученья, и составляютъ понятіе объ учащемся по масштабу взрослыхъ—къ этому еще взрослыхъ лицъ различныхъ научныхъ и ненаучныхъ профессій. Наблюдаемое на взрослыхъ безъ церемоніи приписывается ребенку, и потому получается нѣчто, совершенно не отвѣчающее природѣ послѣдняго, не отвѣчающее истинѣ *).

Кто слѣдитъ за каждымъ шагомъ ребенка, за каждымъ проявленіемъ тѣлесной, умственной и нравственной его жизни, тотъ легко замѣчаетъ, какъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе значительнаго напряженія или подъ вліяніемъ угнетающихъ аффектовъ обнаруживаются у ребенка признаки нарушенія его физіологической и психологической организаціи и какъ часто, при злоупотребленіи со стороны школы его умственными силами и способностями, являются у него симптомы временнаго ослабленія памяти и вниманія или даже невозможности работать. Это часто наблюдаемое состояніе и есть уже начало того, что называется «умственнымъ переутомленіемъ», за которымъ, при дальнѣйшемъ насилованіи ребенка, слѣдуютъ высшія степени переутомленія, выражающіяся въ формѣ тягостной нервной болѣзни—болѣзни нашего вѣка—«нейрастеніи» (нервной слабости).

Въ подтвержденіе всего сказаннаго отлично можетъ служить только-что прочитанная нами книжка гг. профессоровъ Пруста и Баллэ. Такъ какъ книжка разсчитана, главнымъ образомъ, на обыкновеннаго образованнаго читателя, то мы не будемъ входить въ ме-

*) Покойный проф. Захарьинъ полагалъ, что современная учебная программа не только не обременительна для учащихся, но что она могла-бы даже быть увеличена безъ ущерба для здоровья дѣтей!

дицинскія подробности ея оцѣнки, но коснемся собственно той ея части, которая относится къ воспитанію дѣтей (физическому и нравственному). Относительно медицинскихъ деталей сочиненія скажемъ вкратцѣ только то, что авторы, не въ примѣръ установившемуся дѣленію нейрастеніи на три вида—мозговую, сосудистую и желудочно-кишечную нейрастенію—принимаютъ четыре ея вида—мозговую, женскую, половую и травматическую нейрастенію, что̀, должно признаться, ведетъ ко многимъ неясностямъ и повтореніямъ и значительно затрудняетъ усвоеніе предмета. Въ отдѣлѣ леченія приводятся сначала мѣры и средства противъ нейрастеніи вообще, а затѣмъ отводится порядочное мѣсто леченію женской и половой нейрастеніи спеціально. Словомъ, разобраться въ деталяхъ сочиненія подъ силу развѣ опытному врачу, но отнюдь не обычному читателю.

Остановимся на отношеніи воспитанія и ученія къ развитію нервности у дѣтей учащихся.

Относительно вліянія умственныхъ занятій на развитіе нейрастеніи учащихся авторы приводятъ цифры покойнаго московскаго врача Нестерова,—цифры, съ которыми близко сходятся и цифры, полученныя д-ромъ А. Виреніусомъ на учащихся въ городѣ Петербургѣ, съ тою только разницею, что цифры д-ра Нестерова, относящіяся къ ученикамъ 10—15 л., значительно уступаютъ цифрамъ д-ра Виреніуса; съ 16-ти-же лѣтъ замѣчается совершенно обратное, т.-е., что петербургскія дѣти ранѣе начинаютъ страдать нервностью, но что въ общемъ нервныхъ болѣе между учащимися города Москвы.

Авторы недовольны данными Нестерова. «Можно усомниться,—говорятъ они,—въ томъ, что симптомы, на основаніи которыхъ сдѣлано вышеприведенное вычисленіе, всѣ были дѣйствительно нейрастеническаго характера, но, даже принимая это, мы не можемъ допустить, что умственное переутомленіе было здѣсь единственнымъ факторомъ. Въ среднихъ заведеніяхъ переутомленіе несомнѣнно существуетъ лишь у небольшаго числа учениковъ, именно у тѣхъ, которые занимаютъ первыя мѣста въ классѣ, усиленно работаютъ или готовятся къ экзамену. Среди учениковъ рѣдко встрѣчаются такіе, которые страдали-бы излишкомъ усердія, большинство-же ихъ сами охраняютъ свои умственныя силы, уклоняясь отъ всякой чрезмѣрной работы».

Авторы вдвойнѣ неправы. Во-первыхъ, сомнѣваясь въ показаніяхъ Нестерова, основанныхъ на цифрахъ, они голословно отвергаютъ его мнѣніе, а во-вторыхъ, говоря, что переутомленіе не было въ случаяхъ Нестерова единственнымъ факторомъ, не хотятъ понять, что если-бы этотъ факторъ и не былъ единственнымъ, то былъ, во всякомъ случаѣ, главнымъ, и что вліяніе его на развитіе нервности ужъ

никоимъ образомъ отрицать нельзя. Къ тому-же, черезъ страницу сами-же авторы подтверждаютъ мнѣніе Нестерова, говоря, что бо́льшая часть разстройствъ нервной системы у школьниковъ зависитъ не столько отъ переутомленія, сколько отъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій учебныхъ заведеній, какъ-то: отъ чрезмѣрной продолжительности занятій, а слѣдовательно, отъ сидячей жизни, продолжительнаго пребыванія въ испорченной атмосферѣ, онанизма, отсутствія физическихъ упражненій и недостаточной продолжительности сна. Правда, словами этими авторы наивно думаютъ доказать неповинность умственныхъ занятій въ переутомленіи учащихся, не соображая, что всѣ перечисляемыя ими причины нервности лежатъ въ условіяхъ именно ученія и школы, слѣдовательно, главнымъ образомъ, въ условіяхъ умственныхъ занятій, въ ненормальной обстановкѣ умственной гигіены учащихся. Далѣе, утверждая, что причинами нервнаго истощенія чаще всего служатъ состоянія нравственной угнетенности, т.-е. грусти, тоски и т. п., авторы этимъ самымъ, въ свою очередь, доказываютъ явную возможность развитія нервности у учащихся, весь режимъ коихъ носитъ характеръ угнетенія, вслѣдствіе всей монотонной, однообразной, несоотвѣтствующей юной природѣ учащихся казенной обстановки школы и ученія.

Въ главѣ о физическомъ воспитаніи нервныхъ людей авторы останавливаются главнымъ образомъ на неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей среды, менѣе на пользѣ физическихъ упражненій и едва касаются подробностей гигіены кожи (водолеченія) и питанія, упуская сказать что-либо объ отдыхѣ и снѣ и о распредѣленіи сроковъ занятій (сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ), ѣды и пр. Словомъ, къ тѣлесному воспитанію авторы относятся болѣе или менѣе небрежно, но за-то съ особенной любовью и радужными надеждами останавливаются на воспитаніи нравственномъ. Это, по нашему мнѣнію, вдвойнѣ неосновательно. Во-первыхъ, нравственное воздѣйствіе отзывается на человѣкѣ путемъ тѣлеснымъ, т.-е. улучшеніемъ или ухудшеніемъ волосного кровеобращенія и питанія, а въ силу этого и подъемомъ или подавленіемъ душевнаго настроенія; во-вторыхъ, выработка въ человѣкѣ, особенно нервномъ, крѣпкой воли, вѣры въ себя, рѣшительности совсѣмъ не обусловливается, какъ думаютъ авторы, только надлежащимъ нравственнымъ воспитаніемъ, а преимущественно, если не исключительно, мѣрами тѣлеснаго, физіологическаго характера: правильной гигіенической обстановкой, закаливаніемъ тѣла, энергичными тѣлесными упражненіями. За это говорятъ теорія и практика воспитанія въ Англіи, Швеціи и даже въ Германіи.

«Внушеніе, по словамъ авторовъ, можетъ послужить средствомъ нравственнаго воспитанія, могущественнымъ факторомъ для измѣ-

нენія наслѣдственныхъ наклонностей. Мы полагаемъ, что оно должно быть одной изъ главныхъ пружинъ нравственнаго воспитанія дѣтей, предрасположенныхъ къ нервности, такъ какъ эти дѣти особенно впечатлительны и воспріимчивы къ внушаемымъ имъ импульсамъ». Да позволено будетъ усомниться и въ этомъ утвержденіи. «Все нравственное воспитаніе,—продолжаютъ авторы въ томъ-же тонѣ,—должно стремиться къ слѣдующей цѣли: убѣдить ребенка, что онъ склоненъ къ добру и неспособенъ ко злу, чтобы придать ему силу дѣлать добро и не дѣлать зла; заставить ребенка вѣрить, что у него сильная воля, что онъ можетъ владѣть собою, чтобы именно этимъ придать ему силу и выработать въ немъ привычку твердо желать и дѣйствительно управлять самимъ собою».

Какъ это можно заставить вѣрить ребенка, что у него сильная воля, когда онъ и инстинктивно, и рефлекторно трусить при каждомъ мало-мальски устрашающемъ и угнетающемъ импульсѣ?! И если-бы даже оказалось это возможнымъ, то такое насильственное, навязанное воздѣйствіе не должно-бы было остаться безъ вреднаго вліянія на слабый организмъ ребенка. Чтобъ воспитывать слабаго, нервнаго субъекта, возможно разсчитывать главнымъ образомъ, если не исключительно, на мѣры тѣлеснаго, гигіеническаго свойства, но отнюдь не на мѣры такъ-называемыя нравственныя. Нравственное воспитаніе можетъ служить развѣ подспорьемъ тѣлесному, но никакъ не играть самостоятельной роли въ режимѣ нервнаго, больного ребенка.

Что касается ребенка здороваго, крѣпкаго, да къ тому-же находящагося въ благопріятныхъ условіяхъ санитарной обстановки, то на такого ребенка обыкновенно вліяетъ успѣшно умѣлое нравственное воспитаніе, и къ нему прибѣгаютъ и родители, и воспитатели. Но и въ такихъ случаяхъ, если вліяетъ оно, то главнымъ образомъ дѣлами, поступками, поведеніемъ окружающихъ, но далеко не словомъ—наставленіями, совѣтами, предостереженіями и т. п. На эти послѣдніе надежда обыкновенно плохая, и потому мы и видимъ, что въ школахъ, на ряду съ ними, на каждомъ шагу прибѣгаютъ, напр., къ мѣрамъ прямо карательнымъ, различныхъ степеней и оттѣнковъ. Французскіе и нѣмецкіе педагоги и врачи приходятъ въ послѣднее время къ тому убѣжденію, что игры и тѣлесныя упражненія (особенно состязательныя) дѣйствуютъ на поведеніе, на взаимное отношеніе учащихся. Д-ръ Мажанди, составившій превосходную монографію о нравственномъ вліяніи физическихъ упражненій, говоритъ, что «добросовѣстныя и дружественныя отношенія въ сборныхъ играхъ располагаютъ и вынуждаютъ дѣтей быть честными, и самыя игры становятся превосходною школою прямодушія и чисто-

сердечія». «Игры способствуютъ развитію специальныхъ наклонностей, въ числѣ коихъ извѣстную роль играетъ и вѣжливость». «Ребенокъ, у котораго развился вкусъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ, относится съ пренебреженіемъ къ удовольствіямъ пустымъ, онъ отнюдь не будетъ искать удовольствій чувственныхъ, этого обычнаго удѣла лицъ нервныхъ и слабыхъ». «Ребенокъ недѣятельный становится порочнымъ. Онъ ищетъ уединенія и меланхолическаго покоя. Печальный, чуждый всему и всѣмъ, онъ превращается обыкновенно въ человѣка развинченнаго, снѣдаемаго скукой или увлекаемаго эксцессами, разрушающими тѣло, вызывающими отвращеніе къ дѣятельности, нравственную подавленность, а иногда даже и недовольство жизнью».

Подъ этими положеніями подписался-бы любой врачъ и педагогъ, знающій дѣтей, и ими-же не мѣшало-бы воспользоваться и проф. Прусту и Баллэ при ихъ указаніяхъ на вліяніе нравственнаго воспитанія на дѣтей нервныхъ и слабыхъ.

Вообще, если-бы авторы эти обратили болѣе вниманія на тѣлесное воспитаніе нервныхъ дѣтей, на укрѣпленіе ихъ тѣла путемъ энергичныхъ тѣлесныхъ упражненій и пріученія къ холоду и инымъ мѣрамъ закаливанія, то тогда имъ не пришлось-бы такъ долго останавливаться на мѣрахъ нравственнаго воспитанія и относить къ этимъ послѣднимъ то, что должно было-бы поставить въ заслугу воспитанію тѣлесному.

Разъ воспитаніе физическое ведется раціонально, мѣры нравственнаго воздѣйствія, какъ мы говорили, являются ему лишь хорошимъ подспорьемъ; разсчитывать-же на нравственныя мѣры, упуская изъ вида тѣлесныя—не имѣется, по нашему мнѣнію, никакого законнаго основанія.

Держась такой точки зрѣнія, мы не безъ удовольствія готовы согласиться на всѣ почти нравственныя мѣры, относимыя къ нервнымъ субъектамъ проф. Прустомъ и Баллэ, за исключеніемъ развѣ «внушенія», къ которому слѣдовало-бы приступать съ большою осторожностью, по строгомъ обсужденіи каждаго отдѣльнаго случая.

Въ означенномъ отдѣлѣ намъ особенно понравился взглядъ авторовъ на вредъ наказаній въ воспитаніи. «Авторитетъ, по мнѣнію Гюйо, слагается изъ трехъ элементовъ: 1) привязанности и нравственнаго уваженія, 2) привычки подчиняться, созданной упражненіемъ, 3) страха. Всѣ эти элементы входятъ въ составъ авторитета, но надъ всѣми ими господствуетъ привязанность. Она дѣлаетъ излишними строгость и наказанія». Ребенокъ, нуждающійся въ наказаніи, не имѣетъ привязанности, а это чувство можно вызвать въ немъ лишь любовью. Привязанность родителей должна постоянно быть

для ребенка самой высшей наградой, которую онъ можетъ заслужить только хорошимъ поведеніемъ. Наказаніе, вызывающее страхъ, должно быть справедливымъ и примѣняться лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напр., въ случаѣ какихъ-либо важныхъ проступковъ, открытаго сопротивленія. Только характеръ исключительности придаетъ ему педагогическое значеніе. Если мы станемъ слишкомъ часто прибѣгать къ наказаніямъ, выговорамъ, то отнимемъ у нихъ всякое воспитательное вліяніе на ребенка. Если-же ребенокъ вскорѣ послѣ полученнаго имъ наказанія снова совершитъ дурной поступокъ, то лучше посмотрѣть на это сквозь пальцы, сдѣлать видъ, будто вы не замѣчаете дурного намѣренія, рѣзко измѣнить тонъ, отвлечь вниманіе ребенка и «этимъ предотвратить непріятныя послѣдствія». «Если позволите ребенку сердиться послѣ всякаго выговора, то вы пріучите его отстаивать свои ошибки; онъ не станетъ дѣлать никакихъ усилій для исправленія ихъ и не будетъ чувствовать никакихъ угрызеній совѣсти. Въ виду этого необходимо пріучать дѣтей сейчасъ-же мириться съ тѣми, кто сдѣлалъ имъ выговоръ. Такимъ образомъ, они привыкнутъ никогда не сердиться ни на кого, стремиться къ исправленію ошибокъ и съ нетерпѣніемъ ожидать примирительнаго слова, которое-бы успокоило ихъ».

Въ заключеніе скажемъ, что въ концѣ главы III-й авторы указываютъ для воспитанія воли на мѣры прямо гигіеническія, тѣлесныя, какъ-бы не довѣряя нравственнымъ, и тѣмъ самымъ собственно противорѣчатъ себѣ, своимъ ранѣе высказаннымъ воззрѣніямъ. «Физическое воспитаніе,—говорятъ они,—тѣлесныя упражненія, водолеченіе, укрѣпляя нервную систему, ослабляютъ ея впечатлительность». «Дѣтей слѣдуетъ держать подальше отъ всего, что вызываетъ излишнее возбужденіе и волненіе». Равнымъ образомъ, авторы прямо указываютъ на мѣры тѣлеснаго воспитанія въ періодъ пробужденія полового инстинкта, аномаліи коего являются важнымъ факторомъ нервнаго истощенія и представляютъ великое зло закрытыхъ учебныхъ заведеній. «Въ такихъ случаяхъ, по ихъ мнѣнію, и необходимъ тщательный и постоянный надзоръ, физическія упражненія и водолеченіе, которое всегда производитъ успокаивающее дѣйствіе».

Вообще, все приводитъ къ заключенію, что разбираемое нами сочиненіе по отношенію къ вопросу о нервности и объ умственномъ переутомленіи учащихся страдаетъ существенными недостатками и показываетъ въ авторахъ малое знакомство съ условіями школы и ученія, а равно и съ условіями тѣлесной и психической организаціи учащихся. Къ этому, авторы, по нашему мнѣнію, повинны не только въ невѣрномъ сужденіи объ учащихся, но и въ

полномъ пренебреженіи къ учащимъ, которые, разъ идетъ рѣчь о нервности, заслуживали-бы со стороны авторовъ не меньшаго вниманія, чѣмъ и учащіеся. **А. Виреніусъ.**

Э. Кошвицъ. Руководство къ изученію французской филологіи (для студентовъ, учителей и учительницъ). Переводъ по тексту, дополненному авторомъ, *Н. Б. Струве*, подъ редакціей и съ предисловіемъ *Ѳ. Д. Батюшкова*. Съ приложеніемъ статьи «О лѣтнихъ вакаціонныхъ курсахъ въ Парижѣ и Марбургѣ» *В. Б. Струве*, Спб. 1899 г., цѣна 80 коп.

Въ 1897 году, когда вышло только-что названное сочиненіе проф. Кошвица «Anleitung zum Studium der französischen Philologie» von *E. Koschwitz*, profess. an der Universität Marburg. Marburg, 1897 г., оно заслужило весьма лестные отзывы самыхъ различныхъ органовъ нѣмецкой печати, почему мы поспѣшили ознакомиться съ книгой, оказавшейся въ самомъ дѣлѣ въ высшей степени интересной и поучительной. Нельзя поэтому не выразить полнаго одобренія мысли перевести эту книгу для русской публики, для которой она тѣмъ болѣе полезна, что содержащіяся въ ней библіографическія и другія указанія, которыя нѣмецкій читатель можетъ найти и въ другихъ подобныхъ изданіяхъ *), нельзя найти ни въ какой другой русской

---

*) Въ Германіи есть не только рядъ библіографическихъ указателей книгъ, статей и всякаго рода пособій для изученія французскаго языка и литературы, но есть даже библіографическій указатель всѣхъ этихъ указателей!

«Изученіе французской филологіи требуетъ въ одинаковой мѣрѣ пріобрѣтенія практическихъ и научныхъ знаній. Съ одной стороны, возможно широкое владѣніе современной разговорной и литературной рѣчью необходимо для изученія предшествующихъ періодовъ французскаго языка, литературы и культуры; съ другой—полное разумѣніе новѣйшихъ и современныхъ явленій языка литературы и культуры немыслимо безъ знанія хода ихъ развитія въ прошедшемъ».

«Кто ограничивается пріобрѣтеніемъ практическаго навыка въ употребленіи современнаго языка и знакомствомъ съ новѣйшими явленіями литературы и культуры Франціи, тотъ всегда останется диллетантомъ или ремесленникомъ (такъ-называемый Sprachmeister) и не можетъ имѣть притязанія называться филологомъ. Кто, напротивъ того, болѣе или менѣе уклоняется отъ труда пріобрѣтенія практическаго владѣнія живой рѣчью, находящеюся въ процессѣ непрерывнаго измѣненія, и отъ знакомства съ современными литературой и культурой и съ дѣйствующими въ нихъ силами, для того всегда останутся скрытыми извѣстныя стороны прошлаго, тотъ получитъ лишь неполное представленіе о прошлой жизни языка и будетъ понимать не совершенно созданіе прошлыхъ литературныхъ произведеній и явленій культуры. Подобно тому, какъ въ истинномъ художникѣ соединяется и должно соединяться виртуозное владѣніе техникой искусства съ научнымъ знаніемъ его теоріи и исторіи, такъ *у французскаго филолога должно соединяться возможно виртуозное практическое владѣніе*

книгѣ. Къ тому же сочиненіе проф. Кошвица является на русскомъ языкѣ съ нѣкоторыми дополненіями, дѣлающими его еще болѣе цѣннымъ для русскаго читателя. Обратимся-же къ содержанію книги и остановимся сначала на томъ, что принадлежитъ собственно нѣмецкому подлиннику.

Вотъ какъ проф. Кошвицъ во введеніи къ своему сочиненію опредѣляетъ идеалъ, которому долженъ удовлетворять хорошій неофилологъ — преподаватель французскаго языка въ современной средней школѣ.

Вотъ какія высокія требованія предъявляетъ профессоръ Кошвицъ неофилологу, спеціалисту по французскому языку, вотъ какія требованія предъявляетъ онъ, слѣдовательно, учителямъ французскаго языка нѣмецкихъ гимназій! Нѣтъ сомнѣнія, что и для Германіи такія требованія въ большинствѣ случаевъ не больше, какъ pia desideria *), такъ какъ и въ Германіи немного находится лицъ, имѣющихъ возможность затратить столько труда и, главное, столько времени и денегъ, чтобы вполнѣ усвоить себѣ всѣ необходимые для этого науки и практическіе навыки. Къ тому-же и положеніе учителей новыхъ языковъ въ Германіи, хотя и много лучше положенія представителей той-же профессіи у насъ, не таково однако, чтобы указанныя выше затраты труда, времени и денегъ оправдывались послѣдующей служебной карьерой, а вѣдь этимъ, въ концѣ концовъ, опредѣляется притокъ болѣе или менѣе способныхъ и обезпеченныхъ лицъ къ той или иной профессіи **). Достаточно вспомнить хотя-бы всѣмъ намъ извѣстныя условія, въ какихъ происходитъ пріемъ своекоштныхъ слушателей въ институтъ путей сообщенія и содержимыхъ вполнѣ за счетъ казны слушателей историко-филологическихъ институтовъ въ Петербургѣ и Нѣжинѣ.

Итакъ, приведенныя требованія отъ преподавателей французскаго языка несомнѣнно очень высоки для Германіи; какими они должны казаться намъ, русскимъ—объ этомъ и говорить не приходится. Ни для кого не секретъ, что русское Министерство Народ-

---

языкомъ съ научнымъ знаніемъ прошлаго и современнаго развитія языка и литературы и знаніемъ методологіи науки. Только при такомъ условіи можетъ быть дѣйствительно достигнута цѣль основательнаго филологическаго образованія».

*) Справедливость этихъ словъ будетъ еще яснѣе читателю, когда ниже будутъ указаны всѣ тѣ науки, основательное усвоеніе которыхъ проф. Кошвицъ считаетъ желательнымъ для будущихъ преподавателей французскаго языка.

**) Это не предположеніе, а дѣйствительный фактъ. Какъ ни часто приходится читать и слышать о перепроизводствѣ лицъ съ высшимъ образованіемъ въ Германіи, и тамъ, сплошь и рядомъ, оказывается не легко найти компетентныхъ лицъ для замѣщенія вакансій преподавателей новыхъ языковъ (франц. и англ.) въ менѣе значительныхъ городахъ. См. «Neuere Sprachen» за 1898 г. (Sept.—October).

наго Просвѣщенія уже давно изыскиваетъ средства къ обезпеченію себѣ достаточнаго числа сколько-нибудь удовлетворительныхъ кандидатовъ для замѣщенія открывающихся вакансій преподавателей французскаго языка... и не находитъ таковыхъ, какъ это можно видѣть хотя-бы изъ публикацій, появляющихся по временамъ въ газетахъ, съ приглашеніемъ кандидатовъ на имѣющіяся вакансіи...

Теперь второй вопросъ: насколько осуществимы требованія, предъявляемыя проф. Кошвицемъ? Въ Германіи эти требованія въ значительной мѣрѣ осуществимы и, можно сказать, въ извѣстной мѣрѣ осуществлены, доказательствомъ чего можетъ служить хотя-бы содержаніе той-же книги проф. Кошвица. Что эти требованія въ Германіи осуществимы, это доказывается тѣмъ, что въ нѣмецкихъ университетахъ всегда есть нѣсколько представителей романской филологіи, способныхъ руководить теоретическими занятіями будущихъ преподавателей французскаго языка. У насъ-же, если не ошибаемся, не во всѣхъ университетахъ есть даже хотя-бы одинъ спеціалистъ по романскимъ языкамъ и литературѣ *). Книга проф. Кошвица испещрена указаніями на разныя научныя пособія по французскому языку и литературѣ, написанными нѣмецкими учеными, которымъ мы можемъ противопоставить десятокъ-другой журнальныхъ статей и три-четыре монографіи. «Русскихъ пособій для изученія французскаго языка и литературы... очень мало; самостоятельныхъ трудовъ по французскому языку у насъ нѣтъ», — говоритъ проф. Батюшковъ въ предисловіи къ переводу книги Э. Кошвица (стр. VII).

Что требованія, предъявляемыя проф. Кошвицемъ къ преподавателямъ французскаго языка въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ отчасти осуществлены, это доказывается участіемъ нѣмецкихъ преподавателей въ разработкѣ разныхъ вопросовъ, относящихся къ области французскаго языка и литературы, обиліемъ публикуемыхъ ими учебныхъ книгъ и пособій, во всякомъ случаѣ лучшихъ, нежели книги и пособія, издаваемыя въ другихъ странахъ. Это доказывается, далѣе, усиленной разработкой методическихъ вопросовъ какъ въ рядѣ спеціальныхъ журналовъ, лучшимъ изъ которыхъ можно считать «Neuere Sprachen», такъ и въ безконечномъ числѣ брошюръ, приводящихъ своимъ числомъ въ отчаяніе всякаго, кто пытался когда-либо систематически слѣдить за ними. Нельзя не упомянуть также объ обществахъ учителей новыхъ языковъ или, точнѣе, неофилологовъ и объ устраиваемыхъ ими съѣздахъ **), о

---

*) Насколько намъ извѣстно, въ историко-филологическихъ факультетахъ есть одна каѳедра для необъятнаго предмета, носящаго названіе «всеобщей *литературы*», куда входитъ и романо-германская *филологія*.

**) Протоколы этихъ съѣздовъ печатаются въ журналѣ «Neuere Sprachen» или выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ.

курсахъ для учителей французскаго языка, устраиваемыхъ въ Марбургѣ проф. Кошвицемъ. Нѣмцы-же составляютъ наиболѣе замѣтный элементъ слушателей такихъ-же курсовъ, устраиваемыхъ съ нѣкотораго времени въ Женевѣ, Невшателѣ и въ Парижѣ. Насколько намъ извѣстно, стипендіи для поѣздки преподавателей французскаго языка во Франціи выдаютъ не только правительства отдѣльныхъ союзныхъ государствъ (Пруссія, Саксонія, Баварія и т. д.), но даже и большіе города (Берлинъ, Франкфуртъ и т. д.). Параллели съ существующими у насъ въ этомъ отношеніи порядками были-бы излишни...

Вернемся, однако, къ содержанію книги проф. Кошвица. Имѣя въ виду тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять хорошій преподаватель французскаго языка, Кошвицъ первую часть своей небольшой книги посвящаетъ ряду указаній о томъ, какъ слѣдуетъ изучать живой языкъ параллельно съ научными занятіями въ университетѣ, при чемъ большое значеніе придаетъ теоретическимъ занятіямъ фонетикой, дальше—рядъ весьма цѣнныхъ совѣтовъ и указаній. Характеренъ фактъ, что какъ ни новъ этотъ предметъ, литература по нему настолько уже значительна, что для лучшей оріентировки въ ней изданъ особый библіографическій указатель *).

Мы не будемъ перечислять тѣхъ способовъ и пріемовъ, которые даетъ проф. Кошвицъ для изученія живого французскаго языка и для болѣе совершеннаго овладѣнія имъ. Совѣты эти крайне полезны, хотя мы считаемъ наиболѣе цѣннымъ въ нихъ—чрезвычайно обильныя критическія указанія на относящіяся сюда пособія, изданныя въ Германіи или въ самой Франціи. Здѣсь весьма дороги какъ самыя указанія тѣхъ или иныхъ пособій, такъ и та оцѣнка, которую имъ даетъ проф. Кошвицъ.

Вторая глава перваго отдѣла книги посвящена крайне подробнымъ и обстоятельнымъ указаніямъ относительно того, какъ будущій преподаватель французскаго языка долженъ подготовиться къ поѣздкѣ на болѣе или менѣе продолжительное пребываніе во Франціи и какъ онъ долженъ тамъ распорядиться своимъ временемъ для того, чтобы поѣздка принесла наибольшую пользу. Глава носитъ чисто-практическій характеръ: здѣсь можно найти даже списокъ «гостиницъ и семейныхъ пансіоновъ латинскаго квартала, которые можно рекомендовать и въ которыхъ можно поселиться на все время пребыванія въ Парижѣ» (стр. 46), съ указаніемъ адресовъ и примѣрныхъ цѣнъ, и такія-же указанія относительно Невшателя и Женевы. Впрочемъ, здѣсь-же читатель найдетъ указанія

*) Брейманомъ. См. русскій переводъ книги проф. Кошвица, стр. 171.

и относительно того, гдѣ и какъ нужно записываться на лекціи въ тѣхъ или иныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, какъ слѣдуетъ изучать французскую общественную жизнь и т. п. Очевидно, что въ основѣ этихъ и подобныхъ указаній лежитъ обширный личный опытъ проф. Кошвица.

Второй отдѣлъ книги проф. Кошвица посвященъ указаніямъ, касающимся всѣхъ тѣхъ наукъ и практическихъ навыковъ, которые, по мнѣнію проф. Кошвица, всякій преподаватель французскаго языка долженъ усвоить частію въ университетѣ на лекціяхъ, частію самостоятельно. Здѣсь мы находимъ указанія,—*почему* и *какъ* будущій преподаватель французскаго языка долженъ изучить латинскій яз. и литературу и ихъ исторію, германскую филологію («знакомство съ германской филологіей такъ-же необходимо каждому изучающему французскій языкъ и литературу, какъ и каждому романисту...» стр. 73), исторію и *географію* Франціи, такъ-же какъ систему ея государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Переходя къ указаніямъ, относящимся прямо уже къ французскому языку и литературѣ, проф. Кошвицъ говоритъ: «Идеаломъ представляется намъ изученіе не только одного какого-нибудь романскаго языка (въ данномъ случаѣ—французскаго), *а всѣхъ романскихъ языковъ* и литературъ вмѣстѣ и въ связи съ перечисленными выше предметами. Пріобрѣтенныя и долженствующія быть пріобрѣтенными свѣдѣнія по классической филологіи и по исторіи культуры первыхъ вѣковъ нашей эпохи, по сравнительному и всеобщему языкознанію, по всеобщей и экспериментальной фонетикѣ, въ равной степени пригодны для изучающихъ какой-бы то ни было изъ романскихъ языковъ и его литературу....» Читатель, вѣроятно, согласится съ высказаннымъ нами въ началѣ этой замѣтки мнѣніемъ, «что такимъ высокимъ и труднымъ идеаломъ, даже въ Германіи, будутъ вполнѣ удовлетворять развѣ только преподаватели будущаго...»

Вторая глава второго отдѣла, занимающая всего 7 страницъ, даетъ указанія о пріемахъ научныхъ изслѣдованій въ области изученія французскаго языка и литературы. Насъ это, конечно, касается менѣе всего, такъ какъ извѣстно, что въ Россіи научныя излѣдованія не считаются подходящимъ занятіемъ для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, да и они не имѣютъ къ тому никакой возможности: въ провинціи, гдѣ преподаватели имѣютъ нѣкоторый досугъ, нѣтъ никакихъ учебно-вспомогательныхъ пособій; въ столицахъ, гдѣ эти пособія есть, преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній набираютъ себѣ максимальное число платныхъ занятій, побуждаемые къ этому дороговизной жизни и скуднымъ вознагражденіемъ за свой трудъ...

Въ небольшомъ приложеніи къ своей книгѣ проф. Кошвицъ даетъ указанія—какъ спеціалисты по французскому языку, уже занимающіеся преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, должны пополнять свои знанія, для чего рекомендуетъ слѣдить за спеціальными изданіями по французскому и латинскому языкамъ, которыхъ въ Германіи нѣсколько и которыхъ у насъ вовсе нѣтъ, и по временамъ совершать поѣздки во Францію, что для нѣмцевъ стоитъ сравнительно не дорого и на что преподавателямъ въ Германіи выдаются въ извѣстныхъ случаяхъ пособія отъ казны или городовъ, какъ мы объ этомъ упоминали.

Таково содержаніе весьма интересной и полезной для спеціалистовъ книги проф. Кошвица. Русскій переводъ ея вышелъ съ предисловіемъ проф. Батюшкова, въ которомъ указаны важнѣйшія,—какъ мы уже сказали, крайне немногочисленныя,—книги и журнальныя статьи, написанныя на русскомъ языкѣ и относящіяся къ области французской филологіи (включая сюда и литературу). Профессоръ Батюшковъ указываетъ и на нѣкоторые недостатки, имѣющіе совершенно второстепенное значеніе, работы нѣмецкаго ученаго. Полезность и интересъ русскаго изданія значительно увеличиваются и дополненіемъ къ нему статьи В. Б. Струве: «Лѣтніе вакаціонные курсы въ Парижѣ и Марбургѣ», написанной авторомъ по личнымъ наблюденіямъ, гдѣ г. В. Струве развиваетъ кстати свои взгляды на задачи преподаванія новыхъ языковъ въ средней школѣ, исходя отчасти изъ постановки преподаванія новыхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Въ своей статьѣ г. В. Струве, «чтобы дать понятіе о взглядахъ на задачи преподавателя-неофилолога, которыхъ придерживаются представители реформы (преподаванія новыхъ языковъ) въ Германіи», приводитъ довольно длинную цитату изъ брошюры Ватцольда: «Die Aufgaben des neusprachlichen Unterrichts und die Vorbildung der Lehrer», въ которой мы, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: «Всѣ упражненія, которыя ведетъ учитель, отъ произнесенія перваго связнаго предложенія на иностранномъ языкѣ до объясненія (комментированія?) Декарта и Гюго, все, что изучаетъ студентъ (учащійся?) отъ самаго отдаленнаго по времени и по мѣсту до ближайшаго къ намъ, все должно быть проникнуто и руководимо идеей: *учиться и учить французскому и англійскому языкамъ—значитъ изучать Францію и Англію; въ конечной цѣли не языкъ, но народъ и его культура есть объектъ изученія.* Языкъ и его литература есть только наилучшее и необходимое *средство*, чтобы всего ближе подойти къ *цѣли*—познанію жизни и духа другого народа...» «Мы, учителя новыхъ языковъ, являемся

на нашемъ скромномъ посту посредниками взаимнаго пониманія націй, работниками на пользу народовъ...» (стр. 163).

Таковы нѣмецкіе идеалы, а какова по сравненію съ этимъ русская дѣйствительность—всѣмъ намъ достаточно извѣстно...

Въ качествѣ весьма характернаго въ этомъ отношеніи факта можно указать хотя-бы на то, что переводчикъ сочиненія профессора Кошвица Н. Б. Струве (кстати сказать, переводъ сдѣланъ очень хорошо),—«прошедшій школу романо-германской филологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ подъ руководствомъ профессора А. Н. Веселовскаго», какъ сообщаетъ намъ объ этомъ въ своемъ предисловіи проф. Ѳ. Д. Батюшковъ,—не счелъ возможнымъ примѣнить свои спеціальныя познанія въ качествѣ преподавателя новыхъ языковъ и состоитъ «императорскимъ Россійскимъ вице-консуломъ во Франкфуртѣ на Майнѣ», какъ это значится на заглавномъ листѣ книги. Мы говоримъ это не въ осужденіе г. Н. Струве, такъ какъ никто, конечно, не станетъ осуждать его за такое предпочтеніе, кому сколько-нибудь извѣстны условія прохожденія службы преподавателями новыхъ языковъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Итакъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, мы не имѣемъ подготовленныхъ къ своей дѣятельности преподавателей новыхъ языковъ, съ другой стороны, что тѣ, кто имѣютъ такую подготовку, предпочитаютъ посвящать свои силы и способности совсѣмъ иного рода дѣятельности. A bon entendeur salut! П. Мижуевъ.

Гольмсъ, Ф. М. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Переводъ съ англійскаго. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50 к.

Мысль познакомить публику изъ не спеціалистовъ съ исторіей замѣчательныхъ сооруженій слѣдуетъ, конечно, назвать очень удачной. Успѣхи техники и инженернаго искусства, въ особенности XIX-го вѣка, настолько поразительны сами по себѣ, такъ близко задѣваютъ всѣхъ и каждаго, видоизмѣняя часто кореннымъ образомъ прежнія условія жизни и быта, что исторія этихъ завоеваній человѣческаго ума и энергіи могла бы быть интересна и поучительна.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ сочиненіи Гольмса. Эта книга представляетъ собраніе плохо связанныхъ между собою разсказовъ, зачастую имѣющихъ анекдотическій характеръ, о возникновеніи и прогрессѣ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній, постройкѣ мостовъ и нѣкоторыхъ механизмовъ, успѣховъ водолазнаго дѣла и пр. Эти разсказы, отличаясь своей по-

верхностностью и отрывочностью, ничего не оставляютъ въ головѣ читателя, кромѣ впечатлѣнія непріятной пестроты, излишней болтливости, а подчасъ и невѣжества автора въ трактуемыхъ имъ вопросахъ. Вдобавокъ, все изложеніе приправлено довольно противнымъ соусомъ «британской гордости»: объ изобрѣтеніяхъ и сооруженіяхъ всѣхъ другихъ націй, кромѣ англійской, почти ничего не сказано. Если повѣрить автору, то все замѣчательное построено исключительно англичанами. Только Суэцкій и Балтійскій каналы не они прорыли, да и то англійскіе-же офицеры помогли Лессепсу, а то-бы онъ не имѣлъ никакого успѣха.

Достоинства перевода вполнѣ отвѣчаютъ достоинствамъ книги, скорѣе—даже превосходятъ ихъ. Переводчикъ, видимо, совершенно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь автора. Грубѣйшія ошибки и прямо нелѣпости перевода дѣлаютъ пустоватую книжку еще болѣе негодной къ употребленію. Вотъ образчики тѣхъ истинъ, которымъ поучаетъ она простодушныхъ читателей: «отработавшій *въ поршнѣ* (!!) паръ пускается въ топку» (стр. 6); «паръ не только выталкивалъ поршень, но и *втягивалъ его обратно* (такая машина называется машиной двойного дѣйствія) (стр. 10); «*клапанъ этотъ* (говорится про золотникъ!) приводится въ движеніе *эксцентрическимъ рычажкомъ, находящимся на концѣ машины*» (говорится про эксцентрикъ!); «*вполнѣ понятно* (?!), что если пустить паръ въ одинъ конецъ цилиндра, то онъ *погонитъ поршень вонъ*, и если затѣмъ *остановить струю пара* и пустить ее въ другой конецъ цилиндра, то поршень будетъ двигаться въ обратномъ направленіи» (стр. 11); «Стифенсонъ соединилъ *поршни съ колесами непосредственно*» (стр. 13 и 14); «*въ камеру для сжиганія* поступаютъ всѣ газы изъ *топки*» (стр. 27). На стр. 144: «конусъ пересѣкается плоскостью, параллельной одной изъ его *сторонъ*», а рядомъ (стр. 146) говорится про *усовершенствованіе* и открытіе *естественныхъ законовъ*. На стр. 245 мы узнаемъ, что существуетъ два рода насосовъ: *выдавливающій* и *выдавливаемый*. Еще можно-бы указать на разсужденія о машинахъ компаундъ (стр. 11), о силѣ воды (245), описаніе аккумулятора Армстронга (248). Но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы убѣдиться еще разъ въ старой истинѣ: бѣда, коль пироги и т. д. Къ книжкѣ приложенъ составленный г. Красновымъ очеркъ инженерныхъ сооруженій въ Россіи, написанный очень добросовѣстно и интересно. Только этотъ очеркъ мы и можемъ рекомендовать читателямъ.

Къ сожалѣнію, мы должны упомянуть, что въ одномъ педагогическомъ журналѣ («Образованіе») была помѣщена рецензія о книгѣ Гольмса, заставляющая насъ предположить, что или авторъ рецензіи знаетъ еще менѣе г. Гольмса и его переводчика, или, что вѣ-

роятнѣе, что онъ вовсе и не читалъ разбираемой имъ книги. Въ рецензіи не только не указано ни одной изъ ея многочисленныхъ и вопіющихъ нелѣпостей, дѣлающихъ ее вполнѣ негодной для чтенія, но даже эта книга *рекомендовалась*, какъ талантливое и живо написанное сочиненіе по данному вопросу, тогда какъ очень дѣльная и содержательная статья г. Краснова, помѣщенная въ приложеніи, заслужила упрекъ въ сухости, въ обиліи цифръ (очень интересныхъ), касающихся развитія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, и вызвала совѣтъ *поучиться* писать такъ, какъ пишетъ г. Гольмсъ!

В. Гебель.

Викторъ Острогорскій. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Изд. 4-е, пересмотрѣнное и дополненное. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Книга В. Острогорскаго появилась въ новомъ изданіи очень вовремя. Несомнѣнно, что она никогда не потеряетъ своего значенія въ школьной педагогіи, но въ вопросахъ народнаго образованія, которые такъ настойчиво не сходятъ съ очереди современной общественной жизни и соприкасаются со всѣми сторонами государственнаго дѣла, трудъ извѣстнаго педагога долженъ сыграть выдающуюся роль. А сколь давно уже возникли тѣ вопросы, которыхъ касается г. Острогорскій, видно изъ его-же словъ, что разсматриваемый нами трудъ возникъ еще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда авторъ студентомъ велъ объяснительное чтеніе писателей въ Васильеостровскомъ безплатномъ училищѣ подъ руководствомъ покойнаго Ѳ. Ѳ. Резенера и вмѣстѣ съ нимъ и товарищами, основателями школы, занимался отборомъ пригоднаго для педагогическихъ цѣлей литературно-художественнаго матеріала. Своею книгой г. Острогорскій хотѣлъ-бы помочь родителямъ, воспитателямъ и учителямъ въ руководствѣ чтеніемъ и въ бесѣдахъ о прочитанномъ, чтобы это чтеніе не было случайнымъ и поверхностнымъ, а по праву могло занять дома и въ школѣ подобающее ему мѣсто, какъ дѣло серьезное, отъ котораго, при воспріимчивости дѣтей, нерѣдко зависитъ весь ихъ будущій складъ (стр. VI). Другою цѣлью автора было предложить выборъ художественнаго чтенія народу въ школахъ, читальняхъ и особенно для народныхъ чтеній, въ которыхъ до сихъ поръ, по какой-то странной случайности, художественный элементъ упорно пренебрегается почти вовсе, между тѣмъ какъ опытъ блестящимъ образомъ доказываетъ, что именно такого-то рода матеріалъ очень желателенъ. Въ виду этой-то второй цѣли, пишетъ авторъ: «Мы почтемъ себя вполнѣ счастливыми, если скромный трудъ нашъ окажетъ нѣкоторую помощь земствамъ, устроите-

лямъ народныхъ чтеній, народнымъ учителямъ и издателямъ дешевыхъ народныхъ книгъ, съ указанными нами сокращеніями, небольшими біографіями и, по возможности, хорошими портретами и иллюстраціями, такъ какъ пока подобныхъ изданій мало, а потребность въ нихъ настоятельная» (IX стр.). Можно, безъ сомнѣнія, надѣяться, что скромное пожеланіе автора найдетъ себѣ откликъ среди тѣхъ, кто серьезно заботится о народномъ образованіи, и книга его дастъ имъ не мало вѣрныхъ и авторитетныхъ указаній. Характеръ этихъ указаній глубоко симпатиченъ и являетъ въ авторѣ дѣйствительно опытнаго и сильнаго педагога: онъ нигдѣ не предлагаетъ ни вопросовъ, ни плановъ бесѣдъ, предоставляя ихъ учителю,—подобная регламентація казалась ему, и вполнѣ основательно, излишней.

На первомъ планѣ книги стоятъ двѣ статьи: первая разсматриваетъ вопросъ о книгахъ художественнаго содержанія, пригодныхъ для народнаго чтенія. По мнѣнію г. Острогорскаго, «народу слѣдуетъ давать только художественныя произведенія, которыя могутъ образовать его чувства, воображеніе, вкусъ и умъ, давать только такіе сказки, басни, пѣсни, разсказы, повѣсти, которые соединяютъ въ себѣ три условія: правду, добро, въ смыслѣ любви къ людямъ, и красоту, въ смыслѣ образности, живости и складности, занимательности разсказа». Никакія поучительныя нравственныя повѣсти или басни и сказки, написанныя народными доброжелателями съ всякими благими разсужденіями, поясненіями и поддѣлкой подъ народную рѣчь, никакія, даже талантливыя, но пустыя по содержанію, сказочки не должны имѣть здѣсь мѣста (3 стр.). Раздѣливъ всѣ литературныя книги для народнаго чтенія на двѣ большія группы: 1) книги для начинающихъ читать и дѣтей и 2) книги для учениковъ уже вполнѣ грамотныхъ и взрослыхъ, авторъ предъявляетъ высокія требованія ко всякому учителю и, конечно, ко всякому народному лектору. Онъ думаетъ, что читать выразительно и искусно долженъ всякій учитель, и если въ учительской семинаріи ввелось уже пѣніе, то необходимо ввести и упражненіе въ искусствѣ читать (8 стр.). Къ сожалѣнію, на выразительное, даже мастерское чтеніе учителей до сихъ поръ обращается очень мало вниманія, и очень немногіе учителя умѣютъ толково, если не образцово, читать дѣтямъ, да и лекторы передъ народомъ не всегда стоятъ на высотѣ своей задачи. Къ указанію г. Острогорскаго слѣдовало бы внимательно прислушаться и составителямъ программъ для учительскихъ школъ, и самимъ преподавателямъ...

Слѣдующая статья автора: «Выражающееся въ пословицахъ народное воззрѣніе на слово» составлена, подобно его-же подбору по-

словицъ, поговорокъ и пѣсенъ въ книжкѣ, изъ народнаго быта: Титъ, Вавило, Малавья, Маша на дѣвичникѣ.

Основная задача книги—обзоръ русскихъ писателей—начинается разборомъ сочиненій Жуковскаго. Авторъ предостерегаетъ учителей отъ болѣзненной сентиментальности, мечтательности, неопредѣленной меланхоліи и религіознаго піэтистическаго созерцанія *балладника-фантастика* и справедливо указываетъ на особенное значеніе Жуковскаго для дѣтей, какъ переводчика классическихъ произведеній. Если, конечно, Батюшковъ даетъ немного матеріала для чтенія дѣтямъ и народу, то басни Крылова представляютъ благодарные сюжеты,—у г. Острогорскаго разобраны немногія басни, но за-то оригинально; онъ указываетъ на изученіе басенъ по типамъ животныхъ (Лиса, Оселъ, Свинья, Волкъ, Змѣя, Пчела) и даетъ примѣръ изученія басенъ по идеямъ (басни о трудѣ). Значительное мѣсто удѣлено въ книгѣ разбору произведеній Пушкина и Лермонтова; далѣе слѣдуютъ Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ. Произведенія Кольцова разсмотрѣны подъ рубриками: крестьянское довольство и его условія. Бѣдность и горе, характеры сильные, ищущіе выхода изъ тяжелаго положенія въ самихъ себѣ; авторъ справедливо отмѣчаетъ, что изъ 124 пьесъ Кольцова цѣнны и художественны только 62, которыя и рекомендуетъ для дешеваго изданія (стр. 138). Никитинъ и Некрасовъ слѣдуютъ за Кольцовымъ. Авторъ удѣляетъ мѣсто и украинскому поэту Шевченку (переводъ Гербеля), такъ какъ этотъ многострадальный кобзарь былъ избранникъ народа въ прямомъ смыслѣ этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя. «Такіе рѣдкіе избранники народа,—говоритъ г. Острогорскій,—не отдѣлившіеся отъ массы лучшими свойствами понятій и характера, но въ то-же время совершенно свободные отъ неизбѣжной ограниченности простонародныхъ взглядовъ, кажутся намъ особенно благотворными для воспитанія и юношества, и народа» (188 стр.). При всемъ уваженіи къ Гоголю, при всемъ увлеченіи автора «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки», онъ рѣшается высказать прямо, что эти разсказы не только для дѣтей безполезны, но даже и вредны въ смыслѣ болѣзненнаго развитія дѣтскаго воображенія. У Гоголя есть четыре такихъ произведенія, которыя вполнѣ могутъ положить основу воспитанія. Это—Тарасъ Бульба, Старосвѣтскіе помѣщики, Ссора Ив. Ив. съ Ив. Ник. и Шинель (198 стр.). Разборомъ другихъ русскихъ писателей въ прозѣ заканчивается книга г. Острогорскаго: здѣсь разсмотрѣны произведенія Тургенева, Григоровича, Гончарова, Л. Толстого, Погосскаго и Аксакова. Трудъ, упоминаемый нами,—не справочная книга, и намъ думается, что указанія на неясное

будто-бы разграниченіе у автора того, что̀ должно читать народу и что̀ дѣтямъ — несправедливы,—г. Острогорскій обращается къ *руководителямъ* чтеній, въ которыхъ онъ надѣется найти людей съ самостоятельными воззрѣніями, умѣющихъ разобраться въ художественномъ матеріалѣ и къ каждому данному случаю подыскать, что̀ для кого надо читать. Отсутствіе излишней регламентаціи, излишнихъ мелочныхъ указаній, излишней педагогической педантичности и составляетъ одно изъ лучшихъ качествъ разсмотрѣнной нами книги. Разставаясь съ нею, намъ остается привести заключительныя слова почтеннаго педагога и раздѣлить съ нимъ надежду, что исполнятся его благія пожеланія и трудъ его будетъ оцѣненъ всѣми, кому дорого образованіе, а слѣдовательно, и лучшее будущее русскаго народа; вотъ эти слова: «черезъ годъ Россія вступаетъ въ новое столѣтіе; просвѣщеніе — наша самая насущная потребность. Этому-то всероссійскому широко-народному просвѣщенію сослужитъ великую службу именно русскій писатель-художникъ, который находитъ силою таланта легкій доступъ въ простую душу дѣтей и народа. Буду-же надѣяться, что за моимъ трудомъ въ ближайшемъ будущемъ послѣдуютъ и труды другихъ лицъ, сочувствующихъ нашему народному образованію, которые мой трудъ продолжатъ и разсмотрятъ, съ точки зрѣнія воспитательно-образовательной, хотя-бы писателей, мною указанныхъ». **И. Ж.**

Учебникъ теоріи словесности. Теоретическія положенія, историческія свѣдѣнія, разборы образцовъ. Выпускъ 1. Общая теорія словесности.—Теорія прозы.—Предварительныя свѣдѣнія о поэзіи. Составилъ М. Г. Павловичъ. X + 206 стр. С.-Петербургъ 1899 г. Цѣна 85 коп., съ пересылкой 1 руб.

Г. Павловичъ, издавшій осенью прошлаго года «Учебникъ исторіи древней русской литературы», въ нынѣшнемъ году издалъ 1-й выпускъ «Учебника теоріи словесности», подробное заглавіе котораго выписано выше. Учебниковъ теоріи словесности, и притомъ весьма разнообразныхъ, у насъ очень много—гораздо больше, чѣмъ учебниковъ по исторіи русской литературы. Уже въ самые послѣдніе годы издано нѣсколько учебниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые удостоились одобренія. Въ виду этого появленіе всякаго новаго учебника естественно вызываетъ вопросъ, зачѣмъ онъ изданъ, и даетъ-ли онъ что-нибудь новое или лучшее сравнительно съ тѣмъ, что имѣется. Съ этими мыслями мы и начали просматривать изданный г. Павловичемъ учебникъ и уже при бѣгломъ обзорѣ его убѣдились въ томъ, что составитель его не напрасно издалъ его и что

онъ представляетъ книжку, даже мало похожую на наши обычные учебники.

Объ особенностяхъ своего учебника г. Павловичъ говоритъ въ предисловіи къ нему, весьма обширномъ (семь страницъ). Мы не будемъ передавать всей сущности этого предисловія, а лишь будемъ касаться его въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ нужно.

Въ начальныхъ словахъ предисловія составитель говоритъ, что онъ хотѣлъ дать возможно полное изложеніе теоріи словесности. И дѣйствительно, «Учебникъ» г. Павловича отличается отъ существующихъ уже по самому объему. Первый выпускъ его, представляющій, очевидно, половину курса, заключаетъ въ себѣ около 200 страницъ убористаго шрифта. Это произошло оттого, что книжка г. Павловича содержитъ много такого учебнаго матеріала, который не помѣщался въ нашихъ учебникахъ. Обыкновенно въ нихъ помѣщались теоретическіе выводы, сопровождаемые иногда ссылками на образцы, къ которымъ въ новѣйшее время стали прибавлять еще краткія свѣдѣнія о возникновеніи и развитіи литературныхъ формъ и о важнѣйшихъ писателяхъ въ томъ или другомъ родѣ. Но это дѣлалось только въ отдѣлѣ поэзіи. Г. Павловичъ излагаетъ такія свѣдѣнія, гдѣ это оказывается возможнымъ, и въ отдѣлѣ прозы, а главное, не ограничиваясь теоретическими положеніями и историческими свѣдѣніями, онъ помѣщаетъ въ своей книжкѣ обстоятельные разборы образцовъ, подтверждающіе теоретическія положенія, характеризующія особенности родовъ и видовъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, литературныхъ прозаическихъ формъ (формы поэзіи, очевидно, предполагается разсмотрѣть во 2-мъ выпускѣ учебника), достоинствъ сочиненій со стороны содержанія и изложенія и т. под. Въ предисловіи (стр. VI и VII) составитель разъясняетъ, что эти образцы должны предварительно изучаться въ классѣ,—изложеніе-же ихъ въ учебникѣ должно лишь помогать ученикамъ воспроизводить то, что они изучили въ классѣ. Поэтому, вѣроятно, составитель и ограничивается, такъ сказать, спеціальными разборами, т.-е. разсматриваетъ образцы лишь съ той стороны, съ которой взятый образецъ подтверждаетъ изложенныя въ книжкѣ теоретическія положенія; логическихъ-же разборовъ и стилистическихъ онъ не дѣлаетъ.

Разсматривая самые разборы произведеній, помѣщенные въ книжкѣ г. Павловича, не трудно замѣтить, что составитель, очевидно, очень хорошо знакомый съ нашей литературой по теоріи словесности, воспользовался многимъ изъ того, что было сдѣлано другими. Напримѣръ, при изложеніи особенностей простого и художественнаго описанія, онъ разбираетъ описаніе Днѣпра Кузнецова

и Гоголя, что мы встрѣчаемъ и въ «Руководствѣ къ изученію словесности» Случевскаго (Ставрополь, 1888 г.). Отсюда-же взяты и образцы лѣтописнаго изложенія—разсказа «Мщеніе Ольги древлянамъ» и замѣчанія лѣтописи подъ 1027—1030 г. Разборъ характеристики Іоанна III Карамзина сдѣланъ на основаніи разбора, помѣщеннаго въ извѣстномъ «Руководствѣ къ теоретическому изученію литературы» В. Я. Стоюнина, какъ и сущность разбора баллады «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Разборъ баллады «Бѣсы» въ существенныхъ чертахъ взятъ изъ книги В. И. Водовозова «Словесность въ образцахъ и разборахъ». Но составитель и указываетъ въ концѣ предисловія всѣ эти книги, какъ пособія. Притомъ-же, заимствуя иногда матеріалъ, онъ весьма значительно измѣняетъ его. Какъ на примѣръ, можно указать на характеристику Іоанна III, которая изложена въ «Учебникѣ» г. Павловича гораздо отчетливѣе, чѣмъ въ «Руководствѣ» г. Стоюнина. Съ другой стороны, въ книжкѣ г. Павловича не мало разборовъ и такихъ произведеній, которыя нигдѣ не разбирались. Таковы, напримѣръ, разборы разсужденій Карамзина «О любви къ отечеству» и «О счастливѣйшемъ времени жизни» со стороны достоинства и изложенія и, кромѣ того, разборъ послѣдняго, какъ образецъ разсужденія,—поученія предъ святымъ причастіемъ прот. Родіона Путятина, какъ образецъ ораторскаго произведенія и какъ образецъ краткаго поученія,—разборъ отрывковъ изъ путешествія Пушкина въ Арзерумѣ, записокъ княгини Н. Б. Долгоруковой, отрывокъ изъ біографіи Крылова,—сравнительный разборъ разсказовъ о Куликовской битвѣ Карамзина и Соловьева, статьи Вяземскаго о «Горе отъ ума», рѣчей Цицерона за Гнея, Помпея и Милона, слова митрополита Филарета о безсмертіи души и т. п.

Разсмотримъ теперь теоретическіе выводы въ «Учебникѣ» г. Павловича, которые все-таки составляютъ собственно сущность учебника. Въ своемъ предисловіи онъ отмѣчаетъ три особенности въ изложеніи этихъ выводовъ: провѣренность матеріала, полноту изложенія и строгую систематизацію его.

Въ началѣ предисловія составитель говоритъ: «Конечно, большая часть теоретическихъ положеній въ ней (въ его книжкѣ) представляетъ то-же, что обыкновенно излагается въ нашихъ учебникахъ теоріи словесности, но я подвергалъ это обычное содержаніе учебниковъ надлежащей провѣркѣ и бралъ лишь то, что можно было признать безусловно вѣрнымъ и важнымъ». «Провѣрка-же эта была необходима, такъ какъ нѣкоторыя положенія въ этихъ учебникахъ переходятъ изъ одного въ другой какъ-бы по преданію и не всегда оказываются состоятельными» (стр. 111). И здѣсь со-

ставитель указываетъ нѣкоторыя изъ такихъ погрѣшностей, которыя составляютъ обычное явленіе въ нашихъ учебникахъ, и весьма основательно доказываетъ ихъ несостоятельность. Признаемся, мы впервые встрѣчаемъ такое строго критическое отношеніе къ учебному матеріалу.

Вторая особенность изложенія теоретическихъ положеній въ «Учебникѣ» г. Павловича — полнота. Въ предисловіи онъ самъ указываетъ отчасти, что̀ въ его книгѣ изложено подробнѣе обыкновеннаго и что̀ внесено въ нее новаго. Онъ говоритъ: «Полнѣе обыкновеннаго изложены здѣсь, напримѣръ, параграфы о случаяхъ нарушенія ясности задачи, о славянскихъ словахъ, о тропахъ и фигурахъ, о метрической версификаціи, о предметѣ и содержаніи философской прозы, о монографіи, о задачахъ и пріемахъ ораторской прозы, о судебномъ краснорѣчіи, о панегирикахъ, о формахъ церковнаго краснорѣчія и т. под. Совсѣмъ не вносились въ наши учебники разъясненія нѣкоторыхъ терминовъ, которые сдѣлались общеупотребительными для обозначенія достоинствъ и недостатковъ содержанія, изложенія и слога сочиненій, напримѣръ, основательное сочиненіе, поверхностное, голословныя положенія, логическій скачекъ, слогъ напыщенный, вычурный, сжатый и т. п.» (стр. IV—V). И дѣйствительно, въ книжкѣ г. Павловича излагаются не только главные виды фигуръ (7 видовъ), но (мелкимъ шрифтомъ) и второстепенные виды—словъ (6 видовъ) и мыслей (12 видовъ), какъ ихъ различали древніе. И эти свѣдѣнія могутъ быть весьма полезны при чтеніи древнихъ классиковъ и вообще для справокъ. Въ параграфѣ о предметѣ и содержаніи философской прозы (дидактической) коротко, но очень отчетливо излагаются научныя формы мышленія, безъ знакомства съ которыми ученикъ не можетъ составить себѣ сколько-нибудь яснаго понятія о содержаніи этого рода прозы. Весьма обстоятельно изложены здѣсь и особенности монографіи, которая почему-то никогда не характеризовалась въ нашихъ учебникахъ, хотя и составляетъ весьма важную форму дидактической прозы. Въ числѣ формъ философской прозы излагается и хрія, какъ одинъ изъ видовъ разсужденія, существовавшій у древнихъ. Весьма полно изложены также задачи и пріемы ораторской прозы и частнѣйшіе виды сочиненій, относящихся къ свѣтскому краснорѣчію, при чемъ составитель пользуется главнымъ образомъ «Стилистикой» Бэна. Наконецъ, въ теоріи прозы даются обстоятельныя характеристики формъ церковнаго краснорѣчія—слова, бесѣды и краткаго поученія.

Но г. Павловичъ, указывая въ своемъ предисловіи, что̀ въ его книжкѣ изложено болѣе обстоятельно сравнительно съ обычнымъ

изложеніемъ, по непонятной намъ причинѣ, не обмолвился ни словомъ о цѣломъ отдѣлѣ своей книжки, которому онъ далъ названіе «Предварительныя свѣдѣнія о поэзіи». Между тѣмъ этотъ отдѣлъ, занимающій въ книжкѣ 23 страницы, изложенъ у него съ такою полнотою и обстоятельностью, систематичностью и отчетливостью, съ какими, насколько намъ извѣстно, онъ никогда еще не излагался въ нашихъ учебникахъ. И, безспорно, это одинъ изъ выдающихся отдѣловъ разсматриваемаго «Учебника». Начинается онъ параграфомъ объ искусствахъ, при чемъ сначала опредѣляется искусство вообще, а затѣмъ два рода ихъ—механическія или техническія, называемыя *ремеслами*, изящныя, или искусства въ собственномъ смыслѣ. Стараясь быть вполнѣ точнымъ, составитель дѣлаетъ замѣчаніе, которое никогда обыкновенно не дѣлается, что «установить строго опредѣленную грань, отдѣляющую ремесла отъ искусствъ, не возможно, такъ какъ очень многія ремесла имѣютъ въ виду удовлетворить не только требованіямъ удобства, но и красоты. Въ особенности это нужно сказать объ обойномъ дѣлѣ, мебельномъ, портняжномъ, производствѣ посуды и друг. (стр. 176—7). Затѣмъ слѣдуютъ параграфы объ эстетическомъ чувствѣ, которое здѣсь не только опредѣляется, но и характеризуется, и объ «изящномъ», въ которомъ излагаются основные законы изящнаго, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ составитель пользуется лучшими психологическими изслѣдованіями. Перечисливъ послѣ этого изящныя искусства въ особомъ небольшомъ параграфѣ и показавъ мѣсто поэзіи среди нихъ, составитель переходитъ къ изложенію чертъ различія между прозой и поэзіей. Какъ извѣстно, ученіе объ этомъ въ теоріи словесности является самымъ неустойчивымъ, невыработаннымъ и спорнымъ. У г. Павловича этотъ отдѣлъ излагается своеобразно, какъ не излагается онъ ни въ одномъ изъ существующихъ учебниковъ, хотя въ сущности здѣсь указываются черты, которыя порознь отмѣчаются во многихъ учебникахъ. Притомъ, какъ уже замѣчено выше, отдѣлъ этотъ отличается и особенною обстоятельностью. Обыкновенно черты различія между прозой и поэзіей въ существующихъ учебникахъ излагаются въ немногихъ, незначительныхъ по объему пунктахъ, которые всѣ въ совокупности занимаютъ строчки двѣ, много три. Г. Павловичъ посвящаетъ этому 14 страницъ, хотя и сводитъ все различіе между прозой и поэзіей къ четыремъ собственно чертамъ, изъ которыхъ одну считаетъ производной. По его мнѣнію, поэзія отличается отъ прозы 1) тѣмъ, что изображаетъ міръ идеальный, созданный творческой фантазіей поэта,—тогда какъ проза изображаетъ міръ реальный и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ; 2) тѣмъ, что поэзія выражаетъ идеи въ поэтическихъ образахъ и

3) тѣмъ, что поэзія всегда даетъ типическое изображеніе жизни. Отсюда проистекаетъ четвертая особенность поэзіи—такъ-называемый поэтическій вымыселъ. Этимъ четыремъ чертамъ и отведены четыре параграфа, въ которыхъ онѣ и изложены съ возможной полнотой. Такъ, здѣсь есть точное опредѣленіе идеала, поэтическаго образа, типа и проч. Предусмотрѣны здѣсь и возможныя возраженія, или недоумѣнія со стороны ученика, напримѣръ, возраженіе противъ высказаннаго положенія, что каждое поэтическое произведеніе даетъ типическое изображеніе жизни, противорѣчіемъ которому являются, повидимому, сочиненія историческаго характера. Составитель разъясняетъ это недоумѣніе (стр. 188). Здѣсь-же разъясняются и термины, которые опять-таки никогда не опредѣлялись въ нашихъ учебникахъ — сюжетъ, фабула, интрига (стр. 185—6). Слогъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній г. Павловичъ не считаетъ возможнымъ принимать во вниманіе при различеніи прозы и поэзіи и доказываетъ, что провести точную границу между слогомъ прозаическимъ и поэтическимъ не возможно, чему посвящаетъ особый параграфъ (стр. 194—5).

Указавъ черты различія между прозой и поэзіей, г. Павловичъ въ особыхъ параграфахъ говоритъ о значеніи поэзіи, пользѣ ея, затѣмъ о родахъ и, наконецъ, объ историческомъ развитіи поэзіи. Послѣдній параграфъ опять-таки представляетъ новость въ учебникѣ.

Вообще нужно сказать, что обстоятельность и отчетливость изложенія составляютъ всегдашнее и выдающееся достоинство книжки г. Павловича. Обычныя свѣдѣнія, напримѣръ, о филиппикахъ Демосѳена, о его рѣчи о вѣнкѣ, о рѣчахъ противъ Катилины, у него передаются съ большею обстоятельностью и отчетливостью, чѣмъ обыкновенно, и въ то-же время не занимаютъ много мѣста: составитель умѣетъ выражаться кратко.

Въ предисловіи къ «Учебнику» г. Павловичъ, между прочимъ, говоритъ, что въ изложеніи учебнаго матеріала онъ заботился о строгой систематизаціи (стр. 7). Мы не будемъ подробно говорить о томъ, какъ распредѣленъ у него матеріалъ, но считаемъ нужнымъ остановиться на двухъ пунктахъ, которые представляютъ опять-таки нѣчто новое.

Къ «Учебнику» приложено не просто оглавленіе, а «оглавленіе-программа», въ которой подъ заглавіемъ каждаго параграфа перечисляются всѣ частнѣйшіе вопросы, заключающіеся въ немъ. Программа эта можетъ быть очень полезна ученикамъ какъ при изученіи курса, такъ въ особенности при повтореніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ возможность легко обозрѣвать всю полноту матеріала, изложеннаго въ учебникѣ. Обзоръ ея дѣйствительно показы-

ваетъ, что книжка г. Павловича представляетъ стройную систему, въ которой каждой частности отведено соотвѣтствующее мѣсто.

Затѣмъ, нельзя не обратить вниманія еще и на то, что г. Павловичъ всѣ прозаическія сочиненія дѣлитъ на три рода: описательно-повѣствовательныя, философскія и ораторскія, съ подраздѣленіемъ перваго рода на два вида, тогда какъ у насъ обыкновенно дѣлили ихъ прямо на четыре. Такъ онъ поступилъ потому, что, какъ это объясняется подробно въ предисловіи (стр. VII), дѣленіе прозы на четыре рода неправильно въ логическомъ отношеніи.

Заканчивая разборъ «Учебника теоріи словесности», скажемъ прямо, что г. Павловичъ сдѣлалъ въ своей книжкѣ весьма не мало для разработки теоріи словесности, что его книжка должна занять весьма видное мѣсто среди существующихъ учебниковъ и что ее весьма не излишне имѣть каждому учителю словесности, такъ какъ она сообщаетъ и нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, и указываетъ нѣкоторые погрѣшности и промахи, ускользающіе отъ вниманія составителей учебниковъ, и можетъ вызывать различнаго рода соображенія относительно преподаванія словесности.

А. Раменскій.

Ауерсвальдъ и Росемесслеръ. Ботаническія бесѣды. Переводъ академика А. Н. Бекетова. Изд. 3-е, исправленное и обновленное переводчикомъ. М. 1898 г. Цѣна 3 руб.

Для тѣхъ, кто учился въ шестидесятыхъ годахъ, появленіе этой книги то-же, что встрѣча со старымъ знакомымъ, съ которымъ не видался съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Первое изданіе этой книги появилось на русскомъ языкѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ ту глухую пору, когда и въ академическомъ, и въ школьномъ преподаваніи царила одна систематика, когда научная морфологія и физіологія растеній, можно сказать, лежали еще въ пеленкахъ. Въ свое время книга эта была принята весьма благосклонно читающей публикой, потому что появилась какъ разъ наканунѣ всѣмъ памятнаго необычайнаго подъема въ началѣ шестидесятыхъ годовъ интереса къ изученію естествознанія. Въ сущности книга Ауерсвальда и Росемесслера имѣетъ скромную цѣль: показать, что растеніе можно изучать съ болѣе интересныхъ сторонъ, нежели тѣ, на которыя было преимущественно устремлено вниманіе систематиковъ 50-хъ годовъ. Ни широкихъ обобщеній, ни заманчивыхъ теорій книга эта не давала; этимъ, можетъ быть, можно объяснить то обстоятельство, что книга расходилась не такъ бойко, какъ другія сочиненія, болѣе кидавшіяся въ глаза. Но не этимъ, однако, недостаткомъ шумнаго успѣха слѣдуетъ объяснять малое количество изданій этой книги

(третье изданіе появляется только черезъ сорокъ лѣтъ), а тѣмъ, что издатели не торопились выпускать одно изданіе за другимъ, и бывали періоды, когда книга совершенно исчезала изъ продажи.

Habent sua fata libelli! Если для отживающаго поколѣнія книга Аеурсвальда и Росемесслера старый другъ, то для поколѣнія, выступающаго на сцену, она ни болѣе, ни менѣе, какъ незнакомецъ, которому будетъ удѣлена лишь та доля вниманія, какой онъ заслуживаетъ. Какое-же мѣсто должна занять эта книга въ русской ботанической литературѣ? Сорокъ лѣтъ назадъ, когда авторы писали свое введеніе, они имѣли право указывать на полное отсутствіе такихъ сочиненій по ботаникѣ, изъ которыхъ читатель выносилъ-бы, между прочимъ, и знанія о жизни растенія, благодаря которымъ онъ могъ-бы научиться наблюдать, различать, «мало-по-малу привыкъ-бы къ болѣе глубокому вниканію въ жизнь растенія». Они могли смотрѣть на свою попытку, какъ на новаторство и шагъ впередъ. Но нынѣ многіе изъ ихъ замысловъ перестали быть новостью, и поэтому введеніе, написанное 40 лѣтъ тому назадъ и безъ поправокъ приложенное къ вышедшему въ прошломъ году изданію, производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

Содержаніе книги составляетъ подробное описаніе жизни и организаціи 55 растеній (въ первомъ изданіи 53) средней Европы, расположенныхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они начинаютъ расцвѣтать въ Германіи; авторы, гдѣ слѣдуетъ, выставляютъ на первое мѣсто тѣ отличія, которыя существеннымъ образомъ характеризуютъ данное растеніе; отъ этого въ описаніяхъ нѣтъ того утомительнаго однообразія, которымъ отличаются описанія, преслѣдующія исключительно задачи систематики. Подобно «письмамъ о ботаникѣ» Линнея, книга представляетъ живой разсказъ о выдающихся представителяхъ флоры средней Европы. Въ каждой почти статьѣ авторы дѣлаютъ отступленія въ область морфологіи, анатоміи и физіологіи растеній, дѣлая ссылки на растенія, раньше разобранныя. Это придаетъ отдѣльнымъ статьямъ нѣкоторую отчасти внѣшнюю, связь. Хотя въ книгѣ преобладаетъ чисто морфологическій матеріалъ, но читатель по прочтеніи ея выноситъ не только отчетливое представленіе о цѣломъ рядѣ растеній цвѣтковыхъ и безцвѣтковыхъ, но и нѣкоторыя свѣдѣнія объ анатоміи и физіологіи растительныхъ организмовъ; поэтому книга можетъ быть рекомендована, какъ общедоступная хрестоматія къ начальному курсу ботаники. Особыхъ перемѣнъ въ третьемъ изданіи, по сравненію съ первымъ, немного: прибавлены статьи: Eladea canadensis и Hydnum coralloides, сдѣланы добавленія въ статьѣ о фіалкѣ (изображены и описаны мелкіе плодущіе цвѣты) и еще нѣ-

которыя мелкія добавленія въ другихъ статьяхъ. Можно-бы было добавить еще кое-что относительно методической стороны книги. Начинается она описаніемъ лютика (Ranunculus ficaria), и сразу, съ первыхъ-же страницъ, вниманіе читателя направляется на такія частности, которыя онъ въ состояніи будетъ оцѣнить только впослѣдствіи. Намъ думается, что въ началѣ не слѣдовало-бы выдѣлять совсѣмъ такихъ сторонъ организаціи, въ которыхъ выражается уклоненіе отъ типа; полезнѣе-бы было сначала дать краткое, но отчетливое представленіе о самыхъ главныхъ типическихъ чертахъ цвѣтковаго растенія, хотя-бы, напримѣръ, того-же жабника, но не дѣлая ссылокъ на тѣ уклоненія, которыя встрѣтятся впослѣдствіи. Такимъ образомъ у читателя составилась-бы типическая картина организаціи, къ которой можно бы было относить всѣ послѣдующія описанія, и читатель постепенно узналъ-бы въ своемъ мѣстѣ все то, что ему предлагается въ началѣ статьи о лютикѣ. Нельзя не сдѣлать также и замѣчанія относительно рисунковъ. Рисунки третьяго изданія сдѣланы олеографическимъ способомъ и въ большинствѣ случаевъ трактованы широко тѣми общими планами и мазками, которые передаютъ только общее впечатлѣніе предмета, безъ обозначенія деталей его строенія. На такихъ рисункахъ предметъ изображается всегда такъ, какъ онъ представляется наблюдателю съ разстоянія двухъ-трехъ аршинъ. Но такая трактовка имѣетъ значеніе только въ картинѣ, передающей именно только общее впечатлѣніе. Въ рисункѣ-же, назначенномъ для поясненія текста, предметъ долженъ быть изображенъ такъ, какъ онъ представляется наблюдателю на разстояніи наилучшаго видѣнія. Поэтому мы отдаемъ предпочтеніе рисункамъ перваго изданія, представляющимъ отчетливыя гравюры, раскрашенныя отъ руки. Пусть для примѣра читатель сравнитъ таблицы, изображающія, напр., Platantera bixolia, Polygonum Bistorta, Almes glutinosa перваго и третьяго изданій, и онъ тотчасъ увидитъ, какъ неудовлетворительно исполненіе рисунковъ послѣдняго изданія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что «Ботаническія бесѣды» Ауерсвальда и Росемесслера въ теперешней ботанической литературѣ, обогатившейся переводомъ многихъ капитальныхъ сочиненій (Ванъ-Тигена, Варминга, Страсбургера, Кёрнера фонъ-Мерилауна), могутъ занять мѣсто отчасти въ качествѣ справочной книги по методикѣ цвѣтковыхъ растеній, отчасти, какъ уже сказано, въ качествѣ хорошей хрестоматіи для начальнаго курса ботаники.

Н. К—нъ.

Буяковичъ. Волшебный фонарь и его примѣненіе при публичныхъ лекціяхъ, при преподаваніи и для препровожденія времени. Составлено по французскимъ и нѣмецкимъ источникамъ. Съ 65-ю рисунками. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Вопросъ о введеніи волшебнаго фонаря въ сферу класснаго преподаванія есть вопросъ времени. Въ принципѣ едва-ли кто найдетъ излишнимъ или не отвѣчающимъ цѣлямъ преподаванія показываніе на урокѣ въ любое время проекціонныхъ изображеній, относящихся къ предмету урока. И географія, и исторія, и естествовѣдѣніе выиграли-бы значительно, если-бы оказалось возможнымъ устранить нѣкоторыя неудобства и препятствія чисто практическаго характера. Въ книгѣ Буяковича, содержащей описаніе: источниковъ свѣта, оптической системы волшебныхъ фонарей (консенсаторы, объективы, затворы, экранъ и т. д.) и устройства самихъ фонарей, указана, между прочимъ, модель сравнительно недорогого фонаря съ керосиновымъ освѣщеніемъ, который строится въ видѣ простого и двойного фонаря и который въ значительной степени удовлетворяетъ не очень высокимъ требованіямъ. Бо̀льшая часть книги занята описаніемъ проекціонныхъ сеансовъ (цѣлый рядъ опытовъ изъ физики и химіи, въ которыхъ ходъ явленія можетъ быть наблюдаемъ на экранѣ). Въ концѣ приложено описаніе способовъ производства картинъ для волшебнаго фонаря. Книжка изобилуетъ количествомъ всевозможныхъ рецептовъ и наставленій. Конечно, авторъ старался принести своею книжкою возможно бо̀льшую долю пользы, и нѣтъ сомнѣнія, что спеціалистъ найдетъ въ ней много указаній. Но для не спеціалиста, надо сознаться, очень трудно остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ, тѣмъ болѣе, что вообще чтеніе этой книги требуетъ нѣкоторой подготовки чисто техническаго характера. Очень жаль, что авторъ не далъ себѣ труда попроще изложить способъ приготовленія раскрашенныхъ картинокъ отъ руки и для раскраски gionosumubobr указываетъ однѣ только масляныя краски. Книжка безспорно богата содержаніемъ, но въ ней преобладаетъ компилятивный характеръ, тогда какъ для распространенія такого малоизвѣстнаго дѣла, какъ демонстраціи съ волшебнымъ фонаремъ, слѣдовало бы побольше ввести личнаго элемента, побольше дать такихъ манипуляцій, которыя были испробованы самимъ авторомъ, и описать эти манипуляціи подробнѣе и проще. Н. К—нъ.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ, съ распредѣленіемъ задачъ по типамъ, для начальныхъ народныхъ училищъ. Выпускъ I. Составленъ кружкомъ учителей Московскихъ городскихъ школъ. М. 1895 г. Ц. 15 к.

Содержаніемъ первой половины этого «Сборника» служатъ задачи

на числа перваго десятка, задачи на десятки и на числа первой сотни. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ въ началѣ даются задачи на сложеніе, потомъ на вычитаніе, далѣе на сложеніе и вычитаніе вмѣстѣ (сложныя), затѣмъ на умноженіе, дѣленіе, на умноженіе и дѣленіе вмѣстѣ и, наконецъ, общія задачи на 4 дѣйствія (сложныя); при этомъ замѣтимъ: если даются задачи, напр., на сложеніе, то онѣ приводятся здѣсь на всѣ случаи, требующіе примѣненія этого дѣйствія; если даются задачи на 4 дѣйствія (сложныя), то онѣ не различаются ни по многосложности, ни по сложнотрудности. Возьмемъ, для примѣра, изъ отдѣла на «всѣ четыре дѣйствія до 10» задачи подъ №№ 210 и 311: «Дровяникъ въ уплату за дрова получилъ 10 рублей и далъ 2 рубля сдачи. За сколько саженъ дровъ получилъ дровяникъ, если сажень дровъ цѣнилась въ 4 рубля?»—«Кругъ проволоки разрѣзали на 5 кусковъ: первый кусокъ отрѣзали длиною въ 10 аршинъ, второй въ 2 раза короче перваго, третій на 4 аршина длиннѣе второго, четвертый въ 3 раза короче третьяго, а пятый въ 2 раза длиннѣе четвертаго, да еще 2 аршина. Какой длины былъ кусокъ проволоки?» Неужели въ настоящее время еще возможно предлагать такія задачи малолѣтнему учащемуся, 7-ми или 8-ми лѣтъ, и притомъ только начинающему учиться грамматикѣ?! Вѣдь онъ не только не рѣшитъ этихъ задачъ, но и не запомнитъ ихъ, чтобъ повторить! Очевидно, существенная ошибка гг. составителей «Сборника» состоитъ въ томъ, что они умѣнью учащихся рѣшать задачи придаютъ первостепенное значеніе даже въ началѣ, во время такого прохожденія курса, когда на задачахъ вырабатываются только главнѣйшія ариѳметическія представленія и пріобрѣтаются такія умѣнья, какъ умѣнье производить дѣйствія въ объемѣ таблицъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія. Что высказанное сейчасъ нами утвержденіе объ ошибкѣ гг. составителей безусловно вѣрно, доказываетъ дальнѣйшее содержаніе «Сборника»: бóльшая половина второй части его занята XIV типами задачъ. Познакомимся съ нѣкоторыми типическими задачами. Типъ III—№ 557. «Птичникъ привезъ на рынокъ куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, всего 100 штукъ. Куръ было на 5 больше, чѣмъ гусей, утокъ на 9 больше куръ, а индѣекъ на 11 меньше гусей. Сколько тѣхъ и другихъ птицъ было привезено на рынокъ птичникомъ?»—№ 559. «За 3 фунта орѣховъ и 4 фунта подсолнечныхъ сѣмянъ заплатили 68 коп. Сколько стоитъ 1 фунтъ орѣховъ и фунтъ подсолнечныхъ сѣмянъ, если фунтъ орѣховъ дороже подсолнечниковъ на 4 коп.?» Типъ V—№ 577. «Куплено черное и синее сукно и заплочено за все 87 рублей; аршинъ чернаго сукна стоитъ 4 рубля, а аршинъ синяго 5 рублей. Сколько аршинъ чернаго и синяго сукна было куплено, если извѣстно, что

чернаго на 6 аршинъ куплено больше, чѣмъ синяго?» Типъ VII—№ 600. «Два мясника купили на общія деньги 15 барановъ; одинъ далъ 25 рублей, а другой въ 2 раза больше. Сколько барановъ купилъ каждый изъ нихъ?» Типъ IX—№ 621. «Три извозчика купили 99 мѣръ овса и раздѣлили между собою такъ: первый получилъ вдвое болѣе второго, третій втрое больше перваго. Сколько мѣръ получилъ каждый?» Типъ X—№ 627. «Чтобы выкачать воду изъ цилиндра, поставили два насоса; однимъ насосомъ выкачивали въ минуту 5 ведеръ воды, а другимъ—7 ведеръ; при выкачиваніи вода прибывала изъ ключа по 4 ведра въ каждую минуту. Во сколько времени выкачаютъ весь колодезь, если въ немъ было 54 ведра воды?» Въ такомъ родѣ даются задачи и на другіе типы: на встрѣчи, смѣсь, сравненіе, одинъ догоняетъ другого и пр. Интересно еще разсмотрѣть хоть двѣ задачи, данныя на повтореніе этого курса. Напр., № 752. «Торговецъ купилъ нѣсколько пудовъ сахару по 5 рублей пудъ. При перевозкѣ 3 пуда сахару подмокло и не пошло въ продажу; продавъ остальной сахаръ по 7 рублей пудъ, онъ не только покрылъ убытокъ, но получилъ 17 рублей чистой прибыли. Сколько пудовъ сахару было куплено торговцемъ?» Не будемъ говорить подробно о томъ, что «Распредѣленіе задачъ по типамъ» вообще для учащихся, которые проходятъ четыре дѣйствія надъ числами первой сотни, нельзя не считать мало полезнымъ занятіемъ, вслѣдствіе тѣхъ цѣлей, которыя ставятся этому курсу и о которыхъ мы упоминали выше; внесеніе-же въ «Распредѣленіе» указанныхъ нами типовъ задачъ алгебраическаго характера съ нѣсколькими неизвѣстными прямо надо считать чистѣйшимъ абсурдомъ. Рѣшать такого рода задачи съ большинствомъ учениковъ, изучившихъ даже дѣйствія съ числами любой величины, совершенно безполезно для ихъ развитія, потому что ни воображеніе, ни сужденіе, ни діалектическое развитіе рѣчи для этого въ достаточной степени у нихъ не работаютъ. Въ концѣ «Сборника» на 16-ти страницахъ даны примѣры для упражненій учениковъ въ вычисленіи. Этихъ примѣровъ на каждый случай приведено почти по одному, такъ что они могутъ служить развѣ лишь образцомъ для учащихъ, для практики-же учащихся такого незначительнаго количества примѣровъ недостаточно.

Всматриваясь глубже въ основы этого «Сборника», мы видимъ, что онъ—новая погудка на старый ладъ. Задачи, помѣщаемыя обыкновенно въ ариѳметическихъ задачникахъ стараго типа (по методѣ изученія чиселъ), въ разбираемомъ «Сборникѣ» «распредѣляются», подгоняются, по возможности, сообразно методамъ новѣйшаго преподаванія ариѳметики. Къ сожалѣнію, такая попытка и остается неудачною попыткою, потому что, употребляя этотъ «Сборникъ» при

прохожденіи начальнаго курса ариѳметики и обрабатывая его методически, не возможно было-бы воспользоваться ни основаніями сущности изучаемаго предмета, ни свойствами душевной дѣятельности учащагося,—словомъ, явилось-бы отсутствіе возможности пользоваться психологическимъ методомъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ при правильномъ обученіи. Мы потому остановились на этомъ «Сборникѣ», что если-бы кто-либо соблазнился заглавіемъ его и, по неопытности, сталъ работать съ нимъ въ школѣ, то кромѣ мученія для учащаго и мученія и вреда для учащихся другого ничего не получилось-бы, на что мы и обращаемъ особое вниманіе.

Н. З.

Печать Цезаря. Историческій романъ Альфреда Рамбо. Премировано французской академіей наукъ. Цѣна 50 коп. 1897 г. 135 стр. (Библіотека журнала «Всходы»).

Разсказъ ведется отъ лица героя. Описывается Галлія въ эпоху завоеванія ея римлянами. На рѣчкѣ Касторъ, недалеко отъ г. Лютеціи (нынѣ Парижъ), находилось поселеніе Рошъ Гризъ паризовъ, самаго славнаго изъ всѣхъ гальскихъ племенъ. Предводитель ихъ, кромѣ Рошъ Гриза, владѣлъ другими поселеніями и обширными землями, множествомъ рабовъ и крестьянъ. Сынъ его растетъ среди простой первобытной обстановки воинственнаго племени: домъ его покрытъ соломой и украшенъ черепами враговъ и дикихъ звѣрей, стѣны увѣшаны копьями и мечами, шлемами и щитами, въ сундукахъ хранятся драгоцѣнные кубки и кувшины, блюда и вазы—все это сокровища, добытыя на войнѣ отцомъ и дѣдомъ. Сборы отца и дружины на войну, разсказы о его подвигахъ, пѣсни стараго слѣпого пѣвца, въ которыхъ воспѣвается удаль предковъ,—все это возбуждаетъ въ юношѣ воинственный духъ отваги и жажды подвиговъ. Онъ съ младенчества уже учился владѣть копьемъ и мечомъ, стрѣлять изъ лука, ѣздить на конѣ, охотиться, ловить рыбу. На семнадцатомъ году юноша становится настоящимъ воиномъ и отправляется въ походъ. Въ это именно время римляне начали войну съ галлами подъ предводительствомъ Цезаря. Вся страна взволновалась и поднялась на защиту родины и свободы. Отецъ юноши погибаетъ въ стычкѣ, сынъ и народъ устраиваютъ пышныя похороны; старые слуги отца и жена его идутъ добровольно въ могилу и надъ ними насыпается высокій курганъ. Венестосъ ведетъ паризовъ, подъ начальствомъ общаго знаменитаго предводителя, противъ римскихъ легіоновъ. Въ одинъ изъ походовъ Венестосъ встрѣчаетъ женщину-амазонку, дочь одного изъ предводителей, преслѣдуемыхъ Цезаремъ; онъ привозитъ ее въ свой домъ и поручаетъ ей управленіе имъ, а самъ

отправляется на новые подвиги. Борьба за независимость разгорается сильнѣе, римляне все подвигаются впередъ, хотя временами и они терпятъ пораженія. Въ одной битвѣ Венестосъ напалъ на знатнаго римскаго военачальника, свалилъ его съ лошади, выхватилъ мечъ и готовъ былъ убить его, но подоспѣли римляне и освободили плѣнника. Въ рукахъ Венестоса остался лишь перстень съ печатью Цезаря.

Война окончилась полнымъ пораженіемъ галловъ. Главный предводитель ихъ попалъ въ плѣнъ, Венестосъ остался раненымъ на полѣ битвы. Очнувшись, онъ вспомнилъ о своей невѣстѣ, которая принимала участіе въ послѣднемъ сраженіи. Не найдя ея между убитыми, онъ отправился къ римлянамъ и просилъ допустить его къ Цезарю. Амбіорига оказалась въ плѣну. Цезарь велѣлъ отпустить ее, когда Венестосъ показалъ ему перстень съ его печатью. Черезъ годъ Цезарь потребовалъ Венестоса на службу, далъ ему начальство надъ гальскими войсками, которыя повелъ противъ возставшихъ римскихъ легіоновъ въ Грецію, затѣмъ въ Африку и Испанію. Галлы дрались какъ львы подъ знаменами Цезаря; въ концѣ концовъ они подчинились обаянію этого полководца и искренно сожалѣли о его смерти. Для дѣтей, знакомыхъ съ исторіей, эта книга очень интересна; она даетъ ясное понятіе о нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и о природѣ древней Галліи; передъ читателемъ встаютъ яркіе поэтическіе образы гальскихъ женщинъ—нѣжной, кроткой Эпонимы и мужественной красавицы Амбіориги; какъ живые представляются старые барды и друиды, воины, герои-предводители; да и личность самого Цезаря, хотя онъ и очерченъ лишь кратко, выясняется передъ читателемъ.

Р. Киплингъ. Смѣлые мореплаватели. Цѣна 25 к. Спб. 1897 г. (Библіотека журнала «Всходы»).

Гарвей Ченъ, единственный сынъ милліонера, избалованный, болѣзненный, въ 15 лѣтъ уже пресыщенный жизнью мальчикъ, во время путешествія упалъ за бортъ парохода въ море, но былъ спасенъ случайно проѣзжавшимъ рыбакомъ. Гарвей долженъ былъ поневолѣ остаться среди рыбаковъ и вести такую-же жизнь, какъ и они. Эта трудовая жизнь среди честныхъ рабочихъ людей совершенно переродила Гарвея: онъ окрѣпъ физически, привыкъ работать, относиться съ уваженіемъ къ рабочимъ людямъ и вернулся домой совершенно инымъ человѣкомъ.

Книжку можно рекомендовать для чтенія дѣтямъ, особенно мальчикамъ, которымъ она навѣрное понравится благодаря живому и талантливому изложенію.

Каниве. Дитя моря. Премировано франц. акад. наукъ. Цѣна 25 к. Спб. 1897 г. (Библіотека журнала «Всходы»).

Рыбакъ Ланглуа спасъ послѣ кораблекрушенія маленькаго ребенка, единственнаго уцѣлѣвшаго пассажира, и пріютилъ его. Мальчикъ выросъ въ семьѣ рыбака, какъ родной; но когда старшіе сыновья Ланглуа подросли и стали недружелюбно относиться къ пріемышу, рыбакъ отдалъ его въ ученье къ своему товарищу. Послѣ смерти Ланглуа и старшихъ сыновей, внезапно утонувшихъ во время бури, мальчикъ сталъ опорой семьи. Чтобы заработать больше средствъ, онъ уѣхалъ на Ньюфаундлендъ. Его оклеветали, обвинили въ воровствѣ и предали суду. Но невинность его была доказана, онъ съ торжествомъ возвратился домой и женился на дочери своего пріемнаго отца.

Библіотека журнала «Всходы».

Журналъ для дѣтей «Всходы» выходитъ два раза въ мѣсяцъ— одинъ разъ книгой большого формата, другой—небольшой книжкой, содержащей въ себѣ какое-либо одно произведеніе—беллетристическое или научно-популярное.

Эти-то небольшія по формату, но содержащія въ себѣ по 8—10 листовъ, книжки составляютъ «Библіотеку Всходовъ» и продаются отдѣльно—отъ 25 к. до 65 к. каждая.

Содержаніе «Библіотеки Всходовъ» очень разнообразное: тутъ и повѣсти, и историческіе разсказы; много путешествій и естественно-научныхъ статей.

Подборъ матеріала сдѣланъ по большей части очень удачно, но нельзя не пожалѣть, что статьи предлагаются исключительно переводныя или передѣланныя съ иностраннаго. По характеру содержанія большая часть книжекъ «Библіотеки Всходовъ» подходитъ для дѣтей лѣтъ 12—14 и только очень немногія, какъ, напр., «Міръ животныхъ» или «Похожденія Тима», годятся и для младшаго возраста—лѣтъ 8—10. Таковы беллетристическія произведенія «Всходовъ», въ другой разъ мы укажемъ наиболѣе выдающіяся изъ книгъ популярно-научнаго характера.

Чудныя ночи. Рождественскіе и пасхальные разсказы и очерки. К. С. Баранцевича. Изд. редакціи «Дѣтск. Чтеніе». Москва. 1899 г. Ц. 45 к. 123 стр.

Разсказы написаны по шаблону: жестокія сердца смягчаются и обращаются къ добру; безсердечный закладчикъ рѣшаетъ бросить

свои дѣла; старый богачъ-дѣлецъ, не любящій никого и ничего на свѣтѣ, загубившій жизнь своей молодой жены, проникается жалостью къ подкинутому ребенку; старикъ ученый, весь ушедшій въ книги, вдругъ исполняется сознаніемъ безполезности своей эгоистической жизни и рѣшаетъ пріютить у себя мальчика, родственника своей служанки, и т. д. Всѣ эти метаморфозы совершаются непремѣнно въ Рождественскую или Пасхальную ночь. Всѣ разсказы написаны, какъ на заказъ, по мѣркѣ, звучатъ въ одинъ тонъ. Исключеніе составляетъ разсказъ «Освобожденіе», въ которомъ отецъ, неутѣшно горюющій объ умершемъ сынѣ, ждетъ смерти, какъ освобожденія отъ невыносимыхъ страданій, и радостно встрѣчаетъ ее во время пасхальной заутрени. Разсказъ производитъ впечатлѣніе, но мотивъ его черезчуръ безотраденъ и потому не желателенъ въ дѣтской книгѣ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

Забота о физическомъ развитии и здоровьѣ учащихся. — Значеніе школьныхъ врачей.—Вопросъ о переутомленіи.—Психологическое изслѣдованіе учащихся.—Проектъ педагого-психологической лабораторіи и учрежденія при школахъ консультантовъ-психологовъ.

Вопросъ о болѣе правильной постановкѣ физическаго образованія и объ охраненіи здоровья учащихся занимаетъ важное мѣсто въ иностранной педагогической литературѣ. Конечно, на первомъ планѣ стоитъ такъ давно занимающій вниманіе вопросъ о переутомленіи учащихся. Это переутомленіе происходитъ отъ различныхъ причинъ: отъ несоблюденія школой гигіеническихъ требованій, отъ слишкомъ большого количества знаній, которыя стараются вложить ученику въ наивозможно кратчайшій срокъ, отъ неправильнаго распредѣленія занятій въ школѣ и дома и неправильной смѣны труда и отдыха. Для улучшенія положенія дѣла давно уже предлагаются различныя мѣры. Обыкновенно указываютъ на необходимость уменьшенія числа уроковъ въ школѣ и на дому, сокращеніе продолжительности каждаго отдѣльнаго урока и увеличеніе промежутковъ между ними. Всѣ такія мѣры предлагаются и докторомъ Браномъ, о статьѣ котораго въ медицинскомъ журналѣ помѣщена замѣтка въ «Neue Bahnen». Докторъ Бранъ считаетъ необходимымъ, чтобы продолжительность урока для дѣтей 6-ти—9-ти-лѣтняго возраста не превышала 20-ти, 25-ти минутъ; для 9—12-ти-лѣтняго—30, 35 минутъ и для старшаго возраста—50. До девяти-лѣтняго возраста число уроковъ не должно быть больше трехъ, до 12 лѣтъ—отъ 3-хъ до 4-хъ и только послѣ 12 лѣтъ можно прибавить еще одинъ урокъ. Распредѣленіе уроковъ должно сообразоваться со степенью ихъ трудности. На математику отводятся первые часы, затѣмъ идутъ языки и, наконецъ, исторія, географія и искусства. Въ концѣ учебныхъ занятій—гимнастика, упражненія въ которой никогда не должны вестись между уроками другихъ предметовъ. Кромѣ болѣе правильнаго распредѣленія работы и отдыха въ дни занятій, желательно было-бы и болѣе равномѣрное распредѣленіе вакацій среди учебнаго года.

Среди этихъ положеній, не представляющихъ никакой новизны, особенно интересно одно требованіе доктора Брана. Для того, чтобы школьное ученье не отражалось вредно на здоровьѣ учащихся, онъ признаетъ необходимымъ раздѣлить учениковъ на группы по ихъ способностямъ и силамъ. Слабосильные, малоспособные, нервные ученики должны быть выдѣлены въ от-

дѣльныя группы, и весь ходъ обученія съ каждой группой долженъ быть различный. И, дѣйствительно, всякій, кому приходилось присматриваться къ различію способностей и силъ учениковъ въ одномъ многолюдномъ классѣ, согласится, что одна изъ главныхъ причинъ переутомленія—неприноровленность общаго плана занятій къ способностямъ отдѣльныхъ личностей, да вдобавокъ еще при системѣ, сильно возбуждающей самолюбіе и честолюбіе. Неглупый, способный, но болѣзненный мальчикъ не выноситъ безъ вреда для здоровья тѣхъ занятій, которыя по плечу одинаково съ нимъ развитому умственно, но вполнѣ здоровому тѣлесно товарищу; тупой, но старательный и самолюбивый ученикъ надрываетъ свои силы, работая надъ непосильнымъ для него матеріаломъ, разсчитаннымъ, конечно, на способности, не ниже, а иногда и выше, среднихъ. Конечно, общій ходъ дѣла не можетъ быть приноровленъ къ отдѣльнымъ личностямъ, но что-же дѣлать съ этими дѣтьми, слабыми здоровьемъ, но одаренными способностями, и съ медленно развивающимися умственно учениками, которые все-же нуждаются въ образованіи, могутъ вынести изъ школы много полезнаго, если только не будутъ подведены подъ общій уровень, не будутъ мучаться безплодно надъ тѣмъ, что имъ не по силамъ? Въ заключеніе докторъ Бранъ указываетъ на необходимость участія въ дѣлѣ школы школьнаго врача, опытныхъ психологовъ.

Вопросъ о школьныхъ врачахъ былъ поднятъ на 25-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ врачей. Референтъ, докторъ Тиршъ изъ Лейпцига, въ своемъ докладѣ указываетъ на громадное значеніе школьнаго врача и такъ опредѣляетъ его роль въ дѣлѣ школы. Содѣйствіе врача необходимо во всѣхъ школьно-гигіеническихъ вопросахъ. Врачи должны утверждать планы школьныхъ зданій, надзирать за соблюденіемъ гигіеническихъ условій и правильной школьной обстановки. Въ большихъ городахъ необходимо имѣть оффиціально назначаемыхъ школьныхъ врачей, которые должны слѣдить не только за санитарнымъ состояніемъ школы, но и за всѣмъ ходомъ школьной жизни.

Они должны принимать участіе въ распредѣленіи уроковъ, въ размѣщеніи учениковъ въ классахъ и т. п. Для того, чтобы дѣятельность школьныхъ врачей не шла въ разрѣзъ съ дѣятельностью учителя, необходимо, чтобы учителя школъ всѣхъ родовъ были ближе знакомы съ вопросами гигіены. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи школьные врачи имѣютъ уже большое вліяніе на школьное дѣло. Такъ, въ Саксоніи 1.000 школьныхъ зданій построена при участіи врачей; они обязательно постоянно посѣщаютъ школы и слѣдятъ за ихъ санитарнымъ состояніемъ. Но для того. чтобы дѣятельность школьнаго врача была плодотворна, необходимо, по мнѣнію референта, подготовить спеціальныхъ школьныхъ врачей, такъ какъ иной прекрасный дѣтскій докторъ можетъ оказаться плохимъ школьнымъ врачомъ.

Однако нѣкоторые нѣмецкіе педагоги скептически относятся къ такой роли врача въ жизни школы. Въ «N. В.» за февраль прошлаго года помѣщена по этому поводу статья, авторъ которой возстаетъ противъ слишкомъ усерднаго вмѣшательства школьнаго врача. По его понятіямъ, роль послѣдняго должна ограничиваться только надзоромъ за тѣмъ, чтобы школьное помѣщеніе, устройство его отопленія и освѣщенія соотвѣтствовали гигіеническимъ требованіемъ, равно и вся школьная обстановка и учебныя пособія. Затѣмъ онъ долженъ слѣдить за здоровьемъ учениковъ, изслѣдовать вновь поступающихъ: во время заразительныхъ заболѣваній удалять больныхъ на опредѣленный срокъ и, по просьбѣ завѣдующаго школой, посѣщать больныхъ на дому и сообщать о ихъ положеніи. Что-же касается до внутренней жизни

школы, то здѣсь школьному врачу должно быть отведено очень скромное мѣсто. Такіе вопросы, какъ составленіе плана занятій, распредѣленіе мѣстъ учениковъ въ классѣ, контроль надъ чистотой и вентиляціей класса—ближе всего касаются учителя, а не врача.

Если поставить на первомъ планѣ чисто гигіеническія требованія, то придется ради нихъ жертвовать многимъ. Конечно, желательно, напримѣръ, чтобы школьное зданіе удовлетворяло всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ гигіены, но тамъ, гдѣ средства не позволяютъ этого, можно довольствоваться и меньшимъ. Если даже въ такихъ вопросахъ приходится считаться съ обстоятельствами, съ мѣстными условіями, то во внутренней жизни школы учителю приходится принимать во вниманіе многое, и что для школьнаго врача показалось-бы второстепеннымъ, для педагога можетъ имѣть большое значеніе. Школьному врачу долженъ быть предоставленъ только санитарный надзоръ, онъ долженъ быть совѣтникомъ учителя въ гигіеническихъ вопросахъ, но не вмѣшиваться въ методическіе и воспитательные вопросы. Даже такой, казалось-бы, прямо входящій въ область вѣдѣнія школьнаго врача вопросъ, какъ переутомленіе учащихся, можетъ быть разсматриваемъ съ совсѣмъ особой, воспитательной точки зрѣнія, какъ это доказываетъ въ статьѣ, помѣщенной въ нѣмецкой медицинской газетѣ, одинъ берлинскій докторъ. Выдержка изъ этой статьи тоже помѣщена въ «N. B.». Докторъ этотъ утверждаетъ, что обвиненіе школы въ томъ, что она переутомляетъ учениковъ, часто несправедливо преувеличено. Ученики учебныхъ заведеній, помѣщающихся въ крупныхъ центрахъ, переутомляются часто вслѣдствіе неправильной жизни, которую они ведутъ съ дѣтства, неблагопріятной домашней обстановки, многихъ не подходящихъ къ ихъ возрасту развлеченій, которыми такъ богаты столицы. Очень рано дѣтей начинаютъ возить по театрамъ, концертамъ, циркамъ, собраніямъ. Они ложатся поздно, не высыпаются, приходятъ въ классъ утомленные, вялые, безъ энергіи и охоты къ ученью. Вопросъ о переутомленіи, такимъ образомъ, часто сводится къ вопросу о ненормальной домашней жизни, о плохомъ воспитаніи. Чтобы удостовѣриться, насколько школьныя занятія утомляютъ ученика, необходимо ближе ознакомиться съ личностью каждаго ученика, съ его домашней обстановкой, узнать, какъ отражается на его внѣклассной жизни школьная работа, сколько тратится имъ силы на домашнюю подготовку, однимъ словомъ—войти въ сношенія съ его семьей.

Съ этой цѣлью, напр., въ Америкѣ (въ Иллинойсѣ) предсѣдателемъ школьнаго совѣта были разосланы родителямъ всѣхъ учениковъ вопросные листы со слѣдующими вопросами: Имя ученика. Нѣтъ-ли у него слабости зрѣнія? слуха? Позволяетъ-ли его здоровье регулярно выполнять школьныя работы? Просятъ дать подробныя свѣдѣнія объ аппетитѣ, пищевареніи, головныхъ боляхъ и т. п., что можетъ вліять на занятія ученика. Занимается-ли онъ физическими упражненіями? Много-ли у него свободнаго времени? Какъ онъ его проводитъ? Не думаете-ли вы, что учитель требуетъ слишкомъ многаго отъ ученика? Не полезно-ли было-бы вашему сыну употреблять большее количество времени на учебныя занятія? Сколько времени онъ употребляетъ на приготовленіе уроковъ? Укажите все, что, по вашему мнѣнію, учитель могъ-бы сдѣлать для пользы вашего сына (Revue pédagogique, апр., 1898).

Такимъ путемъ у учителя составится ясное понятіе о здоровьѣ ученика, объ особенностяхъ его организма, объ его отношеніи къ работѣ.

Но не только съ этой стороны долженъ быть изслѣдованъ ученикъ. Вопросъ о большей индивидуализаціи школьнаго обученія также озабочиваетъ школу нашего времени. Изслѣдовать, изучить ребенка, не только какъ ученика, но какъ личность, отличающуюся отъ всѣхъ остальныхъ особыми, ему свойственными чертами,—вотъ нелегкая задача, которая все съ возрастающею требовательностью ставится учителю. Французы, придающіе такъ много значенія слову, фразѣ, окрестили это подробное изслѣдованіе личности отдѣльнаго ученика новымъ словомъ: «педологія», «pedologie»; Э. Пети, въ статьѣ Ames d'ecoliers, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Revue pedagogique», говоритъ по этому поводу: «Чтобы влiять на душу, надо знать ее. Въ этомъ весь секретъ «педологіи». Онъ старъ, конечно. Наши предки уже обладали имъ, но не умѣли дать ему имя. Мы создали въ честь его неологизмъ, будемъ-же проводить его въ жизнь съ честолюбіемъ новаторовъ, которые все-же сдѣлали изобрѣтеніе, хотя бы и грамматическое. Дѣйствительно, установить какую-нибудь теорію и дать ей имя—значитъ уже сдѣлать что-нибудь. Пусть она вѣками практиковалась, но на нее не обращали вниманія. Теперь она не пройдетъ незамѣченной: у нея есть своя этикетка. Она классифицирована».

Что-же такое эта новоизобрѣтенная педологія? Это наблюденіе за способностями, чертами характера, поступками, жизнью отдѣльнаго ученика. Въ своей статьѣ Пети указываетъ на интересный матеріалъ, относящійся къ данному вопросу, хранящійся въ педагогическомъ музеѣ Ниццы. Матеріалъ этотъ заключается пока въ двухъ томахъ сборника, въ которомъ помѣщена пятьдесятъ одна работа учителей начальныхъ училищъ, произведенная ими по просьбѣ инспектора начальнаго образованія, г-на Бутьера. Въ своемъ циркулярѣ г. Бутьеръ такъ выяснялъ желательный характеръ этихъ работъ: «Я желалъ-бы, чтобы каждый учитель набросалъ психологическій этюдъ одного изъ своихъ учениковъ по собственному выбору. Этюдъ этотъ долженъ составиться изъ замѣтокъ, записываемыхъ каждый день. Желательно знать возрастъ ученика, изучить среду, въ которой онъ живетъ, близко ознакомиться съ его отношеніями къ родителямъ, учителямъ, товарищамъ; указать его наклонности, недостатки, хорошія качества, прослѣдить за ходомъ его умственнаго развитія; указать на встрѣчаемыя имъ затрудненія, — тѣ, которыя онъ легко преодолѣваетъ, которыя задерживаютъ его, и тѣ, съ которыми онъ не можетъ справиться. Чтобы работа не имѣла отвлеченнаго характера, желательно приводить возможно большее количество фактовъ».— Собранный такимъ способомъ матеріалъ, по словамъ Пети, представляетъ большой интересъ. Нѣкоторые изъ учителей съ большимъ умѣньемъ, терпѣньемъ, настойчивостью и вдумчивостью слѣдили за каждымъ шагомъ избраннаго ими ученика, основательно изучали его характеръ, подмѣчали и записывали малѣйшія подробности какъ желательныхъ, такъ и не желательныхъ свойствъ и въ силу такого подробнаго изученія мало-по-малу находили способъ вліянія на него, путь къ его сердцу. Но, конечно, для достиженія такихъ результатовъ необходимы недюжинныя способности къ наблюденію, умѣнье войти въ близкія сношенія съ ребенкомъ, умѣнье воспользоваться накопленнымъ матеріаломъ, необходимъ, однимъ словомъ, педагогическій талантъ, педагогическій тактъ. Никто не въ правѣ требовать и ожидать этого отъ каждаго учителя. Но и одно постоянное наблюденіе, ежедневная, послѣдовательная передача самыхъ мелкихъ фактовъ жизни одного ученика день за днемъ, годъ за годомъ имѣетъ, по мнѣнію автора статьи, большое значеніе, какъ сырой матеріалъ для дальнѣйшей педагогически-психологической обработки.

Хотя, думается, и наблюдать не всякій съумѣетъ; иной и добросовѣстный учитель, наблюдающій безъ всякой предвзятой мысли (а и это можетъ быть, подъ первымъ благопріятнымъ или неблагопріятнымъ для ученика впечатлѣніемъ), можетъ видѣть факты не такъ, какъ они происходятъ въ дѣйствительности, можетъ подмѣтить поступокъ, но не понять его мотива или чувства, которое сопутствовало дѣйствію. Не говоримъ уже о болѣе или менѣе умѣлой передачѣ и правильномъ освѣщеніи поступка. Но все-таки, какъ сырой матеріалъ, подобныя записи могутъ имѣть большое значеніе, хотя-бы для проектируемыхъ педагогическихъ лабораторій.

Въ собраніи Вѣнскаго педагогическаго общества, бывшемъ въ ноябрѣ 1897 года, докторомъ Вендтомъ былъ представленъ докладъ, касающійся педагого-психологическихъ лабораторій. Референтъ, указывая на значеніе психологическихъ лабораторій, творцомъ которыхъ считается Вундтъ, заявляетъ, что эти лабораторіи недостаточно удовлетворяютъ педагогическимъ цѣлямъ, и проектируетъ основаніе особыхъ педагого-психологическихъ лабораторій, цѣль которыхъ должна заключаться въ развитіи педагогики, какъ науки, въ примѣненіи къ ней новѣйшихъ научныхъ методовъ и въ особенности въ производствѣ педагогическихъ экспериментовъ (наблюденій?). Подобныя лабораторіи желательно устраивать при учрежденіяхъ, подготовляющихъ учителей и учительницъ, и при педагогическихъ обществахъ; такимъ образомъ воспитанники учительскихъ семинарій, подготовляющіеся къ учительской дѣятельности, а затѣмъ и сами учителя-практики всегда будутъ въ состояніи слѣдить за результатами новѣйшей экспериментальной,—вѣрнѣе было-бы сказать: наблюдательной,—педагогики. Въ этихъ лабораторіяхъ они могутъ ознакомиться изъ трудовъ гигіенистовъ и школьныхъ врачей съ отправленіями нервной системы и органовъ чувствъ, наглядно ознакомятся съ микроскопическими и бактеріологическими изслѣдованіями и пріобрѣтутъ свѣдѣнія о многомъ, что вредитъ здоровью ребенка и вредно отражается на его духовной дѣятельности.

Но самой главной задачей лабораторіи будетъ рядъ педагогически-психологическихъ наблюденій и изслѣдованій учащихся. Дѣятельность органовъ чувствъ, какъ посредниковъ между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ, подвергнется особенно внимательному изслѣдованію. Необходимо опредѣлить, насколько ребенокъ улавливаетъ отличительные признаки предметовъ, ихъ привлекательность, промежутки времени между явленіями. Затѣмъ изслѣдуется степень способности воспріятія учениками красокъ, формъ, тоновъ, ритма; опредѣляется присутствіе въ немъ элементовъ эстетическаго чувства— его отношеніе къ порядку, симметріи, такту, ритму, мелодіи стиха и т. п. Особенное вниманіе обращается на опредѣленіе умственнаго богатства ученика при вступленіи его въ школу и сравненіе съ тѣмъ, что пріобрѣтено имъ на дальнѣйшихъ ступеняхъ образованія.

Къ этимъ задачамъ лабораторіи присоединяется еще изслѣдованіе способности наблюденія, памяти, воображенія, стремленія къ дѣятельности, къ движенію. Интересно также провѣрить, насколько великъ запасъ словъ у вступающихъ въ школу учениковъ и насколько онъ увеличивается за годы обученія въ школѣ.

Особенное вниманіе будетъ обращено на дѣтей, представляющихъ уклоненія отъ нормы въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, на изслѣдованіе ихъ особенностей, съ цѣлью дать имъ возможность получить правильное, соотвѣтствующее ихъ способностямъ образованіе. Такимъ образомъ,

въ педагогическихъ лабораторіяхъ долженъ накопляться и приводиться въ порядокъ обширный и разносторонній матеріалъ, который дастъ возможность глубже познать натуру ребенка и дѣйствовать на него на основаніи выведенныхъ изъ научныхъ наблюденій правилъ и законовъ («N. В.», апрѣль, 1898 г.).

Съумѣетъ-ли только всякій учитель воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, который предоставятъ въ его распоряженіе лабораторіи? Е. Компerэ, авторъ очень интересной статьи о народномъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ, помѣщенной въ «Revue pédagogique» за декабрь 1898 г., указываетъ на старанія руководителей американскихъ школъ внушить учителямъ убѣжденіе въ громадномъ значеніи изученія индивидуальной психологіи. Однако, несмотря на обиліе собранныхъ наблюденій надъ отдѣльными фактами, получается очень мало обобщеній, выводовъ, еще меньше встрѣчается примѣненій новыхъ способовъ веденія дѣла. Одинъ изъ педагоговъ объясняетъ это тѣмъ, что между воспитателями и психологами нѣтъ единенія. Наблюдатель работаетъ въ своей лабораторіи, вдается въ спеціальныя изслѣдованія и не заботится о примѣненіи ихъ на практикѣ; учителю-же нужны именно обобщенія, выводы, практическіе результаты, а между тѣмъ ежедневный тяжелый трудъ учителя не даетъ ему возможности знакомиться съ подробными основательными изслѣдованіями психолога и самому дѣлать изъ нихъ выводы. Поэтому одинъ изъ педагоговъ предлагаетъ учредить особую должность «консультантовъ-психологовъ», которые были-бы близко знакомы со всѣми новѣйшими открытіями и изслѣдованіями въ области психологіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практически знакомы съ веденіемъ школьнаго дѣла. Такой консультантъ долженъ посѣщать психологическія лабораторіи, чтобы слѣдить за движеніемъ науки, узнавать новые методы изслѣдованія и выводы изъ нихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщать школы, какъ экспертъ, могущій дать просвѣщенный совѣтъ учителямъ. Онъ будетъ служить посредникомъ между теоретикомъ, у котораго нѣтъ времени заботиться о примѣненіи своихъ теорій, и практикомъ-учителемъ, часто вовсе незнакомымъ съ научными основаніями своей дѣятельности.

Такимъ образомъ, въ близкомъ будущемъ предполагается, что душа ребенка - ученика будетъ изслѣдована, изучена и воспитатель будетъ дѣйствовать не наугадъ, не ощупью, а на твердыхъ научныхъ основаніяхъ. Но невольно напрашивается вопросъ—замѣнитъ-ли добросовѣстное примѣненіе кропотливыхъ изслѣдованій талантъ педагога, можетъ-ли искусство воспитанія стать точной наукой, можетъ-ли великая тайна воздѣйствія одной души на другую быть измѣрена, взвѣшена и заключена въ опредѣленныя рамки теоріи?..

Просвѣтительныя организаціи въ Германіи.

(Письмо изъ Берлина).

Это будетъ, конечно, лишь трюизмомъ, если я начну съ того, что Германія значительно опередила наше отечество въ дѣлѣ распространенія образованія въ народѣ. Но это сравненіе невольно напрашивается подъ перо, когда подумаешь о просвѣтительныхъ организаціяхъ въ Германіи. У насъ еще только говорятъ о необходимости введенія обязательнаго для всѣхъ обученія,

а Германія не только пользуется уже плодами подобной реформы, но и стоитъ на рубежѣ введенія обязательнаго внѣ-школьнаго образованія для подростковъ моложе 18-ти лѣтъ. У насъ печать, обыкновенно, съ восторгомъ отмѣчаетъ открытіе каждой новой народной библіотечки или воскресной школы, не замѣчая подчасъ, какъ ничтоженъ % открываемыхъ школъ и библіотекъ по отношенію къ числу необходимыхъ для всей необъятной Россіи просвѣтительныхъ институтовъ. А въ Германіи дѣло организаціи библіотекъ для народа поставлено на самыхъ широкихъ и прочныхъ основаніяхъ, при чемъ передовые дѣятели отказались отъ мысли о необходимости для народа особой «народной» литературы, такъ какъ убѣдились, что народу доступны, при извѣстныхъ условіяхъ, произведенія классиковъ и выдающихся нѣмецкихъ писателей. И въ то время какъ у насъ только въ самое послѣднее время получили право гражданства народныя чтенія, и то далеко не въ должныхъ размѣрахъ,—въ Германіи идетъ уже рѣчь объ учрежденіи народныхъ университетовъ и объ устройствѣ систематическихъ курсовъ. Въ Германіи не отрицаютъ пользы народныхъ чтеній и отдѣльныхъ лекцій для народа, готовы поддерживать и впредь эти полезные институты; но опытъ показалъ, что чтеній и лекцій уже не достаточно. Подобныя лекціи лишь возбуждаютъ въ слушателяхъ интересъ къ знаніямъ, но не даютъ имъ таковыхъ. Поэтому необходимо устраивать для народа регулярные курсы по предметамъ какъ средняго, такъ и высшаго университетскаго образованія. О тѣхъ систематическихъ курсахъ, которые были до сихъ поръ организованы въ Германіи университетами, какъ автономными корпораціями, или университетскими доцентами, я уже имѣлъ случай говорить на страницахъ «Русской Школы». Теперь я познакомлю читателей съ систематическими курсами другого типа и съ наиболѣе плодотворными просвѣтительными организаціями въ Германіи, хотя далеко не всѣми.

На первомъ мѣстѣ я долженъ поставить такъ-называемую Гумбольдтовскую академію въ Берлинѣ. Она основана ровно двадцать лѣтъ назадъ и названа Гумбольдтовской въ честь великаго ученаго Александра фонъ-Гумбольдта, который въ началѣ истекающаго столѣтія читалъ вмѣстѣ съ Фихте публичныя лекціи «о высшихъ проблемахъ жизни природы и человѣка». Съ самаго начала своего существованія Гумбольдтовская академія преслѣдовала лишь одну цѣль: способствовать дальнѣйшему образованію и развитію среднихъ классовъ населенія. Лица, руководившія академіей, задавались не разъ мыслью о подготовкѣ разносторонне-образованныхъ общественныхъ дѣятелей или даже объ организаціи второго берлинскаго университета; но опытъ показалъ, что академія можетъ лишь удовлетворить жаждѣ знаній у лицъ, которыя не прошли курса средне-учебныхъ заведеній и лишены возможности поступить въ университетъ. Въ Гумбольдтовскую академію поступали многія лица, свободныя лишь по вечерамъ, поступали дамы и дѣвушки, доступъ которымъ въ университетскія аудиторіи былъ совершенно прегражденъ. Контингентъ слушателей былъ въ академіи постоянно довольно большой, такъ что по приблизительному подсчету за все время существованія академіи около 1.400 цикловъ лекцій были прослушаны приблизительно 35.000 лицами обоего пола, съ начала девятидесятыхъ годовъ, большей частью, женщинами. Я долженъ тутъ-же отмѣтить, что громадное большинство слушателей были представители или представительницы зажиточнаго класса, которые могли платить отъ 5 до 7 марокъ и больше за прослушаніе курса въ 10—12 лекцій. Рабочіе составляли до сихъ поръ лишь три % общаго числа слушателей, такъ какъ часы лекцій бывали постоянно

неудобны для рабочихъ, да и читались лекціи очень далеко отъ рабочихъ кварталовъ, не говоря уже о томъ, что лекціи бывали всегда приноровлены къ степени развитія слушателей изъ класса буржуазіи. Только въ самое послѣднее время, когда значительное число слушательницъ академіи получило возможность посѣщать университетскія лекціи, приняты были нѣкоторыя мѣры къ постепенному преобразованію Гумбольдтовской академіи въ народный университетъ. Съ рабочихъ, ремесленниковъ, чиновниковъ, учениць и учащихся стали взимать по 3 марки за право слушанія одного курса (обыкновенно-же взимается со слушателей 5 марокъ за одинъ курсъ, по 4 марки за каждый дальнѣйшій курсъ и по 6—7 марокъ за каждый двойной курсъ), и достаточно одного заявленія въ бюро академіи для того, чтобы плата совершенно не взималась съ заявившаго о своей нуждѣ слушателя. Но такъ какъ къ этому рѣшаются прибѣгнуть лишь немногіе и такъ какъ три марки все еще слишкомъ высокая плата для берлинскихъ рабочихъ, то число изъ среды слушателей академіи почти не увеличилось. Но въ общемъ контингентъ слушателей съ пониженіемъ платы увеличился, и въ прошломъ году дирекція пришлось озаботиться о наймѣ третьяго помѣщенія; именно большого зала «Architekten-Haus», въ то время какъ раньше лекціи читались въ актовыхъ залахъ двухъ реальныхъ училищъ, въ центрѣ города. Съ прошлой осени дирекціи наняла для чтенія лекцій еще два помѣщенія въ периферіи города, ближе къ предмѣстьямъ, но даже и здѣсь, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, большинство слушателей составляли не рабочіе и ремесленники, а народные учителя и учительницы, мелкіе торговцы, служащіе и т. п.

Учебный годъ въ Гумбольдтовской академіи дѣлится на четверти (кварталы), и въ закончившей къ Рождеству четверти 3.285 зарегистрованныхъ слушателей (на 735 чел. болѣе, чѣмъ годомъ раньше) имѣли возможность прослушать 101 циклъ лекцій по самымъ разнообразнымъ предметамъ и научнымъ дисциплинамъ. Въ текущемъ полугодіи академія насчитываетъ 44-хъ доцентовъ, мужчинъ и дамъ, среди которыхъ встрѣчаются имена нѣкоторыхъ лекторовъ берлинскаго университета, съ которымъ Гумбольдтовская академія все-же не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія.

Берлинскій лицей имени Викторіи («Victoria Lyceum») имѣетъ много общаго съ Гумбольдтовской академіей, такъ какъ и онъ предназначенъ исключительно для буржуазіи. И этотъ лицей не можетъ замѣнить университета или играть роль высшаго учебнаго заведенія, хотя среди преподавателей лицея встрѣчаются имена профессоровъ: Эриха Шмидта (историкъ литературы), Вальдейера (анатомъ), Кекуле, фонъ-Страдовица (знатокъ античнаго искусства), Блазіуса (естествоиспытатель), Ленца (историкъ) и др. Этотъ лицей отличается отъ Гумбольдтовской академіи прежде всего тѣмъ, что принимаются имъ исключительно слушательницы. Организованы систематическіе курсы въ этомъ лицеѣ такъ: утромъ—для дѣвушекъ, прошедшихъ лишь обязательный курсъ общинной школы (съ шестигодовымъ курсомъ, отъ 6 до 14 лѣтъ) или курсъ средней женской школы (Höhere Mädchen Schule); послѣ обѣда—для желающихъ расширить свои знанія учительницъ. Вечернія лекціи (за право слушанія каждой взимается одна марка) предназначены для всѣхъ желающихъ ихъ слушать дамъ. Этотъ лицей, основанный уже тридцать лѣтъ назадъ, процвѣталъ до самаго послѣдняго времени, когда, вслѣдствіе облегченія доступа женщинамъ въ берлинскій университетъ, аудиторіи лицея стали пустѣть. Бывшихъ слушательницъ

лицея привлекаютъ въ университетъ, съ одной стороны, новизна для нихъ академической обстановки, а съ другой стороны, имена лекторовъ, и въ недалекомъ будущемъ лицей имени Викторіи будетъ, вѣроятно, преобразованъ въ народный университетъ для женщинъ-рабочихъ и ремесленницъ.

Рабочіе устроили въ Берлинѣ свою высшую образовательную школу, такъ-называемую «Arbeiter Bildungsschule», основанную въ 1891 г. и пережившую за недолгое время своего существованія серьезные кризисы. По плану основателей школы, въ ней должны были читаться систематическіе курсы по естественнымъ наукамъ, политической экономіи, исторіи, правовѣдѣнію, литературѣ и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Но отсутствіе средствъ воспрепятствовало выполненію этой довольно обширной программы, и школа влачила весьма жалкое существованіе, пока ее не преобразовали, около двухъ лѣтъ назадъ, въ институтъ для подготовки рабочихъ-агитаторовъ. Школа представляетъ собою теперь союзъ, всѣ платящіе члены котораго имѣютъ право слушать читаемые курсы. И если этотъ союзъ имѣетъ теперь свыше 325 членовъ (плата въ мѣсяцъ 25 пфен.), то около 125 чел. не посѣщаютъ курсовъ, но довольствуются сознаніемъ того, что поддерживаютъ своими взносами школу. Посторонніе слушатели вносятъ за право слушанія отдѣльнаго курса одну марку. Наибольшій контингентъ слушателей-членовъ даютъ столяры, портные, печатники, слесаря, приказчики и швеи. Женщины пользуются равными правами, но являются въ меньшинствѣ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ читались и читаются слѣдующіе немногочисленные курсы: «Основы политической экономіи» (извѣстный публицистъ и общественный дѣятель д-ръ Конрадъ Шмидтъ), «Развитіе идеи о возникновеніи міра» (читаетъ д-ръ Борхартъ), «Исторія» (д-ръ Бертольдъ), «Правовѣдѣніе», «Торговая политика» (депутатъ и публицистъ Шиппель) и др. Каждый курсъ состоитъ изъ 10 лекцій, читаемыхъ одинъ разъ въ недѣлю по опредѣленнымъ днямъ, конечно, вечеромъ. Кромѣ того, слушатели школы подготовляются къ произнесенію публичныхъ рѣчей. Съ этой цѣлью они составляютъ и прочитываютъ одинъ разъ въ недѣлю рефераты по доступнымъ имъ экономическимъ вопросамъ. Дебатами руководитъ писатель Рихардъ Кальверъ. Школа эта обладаетъ и маленькой библіотекой въ 1.000 томовъ. Съ тѣхъ поръ какъ удалось путемъ взиманія членскихъ взносовъ и платы за право слушанія курсовъ покрывать расходы по школѣ, существованіе ея, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, обезпечено.

Весьма широка и плодотворна дѣятельность берлинскаго акціонернаго общества «Уранія», устраивающаго ежедневно въ столицѣ Германіи въ двухъ собственныхъ, превосходно обставленныхъ помѣщеніяхъ чтенія научно-популярныхъ лекцій, преимущественно по естественно-историческимъ наукамъ, и рефератовъ по научнымъ вопросамъ, имѣющимъ характеръ «злобы дня». Такъ, послѣ возвращенія Нансена изъ его послѣдняго путешествія, въ научномъ театрѣ прочитана была нѣсколько десятковъ разъ лекція «О борьбѣ за достиженіе сѣвернаго полюса». Раньше въ томъ-же научномъ театрѣ имѣла и имѣетъ еще и теперь большой успѣхъ лекція «О рентгеновскихъ лучахъ». На афишахъ можно встрѣтить заглавія и такихъ лекцій, какъ «Первобытныя времена человѣчества» или «Путешествіе по Австріи» (Швейцаріи, Скандинавіи и др. стр.), «Элементы атмосферы» (читалъ лондонскій профессоръ Рамсай), «По Востоку» и мн. др. Конечно, всѣ эти лекціи, читаемыя въ научномъ театрѣ, сопровождаются иллюстраціями на экранѣ и экспериментами. Систематическихъ курсовъ берлинская «Уранія» не устраи-

ваетъ, но въ аудиторіяхъ при старомъ или новомъ, недавно отстроенномъ, зданіи можно ежедневно прослушать отдѣльную лекцію по физикѣ или химіи (съ экспериментами), по геологіи (напр., о происхожденіи горъ), по астрономіи (напр., о Марсѣ, Юпитерѣ и Сатурнѣ), по технологіи (напр., о способахъ добыванія сахара) и т. п. Лекціи эти, каждая изъ которыхъ повторяется нѣсколько разъ въ теченіе опредѣленнаго времени, не имѣютъ непосредственной связи съ научнымъ театромъ и посѣщеніе ихъ оплачивается особо, какъ и осмотръ богатыхъ коллекцій (въ новомъ зданіи) или посѣщеніе обсерваторіи (въ старомъ зданіи). Нѣсколько большихъ залъ отведено подъ физическій, химическій, геологическій, астрономическій и др. кабинеты, гдѣ посѣтители могутъ не только пользоваться услугами спеціалистовъ, но и продѣлывать несложные опыты. Время отъ времени въ залахъ «Ураніи» устраиваются временныя выставки: напр., до-историческихъ предметовъ (оружіе, орудія, украшенія), моделей до-историческихъ животныхъ, или препарированныхъ мелкихъ животныхъ и пресмыкающихся, или хромоскоповъ и аппаратовъ, дающихъ цвѣтную фотографію.

Въ Берлинѣ организовалось недавно новое общество, называющееся «Künst Schaubühne»; оно устраиваетъ въ научномъ театрѣ стараго зданія «Ураніи» лекціи художественнаго содержанія. Евгеній Цабель читаетъ тамъ «О Москвѣ и ея художественныхъ сокровищахъ», а д-ръ Вреде «О вѣчномъ городѣ и художественныхъ богатствахъ стараго и новаго Рима». Д-ръ Мейеръ, основатель и долголѣтній директоръ «Ураніи», вынужденъ былъ недавно отказаться отъ руководства своимъ дѣтищемъ и затѣялъ основаніе новаго интернаціональнаго научно-театральнаго общества, которое поставило-бы себѣ задачей развивать любовь народа и всѣхъ образованныхъ людей къ природѣ путемъ художественно-обставленныхъ лекцій, и не только въ Германіи, но въ нѣсколькихъ странахъ одновременно. Многія выдающіяся силы уже привлечены къ этому дѣлу, и оно не должно было-бы пройти незамѣченнымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что д-ръ Мейеръ получалъ въ свое время письма изъ Петербурга и Москвы, въ которыхъ его просили устроить нѣчто въ родѣ «Ураніи» въ названныхъ городахъ или хотя-бы организовать лекціи.

Мой очеркъ будетъ не полонъ, если я обойду молчаніемъ все то, что сдѣлано и дѣлается въ Берлинѣ для ознакомленія народа съ искусствомъ и литературой. Конечно, я отмѣчу здѣсь лишь наиболѣе крупное, а сотню мелкихъ начинаній и опытовъ оставлю на этотъ разъ безъ вниманія. Всѣ музеи и картинныя галлереи, принадлежащіе въ Германіи государству или городамъ, доступны всѣмъ желающимъ, и если въ провинціи только 2—3 раза въ недѣлю (и обязательно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ) входъ безплатный, то въ Берлинѣ музеи и галлереи не взимаютъ платы съ посѣтителей въ теченіе круглаго года. Въ любомъ изъ музеевъ (а ихъ въ Берлинѣ свыше 15-ти) можно въ воскресные дни видѣть многихъ посѣтителей изъ народа, а въ дни большихъ праздниковъ администраціи музеевъ даже приходится запирать временно двери и устанавливать очередь. Частныя картинныя галлереи, въ которыхъ выставляются произведенія современныхъ мастеровъ кисти и рѣзца, народу недоступны изъ-за дороговизны платы за входъ. Поэтому въ Берлинѣ устроили теперь, по мысли д-ра Левенфельда, первую народную художественную выставку. Въ большомъ залѣ ратуши, любезно отведенномъ берлинскимъ магистратомъ, собрано около ста картинъ не лубочнаго производства или приторно-сентиментальнаго и шовинистически-національнаго содержанія,—нѣтъ!—около ста картинъ луч-

шихъ нѣмецкихъ мастеровъ. По воскреснымъ днямъ въ залъ впускали въ опредѣленные часы не болѣе 100 человѣкъ разомъ, и тотъ или другой изъ художниковъ или знатоковъ искусства объяснялъ собравшимся художественное значеніе картинъ, различіе существующихъ школъ и т. д. За входъ взималось всего лишь 20 пфениговъ; рабочіе союзы, являвшіеся цѣлыми корпораціями, получали еще скидку. Наплывъ народа былъ настолько великъ, что выставка была открыта значительно дольше, нежели сначала предполагалось. Въ настоящее время выставлена уже вторая серія картинъ.

Берлинскій «Шиллеръ-театръ», руководимый д-ромъ Левенфельдомъ, можно смѣло назвать народнымъ театромъ: при условіи прекрасной, хотя и не первостепенной труппы и при живомъ, разнообразномъ и интересномъ репертуарѣ, цѣны на мѣста назначены самыя умѣренныя. Кресла, напр., стоятъ по 2 марки, мѣста въ ложахъ 1-го яруса столько-же, мѣста повыше еще дешевле. При условіи абонемента на нѣсколько спектаклей, дѣлается значительная уступка, а Левенфельдъ ввелъ еще абонементъ на циклы пьесъ (напр., всѣ произведенія Шиллера), или на рождественскіе спектакли по особенно удешевленнымъ цѣнамъ. Въ то время какъ почти во всѣхъ остальныхъ театрахъ зрители платятъ за сбереженіе платья по 25 пфен.,—въ «Шиллеръ-театрѣ» взимается платьевый сборъ лишь 5 пфен. и 10 пфен. за афишу, которая издается въ видѣ журнала и содержитъ, кромѣ нѣкотораго литературнаго матеріала (въ послѣднее время, напр., печатался интересный разсказъ Грильпарцера, въ то время какъ въ афишахъ другихъ театровъ печатается всякая макулатура) и портретовъ, сжатую характеристику пьесы, которую зрителямъ предстоитъ сейчасъ увидѣть, и краткую біографію ея автора. Тому же Левенфельду принадлежитъ заслуга организаціи въ большомъ залѣ ратуши еженедѣльныхъ, доступныхъ самымъ бѣднѣйшимъ классамъ населенія, литературно-музыкальныхъ вечеровъ, такъ называемыхъ «Dichter und Tondichter-Abende». Каждый изъ вечеровъ посвящается всецѣло тому или другому нѣмецкому или иностранному писателю, и вслѣдъ за вечерами Гёте, Лессинга и Шиллера были устроены вечера Шамиссо, Ибсена, Гауптмана, Мендельсона, Шуберта, Вебера и др. До сихъ поръ было устроено около 100 вечеровъ, исключительно по воскресеньямъ. Программа этихъ вечеровъ составляется такъ: сначала читаютъ краткую біографію и сжатую характеристику произведеній того поэта, драматурга или композитора, которому посвященъ текущій вечеръ; затѣмъ артисты или чтецы прочитываютъ стихи, отрывки изъ лучшихъ произведеній, выдающіяся сцены изъ драматическихъ произведеній. Наконецъ, оркестръ, хоръ или солисты исполняютъ отрывки изъ произведеній чествуемаго композитора или пѣсни, положенныя на слова чествуемаго поэта.

«Die Kunst dem Volke»—подъ этимъ заглавіемъ издаетъ популярный въ Берлинѣ писатель и общественный дѣятель д-ръ Бруно Вилле маленькій журналъ, выходящій разъ въ мѣсяцъ—ко дню постановки «Новой свободной народной сценой» той или другой пьесы, при чемъ каждый нумеръ журнала содержитъ, кромѣ нѣкотораго литературнаго матеріала, критическую оцѣнку той пьесы, которую ставитъ упомянутая сцена. Д-ръ Вилле былъ однимъ изъ иниціаторовъ основанной въ 1890 г. «Свободной народной сцены», но послѣ того какъ союзъ этотъ принялъ радикальную окраску, онъ въ 1892 г вышелъ, съ нѣкоторыми друзьями, изъ этого общества и основалъ другой—упомянутую уже «Новую свободную народную сцену». Съ тѣхъ поръ существовали на ряду другъ съ другомъ оба эти общества, принося пользу и

наслажденіе тѣмъ тысячамъ рабочихъ, мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, которые являлись посѣтителями спектаклей, устраиваемыхъ той и другой «народной сценой», пока бывшій прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ не закрылъ первой изъ нихъ. Общество это возникло вновь лишь въ мартѣ 1897 г., и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ членами его записалось до 2.440 человѣкъ. Согласно статутамъ, каждый членъ имѣетъ право посѣтить одинъ разъ въ мѣсяцъ устраиваемый «Свободной народной сценой» спектакль—преимущественно въ воскресенье днемъ, такъ какъ общество собственной сцены не имѣетъ, а всѣ берлинскіе театры по вечерамъ заняты. Число членовъ возродившагося общества было сразу настолько велико, что единовременное посѣщеніе ими одного спектакля было немыслимо. Поэтому члены общества раздѣлились на три группы, для каждой изъ которыхъ устраивался разъ въ мѣсяцъ особый спекталь, и не только не полная въ началѣ третья группа быстро пополнилась, но число членовъ общества возросло вскорѣ до того, что пришлось организовать четвертую, а затѣмъ и пятую группу. Въ настоящее время общество насчитываетъ 5.400 членовъ,—приблизительно столько, сколько оно имѣло въ пору своего расцвѣта, до распущенія его министромъ. Репертуаръ общества составляли за послѣдніе мѣсяцы такія пьесы, какъ «Виндзорскія кумушки» Шекспира, «Неро и Леандръ» Грилльпарцера, «Абу-Саидъ» Блументаля, «Ткачи» Гауптмана и др. Д-ръ К. Шліодтъ, предсѣдатель общества, говорилъ на послѣднемъ общемъ собраніи, что, къ сожалѣнію, постановка классическихъ пьесъ (нѣкоторые члены желали видѣть «Юлія Цезаря» Шекспира, «Натана Мудраго», «Орлеанскую Дѣву» и друг.) весьма затруднительна, такъ какъ артисты тѣхъ двухъ театровъ, услугами которыхъ пользуется общество, подготовлены лишь къ исполненію современныхъ пьесъ. Постановка поэтической пьесы «Неро и Леандръ» не стояла на должной высотѣ, и правленіе рѣшило ставить лишь современныя пьесы. Конечно, какъ принимающіе участіе въ спектакляхъ артисты, такъ и директора театровъ получаютъ извѣстное, хотя и скромное вознагражденіе. Расходы «Свободной народной сцены» достигали въ прошломъ году 35.000 мар., въ 1898 г. (до 1-го октября)—около 19.000 мар. Что касается доходовъ, то въ прошломъ году ихъ было приблизительно на 3.000 мар. меньше, нежели расходовъ, а въ текущемъ году на 4.000 мар. больше, нежели расходовъ. Когда въ послѣдній разъ подведены были итоги, въ кассѣ оказалось уже около трехъ тысячъ марокъ.

Главную статью доходовъ составляютъ взносы членовъ общества. Члены «Новой свободной народной сцены», организованной, въ общемъ, такъ-же, какъ и «Свободная народная сцена», платятъ при вступленіи въ члены 50 пфен. (около 25 коп.) и вносятъ ежемѣсячно лишь 20 пфениговъ. Вмѣсто росписокъ вклеиваются въ имѣющуюся у каждаго члена карточку особыя марки. Члены, желающіе воспользоваться своимъ правомъ посѣщенія устраиваемаго разъ въ мѣсяцъ спектакля, вносятъ лишніе 50 пфен. въ кассу, при чемъ полученная и наклеенная въ книжечку марка уничтожается при входѣ члена въ театръ. Тогда-же приходится ему взять изъ закрытой урны билетъ въ театръ, который можетъ оказаться мѣстомъ въ ложѣ, кресломъ въ 1-мъ ряду или мѣстомъ на галлереѣ, смотря по удачѣ. Устроено, конечно, такъ, что семья получаетъ нѣсколько мѣстъ рядомъ. Точно такая-же жеребьевка происходитъ и до начала спектаклей «Свободной народной сцены», съ той лишь разницей, что въ первомъ спектакль устраивается для всѣхъ членовъ вмѣстѣ, а въ этомъ—для каждой

группы особо. Сначала поступали такъ: одна и та-же пьеса ставилась 5 разъ подъ-рядъ въ теченіе пяти недѣль, пока ее не пересмотрятъ всѣ пять группъ. Теперь дѣло поставлено иначе и лучше: одна группа смотритъ въ такомъ-то театрѣ одну пьесу, другая въ другомъ театрѣ другую пьесу. Въ слѣдующее воскресенье на смѣну первой и второй группъ приходятъ члены третьей и четвертой, которыхъ съ января уже смѣняютъ члены пятой и шестой группъ. Въ свободное воскресенье устраиваютъ литературно-музыкальные вечера для народа или научно-популярныя лекціи. Такъ, упомянутый д-ръ Мейеръ еще недавно читалъ для членовъ «Свободной народной сцены» сопровождавшуюся туманными картинами лекцію «Путешествіе вокругъ земли отъ полюса до полюса». Несмотря на то, что лекція читалась въ одномъ изъ самыхъ большихъ залъ Берлина, послѣдній былъ биткомъ набитъ. Тысячи членовъ общества собрались и на послѣдній осенній праздникъ, когда рабочимъ и мелкимъ ремесленникамъ дана была возможность услышать въ превосходномъ исполненіи и «Прелюдію» Баха-Гуно, и «Колыбельную пѣснь» Брамса, и увертюру оперы «Сонъ въ лѣтнюю ночь» и много другихъ. Подобные-же вечера устраиваетъ и «Новая свободная народная сцена», только въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, обусловливаемыхъ меньшимъ числомъ членовъ. И если первое общество располагаетъ достаточными средствами, чтобы время отъ времени ставить какую-либо пьесу, еще не появлявшуюся на подмосткахъ ни одного берлинскаго театра, то правленіе второго общества часто входитъ въ соглашеніе съ дирекціей какого-либо театра—преимущественно «Шиллеръ-театра», и даетъ возможность членамъ видѣть за половинную плату классическія пьесы или интересныя новинки.

Скажу также нѣсколько словъ о дѣятельности берлинскаго общества «Verein für Volksunterhaltung», основаннаго въ 1891 г. и устроившаго до сихъ поръ около 125 литературно-музыкальныхъ вечеровъ и утръ для народа. Сначала общество устраивало и спектакли (при чемъ поставлены были по общедоступнымъ цѣнамъ, при участіи, главнымъ образомъ, начинающихъ артистовъ, не только фарсы и комедіи, но и многія классическія произведенія), позже-же, въ виду благотворной дѣятельности обрисованныхъ выше «народныхъ сценъ» и въ виду того, что почти всѣ лучшіе театры устраиваютъ по воскресеньямъ общедоступные спектакли, названное общество сосредоточило всѣ свои силы на организаціи литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Программа ихъ такова: чтеніе стихотвореній и отрывковъ изъ произведеній нѣмецкихъ и иностранныхъ авторовъ, хоровые и оркестровые нумера, игра и пѣніе солистовъ. Плата за входъ взимается двойная: 50 пфен. и 30 пфен., включая сюда и плату за платье и афишу. Вечера эти устраиваются (въ большихъ концертныхъ залахъ или театрахъ) исключительно во время зимняго сезона, и годовые отчеты общества изъ года въ годъ констатируютъ значительный ихъ успѣхъ.

Такимъ образомъ, долголѣтній опытъ показалъ, что народъ не нуждается въ какой-либо особенной «народной» литературѣ, «народныхъ» пьесахъ и «народныхъ» картинахъ, но можетъ смотрѣть и оцѣнить лучшія произведенія классиковъ и современныхъ писателей и драматурговъ, геніальныхъ композиторовъ и выдающихся мастеровъ въ области кисти и красокъ.

Таковы наиболѣе крупныя просвѣтительныя организаціи въ Германіи. Что касается провинціи (если можно говорить о таковой въ странѣ, бывшей всегда децентрализованной), то на первомъ мѣстѣ приходится поставить такъ-называемый «Freier Deutsche Hochstift» во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Эконо-

мическая секція этого института, который самъ по себѣ является университетомъ въ миніатюрѣ, организовала особый комитетъ по устройству народныхъ чтеній и пригласила въ началѣ девятидесятыхъ годовъ извѣстнаго химика Опифиціуса и д-ра Флеша, предсѣдателя мѣстной ремесленной управы, для чтенія регулярныхъ лекцій для народа по ихъ спеціальностямъ. Извѣстный общественный дѣятель и знатокъ политической экономіи д-ръ Флешъ уже и раньше получалъ приглашенія прочитать лекцію или рефератъ на собраніи того или другого рабочаго общества. Но эти лекціи были далеко не регулярны и доступны далеко не всѣмъ желавшимъ чему-либо научиться. Поэтому упомянутый комитетъ нанялъ для постоянныхъ чтеній залъ, вмѣщающій около 700 человѣкъ. Чтенія были объявлены безплатными и доступными для всѣхъ, и наплывъ слушателей всегда и по сію пору таковъ, что далеко не всѣ желающіе могутъ попасть въ залъ въ тотъ или иной вечеръ; многіе слушатели приходятъ уже за полчаса до начала чтенія, чтобы занять удобное мѣсто. Кромѣ института «Freier Deutsche Hochstift», даютъ деньги на поддержку этихъ народныхъ чтеній какъ «Общество для распространенія образованія въ народѣ», такъ и мѣстная массонская ложа и мѣстное Политехническое Общество. Комитетъ получилъ возможность устраивать не только отдѣльныя чтенія по естественной исторіи, медицинѣ, исторіи, законовѣдѣнію, технологіи, педагогикѣ и т. п., но и 12—15 цикловъ, въ 2—3 лекціи каждый. Вопреки опыту другихъ подобныхъ учрежденій, лекціи доступны и теперь всѣмъ безплатно, вслѣдствіе чего, на ряду съ приходящими учиться рабочими, ремесленниками, приказчиками, учителями и учительницами, встрѣчаются въ залѣ и случайные элементы, такъ что аудиторія подчасъ мѣняетъ свой составъ. Это самое явленіе замѣчается и въ двухъ другихъ залахъ меньшихъ размѣровъ, нанятыхъ комитетомъ для чтенія тамъ курсовъ и отдѣльныхъ лекцій съ тѣхъ поръ, какъ нанятый залъ не могъ удовлетворить потребностямъ городского населенія въ просвѣщеніи. Само собой разумѣется, что всѣ лекціи составляются по извѣстнымъ, строго продуманнымъ программамъ и не содержатъ въ себѣ рѣшительно ничего, что могло-бы подать поводъ къ религіозной или политической агитаціи. Интересно еще отмѣтить, что комитетъ приглашаетъ на свои засѣданія представителей рабочихъ союзовъ или корпорацій мѣстныхъ ремесленниковъ. Изъ общенія съ этими лицами комитетъ узнаетъ о томъ, каково вліяніе устраиваемыхъ лекцій на слушателей и каковы запросы, предъявляемые послѣдними. Тѣ-же представители являются посредниками между комитетомъ и слушателями и привлекаютъ послѣднихъ путемъ личной пропаганды все въ большемъ и большемъ количествѣ. Два раза въ мѣсяцъ, по воскресеньямъ, одинъ изъ лекторовъ отправляется вмѣстѣ съ группой слушателей или очередной рабочей корпораціей въ мѣстный музей или картинную галлерею и, конечно, объясняетъ слушателямъ художественное или культурно-историческое значеніе осматриваемыхъ ими предметовъ.

Если мы познакомимся ближе съ многочисленными другими просвѣтительными институтами въ провинціи, то мы встрѣтимъ всюду организацію того или другого типа, съ которымъ мы уже встрѣчались выше. Напримѣръ, въ Магдебургѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ уже приступили къ постройкѣ научнаго театра, подобнаго «Ураніи». Д-ръ Вильгельмъ Майеръ предпринялъ прошлымъ лѣтомъ поѣздку по городамъ южной Германіи и читалъ повсюду сопровождавшіяся тѣневыми картинами лекціи «О борьбѣ за достиженіе сѣвернаго полюса». А въ Лейпцигѣ, напримѣръ, также существуетъ

и процвѣтаетъ образцово устроенная «Arbeiterbildungsschule». Организація лекцій и курсовъ, подобно устраиваемымъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, встрѣчается въ Грейфсвальдѣ, Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ и Страсбургѣ; въ послѣднемъ городѣ, а равно и Франкфуртѣ, устраиваются лѣтомъ особые курсы для народныхъ учителей и учительницъ. Особые курсы для женщинъ, организація которыхъ схожа съ организаціей берлинскаго лицея имени Викторіи, существуютъ во Франкфуртѣ, Бреславлѣ, Геттингенѣ и многихъ другихъ городахъ. Женскія прогрессивныя организаціи употребили въ послѣднее время много усилій, чтобы ознакомить нѣмецкихъ женщинъ съ ихъ общественнымъ и семейнымъ положеніемъ по новому, вступающему вскорѣ въ силу, гражданскому кодексу. Далѣе, извѣстное, отпраздновавшее уже двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія «Общество соціальной политики» устраиваетъ время отъ времени періодическіе курсы по соціально-политическимъ или экономическимъ вопросамъ. Послѣдніе курсы состоялись три года назадъ въ Берлинѣ; читали профессора: Вагнеръ о частной собственности и экономической свободѣ; Шмоллеръ о раздѣленіи труда, образованіи классовъ и соціальной борьбѣ; Зерингъ объ аграрномъ вопросѣ настоящаго времени; Бюхеръ о промышленныхъ формахъ; Кнаппъ о деньгахъ и денежной валютѣ; Конрадъ о населеніи, колоніяхъ и выселеніяхъ; Филипповичъ о новѣйшей торговой политикѣ средне-европейскихъ странъ; Брентано о рабочемъ договорѣ и условіяхъ, опредѣляющихъ заработную плату; Нейманъ о величайшихъ финансовыхъ вопросахъ современности съ соціально-политической точки зрѣнія; Эльстеръ о соціальныхъ задачахъ государства, церкви и высшихъ классовъ общества въ связи съ вопросомъ о призрѣніи нищихъ и обезпеченіи рабочихъ; Мясковскій объ укрѣпленіи, сохраненіи и распространеніи нѣмецкаго крестьянства въ сѣверо-восточной части имперіи; а также нѣкоторые приватъ-доценты. Хотя нѣкоторыя изъ лекцій носили спеціальный характеръ, тѣмъ не менѣе имена наиболѣе выдающихся экономистовъ Германіи и Австріи привлекли тогда въ auditorium maximum берлинскаго университета бездну слушателей, главный контингентъ которыхъ составляли техники, учителя, чиновники, лица духовнаго званія, отчасти фабриканты, вообще-же лица болѣе или менѣе подготовленныя къ пониманію и воспріятію читаемаго имъ съ каѳедры. Плата за слушаніе взималась такая: за полный циклъ въ теченіе двухъ недѣль—25 мар., за полъцикла въ теченіе одной недѣли—15 мар., за лекціи въ теченіе одного дня—3 мар. И если нѣкоторыя лекціи привлекали лишь 200 слушателей, то другія—свыше 800, и многіе желающіе не могли попасть въ названную аудиторію. По слухамъ, «Общество соціальной политики» устраиваетъ слѣдующій рядъ лекцій по экономическимъ вопросамъ въ текущемъ году.

Перехожу къ курсамъ, устраиваемымъ «Народнымъ обществомъ католической Германіи», всѣ члены котораго—клерикалы. Пусть это не удивляетъ васъ. Германскіе клерикалы въ большинствѣ консервативны, они даже реакціонеры во многихъ областяхъ политической и общественной жизни, но они только не враги просвѣщенія. Политика ихъ такова: они прислушиваются къ народнымъ желаніямъ и стремленіямъ, стараются удовлетворить ихъ, чтобы тѣмъ самымъ сохранить власть надъ умами. Вотъ почему клерикалы-депутаты, санкціонируя въ рейхстагѣ расходы на увеличеніе флота и арміи, требуютъ широкаго фабричнаго законодательства для охраны труда рабочихъ, выступаютъ сторонниками расширенія границъ высшаго образованія женщинъ и даже появляются на каѳедрѣ въ качествѣ лекторовъ (напр., Гитце, Ба-

земъ и др.) на курсахъ, устраиваемыхъ упомянутымъ обществомъ. Курсы эти устраиваются каждый разъ въ другомъ городѣ, но въ мѣстностяхъ, населенныхъ католиками по преимуществу. Слушателями являются рабочіе-католики, народные учителя, сельское духовенство, горожане и т. п. Число посѣтителей лекцій зависитъ отъ размѣровъ города, гдѣ онѣ устраиваются, и если въ Крефельдѣ собирались въ залѣ 700—800 чел., то въ Страсбургѣ 900—1000 чел. Особенно хорошо посѣщаются лекціи тогда, когда онѣ устраиваются ко времени католическихъ конгрессовъ. Примѣру католиковъ послѣдовали и лютеране, послѣдователи такъ-называемаго христіански-соціальнаго движенія. Въ девятидесятыхъ годахъ съ ежегодными съѣздами «евангелически-соціальныхъ» союзовъ и организацій стали связывать лекціи для народа. Разбираются и разрабатываются преимущественно вопросы рабочій, ремесленный, аграрный и т. п.

Стоитъ отмѣтить, что администрація Висбаденскаго кургауза устраиваетъ время отъ времени для лечащихся въ этомъ курортѣ лицъ публичныя лекціи. Текущей зимой читали: проф. Онкенъ (три лекціи историческаго содержанія), лекторъ Гумбольдтовской академіи Люценъ, лекторъ берлинской «Ураніи» д-ръ Кеппенъ и др. лица.

Въ Бреславлѣ существуетъ такъ-называемый «Hümboldtverein», устраивающій время отъ времени спектакли для народа. Народные театры существуютъ въ Гамбургѣ и Килѣ, въ обоихъ уже свыше 5 лѣтъ. Въ большомъ числѣ городовъ дирекціи мѣстныхъ театровъ устраиваютъ по праздничнымъ днямъ общедоступные спектакли для народа. Въ Дрезденѣ устраивается съ начала 1886 года около 12—15 литературно-музыкальныхъ вечеровъ для народа ежегодно. Существующій уже 8 лѣтъ «Bildüngsverein» (въ Дюссельдорфѣ) устраиваетъ чтенія, сопровождающіяся туманными картинами, а также и литературные вечера, и благодаря тому, что за входъ взимается лишь 10 пфен., эти вечера посѣщаются, въ среднемъ, 2.000 слушателей. Такой-же наплывъ замѣчается и на литературно-музыкальныхъ вечерахъ въ Бреславлѣ, гдѣ приняты мѣры, чтобы билеты (цѣною въ 20 и 10 пфен.) попадали исключительно въ руки рабочихъ, ремесленниковъ, прислуги и т. д.,— всего не перечтешь. По свѣдѣніямъ, собраннымъ «Обществомъ для распространенія образованія въ народѣ», устраивается ежегодно въ Германіи свыше 500 литературно-музыкальныхъ вечеровъ и концертовъ *).

Мнѣ остается еще сказать о курсахъ и лекціяхъ, устраиваемыхъ нѣмецкими «Обществами этической культуры»; но этическому движенію, какъ и его просвѣтительнымъ и гуманитарнымъ цѣлямъ, я надѣюсь посвятить особое письмо.

М. Сукенниковъ.

---

*) Источники и литература: *D-r Eduard Reyer* (профессоръ вѣнскаго университета), «Handbuch des Volksbildungswesens»; *D-r Emil Reich* (приватъ-доцентъ вѣнскаго университета), «Volkstümliche Universitätsbewegung»; *D-r Emil Reich*, «Die bürgerliche Kunst und die besitzlosen Volksklassen»; *D-r Loewenfeld*, «Volksbildung und Volksunterhaltungen»; многочисленные годовые отчеты и проспекты.

Хроника народнаго образованія.

Положеніе народныхъ учителей.—Будущія учительскія пенсіи и ихъ значеніе.—Учительскія общества и ихъ ничтожное значеніе для учителей.—Юридическое положеніе народнаго учителя.—Нормировка частной иниціативы въ области народнаго просвѣщенія.—Формальности, тормозящія развитіе этой иниціативы.—Частная иниціатива и земство.—Петербургское городское управленіе и народное просвѣщеніе.

При Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ настоящее время работаетъ особая коммиссія по разработкѣ вопроса объ учрежденіи эмеритальной кассы для учителей и учительницъ начальныхъ министерскихъ школъ. Коммиссія эта своею дѣятельностью возбудила большія ожиданія какъ въ средѣ народныхъ учителей, такъ и вообще среди лицъ, такъ или иначе близко стоящихъ къ дѣлу народнаго образованія или интересующихся имъ и желающихъ ему преуспѣянія. Обезпеченное матеріальное положеніе народнаго учителя, безъ сомнѣнія, является однимъ изъ необходимѣйшихъ условій процвѣтанія народнообразовательнаго дѣла. Только при такой обезпеченности можно разсчитывать на образованіе постояннаго контингента народныхъ педагоговъ, всѣ силы отдающихъ своему дѣлу и не оставляющихъ его при первомъ-же случаѣ, когда представляется возможность улучшить свое матеріальное положеніе на иномъ поприщѣ. Самый преданный дѣлу народнаго просвѣщенія педагогъ легко можетъ оказаться вынужденнымъ бросить свое дѣло, разъ оно не обезпечиваетъ ни будущаго, ни настоящаго, особенно когда дѣло идетъ не только объ обезпеченіи самого педагога, но также и его семьи. Къ сожалѣнію, нынѣшнее матеріальное положеніе большинства нашихъ народныхъ учителей таково, что оно всего меньше можетъ быть признано обезпеченнымъ, вслѣдствіе чего учителя сплошь и рядомъ вынуждены бросать избранное ими дѣло и переходить на другія поприща, имѣющія меньшее культурное значеніе и приходящіяся часто имъ менѣе по душѣ, но за-то болѣе обезпечивающія въ матеріальномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжелое матеріальное положеніе народныхъ учителей, безотрадныя условія, въ которыхъ они живутъ, и тяжелый трудъ, выпадающій имъ на долю, ведутъ къ тому, что ни въ какомъ другомъ классѣ число людей, дѣлающихся инвалидами въ очень раннемъ возрастѣ и умирающихъ, не бываетъ такъ велико, какъ въ классѣ именно народныхъ учителей. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, изъ общаго количества лицъ, работающихъ въ народныхъ школахъ, лишь самое ничтожное число выслуживаетъ тѣ сроки, которые, при самомъ льготномъ отношеніи, могутъ быть установлены для полученія пенсій изъ будущей эмеритальной кассы народныхъ учителей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сообщаетъ «Торгово-Промышленная Газета», изъ 2.154 учащихъ въ народныхъ школахъ Кіевской, Виленской, Харьковской и Владимірской губерній, данныя, по которымъ признаны коммиссіей по учрежденію эмеритальной кассы типичными для всей Россіи, почему эти данныя и кладутся въ основу всѣхъ разсчетовъ коммиссіи, только 63 чел. (всего 3%) состоятъ на должности учителей въ теченіе 15 лѣтъ; еще менѣе оказывается выслужившихъ 20 лѣтъ: всего 44 (2%); выслужившихъ 25 лѣтъ—18 ч. и, наконецъ, выслужившихъ 35 лѣтъ—всего 2 человѣка. А всего лицъ, которыя имѣли-бы право на полученіе пенсіи (какъ въ полномъ, такъ и въ частичномъ размѣрѣ),—127 или 6%. Имѣющихъ-же право на полученіе полной пенсіи (за 35 лѣтъ службы) такое ничтожное число, что о немъ не стоитъ и говорить (всего 0,1%). Такимъ

образомъ, будущія учительскія пенсіи могли-бы имѣть нѣкоторое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если-бы измѣнилось матеріальное и юридическое положеніе народныхъ учителей, которое нынѣ такъ часто заставляетъ ихъ оставлять учительскую дѣятельность или лишаетъ ихъ возможности работать на избранномъ поприщѣ. Конечно, существованіе въ будущемъ пенсій можетъ побуждать нѣкоторыхъ учителей держаться упорно за свое служеніе даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, но очевидно, что проработать 25 и болѣе лѣтъ при тяжелыхъ условіяхъ, въ надеждѣ на очень скромную пенсію, будетъ въ состояніи развѣ только очень рѣдкій учитель, и такимъ образомъ для огромнѣйшаго большинства существованіе пенсій будетъ имѣть самое скромное значеніе.

Что касается вопроса объ измѣненіи матеріальнаго положенія народнаго учителя, то нельзя отрицать, что это положеніе улучшается, хотя, къ сожалѣнію, очень медленно, не повсемѣстно и не во всѣхъ отношеніяхъ. Матеріальное положеніе учащихъ въ земскихъ школахъ, въ общемъ, хотя постепенно, но улучшается. Земскія собранія сессіи 1898—1899 гг. также сдѣлали въ этомъ отношеніи кое-что, при чемъ кое-гдѣ были сдѣланы въ данномъ направленіи даже довольно существенные шаги—въ видѣ общаго подъема вознагражденія земскихъ учащихъ и установленія періодическихъ прибавокъ за выслуженные года. Къ сожалѣнію, это движеніе по улучшенію учащихъ въ земскихъ школахъ охватываетъ до сихъ поръ далеко не всѣ земства, и имѣются еще земскія мѣстности, въ которыхъ до сихъ поръ вознагражденіе учащихъ въ начальныхъ школахъ совершенно недостаточно для покрытія даже самыхъ основныхъ нуждъ учителей. Что касается другого пути, который также долженъ-бы вести къ улучшенію матеріальнаго положенія учителей,—пути взаимопомощи, то и этотъ путь пока не оказываетъ почти никакого вліянія на матеріальную сторону существованія народнаго учителя, вслѣдствіе недостаточности средствъ, которыя могутъ ассигновывать сами учителя въ распоряженіе создаваемыхъ ими учительскихъ обществъ, и полнаго равнодушія, съ которымъ относится къ учительскимъ обществамъ остальное общество. Въ самомъ дѣлѣ, отчетъ какого-бы учительскаго общества мы ни взяли, вездѣ мы встрѣтимся съ такими незначительными цифрами, характеризующими дѣятельность такихъ обществъ, что намъ станетъ ясною вся скромность той пользы, какую могутъ принести при настоящихъ условіяхъ учрежденія этого рода народнымъ учителямъ. Возьмемъ для примѣра дѣятельность Общества взаимопомощи учителей и учительницъ Казанской губерніи за 1898 годъ. Къ 1 января 1899 года это общество имѣло 516 членовъ. Дѣятельность общества въ 1898 году выразилась, какъ и въ предыдущіе годы, въ содержаніи пансіона для дѣтей учителей, учащихся въ Казани, въ выдачѣ пособій членамъ и пріобрѣтеніи разнаго рода льготъ для членовъ. Въ пансіонѣ общества содержалось 11 воспитанниковъ и 10 воспитанницъ. Пособія выданы 11 лицамъ, а именно 9 лицамъ единовременныя въ размѣрѣ отъ 5 до 30 рублей и 2 лицамъ ежемѣсячныя по 4 рубля въ мѣсяцъ. Льготы для членовъ общества пріобрѣтены въ теченіе 1898 года слѣдующія: пароходство Любимова дѣлало скидку для членовъ общества въ размѣрѣ 25% на пассажирскіе билеты, пароходство Тарышкина 30% и пароходство Кашиной 50%; администрація «Купеческихъ номеровъ» предоставила членамъ общества пользованіе номерами съ нѣкоторою скидкою со стоимости комнатъ; въ столовыхъ г-жи Звѣржховской дѣлалась скидка съ платы за обѣды; г. Кешнеръ изъявилъ согласіе на скидку въ 10% съ цѣны

аптекарскихъ товаровъ; фирма «Поповыхъ» согласилась дѣлать скидку на чаѣ въ размѣрѣ отъ 15 до 19% и Шмелевъ въ размѣрѣ 18%. Израсходовано обществомъ въ теченіе 1898 года: на выдачу пособій 259 р., на другіе виды помощи 69 рублей и на пансіонъ 2.362 р. Все это, безъ сомнѣнія, очень симпатично, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли такого рода дѣятельность общества оказала хотя-бы малѣйшее вліяніе на улучшеніе положенія 472 дѣйствительныхъ членовъ общества. Во всякомъ случаѣ, Казанское общество взаимопомощи учащихъ оказалось совершенно безсильнымъ предъ тѣмъ крупнымъ бѣдствіемъ, какое причинилъ учащимъ Казанской губерніи недородъ хлѣбовъ въ 1898 году. Въ засѣданіи общества, состоявшемся 3 января настоящаго года, оно постановило обратиться къ подобнымъ-же обществамъ, имѣющимся въ другихъ губерніяхъ, съ просьбою о содѣйствіи въ дѣлѣ помощи тѣмъ учителямъ и учительницамъ Казанской губерніи, которые работаютъ въ сельскихъ школахъ и терпятъ въ настоящее время нужду вслѣдствіе вздорожанія жизненныхъ продуктовъ, явившагося послѣдствіемъ неурожая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Общество постановило возбудить ходатайство по тому-же поводу и предъ Краснымъ Крестомъ. Основаніемъ для этихъ постановленій Общества послужило то обстоятельство, что въ настоящее время получаемое сельскими учителями и учительницами Казанской губ. вознагражденіе не соотвѣтствуетъ стоимости необходимыхъ для существованія каждому изъ нихъ жизненныхъ продуктовъ, а Общество не располагаетъ достаточными средствами для оказанія нуждающимся надлежащей помощи. Принимавшіе участіе въ обсужденіи этого вопроса казанскіе инспекторъ и директоръ народныхъ училищъ выяснили, кромѣ того, что въ настоящее время почти въ каждой сельской школѣ, вслѣдствіе организованной при школахъ продовольственной помощи учащимся, число учениковъ и ученицъ удвоилось, а преподавательскій персоналъ не увеличенъ и на него возложены еще тяжелыя обязанности по выдачѣ продовольственныхъ ссудъ и кормленію учащихся. Многіе изъ учителей обременены семьями, получаютъ-же за свой трудъ отъ 10 до 20 рублей въ мѣсяцъ, каковой суммы едва хватаетъ на прокормленіе даже въ обыкновенное время, когда цѣны на жизненные продукты вдвое ниже существующихъ теперь. Вообще размѣры продовольственной помощи, нужной для сельскихъ учителей и учительницъ, не малы, и оказаніе такой помощи дѣйствительно не подъ силу мѣстному учительскому обществу. По заявленію инспектора народныхъ училищъ, сдѣланному въ томъ-же засѣданіи Общества, число сельскихъ учителей и учительницъ Казанской губ., нуждающихся въ этой помощи, не менѣе тысячи человѣкъ.

Какъ-бы, однако, ни была скромна польза, приносимая учительскими обществами взаимопомощи, они все болѣе и болѣе распространяются и почти каждый мѣсяцъ возникаютъ новыя общества этого рода. Такимъ образомъ, 30 декабря прошлаго года въ Екатеринославѣ состоялось учредительное собраніе членовъ новаго Общества взаимопомощи учащихъ и учившихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Екатеринославской губерніи. Еще до открытія Общества, ему выразили свое сочувствіе многія земства и городскія управленія губерніи ассигнованіемъ въ единовременное пособіе Обществу нѣкоторыхъ суммъ, при чемъ, однако, это сочувствіе оказалось очень скромнымъ, такъ какъ выразилось въ общей суммѣ всего 1.800 рублей. На учредительномъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ въ Екатеринославѣ общежитія для дѣтей сельскихъ учителей, получающихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ этого города, при чемъ было рѣшено положить начало спеціальному капиталу для содержанія такого общежитія.

Точно такое-же Общество взаимнаго вспомоществованія учащихъ и учившихъ начало свое существованіе съ 1 января 1899 года въ Лифляндской губерніи. Такія-же общества организуются въ настоящее время въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ.

Но если учительскія общества могутъ оказывать лишь слишкомъ ничтожную помощь народнымъ учителямъ, настолько ничтожную, что она даже не можетъ быть почувствована огромнѣйшимъ большинствомъ изъ нихъ, то относительно обезпеченности своего юридическаго положенія учителя лишены и такой ничтожной поддержки, и въ этомъ отношеніи ихъ положеніе самое необезпеченное. Хотя жизнь народныхъ учителей лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ удостоивается вниманія текущей печати, тѣмъ не менѣе въ ней можно встрѣтить факты, характеризующіе юридическое положеніе ихъ въ самомъ непривлядномъ видѣ. Въ сущности, ни одинъ народный учитель не можетъ быть увѣренъ, что завтра же онъ не получитъ увольненія или не подвергнется перемѣщенію, какъ-бы добросовѣстно онъ ни выполнялъ свое дѣло. Вотъ характерный фактъ этого рода, сообщенный недавно въ «Сынѣ Отечества» и бывшій въ Ржевскомъ у., Тверской губерніи. Въ началѣ текущаго учебнаго года учительница К. была переведена земской управой изъ Кокошинской школы, которою она завѣдывала много лѣтъ, гдѣ она устроила образцовый классъ рукодѣлія и пріобрѣла общую любовь населенія, выстроившаго подъ ея вліяніемъ два новыхъ зданія подъ школу и квартиры учительницъ,—въ другую, худшую школу. Переводъ этотъ состоялся безъ вѣдома училищнаго совѣта, а когда послѣдній приступилъ къ разсмотрѣнію этого дѣла, то приглашенный на его засѣданіе предсѣдатель Ржевской земской управы М. М. Чаплинъ заявилъ, что причиною перевода г-жи К. было то, что она «слабо» ведетъ преподаваніе. Противъ этого заявленія, однако, возражали многіе члены совѣта, знакомые съ дѣятельностью г жи К. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ засѣданіи училищнаго совѣта были прочитаны приговоръ кокошинскихъ крестьянъ и письма попечительницы кокошинской школы, супруги профессора Московскаго университета, г-жи Сѣченовой, въ которыхъ крестьяне и попечительница ходатайствуютъ о неутвержденіи перевода г-жи К. Нѣкоторые члены совѣта получили такія-же письма отъ преподавателей тверской учительской школы, отъ членовъ Общества взаимопомощи учителей Тверской губерніи и т. п. Такимъ образомъ, за г-жу К., къ ея счастью, заступились многіе вліятельные люди, и, благодаря этому, училищный совѣтъ постановилъ возвратить ее на прежнее мѣсто. Однако земская управа рѣшительно отказалась перевести изъ кокошинской школы назначенныхъ на мѣсто г-жи К. (почему-то) двухъ учительницъ. Въ результатѣ оказалось, что въ настоящее время въ Кокошинской школѣ четыре учительницы, вмѣсто двухъ, полагающихся по штату, и ихъ положеніе и взаимныя отношенія оказываются самыми неопредѣленными. Кто-нибудь изъ нихъ долженъ уйти и остаться безъ мѣста, такъ какъ въ глазахъ управы учительницами являются однѣ изъ нихъ, а въ глазахъ училищнаго совѣта—другія. Чѣмъ кончится эта исторія, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, страдаютъ отъ нея совершенно неповинно учительницы, съ которыми, оказывается, можно по капризу дѣлать все, что угодно,—назначать на мѣсто, уже занятое другимъ учащимся, переводить на другое мѣсто безъ всякой причины, а затѣмъ и просто лишать мѣста, если не формально—то фактически.

Вообще положеніе народныхъ учителей представляетъ собою больное мѣсто нашей системы народнаго просвѣщенія, и такъ или иначе, въ интересахъ

успѣха этого просвѣщенія, юридическое положеніе учителей должно-бы быть обставлено, наконецъ, извѣстными гарантіями, дѣлающими это положеніе болѣе прочнымъ и обезпеченнымъ.

Другое больное мѣсто нашей системы просвѣщенія составляетъ положеніе частной инициативы, направляющейся на созданіе народнопросвѣтительныхъ учрежденій и дѣятельность въ нихъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени пріятнымъ является сообщеніе «Торгово-Промышленной Газеты» о томъ, что съ нѣкотораго времени при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія происходятъ занятія коммиссіи, носящей оффиціальное названіе «особаго совѣщанія по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся общественнаго содѣйствія въ развитіи народнаго образованія». Въ совѣщаніи этомъ участвуютъ представители Министерствъ Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Земледѣлія и Духовнаго Вѣдомства. Въ виду огромной важности работъ названнаго совѣщанія для нашего народнаго просвѣщенія, я приведу здѣсь сообщеніе газеты, пока являющееся единственнымъ оффиціальнымъ источникомъ, знакомящимъ Общество съ дѣятельностью совѣщанія.

«Главнѣйшіе вопросы, которые предстояло широко и всесторонне обсудить названному совѣщанію, были: вопросъ о народныхъ чтеніяхъ, о народныхъ читальняхъ и библіотекахъ, о складахъ книгъ для народа и проч., т.-е. касались одной общей темы—общественнаго содѣйствія народному образованію. Признавая принципіально всю важность общественнаго содѣйствія въ дѣлѣ первостепеннаго государственнаго значенія, какимъ является народное образованіе, коммиссіи прежде всего пришлось столкнуться съ назрѣвшимъ вопросомъ о желательности возможнаго облегченія проявленія упомянутаго общественнаго содѣйствія. Въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ и дѣло облегченія порядка разрѣшенія народныхъ чтеній. Въ практикѣ примѣненія нынѣ дѣйствующихъ по этому предмету правилъ (утвержденныхъ 11 ноября 1894 года) давно уже встрѣчались неудобства, устраненіе которыхъ, при соблюденіи общихъ принциповъ этихъ правилъ, представляется цѣлесообразнымъ. Поэтому совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что несомнѣнно желательно выработать новыя правила для упомянутыхъ разрѣшеній, въ видахъ облегченія и ускоренія таковыхъ. Проектъ этихъ правилъ въ настоящее время совѣщаніемъ уже выработанъ, при чемъ въ основныхъ своихъ чертахъ онъ допускаетъ возможнымъ предоставить разрѣшеніе народныхъ чтеній компетенціи мѣстныхъ органовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т.-е. попечителей округовъ, а въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ—даже директоровъ народныхъ училищъ, по сношеніи съ мѣстными-же представителями Духовнаго Вѣдомства и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Проектъ этихъ правилъ уже находится на разсмотрѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

«Вторымъ вопросомъ, на которомъ остановилось совѣщаніе, былъ вопросъ о народныхъ собесѣдованіяхъ. Собесѣдованія—нѣчто болѣе широкое, чѣмъ народныя чтенія, и затрудненія здѣсь, главнымъ образомъ, возникаютъ вслѣдствіе того, что ихъ трудно заключить въ какія-либо заранѣе выработанныя программныя рамки. Собесѣдованія и отличаются отъ народныхъ чтеній тѣмъ, что они происходятъ не по строго опредѣленному тексту, а въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросъ о необходимости учрежденія періодическихъ собесѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ (кромѣ нравственно-религіозныхъ, которыми вѣдаетъ духовное вѣдомство) возбуждался различными вѣдомствами и учрежденіями. Въ этомъ отношеніи особенно настаиваетъ на пользѣ собесѣ-

дованій по гигіенѣ, а въ особенности о мѣрахъ къ борьбѣ съ сифилисомъ; медицинское вѣдомство, которое, между прочимъ, въ лицѣ своихъ временныхъ органовъ, пироговскаго съѣзда и московскаго съѣзда врачей, не разъ выступало съ оффиціальными по этому поводу ходатайствами. Эти ходатайства поддерживались тѣми соображеніями, что въ борьбѣ съ сифилисомъ безсильны популярныя брошюры и чтенія, такъ какъ брошюры прежде всего не въ силахъ предусмотрѣть мѣстныхъ, такъ сказать, очаговъ заразы. Не могутъ, напр., брошюры предусмотрѣть, что въ одномъ мѣстѣ разносителями заразы являются шерстобиты, въ другомъ—зараза передается дѣтямъ путемъ общей зараженной соски, которою по-очереди кормитъ дѣтей старуха, присматривающая въ страдную пору въ деревнѣ за оставленными ребятами, и т. п. Въ такихъ случаяхъ только собесѣдованія могутъ направить борьбу съ сифилисомъ на надлежащій путь. Съ своей стороны и Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ находитъ весьма полезнымъ учрежденіе собесѣдованій по вопросамъ сельскаго хозяйства, какъ мѣры, могущей наилучшимъ и доступнѣйшимъ образомъ распространить въ народѣ необходимыя сельско-хозяйственныя знанія. Громадно значеніе для нашего крестьянства подобныхъ-же собесѣдованій и по различнымъ отраслямъ кустарной промышленности. Наконецъ, Министерство Финансовъ, въ лицѣ попечительствъ о народной трезвости, озабочиваясь искорененіемъ въ народѣ пьянства и сознавая всю силу живого слова въ борьбѣ съ народной пагубой,—впервые въ законодательномъ порядкѣ упоминаетъ (въ уставѣ попечительствъ о народной трезвости) слово «собесѣдованія», включая таковыя въ программу дѣятельности попечительствъ. Всѣ эти данныя, очевидность пользы собесѣдованій, а также рядъ ходатайствъ, среди которыхъ отмѣтимъ ходатайства Общества для борьбы съ заразными болѣзнями, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, побуждаютъ названное совѣщаніе отнестись съ особымъ вниманіемъ къ вопросу объ устройствѣ народныхъ собесѣдованій и тщательно заняться выработкою программы правилъ для такихъ собесѣдованій. Въ настоящее время эта работа въ полномъ ходу, и хотя она далеко еще не закончена, тѣмъ не менѣе можно уже сказать, что принципіально большинство членовъ совѣщанія склоняется въ пользу допущенія собесѣдованій, подчинивъ ихъ правиламъ, подходящимъ къ таковымъ-же о народныхъ чтеніяхъ».

Что предоставленіе разрѣшенія народныхъ чтеній и собесѣдованій мѣстной учебной власти—попечителю учебнаго округа, а еще лучше—директору народныхъ училищъ—будетъ значительнымъ облегченіемъ въ дѣлѣ распространенія тѣхъ и другихъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вѣдь и въ настоящее время, когда разрѣшеніе устройства народныхъ чтеній зависитъ отъ соглашенія трехъ министровъ, дѣло въ концѣ концовъ рѣшается отзывами мѣстной власти, такъ какъ министры, конечно, запрашиваютъ послѣднія, не зная сами лицъ и учрежденій, ходатайствующихъ о разрѣшеніи чтеній и собесѣдованій. Такимъ образомъ, проектируемый коммиссіей порядокъ, не внося никакого облегченія для частной инпціативы по существу, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно сократитъ время, требующееся теперь для хожденія ходатайства по инстанціямъ. Но очевидно, что въ данномъ случаѣ несравненно болѣе значительнымъ шагомъ впередъ, въ смыслѣ дѣйствительнаго облегченія проявленія общественнаго содѣйствія народному просвѣщенію, было бы осуществленіе того порядка, о которомъ постановлено ходатайствовать въ послѣднемъ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Именно, со-

браніе это единогласно постановило: 1) возбудить ходатайство о томъ, чтобы проектъ правилъ объ упрощеніи существующаго порядка устройства народныхъ чтеній, который будетъ составленъ совѣщательной коммиссіей, учрежденной для этой цѣли при Министерствѣ Нар. Просвѣщенія, былъ сообщенъ тверскому губернскому земству для ознакомленія съ нимъ и обсужденія, чтобы имѣть возможность высказать свои замѣчанія относительно приспособленія его къ условіямъ Тверской губерніи, а равно ходатайствовать объ изданіи ученымъ комитетомъ списка не разрѣшенныхъ, а запрещенныхъ для народныхъ чтеній брошюръ; 2) на-ряду съ этимъ поддержать ходатайство ржевскаго земства о томъ, чтобы для устройства народныхъ чтеній въ зданіяхъ школъ учителемъ или законоучителемъ было достаточно согласія училищнаго совѣта. Указываемыя тверскимъ земствомъ мѣры, т. е. соотвѣтствіе правилъ мѣстнымъ условіямъ, изданіе списка запрещенныхъ, а не разрѣшенныхъ книгъ для чтеній, и разрѣшеніе чтеній училищными совѣтами, явились-бы дѣйствительнымъ облегченіемъ для проявленій общественнаго содѣйствія народному просвѣщенію. Тверское земство ходатайствуетъ о предоставленіи разрѣшенія чтеній, устраиваемыхъ народными учителями и законоучителями, училищнымъ совѣтамъ; но этому учрежденію, которое разрѣшаетъ въ настоящее время открытіе школъ, нѣтъ основаній не довѣрить разрѣшеніе и устройство чтеній или собесѣдованій всякими лицами, хотя-бы и не принадлежащими къ числу педагоговъ по профессіи.

Частная инициатива (называемая такъ въ противоположность оффиціальной, хотя часто и имѣющая характеръ общественной), не смотря на всякаго рода стѣсненія для своего проявленія,—стѣсненія, наличность которыхъ признается и вышеупомянутымъ совѣщаніемъ при Министерствѣ Нар. Просвѣщенія, проявляется у насъ разнаго рода начинаніями въ области народнаго просвѣщенія все чаще и чаще. Въ послѣднее время также все сильнѣе и сильнѣе чувствуется потребность въ объединеніи такого рода дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и кружковъ путемъ созданія особыхъ просвѣтительныхъ Обществъ, преслѣдующихъ разнообразныя просвѣтительныя цѣли. Такія Общества существуютъ у насъ издавна, но число ихъ до сихъ поръ незначительно, именно вслѣдствіе разнаго рода затрудненій, которыя до послѣдняго времени встрѣчались въ дѣлѣ ихъ открытія. Между тѣмъ важность частной инициативы въ области народнаго просвѣщенія и необходимость объединенія разрозненныхъ силъ отдѣльныхъ работниковъ на данномъ пути сознаются теперь повсемѣстно. Любопытнымъ проявленіемъ этого сознанія явилось возбужденіе вопроса объ устройствѣ просвѣтительнаго Общества во Владимірской губерніи на послѣднемъ мѣстномъ губернскомъ земскомъ собраніи. Именно, это послѣднее собраніе постановило возбудить ходатайство предъ правительствомъ о разрѣшеніи учрежденія въ губерніи «Общества для содѣйствія народному образованію и распространенію прикладныхъ знаній». Проектъ Общества былъ выработанъ до собранія, представленъ ему на разсмотрѣніе и былъ имъ одобренъ. По проекту, Общество можетъ открывать уѣздныя отдѣленія. Необходимость послѣднихъ мотивируется въ докладѣ губернской управы тѣмъ, что при такомъ условіи «Общество можетъ найти дѣятельныхъ сотрудниковъ не только въ губернскомъ городѣ, но и въ уѣздахъ, на мѣстахъ, гдѣ въ сущности и будетъ производиться самая плодотворная часть работы Общества». Затѣмъ, по мнѣнію губернской управы, представляется весьма важнымъ, чтобы просвѣтительная дѣятельность проектируемаго Общества пользовалась авторитетною поддержкою земства и была-бы органически связана

съ подобною же просвѣтительною дѣятельностью послѣдняго. Съ этою цѣлью въ составъ совѣта Общества введены, между прочимъ, предсѣдатель губ. земской управы и одинъ изъ ея членовъ, по выбору самой управы, причемъ ни тотъ, ни другой не могутъ быть избираемы въ предсѣдатели совѣта, чтобы не обременять ихъ довольно сложною работою предсѣдателя совѣта и не отвлекать такимъ образомъ отъ своихъ прямыхъ обязанностей и въ то-же время полнѣе использовать принципъ привлеченія частныхъ силъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Въ то-же время земство и учебное вѣдомство, представитель отъ котораго также входитъ въ составъ совѣта, могутъ существеннымъ образомъ вліять на дѣятельность совѣта Общества. По такимъ-же точно соображеніямъ введены въ составъ членовъ уѣздныхъ совѣтовъ Общества предсѣдатель и одинъ изъ членовъ мѣстной земской управы, если только мѣстное уѣздное земское собраніе выдаетъ уѣздному отдѣленію Общества ежегодную денежную субсидію. Въ остальномъ проектированный владимірскимъ земствомъ уставъ сходенъ съ уставами подобныхъ существующихъ уже Обществъ. Нельзя, однако, не сказать, что проектируемая владимірскимъ земствомъ солидарность частнаго просвѣтительнаго Общества и мѣстнаго земства въ дѣлѣ содѣйствія народному образованію гораздо цѣлесообразнѣе осуществляется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ между земствомъ и частнымъ просвѣтительнымъ Обществомъ существуетъ дѣйствительная совмѣстная работа въ данной области (какъ, напр., въ Харьковской губерніи), чѣмъ она можетъ осуществляться обязательнымъ введеніемъ въ составъ совѣта Общества членовъ отъ земства и учебной администраціи. Тамъ, гдѣ представители земства, городского управленія и учебной администраціи сочувствуютъ и содѣйствуютъ задачамъ частныхъ просвѣтительныхъ Обществъ, эти представители всегда избираются въ совѣты или комитеты этихъ Обществъ; вводить-же представителей самоуправленія или учебной администраціи въ видѣ обязательныхъ членовъ въ составъ совѣтовъ частныхъ, свободныхъ Обществъ, по меньшей мѣрѣ, безцѣльно, а порою могло-бы вести къ самымъ нежелательнымъ результатамъ. Надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что не всегда земскіе дѣятели понимаютъ значеніе частной инціативы и пользу, приносимую частными просвѣтительными Обществами, хорошій образчикъ чего представляетъ то, что происходило на послѣднемъ курскомъ губ. земскомъ собраніи при обсужденіи ходатайства мѣстнаго просвѣтительнаго Общества, которое образовалось изъ довольно долго существовавшей коммиссіи народныхъ чтеній. Объ этомъ Обществѣ содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи подробности уже были приведены въ «Русской Школѣ», именно въ статьѣ г. Бѣлоконскаго (см. Пед. Хр. «Русск. Шк.» за январь, стр. 254—259).

Частная инціатива въ области народнаго просвѣщенія у насъ дѣйствуетъ по преимуществу въ городахъ. Какъ ни кажется съ перваго взгляда такое направленіе частной инціативы неправильнымъ, такъ какъ, казалось-бы, въ городахъ и безъ участія частной инціативы средства народнаго просвѣщенія болѣе обширны, чѣмъ въ деревенской средѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что въ дѣйствительности, благодаря недостаточной дѣятельности нашихъ городскихъ управленій въ области народнаго образованія, городское населеніе нерѣдко оказывается въ отношеніи образовательныхъ средствъ еще въ худшемъ положеніи, нежели городское. Вообще наши городскія управленія еще до сихъ поръ не дошли до пониманія всего значенія народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи любопытно знакомиться съ пре-

ніями, которыя возбуждаются въ городскихъ думахъ при обсужденіи ассигновокъ по народному образованію. Чего только нельзя наслушаться при этомъ! Именно такими любопытными преніями сопровождалось обсужденіе ассигновокъ по народному образованію въ петербургской думѣ въ прошломъ январѣ. На содержаніе городскихъ начальныхъ училищъ управа и училищная коммиссія внесли въ смѣту 854.223 рубля, на 73.560 рублей болѣе противъ прошлаго 1898 года. Управа предлагала открыть въ нынѣшнемъ году 20 новыхъ училищъ, училищная коммиссія — 30, а финансовая коммиссія, «въ виду современнаго затруднительнаго финансоваго положенія городской кассы» (которое, кстати сказать, не помѣшало увеличенію множества другихъ расходовъ, хотя они и могли-бы быть легко отложены до болѣе удовлетворительнаго состоянія городскихъ расходовъ), предлагала открыть всего 10 школъ, исключивъ изъ представленной смѣты 23.542 рубля. При этомъ финансовая коммиссія не нашла также возможнымъ отпускать на завтраки учащихся на каждую школу, вмѣсто прежнихъ 32 р., 40 рублей, какъ предлагала училищная коммиссія. Вопросъ возбудилъ обширныя и горячія пренія. Въ защиту предложеній коммиссіи выступилъ ея предсѣдатель, гл. Стасюлевичъ. Онъ говорилъ о томъ, что, если-бы открыть даже 40 школъ, вмѣсто 30, предложенныхъ коммиссіей, и тогда это было-бы далеко недостаточно. Точно также онъ настаивалъ на необходимости ассигновки на завтраки школьниковъ по 40 рублей на школу. Финансовая коммиссія,—говорилъ г. Стасюлевичъ,—не видитъ голодныхъ дѣтей, не видитъ на блѣдныхъ истощенныхъ лицахъ дѣтей страшныхъ признаковъ голода, потому-то она и хлопочетъ объ экономіи. А ничего нѣтъ печальнѣе вида голодныхъ дѣтей, и если городъ даетъ имъ начальное обученіе, то неужели онъ откажетъ имъ въ кускѣ хлѣба? Предсѣдатель финансовой коммиссіи, гл. Покатиловъ, соглашался, что образованіе необходимо, но упорно твердилъ о «затруднительномъ положеніи городскихъ финансовъ» и «неимѣніи у города достаточныхъ средствъ на удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ нуждъ». Заключилъ г. Покатиловъ заявленіемъ о томъ, что «едва-ли цѣлесообразно снимать обязанность съ родителей заботиться о прокормленіи дѣтей», тѣмъ болѣе, что «родителей, не могущихъ прокормить своихъ дѣтей, въ Петербургѣ не такъ ужъ много». Покатилову возражалъ гл. Кедринъ, сказавшій, между прочимъ: «Грѣшно, стыдно отказывать въ кускѣ хлѣба голодному ребенку. Бѣдняковъ въ Петербургѣ очень много, гораздо больше, чѣмъ думаетъ г. Покатиловъ». Пренія эти окончились ассигнованіемъ думою всей суммы, какую испрашивала училищная коммиссія, и такимъ образомъ въ Петербургѣ въ будущемъ учебномъ году откроется 30 новыхъ школъ, которыя предположено назвать Пушкинскими, въ виду предстоящаго юбилея великаго поэта. Но противники народнаго просвѣщенія, потерявъ битву изъ-за школъ и дѣтскихъ завтраковъ, снова выдвинули свою артиллерію при обсужденіи вопроса о народныхъ читальняхъ. На читальни училищная коммиссія просила на 1899 годъ 25.200 р., на 6 тыс. рублей болѣе противъ 1898 года. И вотъ, при обсужденіи этой ассигновки, снова поднялись пренія самаго удивительнаго свойства. Гл. Стасюлевичъ вынужденъ былъ доказывать, что безплатныя читальни «додаютъ» юношеству то, что не додано ему городской читальней, а гл. Лейкинъ долженъ былъ разъяснять думѣ, что читальни отвлекаютъ народъ отъ трактира. За-то гл. Башкировъ (извѣстный волжскій мукомолъ) отвергалъ пользу, приносимую читальнями, и съ паѳосомъ восклицалъ: «Никакъ нельзя! Рѣшительно не возможно!», т.-е. не

возможно сдѣлать прибавку къ ассигновкѣ на читальни. Тѣмъ не менѣе дума приняла предложеніе училищной коммиссіи полностью, хотя только большинствомъ 38 голосовъ противъ 30. 30 петербургскихъ гласныхъ до сихъ поръ еще въ пользѣ читаленъ не убѣждены. А вѣдь Петербургъ, какъ ни какъ, нашъ первый и самый передовой городъ...

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Народныя библіотеки въ память Пушкина. — Народная или общественная библіотека?—Народныя библіотеки въ Владимірской и Петербургской губерніяхъ.—Махровская народная библіотека.—Русско-польскія народныя библіотеки.—Народные дома.

Приближеніе столѣтней годовщины рожденія Пушкина вызываетъ въ разныхъ углахъ нашей родины постановленія земскихъ собраній и городскихъ думъ объ открытіи разнаго рода просвѣтительныхъ учрежденій, связанныхъ съ именемъ нашего великаго поэта. Въ числѣ такихъ просвѣтительныхъ учрежденій, открываемыхъ въ видѣ знака уваженія къ памяти поэта, имѣютъ явиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и народныя библіотеки и читальни имени Пушкина. Такимъ образомъ, недавно московская городская дума, въ числѣ другихъ проявленій чествованія памяти Пушкина, постановила открыть третью безплатную читальню, назвавъ ее именемъ Пушкина. Точно также череповецкая городская дума (Новгородской губ.) постановила открыть при городской библіотекѣ народную читальню. Имѣется и еще нѣсколько фактовъ такого-же рода, и нѣтъ сомнѣнія, что ко дню празднованія памяти Пушкина во многихъ мѣстахъ будутъ уже дѣйствовать народныя библіотеки и читальни, посвященныя имени поэта.

Въ послѣднее время вообще наши городскія управленія стали все чаще открывать народныя библіотеки, но иной разъ случается, что они упорно отказываются отъ открытія такихъ библіотекъ, несмотря на то, что такое открытіе имъ рекомендуется, и бываютъ случаи, когда нельзя не сочувствовать такому отказу со стороны городскихъ управленій. Дѣло въ томъ, что оказываются возможными случаи, когда городскимъ управленіямъ рекомендуютъ преобразовывать публичныя библіотеки, какъ извѣстно, имѣющія право имѣть всѣ книги, кромѣ особо изъятыхъ, въ народныя, имѣющія право держать книги, только указанныя въ особомъ каталогѣ народныхъ читаленъ и содержащія довольно скудный выборъ одобренныхъ книгъ. Именно такой случай былъ въ Новороссійскѣ. Здѣсь уже нѣсколько лѣтъ существуетъ публичная библіотека, состоящая въ вѣдѣніи города. Но до сихъ поръ эта библіотека не имѣла опредѣленныхъ правилъ по ея завѣдыванію и пользованію. Такія правила и были выработаны городскою думою, причемъ, по этимъ правиламъ, завѣдуетъ библіотекою и отвѣтственъ за нее Совѣтъ библіотеки, избираемый думою на срокъ ея полномочій; библіотека имѣетъ при себѣ кабинетъ для чтенія, безплатный и доступный всѣмъ; по мѣрѣ надобности, библіотека открываетъ въ разныхъ частяхъ города свои отдѣленія; подписчики дѣлятся на четыре разряда съ очень небольшой абонементной платой: такъ, подписчики третьяго разряда уплачиваютъ одинъ рубль въ годъ или 10 коп. въ мѣсяцъ, а подписчики четвертаго разряда, пользующіеся книгами исключительно изъ дѣтскаго отдѣла, платятъ 50 коп.

въ годъ или 5 коп. въ мѣсяцъ. При такихъ библіотечныхъ правилахъ, основныя черты которыхъ (малая плата, совсѣмъ безплатный кабинетъ для чтенія, отдѣленія библіотеки) дѣлали честь новороссійской думѣ, населеніе могло безъ особыхъ затрудненій использовать книжный составъ библіотеки наиболѣе интенсивнымъ образомъ. Но, къ сожалѣнію, та же новороссійская дума вынуждена была передѣлать выработанныя ею правила въ смыслѣ стѣсненія доступа въ библіотеку болѣе бѣдной части населенія. Дѣло въ томъ, что выработанныя думою правила завѣдыванія и пользованія библіотекою, при хожденіи по разнымъ инстанціямъ, получили существенныя измѣненія. Такъ, Кавказскій учебный округъ нашелъ необходимымъ къ отдѣленіямъ библіотеки, въ виду будто-бы ихъ близкаго сходства съ народными читальнями, примѣнить правила 15 мая 1890 года о безплатныхъ народныхъ читальняхъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ пошло еще дальше, и въ виду того, что при новороссійской библіотекѣ предположенъ безплатный кабинетъ для чтенія и назначена за пользованіе книгами на дому невысокая плата, почему подчиненіе правиламъ 15 мая 1890 г. однихъ отдѣленій библіотеки «едва-ли устранитъ возможность посѣщенія самой библіотеки лицами изъ низшихъ сословій», нашло болѣе цѣлесообразнымъ подчинить правиламъ о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и самую новороссійскую публичную библіотеку; вмѣстѣ съ тѣмъ Мин. Внутреннихъ Дѣлъ нашло необходимымъ завѣдываніе библіотекою и надзоръ за нею сообразовать съ требованіями правилъ 15 мая 1890 года, возложивъ отвѣтственность по библіотекѣ не на Совѣтъ, а на одно лицо, избираемое городскою думою и утверждаемое губернаторомъ; наконецъ, Министерство нашло болѣе удобнымъ не допускать открытія особыхъ отдѣленій библіотеки, а предоставить городской думѣ, съ надлежащаго разрѣшенія, устраивать отдѣльныя библіотеки-читальни по мѣрѣ надобности. Такимъ образомъ, новороссійская публичная библіотека, основанная, главнымъ образомъ, на частныя пожертвованія, имѣющія въ своемъ составѣ много цѣнныхъ научныхъ сочиненій, и предназначенная прежде всего для удовлетворенія потребностей интеллигентной части населенія Новороссійска, должна была превратиться въ народную читальню, располагающую ничтожнымъ количествомъ книгъ, допущенныхъ въ народныя читальни. Желаніе думы предоставить возможность и бѣдной части населенія города воспользоваться доступною ему частью книгъ публичной библіотеки привело неожиданно къ уничтоженію самой публичной библіотеки и лишенію интеллигентной части населенія возможности удовлетворять одну изъ важнѣйшихъ своихъ умственныхъ потребностей—потребность въ книгѣ. Всѣ изданія на иностранныхъ языкахъ, имѣющіяся въ новороссійской библіотекѣ, множество цѣнныхъ научныхъ изданій, собранныхъ основателемъ библіотеки проф. Э. Э. Баллiономъ и полученныхъ библіотекою въ даръ, благодаря его-же стараніямъ, отъ научныхъ обществъ, университетовъ и академій, богатый отдѣлъ книгъ о Кавказѣ вообще и о Черноморской губ. въ частности—все это, при подведеніи библіотеки подъ правила 15 мая 1890 года, должно было быть изъято изъ нея, какъ не помѣщенное въ каталогѣ безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Въ виду всего этого, новороссійская дума вынуждена была отказаться отъ своего желанія сдѣлать городскую публичную библіотеку доступною возможно большей части населенія и выработала новыя правила, проникнутыя уже иною тенденціею. Такимъ образомъ, дума была вынуждена совсѣмъ отказаться отъ устройства отдѣленій библіотеки, сдѣлала кабинетъ для чтенія при библіотекѣ

доступнымъ только для подписчиковъ библіотеки, увеличила абонементную плату подписчиковъ 3-го разряда съ 1 рубля до 1 рубля 50 коп. въ годъ и съ 10 коп. до 15 коп. въ мѣсяцъ, а четвертый разрядъ подписчиковъ совсѣмъ уничтожила.

Впрочемъ, новороссійская дума все-таки можетъ осуществить свое намѣреніе—дать возможность городскому населенію имѣть книги для чтенія. Для этого ей придется, сохраняя публичную городскую библіотеку только для болѣе состоятельной части населенія, для неимущихъ читателей устроить нѣсколько народныхъ библіотекъ. Хотя, конечно, въ этомъ случаѣ большинство населенія будетъ лишено свободы выбора книгъ для чтенія и вынуждено будетъ довольствоваться только тѣми книгами, которыя допущены въ безплатныя народныя читальни, но все-же это будетъ лучше, чѣмъ полная недоступность какой бы то ни было книги для большинства населенія.

Недостаточность матеріала, даваемаго народными библіотеками, очевидна всѣмъ тѣмъ, кто работаетъ въ данной области, въ томъ числѣ и земскимъ дѣятелямъ, но, не будучи сторонниками принципа «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», они продолжаютъ неутомимо увеличивать число этихъ библіотекъ. Къ числу фактовъ этого рода, взятыхъ изъ постановленій земскихъ собраній закончившейся сессіи 1898—9 гг. и приводившихся нами въ предыдущихъ хроникахъ, мы присоединимъ еще два факта, заслуживших внимание по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. Во-1-хъ, мы имѣемъ въ виду ассигновку владимірскаго губернскаго земскаго собранія въ 13 тыс. рублей на устройство народныхъ библіотекъ-читаленъ въ губерніи, о чемъ говорится въ обзорѣ дѣятельности земства Бѣлоконскаго, помѣщенномъ въ настоящей книжкѣ «Русск. Шк.», во-2-хъ, мы имѣемъ въ виду фактъ, бывшій на петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и имѣющій уже отрицательное значеніе. Петербургское губернское земство лишь въ сессіи 1898 года (въ январѣ) постановило впервые принять участіе въ дѣлѣ распространенія народныхъ библіотекъ, которыхъ въ Петербургской губерніи, не смотря на близость столицы, до сихъ поръ крайне ничтожное число. Именно собраніе 1898 года постановило выдавать изъ суммъ губернскаго земства пособія тѣмъ уѣзднымъ земствамъ, которыя пожелаютъ открыть народныя библіотеки, при чемъ пособіе опредѣляется въ ту-же сумму, какую ассигновываютъ на библіотеки земскія собранія или мѣстное населеніе. На выдачу такихъ пособій, однако, губернское земское собраніе ассигновало всего 1.500 руб. Между тѣмъ въ теченіе 1898 года поступило ходатайствъ о пособіяхъ на устройство народныхъ библіотекъ на сумму, вдвое превышающую кредитъ, ассигнованный земскимъ собраніемъ. Затѣмъ выяснилось, что при открытіи народныхъ библіотекъ ассигнуются крайне разнообразныя по размѣрамъ суммы изъ мѣстныхъ средствъ, размѣрами которыхъ опредѣляются и размѣры пособій, при чемъ порою эти ассигновки, даже вмѣстѣ съ пособіемъ губернскаго земства, не даютъ возможности создать учрежденіе, которое заслуживало-бы поддержки (бываютъ, напр., ассигновки въ размѣрѣ отъ 10 до 30 рублей на библіотеку). Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, губ. земская управа предложила собранію 1899 года, во-первыхъ, значительно увеличить кредитъ на отпускъ пособій для устройства и содержанія народныхъ библіотекъ и, во вторыхъ, выдавать пособія только тѣмъ народнымъ библіотекамъ, наименьшій размѣръ стоимости первоначальнаго комплекта книгъ которыхъ равенъ 250 р., при чемъ пособіе губ. земства не должно превышать 150 р. При этомъ пособіе выдается или въ распоряженіе уѣзд-

наго земства, или, если уѣздное земство не занимается организаціей народныхъ библіотекъ, въ распоряженіе инспектора народныхъ училищъ, или, наконецъ, непосредственно въ распоряженіе волостныхъ и сельскихъ обществъ, устроившихъ библіотеки. Къ сожалѣнію, докладъ этотъ губернской управы собраніемъ принятъ не былъ...

Между тѣмъ слишкомъ очевидно, что губ. земству ни въ какомъ случаѣ устраняться отъ содѣйствія дѣлу народныхъ библіотекъ не возможно, такъ-же какъ очевидно, что губернское земство могло-бы сыграть нѣкоторую роль не только въ распространеніи народныхъ библіотекъ, но и въ постановкѣ ихъ на болѣе правильную и прочную почву. Польза народныхъ библіотекъ теперь должна-бы быть внѣ сомнѣнія для всѣхъ, такъ какъ она подтверждена слишкомъ обширнымъ опытомъ. Къ числу многихъ фактовъ, подтверждающихъ эту пользу и приводимыхъ нами въ каждой хроникѣ, мы присоединимъ здѣсь еще одинъ—данныя, заимствуемыя изъ отчета народной библіотеки, существующей въ селѣ Махровкѣ, Борисоглѣбскаго у., Тамбовской губ. Здѣсь народная библіотека существуетъ уже 8-ой годъ. Такимъ образомъ, значеніе ея уже вполнѣ выяснилось. И вотъ наблюденія надъ читальней и пользующимся ею населеніемъ приводятъ къ тому выводу, что, благодаря читальнѣ, потребность въ книгѣ среди мѣстнаго населенія растетъ и растетъ; въ чтеніи замѣчается больше внимательности и сознательности; окончившіе курсъ въ начальной школѣ имѣютъ возможность, благодаря библіотекѣ, пополнять свои знанія, чѣмъ они и пользуются усиленно. О размѣрахъ дѣятельности библіотеки можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1898 году библіотекой пользовалось 300 человѣкъ (278 мужчинъ и 22 женщины), взявшихъ 5.905 книгъ и періодическихъ изданій. Всего больше было взято, конечно, книгъ по беллетристикѣ—2.700 или 45%; затѣмъ слѣдуютъ книги религіознаго содержанія—1.417 или 24%, книгъ историческаго содержанія взято 546, географическаго 362, естественнонаучнаго и сельско-хозяйственнаго 190, книгъ разнаго содержанія 90 и періодическихъ изданій 700 нумеровъ. Надо замѣтить, что приведенныя числа читателей и взятыхъ ими книгъ еще не исчерпываютъ значенія библіотеки для населенія, такъ какъ подписчики берутъ книги не только для себя, но и для членовъ своихъ семей. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности и число читателей, и число прочитанныхъ ими книгъ значительно болѣе, чѣмъ это можетъ быть констатировано отчетомъ. Во всякомъ случаѣ, даже при томъ скудномъ матеріалѣ, который даетъ народная библіотека, она начинаетъ играть извѣстную и притомъ крайне симпатичную и важную культурную роль въ жизни нашего села.

Любопытны свѣдѣнія, которыя недавно были опубликованы въ «Варшавскомъ Дневникѣ» относительно «пробныхъ» народныхъ библіотекъ, устроенныхъ въ разныхъ пунктахъ Привислинскаго края. Именно, въ октябрѣ 1897 года были открыты 20 пробныхъ русско-польскихъ библіотекъ—10 при гминныхъ управленіяхъ и 10 при начальныхъ училищахъ, по одной гминной и по одной пришкольной въ каждой изъ 10 губерній Привислянскаго края. Вслѣдъ за тѣмъ, по ходатайству мѣстныхъ жителей, была открыта еще одна гминная русско-польская библіотека при Жеровецкомъ гминномъ управленіи, Кѣлецкой губ. Кромѣ русско-польскихъ библіотекъ, были открыты еще 4 пробныя русскія библіотеки въ мѣстностяхъ Забужскаго края съ русскимъ населеніемъ—всѣ при гминныхъ управленіяхъ. Русско-польскія библіотеки были составлены изъ книгъ на русскомъ и на

польскомъ языкѣ, въ пропорціи на 2 русскія книги—3 польскихъ; русскія-же библіотеки исключительно изъ однѣхъ русскихъ книгъ. Какъ тѣ, такъ и другія библіотеки, по содержанію входящихъ въ ихъ составъ книгъ, были раздѣлены на пять отдѣловъ: 1) религіозно-нравственный, 2) популярно-научный, 3) народнаго здравія, 4) сельско-хозяйственный и 5) беллетристическій. Въ русско-польскихъ библіотекахъ религіозно-нравственный отдѣлъ былъ составленъ исключительно изъ книгъ на польскомъ языкѣ, содержащихъ ученіе католической церкви и одобренныхъ католическою духовною цензурою, а въ русскихъ—изъ книгъ, одобренныхъ Св. Синодомъ и православнаго содержанія. Для пробныхъ библіотекъ были изданы особыя правила, а также инструкціи завѣдывающимъ библіотеками и попечителямъ библіотекъ, обязанности которыхъ были возложены на мѣстныхъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Устройство и завѣдываніе пришкольными библіотеками было возложено на учебное начальство, и въ этихъ библіотекахъ библіотекарями явились народные учителя. Пробныя библіотеки имѣли выдающійся успѣхъ среди населенія. Книги брались буквально нарасхватъ, книгъ не хватало, и читатели просили о присылкѣ новыхъ книгъ. Жители другихъ гминъ, при которыхъ не было учреждено библіотекъ, стали усиленно ходатайствовать объ открытіи и у нихъ подобныхъ библіотекъ, при чемъ на гминныхъ сходахъ дѣлали постановленія объ отчисленіи на этотъ предметъ части прибыли изъ ссудо-сберегательныхъ кассъ въ размѣрѣ, не только достаточномъ для открытія библіотеки, но иногда и превышающемъ сумму, которая была ассигнована на открытіе «пробныхъ» библіотекъ. Постановленія эти довольно многочисленны и встрѣчены высшею властью края сочувственно, хотя почему-то исполненіе ихъ отсрочено до выясненія результатовъ дѣйствія пробныхъ библіотекъ. А результаты эти и безъ того слишкомъ очевидны. Сводятся они къ тому-же, что наблюдается всюду въ Россіи, гдѣ только ни открывались народныя библіотеки. Какъ и всюду, въ Привислинскомъ краѣ выяснилось, что потребность въ народныхъ библіотекахъ вполнѣ назрѣла. Населеніе нуждается въ книгѣ и спѣшитъ использовать матеріалъ, который предоставляется для чтенія библіотеками. Какъ и вездѣ, читаются преимущественно книги беллетристическаго содержанія; за ними слѣдуютъ книги религіозно-нравственныя, за ними и почти рядомъ съ ними идутъ книги научнаго содержанія (историческія, географическія и естественно-научныя) и, наконецъ, наименьшимъ спросомъ пользуются книги практическаго содержанія по хозяйству и народному здравію. Нельзя не пожелать, чтобы періодъ «испытанія» для библіотекъ Привислинскаго края, по возможности, кончился скорѣе, и населеніе этого края, съ такою силою заявившее о своей нуждѣ въ книгахъ, получило возможность удовлетворять эту настоятельную потребность своей жизни.

Въ заключеніе настоящей хроники остановимся на одномъ любопытномъ общественномъ движеніи, имѣющемъ отношеніе къ дѣлу народныхъ библіотекъ,—на движеніи по устройству «народныхъ домовъ», въ которыхъ должны помѣщаться разнаго рода просвѣтительныя учрежденія, при чемъ всегда въ числѣ этихъ учрежденій фигурируютъ и народныя библіотеки-читальни. Движеніе это идетъ отъ столицъ до глухихъ селъ и отъ западныхъ окраинъ до далекихъ сибирскихъ городовъ. Такимъ образомъ, народные дома устроены, устраиваются или проектируются въ настоящее время въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ, Казани, Саратовѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Барнаулѣ, Полтавѣ, Тамбовѣ, Житомірѣ, Оренбургѣ, Челябинскѣ, Новочеркаскѣ, Ека-

катеринославѣ, Харьковѣ, Мензелинскѣ, Бугурусланѣ, Кременчугѣ, Лохвицѣ, Одессѣ, Нижне-Тагильскѣ, селѣ Городцѣ, Нижегородской губерніи, Симоскомъ заводѣ, Уфимской губерніи, на Мотовилихинскомъ заводѣ, Пермской губерніи, въ селѣ Балаковѣ, Самарской губерніи, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Народные дома устраиваются по иниціативѣ различныхъ учрежденій, а чаще по свободной общественной иниціативѣ, и на средства, собираемыя самыми разнообразными путями. Особенно часто въ учрежденіи такого рода «народныхъ домовъ» принимаютъ участіе попечительства о народной трезвости, учрежденныя Министерствомъ Финансовъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя свѣдѣнія о «народномъ домѣ», проектируемомъ въ Кременчугѣ. «Народный домъ» здѣсь устраивается по иниціативѣ мѣстнаго комитета попечительства о народной трезвости. Техническая смѣта опредѣлена въ 40 тыс. рублей. Губернское попечительство народной трезвости постановило выдать изъ своихъ средствъ въ 1899 году 15 тыс. р. и въ 1900 г.—15—20 тыс. на постройку зданія. Городская дума постановила отпустить для зданія изъ городскихъ каменоломенъ 150 куб. саженъ гранита для фундамента зданія и отвести для него 800 кв. саж. городской земли на ярмарочной площади, подъ условіемъ окончанія постройки не позже начала 1902 года. Часть средствъ на постройку должна быть собрана путемъ пожертвованій, чему уже положено начало. Въ зданіи «народнаго дома» будутъ помѣщаться аудиторія народныхъ чтеній, приспособленная также для народнаго театра, и народная библіотека-читальня. Постройка народныхъ домовъ имѣетъ то существенное значеніе для народныхъ библіотекъ, что обезпечиваетъ имъ навсегда удобное и достаточное помѣщеніе и превращаетъ библіотеки въ постоянныя, прочно поставленныя учрежденія, которыя обезпечиваются уже тою внимательностью, какую естественно привлекаетъ къ себѣ такое прочное учрежденіе.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

*Отчетъ Харьковской частной женской воскресной школы за 189²/₃ учебный годъ **).*

Въ вступленіи своемъ къ прошлогоднему отчету я писала: «Отчетъ, по моему мнѣнію, долженъ не только объективно обрисовать положеніе дѣла,— онъ долженъ еще указать на развитіе его сравнительно съ прежнимъ временемъ его существованія, отмѣтить слабыя его стороны и дать мѣры для избѣжанія ихъ, указать на желательныя расширенія въ немъ, короче— отчетъ, обрисовывая свое дѣло, долженъ въ то-же время двигать его впередъ». Годъ тому назадъ это мнѣніе сложилось во мнѣ въ то время, когда я приступала къ составленію отчета; оно не было ни испытано на практикѣ, ни обсуждено другими. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились: въ

*) Всѣ статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція проситъ доставлять въ Харьковъ, Христинѣ Даниловнѣ Алчевской или Маріи Николаевнѣ Салтыковой.

**) Мы считаемъ нелишнимъ помѣстить отчетъ за одинъ изъ предыдущихъ годовъ, такъ какъ вопросы, затрогиваемые имъ, въ большинствѣ случаевъ не утратили своего значенія; къ тому-же ни одинъ отчетъ Харьковской частной женской школы до сихъ поръ не появлялся въ печати.

возраженіяхъ на отчетъ не мало мѣста было удѣлено обсужденію самаго пониманія мною характера и цѣлей отчета. Самымъ яркимъ мнѣніемъ въ этомъ отношеніи было то, что изъ отчета безусловно долженъ быть изгнанъ критическій элементъ; отчетъ долженъ объективно нарисовать дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, съ его хорошими и дурными сторонами, но не больше. Къ этому мнѣнію примкнули многія учительницы. Вопросъ о характерѣ отчета возбуждался въ истекшемъ году нѣсколько разъ: мнѣ лично пришлось много подумать надъ нимъ, и все-таки я должна сказать, что остаюсь при прежнемъ своемъ взглядѣ, согласно съ которымъ и составленъ мною настоящій отчетъ.

1. *Ученицы.*

Въ 189²/₃ учебномъ году въ школѣ было 536 ученицъ. Къ первому учебному воскресенью ихъ было 314,—слѣдовательно, остальныя 222 ученицы приняты уже въ теченіе учебнаго времени, что составляетъ одно изъ непріятныхъ, но въ то-же время неизбѣжныхъ условій воскресной школы. Въ теченіе года выбыло 179 ученицъ, слѣдовательно, къ концу года состояло 410 ученицъ. Всѣ 536 ученицъ, перебывавшія въ теченіе года въ школѣ, раздѣляются на 271 новую и 265 прежнихъ, т. е. составъ школы на половину былъ новый, а изъ прошлогоднихъ ученицъ вернулось немного меньше половины. По мѣсяцамъ новыя ученицы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ сентябрѣ принято 143, въ октябрѣ принято 37, въ ноябрѣ принято 40, въ декабрѣ принято 10, въ январѣ принято 16, въ февралѣ принято 21, въ мартѣ принято 1, въ апрѣлѣ принято 3.

Въ отчетномъ году ученицъ принято на 101 меньше, нежели въ прошломъ; это объясняется тѣмъ, что въ прошломъ году число ученицъ значительно возросло противъ предыдущаго года; вслѣдствіе этого въ отчетномъ году прежнихъ ученицъ оказалось гораздо больше, нежели въ прошломъ (въ отчетномъ году 265, въ прошломъ—181), отчего и пріемъ новыхъ ученицъ долженъ былъ сократиться.

Больнымъ мѣстомъ школы была попрежнему невозможность принять всѣхъ желавшихъ учиться: въ отчетномъ году отказано въ пріемѣ 168 ученицамъ, т. е. 38% всѣхъ желавшихъ поступить (въ предыдущемъ году 32%); такимъ образомъ, школа все меньше и меньше удовлетворяетъ спросу на нее. Главной причиной отказыванія въ пріемѣ было попрежнему неимѣніе мѣстъ, и только въ концѣ года—неграмотность ученицъ, такъ какъ къ концу года звуковыхъ группъ не было, тогда-то и было отказано въ пріемѣ 7 подросткамъ, всѣ-же остальныя (161) дѣвочки, не попадавшія въ школу, были малолѣтнія, при чемъ 30-ти изъ нихъ было, повидимому, меньше 10 лѣтъ; говорю «повидимому», такъ какъ, какая-бы маленькая дѣвочка не приходила, чтобы поступить въ школу, она непремѣнно заявляла, что ей 10 лѣтъ, такъ какъ всѣмъ прекрасно извѣстно, что дѣти моложе 10 лѣтъ въ нашу школу совсѣмъ не принимаются. Всего печальнѣе то, что бо̀льшая половина малолѣтнихъ ученицъ, приходящихъ въ воскресную школу, имѣетъ возможность посѣщать ежедневныя школы, въ которыя не попадаетъ только вслѣдствіе недостаточнаго количества ихъ. Между тѣмъ воскресная школа не можетъ принять всѣхъ этихъ ученицъ, да даже если и могла-бы, то, конечно, по самымъ своимъ условіямъ, не можетъ дать учащемуся того, что онъ получаетъ при каждодневномъ обученіи; притомъ-же цѣлью вос-

кресной школы является обученіе, главнымъ образомъ, взрослыхъ и дѣтей-тружениковъ, свободныхъ только по праздникамъ.

Ниже я привожу статистическія свѣдѣнія обо всѣхъ ученицахъ, перебывавшихъ въ теченіе года въ школѣ, характеризующія ихъ съ разныхъ сторонъ.

Раздѣленіе ученицъ по возрасту:

10 лѣтъ	26	ученицъ	23 лѣтъ	1	ученица
11 »	49	»	24 »	1	»
12 »	88	»	25 »	2	»
13 »	87	»	26 »	4	»
14 »	86	»	27 »	1	»
15 »	62	»	28 »	1	»
16 »	52	»	29 »	1	»
17 »	22	»	31 »	1	»
18 »	13	»	36 »	1	»
19 »	15	»	37 »	1	»
20 »	13	»	40 »	1	»
21 »	3	»	42 »	1	»
22 »	3	»	51 »	1	»

Такимъ образомъ, малолѣтнихъ (отъ 10 до 12 лѣтъ) было 164 или 30%, подростковъ (отъ 13 до 15 лѣтъ) 234 или 44% и взрослыхъ (отъ 16 лѣтъ) 138 или 26% (изъ нихъ только 36 ученицъ 20-ти лѣтъ и старше).

Больше всего было ученицъ 12, 13, 14 лѣтъ. Средній возрастъ былъ 14,5 (въ прошломъ году 14), т.-е. нѣсколько выше прошлогодняго, такъ какъ въ отчетномъ году взрослыя составляли большій процентъ, нежели въ прошломъ.

По сословію:

Крестьянокъ	295	Дворянокъ	5
Мѣщанокъ	195	Почетныхъ гражданокъ	4
Цеховыхъ	28	Купеческая дочь	1
Солдатскихъ дочерей	8		

Т.-е. крестьянокъ—55%, мѣщанокъ—36%, другихъ сословій—9%.

По занятію:

Занимающихся домашнимъ хозяйствомъ (сюда входятъ малолѣтнія, не имѣющія опредѣленныхъ занятій)	287
Модистокъ, швей и бѣлошвеекъ	120
Работающихъ на табачной, бумажной и коробочной фабрикахъ	41

Конфетчицъ	29	Разныхъ ремесленницъ	9
Прислуги	26	Торговокъ	7
Прачекъ	17		

Т.-е 53% занимающихся домашними работами и 47% работницъ.

По времени пребыванія въ школѣ.

1 годъ	226	ученицъ	7 лѣтъ	2	ученицы
2 »	170	»	8 »	3	»
3 »	43	»	9 »	1	»
4 »	27	»	10 »	1	»
5 »	8	»	11 »	2	»
6 »	7	»	13 »	1	»

Т.-е., учащіяся одинъ годъ составляютъ 50%, 2 года—30% и больше 2 лѣтъ—20% (въ прошломъ году 66%, 18%, 16%). Изъ сравненія съ цифрами прошлаго года явствуетъ, что составъ школы сдѣлался нѣсколько постояннѣе.

По подготовкѣ при поступленіи въ школу.

Неграмотныхъ—222. Грамотныхъ—171. Малограмотныхъ—85. Полуграмотныхъ—58.

То-есть, неграмотными поступили въ школу 41%, грамотными 32%, малограмотными 16%, полуграмотными 11%.

Выбывшія ученицы.

Выше упомянуто, что въ теченіе года изъ школы выбыло 179 ученицъ, что составляетъ 1/3 всѣхъ ученицъ школы или 33%. Къ сожалѣнію, число выбывшихъ возросло противъ прошлаго года, когда выбыло 143 ученицы или 26%. Ученицы выбывали не равномѣрно: изъ иныхъ группъ не выбыло ни одной ученицы, изъ другихъ половина ученицъ и больше. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ особенно неудачныхъ группъ; они намъ ярко скажутъ, какое печальное явленіе это выбытіе ученицъ изъ школы. Изъ группы грамотныхъ взрослыхъ въ 14 человѣкъ выбыло 9, т.-е. 64%; изъ группы малограмотныхъ взрослыхъ въ 18 человѣкъ выбыло 13, т.-е. 72%; изъ группы грамотныхъ подростковъ въ 11 человѣкъ выбыло 8, т.-е. 73%. Эти поразительные факты распаденія группъ не могутъ быть всецѣло поставлены въ вину непреодолимо-тяжелыхъ условій жизни ученицъ, тутъ, несомнѣнно, есть доля вины и учительницъ.

Вотъ какъ раздѣляются выбывшія ученицы по времени выбытія. Въ октябрѣ выбыло 39 ученицъ (въ томъ числѣ 23 были всего одно воскресенье), въ ноябрѣ 25, въ декабрѣ 36, въ январѣ 41, въ февралѣ 26, въ мартѣ 7, въ апрѣлѣ 5.

Больше всего ученицъ выбыло въ январѣ. Иные объясняютъ это тѣмъ, что многихъ ученицъ притягиваетъ въ школу елка; время отъ времени раздаются жалобы учительницъ на то, что иныя ученицы или совсѣмъ перестаютъ ходить въ школу послѣ елки, или дѣлаются очень неаккуратными. Правда, то обстоятельство, что аккуратность ученицъ во 2-мъ полугодіи значительно падаетъ—фактъ несомнѣнный, но можно многое сказать противъ связи его съ елкой. Прежде всего надо обратить вниманіе на то, что слѣдующимъ послѣ января мѣсяцемъ по количеству выбывшихъ ученицъ является декабрь: въ январѣ выбыла 41 ученица, въ декабрѣ—36; разница незначительная; между тѣмъ этимъ выбывшимъ ученицамъ оставалось притти 2—3 воскресенья, чтобы попасть на елку; очевидно, причины выбытія глубже настолько, что ихъ не можетъ переодолѣть вполнѣ естественное, впрочемъ, въ маленькихъ желаніе попасть на елку. Затѣмъ приведу нѣсколько фактовъ. Одна изъ учительницъ пишетъ въ кружковомъ докладѣ: «Я должна покаяться, что слишкомъ поспѣшно осудила одну изъ своихъ ученицъ. Таня поступила въ послѣднее воскресенье передъ Рождествомъ, была на елкѣ и больше въ школу не явилась, такъ что я на собраніи высказала предположеніе, что она поступила въ школу только для елки. Но вотъ въ февралѣ, во время занятій, прибѣгаетъ Таня, запыхавшись, проситъ меня не выключать ея, объяснивъ, что не ходитъ въ школу, такъ какъ у нея

больна мать, и теперь-то она еле-еле вырвалась на минутку, боясь, чтобы ея не вычеркнули изъ списка учениц; я ее успокоила, и она убѣжала. Теперь мать Тани выздоровѣла, и Таня приходитъ въ школу каждое воскресенье». Еще фактъ: противъ фамиліи малограмотной дѣвушки, бывшей только разъ въ школѣ въ декабрѣ, въ одной изъ отчетныхъ тетрадей явилась надпись: «приходила для елки». Я никакъ не могла собраться разыскать эту ученицу, но меня ужасно мучило взведенное на нее обвиненіе; какъ вдругъ встрѣчаю эту дѣвушку на улицѣ, и она мнѣ объясняетъ, что разсчитывала ходить въ школу, такъ какъ хозяйка ея (она горничная) жила одна и согласилась отпускать ее; къ Рождеству-же къ ней пріѣхали родственники да и остались жить, а такъ какъ она единственная служанка, то хозяйка и слышать не хочетъ о томъ, чтобы отпускать ее въ школу; оказалось, что ея не отпустили даже и на елку, а мы ставили ей эту елку въ вину. Дѣвушка какъ разъ шла со своей хозяйкой; я бросилась было къ ней, надѣясь уговорить ее, но дѣвушка испуганно схватила меня за руку, прося ничего не говорить хозяйкѣ, такъ какъ та грозила отказать ей отъ мѣста, если еще хоть разъ будетъ упомянуто о школѣ, а она круглая сирота и дорожитъ этимъ мѣстомъ, хотя и очень тяжелымъ. Нечего было дѣлать.

Вотъ что я прочла еще въ дневникѣ одной учительницы по тому-же вопросу: «Безуспѣшно разыскивая на Уралѣ (одна изъ окраинъ города) одну изъ моихъ учениц, я вдругъ услышала за собой привѣтливый голосъ: «здравствуйте, барышня!» Ко мнѣ подходила съ ребенкомъ на рукахъ прехорошенькая дѣвочка, лѣтъ 14. Я никакъ не могла припомнить этой ученицы. Какъ часто меня окликаютъ такимъ образомъ на улицѣ, и каждый разъ, когда я не узнаю ученицы, мнѣ дѣлается ужасно стыдно: мнѣ кажется это несправедливостью по отношенію къ ученицѣ. Дѣвочка назвалась Настей Г. А, теперь я ее припомнила. Мнѣ живо представилось это имя на статистическомъ листкѣ всего съ тремя отмѣтками о присутствіи въ школѣ, а далѣе надпись: «приходила только для елки». Глядя на ея милое личико, на живость, съ которой она говорила о школѣ, о томъ, какъ она будетъ приходить въ будущемъ году, я не вѣрила зловѣщей надписи, и мнѣ стало страшно обидно за эту напрасно обвиненную дѣвочку. Мнѣ припомнилось наше собраніе и то мѣсто читавшагося тогда кружкового доклада, гдѣ говорилось, что 3 ученицы одной группы, и раньше посѣщавшія школу очень неаккуратно, перестали ходить послѣ елки; припомнилось негодованіе, высказанное по этому поводу нѣкоторыми учительницами. Одной изъ этихъ трехъ учениц была Настя, разсказывавшая мнѣ теперь, что мать ея лежитъ въ больницѣ, а на ея рукахъ маленькія дѣти. «Другихъ можно было бы еще какъ-нибудь оставить, а вотъ этого,—и она съ улыбкой указала на крошечнаго спеленутаго ребенка, котораго держала на рукахъ,—ужъ не оставить! Богъ дастъ, мать выздоровѣетъ, и на будущій годъ буду ходить въ школу»,—заключила дѣвочка. Я еще поговорила съ ней; я чувствовала себя виноватой за неправду, взведенную на нее, и мнѣ хотѣлось ласковыми словами загладить эту неизвѣстную ей вину. И тутъ-же мнѣ припомнилось, какъ въ декабрѣ этого года одна учительница, подводя ко мнѣ 16-лѣтнюю дѣвушку, съ негодованіемъ говорила, что вотъ уже третій годъ она приходитъ передъ елкой, а въ январѣ исчезаетъ, и просила помѣстить ее въ другую группу, не желая имѣть съ ней дѣла. Я привела виноватую дѣвушку въ группу молоденькой учительницы, очень горячо относящейся къ дѣлу, и, разсказавъ ей исторію дѣвушки, просила обратить

на нее особенное вниманіе. Вотъ что пишетъ объ этой ученицѣ въ своемъ отчетѣ учительница: «Принявъ Дашу въ число своихъ ученицъ, мнѣ ужасно захотѣлось пріохотить ее къ занятіямъ; въ теченіе всего года я особенно заботилась о ней, стараясь заинтересовать ее и чтеніемъ, и письмомъ, и ариѳметикой, что мнѣ и удалось; несмотря на свою неспособность, она не отставала отъ группы, благодаря необычайной старательности и вниманію, съ которыми она все исполняла. Школу она посѣщала очень аккуратно и брала книги изъ библіотеки. Ей особенно нравились сочиненія Гоголя, и она прочла всѣ имѣвшіяся въ библіотекѣ, сама требуя ихъ по перечню на обложкѣ. Пересказывала она всегда очень охотно и толково. Однимъ словомъ, Даша сдѣлалась одной изъ исправныхъ и особенно дорогихъ для школы ученицъ, и я увѣрена, что и на слѣдующій годъ она вернется въ школу».

Я остановилась на этомъ вопросѣ потому, что обвиненія ученицъ въ приходѣ въ школу для елки раздаются довольно часто и производятъ крайне непріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ приведенные мною факты указываютъ, какъ легко ошибаться, обвиняя ученицу въ томъ, что ее привело въ школу не желаніе учиться, а какая-либо побочная цѣль. Кромѣ того, подобное обвиненіе ученицы является въ то-же время обвиненіемъ и учительницы,— и я съ удовольствіемъ вспоминаю голосъ, говорившій на одномъ изъ нашихъ собраній о томъ, что если ученица пришла въ школу съ цѣлью получить подарокъ, то дѣло учительницы заинтересовать ее школой до такой степени, чтобы эта наивная цѣль отошла, по крайней мѣрѣ, на второй планъ.

Возвращаюсь теперь къ свѣдѣніямъ о выбывшихъ ученицахъ. По возрасту онѣ раздѣляются на 32 малолѣтнихъ, 92 подростка и 55 взрослыхъ, т.-е. малолѣтнихъ 20%, а подростковъ и взрослыхъ по 40% всѣхъ перебывавшихъ въ школѣ; это вполнѣ естественно, такъ какъ малолѣтнія гораздо свободнѣе подростковъ и взрослыхъ. Причины выбытія ученицъ слѣдующія: 37 ученицъ—запрещеніе хозяйки (изъ нихъ 21 ученицы хозяйки модистки, а 16 служатъ горничными или нянями), 30 ученицъ—недосугъ, 14—нежеланіе учиться, 12—болѣзнь, 10—отъѣздъ, 8—отдаленность школы при сильной занятости по буднямъ, 5 ученицъ—переходъ въ новую воскресную школу, 4—запрещеніе родныхъ, 4—переходъ въ ежедневную школу, 3—боязнь притти, такъ какъ много пропустили и думали, что исключены, 2—приходъ для елки, 1—смерть, 1 приходила спеціально, чтобы научиться считать на счетахъ,—научилась и выбыла, тѣмъ болѣе, что ей очень далеко ходить, 1 поступила только для того, чтобы брать книги, и, записавшись въ библіотеку, выбыла. Причины выбытія остальныхъ 47 не удалось узнать.

Постараюсь дать нѣкоторыя разъясненія приведенныхъ рубрикъ и указать тѣ мѣры, которыя можно практиковать противъ выбытія ученицъ. Наибольшее число выбыло вслѣдствіе запрещенія хозяйки; тутъ, конечно, одинъ исходъ — личныя сношенія съ хозяйкой. Эту мѣру испробовали, какъ видно изъ имѣющихся у меня матеріаловъ, только три учительницы: попытка двухъ изъ нихъ оказалась неудачной: хозяйка-модистка категорически отказала пускать ученицу; попытка третьей учительницы увѣнчалась успѣхомъ: хозяйка, тоже модистка, начала аккуратно отпускать ученицу въ школу, требуя только, чтобы она приносила отъ учительницы записку о томъ, что была въ школѣ. Такимъ образомъ, эта мѣра (переговоры съ хозяйками) можетъ иногда достичь цѣли, особенно относительно модистокъ; когда-же дѣвушка или дѣвочка находятся въ услуженіи, то это, конечно, гораздо труднѣе. Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы всѣ учительницы

практиковали эту мѣру, такъ какъ нѣкоторая часть маленькихъ труженицъ, во всякомъ случаѣ, будетъ, благодаря этому, спасена для школы.

Выше въ таблицѣ стоитъ, что 30 ученицъ выбыли изъ школы за *недосугомъ*; слово это очень растяжимо, и мнѣ хочется привести нѣсколько отрывковъ изъ отчетовъ учительницъ, ярко рисующихъ этотъ недосугъ. Вотъ что читаемъ мы въ одномъ изъ отчетовъ: «Б., проходивъ въ школу 9 воскресеній, больше не появлялась; ея отсутствіе я легко могу объяснить: она живетъ съ отцомъ и маленькими братьями и сестрами; отецъ служитъ сторожемъ и дома никогда не бываетъ; мать больна чахоткой и лежитъ въ больницѣ; моя ученица работаетъ поденно на фабрикѣ, такъ что ея маленькіе братья и сестры остаются дома не только безъ присмотра, но и безъ горячей пищи, и питаются почти однимъ хлѣбомъ. Понятно, что, несмотря на сильное желаніе научиться грамотѣ, воскресенье ей приходится отдавать дому, чтобы накормить семью, голодавшую цѣлую недѣлю».—«Не могу не сказать нѣсколько словъ,—пишетъ другая учительница,—о Варѣ Д. Это дѣвочка необычайно серьезная для своихъ лѣтъ: улыбка никогда не появляется на ея лицѣ; она тихонько просиживаетъ всѣ 4 часа на своемъ мѣстѣ, не переставая то читать, то писать: она не хочетъ потерять ни минуты. Сразу видно, что эта дѣвочка рано познакомилась съ трудомъ. И дѣйствительно, съ 10 лѣтъ (ей теперь 15) она работаетъ на табачной фабрикѣ, за цѣлый длинный день получая 30 коп. Свой единственный свободный день она съ наслажденіемъ отдаетъ школѣ; приходить туда ей составляетъ удовольствіе; она пропускаетъ очень рѣдко: смерть брата, разливъ рѣки—вотъ какія причины помѣшали ей придти въ школу. Варя являлась моей помощницей на урокѣ чтенія: такъ какъ она прекрасно читаетъ, то я поручала ей одну изъ слабѣйшихъ ученицъ въ то время, когда слѣдила за чтеніемъ другихъ. Я очень полюбила эту милую, симпатичную дѣвочку, и мнѣ грустно, что она не будетъ ходить въ школу, а причина этому вотъ какая: у Вари подросла меньшая сестра, и ей необходимо научиться грамотѣ; обѣ дѣвочки изъ дому не могутъ уходить, такъ какъ одна изъ нихъ должна присматривать за хозяйствомъ, и вотъ Варя великодушно жертвуетъ единственнымъ удовольствіемъ своей трудовой жизни на пользу маленькой сестренки, которая, «не дай Богъ, останется неграмотной».

Въ рубрику «выбывшихъ за недосугомъ» вошла и слѣдующая ученица, причина выбытія которой исключительна. Вотъ что говорится о ней въ одномъ изъ кружковыхъ докладовъ: «Въ группѣ есть одна дѣвушка, выдающаяся по своимъ способностямъ: она занималась лучше всѣхъ и всегда была первой. Но хозяева ея (она служитъ въ аптекарскомъ магазинѣ) стали отпускать ее въ школу только черезъ воскресенье; конечно, при такихъ условіяхъ дѣвушка, несмотря на свои способности и прилежаніе, не могла уже быть первой въ средѣ своихъ товарокъ. Она откровенно призналась учительницѣ, что не можетъ примириться съ этимъ и оставитъ школу. Учительница убѣждала ее продолжать занятія хотя-бы и черезъ воскресенье; дѣвушка и пообѣщала было, но все-таки перестала ходить въ школу: отказаться отъ роли первой ученицы, очевидно, было не по силамъ самолюбивой дѣвушкѣ».

14 ученицъ выбыло вслѣдствіе *нежеланія учиться!* Это очень большое число, особенно сравнительно съ прошлымъ годомъ, когда по нежеланію учиться выбыла всего одна ученица. Я особенно тщательно разыскивала въ отчетахъ учительницъ и другихъ матеріалахъ свѣдѣній объ этихъ учени-

цахъ, но, къ сожалѣнію, могу привести по этому поводу только слѣдующій отрывокъ изъ одного изъ отчетовъ: «В., по словамъ ея подруги, не хочетъ больше ходить въ школу. Въ школѣ учатъ, учатъ, а все равно ничему не выучатъ!» говоритъ она. И въ этихъ словахъ, и въ самомъ фактѣ ухода В. какъ-бы прямое обвиненіе мнѣ; но, вдумываясь и вспоминая эту дѣвочку, я въ сущности не могу признать себя виноватой. Мнѣ стоило непомѣрныхъ усилій бороться съ ея невниманіемъ и шалостями, которыми она заражала всю группу. Когда ея нѣтъ въ школѣ, занятія въ нашей группѣ идутъ прекрасно: дѣвочки внимательны, прилежны, старательны; стоитъ ей появиться—всего этого какъ ни бывало, и я уже не въ силахъ совладѣть съ группой. Къ тому-же она учится на годъ дольше всѣхъ ученицъ, а знанія у нея хуже всѣхъ. Чтобы какъ-нибудь повліять на нее, я должна была-бы всѣ свои силы отдать ей, забросивъ всю группу, а сдѣлать это я считаю себя не въ правѣ. Когда я узнала, что В. не придетъ больше въ школу, мнѣ, конечно, сдѣлалось грустно, что дѣвочка ушла, не вынеся никакой пользы изъ школы; но въ то-же время я сознавала, что уходъ ея былъ на пользу всѣмъ остальнымъ ученицамъ».

О 13-ти другихъ ученицахъ, не пожелавшихъ учиться, я нигдѣ не нашла ни слова; и это очень грустно, такъ какъ эти ученицы неизбѣжно являются упрекомъ учительницамъ, не умѣвшимъ заинтересовать ихъ школой.

Отдаленность мѣста жительства отъ школы, конечно, имѣетъ значеніе для ученицъ, — и не мудрено, что это было причиной ухода изъ школы 8 ученицъ; всѣ онѣ живутъ за городомъ, по буднямъ работаютъ на фабрикахъ. При такихъ условіяхъ посѣщеніе школы является настоящимъ подвигомъ, на который способны только немногія, избранныя натуры.

5 ученицъ, перешедшихъ въ новую воскресную школу, или учились, или окончили курсъ въ ремесленной школѣ, при которой была открыта воскресная; такимъ образомъ, вернуться туда ихъ заставили вполнѣ естественныя привязанности къ школѣ, которая дала имъ первыя знанія.

Что касается запрещенія родныхъ, то тутъ относительно всѣхъ 4-хъ случаевъ есть нѣкоторыя разъясненія: одну дѣвочку, несмотря на ея сильное желаніе, не пускала мать, такъ какъ ей приходилось ходить за 5 верстъ; родные двухъ другихъ дѣвочекъ находили, что въ школѣ ихъ ничему не научатъ, и, наконецъ, мать послѣдней дѣвочки, несмотря на всѣ ея просьбы, не пускала ее въ школу, находя, что у нея достаточно знаній, и не желая сдѣлать изъ нея, какъ она выразилась, «умную». Во всѣхъ этихъ случаяхъ, конечно, слѣдовало-бы войти въ сношенія съ родными, и попытки въ этомъ направленіи, думается мнѣ, могли-бы быть успѣшны; въ подтвержденіе приведу слѣдующій фактъ, о которомъ говорится въ одномъ изъ кружковыхъ докладовъ: «Одна изъ ученицъ, посѣщавшая школу пятый годъ, поступила въ модный магазинъ. Отецъ ея, боясь, что дочь, работая цѣлую недѣлю, а въ воскресенье занимаясь въ школѣ, будетъ сильно уставать, запретилъ ей ходить въ школу, несмотря на всѣ ея просьбы. Учительница, узнавъ объ этомъ, написала отцу ученицы письмо, въ которомъ просила его отпускать дочь въ школу. Въ слѣдующее воскресенье дѣвочка снова явилась и очень благодарила учительницу за ходатайство передъ отцомъ».

Мнѣ хочется немного остановиться еще на одной причинѣ выбытія изъ школы, а именно на боязни вернуться въ школу послѣ большого перерыва. Объясняется это тѣмъ, что иныя учительницы вычеркиваютъ изъ отчетныхъ тетрадей ученицъ, пропустившихъ много воскресеній; ученицамъ

это кажется равносильнымъ исключенію изъ школы, и, узнавъ объ этомъ отъ подругъ, онѣ часто уже не смѣютъ вернуться въ школу. Вотъ что говоритъ по этому поводу дневникъ одной изъ учительницъ: «Мы, наконецъ, добрались до Маслянниковскаго переулка, одного изъ дальнихъ переулковъ на Уралѣ, и нашли домикъ, въ которомъ жила Маша, не ходившая въ школу съ самой осени. Навстрѣчу намъ высыпало все семейство: тутъ была и старушка-бабушка, и отецъ, и красавица-мать, около которой лѣпилось три голубоглазыхъ ребенка, и еще кто-то. Маши не было дома. Мать объяснила, что осенью кормъ былъ дорогъ, и Машѣ приходилось по цѣлымъ днямъ пасти въ полѣ корову, поэтому и въ школу нельзя было никакъ ходить. Наступила зима; Маша освободилась, но идти въ школу и боязно, и стыдно, такъ какъ пропустила много воскресеній, да еще подруги говорятъ, что ее «вычеркнули». «Опять мы виноваты,—съ горечью думала я,—развѣ мы не могли втолковать имъ, что школа для нихъ всегда открыта?» Вмѣсто этого я объясняла это теперь, когда учебный годъ кончался, а мать сокрушенно качала головой, повторяя: «Какая жалость, какая жалость! а какъ Маша-то будетъ жалѣть!»—«Ну, будущій годъ будетъ ходить!» —утѣшала я ее, но и она, и я понимали, что не вернуть потеряннаго года. Опять до слезъ больно, а сами виноваты. Я объяснила, что лѣтомъ будутъ выдаваться изъ библіотеки книги, и Маша можетъ приходить мѣнять ихъ. Женщина обрадовалась.—«Маша моя страсть какъ любитъ читать,—съ гордостью говорила она,—я ей купила евангеліе и еще книгу какую-то, мальчишка на улицѣ продавалъ; она каждый вечеръ сидитъ читаетъ, а мы всѣ слушаемъ. Она у насъ хорошо читаетъ, а вѣдь въ годъ всего у васъ научилась; спасибо вамъ!» Мы поговорили еще и дружески распрощались, передавъ Машѣ поклонъ».

Остальныя причины, въ родѣ отъѣзда, болѣзни, перехода въ ежедневную школу и нѣкоторыя исключительныя обстоятельства, не требуютъ объясненія; упомяну только еще о 23 ученицахъ, бывшихъ въ школѣ всего одинъ разъ: едва-ли ихъ можно было удержать, такъ какъ или причины, уведшія ихъ изъ школы, были непреодолимы, или онѣ пришли въ школу изъ пустого любопытства, побѣдить которое въ одно воскресенье, конечно, очень трудно, особенно, если это первое учебное воскресенье въ году, всегда отличающееся нѣкоторымъ неустройствомъ.

Приведенныя выдержки указываютъ, что въ этомъ году большее число учительницъ задумывалось надъ уходомъ ученицъ изъ школы, стараясь разузнать о причинахъ его. Къ сожалѣнію, онѣ все-таки составляютъ незначительное число въ сотнѣ учительницъ прошлаго года. Говорить о значеніи заботливаго, любовнаго отношенія къ ученицамъ по меньшей мѣрѣ излишне, да и развѣ могла-бы я сказать что-нибудь болѣе краснорѣчивое приведенныхъ выдержекъ? Я нарочно привела ихъ въ такомъ количествѣ, такъ какъ онѣ интересны и безотносительно, давая не мало характеристическихъ черточекъ нашихъ ученицъ, что не можетъ не быть намъ дорого. Я попрежнему утверждаю, что совсѣмъ не трудно было-бы каждой учительницѣ слѣдить за выбывающими ученицами,—вѣдь это 2—3, въ рѣдкихъ случаяхъ больше, ученицы на группу; совсѣмъ не обязательно въ такомъ случаѣ посѣщать ученицъ; я, напр., практиковала такой способъ: по адресамъ ученицъ разыскивала такую, которая жила на одной улицѣ съ ученицей, переставшей посѣщать школу, и въ воскресенье обращалась къ ней; очень часто ученица сразу могла дать мнѣ всѣ нужныя разъясненія; въ

противномъ случаѣ я поручала ей разузнать къ слѣдующему воскресенью, и ученицы всегда охотно и исправно исполняли мою просьбу. Но даже при такомъ способѣ одно лицо не можетъ собрать свѣдѣній о 150 ученицахъ, тѣмъ болѣе, что для того, чтобы мѣра эта имѣла практическое значеніе, необходимо справляться объ ученицѣ не болѣе, какъ послѣ 3—4 пропущенныхъ воскресеній. Слѣдить за пропусками ученицъ и выбытіемъ ихъ изъ школы, безспорно, должно быть одной изъ обязанностей учительницъ и остается только пожалѣть, что лишь немногія изъ нихъ исполняютъ ее, что и даетъ мнѣ право такъ подробно говорить объ этомъ. Ставя все-таки выше всякихъ разсужденій факты изъ жизни, приведу еще послѣдній отрывокъ изъ отчета одной учительницы, характеризующій чрезвычайно вдумчивое, заботливое отношеніе къ уходу ученицъ изъ школы: «Походивъ три воскресенья, одна изъ моихъ ученицъ перестала показываться; я не особенно была удивлена ея исчезновеніемъ: въ то время, какъ ея подруги внимательно слѣдили за тѣми линіями, которыя я имъ показывала, и терпѣливо исписывали ими свои доски, зная, что это скучное начало необходимо для того, чтобы затѣмъ легче было писать буквы, я никакъ не могла заставить ее сосредоточиться, не разглядывать по сторонамъ, не пересмѣиваться съ сосѣдками изъ чужой группы; къ моимъ объясненіямъ она относилась очень вяло и разсѣянно. Однимъ словомъ, съ самаго начала мнѣ казалось, что она не имѣетъ никакого желанія учиться, а что ее послалъ въ школу кто-нибудь посторонній. Вторая выбывшая ученица поступила въ школу на три воскресенья позже другихъ. Она выказывала гораздо больше усердія, но, къ сожалѣнію, очень мало способностей. Такъ какъ пришла она позже другихъ, когда мы уже прошли элементы, то я звала ее заниматься къ себѣ на домъ. Это оказалось возможнымъ, такъ какъ дѣвушка, повидимому, была не бѣдна и жила дома, занимаясь хозяйствомъ. Вскорѣ она заболѣла и цѣлый мѣсяцъ пропустила; опять пришлось заниматься съ ней на дому; въ классѣ она все таки отставала. Походивъ два воскресенья подъ-рядъ, она опять стала пропускать вслѣдствіе болѣзни и, наконецъ, совсѣмъ прекратила свои посѣщенія. Эту ученицу я пыталась всѣми силами удержать въ школѣ, пополняя ея пропуски и недостатокъ способностей отдѣльными занятіями, но она все-таки оставила школу. Третья ученица была въ школѣ 5 воскресеній, потомъ не являлась въ школу 7 воскресеній подрядъ. На мои усиленныя просьбы, которыя я передавала ей черезъ подругъ, она опять появилась на три воскресенья и затѣмъ исчезла окончательно. Эта ученица при поступленіи знала отдѣльныя буквы, хотя и не всѣ; способности у нея были прекрасныя; благодаря этому, она всегда опережала своихъ товарокъ; я думаю, что ей было скучно въ нашей группѣ. Подъучившись настолько, чтобы знать всѣ буквы, она ушла, прекрасно читая слова, помѣщенныя въ «азбукѣ». Черезъ подругъ она передавала, что очень занята и потому не будетъ ходить; мнѣ-же все-таки не вѣрится, чтобы это была истинная причина».

Аккуратность посѣщенія.

Всѣхъ посѣщеній ученицъ за годъ было 8.367; среднее число ученицъ на воскресенье—247, причемъ въ первомъ полугодіи среднее—290, во второмъ — 215. Разница въ аккуратности посѣщенія школы ученицами въ первомъ и второмъ полугодіяхъ замѣчалась всегда. Причина этого оконча-

тельно не выяснена. Указываютъ на то, что въ первомъ полугодіи притягиваетъ въ школу елка; мое мнѣніе по этому поводу достаточно подробно приведено выше; прибавлю только, что во второмъ полугодіи есть тоже школьный праздникъ, который ученицы такъ-же любятъ. Указываютъ еще на то, что наступающая весна тянетъ ученицъ въ поле, въ лѣсъ, на просторъ. Это, я думаю, имѣетъ значеніе, и вполнѣ естественное, особенно для ученицъ, всю недѣлю проводящихъ или въ душной мастерской модистки, или въ еще болѣе тяжелой обстановкѣ фабрики. Съ своей стороны могу указать еще то обстоятельство, что неграмотныя ученицы, сильно занятыя по буднямъ, а иногда и по воскресеньямъ, научившись грамотѣ въ первое полугодіе, начинаютъ неаккуратно посѣщать школу во второмъ полугодіи; это опять-таки естественно, такъ какъ аккуратное посѣщеніе школы для иныхъ ученицъ является настоящимъ подвигомъ, на который онѣ перестаютъ быть способны, когда ближайшая ихъ цѣль—научиться читать—достигнута. Все это нѣсколько объясняетъ разницу въ посѣщеніи ученицами школы въ разныя полугодія.

Больше всего ученицъ было 13-го декабря—354, меньше всего—92 ученицы—7 марта, въ день сильнѣйшаго разлитія воды, прекратившаго сообщеніе школы съ зарѣчными и залившаго всѣ прирѣчныя части города. По мѣсяцамъ наибольшее число ученицъ приходится на ноябрьскія воскресенья (среднее число 309 на воскресенье) и меньше всего—на мартовскія (176).

Аккуратность посѣщенія школы ученицами—67% (въ прошломъ году 69%), при чемъ аккуратность взрослыхъ—66%, подростковъ—60%, малолѣтнихъ — 71%. Причины неаккуратнаго посѣщенія тѣ-же, что и выше названныя причины выбытія ученицъ изъ школы; слѣдовательно, и мѣры для избѣжанія ихъ тѣ-же; поэтому, чтобы не повторяться, я только попрошу вспомнить все то, что я говорила выше, а сама приведу лучше нѣсколько примѣровъ изъ жизни. Многіе отчеты вскользь перечисляютъ причины неаккуратнаго посѣщенія ученицъ, но, къ сожалѣнію, только очень немногіе останавливаются на нихъ подробнѣе. Вотъ двѣ-три выдержки изъ отчетовъ: «М. очень симпатичная дѣвочка; она серьезно относится къ школѣ и занятіямъ; такъ какъ она отстала отъ группы, то, когда у насъ начались вечернія занятія, я просила ее приходить». «Не знаю, пуститъ-ли отецъ: вѣдь я дома работаю»,—сказала она мнѣ. Въ первую-же пятницу она не явилась; тогда я, съ ея согласія, отправилась къ ней на домъ. Меня привѣтливо встрѣтила ея мать, говоря, что давно хотѣла видѣть учительницу своей дочери, и начала горячо благодарить меня за то, что я съ ней занимаюсь. Отецъ согласился отпускать дочь, и съ тѣхъ поръ М. не пропустила ни одной пятницы. Изъ другихъ ученицъ часто пропускала Н.; она жила у модистки и на мои разспросы отвѣчала, что ея не пускаетъ въ школу хозяйка, въ видѣ наказанія за ту или иную провинность. Я отправилась къ ней; она встрѣтила меня очень любезно, сейчасъ-же согласилась отпускать Н. не только каждое воскресенье, но и по пятницамъ, и благодарила меня за то, что я пришла, «такъ какъ,—прибавила она,—я не всегда довѣряю дѣвочкамъ». Съ этихъ поръ Н. стала приходить аккуратно, каждый разъ принося мнѣ поклонъ отъ хозяйки. Потомъ я узнала, что изъ этой мастерской въ школу ходитъ нѣсколько ученицъ, и не разъ слышала отъ нихъ похвалы хозяйкѣ за хорошее обращеніе и позволеніе ходить въ школу». «Зина С., — пишетъ другая учительница, — способная и прилежная дѣвочка, аккуратно посѣщавшая школу въ началѣ года, въ концѣ сдѣлалась

самой плохой ученицей; весь годъ былъ для нея несчастенъ: ноябрь мѣсяцъ она проболѣла, потомъ только-что оправилась и стала ходить въ школу. какъ ее отдали къ модисткѣ, которая не каждое воскресенье стала пускать ее; мартъ мѣсяць Зина опять проболѣла. Грустно было видѣть ея печальное и сконфуженное лицо въ послѣднія воскресенья, когда она не могла отвѣтить ни на одинъ вопросъ, на который ея подруги отвѣчали безъ затрудненія. Я предложила ей приходить по пятницамъ. «Не могу,—печально отвѣчала она,—хозяйка не пуститъ, работы много!» Быть можетъ, если бы учительница обратилась къ модисткѣ, та и стала-бы отпускать Зину, и это внесло-бы радость въ грустную жизнь дѣвочки.

«Я поступила въ группу въ ноябрѣ мѣсяцѣ,—говорится въ другомъ отчетѣ.—Взглянувъ на страницы отчетной тетради съ записями посѣщеній ученицъ. я съ удивленіемъ замѣтила, что первыя три воскресенья всѣ дѣвочки были на лицо, а затѣмъ стали ходить крайне неаккуратно. Мои разспросы выяснили, что одна изъ учительницъ группы рѣдко бывала въ школѣ, и ее часто замѣнялъ кто-нибудь изъ запасныхъ учительницъ «Что мы будемъ ходить,—говорили дѣвочки,—когда у насъ нѣтъ своей учительницы, каждый разъ все новая да новая!»—«И каждая по своему занимается — одна такъ, другая иначе!»—прибавилъ голосъ побойчѣе. Я увѣрила дѣвочекъ, что буду приходить каждый разъ, и черезъ 4 – 5 воскресеній дѣло наладилось, и дѣвочки стали приходить аккуратно».

Вотъ еще отрывокъ изъ дневника одной учительницы: «Между ученицами, переставшими посѣщать школу, была и Паша Л., дѣвочка 14 лѣтъ; она не ходила въ школу цѣлыхъ 2 мѣсяца. Лично я ее не знала, и она совершенно затерялась въ массѣ ученицъ. причины отсутствія которыхъ въ школѣ я силилась узнать. Наконецъ, мнѣ удалось найти между нашими ученицами дѣвушку. жившую въ одномъ домѣ съ Пашею; это была Варя Д. На бѣду, она нѣсколько воскресеній подъ-рядъ не ходила въ школу. Когда же она, наконецъ, пришла, то на мои разспросы о Пашѣ, оказавшейся ея подругой, заявила, что та не хочетъ ходить въ школу. Отъ такого отвѣта мнѣ всегда дѣлается нестерпимо больно и обидно. Ученица не хочетъ идти въ школу—значитъ, школа не съумѣла заинтересовать ее, привязать къ себѣ; значитъ, школа виновата. Каждое воскресенье я подходила къ Варѣ, силясь получить отъ нея объясненіе этого «не хочетъ». Дѣвушка встрѣчала меня какъ-то хмуро и недовольно повторяла: «Не хочетъ, вотъ и все тутъ! Да я вамъ уже который разъ это говорю!» Мнѣ дѣлалось стыдно своей настойчивости, и я извинялась тѣмъ, что не записала ея отвѣта и забыла его. А на слѣдующее воскресенье я опять тревожно подходила къ Варѣ и силилась какъ-нибудь навести разговоръ на Пашу. И какъ я рада теперь своей настойчивости, казавшейся Варѣ непростительной назойливостью. Прошлое воскресенье, когда я опять подошла къ ней съ разспросами, она отвела меня въ сторону и съ усиліемъ мрачно сказала: «Ну, ужъ коли вы такъ хотите знать, такъ не ходитъ она въ школу потому, что башмаковъ нѣтъ!» Такъ вотъ что значитъ это «не хочетъ»! Варя разсказала мнѣ, что Паша съ матерью и маленькой сестрой переѣхала изъ ихъ дома, но живетъ неподалеку, однако дать мнѣ точнаго адреса она не можетъ; провести могла бы, да она модистка и возвращается домой поздно вечеромъ. Мы условились, что она предупредитъ мать о томъ, что я зайду узнать Пашинъ адресъ. Въ среду я отправилась вдвоемъ съ одной учительницей и студентомъ-провожатымъ. Варинъ адресъ: Зміевская, № 3. «Ну, это не далеко,—утѣшала я себя дорогой,—

улица большая, домъ въ самомъ началѣ, найти не трудно; это не то, что въ понедѣльникъ, когда мы прошли всю Журавлевку, потревожили многихъ обывателей, переговорили съ десяткомъ нашихъ ученицъ, и въ концѣ концовъ узнали, что разыскиваемыя нами дѣвочки живутъ за Журавлевкой на какомъ-то хуторѣ, куда мы пойти не могли, такъ какъ былъ 8-й часъ, и мы спѣшили на собраніе. Однако надежда моя не оправдалась. Нашли мы № 3 на Зміевской, но никакихъ Д. во дворѣ не только не оказалось, но даже никогда и не было. Ужасно было досадно. Я въ сотый разъ упрекала себя въ томъ, что небрежно опрашиваю адресы ученицъ. Какъ плохо я ни знаю окраины Харькова, однако приходилось слышать, что за Зміевской улицей есть Зміевская дорога; мы рѣшили пойти туда, надѣясь что тамъ будетъ новый третій нумеръ. Шли мы долго. Улица, очевидно, перешла въ дорогу, по обѣимъ сторонамъ тянулись совсѣмъ деревенскія хаты, а за ними виднѣлись зеленыя поля. Между тѣмъ нумера шли 60-е, 70-е, надежды на 3-й № никакой. Къ счастью, намъ встрѣтилась одна изъ нашихъ ученицъ, указавшая намъ, гдѣ живутъ Д.; оказалось, что домикъ ихъ въ самомъ дѣлѣ подъ № 3, но въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ переулковъ, выходящихъ на Зміевскую дорогу. Къ намъ вышла вся семья Д., тутъ-же была и Варина сестра, кандидатка въ наши ученицы; сама Варя была у модистки; мать тоже знала меня. «Уже два раза приводила я ее къ вамъ въ этомъ году, — говорила она,—а вы не приняли, сказали, что мѣста нѣтъ; во второй разъ зеленый билетикъ дали; я его какъ берегу! Ужъ въ сентябрѣ, сдѣлайте милость, примите!»—«Примите!» – повторяла, весело блестя глазами, и дѣвочка. Я обѣщала. Тутъ-же оказалась и Пашина мать. Мы вдругъ страшно смутились: говорить при Д. было не возможно. «Намъ хотѣлось-бы повидать Пашу!»—сказала я. Она, оказалось, была на фабрикѣ. Женщина неохотно повела насъ къ себѣ. «И что имъ нужно, этимъ барышнямъ?»—говорили ея печальные глаза, и блѣдное лицо выражало недовольство. Дорогою мы разговорились. «Все горе,—говорила женщина,—что мужъ померъ, вотъ уже второй годъ, а то ничего жили; мужъ былъ каретникомъ... Теперь я шитьемъ занимаюсь, да совсѣмъ работы нѣтъ; ищешь, ищешь—много на 50 коп. найдешь, да и опять дѣлать нечего. Вотъ теперь вторую недѣлю къ торговкѣ хожу, обѣщала работу дать, да каждый день говоритъ: «приходи завтра, еще не купила!» а жить-то вѣдь надо... вѣдь двѣ дочки; старшая, что въ школу ходила, мнѣ въ шитьѣ могла бы помогать, да работы нѣтъ; хотѣла въ модистки отдать, ее-бы даромъ взяли, потому что она къ шитью пріучена, да одѣвать нечѣмъ, башмаковъ не на что купить. Мучилась я, мучилась, да отдала на фабрику на табачную. И ходить-то далеко, и работа-то тяжелая,—уходитъ въ 5 час., приходитъ въ 8 час., а платятъ-то всего 10 коп. въ день; ее-же на это не прокормишь; два года если на фабрикѣ пробудетъ, такъ доработается до 30 коп. въ день... А люди говорятъ, что къ тому времени чахотка сдѣлается; ей всего 14-й годъ, да и слабая она, а работа тяжелая, да и табакъ вреденъ... Вотъ она жизнь! Пробьется года два, а тамъ умирать!» И женщина еще грустнѣе поникла головой. «А ужъ какъ ей въ школу хочется,—продолжала она черезъ нѣсколько минутъ,—да стыдно безъ башмаковъ идти. Ей одна женщина свои разорванные подарила; въ нихъ она на фабрику ходитъ; идетъ рано, возвращается поздно, такъ оно ничего, а въ школу никакъ нельзя... Вѣрите-ли, въ церкви сколько времени не была!.. Что дѣлать!» Женщина говорила все это какъ-то тихо, спокойно, будто про себя; ни тѣни ропота не слышно было въ ея словахъ; не звучали они ни прось-

бой, ни надеждой на лучшее будущее—одна покорность... Только при упоминаніи о чахоткѣ, грозящей дочери, голосъ ея звучалъ глуше, и нѣсколько слезъ скатилось по блѣдному лицу... Мы вошли въ крохотную комнату; все въ ней было чисто, хотя ужасно бѣдно. «Это моя вторая дочка,—сказала женщина,—вы не смотрите, что она такая маленькая, ей 10-й годъ. Вотъ если-бы ее въ школу приняли,—ужъ какъ я боюсь, чтобы она неграмотной не осталась! Вѣдь Паша-то была въ Александровской школѣ; ну, да теперь куда намъ!» Я обѣщала принять дѣвочку на будущій годъ. Вотъ она жажда учиться, сознаніе необходимости ученья! И мы, учительницы, не придемъ на помощь! И я съ злобой, которой никогда еще, кажется, не чувствовала въ такой степени, вспомнила разсудочныя, холодныя рѣчи на собраніи противъ матеріальной помощи ученицамъ, со ссылками на могущія быть злоупотребленія. О! какъ я хотѣла въ эту минуту, чтобы они были здѣсь и послушали безхитростный разсказъ неграмотной женщины о томъ, какъ она боится, чтобы ея дочь не осталась неграмотной, и какъ несчастная дѣвочка-труженица, работающая по 15 час. въ сутки, мечтаетъ пойти въ воскресенье въ школу—и не можетъ, потому что башмаковъ нѣтъ. И къ этой злобѣ примѣшивалась еще и жгучая жалость, и злоба на себя за то, что прошло цѣлыхъ 4-ре мѣсяца до тѣхъ поръ, пока была наконецъ разслѣдована причина исчезновенія Паши изъ школы,—причина, которую мы могли и должны были предотвратить... Все намъ въ тотъ день удалось, всѣхъ мы нашли, кого хотѣли; все сдѣлали, что предполагали,—даже больше того, и все-таки мнѣ было нестерпимо грустно. И вечеръ, и всю ночь передо мной стояла и Пашина мать съ своимъ разсказомъ, особенно трагическимъ по своей простотѣ и объективности, и сама Паша, эта незнакомая мнѣ дѣвочка, особенно ярко рисовалась мнѣ: я видѣла ее на фабрикѣ блѣдной, истощенной непосильнымъ трудомъ, быть можетъ, уже съ зародышемъ страшной болѣзни, напрасно мечтающей о школѣ...»

Я привела эти факты, чтобы показать, что нерѣдко причины неаккуратнаго посѣщенія школы ученицами легко устранимы и сдѣлать это часто во власти учительницъ. Вѣроятно, многіе помнятъ, что въ прошлогоднемъ своемъ отчетѣ я ставила аккуратность ученицъ въ «нѣкоторую» зависимость отъ учительницъ, именно отъ ихъ аккуратности, занятій и отношеній къ ученицамъ. Тогда это вызвало во многихъ учительницахъ негодованіе и послужило темой нѣсколькихъ возраженій на отчетъ. Все это заставило и меня сильно задуматься надъ этимъ вопросомъ и особенно тщательно просмотрѣть въ этомъ направленіи всѣ матеріалы за этотъ годъ. И я не отказываюсь отъ своего мнѣнія, я только еще болѣе утвердилась въ немъ; но я не буду повторять здѣсь прежнихъ своихъ доводовъ, я только позволю себѣ привести слѣдующій рѣзкій примѣръ. Представьте себѣ, что всѣ учительницы были-бы идеальны во всѣхъ отношеніяхъ, не пропускали-бы воскресеній, превосходно занимались-бы, прекрасно относились-бы къ своимъ ученицамъ,—неужели вы думаете, что это не отразилось-бы на ученицахъ, на ихъ стремленіи въ школу, на развитіи въ нихъ любознательности и привязанности къ школѣ, слѣдовательно и на аккуратности посѣщеній? Конечно, да. Я привела рѣзкій примѣръ, невозможный въ жизни, но на немъ связь между аккуратностью ученицъ и учительницъ очевидна; отсюда ясно, что связь существуетъ и въ дѣйствительности, только вліяніе ея не такъ сильно, такъ какъ мы очень далеки отъ идеала; но чѣмъ больше мы будемъ приближаться къ нему, тѣмъ воздѣйствіе наше будетъ сильнѣе. Вотъ за что я ратую въ

настоящемъ году, какъ и въ прошломъ, и не думаю, чтобы это могло быть поставлено мнѣ въ вину.

Только немногіе отчеты учительницъ даютъ, кромѣ сухихъ свѣдѣній объ ученицахъ и пройденномъ за годъ, живыя характеристики, картинки изъ жизни ученицъ въ школѣ и дома. Выше я привела выдержки, казавшіяся мнѣ интересными, и, правда, въ нихъ разбросано не мало свѣдѣній, рисующихъ ту или другую сторону школы, тотъ или другой школьный вопросъ, къ которымъ я и пріурочивала эти выдержки; но все-же, заканчивая главу объ ученицахъ, мнѣ хочется дать еще нѣсколько живыхъ картинокъ и характеристикъ.

«Мнѣ хочется остановиться,—пишетъ одна учительница,—на моей ученицѣ Пашѣ, способной и очень прилежной 12-ти-лѣтней дѣвочкѣ. Съ перваго появленія своего въ школѣ, эта тогда крошечная 9-лѣтняя неграмотная дѣвочка уже мечтала о томъ, чтобы поступить въ гимназію—сдѣлаться учительницей; всѣ три года, проведенные ею въ школѣ, мечта эта не оставляла ее и скрашивала ея грустную жизнь въ большой семьѣ суроваго отчима; единственной отрадой было пойти въ школу, а дома тихонько подѣлиться своей мечтой съ робкой, забитой матерью, которой тоже хотѣлось видѣть свою дочь умной и образованной. Въ этомъ году мечта дѣвочки осуществилась: послѣ усиленныхъ занятій въ теченіе всего года на дому со мной и съ другой учительницей, Паша выдержала весной экзаменъ и принята въ 1-ый классъ гимназіи. Дай Богъ, чтобы она прошла весь гимназическій курсъ! Эти 8 лѣтъ будутъ для нея нелегкимъ путемъ, и мнѣ подчасъ дѣлается страшно за нее, особенно, когда я вспоминаю другую ученицу своей группы, прелестную, умненькую дѣвочку, учившуюся раньше въ гимназіи и исключенную за невзносъ платы».

Въ заключеніе мнѣ хочется привести нѣсколько свѣдѣній о нашихъ наиболѣе почтенныхъ ученицахъ. Во главѣ ихъ стоитъ старушка М. Вотъ что пишетъ о ней одна учительница: «Переспрашивая лѣта новыхъ ученицъ, я спросила ее осторожно: «А кто изъ насъ старше—вы или я? мнѣ 51 годъ». М. отвѣчала съ иронической улыбкой: «Пишите 51,—все-таки не такъ стыдно, а мнѣ куда больше того!» Далѣе учительница эта пишетъ: «Положеніе ученицы, старушки М., крайне трагично. Со сморщеннымъ, желтымъ лицомъ, съ потухающими глазами, которые плохо видятъ даже черезъ очки, съ искалѣченной ногой на костылѣ и искривленной вывихнутой рукой, она задумала научиться грамотѣ на старости лѣтъ. Очень можетъ быть, что мечта хоть умереть грамотной скрашиваетъ эту горемычную старость. У меня со старушкой произошло слѣдующее: узнавъ, что Л. И. А. покидаетъ свою группу и что ученицы ея поступаютъ ко мнѣ, я подошла къ М. сообщить ей объ этомъ. Она измѣрила меня долгимъ, проницательнымъ взглядомъ и сказала взволнованнымъ голосомъ: «нѣтъ, я къ вамъ не пойду учиться!» Я собиралась возражать и уговаривать, но она продолжала поспѣшно: «Посмотрю я на васъ, какая вы утомленная и старая, куда ужъ вамъ надъ нами, дурами, хлопотать!» Старушка была отчасти права; я чувствовала себя въ это воскресенье крайне больной и утомленной, и ея сердечное замѣчаніе вызвало слезы на моихъ глазахъ. Да, мы съ ней поняли другъ друга; поняли, что обѣ мы, «духовной жаждою томимы», осязательно чувствуемъ, однако, приближеніе старости и упадокъ силъ. Писать М. и не пробовала научиться въ виду своей больной руки, но за прошлый годъ научилась кое-какъ читать; въ этомъ году мечту ея

составляетъ прочесть житія святыхъ. Помѣстить ее въ какую-нибудь группу было, конечно, не возможно; заниматься съ ней вызвались три учительницы, каждая по часу, а 4-й часъ М. должна была слушать Законъ Божій. Но занятія съ ней шли неаккуратно: двѣ изъ учительницъ выбыли изъ школы, и съ ней занимался кто придется, тѣмъ болѣе, что когда не было учительницы для цѣлой группы, то ее отнимали у старушки. Она и не жаловалась; напротивъ, какъ-бы конфузилась, видя мои усилія отыскать ей свободную учительницу, и каждый разъ смиренно говорила: «да вы не безпокойтесь, я и одна почитаю». Въ декабрѣ М. совсѣмъ перестала ходить въ школу, но только гораздо позже я узнала, что она была больна; потомъ хотя и оправилась, да трудно было-бы ходить, такъ какъ далеко живетъ. «А главное,—говоритъ она,—ужъ очень совѣстно мнѣ передъ вами: каждое воскресенье вы хлопочете найти мнѣ учительницу; я то понимаю, что онѣ нужнѣе молодымъ, а мнѣ что ужъ! да вотъ не могу,—хочется мнѣ научиться получше читать!» Ободренная мной, старушка опять появилась въ школѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и уже не пропустила до конца ни одного воскресенья. Все лѣто она приходила въ школу мѣнять книги; читала она исключительно книги духовнаго содержанія и съ наслажденіемъ пересказывала «Чтенія о Святой землѣ» Пѣвцова,—она прочла всѣ 14 выпусковъ. Лѣтомъ-же, въ одно изъ воскресеній. она, отведя меня въ сторону и страшно конфузясь, разсказала мнѣ про свою мечту—въ будущемъ году учиться писать. И я дала себѣ слово отыскать старушкѣ постоянную учительницу и не отнимать ея у ней, въ какомъ-бы критическомъ положеніи ни находилась та или другая группа. Это страстное стремленіе учиться, не побѣждаемое ни возрастомъ, ни болѣзнями, ни увѣчьями, ни нравственнымъ смущеніемъ, кажется мнѣ чрезвычайно трогательнымъ и въ то-же время законнымъ, и я не могу помириться съ тѣми учительницами, которыя смѣются надъ моими хлопотами о старушкѣ и находятъ излишнимъ учиться, «когда умирать пора», какъ онѣ жестоко выражаются. Я-же радостно привѣтствовала появленіе старушки въ первое же учебное воскресенье и теперь съ интересомъ слѣжу за выполненіемъ прошлогодней мечты ея научиться писать.

«Въ первое ноябрьское воскресенье въ комнату, гдѣ я записываю новыхъ учениць, вошла 40-лѣтняя женщина съ необыкновенно скромнымъ лицомъ. Она оказалась неграмотной. Такъ какъ это было уже шестое учебное воскресенье, то она на недѣлѣ приходила ко мнѣ каждый день часа на два, чтобы догнать группу. Изъ разговоровъ выяснилось, что у нея есть сынъ, кончающій въ этомъ году курсъ въ технологическомъ институтѣ. «Вѣдь онъ могъ-бы научить меня читать,—говорила она,—и сколько разъ начиналъ, да толку никакого, ужъ очень я непонятливая; да и онъ занятъ; покажетъ одну букву, я ее твержу, твержу, а черезъ нѣсколько дней, а то черезъ недѣлю, покажетъ другую. Такъ ничего и не вышло. Нечего дѣлать, пришлось идти въ школу, а ужъ какъ стыдно-то было!» И въ самомъ дѣлѣ, женщина оказалась очень неспособной; особенно трудно ей давалось сліяніе, и она весь годъ отставала отъ группы, несмотря на то, что учительница ея постоянно занималась съ нею на дому. За-то она была необыкновенно старательна и за весь годъ пропустила только три воскресенья. Весной она сообщила мнѣ, что сынъ ея получаетъ съ осени мѣсто въ Нижнемъ-Новгородѣ, и ее очень безпокоитъ мысль, есть-ли тамъ воскресная школа. Я дала ей письмо къ распорядительницѣ нижегородской школы; она оченъ обрадовалась и сказала, что въ первое воскресенье по пріѣздѣ пойдетъ въ школу».

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ объ одной немолодой ученицѣ. «Самая старательная ученица группы,—читаемъ мы въ кружковомъ докладѣ звуковыхъ группъ,—37-ми-лѣтняя прачка К.. которая говоритъ, что будетъ самымъ счастливымъ человѣкомъ, когда научится грамотѣ. Она постоянно проситъ побольше задавать ей на домъ; по ея-же просьбѣ, учительница занимается съ ней, кромѣ воскресеній, раза два въ недѣлю въ школѣ, пользуясь тѣмъ временемъ, когда приводится въ порядокъ школьное хозяйство. Собственно классные часы для нея должны быть мученьемъ: она гораздо менѣе способна, чѣмъ ея товарки, которыя моложе ея, такъ что самолюбіе бѣдной женщины страдаетъ на каждомъ шагу. И несмотря на это, она не пропустила ни одного воскресенья, просиживая всѣ 4 часа, не вставая съ мѣста, не поднимая головы отъ книги или тетради».

М. Салтыкова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Хроника профессіональнаго образованія.

Московское инженерное училище. — Предполагаемое учрежденіе политехникума въ Нижнемъ.—Харьковскій технологическій институтъ.—Среднія и низшія техническія школы.—Курсы.—Выставка дѣтскаго труда.—Профессіональныя школы для женщинъ.

24-го января въ Москвѣ состоялось освященіе недавно доконченнаго сооруженіемъ зданія для Московскаго инженернаго училища. 23-го мая 1896 г. было Высочайше утверждено положеніе учреждаемаго въ гор. Москвѣ инженернаго училища, подготовляющаго инженеровъ для службы на нашихъ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеніяхъ по вѣдомству Министерства Путей Сообщенія. 14-го сентября 1896 г. Императорское Московское инженерное училище открыто, а 16-го сентября того-же года было приступлено къ началу учебныхъ занятій. Такъ какъ вновь открываемое училище не имѣло еще собственнаго дома, то занятія начались въ нанятомъ на Тверской ул. помѣщеніи, но немедленно-же приступлено къ устройству собственнаго дома. Архитекторомъ Китнеромъ былъ составленъ проектъ зданія для училища, а въ февралѣ 1897 г. купленъ участокъ земли въ 6.000 кв. саж. въ гор. Москвѣ, по Бахметьевской ул., въ мѣстности около Маріинскаго и Екатерининскаго институтовъ. Въ маѣ мѣсяцѣ было уже приступлено къ постройкѣ зданія. Къ лѣту 1898 г. постройка главнаго зданія вчернѣ, была окончена и начата отдѣлка въ чистую и оборудованіе зданія. Въ сентябрѣ 1898 г. главное зданіе уже настолько было готово, что училище могло перебраться въ собственный домъ и начать учебныя занятія на 3-хъ курсахъ, а къ январю 1899 г. главное зданіе, съ общежитіемъ для студентовъ, было уже вполнѣ окончено. Постройка главнаго зданія, занимающаго пространство около 1.370 кв. саженъ (длина по фасаду 67 саж. и въ глубину 20), съ отдѣльнымъ зданіемъ химической лабораторіи и службами, производилась особой строительной коммиссіею подъ предсѣдательствомъ инженера Т. С. Рерберга и обошлась около милліона рублей,—сумма не очень большая, если принять во вниманіе, что сюда входятъ и расходы на постройку общежитія въ главномъ зданіи на 250 студентовъ и что, потѣснившись, въ этомъ помѣщеніи можно размѣстить и значительно большее количество студентовъ. На явившихся изъ Петербурга гостей, въ числѣ которыхъ находился Министръ Путей

Сообщенія кн. Хилковъ, и прочихъ присутствовавшихъ осмотръ зданія произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Просторные, высокіе залы, съ окнами до потолковъ, обиліе свѣта и воздуха, водяное отопленіе съ вентиляціею, электрическое освѣщеніе, роскошно оборудованные кабинеты: физическій, электротехническій и механическій, въ которыхъ, при осмотрѣ, производились опыты съ поясненіями, прекрасныя комнаты для общежитія на одного, двухъ и трехъ студентовъ, снабженныя всѣмъ необходимымъ, теплыя, свѣтлыя и сухія, съ электрическимъ освѣщеніемъ, выглядящія привѣтливо и уютно, и вообще все заботливѣйшимъ образомъ снабженное всякими необходимыми приспособленіями для успѣшныхъ занятій студентовъ помѣщеніе вызвало въ посѣтителяхъ всеобщія и единодушныя похвалы. Еще недавно, посѣщая политехникумы въ Цюрихѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и др. и сравнивая ихъ грандіозныя зданія и великолѣпное оборудованіе съ обстановкою нашихъ высшихъ техническихъ заведеній, у пишущаго эти строки,—говоритъ корреспондентъ «Нов. Вр.»,—не разъ шевелилось скорбное чувство не то зависти, не то безотраднаго сожалѣнія о малой вѣроятности постройки у насъ, даже въ отдаленномъ будущемъ, подобныхъ храмовъ науки. И вотъ, осматривая новое зданіе, воздвигнутое въ такое короткое время, съ такимъ знаніемъ и любовнымъ вниманіемъ къ мельчайшимъ потребностямъ, облегчающимъ и обезпечивающимъ плодотворность учебныхъ занятій нашихъ студентовъ, я чувствовалъ радостный подъемъ духа и съ облегченнымъ сердцемъ смотрѣлъ въ будущее, готовящее Россіи созданіе еще новыхъ, великолѣпныхъ храмовъ науки (Политехникумы въ Кіевѣ, Варшавѣ). Затѣмъ начался актъ. Послѣ вступительной рѣчи кн. Хилкова, благодарившаго строителей за блестящее выполненіе возложенной на нихъ задачи, новое училище привѣтствовали московскій городской голова кн. Голицынъ, проф. Бѣлелюбскій и нѣкоторыя другія лица изъ присутствовавшихъ. Прочтена была также привѣтственная телеграмма отъ Министра Нар. Просв. Н. П. Боголѣпова и В. И. Ковалевскаго.

Изъ прочитаннаго отчета о состояніи Московскаго инженернаго училища видно, что, открытое въ сентябрѣ 1896 г., училище приняло на I курсъ 63 студента, изъ которыхъ по окончаніи учебнаго 1896—1897 г. 43 студента переведены на II курсъ, а 15 оставлены на 2-й годъ въ I курсѣ. Въ 1897—1898 г. принято на I курсъ 82 человѣка и по окончаніи курса 1897—1898 г. переведено во II курсъ 60 студентовъ и оставлено на 2-й годъ 18 челов. и на III курсъ 27 студентовъ; въ 1898—1899 учебномъ году принято на I курсъ (3-й пріемъ) 142 человѣка. Къ началу учебнаго 1898—1899 года состояли въ Московскомъ училищѣ 231 студентъ. Въ общежитіи помѣщается около 150 студентовъ, съ платою по 300 руб. за полное содержаніе (утромъ чай, въ 12 ч. завтракъ изъ одного горячаго блюда съ чаемъ, затѣмъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ и вечерній чай). За обученіе 100 р. вносится особо.

Послѣ прочтенія отчета на каѳедру взошелъ товарищъ Министра Путей Сообщенія Н. Петровъ и въ краткой, но сильной и прекрасно произнесенной рѣчи разъяснилъ присутствовавшимъ значеніе организаціи Московскаго инженернаго училища, организаціи, нѣсколько отличающейся отъ общепринятой въ другихъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вмѣсто 5-ти годовыхъ учебныхъ теоретическихъ курсовъ, съ соотвѣтственными практическими занятіями во время лѣтнихъ вакацій, въ новомъ училищѣ установлены 3 годовыхъ теоретическихъ курса съ соотвѣтствующими практическими занятіями лѣтомъ, но къ этимъ тремъ годамъ теоретическихъ занятій въ

училищѣ присоединяется еще два года практическихъ занятій на дѣйствительной практикѣ, на настоящихъ строительныхъ работахъ, подъ руководствомъ завѣдующихъ работами инженеровъ. По окончаніи этихъ двухъ годовыхъ практическихъ работъ, практикантъ училища обязанъ представить отчетъ, снабженный аттестаціей завѣдывавшаго работами инженера, и лишь по признаніи отчета и аттестацій удовлетворительными, практиканта-студента удостоиваютъ диплома на званіе инженера-строителя, и онъ получаетъ право производить постройки. Изъ статей, появлявшихся въ газетахъ, и личнаго обмѣна мнѣній можно было заключить, что новая организація возбуждаетъ сомнѣнія въ возможности успѣшнаго сконцентрированія всѣхъ теоретическихъ свѣдѣній въ трехгодовомъ курсѣ, вмѣсто обычнаго пятигодового курса, установившагося у насъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. По этому поводу ген.-лейт. Петровъ высказалъ, что, при современномъ быстромъ развитіи техники, число вновь открываемыхъ методовъ и вновь примѣняемыхъ способовъ въ техническихъ производствахъ накопляется столь быстро, что строго-научная обработка ихъ въ излагаемыхъ студентамъ теоретическихъ курсахъ становится очень затруднительною и появляются многотомные курсы, имѣющіе только описательный характеръ и изученіе которыхъ безъ дѣйствительной практики становится очень обременительнымъ и малополезнымъ. Высшія техническія заведенія уже давно старались помочь этому, заводя у себя въ небольшомъ размѣрѣ полныя техническія производства изъ различныхъ отраслей промышленности, гдѣ-бы студенты знакомились на дѣлѣ, а не по книгамъ, съ существующими методами техническаго производства и усвоивали-бы ихъ сущность. Но подобныя производства при политехникумахъ имѣютъ отчасти лабораторный характеръ и не вполнѣ достигаютъ цѣли. Министерство Путей Сообщенія, озабоченное приготовленіемъ въ своей высшей технической школѣ, Московскомъ инженерномъ училищѣ, спеціалистовъ, столь необходимыхъ для отличнаго исполненія его спеціальныхъ сооруженій, организуя новое училище, предпочло сократить нѣкоторые описательные курсы и не заводить лабораторныхъ производствъ, а замѣнить ихъ практическими занятіями въ теченіе 2-хъ лѣтъ на дѣйствительныхъ работахъ по вѣдомству путей сообщенія, которыя производятся повсемѣстно въ такомъ изобиліи и при такихъ разнообразныхъ условіяхъ, что представляютъ для молодого и старательнаго практиканта обширнѣйшую лабораторію, подобную которой нельзя устроить ни при какомъ политехникумѣ. Вотъ почему въ организаціи новаго училища и остановились на 3-хъ годовомъ курсѣ, проходимомъ въ училищѣ, и 2-хъ-лѣтнемъ изученіи практическихъ методовъ, примѣняемыхъ въ строительномъ искусствѣ, въ обширной лабораторіи строительныхъ работъ, производимыхъ по вѣдомству путей сообщенія. По существу, и въ новомъ училищѣ учебный курсъ 5-ти-лѣтній, но 2-хъ-лѣтнее чтеніе курсовъ въ старшихъ классахъ и практическое обученіе въ учебныхъ лабораторіяхъ при институтахъ замѣнено обученіемъ на дѣйствительныхъ работахъ, которыя по обширности, разнообразію и поучительности неоспоримо во много разъ полезнѣе и производительнѣе учебныхъ техническихъ лабораторій, устраиваемыхъ нынѣ при высшихъ учебныхъ техническихъ заведеніяхъ.

Министерство Путей Сообщенія,—говорилъ ген. Петровъ,—находится въ особо благопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ другими вѣдомствами, учреждающими высшія техническія школы, такъ какъ оно само производитъ множество строительныхъ работъ—по проведенію желѣзныхъ дорогъ,

устройству мостовъ, портовъ, гидротехническихъ сооруженій и т. п. Оно имѣетъ полную возможность знакомить студентовъ-практикантовъ съ работами на самомъ мѣстѣ ихъ производства и, замѣняя многотомные описательные курсы въ классахъ изученіемъ построекъ на самомъ мѣстѣ ихъ производства, нашло вполнѣ раціональнымъ сократить теоретическій учебный курсъ до трехъ лѣтъ. Съ твердою увѣренностью въ правильности организаціи новаго училища и смѣло ожидая приговора времени, ораторъ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ Московскому инженерному училищу счастія видѣть своихъ учениковъ среди нашихъ лучшихъ и полезнѣйшихъ инженеровъ-строителей.

Актъ закончился завтракомъ, на которомъ было провозглашено много задушевныхъ тостовъ въ честь лицъ, способствовавшихъ возникновенію и благоустройству училища.

Средства на устройство политехникума въ Нижнемъ-Новгородѣ начинаютъ выясняться. Какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, нижегородскій губернаторъ, въ дополненіе къ ходатайствамъ Нижегородской городской думы объ открытіи въ Нижнемъ-Новгородѣ высшаго техническаго института, съ спеціальнымъ отдѣломъ пароходо-судостроенія, и дворянства Нижегородской губерніи объ открытіи политехникума, къ которымъ присоединилось и XXXIII очередное нижегородское губернское земское собраніе, сдѣлалъ Министру Народнаго Просвѣщенія представленіе о капиталѣ, хранящемся въ Рыбинскомъ биржевомъ комитетѣ и образовавшемся изъ ежегодныхъ отчисленій Волжско-Камскаго банка на основаніи § 64 устава, согласно которому одинъ процентъ чистой прибыли этого банка отчисляется въ распоряженіе Рыбинскаго биржевого комитета «на пользу русской торговой промышленности». Со времени основанія банка этихъ отчисленій произведено 602.109 р. 28 коп. и на нихъ за время ихъ храненія наросло процентовъ слишкомъ 200.000 р. Изъ этихъ денегъ Рыбинскимъ биржевымъ комитетомъ съ разрѣшенія правительства только одинъ разъ было отпущено 25.000 р. для Нижегородскаго рѣчного училища. Такимъ образомъ оказывается сумма въ 800.000 руб., которая можетъ послужить болѣе, чѣмъ солиднымъ подспорьемъ при устройствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ высшаго техническаго учебнаго заведенія. Для той-же цѣли могутъ быть употреблены и будущія 1% отчисленія банка, которыхъ въ 1897 г. было 36.855 р. 60 к. Нижегородскій политехникумъ, словомъ, можно считать рѣшеннымъ дѣломъ, если въ Петербургѣ согласятся съ представленіемъ ген. Унтербергера.

Пріемъ учащихся въ Харьковскій технологическій институтъ въ началѣ будущаго 1899—1900 учебнаго года предполагается, по словамъ «Южн. Кр.», значительно увеличить, такъ что общій контингентъ студентовъ будетъ достигать почти 1.000 человѣкъ. Въ сооружаемомъ новомъ корпусѣ будутъ читаться лекціи для студентовъ перваго и второго курсовъ. Особенное вниманіе будетъ обращено на устройство рисовальныхъ и чертежныхъ залъ и на оборудованіе ихъ. Остальныя аудиторіи института предполагается значительно расширить.

Управляющій Морскимъ Министерствомъ вице-адміралъ П. П. Тыртовъ, во время пребыванія своего въ Одессѣ, высказался за необходимость открытія здѣсь школы машинистовъ и механиковъ. Вопросомъ объ устройствѣ школъ

для приготовленія машинистовъ и механиковъ торг. флота обстоятельно, по словамъ «Од. Листка», разработаннымъ при управленіи Од. учебн. округа еще въ началѣ 90-хъ годовъ, стали интересоваться въ послѣднее время и въ другихъ центрахъ. Такъ, предсѣдатель Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству просилъ г. попечителя Одес. учебнаго округа прислать ему имѣющіеся въ управленіи округа матеріалы по этому вопросу, такъ какъ Общество предположило открыть подобную школу въ Москвѣ. Нынѣ съ аналогичною просьбою обратился къ г. попечителю инспекторъ по надзору за мореходными учебными заведеніями Н. П. Азбелевъ, которому уже высланы проектъ положенія школы машинистовъ и всѣ данныя, выработанныя коммиссіею по открытію при Николаевскомъ реальномъ училищѣ отдѣленія для приготовленія механиковъ торговаго флота. Матеріалы эти необходимы Н. П. Азбелеву для исполненія возложенной на него задачи устройства подобныхъ школъ.

Вмѣстѣ съ тѣми возбужденъ вопросъ объ открытіи двухъ мореходныхъ школъ по образцу французскихъ. Одна изъ нихъ проектирована въ Петербургѣ, другая—въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. Курсъ обученія—три года: два года въ школѣ и годъ на практикѣ. Кончившіе успѣшно курсъ получатъ право командованія рѣчными пароходами.

По словамъ «Тор.-Пр. Газ.», Министерствомъ Народнаго Просвѣщ., 18-го минувшаго ноября, испрошено въ законодательномъ порядкѣ разрѣшеніе открыть низшую ремесленную школу въ усадьбѣ «Григорьевцевъ», Солигаличскаго уѣзда, Костромской губ. На устройство означенной школы тайн. сов. Антиповъ пожертвовалъ означенную усадьбу со всею принадлежащею къ ней землею, въ количествѣ 167 десятинъ съ лишнимъ, и со всѣми находящимися въ ней постройками, заключающимися въ огромномъ 3 этажномъ домѣ, въ которомъ нижній этажъ каменный, а верхній деревянный, въ каменномъ большомъ надворномъ строеніи и въ полукаменной пристройкѣ. Усадьба эта оцѣнивается въ 20—30 тысячъ рублей и даетъ дохода съ однихъ сѣнокосовъ до 300 руб. въ годъ. Мѣстное уѣздное земство, со своей стороны ассигнуетъ ежегодно на содержаніе названной низшей ремесленной школы по 500 руб. Изъ средствъ Государственнаго Казначейства испрошено единовременно 4.000 руб. на снабженіе школы инструментами и мебелью и по 1.970 руб. въ годъ на ея содержаніе. Съ устройствомъ настоящей школы удовлетворяется насущная потребность Солигаличскаго уѣзда въ профессіональномъ учебномъ заведеніи низшаго типа для развитія тамъ мѣстныхъ промысловъ, такъ какъ нынѣ населеніе уѣзда ищетъ заработковъ на сторонѣ и отправляетъ дѣтей большею частью въ столицы, гдѣ они находятся по нѣсколько лѣтъ въ рукахъ разныхъ мастеровъ, преждевременно изнуряются, теряютъ связь съ семьею и портятся въ нравственномъ отношеніи.

Въ виду предлагаемаго открытія въ Тотьмѣ первой въ Россіи школы игрушечнаго дѣла, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія минувшимъ лѣтомъ былъ командированъ, какъ сообщаютъ «Нов.», за границу одинъ изъ стипендіатовъ Министерства, И. С. Серебряковъ, для ознакомленія съ постановкой этого дѣла преимущественно въ Германіи и Швейцаріи. Кромѣ того, г. Серебрякову было поручено закупить на мѣстахъ образцы различныхъ игрушекъ, которые составили-бы образцовыя модели и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнили музей проектируемой школы. Въ настоящее время транспортъ этихъ образцовъ прибылъ изъ Нюрнберга. Бріенцы и др.

Крестьянинъ Архангельскаго уѣзда и губерніи, деревни Островлянской,

Вознесенской волости, Петръ Амосовъ оставилъ по духовному завѣщанію 100.000 рублей на устройство ремесленнаго училища въ селѣ Вознесенскомъ. При этомъ жертвователь поставилъ условіемъ, чтобы 15 тыс. руб. были употреблены на устройство дома для училища и его оборудованіе, а проценты съ остальнаго капитала (85 тыс. руб.) расходовались на содержаніе училища. Завѣщаніемъ также обусловлено, чтобы въ числѣ учащихся непремѣнно находилось и нѣсколько мальчиковъ съ мѣста родины жертвователя и чтобы училище, какъ и обезпечивающій его капиталъ, состояли въ вѣдѣніи Министерства Нар. Просвѣщенія. Въ настоящее время, по словамъ корреспондента «Н. Вр.», деньги эти представлены Архангельскому губернатору, который, внеся ихъ въ Государственный Банкъ, уже вошелъ въ сношеніе съ учебнымъ вѣдомствомъ о выполненіи воли завѣщателя.

Весной текущаго года умеръ одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Тираспольскаго уѣзда, г. Гаюсъ. Вскорѣ послѣ его смерти прошелъ слухъ, что покойный завѣщалъ крупную сумму на дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ. Въ послѣднее время выяснились какъ размѣръ завѣщанной суммы (100.000 р.), такъ и ближайшее назначеніе ея — устройство ремесленнаго училища. Изъ означенной суммы 20.000 р., какъ сообщаютъ въ «Рус. Вѣд.», предназначены на постройку и оборудованіе училища и 80.000 р. должны составить неприкосновенный капиталъ, на проценты съ котораго будетъ содержаться училище. Достойно упоминанія, что воля жертвователя относительно употребленія означенной суммы выражена была имъ на словахъ, но это нисколько не помѣшало приведенію ея въ исполненіе. Въ настоящее время вся сумма уже переведена на имя Тираспольскаго уѣзднаго земства.

Министерство Народнаго Просвѣщенія признало нужнымъ открыть при реальныхъ училищахъ въ Перми горно-заводское отдѣленіе и въ Томскѣ — литейную мастерскую.

Помимо устройства средняго сельско-хозяйственнаго училища въ Самарѣ, вопросъ о которомъ, по словамъ «Торг.-Пр. Газ.», уже внесенъ въ Государственный Совѣтъ, Министерство Земледѣлія предпринимаетъ въ ближайшее время учрежденіе среднихъ-же сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній въ г. Псковѣ, на Кавказѣ и въ области Войска Донского. Для осмотра мѣста и для обсужденія вопроса объ училищѣ въ область Войска Донского былъ командированъ начальникъ учебнаго отдѣленія департамента Земледѣлія И. И. Мещерскій. Данныя о наилучшихъ, по мѣстнымъ условіямъ, мѣстахъ для училища на Кавказѣ поручено собрать уполномоченному министра тайн. сов. Я. С. Медвѣдеву. Вопросъ объ училищѣ во Псковѣ уже обсуждался и въ Министерствѣ, и на мѣстѣ, въ земскомъ собраніи, и въ ближайшее время поступитъ въ законодательное разсмотрѣніе.

Тѣмъ-же Министерствомъ проектируется устройство ветеринарныхъ школъ простѣйшаго типа, именно, такъ-называемыхъ, школъ скотниковъ, имѣющихъ цѣлью распространить въ сельскомъ населеніи раціональныя понятія объ уходѣ за домашнимъ скотомъ, о его леченіи и проч. Принимать предполагается лицъ, получившихъ начальное образованіе.

Въ Ивановѣ Вознесенскѣ 10-го января, въ помѣщеніи шестикласснаго городского училища, происходило, какъ пишутъ въ «Рус. Вѣд.», открытіе вечерне-воскресныхъ классовъ для фабричныхъ рабочихъ г. Иванова-Вознесенска. Эти классы учреждены мѣстнымъ отдѣленіемъ Имп. Русскаго Техническаго Общества, средства же на содержаніе классовъ изъявили согласіе отпускать мѣстные фабриканты. Въ настоящее время пока открыты только три

класса: два общихъ и одинъ спеціальный; два общихъ класса обнимаютъ собою курсъ начальной школы, съ прибавленіемъ двухъ уроковъ въ недѣлю по рисованію и черченію, въ спеціальныхъ-же классахъ, кромѣ предметовъ начальной школы, будутъ преподаваться: геометрія, начала физики, химіи и механики, а также главныя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, географіи и исторіи Россіи. Сообразуясь съ временемъ, которымъ располагаетъ большинство фабричныхъ рабочихъ, для занятій назначены въ будніе дни вечерніе часы отъ $7^1/_2$ до $9^1/_2$ час., въ воскресные-же дни занятія будутъ происходить отъ 11-ти до 2-хъ часовъ дня; въ субботу занятій совсѣмъ не будетъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ классѣ будетъ 13 уроковъ въ недѣлю. Потребность въ школахъ для рабочихъ въ Ивановѣ, при многотысячной массѣ рабочаго люда, чувствуется очень сильно. Это доказывается и громаднымъ наплывомъ рабочихъ во вновь открытые классы: число желающихъ поступить въ классы доходило до 600 человѣкъ. Но недостаточность помѣщенія городского училища заставила ограничиться числомъ 440 человѣкъ, остальнымъ-же въ пріемѣ пришлось, къ сожалѣнію, отказать. Записавшіеся въ школу рабочіе представляютъ большое разнообразіе по степени грамотности: есть и самоучки, и прошедшіе 1, 2 и 3 года начальной школы или церковно-приходской; неграмотныхъ-же записалось 97 человѣкъ, т.-е. почти 25% всѣхъ поступившихъ въ школу. Что-же касается возраста поступившихъ, то большинство—молодые люди отъ 15-ти до 25-ти лѣтъ, при чемъ преобладающимъ возрастомъ является 17 лѣтъ.

На торжествѣ открытія школы ремесленныхъ учениковъ, при Одесской ремесленной управѣ, ремесленный голова Ф. С. Сутягинъ высказалъ желаніе заняться устройствомъ курсовъ черченія и рисованія для ремесленниковъ г. Одессы и просилъ инспектора школы Н. В. Бибикова доставить ему по этому поводу свои соображенія, а также и смѣту на устройство названныхъ курсовъ. Нынѣ г. Бибиковъ представилъ, по словамъ «Од. Листка», г. Сутягину подробный докладъ, въ которомъ одновременно съ курсами предлагаетъ открыть и вечернюю школу грамоты, по окончаніи курса въ которой подмастерья могли-бы заняться черченіемъ и рисованіемъ. На организацію дѣла курсовъ черченія и рисованія, а также и вечерней школы грамоты, по исчисленію г. Бибикова, на первое полугодіе потребуется расходъ въ 610 р. Курсы и школа могутъ быть открыты съ 10 января и продолжаться до 15 мая, при чемъ исчисленный на это дѣло расходъ могъ-бы быть пополненъ или мастерскими, или отдѣльными цехами (такъ какъ весьма желательно, чтобы ученики въ школѣ грамоты обучались безплатно), или, наконецъ, изъ средствъ общей ремесленной управы. На курсы могутъ быть принимаемы ремесленники, ихъ дѣти и ремесленные ученики не моложе 13-лѣтняго возраста, грамотные и знающіе 4 дѣйствія надъ простыми числами, съ платою по 50 к. въ мѣсяцъ. Отъ взноса платы за ученіе возможно было-бы освободить бѣднѣйшихъ. Докладъ г. Бибикова вскорѣ поступитъ на разсмотрѣніе депутатовъ Одесскаго ремесленнаго общества.

Въ Военномъ Министерствѣ, какъ сообщаютъ «Нов.», возникла мысль объ учрежденіи спеціальныхъ курсовъ интендантскаго дѣла. На курсахъ будутъ преподаваться всѣ отрасли интендантскаго хозяйства, товаровѣдѣніе, основы технологіи примѣнительно къ надобностямъ военнаго хозяйства и прочее. Продолжительность курса предполагается не болѣе одного года. Приниматься на курсы будутъ лишь служащіе по интендантскому вѣдомству; число вакансій на первое время ограничено, при чемъ комплектъ слушателей

будетъ заполненъ на половину офицерами, на половину гражданскими чиновниками. Желающіе поступить на курсы будутъ подвергаться особому экзамену. Во время пребыванія на курсахъ слушатели будутъ получать присвоенное имъ по занимаемой ими должности содержаніе и дополнительныя пособія на пріобрѣтеніе учебныхъ руководствъ.

Въ Петербургѣ устроена была первая выставка работъ дѣтей до 14-лѣтняго возраста въ Соляномъ Городкѣ. Она, какъ видно изъ отчета «Н. Вр.», служитъ удачной, хотя и не совсѣмъ полной иллюстраціей начавшагося въ семьѣ и школѣ движенія къ образованію у дѣтей привычки къ труду. Эта выставка во многихъ отношеніяхъ поучительна. Нѣкоторые родители. стѣсняемые размѣрами своихъ квартиръ, не знаютъ—чѣмъ занять своихъ дѣтей. На выставкѣ они найдутъ рядъ образцовъ дѣтскихъ занятій и убѣдятся воочію, что даже на первый взглядъ легкія занятія содѣйствуютъ образованію хорошихъ навыковъ: аккуратности, чистоты и соразмѣрности, и развиваютъ вкусъ къ изящному и красивому. Выставка переполнена экспонатами учрежденій, поддерживаемыхъ даяніями благотворителей, и въ этомъ отношеніи она можетъ служить примѣромъ того, что пожертвованія добрыхъ людей, умѣло и съ разсчетомъ расходуемыя даютъ возможность многимъ дѣтямъ провести свое малолѣтство въ благопріятныхъ условіяхъ. Въ первомъ отдѣлѣ выставки пріютились работы дѣтей «яслей», «дѣтскихъ садовъ» и всѣхъ пріютовъ и убѣжищъ, въ которыхъ призрѣваются дѣти до-школьнаго возраста. Отдѣлъ этотъ размѣщенъ довольно широко и изобилуетъ дѣтскими издѣліями, разнообразными по внѣшнему виду и почти одинаковыми по характеру производства. Инструментами для выдѣлки выставленныхъ издѣлій являются ножницы и иглы. Здѣсь есть различные предметы: вышиваніе по папкѣ и по клеенкѣ рисунковъ, плетеніе изъ бумаги, клеенки и изъ стружекъ, лѣпка, вырѣзаніе фигуръ и склейка домиковъ и коробокъ, а также шитье и вязанье. Многіе предметы изящны и красивы. Цѣнною-же особенностью всѣхъ выставленныхъ предметовъ является чистота ихъ выдѣлки. Чистота издѣлій—это весьма важный результатъ, достигаемый упражненіями въ доступномъ до-школьному возрасту трудѣ. Дѣти, призрѣваемыя въ «ясляхъ» и «дѣтскихъ садахъ», въ большинствѣ случаевъ изъ бѣдныхъ семей. Въ «ясли» несутъ своихъ дѣтей матери, занятыя фабричной работой; въ «дѣтскихъ садахъ» Фребелевскаго общества и убѣжищахъ собираются также преимущественно дѣти неимущихъ классовъ столичнаго населенія, и первое, съ чѣмъ приходится бороться руководительницамъ дѣтскихъ занятій,—это грязь и привычка дѣтей къ ней. Поэтому, при пріемѣ дѣтей въ «ясли» или убѣжища, надзирательницы моютъ принимаемыхъ и одѣваютъ ихъ въ пріютскія платья; принадлежащая-же имъ одежда складывается въ мѣшокъ и провѣтривается. Во время занятій обращается, повидимому, особенное вниманіе на чистоту, чему хорошимъ доказательствомъ служатъ экспонаты выставки.

Первый отдѣлъ вообще весьма бѣденъ экспонентами. Экспонируютъ Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, Фребелевское общество, Общество «Ясли» и еще нѣсколько частныхъ лицъ. Количество «яслей», если судить по выставкѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ потребности въ нихъ среди матерей, занятыхъ днемъ фабричной работой и не могущихъ нанять прислуги для присмотра за своими малолѣтками. То-же самое можно сказать и про «дѣтскіе сады» и «убѣжища». Къ сожалѣнію, на выставкѣ нѣтъ убѣжищъ Римско-католическаго благотворительнаго общества и для дѣтей петербург-

скихъ эстонцевъ. Между тѣмъ число такихъ неправославныхъ убѣжищъ сравнительно съ потребностью въ нихъ значительно превосходитъ число русскихъ убѣжищъ. На выставкѣ пріютилось нѣсколько частныхъ «дѣтскихъ садовъ». За занятія въ этихъ «садахъ» взимается плата и учатся въ нихъ, повидимому, дѣти состоятельныхъ родителей. Издѣлія частныхъ «садовъ» отличаются отъ «садовъ» обществъ развѣ только большею стоимостью матеріала. Руководительницы дѣтскихъ занятій въ «садахъ» однѣ и тѣ-же, получившія образованіе на педагогическихъ курсахъ Фребелевскаго общества. Наиболѣе изящныя и цѣнныя бездѣлушки выставлены г-жею Юргенсъ. Въ этомъ-же отдѣлѣ имѣются издѣлія малолѣтнихъ ученицъ Гапсальской школы наиболѣе употребительныхъ работъ (Hapsalsche Flickschule) и издѣлія дневного пріюта «Ясли» при фабрикѣ товарищества Россійско-Американской резиновой мануфактуры. Въ пріютѣ дѣти обучаются ручному труду и, если судить по экспонатамъ, съ большимъ успѣхомъ.

Нельзя не отмѣтить съ удовольствіемъ фактъ увеличивающагося постепенно числа профессіональныхъ школъ, предназначенныхъ для женщинъ. Особенно часто, судя по извѣстіямъ, проникшимъ въ печать, учреждаются школы коммерческаго характера.

Въ Кіевѣ нарождается весьма симпатичное учрежденіе—женская торговая школа, открываемая Обществомъ распространенія низшаго коммерческаго образованія, съ трехлѣтнимъ курсомъ, имѣющая цѣлью дать учащимся дѣвицамъ коммерческое образованіе, подготовить ихъ къ службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ и къ завѣдыванію небольшими торговыми заведеніями. Средства школы составляютъ: плата за ученіе, пожертвованія и субсидіи, а также суммы, ассигнованныя Обществомъ распространенія низшаго коммерческаго образованія въ Кіевѣ. Бюджетъ исчисленъ въ 10—12 тысячъ рублей въ годъ. Годовая плата за ученіе не будетъ превышать 20 р. Общество вошло уже въ городскую думу съ ходатайствомъ о назначеніи субсидіи школѣ. Собраны также и пожертвованія на это симпатичное дѣло, и есть полная надежда, что болѣе крупные представители коммерческаго и финансоваго міра откликнутся на это доброе начинаніе. Общество распространенія низшаго коммерческаго образованія въ Кіевѣ возникло въ 1896 году. Учредителями Общества явились болѣе видные представители коммерческаго міра: Н. А. Терещенко, М. П. Дегтеревъ, Ф. Г. Дитятинъ, Я. Н. Бернеръ, С. С. Могилевцевъ и Н. И. Чоколовъ, главный иниціаторъ учрежденія Общества. 15-го ноября 1897 г. состоялось открытіе торговой школы. Первоначально принято было 23 человѣка. Въ настоящее время торговые классы привлекли множество слушателей. Посѣщаетъ лекціи нѣсколько сотъ человѣкъ. Лекціи читаются отъ 9 до 11 час. веч., т.-е. въ то время, когда торговый людъ освободился отъ занятій. Содержаніе школы обходится около 10 тыс. руб.

Въ учреждаемой женской торговой школѣ пока открытъ только приготовительный классъ, въ который принято 20 ученицъ. Завѣдывающіе школою, по словамъ «Кіевлянина», не сомнѣваются въ томъ, что число ученицъ будетъ быстро увеличиваться, такъ какъ прошенія о принятіи въ школу продолжаютъ поступать, несмотря на то, что свѣдѣнія о ней и ея задачахъ почти не проникли еще въ ту среду, которая должна давать контингентъ учащихся.

Съ января 1897 года открылись въ Лодзи первые женскіе торговые

курсы. Въ настоящее время эти курсы посѣщаютъ 30 слушательницъ, въ возрастѣ отъ 14-ти до 25-ти лѣтъ, преимущественно служащія въ магазинахъ и на фабрикахъ. Программу означенныхъ курсовъ составляютъ: торговая ариѳметика, бухгалтерія, торговая корреспонденція, языки—французскій и нѣмецкій, по желанію-же еще русскій и польскій. За обученіе спеціальнымъ предметамъ взимается плата въ размѣрѣ 30-ти руб. ежегодно, за обученіе же еще какому-либо (по выбору) языку берется дополнительная—въ 10 руб. Въ виду того, что курсы посѣщаются слушательницами весьма охотно, завѣдывающая ими хлопочетъ, какъ сообщаетъ «Варш. Днев.», о расширеніи ихъ программы.

Въ Петербургѣ сравнительно недавно возникло учрежденіе, готовящее обученную прислугу. Учрежденіе это,—2-е убѣжище Московско-Нарвскаго отдѣла Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ,—мало кому извѣстно. Оно принимаетъ дѣвочекъ, прошедшихъ курсъ начальной школы, и обучаетъ ихъ домоводству, дамскимъ прическамъ и рукодѣлью. Обращено особенное вниманіе на возстановленіе ткани и кружева. По окончаніи курса, убѣжище опредѣляетъ своихъ воспитанницъ на мѣста. Недавно убѣжище перешло въ собственный домъ на Вас. остр., 22 лин., № 11. Постройка дома ввела отдѣлъ въ долгъ (12 т. р.), вслѣдствіе чего не удалось выстроить домовой церкви. Но отдѣлъ увѣренъ, что программа и цѣль заведенія обратятъ на себя вниманіе благотворителей, которые могутъ адресоваться къ предсѣдателю М. А. Аничкову (Двинская ул., д. 9) или казначею М. К. Бауеру (Сергіевская, д. 15), а также и къ начальницѣ убѣжища (Вас. остр., 22 линія, д. 11).

Въ «Нов.» пишутъ изъ Калуги, что губернское земское собраніе постановило поручить губернской управѣ устроить при земскомъ родильномъ пріютѣ особые курсы для всѣхъ грамотныхъ женщинъ, которыя пожелаютъ учиться повивальному искусству и будутъ рекомендованы уѣздными управами или земскими начальниками. Содержаніе этихъ ученицъ, на все время ученія, земство принимаетъ на свой счетъ, въ надеждѣ, что по окончаніи курса эти повитухи будутъ оказывать акушерскую помощь своимъ односельчанкамъ.

Въ С.-Петербургскомъ земствѣ вновь возбуждается вопросъ объ учрежденіи близъ Петербурга перваго женскаго хозяйственно-ремесленнаго училища съ практическими отдѣленіями рукодѣлья, огородничества, садоводства, домоводства и ухода за домашними животными.

31-го января, на Петербургской сторонѣ состоялось торжественное открытіе курсовъ домоводства, устраиваемыхъ С.-Петербургскимъ обществомъ поощренія женскаго профессіональнаго труда. В. Б—чъ.

Предводители дворянства о средней школѣ.

Въ Москвѣ состоялось совѣщаніе предводителей дворянства для обсужденія различныхъ нуждъ этого сословія. Между прочимъ, совѣщаніе коснулось и желательныхъ измѣненій въ постановкѣ нашего средняго образованія. Недостатки господствующей у насъ системы образованія, по мнѣнію губернскихъ предводителей дворянства, сознаются всѣми, и самые ревностные защитники этой системы, безъ сомнѣнія, допустятъ, что на практикѣ наши

гимназіи далеко не отвѣчаютъ требованіямъ, которыя можно и должно предъявлять къ общеобразовательной средней школѣ. Невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, заслуживаетъ-ли наша средняя школа названія классической школы въ виду того, что она не достигаетъ цѣли кассическаго образованія и во многомъ отступаетъ отъ принциповъ строгаго классицизма. По довольно единодушному отзыву спеціалистовъ, наша гимназія, за рѣдкими исключеніями, не даетъ своимъ питомцамъ сколько-нибудь твердыхъ познаній по древнимъ языкамъ, не говоря уже о «духовномъ пріобщеніи» къ древнему міру, которое должно-бы было являться результатомъ гуманитарнаго образованія. Въ большинствѣ случаевъ, восемь лѣтъ гимназическаго обученія даютъ крайне слабые результаты, тратятся на механическое заучиваніе наизусть, и вмѣсто того, чтобы развивать въ учащемся юношествѣ способность къ правильному, самостоятельному и добросовѣстному умственному труду, убиваютъ ее и весьма часто развиваютъ въ учащихся недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, дурныя умственныя привычки и глубокое отвращеніе къ древнимъ языкамъ. Если въ Англіи лица, посвящающія себя практической дѣятельности, какъ инженеры, техники, медики, практическіе юристы, нерѣдко проходятъ университетскій курсъ классической филологіи, то у насъ на самыхъ филологическихъ факультетахъ классическія отдѣленія остаются почти пустыми, несмотря на стипендіи. Современная русская гимназія самымъ значительнымъ образомъ уклоняется отъ требованій классицизма какъ по своему учебному плану, такъ и по своимъ результатамъ, а рядъ частныхъ измѣненій, внесенныхъ въ учебные планы за послѣдніе годы, еще болѣе усилилъ эти уклоненія, понизивъ значительно требованія по древнимъ языкамъ. Уже одно это обстоятельство могло-бы повести къ пересмотру учебныхъ плановъ со стороны призванныхъ спеціалистовъ и руководителей учебнаго дѣла. Но, независимо отъ чрезвычайной трудности этой задачи, приходится признать, что при настоящихъ условіяхъ существенное улучшеніе нашей школы зависитъ едва-ли отъ одного измѣненія ея учебныхъ плановъ. Самая организація нашей школы въ еще большей мѣрѣ нуждается въ настоятельной реформѣ, и только при реформѣ всей организаціи нашей школы могутъ быть съ успѣхомъ проведены тѣ или другія усовершенствованія учебныхъ плановъ. Принимая во вниманіе обширность задачъ нашей средней школы, считаясь съ количествомъ учащихся, съ самымъ числомъ учебныхъ заведеній, все еще недостаточнымъ для возрастающаго наплыва учениковъ, трудно, разумѣется, предъявлять къ гимназіи слишкомъ высокія требованія и вмѣстѣ опасно понижать эти требованія, такъ какъ при искусственности всей системы только повышенными и суровыми внѣшними требованіями наша гимназія временно охранялась отъ полнаго распаденія. Въ виду этого положенія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе одинъ существенный недостатокъ дѣйствующей системы образованія — ея исключительность и внѣшняя принудительность, которыя искусственно привлекаютъ въ гимназію громадное множество лицъ, обучающихся въ ней лишь за отсутствіемъ другихъ учебныхъ заведеній, болѣе соотвѣтствующихъ ихъ дѣйствительнымъ нуждамъ и способностямъ. Повышая свои требованія сообразно цѣлямъ высшаго университетскаго образованія, къ которому она готовитъ, классическая гимназія оказывается не подъ силу среднему уровню учащихся, такъ какъ значительная часть ихъ привлекается въ нее лишь за недостаткомъ правильно поставленной средней школы другого типа. Съ другой стороны, понижая свои требованія сообразно способностямъ этого

средняго уровня, гимназія не выполняетъ своей цѣли и не даетъ своимъ питомцамъ требуемой подготовки для университета. Отсюда объясняются колебанія нашей гимназіи между строгими, повышенными требованіями, являвшимися чрезмѣрными (особенно до восьмидесятыхъ годовъ), и большою распущенностью, наблюдаемою нынѣ въ отдѣльныхъ гимназіяхъ. Принимая все это во вниманіе, губернскіе предводители полагаютъ, что существеннымъ условіемъ успѣшной реформы классической гимназіи является правильная постановка реальной школы, а равно и широкое развитіе профессіональнаго образованія, средняго и высшаго. Только развивая наряду съ гуманистической гимназіей учебныя заведенія иного типа и открывая въ нихъ доступъ всѣмъ желающимъ, мы будемъ въ состояніи поднять уровень учащихся въ гимназіяхъ и, очистивъ гимназію отъ наплыва случайныхъ элементовъ, поставить ее на надлежащую высоту. Правильная организація и широкое распространеніе профессіональной школы желательны и сами по себѣ; потребность къ такой школѣ чувствуется среди многихъ семей дворянскаго сословія, не говоря уже о другихъ сословіяхъ. Желая, по возможности, всѣхъ сдѣлать классиками, мы нанесли самый тяжелый ударъ классицизму. Отказавшись отъ притязаній исключительнаго классицизма, мы будемъ въ состояніи имѣть и хорошую классическую школу. Необходимъ также рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію педагогическаго персонала, къ подъему его въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Званіе преподавателей должно быть сдѣлано болѣе привлекательнымъ и почетнымъ, должно создать имъ положеніе, болѣе обезпеченное и болѣе независимое. Необходимо увеличеніе окладовъ и учрежденіе эмеритуры. Необходимо предоставить бо̀льшую самостоятельность педагогическимъ совѣтамъ относительно веденія и развитія учебно-воспитательнаго дѣла и освободить ихъ отъ канцелярскаго формализма, которымъ они связаны. Чтобы нравственно сплотить преподавателей въ служеніи одной общей великой цѣли—воспитанія юношества—необходимо учрежденіе попечительныхъ Совѣтовъ при среднихъ школахъ, для объединенія семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія, учрежденіе мѣстныхъ педагогическихъ Обществъ при участіи педагоговъ и родителей учениковъ, устройство періодическихъ съѣздовъ преподавателей; поощреніе научной дѣятельности среди преподавателей; лучшее обезпеченіе труда классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ и т. д. Мѣры для поднятія уровня средней школы требуютъ крупныхъ матеріальныхъ затратъ, но дѣло это имѣетъ глубокое государственное значеніе, и потому нельзя останавливаться передъ жертвами, которыя будутъ вознаграждены общимъ подъемомъ русскаго просвѣщенія. Реформа средней школы требуетъ реформы самой организаціи, самой постановки школьнаго дѣла. Къ числу существенныхъ недостатковъ дѣйствующихъ учебныхъ плановъ относится неравномѣрное распредѣленіе занятій въ теченіе гимназическаго курса, при чемъ главная тяжесть этихъ занятій ложится на низшіе классы, гдѣ отъ учащихся требуется усвоеніе пяти или шести этимологій (латинской, греческой, русской, церковно-славянской, нѣмецкой или французской), ариеметики, началъ алгебры и геометріи, Закона Божія, исторіи и географіи; все это загромождаетъ память ребенка или требуетъ большого умственнаго напряженія. Если здравая педагогія осуждаетъ многопредметность образованія, то нельзя не признать, что эти учебные планы не могутъ быть выполнены съ должною основательностью, а между тѣмъ школа должна съ первыхъ шаговъ воспитывать именно привычку къ основательному знанію и добро-

совѣстному исполненію обязанностей. Допустивъ, что систематическое изученіе древнихъ языковъ должно способствовать формальному развитію дѣтскаго ума, нужно дать ему возможность сосредоточиться на такомъ изученіи. А съ этою цѣлью въ раннемъ возрастѣ всего цѣлесообразнѣе остановиться на одномъ языкѣ, наиболѣе разработанномъ какъ въ грамматическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи дидактики и методики, т.-е. на латинскомъ языкѣ. Высказываясь безусловно въ пользу самаго широкаго развитія профессіональнаго и техническаго образованія, губернскіе предводители дворянства не признаютъ, однако, желательнымъ и возможнымъ созданіе «единой средней школы» и думаютъ даже, что самое стремленіе къ исключительному единству должно было-бы отразиться пагубнымъ образомъ на всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ образованія. Высказываясь такимъ образомъ въ пользу самостоятельнаго развитія различныхъ типовъ средней школы, губернскіе предводители думаютъ однако, что въ низшихъ классахъ средней школы или, во всякомъ случаѣ, въ прогимназическихъ классахъ реальныхъ и классическихъ гимназій осуществимо желаемое единство. Какъ ни различны цѣли реальной и классической школы въ предѣлахъ прогимназіи, онѣ могутъ совпадать, и потому нужно полагать, что законныя желанія общества и требованія педагогіи могли-бы сойтись на созданіи единой прогимназіи или просто на объединеніи программъ классической и реальной школы въ предѣлахъ прогимназическихъ классовъ. Основательность преподаванія въ классической прогимназіи несомнѣнно выиграла-бы, если-бы систематическое изученіе сосредоточилось на латинскомъ языкѣ; а съ другой стороны, если-бы было признано, что такое изученіе не только составляетъ могущественное орудіе умственнаго воспитанія, но что безъ него не можетъ быть доступа въ университеты, то можетъ быть и реальная школа могла бы включить его въ свою программу; вмѣстѣ съ тѣмъ устранено было-бы одно изъ самыхъ существенныхъ препятствій къ допущенію реалистовъ на нѣкоторые изъ университетскихъ факультетовъ. Что касается греческаго языка, то едва-ли можно ожидать бóльшаго ущерба для классиковъ, если изученіе его начнется на два года позже, чѣмъ теперь. Классическая гимназія должна давать доступъ во всѣ факультеты университета, реальная (съ латинскимъ языкомъ)—во всѣ высшія техническія учебныя заведенія, а равно и на нѣкоторые факультеты университета. Настаивая на желательности пересмотра учебныхъ плановъ, авторы записки имѣютъ въ виду не сокращеніе числа учебныхъ часовъ, а болѣе раціональное проведеніе принципа концентраціи, въ низшихъ классахъ въ особенности. Если сократить преподаваніе церковно-славянской грамматики и если перенести начало преподаванія греческаго языка на пятый классъ, то можно увеличить соотвѣтственнымъ образомъ число часовъ на главные предметы и новые языки и ввести въ младшіе классы элементарное естествовѣдѣніе, которое, въ связи съ наглядным обученіемъ, столь живо интересуетъ дѣтскій умъ и столь легко имъ усвояется. Не вдаваясь въ спеціальный разборъ учебныхъ плановъ, губернскіе предводители высказываютъ общее положеніе: 1) относительно болѣе цѣлесообразнаго и равномѣрнаго распредѣленія учебнаго труда въ теченіе всего курса гимназіи и 2) относительно объединенія реальной и классической прогимназіи въ связи съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ учебныхъ плановъ обѣихъ гимназій. Въ заключеніе они выражаютъ пожеланіе, чтобы наряду съ умственнымъ воспитаніемъ не забывалось и физическое воспитаніе и чтобы трудъ учащагося юношества протекалъ въ обстановкѣ здоровой не только

нравственно, но и физически, а также считаютъ нужнымъ указать на настоятельную необходимость удешевленія обученія и содержанія учащагося юношества въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ («Р. В.»).

Предстоящее празднованіе памяти А. С. Пушкина.

Въ Высочайше утвержденной, 20-го января, программѣ предполагаемаго чествованія памяти А. С. Пушкина говорится: «26-го мая, послѣ божественной службы, имѣетъ состояться торжественное публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ, съ произнесеніемъ рѣчей и исполненіемъ особо написанной по сему случаю кантаты». При сочиненіи текста кантаты желательно, въ виду музыкальныхъ требованій, соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) продолжительность кантаты въ музыкѣ должна быть отъ десяти до пятнадцати минутъ; сообразно съ этимъ число стиховъ должно простираться приблизительно отъ сорока до шестидесяти; 2) форма кантаты: а) хоръ. б) соло для мужского голоса, в) соло для женскаго голоса, г) хоръ вмѣстѣ съ соло; 3) стихи должны быть различныхъ размѣровъ и различнаго числа стопъ, но отнюдь не шестистопные, предпочтительнѣе ямбъ и хорей. Допускается періодическое чередованіе длинныхъ и короткихъ стиховъ; напримѣръ, пять стопъ—три стопы, пять стопъ—три стопы и т. д. Строфы должны быть удобны для повторенія въ музыкѣ; 5) текстъ кантаты, написанной по конкурсу до 15-го февраля, долженъ быть преимущественно лирическаго характера. Вступительный хоръ можетъ быть отчасти повѣствовательнаго содержанія. Заключительный хоръ долженъ имѣть характеръ гимна. Соло мужское и женское должны имѣть соотвѣтствующіе оттѣнки и въ текстѣ.

Независимо отъ спеціальной коммиссіи, образованной при Императорской Академіи Наукъ по устройству празднованія памяти Пушкина, этимъ вопросомъ усердно занялась и городская коммиссія по народному образованію, которая, разсмотрѣвъ проектъ празднованія, выработанный выдѣленной изъ ея состава субкоммиссіею, вошла въ думу съ докладомъ о порученіи ей, училищной коммиссіи, образовать особую коммиссію по устройству самаго празднества по слѣдующей программѣ:

1) Ко дню юбилейнаго торжества раздать оканчивающимъ въ 1899 г. курсъ начальныхъ городскихъ училищъ юбилейный «Пушкинскій сборникъ». Составленіе этого сборника, имѣющаго заключать въ себѣ доступныя пониманія дѣтей сочиненія поэта съ соотвѣтствующими иллюстраціями, предполагается поручить извѣстному педагогу В. П. Острогорскому. Сборникъ имѣется въ виду напечатать въ количествѣ до 5.000 экземпляровъ. Изъ денегъ, которыя будутъ выручены отъ продажи экземпляровъ, оставшихся не розданными, проектируется образовать спеціальный «Пушкинскій фондъ» съ благотворительнымъ назначеніемъ. 2) Въ день 26-го мая отслужить отдѣльно для учащихся каждаго школьнаго участка торжественныя панихиды, а также въ городскихъ безплатныхъ читальняхъ имени А. С. Пушкина. 3) Избрать для устройства пушкинскихъ школьныхъ праздниковъ день акта городскихъ начальныхъ училищъ и, вмѣстѣ, рожденія Петра Великаго, основателя города, 30-го мая, и поручить коммиссіи по устройству юбилейнаго пушкинскаго празднества разработать подробную программу предлагаемыхъ школьныхъ праздниковъ, на расходы по устройству которыхъ ассигновать 5.000 рублей. 4) Ассигновать въ распоряженіе коммиссіи по народному образованію необхо-

димый кредитъ на учрежденіе стипендій имени А. С. Пушкина, для выдачи ихъ наиболѣе способнымъ ученикамъ и ученицамъ городскихъ училищъ для довершенія ими своего общаго образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. На учрежденіе 4-хъ стипендій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по одной для каждаго факультета его, съ правомъ для коммиссіи переводить эти стипендіи съ одного факультета на другой, если представится въ томъ необходимость,—ассигновать по 1.200 руб. въ годъ. На учрежденіе стипендій на высшихъ и педагогическихъ курсахъ, по двѣ на каждые, ассигновать по 400 р. На учрежденіе 10-ти стипендій въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ ассигновать по 1.000 руб. въ годъ и на 15 стипендій въ городскихъ 4-хъ-классныхъ мужскихъ и приходскихъ женскихъ училищахъ ассигновать 300 рублей. Всего-же на предлагаемыя стипендіи имени А. С. Пушкина испрашивается кредитъ въ размѣрѣ 2.900 руб. въ годъ. 5) Поручить коммиссіи войти въ соглашеніе съ владѣльцами дома № 10 по Мойкѣ, гдѣ скончался великій поэтъ, о пріобрѣтеніи этого дома въ собственность города, для помѣщенія въ немъ предполагаемаго многокласснаго училища имени А. С. Пушкина и другихъ городскихъ учрежденій съ просвѣтительнымъ характеромъ. Въ случаѣ, если-бы не представилось возможности, почему-бы то ни было, воспользоваться для Пушкинскаго училищнаго дома—домомъ наслѣдниковъ свѣтл. кн. Волконскаго, то для означенной цѣли предоставить коммиссіи свободный городской участокъ земли по Большой Ружейной ул., подъ № 14, для постройки на немъ школьнаго дома съ 20 классами, по образцу уже существующихъ такихъ домовъ, открывъ коммиссіи по народному образованію кредитъ въ размѣрѣ 200.000 р. на сооруженіе означеннаго городского школьнаго дома, а коммиссію, по тому или другому предложенію, уполномочить представить подробный докладъ установленнымъ порядкомъ. 6) Войти съ ходатайствомъ о переименованіи Каменноостровскаго пр. въ проспектъ Александра Пушкина, въ виду того, что здѣсь нынѣ находится Императорскій лицей, въ которомъ получилъ воспитаніе великій поэтъ. 7) Принять участіе въ изысканіи мѣръ къ огражденію мѣста дуэли поэта рѣшеткою, съ постановкою здѣсь приличествующаго случаю монумента или часовни. 8) Поставить въ классныхъ комнатахъ всѣхъ училищъ портреты поэта, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 500 р. 9) Ассигновать 1.000 р. попечительству учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ на увеличеніе капитала, обезпечивающаго содержаніе въ надлежащемъ видѣ могилы поэта и учреждаемыхъ его имени богадѣльни и безплатной читальни въ Святыхъ Горахъ.

Пушкинская коммиссія при Московскомъ Обществѣ любителей россійской словесности получила нѣсколько заявленій отъ разныхъ лицъ о желаніи ихъ принять участіе въ устраиваемой Обществомъ Пушкинской выставкѣ и о предметахъ, обѣщанныхъ уже для выставки. Для ближайшей организаціи всего дѣла по устройству Пушкинской выставки коммиссія выдѣлила, какъ передаютъ «Рус. Вѣд.», особую подкоммиссію подъ предсѣдательствомъ П. А. Ефремова. Коммиссія постановила обратиться черезъ газеты съ воззваніемъ ко всѣмъ лицамъ, владѣющимъ рукописями Пушкина, портретами поэта, его родныхъ, друзей, знакомыхъ, вещами, ему принадлежавшими, и пр., съ просьбой доставить эти предметы на Пушкинскую выставку въ Москву; съ подобнымъ-же воззваніемъ рѣшено обратиться и къ издателямъ сочиненій Пушкина, иллюстрацій къ нимъ, къ нотнымъ издателямъ и проч. Московское хоровое Общество заявило пушкинской коммиссіи о своемъ желаніи

принять участіе въ празднествахъ въ честь Пушкина. Общество уже приступило къ разучиванію различныхъ хоровъ на слова Пушкина. Какъ извѣстно, Обществу любителей россійской словесности обѣщалъ свое содѣйствіе по устройству музыкальной части пушкинскихъ празднествъ директоръ московской консерваторіи В. И. Сафоновъ.

Московская Дума предполагаетъ ознаменовать, какъ передаютъ «Рус. Вѣд.», столѣтнюю годовщину рожденія А. С. Пушкина открытіемъ въ Москвѣ третьей безплатной городской народной читальни имени незабвеннаго поэта.

Псковскій комитетъ по устройству майскаго празднества въ память А. С. Пушкина въ настоящее время, кромѣ сбора пожертвованій на этотъ предметъ, озабоченъ, по словамъ корреспондента «Нов.», предстоящимъ чествованіемъ памяти поэта и на его могилѣ. Съ этою цѣлью въ Святыя Горы уже выѣзжали губернскій предводитель дворянства и предсѣдатель губернской управы съ намѣреніемъ выяснить, какія имѣются на мѣстѣ средства для должнаго пріема почетныхъ гостей и депутацій, имѣющихъ прибыть въ Святыя Горы 26-го мая. Пока приняты слѣдующія рѣшенія: 1) для безпрепятственнаго проѣзда депутацій и гостей выставить на почтовыхъ станціяхъ отъ г. Острова до Святыхъ Горъ усиленный комплектъ лошадей (по 50—60 лошадей на каждой), за пользованіе которыми будутъ взиматься обыкновенные прогоны; 2) въ посадѣ Таболенцѣ, находящемся близъ монастыря, приготовить помѣщеніе для пріѣзжихъ за умѣренную плату (съ этою цѣлью уже теперь собираются свѣдѣнія, у кого изъ домовладѣльцевъ и сколько имѣется комнатъ для отдачи въ наемъ) и 3) на это-же время пригласить ресторатора, обязавъ его за умѣренныя цѣны кормить всѣхъ пріѣзжихъ. Чтобы знать заранѣе число ожидаемыхъ гостей и обезпечить имъ всѣ удобства для временного пребыванія въ Святыхъ Горахъ, комитетомъ разосланы на-дняхъ оповѣщенія о сдѣланныхъ имъ приготовленіяхъ, съ просьбою сообщить ему заблаговременно о желаніи принять личное участіе въ чествованіи памяти поэта 26-го мая. Самый порядокъ чествованія предположенъ слѣдующій: наканунѣ, 25-го мая, вечеромъ, будетъ отслужена въ соборномъ храмѣ монастыря всенощная, 26-го мая—заупокойная литургія и затѣмъ панихида на могилѣ поэта, посѣщеніе Михайловскаго и сосѣднихъ мѣстностей, связанныхъ съ именемъ Пушкина. На слѣдующій день предполагается отъѣздъ въ г. Псковъ, гдѣ депутаціи будутъ приглашены присутствовать 28-го мая въ дворянскомъ домѣ на торжественномъ собраніи, посвященномъ памяти Пушкина.

Могила поэта, какъ извѣстно, находится около соборнаго храма монастыря, на горѣ, у самаго обрыва, такъ что мѣста около нея для всѣхъ депутацій во время панихиды не нашлось-бы. Чтобы устранить это неудобство, рѣшено устроить со стороны обрыва помостъ, благодаря которому вокругъ могилы могутъ помѣститься до 400 человѣкъ. Наконецъ, самая могила къ 26-му мая будетъ приведена въ исправный видъ, а именно кирпичный фундаментъ памятника и кирпичная кладка, на которой установлена ограда, будутъ замѣнены, съ разрѣшенія родственниковъ поэта, гранитными. Что касается дальнѣйшей дѣятельности комитета, то первой его заботой, разумѣется, будетъ сохраненіе въ неприкосновенности могилы и памятника. Гора, на краю которой покоится прахъ поэта, съ каждымъ годомъ осыпается: чтобы предохранить ее отъ дальнѣйшаго осыпанія, предполагается укрѣпить склонъ ея именно съ этой стороны; затѣмъ, мра-

морный памятникъ предполагается покрыть стекляннымъ навѣсомъ съ такими-же стѣнками, чтобы сохранить его отъ разрушительныхъ дѣйствій непогоды и, главнымъ образомъ, отъ слишкомъ усердствующихъ поклонниковъ поэта, не постѣснившихся испещрить его вдоль и поперекъ дешевыми перлами своего поэтическаго вдохновенія.

Наконецъ, кромѣ реставраціи и поддержанія могилы поэта, существуетъ предположеніе пріобрѣсти на собираемыя пожертвованія село Михайловское отъ наслѣдниковъ Пушкина и устроить въ немъ какое-либо благотворительное или образовательное учрежденіе его имени, въ родѣ, напр., пріюта для престарѣлыхъ ученыхъ, писателей, художниковъ и артистовъ, обезпечить капиталомъ дальнѣйшее существованіе Святогорской Пушкинской богадѣльни, учрежденной на средства мѣстнаго крестьянскаго общества, и народной библіотеки-читальни при ней, и, наконецъ, если позволятъ средства комитета, построить въ гор. Псковѣ народный домъ имени поэта, для помѣщенія въ немъ школы, библіотеки-читальни, аудиторіи и, вообще, обще-образовательныхъ учрежденій для народа. Пожертвованія могутъ быть направляемы въ г. Псковъ на имя пушкинскаго комитета и, кромѣ того, во всѣ кассы казначейства, которыя уполномочены, по распоряженію Министра Финансовъ, принимать какъ отъ учрежденій, такъ и частныхъ лицъ всѣ жертвуемыя на пушкинскія учрежденія суммы.

Комитетъ союза писателей въ настоящее время вырабатываетъ программу чествованія А. С. Пушкина по случаю столѣтія дня его рожденія. Комитетъ, между прочимъ, обратился къ Совѣту русскаго театральнаго общества съ просьбой назначить своихъ представителей для совмѣстнаго обсужденія программы; въ послѣднемъ засѣданіи Совѣтъ избралъ съ этою цѣлью предсѣдателя В. С. Кривенка, товарища предсѣдателя А. Е. Молчанова и Е. И. Карпова.

При Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ ближайшемъ будущемъ будетъ образована коммиссія для детальной разработки порядка празднованія средними учебными заведеніями столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина. Будетъ, между прочимъ, предложенъ на обсужденіе вопросъ о раздачѣ всѣмъ воспитанникамъ полныхъ собраній сочиненій Пушкина.

Къ празднованію столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина появится въ свѣтъ, какъ сообщаетъ «Н. В.», первый томъ сочиненій великаго поэта въ академическомъ изданіи, подъ редакціей Л. Н. Майкова. Онъ будетъ заключать въ себѣ лицейскія стихотворенія Пушкина и объясненія къ нимъ редактора. Размѣры тома превышаютъ 40 печатныхъ листовъ, и изъ нихъ 19 содержатъ въ себѣ текстъ стихотвореній, а остальные—комментаріи. Въ основу издаваемаго текста академикъ Л. Н. Майковъ положилъ тщательное изученіе рукописей Пушкина, которое оказалось особенно необходимымъ для лицейскихъ его стихотвореній, потому что бо́льшая часть ихъ была издана по смерти автора довольно небрежно и перепечатывалась въ такомъ видѣ до сихъ поръ. Что касается комментарія, то въ немъ, кромѣ варіантовъ, приводятся оригиналы чужихъ произведеній, которымъ Пушкинъ подражалъ въ своихъ начальныхъ опытахъ, и сообщаются объясненія историческаго и біографическаго характера. Къ первому тому этого изданія будутъ приложены: два юношескіе портрета Пушкина и нѣсколько снимковъ его почерка и рисунковъ. Работа по приготовленію къ печати критическаго изданія сочиненій Пушкина наложила на академика Майкова обязанность не только обстоятельно ознакомиться съ рукописями великаго поэта,

хранящимися въ общественныхъ собраніяхъ, но и разыскивать ихъ у частныхъ лицъ. Поиски эти были не безуспѣшны: если не было найдено такихъ произведеній поэта, которыя вовсе не были-бы извѣстны, за-то встрѣчено значительное количество писемъ его, доселѣ не изданныхъ, а также отрывковъ, черновыхъ набросковъ и программъ. Всѣ эти матеріалы, облегчающіе разъясненіе творческой дѣятельности Пушкина, найдутъ себѣ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ предпринятаго Академіей изданія. Кромѣ бумагъ Пушкина, въ распоряженіе академика Майкова было доставлено значительное количество письменныхъ свѣдѣній о жизни поэта; обработка ихъ дала Л. Н. Майкову возможность составить рядъ статей, изъ которыхъ только сущность можетъ войти въ подготовляемую имъ біографію поэта; нынѣ-же эти статьи печатаются отдѣльнымъ сборникомъ, который будетъ нелишнимъ вкладомъ въ литературу о Пушкинѣ и его произведеніяхъ. Этотъ сборникъ появится также ко времени празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія великаго поэта.

Московскій университетъ предполагаетъ почтить столѣтнюю годовщину дня рожденія А. С. Пушкина изданіемъ историко-математическаго (?) сборника, въ который войдутъ статьи, написанныя исключительно студентами этого университета.

Общество имени Т. Г. Шевченка для воспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга.

29-го ноября 1898 г. въ залѣ училища глухо-нѣмыхъ состоялось первое организаціонное собраніе новаго Общества имени Т. Г. Шевченка. Общество это имѣетъ цѣлью попеченіе о недостаточныхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, уроженцахъ Южной Россіи, конечно, безъ различія вѣдомствъ, какъ и безъ различія пола учащихся. Помощь Общества (§ 2 Устава) можетъ выражаться: 1) взносомъ платы за ученіе, 2) безплатною выдачею книгъ и пособій учебныхъ, одобренныхъ Мин. Нар. Пр. и Духов. Вѣд., и продажею таковыхъ учащимся по удешевленной цѣнѣ, 3) снабженіемъ одеждою, пищею и пріютомъ неимущихъ, если они не могутъ пріобрѣтать ихъ собственными трудами, 4) содѣйствіемъ къ пріисканію нуждающимся занятій, 5) снабженіемъ бѣдныхъ больныхъ медицинскими пособіями подъ наблюденіемъ врача на дому, а также помѣщеніемъ такихъ больныхъ на счетъ Общества въ больницы, и содѣйствіемъ къ погребенію умершихъ, 6) назначеніемъ въ исключительныхъ случаяхъ денежныхъ пособій. Дѣйствительными членами Общества состоятъ лица, вносящія въ кассу Общества ежегодно не менѣе 5 рублей или внесшія единовременно не менѣе 50 рублей (§ 8). Цѣль Общества и характеръ его дѣятельности крайне симпатичны и достойны всякаго сочувствія, со стороны-же сколько-нибудь обезпеченныхъ уроженцевъ Юга возможно дѣятельнаго участія,—кому трудно проявить эту дѣятельность личнымъ трудомъ при оказаніи помощи неимущимъ учащимся южанамъ,— то хоть правильнымъ взносомъ членскихъ 5 рублей и распространеніемъ свѣдѣній объ Обществѣ имени Т. Г. Шевченка. Судя по первому собранію, если дѣло пойдетъ такъ, какъ началось, Общество успѣшно будетъ выполнять свою задачу. Собравшіеся

въ числѣ слишкомъ 65 человѣкъ члены-учредители избрали изъ своей среды правленіе, которое, въ свою очередь, избрало должностныхъ лицъ, чтобы имѣть возможность непосредственно послѣ перваго общаго собранія приступить къ дѣятельности. Избранными оказались: предсѣдатель правленія д. т. с. сенаторъ А. Н. Марковичъ, вице-предсѣдатель т. с. И. С. Иващенко, казначей П. П. Катериничъ (адресъ его для пріема взносовъ,—Невскій проспектъ, д. № 70, около Литейнаго просп.), секретарь Я. П. Забѣлло и два члена правленія—Д. Л. Мордовцевъ и П. М. Саладиловъ. Кандидатами въ члены правленія, послѣ отказа М. И. Красовской и Ю. Ю. Цвѣтковскаго отъ кандидатства, но отнюдь не отъ дѣятельной работы на помощь Обществу, оказались—В. Г. Короленко, И. Е. Рѣпинъ, В. В. Лесевичъ и Е. А. Ганейзеръ. Въ томъ-же первомъ общемъ собраніи было доложено о нѣсколькихъ пожертвованіяхъ (въ томъ числѣ отъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества 200 р.), такъ что въ первый-же день собрано было въ кассу Общества свыше 700 рублей. Нынѣ, насколько намъ извѣстно, число членовъ Общества далеко превзошло цифру сто, соотвѣтственно увеличились и средства его; кромѣ того, ожидается еще въ самомъ скоромъ времени какъ приливъ новыхъ членовъ послѣ разсылки Устава Общества, такъ и значительныхъ пожертвованій со стороны болѣе обезпеченныхъ и состоятельныхъ южанъ. Но, конечно, средствъ этихъ пока еще не много, и такъ какъ, кромѣ взносовъ и пожертвованій, Общество имѣетъ право устраивать въ свою пользу—спектакли, концерты, публичныя чтенія, базары, танцовальные вечера и пр., то Общество уже теперь задается задачей устроить мѣсяца черезъ два концертъ и танцовальный вечеръ, который, надо надѣяться, встрѣтитъ сочувственный откликъ среди многочисленныхъ южанъ С.-Петербурга. **Ж.**

Л. И. Поливановъ.

(Некрологъ).

Февраля 11-го въ Москвѣ скончался, на 61-мъ году отъ рожденія, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ педагоговъ, основатель и директоръ частной классической гимназіи — Левъ Ивановичъ Поливановъ. Уроженецъ Нижегородской губерніи, онъ получилъ среднее образованіе въ Москвѣ, въ четвертой гимназіи, а затѣмъ, въ 1861-мъ году, окончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго-же университета. Пробывъ нѣкоторое время на существовавшихъ въ то время такъ-называемыхъ педагогическихъ курсахъ,—учрежденіе, которое, послѣ уничтоженія Главнаго педагогическаго института и до открытія института историко-филологическаго, должно было служить разсадникомъ для подготовки учителей среднихъ учебныхъ заведеній. При всѣхъ недостаткахъ своей организаціи, названные курсы все-таки имѣли и ту хорошую сторону, что давали возможность окончившимъ университетскій курсъ молодымъ людямъ возможность на переходъ непосредственно съ университетской скамьи къ преподавательской дѣятельности, нѣсколько присмотрѣться къ послѣдней и болѣе сознательнаго, самоопредѣленія своей пригодности или непригодности къ ней. Л. И. Поливановъ имѣлъ рѣшительное призваніе къ педагогическому дѣлу, и потому, разъ взявшись за него, не оставлялъ его до послѣдняго дня своей жизни. Онъ былъ препода-

вателемъ русскаго языка и словесности во многихъ московскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1868 году, въ сообществѣ съ нѣкоторыми лицами, основалъ частную мужскую гимназію, носившую его имя, и съ 1875 года уже всецѣло на ней сосредоточилъ свою практическую и педагогическую дѣятельность. Благодаря неутомимой энергіи своего директора и умѣлому подбору имъ-же своихъ сотрудниковъ, Поливановская гимназія внушала своимъ питомцамъ чувства любви и искренней преданности къ воспитавшему ихъ заведенію и оставляла въ нихъ добрую память объ учебныхъ годахъ. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ классической системы образованія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавалъ законность существованія также и школъ реальной и профессіональной; онъ считалъ только необходимымъ, чтобы лучшія силы страны, призванныя руководить ея жизнью, непремѣнно проходили черезъ классическую школу, на которую онъ, такимъ образомъ, смотрѣлъ не съ узко-формальной точки зрѣнія неразумныхъ сторонниковъ ея.

Учебно-педагогическіе труды Л. И. Поливанова, именно, «Краткій учебникъ русской грамматики», «Русская и церковно-славянская этимологія», «Русскій синтаксисъ» и «Русская хрестоматія» (три части), «Первая и вторая пчелка», для народныхъ школъ, были широко распространены въ школѣ, въ особенности «Краткій учебникъ грамматики», который, однако, многіе и учащіе, и учащіеся находили неудовлетворительнымъ и труднымъ для усвоенія, хотя эта трудность происходила лишь вслѣдствіе того, что, будучи краткимъ, давая только то, что безусловно необходимо для твердаго усвоенія учащимся, учебникъ этотъ требовалъ основательной подготовительной классной переработки, на которую, къ сожалѣнію, слишкомъ мало обращали и обращаютъ у насъ вниманія иные изъ учителей-преподавателей русскаго языка. Помимо учебниковъ, Л. И. Поливановымъ изданы весьма цѣнныя пособія для изученія русской словесности, наприм., «Избранныя сочиненія Державина и Карамзина», «Сочиненія Пушкина» съ подробными объясненіями, «Библіотека по русскому и церковно-славянскому языку и словесности» (пять томовъ), «В. А. Жуковскій и его произведенія» (послѣднее сочиненіе подписано псевдонимомъ «П. Загаринъ») и др. Кромѣ того, Поливанову принадлежитъ рядъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ этихъ статей назовемъ: «Уроки объяснительнаго чтенія и логическаго разбора», «Матеріалы для біографіи Пушкина» («Русская Стар.» 1887 г.), «Многосторонній интересъ научныхъ изслѣдованій о Пушкинѣ» («Моск. Вѣд.» 1887 г.), «М. Ю. Лермонтовъ въ 1831—1832 гг.» («Русск. Стар.» 1889 г.); предисловіе къ статьямъ М. Н. Каткова «Наша учебная реформа»; большая руководящая статья и рядъ критическихъ замѣтокъ въ «Учебно-воспитательной библіотекѣ», изданной, подъ общей редакціей Л. И. Поливанова, учебнымъ отдѣломъ Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній», и др. Его изданіе сочиненій А. С. Пушкина въ пяти томахъ было награждено Академіей Наукъ большой золотой медалью, а Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—преміей Петра Великаго. Покойный не мало потрудился также и въ качествѣ переводчика. Изъ его переводовъ—«Мизантропъ» Мольера и «Гоѳолія» Расина отмѣчены наградами отъ Академіи Наукъ, затѣмъ имъ переведены: «Іоаннъ Златоустъ и царица Евдокія» и «Аларихъ» — Амедея Тьери, «Горацій» — Корнеля, «Федра» Расина; всѣ переводы обыкновенно были снабжаемы Л. И. обстоятельными объясненіями и вступительными статьями. Поливановъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и, между прочимъ, секретаремъ Мо-

сковскаго общества любителей россійской словесности. Онъ основалъ въ Москвѣ «Шекспировскій кружокъ». Словомъ, Москва потеряла въ лицѣ покойнаго одного изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, богатаго иниціативой и сильнаго своей энергіей и неустаннымъ трудолюбіемъ.

Отпѣваніе почившаго педагога происходило 14 февраля, въ университетской церкви. При отпѣваніи присутствовали попечитель Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ и множество другихъ представителей учебнаго вѣдомства, профессоровъ, ученыхъ, журналистовъ, членовъ городского управленія, съ городскимъ головою кн. В. М. Голицынымъ во главѣ. На гробъ была возложена груда вѣнковъ—отъ Общества любителей россійской словесности, Шекспировскаго кружка, отъ Общества бывшихъ воспитанниковъ Поливановской гимназіи и множества другихъ общественныхъ учрежденій, учебныхъ заведеній, семействъ учениковъ и т. п. Отпѣваніе закончилось въ первомъ часу дня. Гробъ до мѣста упокоенія—кладбища Новодѣвичьяго монастыря, несли на рукахъ сослуживцы, почитатели и бывшіе ученики покойнаго педагога.

А. А. Хованскій.

(Некрологъ).

Января 29-го скончался на 86-мъ году жизни, въ Воронежѣ, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ провинціальныхъ дѣятелей на поприщѣ педагогической журналистики, основатель и редакторъ «Филологическихъ Записокъ»—Алексѣй Андреевичъ Хованскій. Родился онъ въ 1814 году, въ Пензенской губ. Происходя изъ духовнаго званія, онъ первоначальное образованіе получилъ въ Пензенскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ учился въ Саратовской дух. семинаріи. Еще до окончанія курса въ семинаріи, какъ отличнѣйшій по успѣхамъ студентъ, онъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка въ Камышинское духовное училище, въ которомъ съ выдающимся успѣхомъ преподавалъ русскій языкъ. Въ 1842 году, когда Алексѣй Андреевичъ, перешедшій на службу въ вѣдомство Министерства Нар. Просвѣщенія, состоялъ учителемъ Петровскаго уѣзднаго училища, онъ, уже упрочившій за собою репутацію отличнаго преподавателя, былъ приглашенъ въ 1845-мъ году преподавать русскій языкъ въ незадолго передъ тѣмъ открытомъ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ онъ трудился до 1867 года. Видя недостатки въ современномъ ему преподаваніи русскаго языка и въ особенности недостатки существовавшихъ въ то время учебниковъ по этому предмету, онъ, при сочувственномъ отношеніи своихъ сотоварищей-преподавателей по корпусу—извѣстнаго въ свое время словесника Де-Пуле и Малыхина, рѣшилъ исправить журналъ, посвященный разработкѣ своего любимаго предмета. Съ 1860 года, когда была утверждена программа задуманнаго имъ въ 1859 году журнала, выходившаго шесть разъ въ годъ, подъ заглавіемъ «Филологическія Записки», *тридцать восемь* лѣтъ А. А. былъ и издателемъ, и редакторомъ, и главнымъ сотрудникомъ и даже корректоромъ этого почтеннаго изданія, число подписчиковъ котораго, однако, въ первые годы едва доходило до *двухсотъ*. Сколько энергіи, труда и средствъ, при скудномъ учительскомъ жалованьѣ, надо было затрачивать на подобнаго рода спеціальное изданіе въ провинціальномъ городѣ, вести его до послѣдняго дня

своей долгой труженической жизни! Только незначительная матеріальная помощь одного частнаго лица, дававшаго въ продолженіе трехъ лѣтъ по 300 р. ежегодно, и затѣмъ, уже позднѣе, скромная субсидія Мин. Нар. Просв. въ 500 р. въ годъ, а затѣмъ безплатные вклады въ журналъ своими статьями нѣкоторыхъ такихъ-же тружениковъ, какъ и покойный А. А, давали возможность сводить концы съ концами и не прекращать изданіе. Во все время изданія журнала, цѣлыхъ 38 лѣтъ, имѣя за плечами уже долголѣтнюю трудовую жизнь, на исходѣ девятаго десятка, Алексѣй Андреевичъ давалъ себѣ въ году только семь дней отдыха (два дня Пасхи и Рождества, Новый годъ и день своихъ имянинъ), все остальное время проводя, съ ранняго утра и до поздней ночи, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Кромѣ того, А. А. три года еще былъ первымъ редакторомъ газеты «Воронежскій Телеграфъ». Только во время празднованія 25-ти-лѣтія, а затѣмъ и 35-ти-лѣтія существованія «Филологическихъ Записокъ» Алексѣй Андреевичъ былъ порадованъ общимъ признаніемъ его заслугъ со стороны ученыхъ людей и учрежденій и преподавателей русскаго языка. «Филологическія Записки» долгое время были у насъ единственнымъ филологическимъ журналомъ, и многіе изъ нашихъ извѣстныхъ впослѣдствіи ученыхъ дѣятелей на поприщѣ изученія родного языка только въ немъ и находили радушный пріютъ своимъ работамъ. Вкладчиками въ журналъ А. А. были: Буслаевъ, Я. Гротъ, О. Миллеръ, А. Веселовскій, А. Галаховъ, Потебня и многіе другіе ученые. Журналъ далъ также множество переводовъ капитальныхъ трудовъ по языкознанію. Впослѣдствіи «Филологическія Записки» пользовались среди русскихъ ученыхъ и заграничныхъ славистовъ довольно широкою извѣстностью, но это не облегчало ига, добровольно возложеннаго на себя ихъ редакторомъ-издателемъ. Его долгая труженическая жизнь да послужитъ примѣромъ тѣмъ, которые, не пугаясь отдаленностью своего мѣстожительства отъ ученыхъ центровъ, трудятся надъ повсемѣстнымъ развитіемъ научной жизни въ нашемъ отечествѣ. Какъ слышно, любимое дѣло покойнаго,—«Филологическія Записки»,— будутъ продолжаться. Это было-бы лучшимъ памятникомъ усопшему труженику.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Новыя ассигнованія на высшія учебныя заведенія. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ассигновано на постройки: зданія Томскаго технологическаго института—60.000 р.; зданія медицинскаго факультета Новороссійскаго университета—270.000 р.; зданія астрономической обсерваторіи Казанскаго университета — 16.000 руб.; зданія Варшавскаго ветеринарнаго института—100.000 р. и на постройку дома Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи—4.500 рублей («Нов.»).

Педагогическія семинаріи. На заключеніе попечителей учебныхъ округовъ поступилъ выработанный Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія проектъ педагогическихъ семинарій, имѣющихъ цѣлью подготовку учителей къ преподаванію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ общихъ чертахъ проектъ заключается въ слѣдующемъ. Педагогическія семинаріи учреждаются: 1) для расширенія и пополненія научныхъ знаній, полученныхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и 2) для практической подготовки къ педагогической дѣятельности. Курсъ въ семинаріяхъ двухлѣтній, при чемъ во второй годъ кандидаты на учительскія должности ведутъ, хотя и подъ руководствомъ семинарскихъ наставниковъ, систематическое преподаваніе по избранной спеціальности въ классахъ средняго учебнаго заведенія, замѣняя, такимъ образомъ, штатныхъ учителей и неся всѣ ихъ обязанности. По окончаніи этого пробнаго года и по представленіи кандидатомъ сочиненія, ему выдается совѣтомъ семинаріи свидѣтельство, удостовѣряющее его подготовленность къ занятію учительской должности. По окончаніи семинаріи, кандидаты на учительскую должность пользуются слѣдующими правами и льготами: 1) время, проведенное въ семинаріи, въ случаѣ поступленія кандидатовъ на учебную службу, зачитывается имъ годъ за годъ, за дѣйствительную службу; 2) открывающіяся учительскія вакансіи занимаются прежде всего лицами, получившими подготовку въ педагогической семинаріи, и только при не имѣніи такихъ кандидатовъ могутъ быть замѣщены другими лицами; 3) за время пребыванія штатныхъ кандидатовъ (не болѣе 24-хъ человѣкъ) въ семинаріи они получаютъ стипендіи по 600 р. въ годъ, и 4) въ теченіе пробнаго года кандидаты за исполненіе обязанностей штатнаго преподавателя получаютъ по 60 р. за каждый годовой урокъ. Директору семинаріи, кромѣ содержанія по должности директора гимназіи, проектируется добавочныхъ 2.000 р. въ годъ и за уроки (всего 4.360 р.), инспектору добавочныхъ 500 р., руководителямъ по 1.200 р., наставникамъ—по 1.000 р., при чемъ семинарскіе

наставники избираются изъ преподавателей того учебнаго заведенія, которое присоединено къ данной семинаріи. Въ виду того, однако, что кандидаты въ теченіе пробнаго года будутъ вести преподаваніе въ классахъ семинарской гимназіи, то чтобы, при существующихъ поурочныхъ вознагражденіяхъ, содержаніе штатныхъ преподавателей слишкомъ не уменьшилось-бы, проектъ предлагаетъ упразднить 4 штатныя учительскія должности, распредѣливъ уроки этихъ учителей между кандидатами пробнаго года, и образовавшіеся такимъ образомъ остатки употребить на повышеніе двухъ учительскихъ окладовъ до 1.250 р. въ годъ, при 12 недѣльныхъ урокахъ. Такимъ образомъ, при существующихъ въ гимназіяхъ двухъ высшихъ учительскихъ окладахъ (1.500 и 1.250 р.) въ семинарской гимназіи такихъ окладовъ будетъ четыре, и при такихъ условіяхъ содержаніе семинарскаго наставника достигнетъ 2.810 р. въ годъ. Что же касается реальныхъ училищъ, то такъ какъ, при многочисленности въ нихъ уроковъ, число штатныхъ преподавателей сокращено быть не можетъ, то недостающія для образованія двухъ новыхъ высшихъ окладовъ суммы должны быть добавляемы изъ средствъ семинаріи. Общій расходъ на содержаніе семинаріи, при которой содержится гимназія, исчисленъ въ 29.500 р. въ годъ, семинаріи-же при реальномъ училищѣ—30.950 р. («Тор.-Пр. Газ.»).

Приватъ-доценты. Министерство Народнаго Просвѣщенія предложило попечителямъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ имѣются университеты, входить ежегодно, къ 15-му января и 15 сентября, съ особыми представленіями въ Министерство о выдачѣ вознагражденія приватъ-доцентамъ университетовъ за чтеніе ими лекцій въ истекшемъ полугодіи; вмѣстѣ съ тѣмъ предложено обозначать въ такихъ представленіяхъ точный списокъ приватъ-доцентовъ всѣхъ факультетовъ университета, съ указаніемъ о томъ, какое число часовъ лекцій и практическихъ занятій имѣетъ каждый изъ приватъ-доцентовъ, кто изъ нихъ читаетъ лекціи по порученію факультетовъ, замѣняя собою штатныхъ преподавателей, кто изъ приватъ-доцентовъ получаетъ опредѣленное вознагражденіе и, наконецъ, кому изъ приватъ-доцентовъ испрашивается вознагражденіе вновь, въ какомъ размѣрѣ и изъ какого источника («Нов.»).

Московскій университетъ. Изъ отчета, прочитаннаго 12-го января на годовомъ актѣ Московскаго университета, видно, что къ 1-му января 1899 г. въ университетѣ состояло студентовъ 4.407, стороннихъ слушателей 160 и аптекарскихъ помощниковъ, посѣщающихъ въ качествѣ стороннихъ слушателей лекціи по предметамъ, входящимъ въ составъ провизорскаго экзамена, 178, всего 4.745. Число студентовъ сравнительно съ прошлымъ годомъ уменьшилось на 11, стороннихъ слушателей—на 26. Въ 1898 г. принято 1.246 студентовъ. Съ 1-го января 1898 г. по 1-е января 1899 г. выбыло до окончанія курса 485 человѣкъ,—на 126 болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, и по окончаніи полнаго университета курса—772, болѣе чѣмъ въ прошломъ году на 98. Въ числѣ 1.246 человѣкъ, принятыхъ въ августѣ минувшаго года, поступили въ университетъ изъ правительственныхъ гимназій 996. Изъ общаго числа студентовъ—4.407—состоитъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 223, на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета—462, на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета—705, на юридическомъ факультетѣ—1.733 и на медицинскомъ

факультетѣ—1.284. Удостоены выпускныхъ свидѣтельствъ: по историко-филологическому факультету 56, физико-математическому: по отдѣленію математическихъ наукъ—73 и по отдѣленію естественныхъ наукъ—79, по юридическому факультету—324 и по медицинскому—240 чел. Въ отчетномъ году было выдано студентамъ стипендій на сумму 155.785 р. и освобождено отъ платы за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи 811 студентовъ, во второмъ полугодіи 816. Единовременныхъ пособій было выдано въ минувшемъ году: въ первомъ полугодіи 506 студентамъ—15.691 р., а во второмъ 366 студентамъ—9.753 р. Размѣръ пособій простирался отъ 4 р. 50 к. до 100 р. Что касается строящагося зданія студенческаго общежитія, то всѣ работы предположено окончить въ январѣ нынѣшняго года, и въ мартѣ зданіе уже можетъ быть открыто. Въ первомъ общежитіи въ истекшемъ году содержался полный комплектъ—42 студента, всѣхъ-же заявленій о пріемѣ было подано 120 («Нов. Вр».).

Общество для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета. 11-го января состоялось годовое собраніе этого Общества. Въ засѣданіе прибыло 64 члена. За болѣзнью предсѣдателя комитета С. С. Корсакова, предсѣдателемъ собранія избранъ С. А. Иванцовъ. Изъ прочитаннаго отчета за 1898 годъ видно, что въ собственность Общества пріобрѣтенъ у г-жъ Прибиль и Масловой на Малой Бронной, гдѣ помѣщается безплатная студенческая столовая, домъ за 55 тыс. р. съ переводомъ долга Московскому городскому кредитному Обществу въ суммѣ 10.886 р. На пріобрѣтеніе дома было пожертвовано С. Т. Морозовымъ 20 т. р., съ тѣмъ, чтобы въ собственномъ владѣніи Общества была открыта дешевая платная столовая для студентовъ, кромѣ давно уже существующей безплатной. Для платной столовой былъ приспособленъ флигель при вновь пріобрѣтенномъ домѣ, въ которомъ она и открылась въ началѣ осени. Къ началу текущаго года Общество въ своемъ составѣ считаетъ 28 почетныхъ членовъ, 27 постоянныхъ и 521 платящихъ членскіе взносы ежегодно. Общая сумма поступленій въ оборотный капиталъ на покрытіе общихъ нуждъ комитета, не считая спеціальныхъ пожертвованій въ фондъ дома, запасный и стипендіальные капиталы, достигла 70.530 р. противъ 71.411 р. въ прошломъ году. Самою значительною статьей прихода является статья единовременныхъ пожертвованій, давшая 40.889 р., кромѣ 20 т. р., пожертвованныхъ С. Т. Морозовымъ, и другихъ суммъ, поступившихъ въ спеціальные капиталы. Крупнѣйшимъ жертвователемъ на нужды Общества была почетный членъ Общества Ю. И. Базанова, внесшая въ теченіе года въ кассу комитета 29.011 р. Членскихъ взносовъ въ отчетномъ году поступило 4.605 р. противъ 4.100 руб. прошлаго года. Сумма сборовъ съ концертовъ, спектаклей и публичныхъ лекцій равнялась 6.696 р. Въ возвратъ долговъ отъ бывшихъ студентовъ поступило въ отчетномъ году 11.782 р. противъ 4.392 р. прошлаго года. Самою значительною статьей расхода является взносъ платы за слушаніе лекцій, достигшій въ отчетномъ году суммы 34.752 р., внесенной за 843 студентовъ. Единовременныхъ пособій въ общей сложности въ теченіе года выдано было 2.625 р., при чемъ размѣръ пособій колебался отъ 5 до 75 руб. Содержаніе большой безплатной столовой на Малой Бронной обошлось въ 17.439 р. Всего выдано по 3.792 билетамъ 87.987 обѣдовъ. Стоимость каждаго обѣда выражается въ 19,82 коп. Расходы по содержанію малой комитетской столовой на Плющихѣ выразились въ суммѣ 5.190 р. и покрыты были сполна Ю. И. Базановой. По 1.086

билетамъ выдано въ малой столовой 21.357 обѣдовъ, при чемъ стоимость каждаго обѣда опредѣляется въ 24,30 коп. Изъ общаго числа должниковъ 193 погасили свои долги, 189 уплатили часть долга, съ обѣщаніемъ продолжать уплату по мѣрѣ возможности. Общая сумма долговъ къ 1-му января 1899 г. составляетъ 323.807 р. Въ отчетномъ году 25-го февраля было открыто при комитетѣ бюро для прінсканія занятій студентамъ. По 17-е декабря поступило 1.248 заявленій отъ студентовъ, желающихъ получить занятія. Разными лицами, нуждающимися въ студенческомъ трудѣ, было сдѣлано 256 предложеній, по которымъ соглашеній со студентами состоялось 157 на сумму 5.767 р. Всего-же черезъ бюро получили занятія 252 студента. Коммиссія, завѣдующая пріемомъ и выдачей жертвуемыхъ платья, бѣлья, обуви, книгъ и т. п., во второй половинѣ отчетнаго года вошла въ соглашеніе съ благотворительнымъ Обществомъ «Муравейникъ» относительно того, что жертвуемыя въ Общество въ пользу недостаточныхъ студентовъ вещи будутъ сдаваться имъ въ комитетъ для распредѣленія коммиссіей между недостаточными студентами по степени ихъ нужды. Коммиссія, по обсужденію вопроса о наиболѣе цѣлесообразномъ направленіи дѣятельности, обращалась къ директорамъ всѣхъ русскихъ гимназій съ просьбой дать возможно полныя свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи тѣхъ гимназистовъ, которые въ истекшемъ году окончили курсъ и намѣрены продолжать образованіе въ Московскомъ университетѣ. Отъ очень многихъ директоровъ своевременно были получены желательныя свѣдѣнія по выработаннымъ коммиссіей вопроснымъ листамъ. 12-го марта наступившаго года исполнится 25 лѣтъ со дня основанія Общества, и комитетъ избралъ особую коммиссію для разработки вопроса о праздновании юбилея Общества. Между прочимъ, комитетъ предполагаетъ собрать 14-го марта экстренное общее собраніе и доложить ему о дѣятельности комитета за 25 лѣтъ его существованія. Общество располагаетъ слѣдующими спеціальными капиталами для выдачи изъ процентовъ стипендій и пособій: А. В. Баевой 564 р., А. Л. и А. В. Беренштамовъ 3.500 р., Н. С. Тростянскаго 3.000 р., Э. Н. Сумбула 5.635 р., В. В. Давыдова 1.657 р., А. И. Шмакова 5.272 р., П. И. Чайковскаго 2.091 р., А. С. Капцова 1.009 р. Запасный капиталъ составляетъ сумму въ 44.028 р. По сведении итоговъ прихода и расхода оборотнаго капитала за истекшій годъ, получается остатокъ въ 9.255 р. 57 к. Въ настоящемъ году комитету предстоятъ значительные расходы по капитальному ремонту вновь пріобрѣтеннаго дома. Въ заключеніе своего отчета комитетъ высказываетъ увѣренность, что лучшіе представители русскаго образованнаго общества все болѣе и болѣе приходятъ къ сознанію, что помощь учащейся молодежи есть одинъ изъ благороднѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ видовъ общественной благотворительности и что сознаніе это все глубже и глубже будетъ проникать въ русское общество, которое и въ будущемъ не откажется придти на помощь Обществу для пособія нуждающимся студентамъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, какъ приходило оно въ теченіе истекающаго 25-ти-лѣтія («Рус. Вѣд.»).

Харьковскій университетъ. 17-го января Харьковскій Императорскій университетъ праздновалъ свою годовщину. Профессоръ энциклопедіи и философіи права К. Н. Ярошъ произнесъ рѣчь о П. Г. Рѣдкинѣ, какъ ученомъ и профессорѣ. Рѣчь эта была покрыта шумными апплодисментами. Затѣмъ ректоръ университета М. М. Алексѣенко прочелъ извлеченіе изъ отчета, изъ котораго видно, что къ 1-му января 1899 г. наличный составъ преподавателей состоялъ изъ 1 профес. правосл. бог., 53 ординарн. (въ томъ

числѣ внѣ штата 16), 11 экстраординарн. (въ томъ числѣ сверхшт. 3), 7 исправл. должн. экстраорд профессора, 15 приватъ-доцентовъ и 4 лекторовъ. Общее число преподавателей, такимъ образомъ, 120. При университетѣ состояли ученыя общества: испытателей природы, физико-химическихъ наукъ, научной медицины и гигіены, историко-филологическое и математическое. Къ 1-му января 1898 г. въ университетѣ состояло студентовъ 1.489, постороннихъ слушателей 142 (фармацевтовъ въ томъ числѣ 131), ученицъ повивальнаго училища 45. По факультетамъ студенты распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ — 35, физико-математическомъ — 196, юридическомъ - 457 и медицинскомъ — 801. Вновь было принято въ теченіе года студентовъ 306, постороннихъ слушателей 73 (въ томъ числѣ фармацевтовъ 62), ученицъ повив. уч. 19. Выбыло въ теченіе года 408 студ., посторон. слушат. 81 (въ томъ числѣ фармацевтовъ 71), ученицъ повив. учил. 25. На 1-е января 1899 года состоитъ студентовъ 1.387, посторон. слушат. 134 (въ томъ числѣ фармац. 132) и слушат. акушерскихъ курсовъ 39. По факультетамъ студенты распредѣляются такъ: на историко-филологич. — 36, физико-математическомъ — 197, юридическомъ — 445 и медицинскомъ — 709. Изъ 1.387 студентовъ стипендіатами состояло 165, обязательными 50 и необязательными 115; имъ выдано 12.576 р. и 28.675 р. Кромѣ того, выдано единовременныхъ пособій на сумму 7.805 р. 80 к., ежемѣсячныхъ (по 15 р.) на сумму 8.910 р. Всего издержано на пособія и стипендіи студентамъ 57.968 р. Студентовъ, освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій, въ весеннемъ полугодіи 215, а въ осеннемъ — 240. Обществомъ пособія недостаточнымъ студентамъ выдано: въ долгосрочную ссуду 4.998 р. и краткосрочную — 26.871 р. Общество имѣло къ 1-му января 1898 г. наличными 1.129 р., процентными бумагами — 20.710 руб. Въ теченіе года поступило наличными 32.914 руб. Израсходовано въ теченіе года 34.011 руб., такъ что къ 1-му января 1899 года состоитъ наличными всего 31 рубль. Выдано выпускныхъ свидѣтельствъ: на историко-филологическомъ факультетѣ — 11, физико-математическомъ — 25, юридическомъ — 81 и медицинскомъ — 164. Удостоены совѣтомъ университета степени доктора: на медицинскомъ факультетѣ — 5, физико-математическомъ — 1, магистра: на историко-филологическомъ — 1, физико-математическомъ — 1, званія уѣзднаго врача — 33, провизора — 23, зубного врача — 33, аптекарскаго помощника — 36, повивальной бабки — 157, дантиста — 4, профессоръ Юрьевскаго университета Левицкій удостоенъ степени доктора астрономіи и геодезіи honoris causa. На содержаніе личнаго состава, на учебныя пособія и хозяйственныя надобности изъ казначейства отпущено 435.231 р., а общая сумма расхода по университету 452.227 р. Плата за слушаніе лекцій, расходуемая также на университетъ, составляла сумму 63.625 р., а плата въ пользу преподавателей — 56.795 р. Капиталовъ университета имѣется 933.469 р., приносящихъ дохода 36.562 р. Въ истекшемъ году отъ разныхъ учрежденій и лицъ поступило въ пользу студентовъ 9.815 р. Выдано 8 золотыхъ и 2 серебряныхъ медали, 2 преміи и 2 почетныхъ отзыва. Вечеромъ въ залахъ дворянскаго собранія состоялся обычный студенческій концертъ и танцовальный вечеръ. Обѣдъ профессоровъ и бывшихъ студентовъ университета состоялся въ дворянскомъ клубѣ.

Университетская инспекція. Министръ Народнаго Просвѣщенія по поводу возбужденнаго начальствомъ Новороссійскаго университета вопроса о томъ,

входитъ-ли въ кругъ обязанностей университетской инспекціи контроль за исправнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій и практическихъ занятій, сообщилъ попечителю Одесскаго учебнаго округа, что хотя указанный контроль прежде всего лежитъ на обязанности профессоровъ, лаборантовъ и ассистентовъ, тѣмъ не менѣе дѣятельность инспекціи не должна ограничиваться однимъ формальнымъ удостовѣреніемъ посѣщенія студентами университетскаго зданія, но должна распространяться и на наблюденіе за цѣлесообразностью такого посѣщенія въ педагогическомъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ («Од. Лист.»).

Общество вспоможенія бывшимъ слушательницамъ высшихъ курсовъ. 20-го января происходило годовое собраніе Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Общество это существуетъ уже пять лѣтъ, и за это время въ составъ его поступило 407 членовъ, между тѣмъ какъ общее число окончившихъ курсъ на высшихъ женскихъ курсахъ достигло 1.545. Главная цѣль Общества — оказаніе матеріальной и нравственной поддержки обращающимся за содѣйствіемъ и помощью членамъ. За все время своего существованія Общество оказало такую помощь 92 лицамъ на сумму 6.495 р., изъ которыхъ возвращено уже въ кассу Общества 710 р.; въ 1898 г. пособій выдано 24 лицамъ на 1.685 р., возвращено же 248 р. Пособія выдавались въ случаѣ отсутствія занятій, на лѣченіе, на дорогу при полученіи мѣста въ провинціи или при отъѣздѣ на родину, больнымъ, находящимся въ лечебныхъ заведеніяхъ, и т. п. Вообще Совѣтъ Общества старался придти на помощь бывшимъ слушательницамъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Въ учрежденное при Обществѣ бюро въ теченіе 1898 г. обратились за содѣйствіемъ въ пріисканіи занятій 84 лица; различныхъ мѣстъ и занятій чрезъ посредство бюро было предложено 152, воспользовались-же предложеніями только 42 лица. Такой незначительный процентъ соглашеній объясняется тѣмъ, что незнаніе иностранныхъ языковъ мѣшаетъ во многихъ случаяхъ бывшимъ слушательницамъ принимать предлагаемыя имъ мѣста и занятія. Потому Совѣтъ рѣшилъ придти въ этомъ отношеніи на помощь и организовалъ, съ разрѣшенія Министра Нар. Просв., курсы иностранныхъ языковъ. Открытіе курсовъ уже послѣдовало; занятія на нихъ ведутся спеціалистами-преподавателями, а цѣлью занятій поставлено практическое знакомство съ новыми языками; преподаются языки: французскій, нѣмецкій и англійскій за плату по 4 р. въ мѣсяцъ за каждый; занятія происходятъ по вечерамъ въ помѣщеніи высшихъ женскихъ курсовъ. Кромѣ благотворительной дѣятельности, Общество занимается издательствомъ произведеній бывшихъ слушательницъ; кромѣ того, издательской коммиссіей издана составленная предсѣдательницей Совѣта Н. А. Вѣтвѣницкой памятная книжка окончившихъ курсъ наукъ на высшихъ женскихъ курсахъ, заключающая въ себѣ свѣдѣнія о занятіяхъ, семейномъ положеніи и мѣстожительствѣ бывшихъ слушательницъ. Въ память покойной предсѣдательницы Общества Н. В. Стасовой образованъ фондъ ея имени, достигшій суммы 514 р. Приходъ Общества въ 1898 году достигъ 3.357 р., расходъ—2.684 р. По разсмотрѣніи и утвержденіи всѣхъ отчетовъ, собраніе избрало 3-хъ членовъ Совѣта (М. В. Величко, Л. И. Дитерихсъ и О. М. Петерсонъ), кандидатку къ нимъ (В. Г. Никольскую), 6 членовъ въ бюро для пріисканія занятій и 3-хъ—въ издательскую коммиссію («Рус. Вѣд.»).

Пожертвованія женскому медицинскому институту. Въ женскій медицинскій институтъ поступило два пожертвованія Туркестанскій генералъ-губернаторъ препроводилъ въ институтъ 4.000 руб., пожертвованныхъ бухарскимъ эмиромъ на устройство акушерской клиники; затѣмъ докторъ медицины А. К. Лимбергъ пожертвовалъ 6.000 руб. для устройства при институтѣ зубоврачебнаго кабинета, имени С. Ф. Лимбека. Такъ какъ эта сумма недостаточна для законченнаго устройства кабинета, то почитатели покойнаго С. Ф. Лимбека приглашаются къ пополненію пожертвованія, внося ихъ въ институтъ или доктору Лимбергу (Исаакіевская площадь, № 1 — 7) («Н. Вр.»).

Публичныя лекціи въ Тамбовѣ. Въ истекшемъ году положено начало публичнымъ лекціямъ. Въ теченіе года были прочитаны лекціи: приватъ-доцентомъ московскаго университета В. П. Зыковымъ о животномъ населеніи морскихъ пучинъ, по приглашенію мѣстнаго Общества взаимопомощи приказчиковъ; профессоромъ московскаго университета графомъ Комаровскимъ— о разоруженіи, въ пользу недостаточныхъ студентовъ-тамбовцевъ Московскаго Университета, и В. В Лесевичемъ—двѣ лекціи: «Робинзонъ и позднѣйшія робинзоніады» и «Значеніе сказокъ въ народныхъ преданіяхъ», въ пользу воскресной школы и Общества народныхъ чтеній. Всѣ эти лекціи очень охотно посѣщались публикой и, судя по восторженному пріему лекторовъ, видимо отвѣчали ея существеннымъ потребностямъ. Въ нынѣшнемъ году Тамбовское Общество приказчиковъ имѣетъ въ виду, чрезъ посредство лекціоннаго отдѣла Московской коммиссіи домашняго чтенія, устроить рядъ публичныхъ чтеній, понизивъ входную плату до возможнаго минимума, чтобы дать возможность всѣмъ слоямъ населенія посѣтить эти лекціи («Рус. Вѣд.»).

Курсы общеобразовательныхъ предметовъ въ Петербургѣ. Хотя уставъ курсовъ утвержденъ, но къ разрѣшенію ихъ дѣятельности встрѣтилось новое непредвидѣнное препятствіе, заключающееся въ необходимости дополнить одинъ изъ параграфовъ устава Педагогическаго Общества, именно параграфъ 22-й. Въ концѣ прошлаго декабря на общемъ собраніи членовъ Общества была принята новая редакція этого параграфа. Въ виду того, что эта новая редакція, согласно разъясненію Министерства Народнаго Просвѣщенія, необходима для скорѣйшаго разрѣшенія открытія курсовъ при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ взаимной помощи, правленіе Общества вошло съ ходатайствомъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о согласіи его на испрашиваемое измѣненіе редакціи. Новая редакція принята общимъ собраніемъ членовъ въ слѣдующемъ видѣ: «Для увеличенія своихъ средствъ Общество можетъ, съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ, устраивать публичныя лекціи, курсы, концерты, спектакли, увеселительные вечера и т. п., а также предпринимать изданіе литературныхъ и научныхъ трудовъ на основаніи существующихъ постановленій» («Рус. Вѣд.»).

Публичныя лекціи въ Каменецъ-Подольскѣ. Въ средѣ учителей мѣстной гимназіи возникла недавно симпатичная мысль организовать здѣсь рядъ публичныхъ лекцій. Кружокъ лекторовъ рѣшилъ передавать весь чистый сборъ отъ предположенныхъ лекцій въ распоряженіе Каменецъ-Подольскаго Общества вспомоществованія учащимся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Эти предположенія встрѣтили сочувствіе въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи, который постановилъ предоставлять для лекцій безплатно гимнастическую залу. Въ первую очередь лекціоннымъ кружкомъ назначены слѣдующія чтенія: «О солнцѣ и о падающихъ звѣздахъ» (г. Ивановъ); «О происхожденіи языка» (г. Любарскій); «О ненормальныхъ явленіяхъ въ области семейнаго воспитанія» (г. Якубовичъ) и др. Лекціи будутъ начаты, какъ только получится разрѣшеніе попечителя Кіевскаго учебнаго округа.—Надняхъ здѣсь состоялось очередное общее собраніе недавно открытаго въ г. Каменцѣ Общества для содѣйствія физическому развитію дѣтей. Въ Общество это вступило уже болѣе ста лицъ, и увеличеніе числа членовъ продолжается. Въ послѣднемъ общемъ собраніи, кромѣ баллотировки кандидатовъ, обсуждался прочитанный однимъ изъ членовъ Общества рефератъ о недостаткахъ современнаго физическаго воспитанія. Возникшія послѣ этого доклада пренія касались, главнымъ образомъ, вреднаго вліянія на дѣтей военной гимнастики, преподаваемой нынѣ въ большинствѣ школъ («Рус. Вѣд.»).

Общедоступныя лекціи въ Одессѣ. Въ Одессѣ съ 10-го января возобновилась подписка на лекціи по естествознанію, устраиваемыя Новороссійскимъ Обществомъ естествоиспытателей. Судя по числу записавшихся въ теченіе первыхъ трехъ дней, можно ожидать, что количество слушателей въ начинающемся семестрѣ будетъ не менѣе, чѣмъ въ истекшемъ, когда число ихъ достигало 532. Въ наступающемъ полугодіи будутъ читаться: 1) ботаника (проф. Каменскій), 2) минералогія (пр.-доц. Сидоренко), 3) органическая химія (проф. Меликовъ), 4) математика (проф. Слешинскій) и 5) гигіена (пр.-доц. Бардахъ). Съ финансовой стороны организація лекцій поставлена теперь въ болѣе благопріятныя условія. Съ прошлаго года Общество естествоиспытателей получаетъ изъ городскихъ средствъ ежегодное пособіе въ 3.000 р. Расходы въ истекшемъ семестрѣ достигли 1.548 руб., часть которыхъ была покрыта суммой (въ 970 р.), вырученной за продажу билетовъ на лекціи. Для болѣе полнаго обезпеченія финансовой стороны дѣла лекціонный комитетъ изъ свободныхъ суммъ отчисляетъ до 50% на образованіе лекціоннаго фонда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полученіемъ субсидіи, оказалась возможность увеличить вознагражденіе лекторамъ до 100 р. за семестръ (раньше вознагражденіе это колебалось между 15 и 83 р.); вознагражденіе выдается также лаборантамъ и студентамъ (до 2 р. 50 к. за 1 ч.), помогающимъ лекторамъ при демонстраціи опытовъ. Благодаря субсидіи-же удалось чуть-ли не вдвое увеличить число билетовъ, выдаваемыхъ безплатно или за половинную цѣну (нормальная плата 3 р. за предметъ въ одинъ семестръ). Выдача этихъ билетовъ нуждающимся вообще практиковалась комитетомъ въ широкихъ размѣрахъ. Такъ, за 1-й семестръ 1898 г. изъ 630 слушателей безплатныхъ было—301; изъ 532 слушателей истекшаго семестра—250. Въ наступившемъ семестрѣ подано свыше 200 прошеній о безплатномъ допущеніи на лекціи; всѣ просьбы, вѣроятно, будутъ удовлетворены («Од. Лист.»).

Передвижная педагогическо-промышленная выставка. Изъ отчета о результатахъ первой передвижной по селамъ и деревнямъ педагогическо-промышленной выставки, устроенной въ минувшемъ году комитетомъ С.-Петербургскаго Общества трезвости, видно, что въ теченіе шести мѣсяцевъ выставка имѣла тринадцать остановокъ въ слѣдующихъ пунктахъ: въ С.-Пе-

тербургѣ, с. Усть-Ижорѣ, с. Рыбацкомъ, с. Новосаратовской колоніи, с. Михаила Архангела, с. Смоленскомъ, с. Средней Рогаткѣ, д. Старо-Паново. с. Смоленскомъ—на фабрикѣ Паля, с. Первое Парголово, Сестрорѣцкѣ, на фабрикѣ Торнтонъ, въ театрѣ Невскаго Общества народныхъ развлеченій. Всего посѣтило эту выставку во всѣхъ упомянутыхъ пунктахъ 39.550 человѣкъ, не считая театра Невскаго Общества, откуда свѣдѣній не получено. Матеріальный результатъ выставки, принимая во вниманіе первый опытъ, былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Всего израсходовано было на устройство, содержаніе и перевозку 13-ти выставокъ, жалованіе служащимъ и на наемъ музыкантовъ 577 р. 50 к.; въ распоряженіи-же комитета были пожертвованные 524 р. 33 к. Перерасходъ въ 53 р. 17 к. слѣдуетъ, однако, считать весьма ничтожнымъ, принимая во вниманіе пожертвованія, не выраженныя въ денежномъ итогѣ; такъ, сюда не включены пожертвованія брошюрами (4,063 экземпл.), книгами и картинами на сумму до 80 руб., предоставленіе безвозмезднаго помѣщенія для выставки, содержаніе карауловъ и перевозочныхъ средствъ, отопленія и освѣщенія, на что потребовалось-бы израсходовать не менѣе 300 руб. Перерасходъ пополненъ изъ средствъ С.-Петербургскаго Общества трезвости («Рус. Вѣд.»).

Математическіе курсы въ Калугѣ. Въ скоромъ времени здѣсь при реальномъ училищѣ откроются вечерніе курсы математическихъ наукъ, исключительно для взрослыхъ. Требуемое для открытія подобнаго рода курсовъ разрѣшеніе попечителя уже получено. Курсы могутъ посѣщать лица обоего пола. Каждый отдѣлъ математики (ариѳметика, алгебра, геометрія и тригонометрія) будетъ читаться отдѣльно, такъ что каждый изъ желающихъ можетъ слушать курсъ лишь одного какого-нибудь предмета. Плата назначена слѣдующая: 10 рублей за десять часовыхъ уроковъ для лицъ, занимающихъ мѣсто въ первомъ ряду, и 2 р. за то-же количество уроковъ — прочихъ рядахъ. Плата вносится впередъ («Н. Вр.»).

Отдѣлъ новостей въ Московскомъ политехникумѣ. Въ Москвѣ, въ Политехническомъ музеѣ открылся новый отдѣлъ—«отдѣлъ новостей», въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе выставленные здѣсь дезинфекторъ, самодвижущаяся лодка (изъ Неаполя), телеграфъ безъ проволоки Маркони, американская турбина и другіе предметы, представляющіе интересъ новизны. Предположено измѣнять выставляемое въ отдѣлѣ черезъ извѣстный промежутокъ времени такъ, чтобы публика могла по отдѣлу знакомиться непосредственно съ новыми изобрѣтеніями во всѣхъ областяхъ («Рус. Вѣд.»).

Реальное образованіе. Въ самомъ непродолжительномъ времени въ Петербургѣ начнетъ свою дѣятельность вновь образовавшееся въ концѣ прошлаго года «Общество содѣйствія реальному образованію». Проектъ устава Общества уже выработанъ и представленъ на утвержденіе. Главнѣйшая цѣль названнаго Общества, какъ показываетъ и самое его названіе,—содѣйствіе реальному образованію путемъ учрежденія реальныхъ училищъ и устройства общеобразовательныхъ курсовъ. Первымъ практическимъ шагомъ по утвержденіи устава Общества, которое ожидается на-дняхъ, намѣчено учрежденіе въ Петербургѣ реальнаго училища, пріурочиваемаго къ приближающемуся 200-лѣтію со дня основанія столицы. Училище это предполагается посвятить памяти Императора Петра I, создавшаго, какъ извѣстно, въ 1701 году прото-

типъ реальныхъ училищъ основаніемъ въ Москвѣ первой школы математическихъ наукъ. Проектируемое реальное училище. по выработанному уже плану, должно будетъ доставлять учащемуся юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ жизни и къ пріобрѣтенію техническихъ знаній. Оно будетъ подраздѣляться на три отдѣленія: реальное, низшее механико-техническое и ремесленное («Рус. Вѣд.»).

Интернатъ для дворянскихъ дѣтей. Среди докладовъ, разсматриваемыхъ въ настоящее время бессарабскимъ губернскимъ собраніемъ дворянства, обращаетъ на себя вниманіе докладъ объ учрежденіи интерната для дворянскихъ дѣтей, обучающихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Кишинева. Соединенное присутствіе предводителей и депутатовъ бессарабскаго дворянства нашло нужнымъ учредить такое общежитіе сперва на 60 человѣкъ, а затѣмъ на такое число пансіонеровъ, какое позволитъ помѣщеніе. Общежитіе это должно находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ губернскаго предводителя дворянства и состоять въ завѣдываніи дворянскаго депутатскаго собранія. На постройку и оборудованіе зданія нужно до 150 тыс. рублей, которые могутъ быть отпущены изъ остатковъ доходовъ монастырскихъ имѣній. Затѣмъ, изъ того-же источника необходимъ ежегодный отпускъ по 500 руб. на содержаніе изъ общаго числа 60—40 дворянскихъ пансіонеровъ, что составитъ 20 тыс. рублей. Недостающая часть расходовъ, подъ отвѣтственностью бессарабскаго дворянства, должна покрываться изъ спеціальныхъ средствъ интерната и общихъ суммъ дворянства. Въ заключеніе признано нужнымъ ходатайствовать о выдачѣ изъ государственнаго казначейства надлежащей суммы на тотъ случай, если бы встрѣтились какія-либо затрудненія къ отпуску пособія изъ доходовъ монастырскихъ имѣній («Нов.»).

Лѣтняя школьная колонія въ Баку. Министерство Народнаго Просвѣщенія, принимая во вниманіе вредное вліяніе тяжелыхъ климатическихъ условій жизни въ гор. Баку на учащихся, въ особенности послѣ девятимѣсячнаго усидчиваго школьнаго труда, разрѣшило устроить около Баку лѣтнее помѣщеніе для воспитанниковъ гимназій и сельско-хозяйственную колонію для каникулярныхъ ихъ занятій на 100—500 человѣкъ. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, для этой цѣли Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ передано въ Министерство Народнаго Просвѣщенія 30 десятинъ казенной земли близъ селенія Кусары, Кубанскаго уѣзда. Главнымъ источникомъ устройства колоніи является благотворительный сборъ, составляющійся изъ добровольныхъ пожертвованій и доходовъ съ концертовъ и аллегри. Бѣднѣйшіе изъ учениковъ могутъ проживать въ колоніи безплатно, другіе-же вносятъ посильную плату. Въ составѣ воспитательскаго надзора въ колоніи будутъ состоять: управляющій фермой—спеціалистъ по сельскому хозяйству, получившій высшее образованіе, его помощникъ—также спеціалистъ, изъ окончившихъ курсъ въ среднемъ сельско-хозяйственномъ заведеніи, а для общеобразовательныхъ занятій—окончившій курсъ въ университетѣ естественникъ. При колоніи будутъ также состоять: экономъ, пасѣчникъ, шелководъ и мастеровой («Нов.»).

Женская гимназія въ Либавѣ. 24-го января, въ присутствіи окружнаго инспектора Рижскаго учебнаго округа д. с. с. В. Я. Попова и представителей мѣстныхъ гражданскихъ и военныхъ учрежденій, состоялось оф-

фиціальное открытіе женской городской гимназіи на правахъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ день открытія гимназіи были получены привѣтственныя телеграммы отъ разныхъ лицъ и учрежденій («Нов.»).

Русскій литературный кружокъ въ Ригѣ, учрежденный въ концѣ 1892 г., имѣетъ при себѣ, кромѣ коммиссіи народныхъ чтеній, еще два отдѣленія—физико-математическое и педагогическое. Первое отдѣленіе носитъ также педагогическій характеръ: во главѣ его—окружный инспекторъ Рижскаго учебнаго округа, а членами состоятъ преподаватели математики и физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ нынѣшнемъ учебномъ году дѣятельность отдѣленія направлена на методическую разработку программы преподаванія физико-математическихъ наукъ въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ. Въ педагогическомъ отдѣленіи принимаютъ участіе. преимущественно, учителя и учительницы начальныхъ школъ и нѣсколько мировыхъ судей. Несмотря на то, что въ Ригѣ 8 среднихъ учебныхъ заведеній, въ числѣ членовъ педагогическаго отдѣленія преподавателей древнихъ языковъ вовсе нѣтъ, а преподавателей русскаго языка и исторіи только 3—4 человѣка. Этотъ печальный фактъ объясняется индифферентнымъ отношеніемъ многихъ преподавателей къ педагогическимъ вопросамъ и отсутствіемъ среди нихъ сознанія необходимости единенія и общенія. Въ прошломъ учебномъ году отдѣленіе занималось систематической разработкой вопросовъ преподаванія русскаго языка въ начальныхъ школахъ и младшихъ классахъ гимназій. Отъ дальнѣйшей разработки программы преподаванія русскаго языка въ среднихъ классахъ пришлось отказаться за недостаткомъ педагогическихъ силъ. Вслѣдствіе этого въ нынѣшнемъ году рефераты и вопросы, читавшіеся и обсуждавшіеся въ отдѣленіи, имѣли болѣе или менѣе случайный характеръ. Послѣднее засѣданіе, 13-го января, было посвящено памяти Ушинскаго, такъ какъ отдѣленіе постановило ежегодно чествовать память великаго педагога на одномъ изъ первыхъ засѣданій послѣ годовщины его смерти (21-го декабря) («Рус. Вѣд.»).

Публичныя чтенія въ тюрьмахъ. По иниціативѣ тюремной инспекціи, еще весной прошлаго года въ рижскихъ тюрьмахъ было устроено для арестантовъ нѣсколько чтеній съ туманными картинами. Въ теченіе нынѣшней зимы эти чтенія производятся каждое воскресенье во всѣхъ четырехъ тюрьмахъ Риги. Они организуются коммиссіей народныхъ чтеній, состоящей при мѣстномъ литературномъ кружкѣ. Чтецами являются большею частью учителя и учительницы. Арестанты съ большимъ интересомъ присутствуютъ на чтеніяхъ; въ аудиторіяхъ господствуетъ идеальная тишина («Р. Вѣд.»).

Пожертвованіе Н. А. Варгунина. Скончавшійся недавно извѣстный дѣятель по народному образованію Н. А. Варгунинъ завѣщалъ С.-Петербургскому уѣздному земству недвижимое имущество для содержанія изъ доходовъ его воскресной школы или другихъ образовательныхъ учрежденій для взрослаго населенія села Александровскаго. Такъ какъ въ этомъ селѣ уже имѣется воскресная школа, устроенная Обуховскимъ сталелитейнымъ заводомъ и доступная всему мѣстному населенію, то уѣздная управа пришла къ заключенію, что всего полезнѣе было-бы учредить образовательныя чтенія для народа не только по праздникамъ, но и по буднямъ, по окончаніи работъ, а также классы техническаго рисованія и хорового пѣнія, и, наконецъ, устроить би-

бліотеку. Для приспособленія завѣщаннаго дома къ устройству въ немъ этихъ учрежденій необходимы нѣкоторыя передѣлки, которыя будутъ стоить около 14.000 р. Уѣздное земство ходатайствовало передъ земскимъ собраніемъ о позаимствованіи этой суммы изъ своего эмеритальнаго капитала. Губернское земское собраніе, происходившее 14-го января, разрѣшило это позаимствованіе для упомянутой цѣли («Русск. Вѣд.»).

Новая народная аудиторія въ Одессѣ. 10-го января состоялось открытіе новой народной аудиторіи на одной изъ многолюдныхъ окраинъ города—Слободкѣ-Романовкѣ. Аудиторія представляетъ небольшихъ размѣровъ залъ со сценой для постановки спектаклей и устройства концертовъ; сбоку сцены на одномъ уровнѣ съ нею—каѳедра для лекторовъ. Въ залѣ рядами поставлены деревянныя со спинками скамьи съ нумерованными мѣстами; всѣхъ мѣстъ около 400. Вечеромъ частью постоянной драматической труппы городской аудиторіи исполнена на сценѣ слободской аудиторіи пьеса Островскаго «Тяжелые дни» (Од. Лист.).

Преобразованіе уѣздныхъ училищъ. По распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія, всѣ существующія въ отдѣльныхъ учебныхъ округахъ уѣздныя училища будутъ преобразованы въ городскія по положенію 31-го мая 1872 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во избѣжаніе могущихъ быть затрудненій при увольненіи за штатъ преподавателей упраздняемыхъ уѣздныхъ училищъ, болѣе дойстойные изъ нихъ будутъ назначаться учителями городскихъ училищъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ будетъ введена предметная система преподаванія, но не иначе, какъ по особому въ каждомъ данномъ случаѣ представленію Министерству со стороны учебно-окружныхъ начальствъ («Нов.»).

Народные оперные спектакли въ Каменецъ-Подольскѣ. Однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ начинаній каменецъ-подольскаго попечительства о народной трезвости является устройство цѣлой серіи дневныхъ оперныхъ спектаклей для народа. Осуществить это начинаніе оказалось возможнымъ, благодаря той отзывчивости, съ какой отнеслась къ дѣлу дирекція мѣстнаго городского театра, выразившая согласіе на постановку въ тек. сезонѣ десяти оперныхъ спектаклей при незначительной субсидіи со стороны попечительства. Это обстоятельство дозволило сильно понизить плату за мѣста и сдѣлать ихъ вполнѣ доступными той публикѣ, которую имѣли въ виду иниціаторы дѣла. Достаточно сказать, что мѣста въ партерѣ стоили отъ 25 до 15 к., балконъ — 12 к., галлерея — 7 к. Въ видахъ привлеченія въ театръ, главнымъ образомъ, деревенской публики, значительная часть билетовъ была передана въ ближайшія къ городу волостныя правленія, другая часть продавалась въ народной чайной и т. д. Билеты раскупались довольно охотно, хотя, говорятъ, и не безъ скептическихъ улыбокъ. Въ воскресенье, 6 декабря, примыкающія къ театру улицы представляли очень интересное зрѣлище: около 12 час. дня туда потянулись группы деревенскаго народа пѣшкомъ и въ телѣгахъ, и между ними изрѣдка мелькали мѣдные знаки старшинъ и старостъ, которые вмѣстѣ съ волостными писарями и народными учителями устраивали публику въ необычной для нея театральной обстановкѣ. Къ часу дня театръ оказался переполненнымъ На первый разъ была поставлена «Жизнь за Царя». Содержаніе оперы предусмо-

трительно было изложено по отдѣльнымъ дѣйствіямъ на афишахъ, которыя выставлены были въ теченіе нѣсколькихъ дней и раздавались безплатно при продажѣ билетовъ. Все время публика, какъ казалось, съ видимымъ интересомъ слѣдила за тѣмъ, что происходило на сценѣ. Сравнительно элементарныя мелодіи глинкинской оперы, повидимому, увлекали слушателей и очень нравились имъ. Вообще спектакль имѣлъ несомнѣнный успѣхъ: народъ—настоящій сельскій крестьянскій людъ—съ удовольствіемъ прослушалъ оперу и охотно пойдетъ вновь въ театръ. Одни изъ зрителей прямо заявили, что не пропустятъ ни одного спектакля; другіе на слѣдующій-же день послѣ перваго представленія отправились въ мѣста продажи билетовъ, чтобы заблаговременно запастись ими на «Русалку». Число скептиковъ сильно сократилось. Интересно, что въ числѣ театральныхъ энтузіастовъ оказалась не только молодежь, но и не мало весьма почтенныхъ бородачей («Од. Лист.»).

Народный балъ. 31-го декабря, подъ Новый годъ, въ одесской народной аудиторіи состоялся, по примѣру прошлаго года, народный балъ, устроенный лекціоннымъ комитетомъ народныхъ чтеній. Залъ былъ красиво убранъ русскими флагами, тропическими растеніями и разноцвѣтными калильными лампочками; сцена также была изящно декорирована, а посерединѣ ея помѣщался скрытый между растеніями фонтанъ, эффектно освѣщаемый электрическими разноцвѣтными огнями. Подъ звуки военной музыки балъ начался въ 8 часовъ вечера при совершенно полномъ залѣ; къ началу вечера всѣ 800 билетовъ были распроданы (цѣна 30 к.), такъ что многимъ желающимъ пришлось отказывать въ доступѣ въ залъ. Весело и оживленно чередовались разнообразные танцы, а въ антрактахъ между ними хоръ любителей, составленный изъ рабочихъ и приказчиковъ, исполнялъ русскія и малороссійскія пѣсни; въ моментъ наступленія Новаго года хоръ этотъ вмѣстѣ съ оркестромъ исполнилъ народный гимнъ. Что-же касается состава публики, то въ этомъ отношеніи устроители постарались сдѣлать все, чтобы сохранить характеръ народнаго бала, т.-е. допустить къ нему лицъ простого физическаго труда. Съ этой цѣлью часть билетовъ была разослана въ мастерскія Юго-Западныхъ ж. д., на крупные фабрики и заводы, которые обращались въ комитетъ съ просьбой о билетахъ. Далѣе комитетъ позаботился снабдить билетами своихъ постоянныхъ слушателей лекцій въ аудиторіи, составъ которыхъ былъ ему болѣе или менѣе извѣстенъ. Наконецъ, при продажѣ билетовъ въ кассѣ производился опросъ лицъ, желавшихъ попасть на балъ, при чемъ опять преимущество отдавалось рабочимъ, дворникамъ, горничнымъ, служителямъ при казенныхъ и городскихъ учрежденіяхъ и т. д. («Од. Лист.»).

Два портрета Пушкина. По желанію многихъ коммиссій, собранныхъ для выработки программы чествованія столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина 26 мая 1899 года, Школьная Картопечатня И. Поддубнаго и К° издала два портрета нашего великаго поэта для школъ, точно воспроизведя въ увеличенномъ видѣ съ полутонами двѣ лучшія современныя ему гравюры: 1) Уткина по портрету Кипренскаго 1828 года и 2) Райта 1837 года. О первой изъ нихъ отецъ поэта, Кукольникъ и знакомые говорили, что «Уткинскій портретъ наиболѣе схожъ изъ всѣхъ до нынѣ вышедшихъ», а о второй современники выражались, «что она отличается полнѣйшимъ сходствомъ». Такъ какъ у многихъ коммиссій явилась мысль даровой раздачи портретовъ

А. С. Пушкина 26 мая 1899 года наличному составу учащихся на память объ этомъ днѣ, то Школьная Картопечатня постаралась способствовать такому благому стремленію, доведя до возможной дешевизны самое изданіе. Цѣна 1 экземпляру—30 к., 10 экз.—2 р. 50., 100 экз.—20 р., 500 экз.—75 р. Просятъ требованія присылать заблаговременно, точно обозначая, какой портретъ желателенъ: на темномъ (Уткина 1828) или свѣтломъ фонѣ (Райта 1837). Адресъ: С.-Петербургъ, Лѣсной, Школьная Картопечатня И. Поддубнаго.

Форма для воспитанниковъ учительскихъ семинарій. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, съ Высочайшаго Е. И. В. соизволенія, установилъ для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ ношенія металлическаго значка на фуражкѣ и на введеніе, не предписывая матеріала, блузы гимназическаго покроя и ременнаго пояса съ иниціалами семинаріи или школы на пряжкѣ, не распространяя, однако-жъ, сей мѣры на новочеркасскую учительскую семинарію («Пр. Вѣст.»).

Бюджетъ народныхъ учителей. Общество взаимнаго вспомоществованія учащимъ Тверской губерніи произвело изслѣдованіе о матеріальномъ положеніи своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Коммиссія, при посредствѣ которой производилось это изслѣдованіе, нашла, что въ настоящее время вознагражденіе учительскаго труда въ губерніи стоитъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ. Какъ минимумъ, коммиссія опредѣляетъ необходимый размѣръ вознагражденія въ 340 руб. въ годъ. При этомъ она основывается на такомъ разсчетѣ: средній мѣсячный расходъ по продовольствію опредѣленъ въ 10 р. 77 к., на покупки въ теченіе года одежды—въ 46 р. 53 к., обуви—14 р. 70 к. и т. п., на разъѣзды 26 р., на «пріемы и развлеченія» 20 р. Составленный на основаніи этихъ данныхъ докладъ будетъ разосланъ въ уѣздныя земства съ ходатайствомъ объ увеличеніи учительскаго жалованья («С.-Петерб. Вѣд.»).

Въ неурожайномъ районѣ. Существующее въ Казани Общество взаимопомощи учителей и учительницъ Казанской губерніи постановило обратиться къ подобнымъ-же Обществамъ, имѣющимся въ другихъ городахъ, съ просьбою о содѣйствіи въ дѣлѣ помощи тѣмъ учителямъ и учительницамъ Казанской губерніи, которые работаютъ въ сельскихъ школахъ и терпятъ въ настоящее время нужду вслѣдствіе чрезмѣрнаго вздорожанія жизненныхъ продуктовъ, явившагося послѣдствіемъ неурожая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество постановило возбудить еще ходатайство и предъ Краснымъ Крестомъ по этому-же поводу. Принимавшіе участіе въ обсужденіи этого вопроса казанскіе инспекторъ и директоръ народныхъ училищъ выяснили кромѣ того, что въ настоящее время почти въ каждой сельской школѣ, вслѣдствіе организованной при школахъ продовольственной помощи учащимся, число учениковъ и ученицъ удвоилось, а преподавательскій персоналъ не увеличенъ, и на него возложены еще тяжелыя обязанности по выдачѣ продовольственныхъ ссудъ и кормленію учащихся. Многіе изъ учителей обременены семьями, получаютъ-же за свой трудъ отъ 10-ти до 20-ти рублей въ мѣсяцъ, каковой суммы едва хватаетъ на прокормленіе даже въ обыкновенное время, когда цѣны на жизненные продукты вдвое ниже существующихъ теперь. Инспекторъ народныхъ училищъ опредѣлялъ размѣръ необходимой по случаю неурожая помощи каждому учителю и учительницѣ въ 50 руб., директоръ-же народ-

ныхъ училищъ и предсѣдатель земской управы утверждали, что такой суммы для иныхъ окажется недостаточно, такъ какъ для нуждающихся продовольственная помощь должна быть оказываема до того времени, когда будетъ собранъ новый хлѣбъ, т.-е. до осени. Вообще размѣры продовольственной помощи, нужной для сельскихъ учителей и учительницъ, не малы и дѣйствительно не подъ-силу мѣстному Обществу вспомоществованія учителямъ и учительницамъ. По заявленію инспектора народныхъ училищъ, сдѣланному въ томъ-же засѣданіи Общества, число сельскихъ учителей и учительницъ Казанской губерніи, нуждающихся въ этой помощи, не менѣе 1.000 человѣкъ («Рус. Вѣд.»).

Общество взаимнаго вспоможенія въ Смоленскѣ. Въ Смоленскѣ 4-го января состоялось общее очередное собраніе членовъ Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ учебныхъ заведеніяхъ губерніи. На собраніе явилось около 60-ти учителей и учительницъ народныхъ школъ различныхъ уѣздовъ; всего-же было болѣе 120 членовъ на этомъ собраніи. Изъ прочитаннаго отчета видно, что, несмотря на непродолжительное существованіе (всего 9½ мѣсяцевъ), Общество сдѣлало довольно значительные успѣхи: всѣхъ членовъ поступило 437, изъ нихъ учителей и учительницъ народныхъ школъ 232. Всѣхъ средствъ собрано за это время 2.300 р., кромѣ этого, губернскимъ и шестью уѣздными земствами и г. Смоленскомъ ассигновано въ пособіе Обществу 800 р. Затѣмъ при Обществѣ учреждены двѣ стипендіи для учащихся дѣтей народныхъ школъ, одна—имени покойнаго предсѣдателя губернской управы Н. А. Рачинскаго (капиталъ въ 1.400 р.) и другая—имени учителя гимназіи П. И. Любимова. Для усиленія средствъ предполагается правленіемъ устроить юбилейный вечеръ Л. Н. Толстого и чтеніе лекцій В. В. Лесевичемъ. Главной задачей въ ближайшемъ будущемъ Общество намѣтило себѣ заботу объ учащихся дѣтяхъ преподавателей народныхъ школъ, которые по недостатку средствъ часто лишены возможности дать должное образованіе своимъ дѣтямъ. Поэтому собраніе согласилось въ принципѣ съ предложеніемъ правленія устроить въ Смоленскѣ общежитіе для этихъ дѣтей и первоначально для мальчиковъ; подробная разработка этого вопроса поручена особой коммиссіи, съ приглашеніемъ въ нее особенно заинтересованныхъ народныхъ учителей, и для окончательнаго рѣшенія этого вопроса на пасхальныхъ каникулахъ будетъ созвано чрезвычайное собраніе членовъ. Чтобы познакомиться съ положеніемъ учащихъ въ начальныхъ школахъ, правленіе собираетъ свѣдѣнія на особо отпечатанныхъ и разсылаемыхъ бланкахъ; на этихъ-же бланкахъ учителя высказываютъ свои пожеланія относительно тѣхъ формъ помощи, которыя могло-бы взять на себя настоящее Общество. Подробная разработка полученныхъ свѣдѣній будетъ представлена одному изъ будущихъ собраній («Рус. Вѣд.»).

Школы Техническаго Общества. При постоянной коммиссіи по техническому образованію Русскаго Техническаго Общества учреждается, съ цѣлью правильнаго и цѣлесообразнаго распредѣленія пособій и изысканія способовъ усиленія средствъ, особый «комитетъ пособій». Пособіями изъ комитета могутъ пользоваться исключительно члены ссудо-сберегательной кассы для учителей и учительницъ школъ Техническаго Общества. На обязанности комитета лежитъ: пріемъ прошеній о пособіяхъ отъ членовъ ссудо-сберегательной кассы, ихъ вдовъ и сиротъ, опредѣленіе степени уважительности

прошенія по документамъ или черезъ личное освидѣтельствованіе, а также установленіе способа и размѣра пособія. Пособія выдаются деньгами и другими способами. Члены комитета, какъ во время ихъ управленія, такъ и по выходѣ изъ состава комитета, обязаны сохранять втайнѣ сдѣланныя имъ распоряженія («Нов.»).

Вторая учительская семинарія въ Новгородской губ. Новгородское губернское земское собраніе два засѣданія (18 го и 19-го января) посвятило разсмотрѣнію доклада губернской управы объ открытіи въ Новгородской губерніи второй учительской семинаріи въ память въ Бозѣ почивающаго императора Александра II. Въ виду крайняго недостатка въ губерніи достаточно подготовленныхъ учителей для начальныхъ народныхъ училищъ, собраніе единогласно признало необходимость открытія новой учительской семинаріи и большинствомъ голосовъ постановило открыть таковую исключительно на земскія средства, при чемъ оно поручило управѣ войти съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ передъ правительствомъ. Открытіе семинаріи проектируется не въ Новгородѣ, а въ 4-хъ верстахъ отъ Новгорода, въ с. Григоровѣ—имѣніи сельско-хозяйственной школы («Нов.»).

Первоначальное образованіе въ Харьковѣ. Коммиссія, занимающаяся вопросомъ объ улучшеніи постановки школьнаго дѣла въ Харьковѣ, представила на дняхъ въ думу интересный докладъ по этому поводу. Коммиссія выяснила, что въ Харьковѣ, при 200 тыс. населеніи, имѣется всего лишь 15 городскихъ нач. школъ съ 39 классами; въ этихъ школахъ обучается всего 1.713 дѣтей. Приходится ежедневно отказывать въ пріемѣ множеству дѣтей. Большинство школъ помѣщается въ арендуемыхъ зданіяхъ, которыя не благоустроены, тѣсны. Коммиссія рекомендовала думѣ соорудить въ Харьковѣ четыре большихъ зданія, въ которыхъ были-бы сосредоточены всѣ школы. При устройствѣ этихъ зданій число классовъ увеличится до 100, что дастъ возможность обучать ежегодно до 6.000 дѣтей. Въ текущемъ году коммиссія предлагаетъ приступить пока къ устройству двухъ школьныхъ зданій («Нов.»).

Школа имени Вс. Гаршина. Коммиссія, организованная для постройки школы имени Гаршина, въ настоящее время приступила къ пріобрѣтенію потребнаго на этотъ предметъ матеріала, часть котораго уже куплена. Къ работамъ по сооруженію школы будетъ приступлено въ началѣ весны текущаго года. При устраиваемой школѣ предполагаютъ организовать библіотеку, въ которой въ той мѣстности (поселкѣ Павловкѣ) среди населенія ощущается уже давно большая потребность («Южн. Кр.»).

Вспомоществованіе учащимся въ народныхъ школахъ. Въ Московскомъ Обществѣ грамотности поднятъ былъ вопросъ о вспомоществованіи учащимся въ народныхъ училищахъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Этотъ вопросъ въ засѣданіи Общества 2-го января рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Собраніе избрало особую коммиссію для сбора и распредѣленія пожертвованій и постановило въ теченіе года устраивать въ пользу голодающихъ дѣтей публичныя лекціи, спектакли, концерты и т. п. («Р. Вѣд.»).

Воззваніе Одесскаго Литературно-Артистическаго Общества.

М. Г. 26-го мая 1899 года исполнится **столѣтіе** со дня рожденія А. С. Пушкина.

Россія уже готовится къ торжественному чествованію памяти великаго поэта въ этотъ день.

Желая внести свою лепту въ это общерусское дѣло, Одесское Литературно-Артистическое Общество, въ засѣданіи литературной секціи, избрало особую Коммиссію, которой поручено: а) выработать программу празднованія 26 мая 1899 года нашимъ Обществомъ; б) собрать находящіяся въ частныхъ рукахъ письма Пушкина за время пребыванія его на **югѣ России**, а также его вещи и вообще предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ его памяти; в) собрать воспоминанія о немъ за то-же время; г) издать Литературный Сборникъ, включивъ въ него неизданныя письма Пушкина, воспоминанія о немъ за время пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ и литературно-критическія статьи, касающіяся дѣятельности поэта на Югѣ, и д) устроить въ помѣщеніи Общества «Пушкинскую комнату», собравъ здѣсь изданныя сочиненія Пушкина и литературу о немъ, бюсты и портреты Пушкина, автографы и предметы его и т. п.

Пребываніе Пушкина на Югѣ представляетъ очень важный моментъ въ его поэтической дѣятельности.

Годы 1820—1824—это Drang und Sturm Periode въ жизни Пушкина. Это—по справедливому замѣчанію одного критика Пушкина—«періодъ смутныхъ, титаническихъ стремленій еще несознающей себя вполнѣ, неопредѣлившейся натуры, броженіе еще незрѣлыхъ идей, исканіе прочнаго и свѣтлаго идеала, молодое возмущеніе противъ общества и людей, желаніе отстоять, во что-бы то ни стало, собственную самобытность противъ судьбы и жизни, не отвѣчающихъ идеальнымъ стремленіямъ молодого, еще неопытнаго сердца. У Пушкина этотъ періодъ его поэтическаго развитія совпадаетъ съ его увлеченіемъ байронизмомъ и освободительными идеями, бродившими тогда въ русскомъ обществѣ. Онъ оканчивается вмѣстѣ съ выѣздомъ его изъ Одессы и возвращеніемъ на Сѣверъ, въ грустную, сѣрую обстановку его Михайловскаго».

Такимъ образомъ, важность литературно-критической разработки матеріала о пребываніи Пушкина на Югѣ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Въ частности, въ предѣлахъ вышеозначенной программы, выполнится мечта, или желаніе самого поэта, вылившееся въ стихотвореніи «Къ Овидію».

Посѣтивъ мѣста (въ Бессарабіи), гдѣ когда-то влачилъ дни заточенія Овидій, нашъ поэтъ писалъ:

«Но если обо мнѣ *потомокъ поздній мой*
Узнавъ, *придетъ искать въ странѣ сей отдаленной*

Близъ праха славнаго *мой слѣдъ* уединенный,
Бреговъ забвенія оставя хладну тѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье!»

Правленіе сознаетъ, конечно, всю трудность настоящаго начинанія. Но оно надѣется, что цѣль до извѣстной степени можетъ быть достигнута при дружномъ, единодушномъ участіи Общества.

Въ виду этого, Правленіе считаетъ своимъ долгомъ просить почитателей великаго поэта оказать ему содѣйствіе посредствомъ сообщенія свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся до пребыванія Пушкина на Югѣ, или—указанія лицъ, къ которымъ можно было-бы обратиться за полученіемъ ихъ.

Правленіе съ благодарностью приметъ и матеріальную помощь для наилучшаго изданія Сборника, а также даръ—въ видѣ сочиненій Пушкина, бюстовъ, портретовъ его и т. п. предметовъ для образованія «Пушкинской комнаты»—и, наконецъ, статьи для Сборника.

Всѣ свѣдѣнія и запросы Правленіе проситъ адресовать на имя члена коммиссіи—секретаря Общества **Ивана Антоновича Смирнова** (Бульваръ, д. Маразли). Сообщенія могутъ направляться также на имя членовъ Коммиссіи: Александра Спиридоновича **Попандопуло** (редакція «Одесскаго Листка»), Николая Петровича **Цакни** (редакція «Южнаго Обозрѣнія»), Власа Михайловича **Дорошевича** (редакція «Одесскаго Листка»), Александра Митрофановича **Ѳедорова** (редакія «Южнаго Обозрѣнія»), профессора Алексѣя Ивановича **Маркевича** (Канатная, собств. домъ), Адольфа Игнатьевича **Черкасса** (Спиридоновская, № 7), Николая Гавриловича **Вучетича** (редакція «Южнаго Обозрѣнія»), Михаила Георгіевича **Попруженко** (Публичная библіотека), Митрофана Васильевича **Шимановскаго** (Ямская, собств. д., № 84) и Валеріана Николаевича **Петровскаго** (Ямская, д. № 92).

Предсѣдатель **П. Чеховичъ**.

Секретарь **И. Смирновъ**.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.
